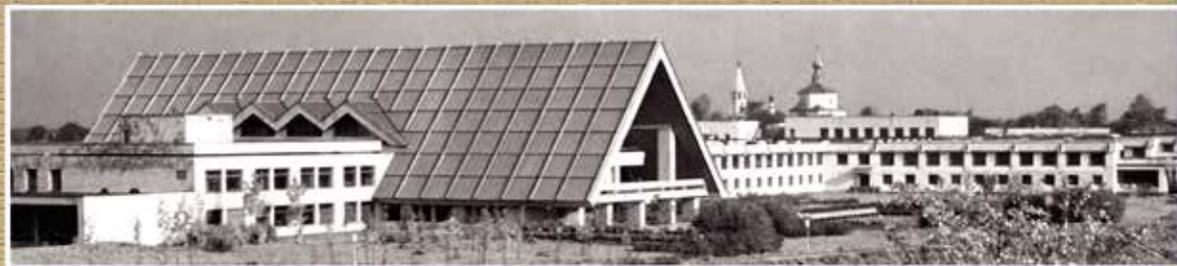

ВАЛЕРИЙ
БРУНЦЕВ

ВАЛЕРИЙ БРУНЦЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

КАК
СОЗДАВАЛСЯ
ГЛАВНЫЙ
ТУРИСТСКИЙ
КОМПЛЕКС
В СУЗДАЛЕ

Современные
мемуары

С
М

СОВРЕМЕННЫЕ
МЕМОАРЫ

С
М

Светлой памяти Марка Артуровича Орлова,
автора проекта Туристского Центра в Суздале, посвящается

ВАЛЕРИЙ
БРУНЦЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

КАК
СОЗДАВАЛСЯ
ГЛАВНЫЙ
ТУРИСТСКИЙ
КОМПЛЕКС
В СУЗДАЛЕ

*Сердечная благодарность от автора
Юрию Васильевичу Белову,
Виталию Иосифовичу Лепскому,
Виктору Игоревичу Яловкину
и Марии Владимировне Седовой –
за помощь в поиске архивных документов
и фотографий, а также за уточнение
исторических фактов.*

Валерий Брунцев. Современные мемуары. Преодоление.

Как создавался Главный туристский комплекс в Суздале. – Санкт-Петербург, ООО «ЛЮДОВИК», 2017. – 556 с.

Авторы созданного в Суздале в 1977 году Главного туристского комплекса были удостоены Государственной премии СССР. В их числе эту награду получил и автор предлагаемой читателю книги – Валерий Александрович Брунцев, представлявший на этом уникальном объекте интересы заказчика. Заслуга автора – в умении довольно органично соединить рассказ о людях, участвующих в этом деле, с рассказом о самом процессе организации большого и ответственного строительства, ставшего сегодня исторической вехой. В 2017 году отмечается 40-летний юбилей ГТК, являющегося основным объектом туристского центра в Суздале.

УДК 908(470.314)
ББК Д890(2Р344-4Вл)

© Валерий Брунцев. Текст и фотографии. 2017
© Виктор Радзиевский. Модель, дизайн. 2017

Издательство «ЛЮДОВИК»,
Санкт-Петербург, 2017

ВИТАЛИЙ ЛЕПСКИЙ

*Главный инженер проекта туристского центра в Суздале,
лауреат Государственной премии СССР,
академик Международной Академии архитектуры*

Когда невозможное возможно

Предлагаемая читателю книга Валерия Александровича Брунцева – это в значительной степени автобиография разностороннего и, я бы сказал, неуёмного человека. Но не только. Это ещё и тщательно подобранные и талантливо рассказанные эпизоды строительства и пуска в эксплуатацию тех замечательных объектов, в создании которых автору довелось принять непосредственное участие.

Воспоминания Брунцева возвращают нас к семидесятым годам прошлого века, когда по решению советского правительства в старинном городе Суздале создавался первый в нашей стране крупный туристский комплекс. На территории будущего комплекса царило полное запустение – и в городском хозяйстве, и в знаменитых суздальских храмах. Там сохранялись, но бездействовали пять монастырей и тридцать церквей. Так что за время создания туркомплекса многое делалось для налаживания достойной жизни суздальчан – они получили центральное отопление, водоснабжение и канализацию, электроподстанцию, объездную дорогу. Были отреставрированы все основные архитектурные памятники, расширен Владимиро-Суздальский музей, благоустроены улицы. В центре города появились здания городской администрации, почты и телеграфа, отделение банка. Возник новый жилой район малоэтажных домов для строителей и сотрудников турцентра. Всем этим занималась дирекция турцентра и в первую очередь – её главный инженер Брунцев.

Однако наибольшие трудности породила сама советская система, её неэффективная экономика. Срывались сроки строительства, Брунцеву постоянно требовались поистине героические усилия для спасения ситуации. Рассказ об этом читается как приключенческая история, но уверен, такого анализа производственных отношений прошедшей эпохи читателю больше нигде не найти. Книга заставляет задуматься и о роли заказчика при строительстве объектов особой архитектурной и градостроительной значимости. Заказчик обязан хорошо разбираться в строительных и отделочных материалах, технологическом оборудовании, мебели и хозяйственном инвентаре. Он должен строго следить за выполнением строителями авторских замыслов, а если нужно, то даже корректировать архитектурные и художественные решения. Трудно найти человека более подходящего для выполнения этой миссии, чем Брунцев. Недаром куратор нашей стройки, зампред Владимирского облисполкома Александр Александрович Зенкович говорил: «Валерий Александрович в кратчайший срок совершил неимоверную, немислимую работу!»

Современному читателю, особенно молодому, трудно представить, что при планировании и распределении всего и вся, в любом производстве возникали потребности в элементарных конструкциях и материалах, в комплектующих деталях, в необходимом инструменте. Страна жила в условиях дефицита, который распространялся не только на продукты и услуги, он проявлялся в любом производстве. Об этом довольно красочно рассказывает книга, а также о том, как деятельные люди находили выход из положения, заставляя колёсики системы крутиться ради общественного блага. Валерия Александровича неизменно выручало умение везде находить хороших людей – умных, умелых и некорыстных. Ему всегда удавалось заразить их своим энтузиазмом, побудить к участию в грандиозном деле. И также было естественным вникнуть в производственные нужды своих партнёров и, если надо, тоже подставить плечо. Со временем такие контакты нередко перерастали в дружбу.

Вообще, если человек талантлив, то проявляется это всегда неоднозначно. Валерий Александрович, ныне живущий в Петербурге, ещё и музыкант, и страстный собиратель музыкальных инструментов народов мира. Он блестящий фотограф, автор нескольких очень разных книг, например, о музыкальной этнографии и истории Великой Отечественной войны. А теперь вот – о строительстве и архитектуре.

Но, мне кажется, главная его способность – глубоко вникнуть в архитектурный замысел и всеми силами способствовать его осуществлению и совершенствованию. Именно поэтому Брунцев безоговорочно был включен в состав авторского коллектива, удостоенного Государственной премии СССР.

Есть на Руси такие «благословенные» уголки, в которых жизнь замирает. Кругом все движется вперёд, люди к чему-то стремятся, портят себе нервы, мечтают, словом, – живут.

А рядом существует угол, в котором жизнь отлилась в определённую форму, да так и застыла. И нет в этом углу такого человека, который взял бы молот и разбил эту отливку, часто уродливую по своей форме и оскорбительную для взгляда, привыкшего к красоте, – красоте стремительного движения вперед!

«Владимирская газета», 1 января 1903 г.
Корреспондент Одинокий

Скоро в Суздаль будут ездить туристы не только осматривать Спасо-Евфимиев монастырь, но и посмотреть на обетованную землю, где между кисельными берегами текут молочные реки...

«Владимирская газета», 11 июня 1903 г.
Корреспондент Одинокий

Покровский монастырь.
Суздаль. Фото В. Брунцева.
1984

МОЯ ДОРОГА В СУЗДАЛЬ

– Товарищ лейтенант,
вас к телефону, – сержант
Филатов быстрым
движением передал мне
телефонную трубку.
Я знал, что это звонит
Решетов из Владимирского
облисполкома. Больше
некому.

Одинокий путник у стен Покровского монастыря. Суздаль.
Фото В. Брунцева. 1977

Неожиданное препятствие

– Валерий Александрович, здравствуйте. – Голос в трубке был невесёлым. – К сожалению, ничем обрадовать вас не могу. Ваша анкета в обкоме не прошла.

– А почему, Александр Иванович? – удивился я. – С биографией у меня вроде всё в полном порядке...

Речь шла об анкете, которую я вчера оставил во Владимире.

Возраст – 31 год.

Отец – офицер Красной Армии, погиб на фронте в 1945 году, в Венгрии.

Мать – переплётчица, живёт в Барнауле, работает в Алтайском крайисполкоме.

Образование – высшее, в 1963 году окончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта по специальности «Строительство мостов и тоннелей».

Национальность – русский.

В комсомоле состоял.

Судимости не имею. Родственников за границей нет.

Валерий Брунцев,
лейтенант
железнодорожных
войск

Владею английским – читаю и перевожу со словарём.

После окончания института поехал на целину – работал в Кокчетаве старшим мастером дистанции пути Казахской железной дороги. Перешёл работать на стройку, был мастером, прорабом, четыре месяца исполнял обязанности главного инженера СМП-296 Минтрансстроя СССР. Строил жилые дома, школы, детские сады, Дом Советов, а в посёлке совхоза «Красноярский» под Кокчетавом – большинство объектов. Получил много поощрений и благодарностей.

В настоящее время заканчиваю двухгодичную воинскую службу в Советской Армии. Имею медаль «За воинскую доблесть» и знак «Отличник военного строительства».

Женат, имею двоих детей. Жена работает прокурором в Кокчетавской областной прокуратуре.

Почти двадцать лет участвую в художественной самодеятельности.

– Так-то оно так! – отвечает мне Решетов, – с биографией у вас всё очень хорошо, но вот в графе «партийность» стоит прочерк.

– Ну, и что такого? Многие главные инженеры строек – беспартийные.

– Я вас хорошо понимаю, – вздыхает Решетов. – На стройках, может, и есть такие. Но вам предложили место главного инженера в дирекции по строительству крупного туристского центра. Первого в стране! Должность эта в прямом подчинении облисполкому, а работа связана не только с вопросами строительства. Вам придётся обращаться к руководителям области, за объектом пристально следят и первый секретарь обкома партии, и председатель облисполкома. Ещё бы! Центр создаётся по решению правительства, его курирует лично Вячеслав Иванович Кочемасов, заместитель председателя Совмина.

Я не отступаю:

– Нашу стройку тоже лично курировал начальник штаба железнодорожных войск генерал Жижилашвили. Между прочим, Герой Социалистического Труда. К нам постоянно приезжали с проверкой полковники, и мы все вопросы решали. Да я и сам часто бывал в штабе корпуса, в Управлении железнодорожных войск. И всё получалось совсем неплохо...

Решетов слушает внимательно и уже более дружелюбным тоном продолжает:

– Валерий Александрович, ситуация следующая. Из-за сложностей с финансированием начальник дирекции Рыжов с утра до ве-

чера то в областном Стройбанке, то в Москве – в Совмине РСФСР, в ВЦСПС, в «Интуристе». Главного инженера мы полгода назад уволили. Так что сейчас строительство брошено на самотёк. На плечи будущего главного инженера ляжет решение огромного круга вопросов, причём не только во Владимире – в министерствах и ведомствах РСФСР, а может, и выше.

Я слушаю, стараясь воспринимать эти веские доводы, а сам в это время думаю: за своё ли дело берусь? Потяну ли эту стройку в роли заказчика такого крупного объекта? За плечами у меня всего восемь лет производственного стажа, и только последние два года я «в верхах» решал вопросы, связанные с делами нашего воинского соединения. Ездил в Свердловск, в Москву, общался с руководителями Владимирского облплана, Муромского горисполкома...

Собственно говоря, я и не рвался на это место. Вариант с новым назначением возник совершенно неожиданно. Когда до окончания моей офицерской службы в армии оставались считанные дни, меня командировали во Владимир. Я выехал из Мурома на рассвете, и к началу рабочего дня был уже на месте. Быстро справившись с заданием, решил проскочить в Суздаль. Захотелось на прощанье ещё раз прикоснуться к красоте древнего города – я был там год назад со своим комбригом полковником Платоновым.

На автовокзале узнал, что мой автобус только что ушёл, а до следующего рейса больше двух часов. Взял в кассе билет, и чтобы не терять попусту время, решил зайти в облплан (он находился в здании бывших Присутственных мест). Хотелось поблагодарить людей, которые два года помогали мне решать бесконечные вопросы, связанные с жизнью нашего воинского соединения. Среди тех, с кем я зашёл проститься, были председатель облплана А. А. Баранов, его заместители А. А. Савельев и А. И. Ельцов, начальники секторов – Р. А. Сидорова, Г. Ф. Елисева, К. М. Никитина.

Выйдя от них, я направился к зданию облисполкома, расположенного по соседству. Не терпелось напоследок повидаться с А. А. Зенковичем, заместителем председателя облисполкома. С самого первого дня знакомства у нас сложились удивительно тёплые отношения, несмотря на разницу в возрасте и положении.

Александр Андреевич встретил меня радушно. Узнав, что я собираюсь уезжать домой, в Казахстан, он задал мне неожиданный вопрос:

– А что, если мы предложим вам остаться во Владимире?

Поймав мой удивлённый взгляд, с энтузиазмом продолжал:

Александр Андреевич
Зенкович, заместитель
председателя
Владимирского
облисполкома

– Есть весьма интересная и престижная работа, хотя и довольно ответственная: главный инженер дирекции по строительству туристского центра в Суздале. Мы давно ищем такого человека, как вы. Не отвечайте сразу. А знаете что? У вас найдётся свободных два-три часа?

– Конечно.

Зенкович тут же кому-то позвонил:

– Александр Иванович, когда вы последний раз были в Суздале? Да, давненько. А можете сейчас зайти ко мне? Хочу познакомить вас с интересным человеком. И если вы не против, проедем по строящимся объектам турцентра...

Через несколько минут в кабинет вошёл довольно высокий мужчина лет пятидесяти, приятной наружности. Я обратил внимание, что он обладал прекрасным бархатным баритоном – такому, наверно, могли бы позавидовать многие артисты.

– Знакомьтесь, – обратился ко мне Зенкович, – Александр Иванович Решетов, начальник отдела по организации туризма при нашем облисполкоме.

Потом представил меня:

– А это наш кандидат на должность главного инженера дирекции в Суздале.

Мы обменялись рукопожатиями. Я помню, что сразу проникся к этому человеку симпатией.

Несмотря на конец ноября, был довольно тёплый день, по-осеннему ярко светило солнце. Мимо нас к Дмитриевскому собору двигалась большая группа иностранцев. Впереди с высоко поднятым вверх флажком шла девушка-гид... Настроение у меня было приподнятое – я направлялся в Суздаль в компании весьма достойных людей. Билет на рейсовый автобус решил сохранить на память.

Стройка – любовь моя!

В 1963 году, после окончания Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта меня направили в распоряжение начальника Казахской железной дороги. Первые два с половиной года работал старшим мостовым мастером второй Кокчетавской дистанции пути. Эта организация должна была содержать в порядке железнодорожные пути и разные сооружения – от мостов до водопропускных труб. Скучать не приходилось, особенно если случались аварии или снежные заносы.

Пришлось заняться и новостройкой. По поручению начальника Кокчетавского отделения дороги Мажита Нурзалиновича Исмаилова, мне удалось из старого двухэтажного рубленого дома построить на станции Тайнча приличный клуб на триста мест. И как-то сразу строительное дело мне полюбилось.

Пригласили на работу в систему Министерства транспортного строительства СССР – мастером, а потом прорабом. Это была хорошая жизненная закалка. При двухсменной работе участка отдыхать удавалось всего пару дней в месяц. В выходные разгружали долгожданные вагоны из Целинограда, составляли «процентовки», часто работали в авральном режиме – план надо было выполнять любой ценой.

Но вот осенью 1968 года я получил повестку из Кокчетавского военкомата. Областной военком в чине полковника сообщил:

– Вы как офицер запаса призваны на действительную военную службу в железнодорожные войска сроком на два года.

Я мог выбирать: строительство линии Тюмень-Сургут или Байкало-Амурская магистраль. Решил ехать на БАМ. Во-первых, романтика, суровые условия, во-вторых, на строительстве бамовских мостов и тоннелей работали многие мои однокашники по институту.

В тот же день меня ждал ещё один сюрприз – у меня родился сын! Мы назвали его Александром в честь моего погибшего на фронте отца. Теперь я стал отцом двух детей (тремя годами раньше родилась дочка Лена).

Назавтра я уже шагнул в военкомат оформлять документы. Но тут произошла судьбоносная, как сейчас говорят, встреча. Она круто изменила мою жизнь.

Рядом со мной остановился воинский газик главного инженера железнодорожной бригады полковника Минаева. Штаб бригады находился рядом с конторой нашей строительной организации СМП-296. Мы, можно сказать, дружили «домами» – поддерживали добрые отношения, помогали друг другу. Я частенько выделял Минаеву своих отделочников – штукатуров, маляров, столяров, а он нам – транспорт и строительную технику.

Я поделился новостью: вот, мол, призвали в армию, собираюсь на далёкую сибирскую стройку. Минаев открыл дверцу:

– Садись-ка в машину. – И повёз меня к тому же областному военкомату – они, оказывается, были близко знакомы. Не успел я моргнуть глазом, как два полковника договорились: я остаюсь в Кокчетаве и буду служить в штабе воинской бригады Минаева. Зная, что в последние месяцы я исполнял обязанности главного инженера строительной

Я мог выбирать: строительство линии Тюмень-Сургут или Байкало-Амурская магистраль. Решил ехать на БАМ.

организации, он добился моего назначения на майорскую должность начальника оперативного отделения штаба бригады.

В это время правительство страны приняло решение о полной реконструкции железнодорожной линии Москва-Арзамас. Существующая однопутная трасса, связывающая Москву с Уралом, Сибирью и Дальним Востоком, катастрофически не справлялась с растущим потоком грузов. Кроме того, на этой магистрали находился бурно развивающийся сверхсекретный центр ядерной промышленности – город Арзамас-16.

Для выполнения такой грандиозной задачи было решено привлечь мощные силы железнодорожных войск. Уже в ноябре появился Приказ Министерства обороны СССР на передислокацию нашего воинского соединения из Кокчетав в Муром. Нужно было в сжатые сроки провести масштабные работы по строительству вторых путей на 200-километровом участке железнодорожной линии Куровская-Муром – с полной электрификацией и комплексным обустройством всей трассы.

Получив этот приказ, мы с заместителем командира бригады полковником Сарафовым-Петросяном побывали в Муроме и Владимире, познакомились с партийными и советскими руководителями. Не успели вернуться в Кокчетав – новая командировка, теперь уже с нашим комбригом, полковником Платоновым. На этот раз мы встретились с первыми лицами – первым секретарём Владимирского обкома партии М. А. Пономарёвым и председателем облисполкома Т. С. Сушковым. Разве мог я тогда знать, что в будущем эти знакомства сыграют важную роль?..

Итак, я, 31-летний лейтенант, назначен начальником оперативной группы, состоящей из двенадцати офицеров и двух приданных взводов солдат, и в срочном порядке направлен в Муром. За два месяца нужно подготовить места для разгрузки всех частей и подразделений нашего соединения, чтоб потом разместить их вместе с личным составом, военно-техническим имуществом и базами, а также сделать всё для обеспечения наших частей электроэнергией, теплом, водой, телефонной связью, фондами на горюче-смазочные материалы.

Поводом для призыва меня и многих тысяч других запасников на службу послужила ситуация, когда наша армия оказалась практически без младшего комсостава. Ещё в пятьдесят седьмом году под напором первого секретаря ЦК КПСС Хрущёва прошло большое сокращение высшего и среднего офицерского командного состава армии. Появился печально известный приказ Министра обороны под номером 100, сло-

мавший многие тысячи человеческих судеб. Уволенным в запас офицерам – в прошлом фронтовикам – предлагали подчас совсем неподходящую для них работу. Газеты приводили в пример майора, который пошёл на ферму... дояром.

В те годы многие военные учебные заведения в стране закрылись, желающих стать кадровыми военными становилось всё меньше, девушек, мечтающих выйти замуж «за офицера», заметно поубавилось... Былой престиж армии был утрачен. В шестидесятых годах даже шутка появилась: «Как надену португею, так тупею и тупею!»

В армии нас называли двухгодичниками. Мы все окончили вузы, прошли подготовку на военной кафедре, после военных сборов нам присвоили звание младших лейтенантов запаса. Призыв в армию десятков тысяч свежих резервистов в тридцатилетнем возрасте, имеющих опыт работы на производстве, конечно, укрепил её ряды, но народному хозяйству страны был нанесён большой ущерб.

Пока я служил, мне несколько раз предлагали вступить в партию, но я отказывался. Так же настойчиво рекомендовали остаться в армии, обещая ускоренное продвижение в чинах: сначала – штаб корпуса, потом – Москва, Управление железнодорожных войск.

Но такая перспектива меня не вдохновляла, я предпочитал самостоятельность беспрекословному воинскому подчинению. Да и вообще в последние годы полюбил стройку, почувствовал вкус к отделке интерьеров. А заниматься приходилось другим: отсыпкой земляного полотна, укладкой железнодорожных путей, строительством мостов и водопропускных труб. К тому же, я считал, что в тридцать один год несерьёзно продолжать служить в звании лейтенанта, хотя бы и старшего, с тремя звёздочками. Ты же не выпускник военного училища, а довольно опытный инженер. А в армии многое определяется воинскими званиями – должности, зарплата, престиж. Мне, офицеру штаба бригады, часто приходилось первому отдавать честь какому-нибудь безусому юнцу – старшему лейтенанту, командиру взвода...

Суздальский разворот – взгляд сверху

Все двадцать пять километров до Суздаля Зенкович и Решетов рассказывали мне о строительстве туристского центра, не скрывали и серьёзных проблем. Я узнал о спорах и разногласиях при разработке генерального плана города, о создании проекта турцентра, о выборе

Александр Иванович Решетов, начальник отдела по организации туризма Владимирского облисполкома

*Здание дирекции
по строительству
турцентра
в Суздале.
Фото В. Брунцева.
2016*

площадки для главного туркомплекса. Чувствовалось, что этих людей увлекает новое дело.

За разговорами незаметно въехали в город. Оказавшись в центре, я обратил внимание на полуразрушенное здание торговых рядов, убогий вид церквей и ужасное состояние дорог. Решетов перехватил мой взгляд: «Скоро здесь всё изменится, программа создания турцентра предполагает реставрацию памятников старины, реконструкцию зданий и, конечно, улучшение дорог».

Первым делом мы отправились в дирекцию по строительству турцентра – она обосновалась в красивом кирпичном здании бывшего Ризоположенского монастыря, неподалёку от Святых ворот.

Нас уже ждали. Начальник, Владимир Иванович Рыжов, вышел на встречу. В его кабинете весь стол был завален папками с документами. Рядом сидела приятная женщина лет тридцати пяти – экономист Зинаида Николаевна Бушнева. Чувствовалось, что она с головой погружена в дела – вокруг лежали всевозможные сметы и титульные списки. Мы заглянули в бухгалтерию и познакомились с главбухом В. А. Бордовской. Кабинет отдела комплектации оказался пустым – все снабженцы и даже начальник в командировках. В техническом отделе

*Панорама
Суздаля
Фото
В. Брунцева.
1971*

стеллажи снизу доверху были забиты проектно-сметной документацией. На месте мы застали только двух инженеров по технадзору, остальные были на стройке. В общем, мы поняли, что обстановка тут довольно напряжённая.

В дирекции знали, что Зенкович привёз на смотрины кандидата в главные инженеры. Сотрудники с интересом поглядывали на меня, и я чувствовал, что их смутила моя военная форма.

Поехали на стройку – впереди на белом «Москвиче» Рыжов, мы за ним. Осмотрели школу – там шла отделка. Объект был вводным, но, судя по состоянию дел, работы оставалось ещё на полгода.

В посёлке уже было заселено пятнадцать двух- и трёхэтажных домов. На одном работали монтажники. Решетов (а он возглавлял областной Совет общества охраны памятников истории и культуры) пояснил мне, что такая высота зданий – непереносимое требование авторов суздальского проекта. Ни одно здание не должно возвышаться над историческими постройками, церквями и монастырями.

По дороге Александр Андреевич рассказал о структуре строительных подрядных организаций. Оказывается, была образована специальная генподрядная организация – СМУ «Суздальстрой», которая

находилась в ведении Владимирского строительного-монтажного треста № 94, а тот в свою очередь входил в структуру областного управления строительства, находящегося в подчинении Министерства строительства СССР.

...В промышленной зоне работа кипела: всюду самосвалы, автокраны, экскаваторы, бульдозеры, скреперы! Шла укладка инженерных коммуникаций. На обочинах в беспорядке валялись трубы, возле траншей – огромные катушки с электрическими силовыми кабелями.

Кругом сновали дорожники. Полным ходом шло строительство второстепенных объектов – комбината полуфабрикатов, прачечной, складов продовольственных товаров, медицинского оборудования и гражданской обороны. Зенкович был этим крайне недоволен: «Надо бросить все силы на главные объекты». Рыжов сделал пометку в своём блокноте.

В здании котельной рабочие заливали бетонные фундаменты под котлы и укладывали железобетонные лотки под коммуникации. Плотники торопились к зиме установить окна. В углу в беспорядке было расставлено крупногабаритное оборудование – два котла ДКВР-20, экономайзеры и несколько мощных вентиляторов. По всему было видно, что ситуация авральная, ведь от пуска тепла и горячей воды напрямую зависел ввод жилья и основных объектов туризма... Разве мог я тогда знать, что на два ближайших года эта котельная станет главным моим делом?

Очистные и водозаборные сооружения находились в более выигранном положении, по всему видно, что на будущий год их сдадут. Затруднения были только со станцией обезжелезивания воды.

По пути к главному туристскому комплексу мы заехали в Покровский монастырь, где в скором времени разместится Гостинично-музейный комплекс на 135 мест. Рыжов объяснял:

– Эти полусгнившие дома снесут, на их месте поставят рубленые – это будут гостиницы с интерьерами под старину. В старинном здании трапезной задумано устроить ресторан, а в соборе – там прекрасная акустика – концертный зал, где будет звучать старинная хоровая музыка.

Мне как любителю музыки это особенно понравилось.

Через четверть часа мы оказались на северо-западной окраине города, в районе с прозаическим названием Коровники. Вышли из машины и через полсотни метров попали в какое-то сказочное место. С высокого берега Каменки неожиданно открылась вся панорама строительства Главного туристского комплекса. На дальнем плане, на таком же высоком берегу были видны мощные стены и башни Спасо-Евфимиева монастыря, а чуть правее, над крышами одноэтажных жилых домов, – купол собора Покровского

монастыря. Вдали за ним возвышался шпиль колокольни Ризоположенского монастыря, построенной в честь победы над Наполеоном. Это была созданная самой природой естественная видовая площадка.

Я не мог не оценить мастерское решение сложной архитектурной задачи: из самого Суздаля, древнего города с десятками куполов, колоколен и сотней небольших зданий, огромный строящийся туркомплекс практически не был виден!

Александр Андреевич объяснил, что в ГТК, как коротко именуется главный туристский комплекс, входят гостиница, ресторан, киноконцертный зал и бассейн. Общая длина здания, не считая примыкающих к южной части гостиницы трёх поперечных ризалитов, составляла аж 350 метров.

Сверху было хорошо видно, что почти одновременно по всему корпусу велась кирпичная кладка. Всё утопало в строительных лесах, на переднем плане огромный кран разгружал мощные металлоконструкции для ресторана. Небольшой трактор тащил на стальном тросе прямо по земле балку. Чуть подалее труженик-копёр забивал в грунт последние сваи. Местами шла заливка бетонных ростверков и фундаментов. Суэта, самосвалы, автомобильные краны... Впечатление вселенского хаоса! Повидимому, понимая моё состояние, Зенкович слегка развёл руками.

Слева, на двух корпусах гостиниц для автотуристов, имеющих ещё непривычное для слуха название – мотели, заканчивалась кладка стен на вторых этажах, а кое-где велись даже кровельные работы. На двух близ расположенных корпусах заливали фундаменты. Вдали, за административным зданием, строилась станция технического обслуживания автомобилей, новинка того времени. Все постройки, кроме шатрового ресторана, похожего на огромный шалаш, как и полагалось по проекту, были высотой не больше двух этажей.

Сначала мне показалось, что строящиеся здания разбросаны в пойме реки в каком-то хаотическом беспорядке, и все вместе напоминают огромную каракатицу. Но приглядевшись, я понял, что это впечатление создаёт крутой разворот реки, а на самом деле всё подчинено строгой логике и грамотно вписано в природу. Неожиданно эта картина напомнила мне уменьшенную копию панорамы строительства Красноярской ГЭС на Енисее.

Пока я рассматривал впечатляющий индустриально-строительный пейзаж, Зенкович и Решетов увлечённо расписывали, как через три-четыре года здесь вырастет турцентр – самого высокого международного уровня. И тут я осознал, какое счастье внезапно свалилось

Стоя тогда на высоком берегу Каменки, я даже представить себе не мог, какой труд предстоит вложить в это дело...

Владимир Иванович Рыжов, начальник дирекции по строительству суздальского турцентра (с 1968 г. по 1973 г.)

на меня. Мне предлагают руководить огромной стройкой союзного значения! Это же настоящий профессиональный вызов.

Стоя тогда на высоком берегу Каменки, я даже представить себе не мог, какой труд предстоит вложить в это дело, сколько дорог исколесить, сколько порогов высокопоставленных начальников обить, сколько бессонных ночей провести на вокзалах и в аэропортах. Мог ли я отказаться от такого предложения? Конечно, нет! Я понял – это мой «золотой шар».

– Ну как, вы согласны? – хитро прищурясь, спросил Александр Андреевич, едва мы сели в машину. И, не дождавшись ответа, – он был ему и так ясен – деловито сообщил:

– В первом же готовом доме мы дадим вам трёхкомнатную квартиру, получите служебную машину – вам предстоит много ездить, в том числе и в Москву. А для вашей жены подыщем место по специальности – в прокуратуре или в областном отделе юстиции. Здесь проблем не будет.

Александр Андреевич сказал не «я дам вам квартиру», а «мы дадим вам квартиру». Это придавало какую-то особую значимость его словам.

Вернувшись в облисполком, мы зашли к председателю. Тихон Степанович Сушков принял меня приветливо, после нашей короткой беседы позвонил первому секретарю Владимирского обкома партии Пономарёву и, получив его добро, дал команду Зенковичу:

– Оформляйте!

Прощальный ужин

На служебном военном газике вечером я выехал из Владимира. Всю дорогу провёл в мечтах о будущей работе. Вот это объект, вот это размах! На другой день в штабе железнодорожной бригады рассказал друзьям о неожиданном предложении. Все были за меня рады, в том числе и комбриг Платонов.

А вечером раздался тот самый звонок Решетова, с которого я начал рассказ, и мою эйфорию словно ветром сдуло. Ещё вчера я был уверен, что скоро стану главным инженером строящегося суздальского турцентра. Даже согласился выйти на работу на следующий день после увольнения, наплевав на двухмесячный отпуск, положенный по закону. И вот тебе – на! Анкета не проходит! Беспартийный, видите ли! А что ж тогда везде пишут о нерушимом блоке коммунистов и беспартийных? Для красного словца?

Я ещё не понимал, что предложенная мне работа – это путь в Систему, куда все её члены попадали по одному и тому же сценарию. Человек, попавший в Систему, по словам Даниила Гранина, был «вхож». А без этого работать «на должности» было невозможно.

Чувствуя моё разочарование, Александр Иванович, предложил:

– А почему бы вам не вступить в партию? Подумайте об этом. Руководству облисполкома очень хотелось бы видеть вас на этой должности. Всё равно в будущем этого не миновать и мимо партии вам не пройти – не будет ходу!

– Хорошо, я подумаю.

Скорее всего, Решетов прав. Я обычный советский человек, взращённый нашей советской системой. Никакой другой мы не знали да и не хотели знать. Но я давно решил для себя, что, работая с полной отдачей сил, вполне могу оставаться беспартийным. Потому что много раз видел, как в партию вступали ради карьеры и продвижения по службе. К тому же, мне претили чванство и снобизм некоторых партийных деятелей, особенно мелких. Вот, например, Легомин, секретарь парторганизации второй Кокчетавской дистанции пути, – абсолютно недалёкий, даже нечистоплотный человек. Каждое своё выступление на собраниях он начинал высокопарными словами: «Товарищи, мы марксисты-ленинцы...» Рассказывали, что на другой день после разоблачения культа личности Сталина, он, вчерашний ярый сталинист, указывая однопартийцам на гипсовый бюст вождя, заявил: «Смотрите, какая сволочь оказался!»

Или один из секретарей райкома в Казахстане. Как-то во время нашего довольно острого разговора он, понимая, что крыть нечем, с апломбом заявил: «Учтите, товарищ Брунцев – я назначен на эту должность волею партии!»

Понимаете, что мне претило? Не партия как таковая, нет, отдельные функционеры, которых было немало. Когда я всё это откровенно высказал Решетову, он сумел найти простые слова, которые меня убедили больше, чем призывы всех партторгов и политработников вместе взятых:

– Валерий Александрович, в нашей партии около четырнадцати миллионов человек, и хороших людей там должно быть как можно больше! Вступайте.

И я решил вступать.

Через час я сидел в кабинете замполита нашей бригады полковника Тимошенко.

– Молодец, лейтенант Брунцев, – обрадовался он, – наконец-то вы созрели. Пишите заявление, и я лично дам рекомендацию. Думаю,

Я ещё не понимал, что предложенная мне работа – это путь в Систему, куда все её члены попадали по одному и тому же сценарию.

Прощальный ужин
в армии. В верхнем
ряду крайний слева —
В. А. Брунцев. Муром.
1970 г.

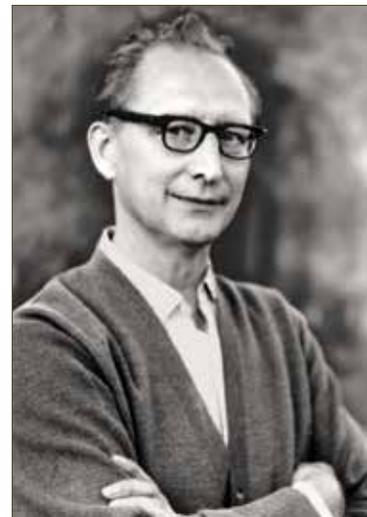
подполковник Котляр и ваш непосредственный начальник полковник Минаев тоже не откажутся.

Через полчаса состоялось внеочередное заседание партбюро, на котором в течение пяти минут – практически без обсуждения моей кандидатуры – я был принят кандидатом в члены КПСС. Тут же позвонил Решетову. Он связался по внутреннему телефону с обкомом партии. И вот я услышал его радостный голос:

– Поздравляю, ваша кандидатура с обкомом согласована! Скорее выходите на работу, ждём вас!

Ещё несколько дней назад я планировал поездку в Кокчетав, к своей семье, от которой был оторван два года, как и все мои армейские друзья-двухгодичники – Сергей Токарев, Владимир Плюснин, Борис Мурзинцев, Аркадий Горбунов. А сегодня смотрю совсем в другую сторону – на Суздаль.

Вечером я устроил прощальный ужин с самыми близкими друзьями-офицерами: полковником Малышевым, подполковником Котляром, майорами Рязанцевым, Поповым, Бабиковым, Федуловым, Бустеряковым, капитаном Бибиным. Жаль, не было подполковника Рубинштейна (уехал в столицу) и моего лучшего армейского друга – лейтенанта Аркадия Горбунова (дежурил по своему батальону). А наш бывший комбриг полковник Платонов в это время принимал штаб корпуса в Харькове, готовился к получению генеральского звания. Сколько же тёплых слов и напутствий я услышал этим вечером...

Николай Андреевич
Беспалов, главный
архитектор
Мурома.
Фото В. А. Брунцева.
1969

Былинный камень
при въезде
в Муром.
Выполнен
по проекту
архитектора
Н. А. Беспалова
скульптором
С. Н. Николаевым

Утром со своим нехитрым скарбом, состоящим из двух чемоданов, нескольких коробок с книгами, нотами, фотографиями и грампластинками, с любимыми фотоаппаратом «Зенит» и гитарой в руках, я отправился – теперь уже на бывшем своём воинском газике – к новому месту работы. В машине сидел мой друг, главный архитектор Мурома Николай Андреевич Беспалов.

По традиции мы остановились за чертой города, у «Былинного камня» – памятника русскому богатырю Илье Муромцу. Это композиция почти пятиметровой высоты, вырубленная из камня. Выпили на посошок.

Мой путь лежал через Владимир. Расстояние до Суздаля было небольшим, всего около ста шестидесяти километров. Дорога нам с водителем-ефрейтором была хорошо знакома, мы и раньше часто колесили по ней до Владимира и обратно.

Уроки прошлого

Когда принимаешь судьбоносное решение, невольно оглядываешься на предыдущие годы, как бы ища поддержку в собственном опыте.

До приезда в Суздаль для меня самыми трудными были, пожалуй, январь и февраль шестидесят девятого года, когда я, начальник оперативной группы, получил задание за два месяца создать все условия для

приёма нашей железнодорожной бригады. Создать все условия – значит подобрать площадку, обеспеченную теплом, водой, канализацией, электроэнергией и телефонной связью, построить воинский городок из нескольких десятков сборных щитовых домиков: казарм, столовых, клубов, хранилищ для боеприпасов и продуктов, бытовок и даже огранить территорию и натянуть сверху колючую проволоку.

Уже тогда я понимал, что подобные задачи нельзя решать в одиночку. Без помощи председателя горисполкома В. В. Долгова, главного архитектора города Н. А. Беспалова да и горкомовских работников мы вряд ли бы справились. Контакты и «наведение мостов» было делом рук командира соединения, обаятельного человека – полковника Михаила Ивановича Платонова, который специально для этого в конце шестидесят восьмого приезжал в Муром.

Горисполком с помощью сотрудников городской архитектуры и областного земельного комитета, не откладывая дела в долгий ящик, выделил нам большую территорию на окраине города – рядом с мощной котельной завода железобетонных конструкций. Это был подарок судьбы. Решение труднейшей проблемы тепла и горячей воды неожиданно оказалось на редкость лёгким – наши водопроводные и канализационные сети подключили к коммуникациям завода ЖБК. Незаменимым источником электроэнергии стала расположенная в километре трансформаторная электроподстанция, нам удалось проложить от неё несколько силовых кабельных трасс. Вот только нашу воинскую АТС удалось подключить к городской телефонной сети буквально за пару дней до прибытия первых эшелонов.

Одновременно с подключением инженерных сетей и коммуникаций нужно было подвести на нашу территорию железнодорожную ветку, куда будут прибывать из Кокчетова сотни вагонов с конструкциями зданий, стройматериалами, землеройной и строительной техникой, автотранспортом, военным имуществом и, конечно, с личным составом. С помощью руководства Муромского отделения железной дороги справились и с этим. Так удалось избежать дополнительной перегрузки тысяч тонн грузов.

Для выполнения некоторых видов строительных работ – заливки бетонных фундаментов, монтажа строительных конструкций и подключения инженерных коммуникаций к городским сетям – удалось получить подряды местных строительного-монтажных организаций. Многие, конечно, они выполняли в долг, под честное офицерское слово. Впрочем, и мы помогли партнёрам, например, мощной техникой.

К прибытию первых эшелонов с людьми казармы были полностью готовы для жизни. Как мы и предполагали, невообразимо трудно оказалось разместить около трёхсот семей офицеров, старшин и сержантов-сверхсрочников. Сначала думали устраивать их на частные квартиры и в общежития. Но в первые же дни в Муроме я случайно узнал, что в Кинешме (в 250 км от нас) есть домостроительный комбинат «Заветы Ильича», где изготавливают сборные щитовые двухквартирные дома, предназначенные для села. Обратился в Управление наших войск и в течение дня в Минлеспrome РСФСР был решён вопрос с получением фондов на 80 щитовых домов. И хотя я просил 150, это тоже было неплохо – одним махом решался вопрос с устройством ста шестидесяти семей.

Благодаря главному архитектору Мурому Н. А. Беспалову, довольно быстро нашли площадку под строительство непривычного для наших военнослужащих жилья. Это была довольно большая поляна, свободная от застройки. Когда привезли деревянные конструкции, наши солдаты быстро собрали домики, сделали электропроводку, установили печки, а отделкой занялись сами офицеры.

Мы с майором Рязанцевым жили на частной квартире у Александры Петровны Целовальниковой, бухгалтера детского садика. Во время войны все её родные, в том числе сын моего возраста, погибли от попавшей в дом авиационной бомбы. Свои материнские чувства Александра Петровна перенесла на нас. Два года мы жили у неё, как у Христа за пазухой – всегда накормлены и напоены. Сама хозяйка ночевала у своей подруги, живущей этажом ниже. Помню, когда мы договаривались о стоимости проживания, Александра Петровна сказала: «Будут у вас деньги, возьму, сколько дадите, а не будет – и так ладно!» А ведь она получала семьдесят рублей в месяц...

Как только прибыли из Казахстана наши части, расквартировались и обустроились, командование бригады поручило нашей оперативной группе срочно наладить деловые связи с эксплуатационниками. Надо было получить кучу согласований на подключение новых инженерных систем к действующим. Заключить договоры с субподрядчиками. Получить лимиты на проектные работы. Наладить сотрудничество с местными строительными-монтажными организациями. Так в моих руках оказались все внешние связи нашего соединения с проектными институтами и строительными организациями Муром, Владимира и Москвы, от которых напрямую зависел успех дела.

Все два года наша оперативная группа, как, впрочем, и командование бригады, жили в сплошной запарке. Каждый день командир бригады

Михаил Иванович Платонов, командир войскового соединения, полковник

Когда принимаешь судьбоносное решение, невольно оглядываешься на предыдущие годы, как бы ища поддержку в собственном опыте.

Лейтенанты
В. А. Брунцев
и А. А. Горбунов

полковник Платонов заходил к нам в двадцать два ноль-ноль. Выслушав мой доклад об итогах дня, он ставил перед нами новую задачу. Домой я попал только через час. Выходной выпадал в лучшем случае раз в неделю, ведь в субботу тогда все работали.

Главным моим помощником был опытный специалист и замечательный организатор – лейтенант Аркадий Горбунов, такой же, как я, двухгодичник. По образованию он был инженером-элеваторщиком. Поистине неутомимый человек. Поздно вечером после службы, когда все уже спали, он брал в руки учебники и садился писать кандидатскую

по экономике. Стоит ли удивляться, что скоро он получил звание кандидата, а через несколько лет и доктора экономических наук! Позже Аркадий Антонович Горбунов, став профессором, был избран на должность вице-президента Европейской академии естественных наук.

«Сынок, придумай что-нибудь!»

Как я уже говорил, главной задачей нашей железнодорожной бригады было строительство вторых путей на 200-километровой железнодорожной линии Куровская-Муром.

Новая трасса ведётся примерно так: после механизированной отсыпки земляного полотна с послойной утрамбовкой грунта, после укладки на него песчаной и щебёночной подушек специальным краном укладывается «решётка» верхнего строения пути – железобетонные шпалы с прикрепленными к ним рельсами.

Кроме того, всего за три месяца силами двух специализированных мостовых батальонов мы должны были возвести с десяток средних железобетонных мостов и уложить больше пятидесяти водопропускных железобетонных труб.

Первые же дни работы показали, что со строительством мостов всё обстоит очень даже непросто. Для возведения опор надо забить 1500 железобетонных свай (весом по 3 тонны и длиной в 12 метров). Но сначала

нужно каждую застропить, поднять вертикально краном – остриём вниз и подвести вплотную к копру на месте забивки. Когда монтажник сверху освободит сваю от строп, подведёт её под металлический наголовник копра, похожий на перевернутый квадратный стакан, и даст команду: «майна!», тот должен точно опуститься внутренней частью на сваю. Операция по передаче сваи от крана к копру (на стройке она называется сваебойкой) – самая опасная в этом процессе. Бывали случаи, когда сваи падали. В наших болотистых грунтах вероятность падения возрастала – здесь вся строительная техника еле передвигалась и тонула, а сваи под тяжестью своих трёх тонн могла моментально погрузиться вниз, уйдя на неопределённую глубину.

После того, как наголовник опускался на сваю, заводился копёр, и начинался сам процесс забивки. При этом ударная часть копра, баба (весом в тонну), вертикально направленными мощными ударами по наголовнику начинала погружение сваи. Забивка продолжалась до тех пор, пока верх сваи не дойдёт до нужной отметки или пока она по какой-то причине дальше не идёт. Тогда лишнюю её часть срубали отбойными молотками. На весь этот процесс уходило от двадцати до сорока минут.

Беда в том, что наша строящаяся трасса находилась очень близко от действующей – на расстоянии 4,1 метра, а поезда шли мимо с интервалом в пять минут. Представляете, какая опасность подстерегала тут малоопытных военных строителей? Если в это время мимо шёл поезд, забивать сваи было нельзя по правилам техники безопасности.

Как же быть? Без наших мостов строительство вторых путей на линии Куровская-Муром невозможно. Оставался только один способ: использовать окна в движении поездов. За световой день таких окон два: утром и под вечер – по сорок минут каждое. Пользуясь такой технологией, наши воины за смену забивали по одной свае, значит, при двухсменной работе – две в сутки. Так что за первые два месяца было забито чуть больше сотни свай. Простой расчёт показывал, что только на забивку свай для наших мостов придётся потратить целых два года! Это превышало нормативы в десять раз!

И ведь забивка свай – всего лишь начало всех дел. А дальше всё по обычной технологии: деревянная опалубка, арматурные каркасы и бетонирование ростверка каждой колонны. И только после полного схватывания бетона, на которое уходит до 25 дней, – установка опорных частей пролётных строений. Теперь можно монтировать железобетонные балки, устанавливать перила ограждения, а уж потом приступать к укладке рельсового пути.

Первые же дни работы показали, что со строительством мостов всё обстоит очень даже непросто.

На строительстве
моста через
Москву-реку. 1962

Забивка свай.
В центре с поднятой
рукой – В. А. Брунцев

По расчётам инженеров производственно-технического отдела, строительство наших объектов и ввод их в эксплуатацию затягивался на несколько лет. Такое положение не устраивало московское руководство.

Из-за этой кризисной ситуации к нам прибыл начальник штаба железнодорожных войск генерал-лейтенант Жижилашвили. Я оказался в числе сопровождавших его лиц и видел, что прославленный генерал, носивший на груди Золотую Звезду Героя Советского Союза, полученную во время войны, был в полной панике: «Из-за каких-то несчастных свай срываются установленные правительством сроки ввода важнейшего объекта!»

Задача казалась практически невыполнимой. Не знаю, почему, но он вдруг повернулся ко мне:

– Сынок, придумай что-нибудь! Ты же мостовик, имеешь опыт работы в Минтрансстрое. Я вижу, наши кадровые офицеры ничего сделать не смогут.

Доверие уважаемого генерала поставило меня в неловкое положение перед начальством. К тому же, я понятия не имел, что предпринять. Однако задумался. Тут нужно искать какое-то нестандартное решение...

В те годы ходило крылатое выражение, которое приписывали Сталину: «Неразрешимых проблем нет!» На память пришли разные случаи. Во время студенческой практики в Кузбассе я работал геодезистом мостопоезда № 450. В один из предновогодних дней на строительстве крупного автодорожного путепровода в центре Прокопьевска возникла

критическая ситуация с монтажом пролётных строений. Самый последний пролёт каким-то странным образом оказался шире предусмотренного проектом на 24 см. При монтаже первой 18-метровой балки стало ясно, что она свободно «проваливается» в пролёт. Скорее всего, в практике мостостроения это был уникальный случай.

Что делать? Первое, что пришло в голову: залить дополнительный фундамент и нарастить внутреннюю стену устоя на всю его ширину. Для этого нужна усиленно армированная бетонная стена толщиной 24 см. Прораб и начальник участка были согласны со мной. Но на дворе стоял крепкий мороз, забетонировать такую тонкостенную конструкцию без ущерба для качества невозможно. А если изготовить новые удлинённые балки пролётных строений, чтобы они полностью соответствовали ширине пролёта?

Идея всем понравилась. Я съездил на завод мостовых конструкций – там главным инженером был выпускник нашего факультета. Выполнив расчёты новой конструкции, запустили в производство первое изделие, второе, третье. Всё оказалось нормально. Через две недели последний пролёт путепровода был заполнен новенькими балками. И объект сдали вовремя.

Куда более сложная ситуация возникла в пятидесятых годах в Китае. Советские специалисты строили там мост через реку Янцзы, глубина которой доходила до сорока метров. Ни одна фирма в мире не бралась за это. А наши инженеры нашли уникальное решение: для устройства опор этого глубоководного сооружения на всю глубину погружали железобетонные сваи-оболочки диаметром 1200 мм. Новый метод назвали «советским». Участником этого необычного строительства был мой преподаватель по мостам Александр Мефодьевич Рябухо.

Ещё один случай произошёл в шестидесятых годах во время строительства моста через Енисей, самую полноводную реку страны. Возникла проблема с монтажом пролётных строений. Из всех возможных вариантов выбрали самый неожиданный, хотя и рискованный – огромные, почти стометровые железобетонные арки доставляли против течения реки на баржах и устанавливали в пролёты методом «наводки на плаву». Это был настоящий трудовой подвиг, за который одному из участников операции, моему однокашнику А. И. Бахтину, была присуждена Ленинская премия.

Да и сам я встречал уникальные мосты: один в Новокузнецке – через реку Томь, другой в столице – через Москву-реку. Там было чему поучиться у коллег.

Не зря мостовики всегда считались особой кастой. Профессор нашего института С. Ф. Мацкевич часто говаривал студентам: «Мы из вас готовим не инженеров-ремесленников, а инженеров-творцов!»

Доверие уважаемого генерала поставило меня в неловкое положение перед начальством. К тому же, я понятия не имел, что предпринять. Однако задумался.

...Итак, генерал Жижилашвили поставил передо мной амбициозную задачу. Решение пришло неожиданно. Я разработал конструкцию объёмной пространственной решётки высотой около трёх метров – с вертикальными гнёздами, предназначенными для погружения туда свай. Эта довольно примитивная конструкция должна была собираться из рельсов (или шпал) на месте будущей мостовой опоры – в точном соответствии свайному полю, предусмотренному проектом. Кран загружал сваи, и под действием своего веса они должны были уходить в слабую болотистую почву как минимум на три-четыре метра. Происходило надёжное защемление их в грунте. Так что сразу после завершения свайных работ можно было разбирать эту временную конструкцию и – уже независимо от движения проходящих мимо составов – поочередно добывать сваи до нужной отметки.

Но чтобы загрузить в нашу решётку полный комплект свай (32 – под одну опору), нужно было иметь в запасе не меньше двух часов. И такое окно – 2 часа 40 минут – было под утро, когда поезда вообще не ходили. Однако возникало другое препятствие: военнослужащим срочной службы категорически запрещалось работать ночью! Мы решили и эту проблему, причём с большой выгодой для себя: отдали железной дороге два автомобильных крана, а взамен получили 50-тонный железнодорожный кран вместе с 25-метровой платформой и опытными специалистами, которым никто не запрещал работать в ночную смену. Производительность труда возросла в 16 раз! За два месяца мы закончили все работы.

За это рационализаторское предложение я получил денежное вознаграждение – 200 рублей. В соавторстве со мной каким-то странным образом оказались пять старших офицеров из технического управления наших войск. Все они тоже получили по 200 рублей...

Необычный поезд

Не менее сложной оказалась и проблема с монтажом 18-метровых железобетонных балок пролётных строений мостов. Их вес составлял около двадцати тонн. По проекту для монтажа должен был использоваться консольный железнодорожный кран ГЭК-100 – таких в наших войсках было всего три. Востребован он был по всей стране – от Прибалтики до Дальнего Востока, так что получить его мы могли только по предварительной заявке, прождав полгода.

Шалва Николаевич Жижилашвили, начальник штаба железнодорожных войск генерал-лейтенант

При работе с этим краном была одна сложность: для складирования балок пролётных строений мостов нужно было строить временные железнодорожные тупиковые пути длиной не менее ста метров.

К тому же, для производства работ на каждом мосту кран нужно было вызывать дважды – для разгрузки, а потом для монтажа. А поскольку сроки готовности наших мостов к монтажу пролётных строений непредсказуемы, таких вызовов нужно было сделать около десяти. Это нас никак не устраивало.

Используя прежний опыт забивки свай при помощи железнодорожного крана ночью, мне удалось разработать необычный способ монтажа

Старший мостовой мастер 2-й Кокчетавской дистанции пути В. А. Брунцев (слева). Кокчетав, 1964

балок пролётных строений – он исключал проблемы с вызовами и ожиданием крана ГЭК-100.

Суть вот в чём. В рабочее время на железнодорожную платформу одновременно двумя 50-тонными железнодорожными кранами, расположенными с разных сторон платформы, загружаются две 18-метровые балки пролётных строений. В заранее выбранное ночное время этот необычный поезд, состоящий из идущего впереди тепловоза, двух кранов – со стрелами, направленными навстречу друг другу, и платформы, загруженной двумя балками пролётных строений, выходит к месту монтажа. После остановки в нужном месте на действующем пути, машинисты кранов выдвигают аутригеры и устанавливают их лапами на заранее подготовленные шпальные клетки. Монтажники гражданской строительной организации проверяют крепление строп. Когда я убеждаюсь, что к монтажу всё готово, даю

В. А. Брунцев
во время армейского
отпуска в Кокчетаве.
На снимке слева:
с дочерью Леной.
Справа: с бригадой
строителей. 1969

команду машинистам кранов: «Вира!», и одна из балок, находящаяся со стороны нового моста, медленно отрывается от платформы.

Следующая операция проводится с большой осторожностью, потому что правила техники безопасности запрещают крановщикам работать с тяжёлыми грузами, если стрелы расположены поперёк путей – кран может опрокинуться.

Ещё раз внимательно проверив состояние тросов, я жестом даю команду машинистам на одновременный поворот стрел обоих кранов в мою сторону. Груз медленно выносится к месту установки. «Майна!» – и балка так же медленно опускается на опорные части пролёта. Теперь двумя заранее установленными горизонтальными лебёдками её медленно стягивают на своё место. Первая часть монтажа выполнена.

После освобождения строп их переносят на вторую балку, находящуюся на платформе. Операция повторяется. Только в этом случае балка сразу устанавливается на своё место.

Такой способ монтажа балок пролётных строений двумя кранами с действующего пути позволял за ночную смену заполнять один мостовой пролёт. На монтаж пятипролётного моста уходило всего пять суток. Внедрение этого предложения сократило сроки строительства наших мостов больше чем на год! Конечно, руководство монтажными работами мне пришлось взять лично на себя.

Думаю, решение именно этих непростых задач послужило поводом для награждения меня знаком «Отличник военного строительства»

и медалью «За воинскую доблесть – в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Такую же медаль получил мой верный помощник лейтенант Горбунов. Мы были единственными лейтенантами в наших войсках, удостоенными этой награды, остальные – майоры и выше.

Новоселье без грузинского тоста

Ещё одно интересное воспоминание о моей армейской службе. Оно связано с появлением в Муроме двух жилых 90-квартирных домов «московского разлива».

Дело было так. В конце 1969 года оказался я по служебным делам в кабинете генерала Жижилашвили, начальника штаба наших войск. Тут к нему вошёл начальник технического управления. Он был чем-то озабочен.

– Товарищ генерал, что будем делать с фондами на конструкции двух 90-квартирных домов, которые нам выделили для Рязанской бригады? Они ведь уезжают на БАМ.

Я весь превратился в слух. У нас в бригаде после переезда в Муром жилищный вопрос – самый больной, наши офицеры в лучшем случае живут в щитовых домиках или квартиры снимают, а тут с домами не знают, что делать!

– Передайте их Московской бригаде, – отвечает генерал.

И тут меня словно прорвало:

– Товарищ генерал, отдайте эти дома нам, в Муром!

– Это же московская серия. Ты что, сможешь их смонтировать? – спрашивает Жижилашвили с некоторым интересом.

– Конечно! – восклицаю я. – В Кокчетаве мы штук пятьдесят таких поставили...

Замираю в ожидании. Генерал поворачивается к полковнику:

– Отдайте эти дома Муромской бригаде, а то мы совсем о ней забыли.

И добавляет, глядя на меня своими умными весёлыми глазами:

– Но учти, даём их тебе с одним условием: через год пригласишь нас с полковником на новоселье, я там скажу хороший грузинский тост. Ты понял меня?

И не дождавшись ответа, смеётся:

– Видишь, какие мы, грузины, добрые?

Через три часа у меня на руках была целая пачка фондовых извещений на получение конструкций с разных домостроительных комбинатов Москвы.

Домой я летел, словно на крыльях. Мысленно даже выбирал участок под застройку, но решил всё-таки оставить это дело главному архитектору города, моему другу Беспалову.

Можете себе представить, сколько было радости у командования бригады, когда они узнали эту новость, не говоря уж о наших офицерах!

В середине года сложно получить лимиты на проектные работы, так что мы с лейтенантом Горбуновым сами взялись выполнить привязку проекта. Понимая важность объекта, главный инженер бригады полковник Минаев освободил нас от всех других дел. Целый месяц мы искали подходящую площадку, проводили инженерные изыскания, занимались согласованием подключений инженерных коммуникаций, геодезической разбивкой осей здания, утверждением проектно-сметной документации. Ну, и конечно, ревностно следили за доставкой на строительную площадку конструкций домов.

После закладки фундаментов на первом доме установили башенный кран и тут же собственными силами начали двухсменный монтаж стеновых панелей и перекрытий. А в конце года к работам удалось привлечь сантехников, отделочников и других субподрядчиков.

Первый дом был готов ровно через год – летом семидесятого. Со вторым всё было проще – помогли субподрядчики.

Новоселье в московских домах Муромо состоялось, но, к сожалению, без грузинского тоста генерала Жижилашвили – он, как всегда, был вовлечён в какие-то неотложные дела. Да и я был в это время в очередной командировке...

Грустный урок

За всеми этими воспоминаниями я не заметил, как мы въехали в Судогду, увидел только стрелку-указатель: «На Муромцево».

Давно мне хотелось попасть в это село. Вроде оно и рядом, рукой подать, но каждый раз некогда. Об этом уникальном поместье, известном ещё до революции, я прочитал полтора года назад в местной газете и с тех пор жил надеждой увидеть всё собственными глазами. Мне почему-то накрепко запомнилось имя создателя и владельца здешнего чуда: потомственный дворянин, полковник в отставке Владимир Семёнович Храповицкий. Он получил от отца огромное наследство, самой большой ценностью которого был огромный лесной массив с деревянным господским домом.

Широко образованный человек и рачительный хозяин, Храповицкий переехал сюда из Петербурга, чтобы создать «свой Петергоф». За двадцать с лишним лет ему удалось осуществить эту мечту. В лучших традициях того времени Храповицкий построил большой замок с восемью десятками комнат, освещённых новомодным тогда электричеством от собственного локобиля. В замке были все блага цивилизации: туалетные и ваннные комнаты, водопровод, бассейн, телефон и даже собственный телеграф.

Интерьеры украшали выполненные из разных сортов мрамора лестницы, камины, а также – расписные потолки, гобелены, финские изразцы, аквариумы, роскошная мебель. У Храповицких

*Неизбежность.
Фото В. Брунцева.
1970*

Усадьба Муромцево.
Почтовая открытка
1910-х годов

хранилась уникальная коллекция живописи, сотни предметов декоративно-прикладного искусства, привезённых отовсюду.

Когда хозяин возвращался из Европы или из Петербурга, над замком поднимался фамильный флаг Храповицких. В имении построили белокаменный храм, обычную и музыкальную школы, театр, жилые дома и больницу для рабочих. На собственной ветке железной дороги красовался вокзал.

Ещё были всевозможные конюшни, каретные сараи, скотные и птичьи дворы.

Территорию усадьбы украшал великолепный парк с уникальными заморскими растениями, с фонтанами и каскадами, и, конечно, большой пруд с купальнями и причалами.

В имении Храповицкого работала не одна сотня крестьян – они получали весьма приличную зарплату и жили, конечно, гораздо лучше, чем соседи. Владимир Семёнович мечтал, чтоб его любимое детище стало украшением не только Судогодского уезда и Владимирской губернии, но и всего Отечества.

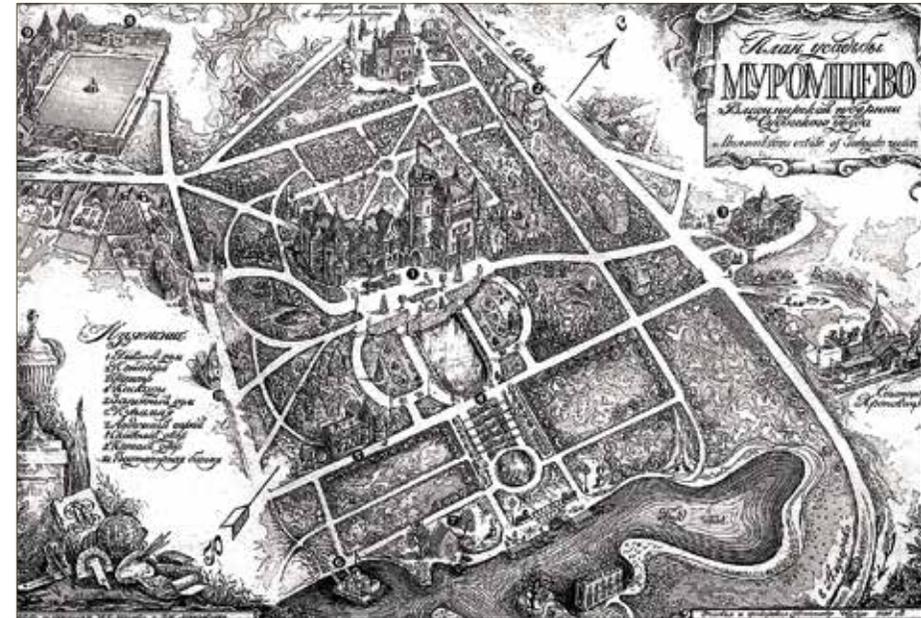
Мне давно хотелось взглянуть на всё это великолепие, и вот наконец-то я здесь. Однако что же открылось моему взору... Руины! Разрушенные постройки, заросший пруд – полное и безнадежное запустение! Хотя место не пустынное – здесь даже располагалась какая-то сельскохозяйственная школа или техникум).

В романе Андрея Платонова «Чевенгур» есть описание примерно такого же имения:

«... открылась на высоком месте торжественная белая усадьба, обезлюдевшая до бесприютного вида... Как могилы на погосте, лежали в зарослях трав и кустов остатки служб и малых домов. Колонны сторожили пустой, погребённый мир. Декоративные благородные деревья держали свои тонкие туловища над этой погибелью...»

Грустную картину окончательно довершило то, что прямо на моих глазах упало в воду некогда могучее дерево, стоящее на берегу. Я сделал снимок и назвал его – «Неизбежность».

Не могу удержаться от печального завершения темы, связанной с судьбой этого имения. Считаю своим долгом довести до читателя выдержку из статьи А. Филинова «На графских развалинах»:

Архитектурно-парковый комплекс усадьбы Храповицкого в Муромцево

«...Вскоре после революции, при отъезде во Францию, оставляя всё своё поместье крестьянам, в чём Владимир Семёнович был искренне уверен, он писал в своём прощальном письме: "... Я смею надеяться, что... потомки сохранят и умножат начатое русским дворянином Владимиром Храповицким. И уходя, я хочу сказать вам, как, пожалуй, одни лишь русские говорят, расставаясь: прощайте!"».

Там же приводится письмо Елизаветы Ивановны Храповицкой, вдовы Владимира Семёновича:

«Дорогие крестьяне! Обращаюсь к вам с просьбою: соберите, сколько можете денег и пришлите мне. Вы владеете теперь бывшей землёй моего мужа Владимира Семёновича Храповицкого, который скончался в нищете. Я осталась теперь одна без всяких средств существования на самую бедную жизнь. Мне уже 68 лет, я больная и старая, работать не могу. Я счастлива, что теперь вы владеете землёй, а у нас не было детей, всё равно желание мужа было отдать землю крестьянам. Обращаюсь к вашему доброму сердцу, прошу помочь мне. Бог вас не оставит. Да сохранит вас Бог всех!.. Сообщите, что случилось с нашим имением Муромцево. Напишите мне подробно об этом. Я всей душой с вами».

Усадьба
Храповицкого
в Муромцево. 1970

И вот что ответили крестьяне:

«... Десять лет прошло с того момента, когда мы выгнали вас и вам подобных из нашей страны. За это время мы достаточно научились управлять государством и как строить свою жизнь. Там, где раньше царил гнёт помещиков и их прихвостней, мы имеем бывшее поместье Муромцево. Очень странным показалось ваше обращение к нам с просьбой о присылке денег. Спрашивается, за что? Мы не можем даже и определить... 28 мая 1928 г. ».

Через несколько дней после получения этого письма Елизавета Ивановна скончалась.

Прощаясь с некогда роскошным имением, названным в своё время «Царским», я никак не мог прийти в себя: «Как можно было довести до такого состояния это сокровище? Если Петергоф в войну безжалостно разрушили фашисты, то Муромцево – сами жители! Разве мог предполагать создатель этого чуда, что такое может когда-нибудь произойти?» До глубины души меня возмущало и то, что никто не думал всё это восстанавливать.

Неужели никому это не нужно?!

Долго находился я в состоянии транса, но постепенно мои мысли переключились на Суздаль. А ведь там во многом схожая картина: в центре – разрушенные торговые ряды, напоминающие, особенно с береговой части, такие же развалины, во многих церквах и монастырях – склады (хорошо хоть, не туалеты, ведь и такое приходилось видеть). В удручающем состоянии Васильевский монастырь и другие старинные постройки, не говоря уже о Братском корпусе печально знаменитого Спасо-Евфимиева монастыря...

И ведь ни Суздаль, ни Муромцево не исключение. К сожалению, так было во многих уголках России. Бесхозность, равнодушие и воинствующий атеизм. Художник Илья Глазунов вспоминает, что на Севере в некоторых деревенских церквах перегородками в овощехранилищах служили огромные, двух- и трёхметровые... иконы!

Но может быть, всё скоро изменится, думал я, ведь принято правительственное решение строить в Суздале турцентр и возрождать его бесценную архитектуру. Собор Покровского монастыря станет концертным залом... Жаль только, Спасо-Евфимиев монастырь отдадут под туристскую базу ВЦСПС. Как-то не укладываются в голове эти понятия – монастырь и база...

Архиерейские палаты. Суздаль. 1973. Фото В. Брунцева

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ

Между моим увольнением из армии и выходом на новую работу прошло всего два дня. Так, без положенного после армии двухмесячного отпуска, 23 ноября 1970 года началась моя напряжённая трудовая жизнь. В общем отделе Владимирского облисполкома мне выдали красное служебное удостоверение...

В. А. Брунцев. 70-е годы

Вместо отпуска – новая работа

Этот документ позволял свободно входить в областные, республиканские организации, а также в союзные министерства и ведомства, вплоть до Совета Министров СССР. Как и положено по должности, мне выделили новый служебный «Москвич».

После обстоятельного разговора с А. А. Зенковичем я был представлен начальникам отделов. Потом мы вместе посетили облплан, и я не мог не заметить всеобщего уважительного расположения к моему шефу. Оказывается, Зенкович в течение многих лет был первым руководителем этого ведомства.

Все знакомые сотрудники облплана были крайне удивлены моему появлению, да ещё с Зенковичем. Ведь буквально пару дней назад я навсегда с ними распрощался. Мне удалось познакомиться с начальником облфинотдела Н. Г. Кравцовым и начальником областного управления культуры Н. И. Сумкиным. Зенкович попросил их помогать мне во всех делах.

Сотрудники
Владимирского
облисполкома.
В нижнем ряду
в центре –
председатель
Т. С. Сушков,
рядом – его первый
зам. А. Г. Аникин.
В верхнем ряду
четвёртый слева –
другой зам.
В. В. Долгов.
Начало 80-х

После обеда зашли в обком партии. Первый секретарь был в Москве, и Александр Андреевич представил меня второму секретарю Виктору Ивановичу Лапшину и зав. отделом строительства Владимиру Васильевичу Фомину – людям, как мне показалось, очень достойным.

Следом мы проехали в областное управление снабжения и сбыта, где отныне мне предстояло решать многочисленные вопросы поставок оборудования и материалов. Я был представлен руководителю управления М. Я. Крушину и его боевым заместителям – Ю. П. Грибанову (с ним нас потом свяжет настоящая деловая дружба) и Я. И. Каркачу.

Вот так началась моя новая работа по созданию уникального объекта – туристского центра в Суздале. Главное теперь поскорее войти в курс дела.

Мои коллеги

Гостиница «Сокол», где я устроился на ночлег, находилась в самом центре города, наискосок от торговых рядов. Это было старинное трёхэтажное кирпичное здание девятнадцатого века, принадлежавшее когда-то купеческому роду Ворониных. Место уникальное: из моего окна была видна галерея торговых рядов, Воскресенская церковь на главной городской площади, многочисленные главки дальних церквей и небольшой городской сквер. На заднем плане возвышалась колокольня Ризоположенского монастыря...

Наша гостиница относилась к разряду неблагоустроенных: большие номера с высокими потолками и поношенной мебелью, длинные коридоры с потёртыми ковровыми дорожками, удобства на этаже, горячей воды нет. Правда, на парадной лестнице красовались декоративные ажурные решётки ограждений. Я поймал себя на том, что впервые в жизни внимательно рассматриваю гостиничный интерьер.

Моим соседом по номеру оказался некто Соколов, преподаватель Московского архитектурного института. Он приехал в Суздаль на этюды. Увидев в моих руках гитару, он достал этюдник и тут же предложил мне позировать. Осмотрев мой нехитрый скарб, молодой художник попросил меня надеть красную клетчатую рубашку, подарок мамы.

Поздним вечером мы вышли прогуляться. Было пустынно, дорога после дождя блестела. Прошли по слабо освещённой улице до Кремля и вернулись обратно. В гостиницу пускали до 12 ночи.

Утром, после нехитрого завтрака в буфете, я появился у здания дирекции. К этому времени из Владимира подъехали А. И. Решетов и мой начальник В. И. Рыжов. Александр Иванович представил меня сотрудникам, не забыв упомянуть о моей медали «За воинскую доблесть».

– Прошу любить и жаловать! – сказал он.

Когда он уехал, Рыжов поочерёдно познакомил меня со всеми. Главный бухгалтер Вера Андреевна Бордовская производила впечатление человека уверенного, всем своим видом она, казалось, говорила: поживём – увидим! Начальник отдела комплектации Владимир Александрович Сахаров выглядел усталым и несколько раздражённым, скорее всего, он относился к той породе людей, которые вечно чем-то недовольны. Но чувствовалось, что работник он хороший и за дело болеет душой. Экономист Зинаида Николаевна Бушнева, улыбка и доброжелательная, игривым тоном произнесла:

– А мы уже знакомы!

Инженеры по технадзору – Л. Г. Коровина, А. Г. Зиняков, Е. И. Жильцов – держались сдержанно, как бы дистанцируясь от всех, кто выше по образованию и должности. С этого дня я становился их непосредственным начальником. Рядовые бухгалтеры, снабженцы, экспедитор, водители, кладовщик и уборщица Вера приветствовали меня кивком головы. Самым оживлённым из всех был мой водитель Валентин Белин. Известное дело, водители начальников – это каста...

– А сколько вам лет и за что вы получили медаль? – с интересом спросила меня Бушнева.

А. А. Баранов,
председатель
Владимирского
облиплана

М. Я. Крушин,
начальник
управления
по снабжению
и сбыту
Владимирского
облисполкома

Но вот Владимир Иванович призвал всех к работе, предложив собраться «завтра вечером, чтобы это дело отметить». Его можно было понять: почти полгода работал без главного инженера...

Рыжов был старше меня на семь лет. После окончания Московского инженерно-строительного института он получил специальность инженера по механизации гидротехнических работ и был направлен в управление строительства «Севгидрострой». Работал прорабом на строительстве Князегубской ГЭС на реке Ковде, в Мурманской области. После армии трудился на строительстве Иовской, Кумской и Серебрянской ГЭС – на Кольском полуострове и в Карелии. В 1963 году был награждён медалью «За трудовую доблесть». Через пять лет переехал во Владимир и возглавил дирекцию по строительству турцентра в Суздале.

Узнав его биографию, я подумал: «Ну, вот, два сапога пара – один мостовик, другой строитель-гидротехник. Как же мы будем создавать высококлассную архитектуру?..»

Но Рыжов расставил все точки над «и»:

– Ты занимайся строительством, я в это лезть не буду, у меня хватает дел по финансированию.

Это было то, что нужно.

Владимир Иванович оказался человеком мягким и отзывчивым, хотя и несколько горячим. Мог раздражаться по каждому пустяку, тогда у него начинал подёргиваться подбородок, и он слегка заикался. На досуге мог немного выпить, сразу делаясь весёлым и разговорчивым. По всему чувствовалось, что он рад моему появлению, освободившему его от непомерной нагрузки. Жил Владимир Иванович во Владимире.

Любопытно, что к моему появлению во всех кабинетах дирекции был наведён идеальный порядок. Оказывается, когда я первый раз приезжал сюда вместе с Зенковичем, меня, лейтенанта Советской армии, приняли если не за сотрудника КГБ, то, по крайней мере, за армейского контрразведчика. Эмблема железнодорожных войск, на которой изображены крылья и колёса железнодорожных вагонов, никому ни о чём не говорила. Сотрудники спецслужб могли носить любые знаки различия. Это обстоятельство внесло некоторое напряжение в мои отношения с нашим небольшим коллективом. Первое время в общении со мной все было крайне сдержано и осторожно в выражениях.

Рыжов передал мне несколько сотен папок с проектно-сметной документацией, деловой перепиской, всевозможными актами и циркулярами. Он с явным удовольствием избавлялся от производственных и технических проблем, которыми в последнее время ему приходилось заниматься.

Вид на колокольню
Ризоположенского
монастыря. Суздаль.
Фото С. Покладова

Обилие документации привело меня в смятение. Её разрабатывали сотни специалистов нескольких проектных институтов: архитекторы, конструкторы, электрики, сантехники, слаботочники, газовики, КИПовцы, автоматчики, технологи по пищевому, холодильному, теплотехническому и электромеханическому оборудованию, очистным и водозаборным сооружениям, оборудованию сцены, водоподготовке бассейна, инженерным сетям, архитекторы по благоустройству. Всё это сопровождалось огромным количеством локальных, объектных и сводных смет, сводных сметно-финансовых расчётов и всевозможных калькуляций, а также многочисленными заказными спецификациями на материалы и оборудование.

Слёзы финансистов

Рыжов рассказал мне о невообразимо сложных проблемах, с которыми ежедневно сталкивался, решая вопросы по финансированию стройки. После этого он вручил мне «Справочное пособие заказчика-застройщика»:

Рыжов расставил все точки над «и»: «Ты занимайся строительством, я в это лезть не буду...» Это было то, что нужно.

– Этот справочник должен стать твоей настольной книгой.

Через некоторое время Рыжов выехал в «губернию».

Всё, что я узнал от него о порядке финансирования, не укладывалось у меня в голове: оно велось по принципу – с миру по нитке.

По моему опыту, при строительстве любого комплекса у заказчика всегда был один источник финансирования и, соответственно, один расчётный счёт. А в нашу дирекцию средства поступали аж из 15 различных ведомств! Гостиница финансировалась по коммунальному строительству, киноконцертный зал – по культуре (из средств Минкультуры РСФСР), ресторан – по торговле (из средств Минторга), бассейн – по здравоохранению (из средств Минздрава), школа и детский сад – по просвещению, жильё – по жилищному строительству... Другими мощными источниками финансирования были ВЦСПС, ВАО «Интурист», молодёжное бюро «Спутник», резервный фонд Совмина РСФСР, Владимирский облисполком... Это был редчайший, а может, и единственный случай в строительной практике нашей страны. Какие же проблемы это создавало начальнику дирекции, экономисту и главному бухгалтеру! И не только с наполнением финансами наших многочисленных расчётных счетов и с их распределением по объектам, но и с оплатой проектно-изыскательских, строительно-монтажных и пусконаладочных работ, всевозможного оборудования, материалов, мебели, инвентаря и всевозможных услуг, что осложняло многие дела. Без разрешения Москвы переносить даже копеечную сумму с одного источника финансирования на другой было категорически запрещено. Нельзя – и всё, хоть плачь! А угадать заранее, сколько потребуется средств на тот или иной объект, практически было невозможно. Вот и приходилось Рыжову обивать пороги разных чиновников по этим пуляковым проблемам, тратя драгоценное время.

В моём непосредственном подчинении находился весь штат дирекции: технический отдел, отдел комплектации со складской и транспортной базой, бухгалтерия, экономист. Вопросы, касающиеся общего финансирования и организации строительства, всевозможных согласований и разрешений, деловой переписки, участия в работе различных совещаний и комиссий, поездок в министерства и ведомства, мы делили с Рыжовым.

Технический отдел состоял из начальника, техника и трёх инженеров по техническому надзору. В обязанность последних входила проверка соответствия выполняемых строительно-монтажных работ чертежам, приёмка их качества с подписанием ежемесячных справок

В нашу дирекцию средства поступали аж из 15 различных ведомств! Но без разрешения Москвы переносить даже копеечную сумму с одной статьи расхода на другую было категорически запрещено. Нельзя – и всё, хоть плачь!

*Служащие дирекции
Слева направо:
экономист
З. Н. Бушинева,
главный
бухгалтер
В.А. Бордовская,
архитектор
ЦНИИЭП
учебных заведений
А. Ф. Кутырева,
техник
Н. П. Данилова,
инженер
по технадзору
Л. Г. Корovina*

по объёмам и актов на скрытые работы. Кроме того, техники должны были присутствовать на всех планёрках, участвовать в рабочих комиссиях по приёмке объектов или отдельных этапов строительства, оформляя соответствующие акты, составлять месячные, квартальные и годовые отчёты по своим объектам. Было много и других дел, например, снос частных домов и переселение семей. Словом, забот немерено, а зарплата инженера по технадзору была мизерной – всего 110 рублей!

В отделе снабжения числилось четыре человека – начальник, инженер по комплектации, экспедитор и кладовщик.

Конечно, самыми сложными вопросами обеспечения стройки оборудованием должен был заниматься и главный инженер дирекции. Благо, с этой работой я был хорошо знаком.

В отличие от проектных институтов и подрядных организаций, никаких премий сотрудники дирекции не получали, разве что за своевременную сдачу объектов, но это были несчастные крохи. Называлась это премией за ввод. Вот почему работники у нас надолго не задерживались.

Панорама Суздаля.
Фото В. Брунцева

«С добрым утром, город величавый!»

Оставшись как-то вечером в своём кабинете один, я решил хотя бы бегло просмотреть «Справочник заказчика»*. До сих пор я был в роли подрядчика, и откровенно говоря, имел довольно смутное представление о том, что должна делать на строящемся объекте наша дирекция. Оказалось, проще сказать, что она делать не должна! Заботы заказчика связаны с проектом и подготовкой самой площадки под строительство (вплоть до сноса существующих строений и расселения людей), с проектно-сметной документацией для всех участников строительства и планированием всего комплекса работ, с контролем за их выполнением и приёмкой на всех этапах, с материально-техническим снабжением и началом эксплуатации.

Чтобы до конца понять, что же входит в понятие «поставка заказчика в области материально-технического снабжения» на таком разноплановом

* Извлечение из «Справочного пособия заказчика-застройщика» (М., Стройиздат, 1970) см. на стр. 514.

и уникальном объекте, как туристский центр в Суздале с его десятками самых различных по назначению зданий и сооружений, нужно опять же представить весь круг его задач*.

В обязанности заказчиков входило получение разрешения Госкомитета по гражданскому строительству РСФСР на применение дорогостоящих облицовочных материалов (мрамор, гранит и др.), а также оформление в министерстве производства строительных материалов РСФСР фондовых извещений на их получение из карьеров или камнеобрабатывающих предприятий страны.

Даже при беглом просмотре перечня функций заказчика мне стало ясно, какая ответственность возлагалась на нашу дирекцию, и в первую очередь, на директора и главного инженера.

Я не мог даже предположить тогда, какую дополнительную нагрузку придётся мне брать на себя, чтобы решать сложные вопросы, являющиеся обязанностью подрядчика, но в значительной степени предопределившие высокий класс сооружения в целом.

Уже почти в полночь, разбирая последние документы, я обнаружил в своём столе несколько старых газет «Суздальская новь». В одной из них за 7 марта 1968 года под рубрикой «Бюро справок» была дана короткая, но довольно любопытная информация о Суздале:

В Суздале проживает 10 тысяч человек.

Город протянулся с севера на юг на 3,5 км, с востока на запад – на 2,5 км.

Самая высокая точка города – Александровский монастырь. Он возвышается над речкой Каменкой на 27 метров.

В городе 47 улиц и 27 переулков, общая протяжённость которых составляет 40 км.

Самая длинная улица города – улица Ленина – 3,2 км, самая короткая – улица Фрунзе – 120 метров.

В городе – 1489 жилых домов, из них 30 построены в XVII–начале XIX веков.

В 1967 году Суздаль посетило около 300 тысяч человек.

В городе есть рынок, хлебокомбинат, комбинат бытового обслуживания, гостиница на 60 мест, кинотеатр, библиотека, Дом культуры, сельскохозяйственный техникум и профтехучилище.

* Извлечение из Постановления Совета Министров СССР от 28 сентября 1970 года о разграничении обязанностей между Заказчиком и Подрядчиком см. на стр. 516.

Я не мог даже предположить тогда, какую дополнительную нагрузку придётся мне брать на себя, чтобы решать сложные вопросы, являющиеся обязанностью подрядчика.

В той же газете за 14 сентября 1967 года меня привлекло трогательное стихотворение самодеятельного поэта Виктора Чунаева «Суздаль»:

*С добрым утром, город величавый
На зелёной Каменке-реке!
Как седой истории начало,
Ты стоишь, красуясь вдалеке.
В облаках раскинулся крестами,
Весь заполнен криками ворон,
Кажется – сейчас над площадями
С вышины послышится трезвон...
Улыбаюсь встречным и прохожим –
И не надо радости иной...
Ты мне дорог в дождь и днём погожим
Всей своей далёкой стариной.
С каждым днём всё краше расцветаетшь,
Улицы все шире и светлей,
На мою улыбку отвечаешь
Шелестом зелёных тополей...
С добрым утром, город величавы,
На зелёной Каменке-реке!
Как седой истории начало,
Ты стоишь, красуясь вдалеке...*

Первопроходцы

На третий день работы в дирекции я решил познакомиться с руководителями и инженерами основных подрядных подразделений, базирующихся в Суздале, и прежде всего, с генподрядной организацией – строительно-монтажным управлением «Суздальстрой», созданным специально для строительства туристского центра. Хотелось почувствовать проблемы нашей стройки изнутри.

Двухэтажное здание конторы «Суздальстрой» размещалось на северной окраине города – на территории нашей будущей промышленной зоны.

Начальник СМУ Сергей Николаевич Суслов и главный инженер Владимир Моисеевич Пономарчук встретили меня приветливо: «Ну, наконец-то, на нашей стройке появился заказчик!» Речь шла о четырёхмесячном отсутствии в дирекции главного инженера, из-за чего зависли

сотни нерешённых вопросов, начиная от технических до конкретных расчётов за выполненные работы.

Через некоторое время подошли начальник и главный инженер ССМУ-6 треста «Владспецстрой», выполняющего субподрядные работы по прокладке инженерных сетей и коммуникаций, строительству дорог и благоустройству – Алексей Демидович Денисенко и Юрий Александрович Сафаев. Следом за ними появились прорабы монтажных участков трестов «Центроэлектромонтаж» и «Севсантехмонтаж» – Н. Л. Шишов и С. Н. Доронин. Это был основной костяк руководителей среднего звена субподрядных организаций.

Строители наперебой заговорили о своих проблемах. Речь шла о дефиците строительных материалов, механизмов и транспорта, были претензии и к руководству вышестоящего треста № 94. Чувствовалось, что во многих вопросах строители были просто бессильны.

От этих первопроходцев я узнал, насколько трудным был начальный этап стройки: не было ни базы, ни рабочей силы, ни техники. Как говорят, – ни кола, ни двора. Были проблемы и с проектной документацией.

Первых рабочих привезли сюда осенью 1967 года из города Собинки, но их даже негде было разместить. Потом появились приглашённые по оргнабору и условно-досрочно освобождённые, их тоже нужно было обеспечить жильём, а оно только строилось... Так что, текучесть кадров была большой.

Как бы то ни было, но к концу 1970 года в СМУ «Суздальстрой» уже числилось почти четыреста человек. За это время успели построить несколько двух- и трёхэтажных панельных домов, конструкции для которых привозили из Владимира. Тепло подавали от временной котельной.

Из обстоятельного разговора с руководством подрядных организаций я понял, как много зависит от работы нашей дирекции. Если подрядчики не будут вовремя обеспечены проектной документацией, материалами, оборудованием, своевременным финансированием, если медленно будут решаться ежедневно возникающие технические проблемы, то со строителей и спроса нет.

Прощаясь, меня пригласили на ежедневные рабочие планёрки, проходившие по утрам в кабинете начальника генподрядной организации Суслова. Однако за время строительства турцентра мне удалось побывать на них всего два-три раза, зато исчерпывающую информацию об этих планёрках я получал от инженеров по технадзору.

Я узнал, насколько трудным был начальный этап стройки: не было ни базы, ни рабочей силы, ни техники. Как говорят, – ни кола, ни двора...

Своя рубашка ближе к телу

Выйдя из конторы строителей, я обратил внимание на витрины с десятками вырезок из газет, рассказывающих о строительстве турцентра. Авторы по-разному оценивали положение дел, но сходились на том, что основные проблемы – это дефицит материалов, качество работ, дисциплина на производстве и претензии к проектировщикам. Я попросил сделать мне копии этих вырезок. И вот что прочёл там.

1 января 1968 года в статье «Сделаем город-сказку!» тогдашний начальник СМУ «Суздальстрой» Владимир Моисеевич Пономарчук сообщал корреспонденту «Суздальской нови»:

«Наша строительная организация образована 1 ноября 1967 года. Кадры в основном укомплектованы. Создана собственная производственная база. В предстоящие четыре года коллектив «Суздальстрой» должен построить в древнем граде Суздале туристский центр. Основными объектами строительства будут несколько современных гостиниц, мотель на 780 мест, кемпинг на 600 мест. В Александровском монастыре намечено создать Дом творчества для художников и архитекторов. Обогатится Суздаль предприятиями торговли и общественного питания, новыми жилыми домами на 27 тыс. кв. м.

За короткий срок нашего существования мы уже немало сделали. Построено несколько производственных объектов, водонапорная башня, механические мастерские, общежитие. План IV квартала 1967 г. по экономическим показателям выполнен.

Впереди у нас много дел. Коллектив СМУ «Суздальстрой» полон стремления град древний сделать городом-чудом, городом-сказкой!»

Начальник генподрядной организации почему-то собрался строить сразу «несколько современных гостиниц», а главный туристский комплекс называет мотелями на 780 мест. Видимо, на руках у него ещё не было рабочей документации.

8 июня 1969 года корреспондент газеты «Суздальская новь» Н. Вахтанов писал:

«... Туризм – это в перспективе индустрия города. Основной базой для приёма гостей должен стать главный туристский комплекс, строительство которого началось в районе Коровников. Сейчас на строительной площадке хозяйничают каменщики, арматуристы, крановики. Они управляют мощными механизмами, закладывают первые здания, отсыпают дамбу, ведут к месту строительства дорогу, подземные коммуникации.

Торговые ряды.
Суздаль. 60-е годы

Грунт на площадке весьма непрочный. Поэтому прежде чем закладывать фундамент, строителям приходится выполнять сложную и трудоёмкую работу по забивке свай. Выполняют эту работу машинисты и копровщики И. Г. Филиппов, А. Н. Васильев, Е. С. Володеев, В. А. Черкашин.

Много хорошего говорят на стройке о бульдозеристах и скреперистах... Хорошо зарекомендовали себя бульдозеристы В. А. Панцырев и А. А. Кручинин.

На строительной площадке встретились мы с прорабом Н. М. Майоровым. Весь в кирпичной пыли, со свёртком чертежей в руках. „Вот это здание, – показал он на один из строительных объектов, – административный корпус. Рядом с ним – кафе-столовая с открытой верандой“. Сооружение одного из корпусов мотелей идёт полным ходом. Бригада каменщиков А. В. Девяткина ведёт кладку стен второго этажа. Работы начаты и на втором мотеле. Рабочие заняты здесь опалубными и арматурными работами.

Активное участие в сооружении главного туристского комплекса принимают учащиеся Вязниковского строительного профтехучилища. Группа каменщиков проходит здесь производственную практику. У строителей немало разных проблем, но они упорно создают эту новь на земле своих предков».

1 января 1970 года в газете «Суздальская новь» была опубликована информация «Суздаль меняет облик», в которой главный инженер дирекции по строительству турцентра В. С. Устинов давал краткую информацию о ходе строительства главного туристского комплекса:

«В Коровниках начато строительство 4 мотелей, а под ресторан и гостиницу ГТК уже забиты сваи, делаются монолитные железобетонные конструкции, чем создан фронт для каменщиков в зимнее время...»

15 октября 1970 года областная газета «Призыв» опубликовала корреспондентскую статью Л. Меркуловой «Грозы над стройкой». Автор выясняет, почему допущено отставание, распыляются средства и перерасходуются материалы в СМУ «Суздальстрой».

«Пошёл четвёртый год со дня начала строительства туристского центра в Суздале. Из 40 млн. руб., ассигнованных на стройку, освоено около 15. Что же сделано за это время? Введено в эксплуатацию около 9 тыс. кв. м. жилья, в котором новоселье, в основном, справляют строители. Возводится административный корпус СМУ «Суздальстрой». Много работ выполнено по благоустройству города, прокладке канализации, водопровода и других инженерных коммуникаций.

Насколько же близко окончание строительства туристского центра? Пожалуй, трудно сказать, так как темпы строительства низки.

Главный инженер СМУ В. М. Пономарчук сказал:

– Суздальская стройка отличается от многих. Все здания, даже самые незначительные по объёму, выполняются по индивидуальным проектам. Каждый нужно изучить, для каждого нужна своя специфика конструкций и деталей. Плохо, что строим центр туризма без чёткой организации производства. Нет никакой последовательности. В настоящее время строится 95 объектов. Нужен жёсткий график, нужен проект организации производства...»

Довольно интересным показался мне материал, помещённый в газете «Строитель», которую выпускал Стройтрест № 94. В номере за 23 сентября 1970 года говорилось о трудовых достижениях СМУ «Суздальстрой» за последние два года, о состоянии дел на объектах турцентра и о ближайших планах.

«...В течение года необходимо построить 10350 кв. м. жилой площади. Пока сдано 3370 кв. м. В этом году должна быть построена школа на 1176 учащихся, во втором квартале следующего года будет сдан в эксплуатацию детский ясли-сад на 280 мест... Первая очередь очистных сооружений должна быть сдана в этом году... В промышленной зоне Суздаля строится постоянная котельная и расширяется времен-

ная. На складе медицинского оборудования смонтирован железобетонный каркас, монтируется покрытие и ведутся работы по устройству полов. В этом году нужно сдать склад... На строительстве комбината полуфабрикатов сделаны фундаменты. Сейчас их сдают под монтаж железобетонных конструкций каркаса... Возводится каркас и ведётся кирпичная кладка склада продовольственных товаров площадью 2500 кв. м. Ведётся энергетическое строительство. В конце месяца будут сданы 5 трансформаторных подстанций...

На главном туристском комплексе заложены фундаменты под ресторан, концертный зал и гостиницу, выполнено свайное основание под фундаменты плавательного бассейна. Недавно начата кирпичная кладка стен гостиницы, на мотелях кирпичная кладка зданий завершена. Начаты сантехнические и электротехнические работы, ведётся устройство кровли на двух корпусах...

Успешное строительство и своевременная сдача объектов в эксплуатацию задерживается из-за недоброкачественной проектной документации. Особенно это относится к рабочим чертежам главного туристского комплекса...

Большое беспокойство у строителей СМУ «Суздальстрой» вызывает несвоевременная поставка железобетонных конструкций. Нужен металл для армирования резервуара рециркуляции, сборные железобетонные конструкции для вторичных отстойников, контактного резервуара, лотков. Поставку этих изделий нужно было закончить до 20 июня. Прошли июль, август, сентябрь, но изделий до сих пор нет.

На главный туристский комплекс (а это основной объект!) нет перемычек, сливных камней, металлического каркаса витража и плит типа ПТК. До 20 кубических метров бетона в день можно укладывать в готовую опалубку, но нет бетона. Часто каменщики простаивают из-за отсутствия... раствора».*

Эта статья появилась ровно за неделю до моего приезда в Суздаль. Как говорится, без комментариев.

Из публикации я узнал, что одновременно со строительством турцентра СМУ «Суздальстрой» ведёт работы по нескольким объектам сельскохозяйственного назначения: строит два 16-квартирных дома, торговый центр и школу подготовки руководящих кадров сельского хозяйства с учебным корпусом, общежитием и 16-квартирным домом для

* Эти пустотелые плиты были серийной продукцией и широко применялись по всей стране.

На главном туристском комплексе заложены фундаменты под ресторан, концертный зал и гостиницу.

Владимирской опытной станции. Одновременно с этим строятся городские объекты, не входящие в титул турцентра.

Мне стало ясно, что организацию, специально созданную для строительства объектов туристского центра – СМУ «Суздальстрой» – разрывают на три части. С одной стороны, Суздальский горисполком требует строить в первую очередь те объекты из титула туристского центра, которые имеют отношение к развитию самого города – жильё и коммунальные объекты (котельную, очистные и водозаборные сооружения, инженерные сети и дороги). В том же списке города находятся такие объекты турцентра, как школа, детский сад, всевозможные склады и цех полуфабрикатов. С другой стороны, Суздальский райком партии, на учёте в котором стоят руководители СМУ «Суздальстрой» и его субподрядных организаций, требует строить объекты для села. И только на последнем месте – объекты туристского назначения! Руководители местных органов власти действуют по принципу «своя рубашка ближе к телу». Они уверены, что туристский центр рано или поздно построят!

Такое положение дел надо было коренным образом менять.

На площадке

Я решил дойти до строящегося здания котельной, от пуска которой напрямую зависел ввод всех без исключения объектов турцентра. Глядя на пустой объём громадного зала, пытался себе представить, что через год-два он будет заполнен сотнями единиц всевозможного технологического, сантехнического и энергетического оборудования, километрами самых разных трубопроводов и кабельных трасс, сотнями клапанов и задвижек, десятками всевозможных приборов. Но главное, тремя универсальными котлами, которые вырабатывают горячую воду для отопления и горячего водоснабжения. Я даже не мог представить себе, какие проблемы нас ожидают здесь и каким героическим трудом нам придётся их преодолевать...

После осмотра расположенных рядом с котельной строящихся цехов промышленного назначения и складов, мне захотелось увидеть всю стройку ГТК целиком. Обойдя её по кругу, я обратил внимание, как медленно ведутся работы. Хотя были залиты все фундаменты, что позволяло работать широким фронтом, кладка стен велась не везде. Над обширным пространством стройки возвышались всего два автокрана «Ивановец». Чувствовалось, что не хватает ни подъёмников, ни рабочей силы...

В зоне ресторана, где работала бригада монтажников управления «Стальмонтаж», виднелись огромные штабелы металлических конструкций – балок, прогонов, колонн, ригелей, элементов связей, а железобетонных плит перекрытия, без которых монтаж невозможен, не было. Простаивал большой кран на гусеничном ходу...

Строительство основного объекта турцентра – главного туристского комплекса – явно отставало от второстепенных построек, на которые отвлекались материальные ресурсы, строительная техника, механизмы и рабочая сила: от цеха медицинского оборудования, склада продовольственных товаров и огромного здания школы, где работы близились к завершению.

Прав был В. М. Пономарчук, который писал: *«Плохо, что строим центр туризма без четкой организации производства. Нет никакой последовательности... Одновременно строится 95 объектов!..»*

При этом, зачастую строители старались списать свои огрехи то на проектировщиков, то на заказчика, уходя от ответственности за срыв сроков работ. Как говорят железнодорожники, переводили стрелку...

Ближе к вечеру я успел познакомиться с первым секретарём Суздальского райкома партии В. М. Ковалёвым, председателем горисполкома А. М. Думовым и главным архитектором города И. Т. Карелиным, который оказался моим земляком из Новосибирска.

К концу дня я решил посмотреть, как строится пятикилометровая объездная дорога на Иваново, позволяющая снять транзитные потоки транспорта с главной улицы Суздаля. По всему было видно, что до завершения всех работ нужно ещё года два. Стройка велась за счёт средств Владимирской области, и мы к ней прямого отношения не имели.

На начальной стадии строительства в титульном списке туристского центра значилось 327 объектов. В первую очередь, это были объекты прямого назначения:

- главный туристский комплекс на 430 мест с парковой зоной и спортивными площадками;
- мотели на 300 мест с административным зданием и станцией обслуживания автомобилей;
- гостинично-музейный комплекс на 135 мест в Покровском монастыре;
- туристская база ВЦСПС на 350 мест в Спасо-Евфимиевском монастыре;
- дом творчества художников в Александровском монастыре;
- торгово-ремесленные ряды в Ризоположенском монастыре;
- предприятия «занимательного» питания на улице Старой;

Анатолий
Максимович
Думов,
председатель
Суздальского
горисполкома.
Фото В. Брунцева

- Ямской двор с рестораном и каретным сараем;
- кемпинг на 600 мест.

Из подсобных и вспомогательных объектов в этот список входили:

- жилой посёлок на пять тысяч жителей;
- школа на 1100 учащихся; детский сад на 280 мест;
- котельная мощностью 60 г/кал. в час;
- насосные станции;
- очистные и водозаборные сооружения со станцией обезжелезивания;
- объекты промышленной зоны – цех медовых и безалкогольных напитков, квасильно-маринадный цех;
- прачечная на 2 тонны белья в сутки, всевозможные складские помещения;
- тепловые сети, электрические кабельные трассы, трансформаторные подстанции;
- многочисленные сети водопровода, канализации, телефонизации, газификации;
- благоустройство территорий, озеленение и дороги.

Что касается финансирования стройки, то за весь период строительства планировалось «перелопатить» свыше 60 млн. руб. (по сегодняшнему курсу валюты – около 3,5 млрд. долларов США). В пересчёте на душу населения, ни один город Советского Союза, включая Москву, никогда в своей истории не получал такой дотации, как Суздаль!

Меня ждали, на меня надеялись...

Как я уже говорил, в прежние годы я выступал в роли подрядчика, а теперь должен был переквалифицироваться в заказчика. Продолжая изучать основные положения «Справочника заказчика», я понял, какая глубокая разница лежит между руководителями служб заказчика на разных объектах. Так, при строительстве автомобильной дороги функции его ограничиваются выдачей проектно-сметной документации, необходимыми согласованиями, требованиями качества и приёмкой выполненных работ. При возведении жилых домов добавляется поставка электрокабельной и проводниковой продукции, бытовых газовых плит, пассажирских лифтов (если они предусмотрены проектом). При строительстве котельной уже предстоит выполнить куда больший объём работ, поскольку, кроме перечисленных функций, нужно поставить

и наладить специализированное технологическое, нестандартизированное и лабораторное оборудование.

А при создании нашего главного туристского комплекса ко всему этому добавлялись ещё такие понятия, как высококлассная архитектура, международный уровень, декоративно-художественное убранство, уникальная акустика зала, парадный вестибюль, художественный паркет, высококачественная отделка, эксклюзивные материалы, интерьерное озеленение, оснащение первоклассной мебелью и инвентарём, комфортные условия проживания. Не случайно ведь ГТК ещё на стадии проектирования был присвоен статус объекта особой архитектурной значимости, благодаря чему в проектные решения были включены такие редкие материалы и конструкции, как анодированные витражи, лабрадорит, латунные изделия, керамические изразцы, сусальное золото, итальянская смальта, люрекс. Всё это меня очень радовало, поскольку здесь мог пригодиться опыт моих художественных занятий (художественная фотография, выпиливание по дереву, вышивание). Многие годы участвовал я в выставках декоративно-прикладного искусства, занимаемая призовые места.

Если говорить об убранстве и оснащении интерьеров, это не только – антрактный занавес, камин, барные стойки, декоративные витражи, картины и эстампы, но и ковры, портьеры, телевизоры, зеркала, скатерти, постельные принадлежности и всевозможные аксессуары. Уровень комфорта нашего комплекса зависел от каждой мелочи, ведь нам предстояло принимать не только малоискущённых отечественных туристов, но и тысячи иностранцев, объехавших весь мир. Ударить в грязь лицом, сами понимаете, не хотелось. Не будем забывать, что одной из целей создания туристского центра было получение дополнительной валюты, которой у нас в стране не хватало.

Исходя из своего предыдущего опыта, я представлял, какую важную роль в нашем деле играют проектные организации, и в первую очередь – ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий. Но пока я не осознавал, что и качественная работа проектировщиков напрямую зависит от нашей работы, работы заказчика. Грамотно оформить задание на проектирование, заранее получить лимиты проектно-изыскательских работ, обеспечить своевременное финансирование, оперативно согласовать с коммунальными службами технические условия и проектные решения, совместно с институтом проработать основные архитектурные и конструктивные решения – вот что приближало своевременный выпуск проекта и обеспечивало его качество. Другими словами, успех дела зависел и от уровня деловых взаимоотношений между руководителями этих организаций. От своих

ГТК ещё на стадии проектирования был присвоен статус «объекта особой архитектурной значимости», благодаря чему в проектные решения были включены редкие материалы и конструкции

наставников я хорошо усвоил, что худой мир лучше доброй войны. Я же предпочитал добрый мир.

Все эти секреты строительного искусства мне пришлось постигать по ходу дела.

Однажды, перебирая в рабочем столе старые бумаги, я наткнулся на весьма любопытный документ – протокол заседания Суздальского горсовета от 23 октября 1970 года «О работе Дирекции по строительству турцентра в Суздале»*. Ритуально отмечая отдельные положительные моменты в работе дирекции («проделана определённая работа по созданию необходимых условий для строительства большинства объектов»), исполком обрушивается с серьёзной критикой, которая касается и недофинансирования работ, и срыва поставок материалов и оборудования, и общего подхода к делу. Главный вывод был неутешительный: «Турцентр не стал штабом по координации работ всех строительных подразделений».

Я, конечно, отметил для себя и такую ремарку: «Со стороны начальника Дирекции тов. Рыжова В. И. не проявляется должной настойчивости в подборе главного инженера». Для меня важно было это прочесть: очевидно, с появлением главного инженера связывались надежды на изменение ситуации.

В архитектурных мастерских у Марка Орлова

На четвёртый день моей работы в дирекции я выехал в Москву, чтобы познакомиться с руководством генподрядного проектного института (ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий) и с членами авторского коллектива, принимающими участие в разработке проектов основных объектов туристского центра. Планировал зайти и в три других субподрядных проектных института: ЦНИИЭП инженерного оборудования, Гипрокоммунстрой и ЦНИИЭП учебных зданий.

Выехали мы из Суздаля в 6 утра. Всю дорогу я был взволнован предстоящей встречей с директором института М. А. Орловым, человеком, чьи замыслы по строительству первого в стране турцентра с сегодняшнего дня должны были воплощаться в жизнь с моим участием. Я понимал, что без полного взаимопонимания между нами успех дела будет невозможен.

* См. полный текст решения исполкома на стр. 522.

*Автор проекта турцентра в Суздале, директор ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и туристских комплексов
Марк Артурович Орлов*

Со слов моего шефа Зенковича, Марк Артурович был человеком деловым, инициативным, энергичным, имел большой авторитет в высших кругах, что очень важно. Но я для него был заказчиком. Знаете, есть выражение: кто платит, тот и заказывает музыку... Мне же хотелось с первых дней найти такой баланс нашего взаимодействия, при котором на первом месте были бы интересы дела, а не амбиции.

Понимал я и то, что от работы нашей дирекции в большой степени зависит не только качество строительства и уровень оснащения интерьеров ГТК, но и финансовое благополучие института. И всё же, в любом деле должен быть лидер. Нашим вожаком должен стать Орлов.

Институт располагался в самом начале Нового Арбата, чуть позади библиотеки имени Ленина. Вход был во дворе трёхэтажного здания Музея архитектуры, куда можно было заехать на машине.

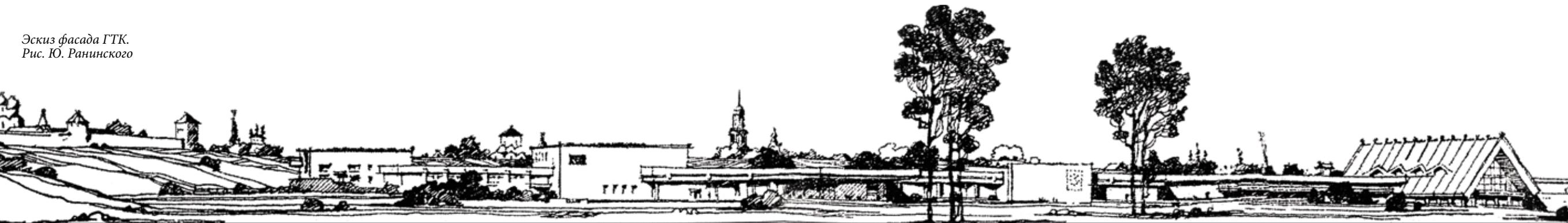
Орлов вышел мне навстречу, лицо его светилось улыбкой.

– Так, вот вы какой, лейтенант Брунцев! Рад приветствовать у себя, – произнёс он голосом Левитана, в котором чувствовалась неподдельная искренность.

От Рыжова я знал, что отношения с моим предшественником у руководства института не сложились, и это пагубно отразилось на строительстве объекта.

Усадив меня в кресло, Марк Артурович попросил секретаря:

– Наташа, найдите Лепского, пусть срочно зайдёт ко мне.

И, расположившись напротив меня, доверительно сказал:
– Сейчас я вас познакомлю со своим главным инженером. Это очень толковый специалист, и вы, я думаю, сразу подружитесь. Работы у вас будет много, особенно на ранней стадии. Архитекторы вступят в дело чуть позже.

Я сразу почувствовал симпатию к этому человеку и понял, что работать вместе нам будет легко. А дружной командой легче побеждать, я усвоил это ещё в юности, играя в футбол.

Кабинет Орлова был устроен в углу высокого и некогда просторного зала, разделённого на отдельные секции не доходящими до потолка перегородками. Главный инженер располагался за стенкой.

Через какое-то время он появился в дверях директорского кабинета. Звали его Виталий Иосифович Лепский. Казалось, что этот высокий белозубый человек сорока лет с едва намечающейся лысиной не улыбаться просто не может. Улыбка прямо-таки озаряла его лицо. Обменявшись рукопожатиями, мы втроём приступили к обсуждению наших сложных дел, которые шли далеко не лучшим образом. Отсутствие в дирекции главного инженера отразилось и на работе института. Дирекция задерживала исходные данные по нескольким объектам, из-за чего затянулся вопрос с выдачей институтом проектно-сметной документации, а значит, и спецификаций на материалы и оборудование, на основании которых и заказчику, и подрядчику пришла пора делать заявки на следующий год. Были проблемы и с освоением лимитов проектных работ.

К тому же, шла подготовка к приближающемуся совещанию с участием зам. предсовмина РСФСР Вячеслава Ивановича Кочемасова, и никому не хотелось попадать впросак. Жаловаться на заказчика в институте было не принято, тем более что дирекция по строительству турцентра

состояла при Владимирском облисполкоме. Лучше было выйти из создавшегося положения, оперативно решая вопросы, иначе могло достаться и тем, и другим – ведь и дирекция, и проектный институт были в одной упряжке.

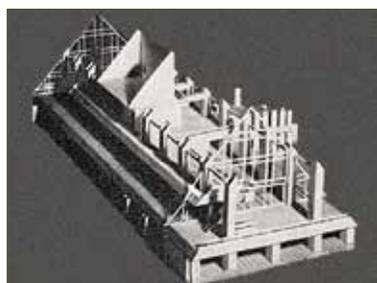
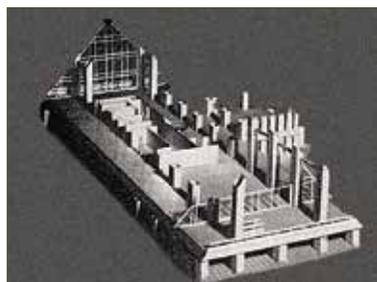
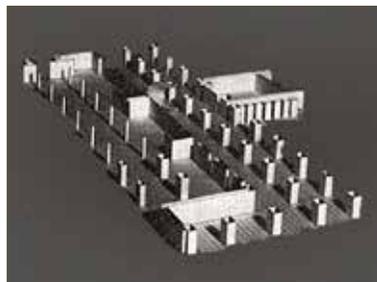
Виталий Иосифович оказался человеком с большим чувством юмора. Судил обо всём спокойно и легко, даже если речь заходила о каких-то проблемах. Чувствовалось, что несмотря на разницу в возрасте, между директором и главным инженером – хорошие товарищеские отношения.

Итак, первое впечатление от моего общения с руководством института было самым лучшим. «Везёт мне на хороших людей», – подумал я, глядя на Орлова и Лепского. Я знал, что мы сработаемся. Так оно и получилось. За много лет совместной работы у нас не было ни одного конфликта, ни одного недоразумения. Все вопросы, даже самые сложные, мы решали добром, просто-напросто уступая друг другу. Забегая вперёд, отмечу, что много позднее, оценив мой вклад не только в строительство Туркомплекса, но и в его архитектуру, Марк Артурович, как человек справедливый, написал мне рекомендацию для вступления в Союз архитекторов СССР*.

Тогда же, в первую нашу встречу, Марк Артурович рассказал мне любопытную историю создания института ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий.

В декабре 1963 года в нашей стране был создан Госкомитет по гражданскому строительству и архитектуре (Госгражданстрой СССР), входящий в структуру Госстроя СССР. Создателем и руководителем

* См. текст рекомендации на стр. 537.

Разборный макет здания ресторана.

этого важного органа был выдающийся архитектор Михаил Васильевич Посохин – главный архитектор Москвы, лауреат Сталинской и Ленинской премий, автор многих известных в Москве построек.

Основными задачами Госгражданстроя были: проведение единой градостроительной политики в развитии городов и посёлков, организация и руководство работами по типовому проектированию, внедрение современной архитектуры в градостроительство, проведение научных исследований.

Михаил Васильевич реорганизовал всю систему проектного дела в стране, для чего было образовано семь проектных институтов, каждый из которых в своей основе имел название Центральный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования. При этом, один из них занимался градостроительством, другой – курортно-лечебными заведениями, третий – жилищным строительством, четвёртый – зрелищными зданиями и спортивными сооружениями, пятый – объектами просвещения и науки, а шестой – инженерным оборудованием.

Институту торгово-бытовых зданий, директором которого стал назначен Орлов, было поручено заниматься проектированием и разработкой типовых конструктивных систем для общественных зданий, включая торговые центры, комбинаты бытового обслуживания, гостиницы, рестораны, магазины и прочие объекты, вплоть до бань. Это была сложная для того времени задача, связанная и с возможностями наших предприятий строительной индустрии, и с экономикой страны в целом.

Любопытно, что под непосредственным руководством главного инженера института Лепского была разработана и успешно внедрена на всей территории Советского Союза серия каркасных железобетонных конструкций ИИ-04, которая дала значительный экономический эффект, за что группа авторов этих конструкций была удостоена премии Совета Министров СССР.

Деятельность М. В. Посохина сыграла огромную роль в повышении социального престижа архитектурной про-

Макет гостинично-музейного комплекса в Покровском монастыре.

фессии после её утраты, связанной с известным постановлением правительства 1955 года («Об устранении излишеств в проектировании и строительстве...»).

Что касается создания нашего объекта, именно Михаил Васильевич ещё на ранней стадии больше всех способствовал максимальному сохранению древнего Суздаля и превращению его в центр международного туризма. Первый документ по этой теме, который увидели в Кремле (было это в 1967 году) – «Проектные предложения и технико-экономические обоснования туристского центра в Суздале», – подписан именно Посохиним, руководителем авторского коллектива, и его заместителем Орловым.

Из крупных объектов, которые разрабатывал проектный институт, Марк Артурович назвал мне десятки архитектурных сооружений в стране, в том числе две гостиницы во Владимире и огромный гостиничный комплекс на 2500 мест, строящийся в то время в Дагомысе, на Черноморском побережье Кавказа.

Едва мы касались вопросов, связанных с созданием суздальского турцентра, Орлов входил в раж, глаза его загорались: этот объект был его любимым детищем.

В шестидесятых годах закончился период сталинской архитектуры, и у нас стали появляться экономичные типовые здания. Они росли по всей стране, как грибы после дождя, – одинаковые и безликие (вспомните

фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!»). С тех пор основным делом наших архитекторов стала пресловутая «привязка» типовых проектов. Это была скучная механическая работа. Профессия архитектора потеряла свой престиж.

У известного в семидесятых-восемидесятых годах самодеятельного ансамбля «Кохинор», созданного при Союзе архитекторов СССР, была такая миниатюра. Молодой выпускник архитектурного института уезжает по распределению на работу в какой-то небольшой городок. Оттуда он пишет домой: «Дорогая мама! Вот я уже на новом месте. Приняли меня хорошо. В общежитии дали койку. Так что, не волнуйся, у меня всё в порядке... Да, забыл сказать, что зарплата у меня хорошая, но... маленькая...». Действительно, молодой архитектор получал примерно 80 рублей.

После обеда Орлов собрал на совещание всех руководителей мастерских, причастных к проекту нашего турцентра. Пришли: Э. Я. Биксон – автор проекта мотелей, В. К. Бломериус – ресторана, И. Шадрин – вестибюля и киноконцертного зала, Э. С. Акопов – жилой зоны гостиницы, Ю. Мурзин – бассейна, В. И. Косаржевский – проекта благоустройства, А. В. Дмитриев – ГИП (главный инженер проектов) и Л. П. Зуев – начальник сметного отдела. Позднее к ним присоединился руководитель проекта гостинично-музейного комплекса в Покровском монастыре К. П. Вишницкий, представительный мужчина, тип русского интеллигента.

Марк Артурович попросил каждого рассказать, как обстоят дела по их объектам. По всему чувствовалось, что передо мной сидели весьма и весьма грамотные специалисты своего дела, душой болеющие за конечный результат. В то время одни объекты уже находились в стадии строительства, а такие, как Покровский монастырь, – только на начальной стадии проектирования. Тем не менее, вопросов по ним тоже было много. Я едва успевал делать пометки в блокноте.

– Ну, как? – спросил меня после совещания Орлов. – Не слабо? Представляете, что будет, когда мы развернёмся полным ходом ещё и на ГТК? Сколько будет работы! Думаю, вам тоже придётся несладко! Ну, а теперь мы с Виталием Иосифовичем проведём вас по всем мастерским, которые заняты Суздалем, а заодно покажем наш институт.

Впечатление было потрясающим. Не меньше сотни людей, размещённых на двух этажах, занимались проектированием наших объектов.

В огромной мастерской, выполняющей проект ГТК, мне показали разборный макет здания ресторана, который, начиная от фундамента,

поочередно разбирался на четыре части. Это было довольно сложное сооружение, требующее высокой квалификации конструкторов. Только одного металла там было предусмотрено около 60 тонн.

В мастерской Вишницкого я увидел другой оригинальный макет – гостинично-музейного комплекса в Покровском монастыре. Особую привлекательность ему создавали одноэтажные рубленые здания гостиниц, заблокированных по два-три, а то и четыре сруба и расположенных вдоль монастырских стен. Я понял, что проектирование наших объектов ведётся по всем правилам архитектурного искусства.

В одной из рабочих комнат Марк Артурович обратил моё внимание на женщину, сидящую за кульманом в дальнем углу. Отойдя в сторонку, он шепнул, что это архитектор Виктория Шепилова, дочь бывшего министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова, снятого Хрущёвым с этой должности в 1957 году с позорной формулировкой: «... и примкнувший к ним Шепилов».

Речь шла об «антипартийной группе Молотова, Булганина, Кагановича», к которой он как бы примкнул. Но, как выяснилось позже, Дмитрий Трофимович ни к кому не примыкал, а всегда был самим собой. Лишь значительно позже я узнал, что мой отец почти всю войну прошёл вместе с ним – от Сталинграда до венгерского города Секешфехервара, где и погиб при выполнении задания командования.

Дмитрий Трофимович был выходцем из рабочей семьи. После окончания Московского университета, а затем института Красной профессуры, он работал в институте экономики Академии наук СССР, был доктором наук и профессором. В предвоенные годы Шепилов выпустил две книги по экономике сельского хозяйства.

В начале войны, имея белый билет, пошёл добровольцем на фронт, и рядовым солдатом защищал Москву. Только через четыре месяца службы, когда в части получили информацию о его заслугах и званиях, Шепилова перевели на должность замполита дивизии, а вскоре назначили начальником политотдела 24-й армии, в штабе которой как раз почти со дня её основания и служил мой отец. В апреле 1945 года Дмитрий Трофимович был произведён в генералы и назначен на должность члена военного Совета 4-й гвардейской армии.

После войны он был заместителем начальника Главного политуправления Красной армии, главным редактором «Правды», секретарём ЦК КПСС по идеологии, а в 1956 году был назначен на должность министра иностранных дел СССР. Он написал первый в нашей стране учебник политэкономии, переведённый на 25 языков мира.

«Везёт мне на хороших людей», – подумал я, глядя на Орлова и Лепского. Я знал, что мы сработаемся. Так оно и получилось. Все вопросы, даже самые сложные, мы решали добром, просто-напросто уступая друг другу.

Виталий Иосифович Лепский, главный инженер института ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий, главный инженер проекта турцентра

После освобождения от своей высокой должности, этот высоко эрудированный человек более двадцати лет работал младшим научным сотрудником Главного архивного управления при Совете Министров СССР. А жаль! Теперь многие считают, что только из-за волюнтаризма и необузданности Хрущёва наша страна потеряла перспективного руководителя страны, притом самого высшего класса.

Знакомство с институтом мы завершили в кабинете главного экономиста.

– Это наш планово-финансовый бог – Ирина Сергеевна Вишнякова, – произнёс Марк Артурович с каким-то особым уважением. – Без неё мы бы пропали.

Передо мной сидела прелестная женщина лет сорока пяти, одетая весьма элегантно. Обращал на себя внимание взгляд её умных глаз. Представив меня Вишняковой, Марк Артурович выразил надежду, что я смогу наконец-то поправить тупиковую ситуацию, сложившуюся из-за затянувшихся финансовых расчётов с институтом.

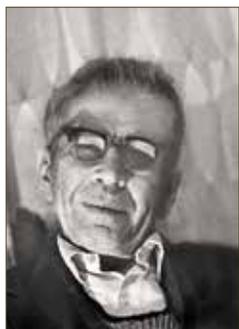
– Поживём – увидим, – откликнулась Ирина Сергеевна с некоторой иронией.

Меня поразила какая-то необычная, домашняя обстановка в институте. Все сотрудники были приветливы и доброжелательны друг с другом. Марк Артурович в узком кругу называл главного инженера Лепского Виталиком, а главного архитектора проекта мотелей Биксона – Эдиком. И сам он, как я заметил, для близких людей был просто Марк.

Потом мы с главным инженером проектов Дмитриевым перешли в институт ЦНИИЭП инженерного оборудования, расположенный в соседнем здании, – там разрабатывались проекты подземных инженерных сооружений и сетей.

Александр Васильевич объяснил, что сейчас их специалисты прорабатывают замечания наших строителей по главной насосной станции, очистным и водозаборным сооружениям со станцией обезжелезивания воды, в результате накопился целый клубок проблем, требующих оперативного решения.

Два других института – «Гипрокоммунстрой», выполняющий проект котельной, и ЦНИИЭП учебных зданий, осуществивший привязку типового проекта школы и детского комбината, находились в разных концах Москвы, поэтому я решил съездить туда в другой раз. ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий был для них генеральным проектировщиком. Все они параллельно со строительством вели авторский надзор за ходом выполнения проектных решений.

Леонид Петрович Зуев, начальник сметно-договорного отдела ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий

Когда мы вернулись в кабинет Орлова, он рассказал мне о появлении идеи создать туристский центр и о том, как трудно она пробивала себе дорогу. Марк Артурович достал из стола объёмную папку с вырезками, подшитыми в хронологическом порядке. В этих газетных и журнальных статьях обсуждались вопросы, связанные с разработкой генерального плана Суздаля и с проектом создания нашего турцентра. Марк Артурович попросил секретаршу сделать для меня копии статей на ксероксе. При этом, слово «ксерокс» он произнёс так, будто речь шла о секретном космическом аппарате.

В то время ксероксы у нас только-только появились и пользоваться ими можно было исключительно по разрешению районных отделов милиции, где они регистрировались. Работали на ксероксах особо доверенные люди – в закрытых помещениях, имеющих глухие металлические двери и решётки на окнах! После работы, в выходные и праздники комнаты эти закрывали на висячий замок, опечатывая его под пломбу. Таково было требование органов госбезопасности, опасавшихся, что на этих аппаратах могут распечатывать провокационные материалы антисоветского характера.

Расставаясь, Марк Артурович сообщил, что они с группой ведущих специалистов вскоре собираются приехать в Суздаль, а также во Владимир, где предполагались встречи с первым секретарём обкома Пономарёвым и председателем облисполкома Сушковым. Эти фамилии Орлов произнёс с заметным почтением, добавив, что эти руководители внимательно следят за ходом дел по строительству турцентра и оказывают институту всяческое содействие.

Мне он посоветовал поскорее снять общие проблемы, насколько это возможно. И обещал в следующий мой приезд в Москву непременно пригласить к себе домой на чашечку чая...

В Суздаль мы выехали вечером. Мой водитель Валентин Белин, человек наблюдательный, видя, что я ушёл в свои мысли, всячески старался меня развеселить, рассказывая байки и анекдоты. О моём предшественнике В. С. Устинове, которого Валентин возил больше года, он особенно не распространялся. Обмолвился, правда, что каждый раз перед отъездом из столицы они заезжали попариться в знаменитые «Сандуны», прихватив с собой побольше пива. Устинов был коренным москвичом и родственником начальника управления кадров Госплана СССР. Я знал, что за несколько месяцев до моего назначения ему предложили уйти «по собственному желанию».

В Суздаль мы приехали в час ночи. Прощаясь, Валентин признался, что не привык к такому темпу работы.

– Теперь придётся привыкать, – сказал я, пожав ему руку.

Александр Васильевич Дмитриев, главный инженер проектов ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий

Кто шьёт «костюм»?

Начался пятый день моей работы в Суздале. На 15 часов у Зенковича было назначено еженедельное совещание по строительству турцентра.

Всю первую половину дня Рыжов знакомил меня с состоянием дел в дирекции. За три года её существования в архиве технического отдела скопилось большое количество документов: проектов, смет, актов скрытых работ и приёмки объектов. Наши сотрудники – экономист, главный бухгалтер, начальник отдела комплектации и инженеры по технадзору – не успевали подносить нам нужные бумаги. Было видно, что за эти годы небольшой коллектив дирекции, при всех очевидных недостатках, проделал значительную работу. После обеда мы выехали во Владимир.

К 15.00 все были в сборе. В кабинете Зенковича с трудом разместились человек сорок, чему я был в немалой степени удивлён.

Александр Андреевич представил меня всем присутствующим, коротко сообщив о моём предыдущем опыте работы. Потом по очереди назвал мне руководителей строительно-монтажных организаций, участвующих в нашем деле. Это были: начальник областного территориального управления строительства «Главвладимирстрой» Виктор Владиславович Гебгардт, его главный инженер В. И. Жилин и заместитель В. Н. Грамотов – очень солидные люди. А ещё: управляющий генподрядным общестроительным трестом № 94 Г. П. Артюшенко, руководители других трестов и подразделений главка – А. М. Степанов («Оргтехстрой»), Н. С. Щербинин («Владпромстрой»), Е. Г. Былов («Владспецстрой»), В. П. Николаев («Владимирстройконструкция»), Б. П. Савицкий («Владстройматериалы») и Л. И. Толчин («Владстройтранс»). Был тут и А. Г. Апреликов – директор института «Владимиргражданпроект», разрабатывающего проект жилого посёлка. И наконец, мне были представлены начальники СУНРиМ, СМУ-3, СМУ-18 и СМУ-23, а также два начальника управлений отделочных работ – УНР-656 и УНР-672. Из всех присутствующих мне были знакомы только начальник СМУ «Суздальстрой» С. Н. Суслов и начальник ССМУ-6 А. Д. Денисенко.

Я был удивлён, что некоторые руководители прибыли вместе со своими главными инженерами, замами и даже с прорабами. Кроме того, в списке приглашённых я увидел руководителей многих субподрядных организаций – трестов «Стальмонтаж», «Энерготехмонтаж», «Тепломонтаж», «Союзпроммонтаж», «Промбурвод», «Росгазспецстрой», «Сантехмонтаж», «Центроэлектромонтаж», «Монтажтермоизделия», «Промвентиляция»,

«Спецавтоматика», комбинатов «Росторгмонтаж», «Стройдеталь», а также – Домостроительного комбината и Владимирского завода железобетонных изделий вместе с начальниками их управлений СМУ-1 и СМУ-2.

Я знал, что нам придётся работать ещё и с такими организациями, как «Лифтмонтаж», «Медтехника», управление кинофикации, а также с несколькими пусконаладочными управлениями, в том числе по котельной.

Не за горами было строительство моста через Каменку, двух плотин и работ по расчистке самой реки – там тоже потребуются свои подрядчики. В гостиничном комплексе Покровского монастыря не обойтись без реставраторов... А кто-то ещё должен делать высококачественные срубы из брёвен для будущих гостиниц... И мне, как заказчику, придётся иметь дело со всеми этими организациями! Не много ли их?

Я знал, что постановлением Совмина СССР строительство нашего турцентра поручено осуществлять Министерству строительства СССР. Но оказалось, что в отличие от нашего могучего Минтрансстроя СССР, где все общестроительные и даже специальные виды работ, кроме самых сложных, выполнялись силами собственных подрядных организаций, здесь всё было подчинено системе узкой специализации.

Конечно, без специализированных организаций, которые бурят скважины, прокладывают газопроводы, монтируют котельное оборудование или средства противопожарной автоматики, не обойтись. Но я никак не мог понять, почему в строительстве обычной трансформаторной подстанции принимают участие целых пять организаций!

На этом совещании я с удивлением узнал, что один субподрядчик должен приехать на малюсенький объект, чтобы забить, скажем, всего четыре сваи, другой – для того, чтобы смонтировать один небольшой вентилятор, а третий – чтобы наклеить кровлю или выполнить благоустройство небольшой территории! Да на составление субподрядных договоров на все эти копеечные работы, на их подписание и взаиморасчёты времени уйдёт куда больше, чем на выполнение самих этих мелких дел! Это же парадокс!

Тихон Степанович Суиков, председатель Владимирского облисполкома

Конечно, без узких специалистов не обойтись, но я никак не мог понять, почему в строительстве обычной трансформаторной подстанции принимают участие целых пять организаций!

Как оказалось впоследствии, от начала работ до сдачи такого небольшого объекта, как трансформаторная подстанция, у нас уходило не меньше полугода, в то время как в СМП-296 в Кокчетаве мы эти работы выполняли своими силами за месяц-полтора, то есть в три-четыре, а то и в пять раз быстрее... Чудеса, да и только!

Однако с точки зрения целесообразности этих «разборок» у зампреда облисполкома Зенковича была своя логика. Проблема заключалась в том, что многие из организаций, участвующих в нашем деле, входили в разные структуры, и руководители их не подчинялись друг другу. К примеру, дирекция по строительству турцентра, институт «Владимиргражданпроект», областные научно-производственные реставрационные мастерские и подрядное управление кинофикации находились в прямом подчинении Владимирскому облисполкому, а генподрядная организация СМУ «Суздальстрой» подчинялась тресту № 94, который, в свою очередь, входил в систему областного территориального управления строительства Минстроя СССР. В то же время, почти все специализированные организации подчинялись тресту «Владспецстрой», находящемуся в ведении министерства монтажных и специальных работ СССР.

Было и так: прорабский участок треста «Союзтелефонстрой» подчинялся Минску, монтажно-наладочное управление по автоматизированным системам, в частности, по котельной – Ярославлю, а монтажный участок треста «Промсвязьмонтаж» – городу Иваново.

Чтобы разобраться во всех этих хитросплетениях, и нужен был человек, который по своему положению стоял бы над всеми организациями и учреждениями. Таким человеком был шеф нашей стройки, беспристрастный и мудрый зампред Владимирского облисполкома Александр Андреевич Зенкович. А в случае надобности подключалась «тяжёлая артиллерия» в лице председателя облисполкома Тихона Степановича Сушкова или первого секретаря обкома партии Михаила Александровича Пономарёва.

Зенковичу на вид можно было дать лет пятьдесят пять. Среднего роста, худощавый, седеющие волосы аккуратно зачёсаны назад. По своей натуре – настоящий интеллигент, хотя и вышел из бедных крестьян. Говорил тихо, голос повышал редко. Если появлялась какая-то проблема, Александр Андреевич довольно спокойно говорил:

– Т-а-а-к! Давайте разберёмся.

Это было его коронное начало «разборки». Я сразу понял, что не в его правилах давать разгон, как это любили делать многие власть предержащие.

Он просто и по-деловому выяснял суть вопроса, докапываясь до самых истоков и стараясь во что бы то ни стало найти решение.

Согласно существующей практике, Александр Андреевич сначала зачитывал протокол предыдущего совещания, где были обозначены проблемы, сроки их выполнения и ответственные лица. Затем по-деловому выяснял причины задержек или срывов. Иногда снимал телефонную трубку, кого-то о чём-то просил, кому-то давал указания, не оставляя нерешённой ни одной проблемы.

Меня крайне удивило, что среди этих проблем было много мелких, казалось, недостойных внимания руководителя такого ранга, как Зенкович: выдать задвижку, выкопать котлован под небольшой объект, подключить напряжение, пробить отверстие для прохода трубы канализации в стене подвала...

– Передали чертежи в «Сантехмонтаж»? – спрашивал Зенкович начальника СМУ «Суздальстрой».

– Передал, – отвечал Сулов таким победным тоном, как будто сдал в эксплуатацию крупный объект.

– Выкопали траншею под кабель? – продолжал допрос Александр Андреевич.

– Нет.

– Почему не выкопали?

– Техника сломалась.

– Когда сделаете?

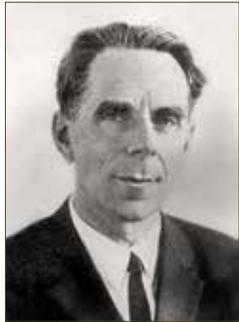
– К понедельнику сделаем, – говорил ответчик неуверенно.

– Запишите в протокол, – давал команду зампред облисполкома, – к понедельнику сделать...

«Куда я попал?» – спрашивал я сам себя. Мы в своё время всё решали сами. На утренней планёрке, которая у нас начиналась в 7 утра, к своему начальнику СМП-296, Ивану Михайловичу Денисову, мы обращались только для того, чтобы заказать мощный автокран, бульдозер или скрепер*, который был в большом дефиците. Или, если требовалось, заказывали бетон с центрального растворного узла, или справлялись о том, когда придут вагоны с материалами или конструкциями для 90-квартирного крупнопанельного дома. Все остальные проблемы решали сами.

Я вспомнил, как в первый год моей работы в должности мастера, наш главный инженер Василий Фёдорович Явхута, человек на удивление

* Скрепер – землеройно-транспортная машина для послойной резки грунтов, транспортировки и отсыпки их слоями заданной толщины.

Виктор Владиславович Гебгардт, начальник областного управления строительства «Главвладимирстрой»

Григорий Прокофьевич Артюшенко, управляющий трестом №94

эрудированный и разносторонний, на какой-то мой вопрос ответил: «Ты же мастер, вот и решай всё сам! А не сможешь, вот тогда приходи и поднимай руки!»

А во Владимире всё было, как в миниатюре Аркадия Райкина:

– Ребята, кто сшил костюм?

– У нас узкая списализация: костюм шьёт один, рукав пришивает другой, а пуговицу – третий!

«Это же никуда не годится! – думал я. – Так мы будем строить свой комплекс из трёхсот объектов вечно». И сейчас уже отставание на несколько лет, ведь по первоначальному плану строительство должно закончиться в следующем году. А у нас ещё конь не валялся! Не зря месяц назад корреспондент областной газеты «Призыв» Л. Меркулова с горечью вопрошала: «... Сколь же близко окончание строительства туристского центра?» И сама себе отвечала: «Пожалуй, трудно сказать, ибо темпы строительства низки...»

За три дня работы я успел понять, что на состоянии дел сказывается большая разбросанность строительных сил (в Суздале и районе одновременно строилось 95 объектов!) и то, что местное руководство часто использует их в своих интересах.

У нас, в системе Минтрансстрой, субподрядных организаций было минимальное количество – две-три. При этом, каждый подрядчик, будь то Строительно-монтажный поезд или Мостопоезд, максимум работ вёл самостоятельно. На моём участке в Кокчетаве было около трёхсот рабочих, среди них – свои механики и крановщики, монтажники и сварщики, сваебойщики и бетонщики, каменщики и плотники, штукатуры и маляры, электрики и сантехники. В нашей теперешней системе Минстроя, на моём участке было бы, пожалуй, пять-шесть разных организаций.

После отработки старых вопросов Зенкович переходил к текущим, которые ему подкидывали представители подрядчиков. И относились эти вопросы прежде всего к заказчику.

Были среди них серьёзные, но большинство должны были решаться на планёрках на уровне прорабов или начальников техотделов строительных организаций.

– У заказчика нет задвижки с электроприводом для насосной станции, – говорил один субподрядчик.

– Заказчик не выдал документацию на отстойники очистных сооружений, – заявлял другой.

– Заказчик не решил замену железобетонных плит, – наседали третий.

– Товарищ Ключкин не приступил к монтажу системы канализации в 32-квартирном доме, – сокрушался управляющий трестом Артюшенко. – Это никуда не годится! Так мы сорвём все сроки...

И так – до бесконечности! На этом первом совещании в облисполкоме за три часа я записал в своём блокноте больше сотни вопросов, относящихся к компетенции дирекции.

Для решения каждой из проблем Зенкович назначал сроки выполнения работ и ответственных за их исполнение. При появлении каких-то осложнений он сначала пытался найти пути решения сам, используя для этого, как теперь говорят, административный ресурс: кому-то звонил, кого-то вызывал к себе... В результате проблемы нередко гуляли по кругу, как в известной пословице: Иван кивает на Петра, а Пётр на Ивана. Наряду с обычным разгильдяйством, это происходило из-за несовершенства системы взаимоотношений между участниками строительства: кто-то вовремя не подал заявку, кто-то кого-то не так понял, кто-то не знал, что это его дело... К сожалению, разграничение обязанностей между участниками строительства, определённое законодательством, ответов на все вопросы не давало. А всё предвидеть заранее невозможно, тем более что такое уникальное по своему размаху и набору разноплановых объектов строительство велось в нашей области впервые, и к нему ни заказчик, ни подрядчик готовы не были.

И ещё одно обстоятельство. В нашем случае решение многих задач находилось на стыке разграничения обязанностей заказчика и генподрядчика, подрядных и субподрядных организаций. В равной степени это относилось и к взаимоотношениям заказчиков с проектными институтами, среди которых были и субподрядные.

Кстати, подобные проблемы стыков существуют и во время боевых действий. Самыми уязвимыми местами всегда были так называемые разграничительные линии между отдельными частями и соединениями. Успешными оказывались не удары в лоб, а именно стыки между армиями, дивизиями и фронтами. Во время Великой Отечественной войны это было извечной заботой командиров, и наших, и немецких.

Главным представителем от подрядных организаций на совещании у Зенковича был управляющий генподрядным трестом № 94 Григорий Прокофьевич Артюшенко. Он-то, в первую очередь, и выкатывал свои претензии к дирекции по строительству турцентра: по проектно-сметной документации, решению технических проблем, задержке с подписанием процентовок... Больше всего жалоб было по поставкам материалов

Виталий Алексеевич Жилин, главный инженер областного управления строительства «Главвладмирстрой»

Евгений Георгиевич Былов, управляющий трестом «Владспецстрой»

и оборудования, особенно по котельной, очистным, водозаборным сооружениям, а также по электроснабжению.

– Так нельзя работать, вопросы заказчиком решаются медленно! Мы завалим план этого года! Может, товарищ Брунцев наладит работу дирекции, не знаю, – заявил Артюшенко.

Рыжов сидел, понурился, и вынужден был со всем соглашаться. Ему по горло хватало работы с финансированием и титульными списками, которые он целыми кипами возил каждую неделю в Москву и Владимир. Заниматься стройкой он физически не мог, а у рядовых работников дирекции были свои заботы. Впрочем, общий уровень подготовки не позволял им решать вопросы ни за отсутствующего главного инженера, ни за директора...

Я понял, что работать придётся засучив рукава. Было ясно и то, что все без исключения проблемы, находящиеся на стыках взаимоотношений с подрядчиками, добровольно никто решать не станет. Их необходимо брать на себя. Другого выхода я не видел, так будет надёжнее и лучше для общего дела.

Я недоумевал: почему Рыжов не высказал никаких претензий и не задал нашим подрядчикам ни одного вопроса – ни по качеству, ни по срокам выполнения работ? Судя по всему, у самой дирекции рыльце было в пушку...

«У заказчика нет проектно-сметной документации»... «Заказчик не открыл финансирование»... «У заказчика нет оборудования»... «Заказчик не принимает выполненные работы»... «Заказчик не решает такой-то вопрос»... – звучало в моих ушах. Это был стандартный набор претензий. А что в ответ мог сказать заказчик: «У вас низкое качество работ»? Или: «Ваш трест не выполняет план»? Ответ Артюшенко нашёл бы очень быстро: «За качеством смотрите – мы не возражаем, у вас для этого есть технадзор. А план не выполняем, потому что у нас не хватает проектно-сметной документации. К тому же, вы не поставили необходимое оборудование и до сих пор не оплатили работы прошлого месяца...» Претензии в свой адрес он отбивал мастерски.

Должен сказать, что в те годы на любых совещаниях доминировали подрядчики, что, на мой взгляд, было в корне неверно. Сейчас, когда они стараются любой ценой получить подряд на строительство, когда нет проблем с материалами и оборудованием, подрядчики находятся в полной зависимости от заказчика и ведут себя совсем иначе. Справедливости ради надо сказать, что силы в дирекциях строящихся предприятий того времени были мизерные, так же, как и зарплаты сотрудников. А работы – хоть отбавляй!

Участники совещания расходились. Кто-то торопился домой, поглядывая на часы, а кому-то хотелось ещё «потусоваться» в компании, радуясь,

что на этот раз пронесло. «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!», – весело воскликнул кто-то. Это фраза Хрущёва, сказанная на одном из съездов партии, была в те годы крылатой.

После совещания Зенкович попросил нас с директором задержаться. Обращаясь к Рыжову, он сказал:

– Вы видите, насколько мы отстаём? Скоро состоится бюро обкома, скорее всего, заслушают и вас. А потом Сушков должен в Москве информировать о ходе дел товарища Кочемасова.

Затем, повернувшись ко мне, он продолжил:

– Валерий Александрович, а вам надо срочно ехать в столицу. Познакомьтесь там с Орловым и его субподрядными институтами. Там, как видите, много проблем. Особое внимание уделите поставкам оборудования для строительства котельной. Дома строим, а тепла не хватает, временные котельные не тянут, люди мёрзнут. В выходные вам придётся хорошо поработать, а в понедельник подъезжайте вечером ко мне, поговорим. Я на месте с семи утра до девяти вечера, в субботу тоже весь день на работе. Если будет что-то срочное, звоните домой и приезжайте, я дам вам свой телефон. Через неделю поедем вместе в Москву, познакомлю вас с руководством Госплана и Главснабсбыта РСФСР. По всем вопросам обращайтесь без стеснения...

Выслушав его, я сказал, что в Москве уже побывал и со всей командой Орлова познакомился. Зенкович был приятно удивлён. Я видел: он всей душой боится за дело. Для меня иметь такого шефа было просто счастьем. Он во многом напоминал моих прежних руководителей – Ивана Михайловича Денисова и Василия Фёдоровича Явхуту – начальника и главного инженера СМП-296 в Кокчетаве, а также командира нашей железнодорожной бригады полковника Платонова.

Я не мог умолчать о том, что мощности наших подрядных организаций, призванных строить объекты турцентра, в значительной степени отвлечены местными властями на строительство второстепенных объектов турцентра и на здания сельскохозяйственного назначения, находящихся вообще за пределами города. Это явно наносит ущерб главному делу, ради которого и было создано СМУ «Суздальстрой».

Александр Андреевич тут же позвонил Сушкову, и мы зашли к нему по этому вопросу «на пять минут». Я понимал, что портить отношения с местными партийными и советскими органами Суздаля и района Сушкову не хотелось. Во властных кругах это было не принято, тем более что, стараясь под шумок протолкнуть интересы своего города или района, местные руководители делали благое дело.

Проблемы нередко гуляли по кругу, как в известной поговорке: Иван кивает на Петра, а Пётр на Ивана. Наряду с обычным разгильдяйством, это происходило из-за несовершенства системы взаимоотношений между участниками строительства.

Сергей Николаевич Суслов, начальник СМУ «Суздальстрой»

Дмитриевский собор города Владимира, освящённый в честь великомученика Димитрия Солунского. Фотография слева С. Прокудина

Во время разговора был найден деликатный способ выхода из создавшейся ситуации: решили провести расширенное совещание по строительству турцентра, пригласив на него первого секретаря обкома партии Пономарёва, заведующего отделом строительства Фомина, автора проекта турцентра Орлова и начальника областного управления строительства Гебгардта. А доклад «О ходе строительства объектов турцентра» решено было поручить первому секретарю Суздальского райкома партии В. М. Ковалёву и председателю горисполкома А. М. Думову. Лучше придумать было нельзя.

Я осознал тогда, что наш с Рыжовым авторитет значительно поднимает подчинение непосредственно Владимирскому облисполкому. Без этого работать было бы невозможно, особенно в Москве.

С тяжёлым чувством вышли мы на улицу.

– Ничего, наладим всё потихонечку, – успокаивал меня Рыжов, хотя сам выглядел удручённым. – Чаще обращайтесь к Зенковичу, он всегда поможет. Берите на себя все вопросы по строительству, мне не до них. Дай бог, хотя бы с финансированием разобраться...

Владимир Иванович сел в машину и уехал домой. А я остался один. Смотрю – рядом Дмитриевский собор, двенадцатый век, построен ещё при Всеволоде Большое Гнездо. Лучи прожектора осветили белокаменный фасад, выхватывая из тьмы ажурные колонны храма и фигуры святых мучеников. Я взглянул на лица князей Бориса и Глеба, они были строгими и напряжёнными. Видно, тоже были чем-то озабочены...

Вот и закончилась моя первая рабочая неделя в Суздале. И мне захотелось подвести итоги.

Орнаментальная белокаменная резьба на Дмитриевском соборе. Фотографии У. Брумфилда

Итак, я успел познакомиться с руководителями нужных мне областных управлений и отделов облисполкома, с сотрудниками нашей дирекции, с руководителями и линейным персоналом всех строительных подразделений, работающих в Суздале, с руководством проектного института ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и членами авторского коллектива по проектированию турцентра, с руководством областного управления строительства, управляющими трестами и начальниками строительных подразделений.

Я понял, чем дышит наша дирекция. Получил представление о существующей системе управления строительством и взаимоотношениях между подрядными и проектными организациями.

Разобрался с проектно-сметной документацией и финансовыми расчётами, с поставками оборудования и материалов, с состоянием дел на основных строящихся объектах нашего комплекса. К тому же, нашёл общий язык с некоторыми руководителями организаций и учреждений, причастных к нашему делу.

Совсем неплохо!

Был мне тогда всего лишь 31 год, и вся жизнь была впереди...

Ансамбль Торговой площади в Суздале. Фото В. Брунцева. 1973

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ СУЗДАЛЯ

Весной 1967 года общественность страны развернула широкое обсуждение проекта создания туристского центра в Суздале. Высказывались самые разные мнения. Одни были в восторге, другие категорически против.

Архитекторы проекта турцентра Ю. В. Ранинский (слева) и М. А. Орлов. Начало 1960 гг.

Впервые в СССР

22 февраля «Литературная газета» отдала этой теме подвал – три большие статьи под заголовком «Суздаль заповедный».

Во вступлении говорилось, что Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре СССР рассмотрел проект генерального плана Суздаля и предложения по созданию там центра туризма. Оба эти документа одобрены президиумом Центрального совета ВООПИиК *. Назывались имена авторов генерального плана Суздаля: архитекторы Е. И. Кутырев, В. Н. Выборный, В. А. Плинер, инженер Н. А. Малахова, а также авторов проектных предложений по турцентру: руководитель М. В. Посохин, архитекторы М. А. Орлов, Р. И. Семерджиев, И. Р. Федосеева, И. В. Лагутенко, инженеры А. А. Сегединов и В. И. Лепский.

* Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Было сказано буквально так: «Впервые в советской архитектурно-строительной практике комплексно разработаны все проблемы развития современного города, на основе историко-архитектурных памятников которого и создаётся крупный туристский центр».

Статья автора проекта турцентра М. А. Орлова называлась «Мекка русского туризма». Он писал:

«Работая над проектными предложениями и технико-экономическими обоснованиями создания туристского центра на базе историко-архитектурного заповедника, мы исходили из того, что историческая и эстетическая стороны реконструкции Суздаля должны сочетаться с развитием своеобразной экономики города. Основа её – туризм, который теперь здесь станет рентабельным...»

Первым и важнейшим условием решения этой задачи было сохранение и разумное использование самих архитектурных памятников, сохранение исторически сложившегося облика старой части города и окружающего его пейзажа. Проект предусматривает сооружение гостиниц, турбазы, мотелей, кемпингов, в которых одновременно разместится более двух тысяч человек...

...Суздаль расположен в центре большой группы древнерусских городов. Это позволит использовать его как центральную базу для организации

Марк Артурович Орлов

Владимир Николаевич Выборный

Одинокая церковь на Михалях. Суздаль. Фото В. Брунцева. 1976

туризма во всём районе. Связав Суздаль автомобильной дорогой на Переславль-Залесский с Загорском, Ростовом, Ярославлем, можно будет открыть целую систему туристских маршрутов...»

По существу, это была первая заявка на создание будущего маршрута «Золотое кольцо» России. В заключение говорилось:

«Создание туристского центра в Суздале не только поможет изыскать средства на сохранение и реставрацию уникальных произведений древнерусской архитектуры, но и обеспечит высокую экономическую эффективность его предприятий и учреждений, откроет широкие перспективы экономического развития и процветания всего региона».

Один из авторов проекта генплана города, архитектор В. Н. Выборный, в статье «Реставрация впечатлений» привёл такое сравнение:

«...Во французском городке Шартре живёт 30 тысяч человек, а приезжает сюда ежегодно два миллиона со всего света – 6 тысяч в день! Средневековый Шартрский собор – слов нет – чудо, но что там смотреть кроме собора?»

А наши Суздаль? Уникальный средневековый русский город! Пока здесь только одна гостиница на тридцать мест... Но будущее Суздаля уже решено: быть ему туристской Меккой России, стольным градом искусства, отдыха, путешествий!»

Олег Васильевич Волков

Михаил Дмитриевич Миллионщиков

Выборный рассказал читателям о труднейшей градостроительной задаче, которую пришлось решать институту «Гипрогор»:

«Мы слышали со всех сторон: ваша задача – сохранить жемчужину древней русской архитектуры. Совет хорош, но как его исполнить? Может быть, так: город-музей, никаких жителей, всех переселить, например, во Владимир, туристы будут приезжать лишь на несколько часов, осмотрели – и до свидания?!»

Но можно и так: пусть Суздаль живёт и развивается, как любой другой город, пусть растут новые производства, жилые кварталы, они не мешают туристам осматривать архитектурные памятники, рядом с куполами церквей – для контраста времени – отели из стекла и бетона?

Или так: никакой видимой глазу современности – отели, жилые и административные здания упрятать в строения, внешне напоминающие древние?

В итоге, ключ к загадке был найден: „нужно реставрировать... душу старинного города!“»

Оказалось, что «Проекту планировки города Суздаля» предшествовала долгая и очень нелёгкая работа.

«Мы пришли к выводу, что, в отличие, скажем, от французского Шартра, в Суздале самым ценным являются не отдельные выдающиеся памятники и даже не ансамбли их, а сам город, со всем его колоритом, масштабом, слиянием природы и архитектуры», – пишет Выборный.

Третья публикация в «Литературной газете» – «Воссоздаваемая поэма» – принадлежала перу известного писателя Олега Волкова.

«... Каждое известие об организации нового заповедника или открытии музея я встречаю как шаг на пути подъёма народной жизни и расширения её культурной основы. В этом отношении объявление Суздаля городом-заповедником представляет крупнейший вклад в дело утверждения национального самосознания, воспитания уважения и любви к труду и таланту русских людей, создававших наше государство. Старинный город, знавший в далёком прошлом расцвет и преуспевание, затем утихший и захиревший... отныне станет хранителем и глашатаям традиций народа.

Пройдут века, и посетители города-музея – наши далекие правнуки – увидят уголок старой России, их обступят вещественные свидетели давно исчезнувшего уклада, отражающие вкусы, таланты и идеалы суздальцев.

Это должно помочь потомкам ощутить живую связь поколений, без которой нет здоровой нации...»

Создание города-музея, чей рост и развитие подчиняются основной задаче приёма потоков гостей, – дело новое, сложное и исключительно ответственное, потому что это только начало. В ряд за Суздалем уже выстроились другие древнерусские города, которые ждут своей очереди.

Наше время в большом долгу перед памятниками прошлого. Создание города-заповедника в Суздале служит примером патриотического и хозяйского отношения к наследию страны...»

А вот какими мыслями поделился в своей статье «Город встреч» академик, вице-президент Академии наук СССР М. Миллионщиков:

«Мне приходилось видеть такие города-музеи, как Удайпур в Индии, Венеция, Дубровник. Наш Суздаль не уступает им: настолько своеобразны и полны обаяния его архитектура и природный ландшафт. Это сказочно красивый город.

Суздаль, превращённый в город-музей, несомненно, привлечёт к себе многочисленных туристов, художников, историков, этнографов.

Хочется сказать ещё об одной его возможности. Суздаль, мне кажется, может стать гостеприимным местом различных общесоюзных и международных совещаний учёных. Тишина города-музея, комфортабельное размещение в нём участников таких совещаний в сочетании с эстетическим воздействием старинной архитектуры и окружающей природы – всё это отличные условия для плодотворных симпозиумов учёных любой отрасли науки. Впрочем, видимо, не только учёных. Почему бы не проводить здесь и писательские семинары, встречи художников, архитекторов, композиторов? Почему бы не сделать здесь традиционными турниры шахматистов? Всё это, в свою очередь, привлечёт в Суздаль ещё больше туристов».

Обеспечить... увеличить... организовать...

17 августа 1967 года газета «Известия» сообщила на всю страну о принятом Советом Министров СССР решении создать в Суздале туристский центр. Для этого правительство дало ряд поручений:

«Совмину РСФСР обеспечить строительство и реконструкцию в 1968–1971 гг. гостиниц, предприятий торговли и общественного питания, жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства, а также проведение работ по реставрации памятников истории и культуры в Суздале.

«...в Суздале самым ценным являются не отдельные выдающиеся памятники и даже не ансамбли их, а сам город, со всем его колоритом, масштабом, слиянием природы и архитектуры».
В. Н. Выборный, архитектор.

Дорожный указатель.
Фото Л. Радзиевской.
1967

Комитету по печати при Совмине СССР увеличить выпуск на различных языках народов СССР и иностранных языках выпуск альбомов, буклетов, рекламной продукции, рассказывающей о Суздале.

Комитету по кинематографии – организовать выпуск кинофильмов для популяризации памятников истории и культуры Владимиро-Суздальской Руси и рекламы туристского центра».

31 августа 1967 года «Комсомольская правда» опубликовала интервью с автором проекта туристского центра М. А. Орловым.

«Корр.:– Почему туристский центр решено создать именно в Суздале? Как будет выглядеть Суздаль – туристская столица? Не испортят ли новые здания вид города? Не грозит ли Суздалю опасность стать шумным многолюдным городом и таким

образом потерять свою прежнюю прелесть заповедного уголка?»

Орлов: – Мы, архитекторы, прежде всего озабочены тем, чтобы сбегать в Суздале его неповторимый «аромат старины». Целиком сохранится старинный силуэт и масштаб города... Суздаль останется таким же маленьким и уютным. Не будет затронута и окружающая город природа».

7 сентября 1967 года газета «Суздальская новь» под шапкой «Центральная печать о нашем Суздале» поместила публикацию «Гипрогор – придумщик городов». Именно «Гипрогор» по поручению Комитета по архитектуре и гражданскому строительству РСФСР вёл разработку проекта генерального плана Суздаля. Вот что говорилось в статье:

«... В будущей Мекке туристов они не только увидят образцы русского зодчества – соборы, монастыри, церкви, гражданские здания с прекрас-

ными работами мастеров живописи и керамики, но и как бы прикоснутся к жизни людей, создавших все эти необычайные ценности. Картины их жизни дополнит воссоздаваемый в неприкосновенности пейзаж: заросли хмеля, мостки через речку Каменку, где брали воду; луга, вторгавшиеся в самый центр города; огороды, словно волнами сбегавшие с холмов от монастырских стен...»

...Но ведь такой город будет стремиться посетить большое количество людей? Правда, установлен предел – девять тысяч приезжих в день. Это два с половиной миллиона в год. И для них здесь предусмотрен полный комфорт. В отдельных зонах города будут размещены гостиницы, турбазы, дома творчества писателей, композиторов, архитекторов, художников, киностудия, филиалы исследовательских институтов, киноконцертный зал, мастерские художественной и местной промышленности и т. д.

Но век нынешний не станет мешать веку минувшему. Он будет отделён от заповедной зоны и спрятан так, что не сможет восприниматься теми, кто осматривает древний Суздаль. Строго ограничена высота новых зданий. С какой стороны ни подъедешь к городу, всюду откроется одна только панорама древнего Суздаля, города-поэмы, повествующей о славном прошлом русского народа...»

16 января 1968 года «Правда» вышла со статьёй А. Кожина «Хранитель красоты», в которой автор с некоторым пафосом писал:

«... Как известно, богатый памятниками старинного зодчества Суздаль решено превратить в крупный туристский центр и исторический заповедник. Да, пройдёт время, и здесь откроются турбазы, мотели, кемпинги, новые гостиницы, где одновременно смогут разместиться 20 тысяч человек (? – В. Б.). Приезжайте, любуйтесь старым городом, учитесь, впитывайте мудрость минувших эпох. Их духовным наследием мы владеем по праву Октябрьской революции, по ленинскому декрету, объявившему дорогие нам памятники прошлого неприкосновенным народным достоянием...»

5 марта 1968 года «Суздальская новь» опубликовала интервью «Сегодня в Суздале», в котором корреспондент журнала «Наука и жизнь» Т. Кравченко беседовала с автором проекта туристского центра Орловым.

Отвечая на первый вопрос, касающийся взаимоотношения памятников старины и туризма, Марк Артурович привёл довольно любопытную информацию:

«Орлов: – Туризм превратился теперь в специфическую отрасль мировой индустрии. В 1963 году в общей сумме доходов мирового хозяйства ему при-

«Мы, архитекторы, прежде всего озабочены тем, чтобы сбегать в Суздале его неповторимый «аромат старины»». М. А. Орлов, автор проекта туристского центра.

надлежит 9.5 миллиарда долларов США, а нефти, которая, образно говоря, является кровью нашего моторизованного века – всего 8 миллиардов!

Только тогда памятник обретёт вторую жизнь, если сюда будут приходить экскурсии, если будут развёрнуты музейные экспозиции, а в некоторых помещениях будут даже работать мастера, изготавливая те произведения искусства, которыми славилась местность и город. Политика же «стеклянного колпака» над предметом «воздыханий и любований», система «войлочных туфель» обречена на неудачу, так как тогда памятник станет доступен и понятен лишь единицам, а не тысячам.

Корр.: – Как вы относитесь к предложению о создании фирмы под условным названием «Русь» или «Суздаль», членами которой были бы и проектные, и реставрационные, и общественные организации?

Орлов: – Полагаю, что создание Дирекции туристского центра, которая будет решать все вопросы жизни этого центра с участием специалистов-архитекторов, историков, музейных работников было бы целесообразным. Однако проектировать такой сложный объект при помощи такой «фирмы» просто невозможно. Это слишком серьёзная задача, чтобы можно было позволить себе заниматься экспериментами в области организации проектирования...

<...> Будущее Суздаля волнует многих! Не всё будет простым и лёгким в воплощении замыслов архитекторов при создании первого в стране города-заповедника. Много проблем возникнет в процессе работы, но все они разрешимы при соблюдении главного – бережного отношения к родной старине, к нашей истории...»

«Суздаль – город заповедный»

8 марта, 20 и 22 июня 1968 года суздальская газета «Сельская новь» под шапкой «Разговор об охране архитектурных памятников» перепечатала из журнала «Наука и жизнь» большой материал «Суздаль – город заповедный». На вопросы Т. Кравченко отвечали известные в стране люди – директор Института археологии академик Б. Рыбаков, писатель В. Солоухин, заслуженный деятель искусств РСФСР В. Иванов, доктор физико-математических наук Я. Смородинский, выдающийся советский археолог, лауреат Ленинской премии Н. Воронин, открывший в Боголюбове княжеский дворец XII века. Каждому из них было задано шесть вопросов.

1. Каково должно быть соотношение старого и нового в современном городе?

2. Что понимать под памятником архитектуры?

3. В чём, на ваш взгляд, основная ценность архитектурного памятника?

4. Нужны ли города-заповедники и какие они могут быть?

5. В чём вы видите их основное предназначение?

6. Каким вам представляется Суздаль: центр туризма, заповедный город, зона отдыха?

Самый большой интерес для читателя, я думаю, представляет ответ на последний вопрос.

«Б. Рыбаков: – Суздаль, как и любой город-заповедник, может быть и городом отдыха, и городом туризма, но нужно соблюдать чувство меры, чтобы не превращать на потребу туристам поэтический старинный город в зазвонную ярмарку с плохо задуманными аттракционами. «Город-разгуляй» привлечёт к себе только самую невзыскательную часть туристов и отпугнёт серьёзных любителей старины...»

В. Солоухин: – Мне думается, что когда речь идёт о городах-заповедниках, надо в первую очередь заботиться о реставрации. Реконструкцию же таких городов нужно вести очень осторожно и обдуманно, иначе впечатление от города может стать таким же, как от макета города, выставленного в музее, но только в натуральную величину. Душа древнего города улетит навсегда.

Сочетание старины и модернизма мы наглядно видим в комплексе гостиницы «Россия». Колоссальные стеклянные плоскости, может быть, даже подчёркивают несколько древних церквушек, нарочно оставленных поблизости, но можем ли мы сказать, что тут присутствует дух старой Москвы? Красота остаётся, а обаяние исчезает.

В существующем проекте речь идёт не столько о реставрации Суздаля, сколько о его реконструкции, не о том, чтобы воссоздать старый Суздаль, а о том, чтобы приспособить к пропускаемости туристов по 8 тысяч человек в день при сохранении внешнего вида основ архитектурного сооружения. Но это, конечно, в миллион раз лучше, чем если бы Суздаль постепенно лишился даже внешнего своего лица, как это уже произошло со многими городами, большими и малыми...

В. Иванов: – Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо условиться, как мы конкретно расшифровываем понятие «центр туризма». Не считаю правильным использовать Суздаль как некий административно-хозяйственный пункт, в котором собираются туристы для ночёвки, питания, развлечений. Я против того, чтобы в Суздаль продавали турпутёвки на 12 или 24 дня, и из гостиницы или палаточного городка, расположенного в Суздале, туристы после знакомства с памятниками

«„Город-разгуляй” привлечёт к себе только самую невзыскательную часть туристов и отпугнёт серьёзных любителей старины...»
Б. Рыбаков, академик, директор Института археологии АН СССР.

города совершали однодневные или многодневные вылазки в его окрестности.

Совершенно недопустима в Суздале и зона отдыха в понимании, адекватном дому отдыха. Суздаль представляется мне похожим на Дубровник в Югославии, Кведлинбург в ГДР или Венецию.

Иначе говоря, в Суздаль прибывают все, кто интересуется им как историческим городом, сохранившим свой облик, свою атмосферу, располагающим историческими музеями и необходимым комплексом современного комфорта.

В Суздаль едут не развлекаться, а знакомиться с памятниками национальной культуры. Это нужно учесть нашим туристским организациям. Должны быть также созданы условия и для индивидуального туризма.

Сезонность туризма неизбежна – её обуславливают, прежде всего, климатические условия. Но есть возможность в зимний сезон устраивать, например, в январе – фестиваль «Ёлка», а в феврале – «Масленица», где немало места займут музыка, песня и танец.

Возможно, нам в Суздале не следует строить под старину, а сохранить всё, что осталось и может ещё быть использовано. Например, дома с русской печью, с лежанкой, наверное, имели бы успех. А новое строить только на уровне современных эстетических требований. И дело здесь в мастерстве, в художественной зрелости коллектива архитекторов, который будет осуществлять строительство в Суздале...

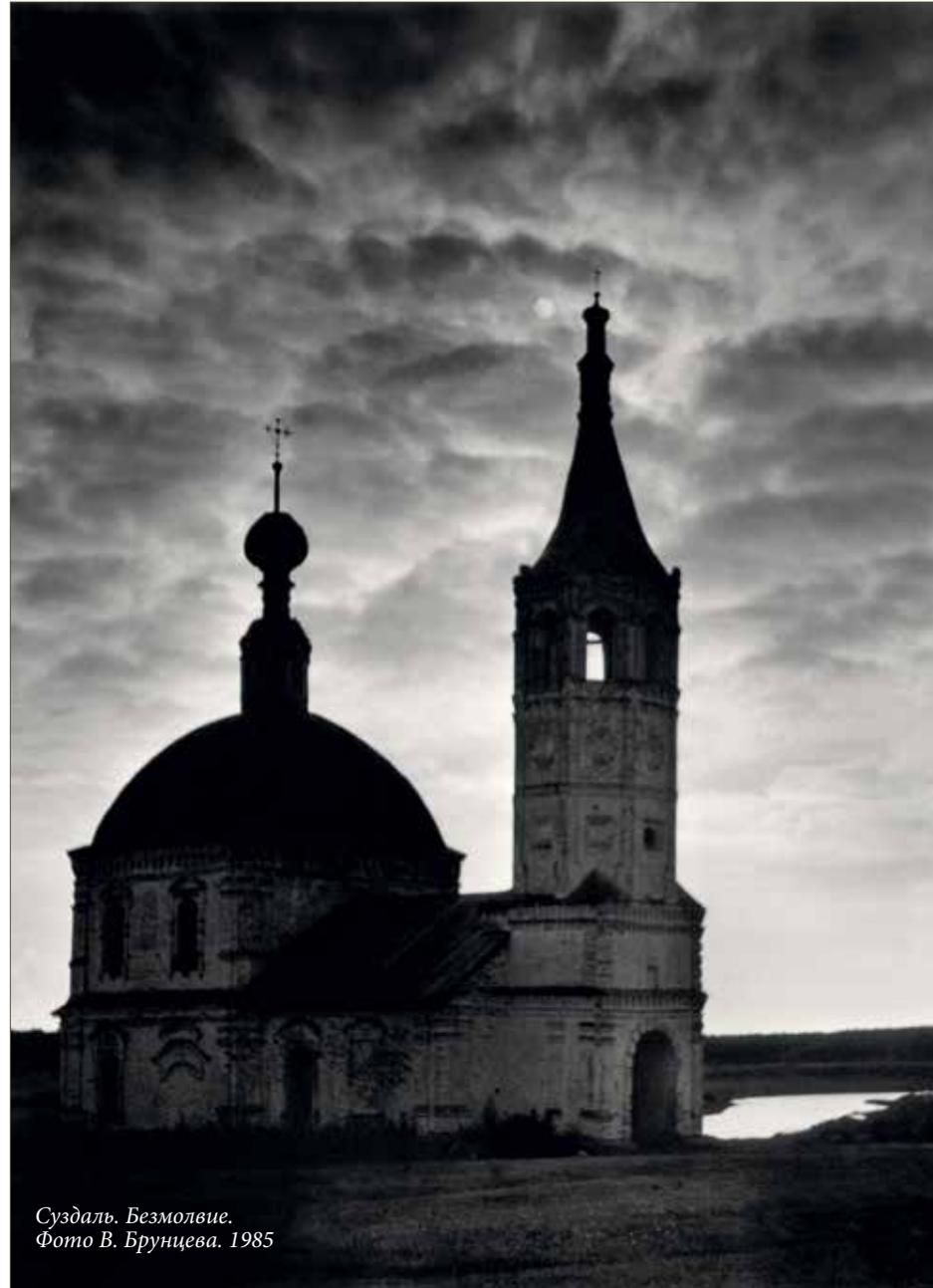
Я. Смородинский: – ...Непонятно, зачем надо объединять туризм и город-заповед-

Борис Александрович Рыбаков

Владимир Алексеевич Солухин

Суздаль. Безмолвие.
Фото В. Брунцева. 1985

ник. Нельзя музей осматривать между делом. Да впрочем, если и попадешь в такой заповедник, в спешке мало что почерпнешь: такой заповедный город уподобится огромному универсальному магазину.

Туристская база должна быть (с хорошим рестораном и без) совсем в другом месте. Деньги же, вырученные от туристской базы, можно отдать городу. Ведь никто не предполагает устраивать в Большом театре бассейн для плавания, а в Эрмитаже – зал для танцев. Зато в городе-заповеднике можно проводить театральные и музыкальные фестивали, связанные с обычаями этого города...

Н. Воронин: – ...Ссылаясь на зарубежный опыт, проектанты считают, что одни памятники не обеспечивают достаточной рентабельности Суздаля, который требует создания в заповедном городе продуманной системы отдыха, развлечений, торговли и общественного питания. Полагаю, что не везде и не всегда обязательно следовать опыту зарубежного бизнеса: мы не бизнесмены, нам не к лицу торговать Суздалем.

Суздаль, прежде всего и раньше всего – святыня и сокровищница великого русского народа, он нужен бесконечным поколениям русских людей. Его неприкосновенность должна быть рассчитана на века. Поэтому с Суздалем нельзя торопиться, стремясь к скорейшему обороту средств.

Не сомневаюсь, что никто не осудит, если мы будем строить столицу туризма медленно, но верно, без напора, взвешивая каждое мероприятие, соразмеряя каждый шаг, привлекая к этой работе крупных специалистов и реставраторов.

Яков Абрамович Смородинский

Николай Николаевич Воронин

...Оккупация монастырей гостиницами и „пищевблоками” повлечёт за собой скопление тары, мусора, подсобных времянок. И совсем недопустим в пленительном своей пустынностью и тишью Александровском монастыре Дом художников на 50 мест с кафе при нём.

Совсем нетерпима и сама архитектура гостиниц, в основу которых положено условное изображение уличной застройки на старых фундаментах в виде «гармошек» слившихся друг с другом изб.

Гостиницы решены в виде срубленных двухскатных секций, расчленённых огромными кирпичными брандмауэрами. Как говорится, „ни красы, ни радости”. В том же духе мыслится воздвижение у подножья Спасо-Евфимиева монастыря русского кабака „Старая мельница” на 50 мест.

...Я убеждён, что гостиницы должны быть простой, непритязательной, современной архитектуры. Стоит умерить страсть к развлекательным и питейным заведениям...»

«Реставрация или ресторация?»

2 апреля 1968 года «Суздальская новь» в статье «Итак: проблемы Суздаля» сообщила, что в Центральном совете Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о дальнейших перспективах реконструкции и реставрации Суздаля в связи с его превращением в туристский центр.

С докладом выступил М. А. Орлов. Марк Артурович говорил о необходимости координации через Госстрой РСФСР действий всех организаций, участвующих в создании туристского центра. Он высказал пожелание, чтобы все, кто заинтересован в судьбе Суздаля, присылали свои предложения проектировщикам.

И всё-таки первенство в полемике о Суздале держала популярнейшая в то время «Литературная газета», главным редактором которой был известный советский писатель и общественный деятель, Герой Социалистического Труда Александр Борисович Чаковский.

10 апреля 1968 года, ровно через год после вполне оптимистических заметок Олега Волкова «Воссоздаваемая поэма», словно гром среди ясного неба, прогремело новое выступление того же автора на страницах той же «Литературки». Статья «Снова о Суздале» имела весьма говорящий подзаголовок: «Реставрация или ресторация?», который, конечно, и был её настоящим названием.

Олег Васильевич Волков, «известный приверженец сбережения всего, что находится под угрозой», год назад восхищался самой идеей восстановления Суздаля и создания там турцентра. Он был одним из создателей и активных членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, основанного в 1965 году. К его чести, он первым в своё время поднял тревогу по поводу сохранения Байкала, а также был вдохновителем той самой «лесной» дискуссии, которая началась в «Литературке» после его открытого письма министру лесного хозяйства СССР о сохранении наших лесов. В общем, человек довольно известный.

Незадолго до выхода в свет новой статьи Волков приезжал в Суздаль. Он так описал свои впечатления:

Рекламная продукция 1968 года

«... И вот я сижу за деревянным, столярной работы столом, на устойчивом тяжёлом табурете и с удовольствием оглядываю со вкусом и пониманием убранный помещением трактира „Суздаль”.

Итак, благодушествовую и раздумываю. Впечатлений множество. И одно из них поразило больше всего: оказалось, что в преддверии весны Суздаль наводнён посетителями. Возле кремля тесно стоят автобусы, приехали сюда из ближних и дальних городов. Техникумы, институты различные учреждения и заводы организуют групповые посещения Суздаля... Такая всеобщая тяга к первоклассному архитектурному памятнику – явление в высшей степени отрадное и обнадеживающее, но одновременно вызывает и некоторое беспокойство. Не за горами лето, когда

Вид города Суздаля с Владимирского тракта.
Литография
А. Наркова
с рисунка С. Егорова.
1880

возрождающийся город захотят увидеть сотни и сотни тысяч людей. Если не предусмотреть, как рассредоточить поток гостей, не обеспечить удобные и культурные условия посещения Суздаля, неизбежны толчея, неразбериха и бесконечные очереди...»

Автор рассказал, что побывал во Владимирских реставрационных мастерских, чтобы узнать, как выполняется правительственное решение о превращении Суздаля в город-музей по проекту реконструкции «Гипрогора».

«... Мне повезло в том смысле, что на специальном совещании архитекторов, представителей областного отдела культуры и общества памятников как раз обсуждались реставрационные работы в Суздале.

Однако суть их и основная направленность вызвали у меня недоумение, и возник сам собой вопрос: что мы возвращаем к жизни на пользу культуре и просвещению, ценнейший ансамбль исторических и архитектурных памятников, целую панораму прошлого России или решили создать оправу в русском вкусе для дегустации квасов, медовух, калганых и иных настоек под грибок и тёртую редьку? К упомянутому мной

трактиру, уже открытому, должны прибавиться рестораны в торговых рядах, кафе в Архиерейских палатах и сбитенные, бары, погребки, квасные...

О них одних толкуют, только ими озабочены архитекторы, которых терзает неутомимый заказчик – ЦНИИЭП торговых зданий. Ему нужно, чтобы, прежде всего, было открыто не менее 40 питательно-питьевых точек, никак не меньше – иначе какой это, с позволения сказать, город-музей?.. Нынче мода на буфеты с напитками даже под крышей музея, внутри памятника.

Но как не понимать, что приобщение к красоте, познание искусства, сосредоточенная дума возле памятников истории, то есть памятников подвигам русского народа, требуют тишины, собранности мыслей, благоговейного настроения... Нельзя потворствовать дурной привычке всегда и во всём находить предлог для весёлых застолий, способствовать подмене восхождения по не всегда лёгким ступеням, ведущим к познанию культуры, скольжением по тропкам развлечений...

Нельзя, пожалуй, удивляться, что нынешний исполнитель решения о Суздале – институт проектирования торговых зданий – озабочен в первую очередь возведением ресторанов и кафе, раз таков его профиль. Удивительно другое – почему именно ему предоставили руководящую роль в деле восстановления и реставрации старинного города? Слов нет, будущий Суздаль немислим без отвечающей его нуждам сети столовых, гостиниц, автомобильных площадок, бытовых зданий. Но придёт ли кому в голову поручить строительство нового города или посёлка банно-прачечному комбинату на том основании, что без бани и прачечной не обойдёшься?

Утверждённый проект «Гипрогора», о котором уже писала «ЛГ» 22 февраля 1967 года, сейчас, по существу, отложен в сторону, и работы в Суздале ведутся по каким-то новым намёткам и графикам ЦНИИЭП торговых зданий. Налицо значительные отступления от проекта, не соблюдается важный принцип: оградить будущий центр Суздаля от переполнения посетителями. В озеленении, использовании существующих зданий, в размещении городских учреждений, во многом другом наблюдается разноречивость, признаки отсутствия единого чёткого плана...

И надо, наконец, создать – сколько об этом говорилось и выносилось решений! – консультативный общественный совет из видных специалистов по Суздалю, наделённых правами учёного совета при организации, осуществляющей реконструкцию города. И если ему суждено быть Институтом проектирования торговых зданий, этот учёный совет сможет противопоставить его отраслевым симпатиям твёрдую линию,

«...мы возвращаем к жизни, на пользу культуре и просвещению ценнейший ансамбль исторических и архитектурных памятников, целую панораму прошлого России или решили создать оправу в русском вкусе для дегустации квасов, медовух, калганых и иных настоек под грибок и тёртую редьку?»
О. В. Волков,
писатель.

которая обеспечила бы достижение конечной цели, отлично, на мой взгляд, сформулированной академиком Б. Рыбаковым (в его статье „Разговор об охране памятников”. См. выше. – В. Б.)... Нынешний „ресторанный крен” следует выправить как можно скорее – это позволит избежать многих ошибок в дальнейшем...

...Будем помнить, что вслед за Суздалем предстоит оживить лежащие пока втуне бесценные художественные и исторические сокровища в других старинных русских городах. Ещё должны явить миру одарённость русского народа Белозерск и Торжок, Гороховец и Переславль-Залесский, Великий Устюг, Каргополь, Старица... Да разве перечтёшь! Суздаль задаст тон, послужит образцом, который должны будут перенять другие города».

С точки зрения формального подхода к названию института, автор этой статьи, быть может, и прав. Действительно, с какой стати проектирование необычного по своей сути туристского комплекса, требующего активного вторжения в святая святых – памятники бесценного для нас древнего русского зодчества Суздаля – было поручено торговцам и бытовикам?

Однако в этом и кроется главная ошибка Олега Волкова: весь свой гнев он обрушил на институт, исходя из его не совсем благозвучного названия. И сделал это мастерски тонко и даже в какой-то степени по-иезуитски (вспомните «банно-прачечный комбинат»!).

Будем объективны: возможности Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре России были невелики, в его арсенале – всего семь Централных научно-исследовательских институтов экспериментального проектирования. При этом, кроме нашего ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий, потенциальными проектировщиками могли стать только два – ЦНИИЭП лечебно-курортных зданий, который в те годы возглавлял талантливый архитектор А. Т. Полянский*, либо ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений, директором которого был не менее талантливый архитектор Б. С. Мезенцев**.

Однако проблема как раз в том и состояла, что ни один из трёх названных институтов вместе с их уважаемыми директорами не имел никакого опыта проектирования комплекса, подобного суздальскому.

Из этих практически равных конкурентов председатель Госгражданстроя РСФСР М. В. Посохин выбрал хорошо ему знакомого по мно-

* Соавтор проекта павильона СССР на Всемирной выставке в Брюсселе, автор проекта комплекса лагеря «Артек» в Крыму.

** Автор высотного здания на Лермонтовской площади в Москве, а также ещё строящегося тогда Ленинского мемориала в Ульяновске.

голетней совместной работе Марка Артуровича Орлова – умного, грамотного, и, что было исключительно важно, наиболее представительного и делового. Как подтвердила жизнь, выбор был сделан верно!

Что же касается названия института, то, исходя из основного его назначения, оно, на мой взгляд, должно быть немного другим. Ну, например, – ЦНИИЭП общественных зданий. Это было бы правильно и темы «ресторации» никто б не поднимал. Однако Марк Артурович, усиленно занимаясь вопросами создания крупных туристских центров в Пскове, Новгороде, в Узбекистане и Армении, довольно долго вынашивал другое название, более точно соответствующее направлению работы института. Так появился ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и туристских комплексов (это название было узаконено лишь в семьдесят первом году).

Появление в «Литературной газете» статьи с едким и броским заголовком «Реставрация или ресторация?» стало той самой ложкой дёгтя, которая портит бочку мёда.

«Ударный механизм был заведён. И бомба взорвалась. На следующий день в кабинетах редакции уже захлёбывались телефоны: проектировщики, поддержанные самыми высокими своими московскими инстанциями и владимирскими областными организациями, официально заявляли, что факты, изложенные в газете, не соответствуют действительности», – напишет через несколько лет в той же газете писатель А. Левиков.

На нашумевшую статью М. А. Орлов со товарищи подготовили свой ответ, но руководство газеты не сочло нужным его напечатать. Оскорблённый до глубины души как названием, так и содержанием статьи Волкова, Марк Артурович обратился за помощью к первому секретарю

Суздаль. Фотография знаменитого Анри Картье Брессона, сделанная в 1972 году

Появление в «Литературной газете» статьи с едким и броским заголовком «Реставрация или ресторация?» стало той самой ложкой дёгтя, которая портит бочку мёда.

Владимирского обкома партии М. А. Пономарёву, с самого начала поддерживавшего его идею создания туристского центра в Суздале.

Михаил Александрович решил во всём досконально разобраться и пригласил во Владимир главного редактора газеты Чаковского. По неизвестным причинам Чаковский отказался от этой поездки, но отправил вместо себя писателя Александра Смирнова-Черкезова, члена редколлегии «Литературной газеты», писателя Александра Левикова и публициста Владилена Травинского, известного своей вьедливостью. Они должны были на месте разобраться в происходящем, после чего посетить обком партии.

«Как скрупулёзно мы влезали тогда во все детали, во все подробности! – вспоминал через несколько лет на газетных страницах Александр Левиков. – Как придирчиво вглядывались в фасады и интерьеры, планы и сметы, чертежи и меню... Мы же „из-за меню“, из-за обвинения проектировщиков в ресторационном крене приехали сюда!»

Смирнов-Черкезов до писательства был инженером, строил заводы на Урале и высотные здания в Москве. *«Инженерный стаж его составлял 20 лет! Поэтому, надо полагать, в чертежах он разбирался довольно хорошо»,* – писал о нём Левиков.

«Помню долгий, горячий диалог нашей бригады с проектировщиками и руководителями Владимирской области. Нам говорили: будут музеи в отреставрированных памятниках, будет полный комплекс сервиса для туристов, глубокое уважение к искусству и истории, тактичное сочетание старого и нового зодчества – всё это будет! Нам говорили: авторы проекта не испортят Суздаля, хотя и намерены строить именно в городе, а не за чертой его. Только такое решение здесь приемлемо, обоснованно, логично. Любая индустрия в старом городе рано или поздно приходит в противоречие с памятниками, требует специальных решений и средств на их сохранение, а индустрия туризма всем своим существом зависит от сохранности памятников. И невозможно же, горячились наши оппоненты, становиться на снобистскую позицию! Турист не будет сыт памятниками, нужны хорошие рестораны, кафе, предприятия занимательного питания, разные там медовухи и горшочки, блюда исконно русские, приготовленные по древним рецептам. Да кто же против? С этим и мы целиком согласны. Но крен... Удручающе облезлые монастырские стены и привлекательные, аппетитные горшочки „по-монастырски“... Сердились проектировщики: „Будет, будет вам и „реставрация“!“ Как и Олег Волков, они вкладывали в это слово смысл широкий, касающийся всего архитектурно-художественного и музей-

но-исторического комплекса, а не только восстановительного ремонта фасадов и интерьеров.

...Встал Александр Иванович Смирнов-Черкезов и внёс на том памятном совещании во Владимир предложение от нашей группы корреспондентов: пусть архитектор Марк Орлов в ближайшем номере „Литературной газеты“ ответит писателю Олегу Волкову. Пусть скажет всё, что хочет, что думает. Пусть публично нарисует панораму будущего, обоснует свой образ мыслей и действий. А жизнь этот спор рассудит... Идея владимирцам показалась разумной, с ней согласились...

«Издержки полемики и издержки практики»

1 мая 1968 года «Литературная газета», продолжая тему, опубликовала два монолога. Они не были опровержением статьи О. Волкова «Реставрация или ресторация?», нет! В них автор планировки Суздаля В. Выборный из «Гипрогора» и автор туристского центра М. Орлов убедительно высказали свою точку зрения на решение этой сложной задачи.

В статье «Издержки полемики и издержки практики» Выборный признался, что его заинтересовала позиция Волкова, в которой, с одной стороны, он увидел «досадные фактические неточности», а с другой, он огорчён тем, что «авторский залп в основном пришёлся по позициям тех, кто сегодня заслуживает скорее одобрения, чем критики», имея в виду большую работу по проектированию и созданию туристского центра.

«То, что сделано и делается этим творческим коллективом, разумеется, нельзя, как это выглядит в статье О. Волкова, отрицать на том основании, что „увы“, пока ещё медленно реализуется остальная часть проекта планировки».

Однако в этом самом «увы» и заключено рациональное зерно написанного Волковым.

«Что происходит сейчас в Суздале? – продолжал размышлять В. Выборный. – Ответ на этот вопрос требует возвращения к истокам. Год назад „Литературная газета“ отвела целую страницу рассказу об одобренном Госстроем РСФСР и заинтересованными инстанциями проекте планировки Суздаля, разработанном институтом „Гипрогор“, и о будущем туристском центре, проект которого был создан институтом ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий. Оба эти проекта рассматривались и утверждались одновременно. В то время ни у кого не было сомнения

Александр Борисович Чаковский, главный редактор «Литературной газеты»

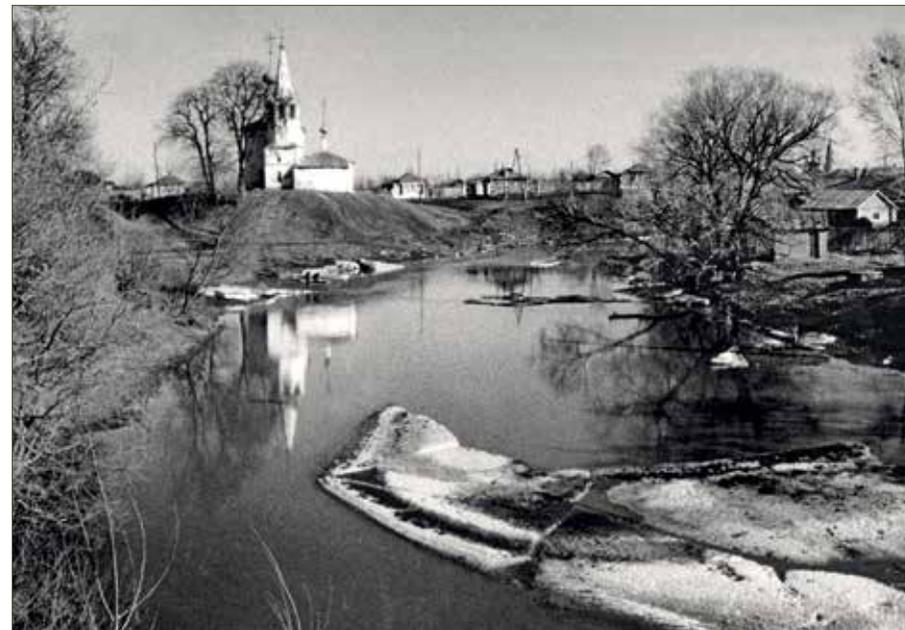
Покровский
монастырь зимой.
Суздаль.
Фото В. Брунцева.
1985

в том, что „туристский центр” органично вписывается в генеральный план города и не может противопоставляться ему. Нелепо противопоставлять часть целому. Теоретически это признаётся и сейчас, на практике же, к сожалению, получилось так, что часть стала доминировать над целым. Неправ О. Волков – нельзя обвинять в этом авторов проекта „туристского центра”, наоборот, они хорошо делают своё дело и не могут не торопиться, поскольку постановление о туристском центре в Суздале нужно выполнить в очень сжатые сроки. Но вместе с тем нельзя не разделять тревоги автора статьи „Реставрация или ресторация?»; ведь, действительно, многие работы, задуманные в комплексе, не ведутся!

...Генеральный план предусматривал сохранение целиком всего города как памятника архитектуры и градостроительства, реконструкцию города, восстановление самой атмосферы древнего русского города и намечал программу превращения Суздаля в центр отдыха, искусства и туризма. В нём решалась проблема создания максимальных удобств для местных жителей и приезжих...

Но ведь требуются и дополнительные сверх выделенных на туристский центр ассигнования, и существенное укрепление строительной

Ледоход на реке
Каменке. Суздаль.
Фото В. Брунцева.
1972.

базы, да и просто время... Город Суздаль – единое целое и нельзя, скажем, приглашать тысячи гостей со всего света, не сделав, помимо туристского центра, ещё и соответствующей современной реконструкции жилья и быта горожан.

Суздаль так и не объявлен заповедным городом, хотя это лишь способствовало бы целям создания туристского центра. Город, уникальнейший по своему характеру, не взят под специальную охрану государства, что особенно важно сейчас, в период строительства, поскольку могут быть допущены непоправимые ошибки.

Не объявлен заповедным и не охраняется государством ландшафт вокруг Суздаля, непередаваемой красоты пейзаж, без которого Суздаль немислим...

...Вызывает, однако, огорчение некоторая стихийность, обнаруживающаяся в суздальских делах сегодня. Пока, конечно, отступления от генплана не очень большие. Но в сумме они могут дать столь значительное отклонение, что получится совсем не тот Суздаль, о котором мечтали, который хотели восстановить и сохранить, ради которого создаём мы здесь туристский центр и собираемся звать гостей...

...Пока ещё очень мало делается и для создания многочисленных музеев, которые были задуманы в генеральном плане. А это гигантская работа, надо собрать огромное количество экспонатов, продумать экспозицию. Надо уже сейчас готовить соответствующие помещения для музеев, именно сейчас – потом будет поздно, ведь эти помещения в зданиях-памятниках могут быть приспособлены для других целей туристского центра.

...Городом в настоящее время занимаются около десяти проектных институтов. Каждый заботится о своей „доле”. Координации практически нет. Этим, кстати, объясняются и недопустимые отступления от генерального плана, и большие трудности корректировки его по ходу дела, что совершенно естественно и необходимо. Нужен единый хозяин, способный выступать, как заказчик всех работ, координировать действия разных организаций и институтов, отвечать за качество решений, за реконструкцию и реставрацию, за приём туристов.

...Сейчас создана Дирекция строящегося туристского центра, что, конечно, важно и устраним многие сегодняшние недоразумения. Но этого мало. Необходимо создать, помимо дирекции (а может быть, и над нею?), научный совет из учёных, архитекторов, археологов, писателей, краеведов и т. д. И не бесправный совет, а действенный, рекомендации которого были бы серьёзными, убедительными и обязательными. Если же мы не будем иметь такого совета, то, я боюсь, что вся остальная часть программы, предусмотренной генеральным планом, ещё больше отстанет от работ по созданию комплекса обслуживания туристов. В результате всё будет сделано для тех, кто захочет смотреть, и очень мало для того, что именно нужно смотреть.

Статья Олега Волкова, в чём-то ошибочная, а в чём-то и верная, отражает некоторую сумятицу в умах некоторых архитекторов, учёных, писателей, которые озабочены будущим Суздаля. Нет ясности в умах многих – что возможно и что недопустимо? Город-заповедник без массового туризма? Нелепость!

Массовый туризм без города-заповедника? Ещё более нелепо.

Но теперь, после того как принято постановление правительства и уже успешно идёт его реализация, такая разногласия лишь плод неосведомлённости или недоразумения. Ясно, что в Суздале необходим и будет туристский центр. Но не нужно забывать, что в правительственном постановлении одновременно говорится также и о задачах реставрации памятников; речь-то идёт не просто о туристском центре, а о создании „индустрии впечатлений” в уникальном заповеднике истории архитектуры...»

Не памятники и «нарпит», а познание и отдых!

В ответном выступлении «Не памятники и „нарпит”, а познание и отдых!» Марк Артурович Орлов с самых первых слов, как говорится, взял быка за рога:

«Статья О. Волкова „Снова о Суздале” (ЛГ № 15) вызывает удивление и решительные возражения. Уж не с ветряными ли мельницами взялся воевать автор? На основании надуманных или неточных фактов он строит свою концепцию того, что происходит сейчас в Суздале, имеющую мало общего с действительностью. В этом, во всяком случае, не может быть сомнения у тех, кто знаком с содержанием и ходом проектных работ по созданию туристского центра в древнем русском городе.

Если внимательно проанализировать основную тенденцию статьи, то станет очевидным, что по существу, О. Волков пытается, хотя и в умело завуалированной форме, противопоставить массовый туризм задаче сохранения и изучения памятников. И хотя он выражает радость по поводу интереса к памятникам Суздаля со стороны „техникумов, институтов, различных учреждений и заводов”, по сути дела, озабочен тем, как рассредоточить, отделить и изолировать этих посетителей от города, заставить тысячи людей, которые приедут в Суздаль, чтобы увидеть этот старинный город, жить и отдыхать в „складках” окружающей местности.

Он с удовольствием вспоминает в статье о своём посещении трактира „Суздаль”, расположенного в самом сердце старого города, среди памятников, но мысль о том, что могут открыть ещё около десятка таких же „трактиров” („сорок” – количество выдуманное) и тем самым создать условия для того, чтобы их посещение стало доступно массе туристов, вызывает его решительное осуждение.

Идея создания в Суздале „такой же тишины, как для слушания музыки”, может быть осуществлена только тогда, когда к памятникам Суздаля будет иметь доступ лишь небольшая группа гурманов от искусства, а не тысячи туристов.

Оказывается, есть люди, которые предпочтут видеть памятники архитектуры пустыми и даже заброшенными (а без массового туризма это экономически почти неизбежно), чем искать средства приобщения к их познанию не только „посвящённых”, но и случайных посетителей, пришедших в Суздаль по скользкой, с точки зрения О. Волкова, „тропке развлечения” и отдыха.

«Сейчас создана Дирекция строящегося туристского центра, что, конечно, важно и устраним многие сегодняшние недоразумения. Но этого мало. Необходимо создать, помимо дирекции (а может быть, и над нею?), научный совет из учёных, архитекторов, археологов, писателей, краеведов».
В. Н. Выборный, архитектор.

А между тем, турист только тогда может почувствовать и понять смысл и красоту памятников архитектуры и тем более градостроительных ансамблей, когда он будет свободно, а не обязательно гуськом за экскурсоводом, передвигаться по этому городу, будет иметь возможность отдохнуть между осмотром памятников (вспомните великолепные рассуждения Стендаля о восприятии памятников искусства), сможет пожить в этом городе.

Идея чистого музея в масштабе целого живого города – это идея сомнительная во всех отношениях и, главное, экономически неосуществимая. Не случайно международная конференция специалистов по охране памятников, проходившая в Венеции, признала, что наилучшим средством сохранения памятников архитектуры является использование их в современных целях, разумеется, без нарушения их облика.

Сложность задачи создания туристского центра в историческом городе огромна – необходимо не только сохранить старину, но сделать так, чтобы в благоустройстве, освещении, озеленении, в неизбежно появляющихся новых тактично размещённых зданиях нашла своё выражение высокая культура нашей эпохи, и прежде всего, не тишина запустения, а наша истинная забота о неприкосновенном сохранении культурного наследия, забота о том, чтобы это наследие стало достоянием не любителей-одиночек, а многих тысяч гостей города.

Нашим институтом сделана серьёзная попытка создать проект не города-музея из нескольких десятков архитектурных памятников, а градостроительно оправданного и экономически обоснованного туристского комплекса. При безусловном сохранении и реставрации замечательных древних монастырей и храмов предусмотрено также и тактичное размещение в структуре города ряда учреждений туризма.

Особенность и огромная ценность Суздаля заключается в том, что сам этот город с его великолепной неповторимой панорамой, полным слиянием с окружающей среднерусской природой, малоэтажной и типичной застройкой только целиком может быть превращён в туристский центр...»

Далее Марк Артурович напомнил о том, что строительство туристского центра в Суздале ведётся на основании специального постановления Совета Министров СССР и что проектные предложения не раз обсуждались разными общественными и государственными организациями.

«Решение о превращении Суздаля в туристский центр создаёт новую реальную экономическую предпосылку, реальные условия для сохранения многочисленных архитектурных памятников, пейзажа и города в целом именно потому, что эти памятники в сочетании с туризмом становятся не только средством просвещения, но и главным градообразующим фактором.

Отечественный и зарубежный опыт показывает, что вне зависимости от интереса к объекту туризма развитие его возможно только при создании необходимых условий комфорта и отдыха, создании комплекса учреждений обслуживания. Без этого туризм, ставший для многих стран новой своеобразной „индустрией“, теряет свою экономическую основу, а многочисленные историко-архитектурные памятники лишаются одного из главных источников средств для их реставрации и сохранения.

И именно то, что коллектив ЦНИИЭПа разработал не только теоретические проектные предложения создания туристского центра, но и обосновал их экономическую целесообразность, чтобы открыть доступ тысячам людей к познанию Суздаля, это, видимо, и служит скрытой причиной „благородного негодования“ О. Волкова.

Основная идея проекта, над дальнейшей разработкой которого с большим напряжением и интересом работает коллектив нашего ЦНИИЭПа и целого ряда институтов и организаций, состоит в превращении Суздаля в один из заповедников истории архитектуры, в сохранении облика этого старинного города.

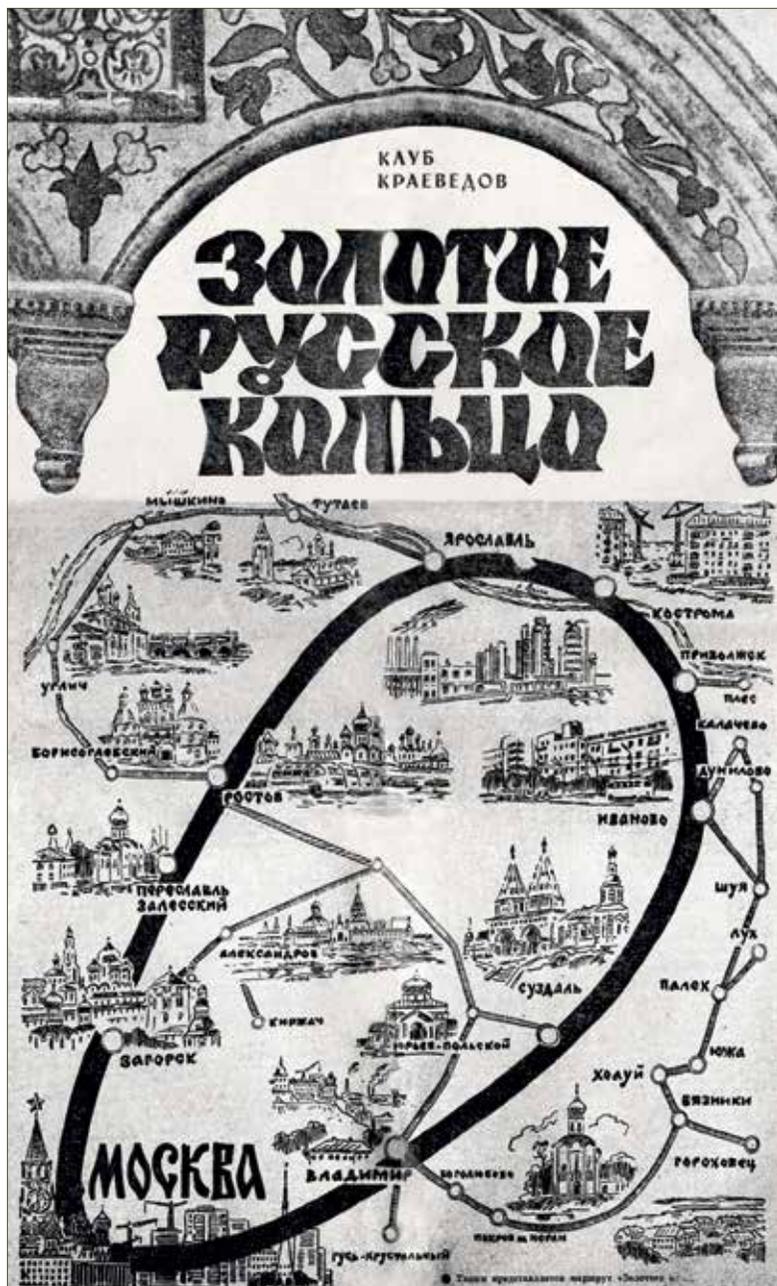
Наш институт поставил себе задачу – сделать всё необходимое, чтобы красота Суздаля стала достоянием многочисленных гостей. Независимо от того, кто они по профессии и возрасту, с каким настроением приехали, они будут покорены мудростью и совершенством творений древних русских мастеров. Познание и отдых (а не памятники и „нарпит“) не помешают друг другу.

Намечена большая программа научно-исследовательских и реставрационных работ, уже начатых Владимирскими реставрационными мастерскими. В освобождаемых от складов памятниках разместятся музейные экспозиции».

Орлов подробно рассказал о том, что будет сделано в Суздале по инженерному оборудованию, устройству дорог, расчистке реки Каменки и укреплению её берегов, устройству плотин для подъёма уровня реки и созданию водохранилища. Он сообщил, что институт занимается проблемами организации потоков туристов – системой

«Наш институт поставил себе задачу – сделать всё необходимое, чтобы красота Суздаля стала достоянием многочисленных гостей. <...> Познание и отдых (а не памятники и „нарпит“) не помешают друг другу».
М. А. Орлов, архитектор.

Марк Артурович напомнил, что строительство ГТК ведётся на основании специального постановления Совета Министров СССР и что проектные предложения не раз обсуждались разными общественными и государственными организациями.

освещения старинных улиц, ночной подсветкой церквей и монастырей, изоляцией междугородного транспорта...

«Для того чтобы обеспечить возможность широкого творческого обсуждения проблем конкретного проектирования, ход работ регулярно обсуждается на заседаниях президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, создана и специальная комиссия при Министерстве культуры РСФСР, в которую входят крупнейшие специалисты.

...Из всего изложенного очевидно, что дело обстоит совсем не так, как это освещено в статье О. Волкова. Выделены значительные ассигнования и определен срок основных реставрационных и строительных работ для создания туристского центра в Суздале – четыре года (1968–1971 гг.). Сейчас всем, кто истинно заинтересован в охране памятников и развитии туризма, необходимо сосредоточить усилия на том, чтобы обеспечить успешное осуществление этой большой задачи.

...Госкомитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, придавая большое значение разработке методики комплексного проектирования и экономического обоснования создания туристских центров в городах, богатых памятниками истории и культуры, поручил нашему институту создать научные и проектные подразделения для выполнения этих задач.

...И мы были бы очень признательны „Литературной газете“, если бы она нашла возможным довести до сведения своих читателей, что двери нашего института всегда были и будут открыты для тех, кто с подлинным интересом к сохранению родной старины захочет дать нам профессиональный совет, направленный на улучшение наших проектных решений.

Рисунок на стр. 108 – публикация в газете «Неделя», № 8, 1969

Пешком по будущей маршруту «Золотое кольцо России». Фото Л. Радзиевской. 1967

...Мы искренне надеемся, что успешное решение задачи создания туристского центра в Суздале послужит началом активного включения в систему туризма многих богатых архитектурными памятниками городов нашей страны. Разве не следует создать условия для широкого ознакомления наших туристов и зарубежных гостей с сокровищами Новгорода Великого, Пскова, с древними памятниками истории Армении, Самарканда, Бухары и многих других городов, сохранивших уникальные создания гения народных мастеров? ...Развитие туризма будет способствовать сохранению этих памятников и в свою очередь послужит дополнительным источником средств для их реставрации и сохранения».

На мой взгляд в своей статье «Не памятники и „нарпит“, а познание и отдых» М. А. Орлов дал обстоятельный и категорический ответ на все затронутые вопросы.

Сокол – символ Суздаля.
Фото В. Брунцева. 1974

НОВОЕ ДЕЛО – НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Искали площадку для главного туркомплекса. По первоначальному плану Гипрогора это была пойма реки Каменки в районе Васильевского монастыря. Но Орлов категорически возражал: оттуда не виден был силуэт старинного Суздаля.

Авторы концепции создания туристского центра в Суздале
М. А. Орлов и М. В. Посохин

По дороге в Москву

Моя вторая поездка в Москву состоялась через две недели после выхода на работу. На этот раз мы ехали вместе с Зенковичем на знакомой мне «Волге». Направляясь в столицу по своим делам, Александр Андреевич пригласил и меня, чтобы познакомить с руководством Главснабсбыта РСФСР.

Мы сели на заднее сидение. Это было непривычно: все руководители «для солидности» занимали место около водителя. Путь от Владимира до Москвы занимал около двух часов. По дороге Александр Андреевич рассказал мне о системе Главснабсбыта.

Этот главк находился в непосредственном подчинении Совету Министров и Госплану РСФСР, но в то же время являлся вышестоящим органом для нашего областного управления по снабжению и сбыту. Основной его задачей было снабжение сырьём, материалами и оборудованием предприятий и строительных организаций местного подчинения. Наша дирекция входила в этот список.

Зенкович интересовался моей работой в Казахстане, расспрашивал, какие объекты мне приходилось строить. Ему было интересно, как мне удалось зимой так быстро разместить в Муроме нашу крупную воинскую часть. Слушал внимательно, не перебивая – не то что иные бесцеремонные начальники. Поддерживая разговор, постоянно спрашивал: «А дальше что было?» При этом, видимо, подспудно держал во внимании какие-то свои мысли и время от времени, что-то вспомнив, доставал из пухлой папки деловые бумаги, бегло их просматривал, делая на полях заметки. Я тоже прихватил не меньше двух десятков писем, относящихся к нашим проектным институтам...

Восьмиэтажное здание Главснабсбыта находилось совсем рядом от метро «Маяковская», это было очень удобно, особенно для приезжающих со всей страны гонцов.

Знакомство с руководителем главка Константином Алексеевичем Боловиновым, а также с начальниками управлений электрооборудования и кабельной продукции, оборудования, машин и механизмов, металлов и металлоизделий оказалось полезным. С этого дня Главснабсбыт, как и Госплан, стал для меня родным домом.

Умение Александра Андреевича легко общаться не только с руководителями, но и с рядовыми сотрудниками этого ведомства произвело на меня неизгладимое впечатление. Он везде был своим человеком.

В гостях у Орлова

Через какое-то время, распрощавшись с Зенковичем, я зашёл по своим делам в ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий. Орлов был на совещании, и мы с главным инженером проектов турцентра А. В. Дмитриевым вместе отправились в «Гипрокоммунстрой», где я хотел познакомиться с руководством и решить несколько важных вопросов по котельной, водозаборным сооружениям и станции обезжелезивания воды. Следующей инстанцией был институт ЦНИИЭП учебных зданий – надо было отработать замечания строителей по проекту строящейся

школы, ввод которой планировался в будущем году. Здесь нас встретили главный архитектор проекта А. Ф. Кутырева и главный конструктор Л. И. Сельянова. Они обещали быстро решить все вопросы и приехать на стройку. Обе оказались большими поклонницами Суздаль.

После обеда Орлов опять был занят какими-то срочными делами и просил подойти к нему «часиков этак в восемь». Освободившееся время я потратил на посещение соседнего здания ЦНИИЭП инженерного оборудования, где познакомился с довольно приятным человеком, начальником электроотдела Аркадием Давыдовичем Вепринским. К концу рабочего дня я снял последние вопросы, касающиеся строительства мотелей и ГТК в головном институте. Теперь к совещанию в облисполкоме я был готов.

Вечером Марк Артурович пригласил меня к себе в гости. Как поступить? У Орловых уже накрыт стол и меня ждут, а утром назначена встреча с руководителем областного управления строительства В. В. Гебгардтом и управляющим генподрядным трестом № 94 Г. П. Артюшенко... Сговорились на том, что я заночую у Орловых, а в шесть утра поеду в Суздаль.

Марк Артурович жил в самом центре столицы, недалеко от Моссовета. Довольно молодая хозяйка дома, Неонила Ивановна, встретила меня очень приветливо. Они с дочкой были нарядно одеты. Девочке было лет тринадцать, отец называл её Настюхой. Я узнал, что старшая дочь Наташа пошла по стопам отца – уже работает архитектором в одном из московских проектных институтов.

Хозяева расспрашивали меня о семье, о работе и службе в армии. Зашёл разговор и о моём отце, гвардии майоре Брунцева, погибшем в 1945 году в Венгрии. При упоминании о войне Марк Артурович сразу помрачнел, оказалось, что он с 1942 года воевал в сапёрной разведке и потерял немало друзей. За героизм Орлов был награждён боевым орденом Красной Звезды и медалями. В 1944 году после ранения в ногу был отправлен в Москву...

Орлов окончил архитектурный институт только после войны, в 1947 году. Но его всегда тянуло в археологию. В знаменитой археологической экспедиции к развалинам древнего Хорезма он был сначала рядовым архитектором, а потом – заместителем руководителя, известного советского археолога и этнографа профессора С. П. Толстова. Особенно интересно было слушать о раскопках поселения Куныя-Ургенч, столицы Хорезма. Марк Артурович не без гордости рассказал, что благодаря его идее использовать аэрофотосъёмку, впервые применённую в археологии, были обнаружены многочисленные силуэты древних, засыпанных песком крепостей.

При упоминании о войне Марк Артурович сразу помрачнел, оказалось, что он с 1942 года воевал в сапёрной разведке и потерял немало друзей

Михаил Васильевич
Посохин

Зашёл разговор о современной архитектуре, и Орлов рассказал мне поразительную историю о своём шефе – председателе Госгражданстроя М. В. Посохине. Михаил Васильевич родился в 1910 году в Томске. После школы пошёл на стройку Кузнецкого металлургического комбината, получил диплом гражданского инженера. Проработал несколько лет в проектно-отделе Кузнецкстроя, и неожиданно его принимает в свою мастерскую знаменитый московский архитектор Щусев. Посохин увлёкся архитектурой, экстерном окончил МАРХИ и получил диплом архитектора. И вот он – главный архитектор Москвы, лауреат Сталинской и Ленинской премий, народный архитектор СССР. Посохин – автор таких крупных проектов, как высотное здание на Садовом кольце, Кремлёвский Дворец съездов, здание СЭВ на Новом Арбате, павильоны СССР на международных выставках в Монреале и Осаке. И всё это – в сочетании с высокой и хлопотной должностью!

Мне захотелось познакомиться с этим удивительным человеком. Возникло ощущение, что наши пути по жизни где-то почти соприкасались. Оба инженеры-сибиряки. В его родном Томске я был в 1957 году, когда в составе нашего институтского агитпоезда ездил по крупным железнодорожным станциям Сибири. А позже, во время своего академического отпуска, я трудился в Новокузнецке, на строительстве моста через Томь, ведущего к тому самому металлургическому комбинату, где в 30-е годы работал молодой инженер Посохин. К тому же, в последнее время у меня появилась тяга к архитектуре...

Конечно же, Марк Артурович с удовольствием говорил о Суздале и его перспективах. Он хорошо знал, что от заказчика зависит успех общего дела. В этот вечер я впервые услышал историю развития туризма у нас в стране. Немного наивно, наверно, но я похвастал, что сам бывалый турист: ходил в 20-дневный поход по Горному Алтаю. Во время этого путешествия мы прошли почти сто километров на вёслах по знаменитому Телецкому озеру. А год назад в Ессентуках дважды ходил по маршруту: Теберда – Домбай – Северный приют...

Орлов начал с того, что в послевоенные годы на Западе наблюдается настоящий туристический бум, стала бурно развиваться индустрия туризма, особенно в Италии, Франции, Швейцарии и Англии, а среди социалистических стран – в Болгарии, Румынии и Югославии. Это приносило большие доходы. А у нас, считал Марк Артурович, сложилась порочная практика ведомственного разделения туризма

на иностранный, отечественный, молодёжный и т.д. Он пытался внушить мне, насколько важна туристическая отрасль как часть экономики страны. В его устах туризм поднимался почти до национальной идеи. Я впервые услышал тогда крылатое выражение: «Наша страна должна качать валюту!»

«Какой масштабный человек! – думал я, засыпая. – И как повезло нам, что именно Орлову поручена разработка проекта нашего турцентра».

Своим природным умом и талантом организатора Марк Артурович Орлов внесёт неоценимый вклад в решение сложнейшей проблемы развития туризма в исторической среде. Он будет инициатором и создателем концепции развития туризма в малых городах.

К вопросу о советском туризме

Известно, что в Советском Союзе туризм зародился в начале двадцатых годов. Организацией турпоездки рабочих занимались профсоюзы, а учащихся и красноармейцев – Народный комиссариат просвещения. Как грибы после дождя, появлялись всевозможные общества – «Советский турист», «Интурист», «Всесоюзное общество пролетарского туризма». В 1936 году руководство работой по организации туризма было возложено на ВЦСПС. Были разработаны разные туристские маршруты, появились базы и лагеря, во многом разрушенные в военные годы. После войны туристско-экскурсионное управление при ВЦСПС возобновило свою работу, его филиалы были созданы в столицах союзных республик, в Москве, Ленинграде, в Крыму, на Кавказе.

В 1958 году было образовано Бюро молодёжного туризма «Спутник» при Комитете молодёжных организаций ВЛКСМ. В 1962 году в Москве был создан Центральный Совет по туризму, куда вошли представители центральных, государственных и общественных организаций, участвующих в обслуживании туристов. В областных и краевых исполкомах были созданы отделы по организации туризма. В то время в системе профсоюзов действовало около 500 туристских баз, были разработаны сотни туристских маршрутов.

В 1964 году, в связи с большим наплывом к нам интуристов, было воссоздано Управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР – «Интурист» (образованное ещё в 1929 году как Государственное акционерное общество).

Реклама туризма в СССР.
30-е – 60-е годы

Однако практика ведомственного разделения туризма на профсоюзный, иностранный и молодёжный создавала сложности для достижения его социальной и экономической эффективности. Планирование развития туризма шло, не координируясь с государственными планами развития смежных отраслей народного хозяйства – дорожного строительства, авиа- и железнодорожных перевозок, автосервиса, местной промышленности и торговли, лёгкой промышленности, градостроительства, реставрации памятников.

В то же время, из опыта зарубежных стран было известно, что туризм оказывает большое влияние и на градостроительство. Сохранение и рациональное использование памятников архитектуры, истории и культуры, реконструкция и благоустройство исторических городов, городское строительство, коммунальное хозяйство, промыслы – всё это способствует развитию туризма, который в свою очередь стимулирует подъём этих отраслей. Притягательной силой, которая влекла к себе туристов, были сохранившиеся в нашей стране исторические памятники древнерусского зодчества.

Наконец в 1965 году в РСФСР была учреждена общественная организация, призванная вести охрану, восстановление и популяризацию объектов культурного наследия – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

Возглавил общество один из непосредственных инициаторов его создания, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Вячеслав Михайлович Кочемасов, искренний и неутомимый поборник защиты ценностей исторической старины, в будущем – куратор строительства нашего турцентра.

Из опыта ведущих европейских стран известно, что наибольший экономический эффект дают крупные туристские комплексы, куда входят комфортабельные гостиницы с плавательными бассейнами, теннисными кортами, ресторанами с отличной кухней, барами, лодочными станциями, спортивными сооружениями, с прокатом верховых лошадей... Эффективность таких центров туризма очень повышается, если там есть исторические заповедники, древние постройки и музеи.

Суздаль в 1967 году.
Фото В. Кошерева

Почему – Суздаль?

В начале 1966 года ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и «Интурист» вместе с Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры обратились к правительству страны с предложением создать в нашей стране центры туризма.

По инициативе Посохина местом для создания первого такого центра был выбран Суздаль – город, в прошлом бывший столицей Ростово-Суздальского княжества, вблизи которого, в селе Кидекше, находится древнейшая белокаменная постройка Северо-Восточной Руси – церковь Бориса и Глеба, построенная в 1152 году в правление князя Юрия Долгорукого. А чего стоит комплекс древних памятников, включающий в себя Рождественский собор и архиерейские палаты на территории Кремля, Покровский, Ризоположенский, Спасо-Евфимиев, Александровский монастыри! В отличие от многих других старинных городов России, Суздаль сохранил свой старинный облик.

Весной 1966 года город посетила высокая правительственная комиссия, в составе которой были секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Шелепин, секретарь ВЦСПС, кандидат в члены ЦК КПСС Николай Николаевич Романов и председатель Госгражданстроя СССР Михаил Васильевич Посохин. У московских гостей не было сомнений: туристский центр должен быть! И Посохин поручил директору института ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий Орлову разработать основную концепцию развития суздальского турцентра и определить сметную стоимость строительства.

Вячеслав Иванович Кочемасов – один из основателей и руководителей ВООПИиК

Эта работа выполнялась с опорой на проект генерального плана города, разработанного государственным институтом Гипрогор под руководством архитекторов Евгения Ивановича Кутырева и Владимира Николаевича Выборнова. Важнейшим принципом, положенным в основу размещения туристских объектов, было стремление не нарушить новыми постройками городской ландшафт, сложившийся веками, а наоборот – придать ему более полное звучание. Поэтому проект предлагал, создавая современный комфорт для туристов, сохранить внешний облик, колорит и масштаб старинной застройки.

Для размещения некоторых объектов туризма думали использовать территории бывших монастырей: отель «Интурист» расположить в Покровском монастыре, туристскую базу ВЦСПС – в Спасо-Евфимиевом, торгово-ремесленные предприятия – в Ризоположенском, а гостиницу художников с мастерскими – в Александровском.

Нужно было определить места для предприятий «занимательного» питания, а это – десять небольших трактиров, чайных, квасных, бубличных и даже опохмелочная. Решили построить их на улице Старой, в самом центре города.

Новые объекты должны были располагаться так, чтобы быть заметными с главных туристских троп и гармонично вписываться в существующий архитектурный пейзаж. Жилые дома, городскую котельную, цех полуфабрикатов, овощехранилище, склады, цех медовых и безалкогольных напитков и прачечную решено было строить за пределами города.

Искали площадку и для главного туркомплекса. По первоначальному плану Гипрогора это была пойма реки Каменки в районе Васильевского монастыря. Но Орлов был категорически против: оттуда не видно силуэт старинного Суздаля.

Любопытен рассказ о том, как нашли уникальное место для строительства главного туркомплекса. Главный инженер ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий В. И. Лепский рассказывал, что в конце 1967 года группа архитекторов во главе с М. В. Посохиним в очередной раз приехала в Суздаль – пришла пора выбирать площадку для строительства ГТК. Главным критерием было, чтобы огромный комплекс, находясь внутри небольшого древнего города, не нарушал его силуэт и был практически не виден.

Лепский вспоминал, что первый вариант размещения ГТК институт «Гипрогор» предложил ещё на стадии разработки генплана Суздаля –

в районе, прилегающем к Васильевскому монастырю. Объяснялось это просто: недалеко автовокзал. Но авторский коллектив этот вариант отклонил.

И вот выбрали пойму в крутой излучине реки Каменки в районе деревни Коровники – невдалеке от Покровского и Спасо-Евфимиева монастырей.

Чтобы окончательно убедиться в верности выбора, все архитекторы – Роман Иванович Семерджиев, Игорь Витальевич Логутенко, Ирина Рафаиловна Федосева, ну, и конечно, Посохин и Орлов, фланировали по высокому берегу реки Каменки – от района Коровников до стен Спасского монастыря и обратно. Сам же Лепский, выполняя ответственную миссию, находился на месте будущего комплекса и ходил туда-сюда, размахивая, как флагом, белым полотенцем, закреплённым на шестиметровом шесте. Именно такой высоты должны быть двухэтажные здания комплекса, кроме той части ресторана, что имеет остроконечную шатровую кровлю. Таким необычным способом была окончательно решена эта трудная задача.

Кроме решения вопросов по размещению строящихся объектов турцентра, коллектив Орлова должен был выполнить расчёты потоков туристов, учитывая их колебания в разное время года, разработать туристские маршруты, продумать вопросы по организации производства кустарных изделий и сувениров, определить целесообразность проведения реставрационных работ на памятниках архитектуры и много чего ещё. Это была совершенно неизведанная наука по созданию индустрии туризма. Должна была определиться и стоимость затрат на строительство турцентра. Результатом этих исследований стало появление на свет документа, получившего лаконичное название: «Суздаль. Проектные предложения и технико-экономические обоснования туристского центра». Руководителями разработки были Посохин и Орлов. Вскоре был издан красочный буклет, посланный всем членам правительства, включая членов Политбюро ЦК КПСС.

В январе следующего, 1967 года, Суздаль посетил секретарь ЦК КПСС по идеологии Михаил Александрович Суслов. На территории Суздальского кремля в Архиерейских палатах состоялось совещание, на котором Марк

Очередь в магазин «Берёзка». 60-е годы

Артурович Орлов на основании «Технико-экономических обоснований», красочных туристских схем, таблиц и диаграмм доказывал экономическую целесообразность строительства.

По словам директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника Алисы Ивановны Аксёновой, присутствовавшей на этом совещании, доклад Орлова был грамотным и ярким. Суслову он показался убедительным.

Сам Марк Артурович рассказывал мне так. Перед его выступлением первый секретарь обкома партии Пономарёв строго-настрого предупредил: «Имейте в виду, у вас на всё 15–20 минут!» На деле же встреча длилась больше полутора часов, и заключая её, Суслов сказал: «Я всё понял, идея хорошая. Политбюро будет вас поддерживать на всех этапах».

Любопытно, что в Архирейских палатах было тогда настолько холодно (в то время музей откровенно бедствовал), что в зале все сидели не раздеваясь, в пальто, в том числе Сулов. Но докладчик-то этого позволить себе не мог – он был одет в элегантный чёрный костюм...

Через некоторое время вопрос о строительстве туристского центра в Суздале рассматривали на расширенном заседании правительства, в котором принимали участие все заинтересованные стороны, включая руководителей ВЦСПС, Совмина РСФСР, Госгражданстроя СССР, Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, АО «Интурист» и молодёжного бюро ЦК ВЛКСМ «Спутник». Среди приглашённых были Орлов и Лепский.

После дебатов председатель Совмина СССР Андрей Николаевич Косыгин сказал:

– Неужели для такого хорошего дела мы не найдём 40 миллионов рублей?! Готовьте постановление, я подпишу!

Постановление Совета Министров СССР № 735 «О создании туристского центра в Суздале» было принято 1 августа 1967 года*. Подписал его первый заместитель Председателя Совета Министров Кирилл Трофимович Мазуров.

Это было поистине историческое событие, которым определялась и судьба самого города. Кроме объектов туристического назначения, Суздаль получал жилой посёлок, школу, поликлинику, детский сад, телефонную станцию на две тысячи номеров, автовокзал, прачечную, цех медовых напитков, цех полуфабрикатов, водопровод, канализацию, асфальтированные дороги, благоустройство и газ из Владимира! Чтобы вывести из города грузовой транзитный транспорт, предусматривалось

* См. текст Постановления в главе «ГТК – АРХИВ», с. 512.

Совещание в Суздале с участием секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова и первого секретаря Владимирского обкома КПСС М. А. Пономарёва
Докладчик – М. А. Орлов

строительство объездной автомобильной дороги. Выделялись невиданные дотолы суммы на проведение реставрационных работ на памятниках древнего зодчества. Крупные средства шли на развитие Владимиро-Суздальского музея. В городе появлялись тысячи рабочих мест.

Это же постановление предусматривало строительство авто- и железнодорожных вокзалов во Владимире для удобства суздальцев.

Сбывались пророческие слова корреспондента Суздальской газеты Одинокого, сказанные ещё в 1903 году: «Скоро в Суздаль будут ездить туристы не только осматривать Спасо-Евфимиев монастырь, но и посмотреть на обетованную землю, где между кисельными берегами текут молочные реки».

Хочу обратить внимание читателя на два других события, которые произошли в Суздале в шестидесятые годы. Первое связано с именем известного банкира барона Ротшильда. Много писали о том, что после посещения Суздаля он на каком-то высоком приёме заявил: «Я богатый человек, но если бы мне дали Суздаль на несколько лет, я бы удвоил своё состояние». И ещё ему приписывают такую фразу: «Вы ходите по золоту и не хотите поклониться, чтобы его поднять!» Утверждалось даже, что он-то и стал главным инициатором развития туризма в нашей стране. Правда, ни одного свидетеля, подтверждающего эту информацию, нет. В интернете

Выделялись невиданные дотолы суммы на проведение реставрационных работ на памятниках древнего зодчества. Крупные средства шли на развитие Владимиро-Суздальского музея. В городе появлялись тысячи рабочих мест.

Юрий Александрович
Бычков

можно прочесть о том, что барон Филипп Ротшильд около полувека назад действительно путешествовал со своей женой Паулиной по Советскому Союзу, но это вовсе не известный банкир, а гонщик, сценарист и знаменитый французский винодел...

Что же касается другого события, оно является истинно верным. В конце шестидесятых годов в прессе появились крылатые слова «Золотое кольцо», которые быстро разнеслись по белу свету. Выражение

это принадлежит известному московскому журналисту, писателю, искусствоведу, общественному деятелю и большому поклоннику Суздаля Юрию Александровичу Бычкову. В 1967 году он проехал на автомобиле по маршруту: Москва – Загорск – Переславль-Залесский – Ростов – Ярославль – Кострома – Иваново – Суздаль – Владимир – Москва и вскоре опубликовал в «Советской культуре» серию очерков, посвящённых этому путешествию. Первый из них, появившийся 21 ноября 1967 года, так и назывался: «Золотое кольцо».

Бычков был одним из создателей Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры России, а потом – его Почётным членом. К сожалению, в 2016 году Юрия Александровича не стало, он немного не дожил до своего 85-летия.

Ох уж этот дефицит...

На совещании в облсполкоме, где я впервые присутствовал в своей новой должности, мы договорились с руководителем областного управления строительства Виктором Владиславовичем Гебгардтом и управляющим трестом № 94 Григорием Прокофьевичем Артюшенко о встрече в Суздале.

Оба в нашей дирекции были впервые. Глядя на горы документации, Виктор Владиславович поинтересовался, сколько у нас сотрудников. Услышав, что кроме нас с Рыжовым здесь работают четыре инженера по технадзору, три снабженца, три бухгалтера и один экономист, он с изумлением воскликнул: «Как же вы со всем этим справляетесь?!»

По пути на строящиеся объекты мы Гебгардтом разговорились и случайно выяснилось, что он мой земляк по Дальнему Востоку. Ровесник моего отца, Виктор Владиславович с 1937 по 1953 год работал там мастером

и прорабом на стройке, потом служил в армии. Что касается Артюшенко, он в нашем разговоре не участвовал. По непонятной мне причине с самого начала нашего знакомства и до окончания строительства ГТК он относился ко мне с недоверием и скептицизмом.

Судя по всему, сверху этим людям уже дали указание усилить работы на турцентре. Случившийся перекося в сторону второстепенных и посторонних объектов мы решили выправить, перераспределив средства и сделав перестановку рабочей силы и техники подрядчиков. Решено было усилить внимание к строительству мотелей и главного туристского комплекса. На стройке еженедельно стал появляться сам Артюшенко или его главный инженер А. И. Уткин. Чаще стали бывать опытные строители треста – начальник ПТО Г. М. Гурарий и начальник сметно-договорного отдела Ю. С. Бывшев. Теперь многие вопросы решались на месте.

Не вдаваясь в процесс организации производства строительных работ, которые вели наши подрядчики, скажу, что их хлеб был нелёгким. Главная проблема – дефицит стройматериалов и качество. Не хватало грузового автотранспорта, строительной техники. И как следствие – довольно низкая зарплата рабочих. Но это была не вина строителей, а их беда.

Я сталкивался с этими проблемами с первых дней моей работы и могу авторитетно заявить: многое зависит от оперативности руководителя, от его умения решать в данной конкретной обстановке любые вопросы. Да, самым большим нашим бичом был дефицит, дефицит на всё. Но что ж теперь – сидеть сложа руки и ждать у моря погоды?

Помню, позарез нужны были железобетон, кирпич и цемент. А главным инженером на заводе железобетонных конструкций работал мой однокашник по институту Володя Жарков. Поехал к нему. Так, мол, и так, помоги.

– Не могу, – отвечает, – не хватает рабочих, план не выполняем. К тому же, работают в основном женщины и условно освобождённые. На них далеко не уедешь!

– Сколько надо рабочих, чтобы ты мне давал железобетон?

– Человек семь-восемь дашь, только мужиков, будет хорошо! Я рублей по 70–80 буду им платить, больше не смогу, а тебе придётся доплачивать до среднего, – говорит Жарков.

– Договорились!

Поехал на кирпичный завод. Та же картина – людей не хватает, хоть плачь, контингент самого низкого уровня, работают, как и на заводе ЖБК, одни женщины, текучесть кадров... За пять машин кирпича и пять машин шлакоблоков в день подписался на две бригады разнорабочих по шесть

Да, самым большим нашим бичом был дефицит, дефицит на всё. Но что ж теперь – сидеть сложа руки и ждать у моря погоды?

человек. Насчёт цемента тоже договорился. Теперь я мог ежедневно дополнительно давать по 15–20 кубов кирпичной кладки. В месяц это составляет не меньше 500 кубов, а в год – все 6 тысяч кубометров! В пересчёте на деньги, смотришь, по процентовкам дополнительно набегит в год не меньше 200 тысяч рублей (в теперешних ценах это – 45–50 млн. руб.).

Из трёхсот рабочих двадцать-двадцать пять я отдавал на сторону, но зато всегда был «при материалах». И план выполнял, и объекты сдавал в срок, и зарплату рабочим платил вовремя, к тому же, повыше, чем у других.

На партийно-хозяйственном активе треста «Целинтрансстрой», который проходил в 1967 году в Целинограде, управляющий, будущий замминистра транспортного строительства СССР Евгений Ефимович Плотников сказал:

– Если бы у нас всего было в достатке, мы с вами были бы совсем не нужны, потому что со стройкой справились бы прорабы, мастера и бригадиры... – и в качестве положительного примера сослался на автора этих строк...

Действительно, в советское время многое делалось не благодаря, а вопреки создавшимся условиям. И понятие «взаимовыручка» часто оказывалось оборотной стороной, прямо скажем, бардака. И всё же взаимовыручка была – в самом прямом смысле этого слова. Часто возникал вопрос: кто поможет подрядчику в сложной для него ситуации? В некоторых случаях это делали руководители партийно-советских органов, заинтересованных в создании нужного для региона объекта. Но ведь есть ещё и заказчик. Когда заказчик стремится к тому, чтоб дела на стройке шли полным ходом, он будет делать для этого всё возможное. И своевременное финансирование обеспечит, и процентовки вовремя подпишет, и дополнительные затраты оплатит, и поможет в части снабжения, если надо.

Прямой противоположностью такому типу заказчика был директор строительства Дома Советов в Кокчетаве. Он работал от звонка до звонка, нашими проблемами не интересовался, всегда говорил одно и то же: «Каждый занимается своим делом!»

Добрым словом я вспоминаю Фёдора Ивановича Цоя, директора совхоза «Красноярский» под Кокчетавом. Будучи кровно заинтересованным в быстром и качественном строительстве своих объектов, особенно социальных, он каждый день спрашивал меня, прораба, чем он может помочь. И всё, что было в его силах, начиная с выделения рабочей силы и заканчивая грузовым транспортом, бульдозерами, тракторами, даже строительными материалами, делал. Человек искренне болел за конечный результат. Будучи заказчиком, не ждал завершения строительства

сложив руки, а сам был активным участником строительного процесса, помогая моему участку постоянно перевыполнять план и досрочно вводить в действие объекты. Я хотел быть таким же заказчиком.

Спасибо Юрию Долгорукому!

В шестидесятых-семидесятых годах Москва была охвачена небывалым строительным бумом. Во многих районах всю гнали хрущёвки, появлялись целые микрорайоны панельных пятиэтажек... Чего стоили одни только «Новые Черёмушки», героям-строителям которых Дмитрий Шестакович посвятил оперетту «Москва, Черёмушки». Ещё студентом я был на этом спектакле в Новосибирске. Вот уж где романтика строительства...

Одновременно с жильём в столице строилось множество объектов общественного назначения – административных и офисных зданий, школ, детских садов, больниц и поликлиник, столовых и кафе, спортивных, торгово-бытовых и развлекательных комплексов, объектов инженерно-технического назначения. Начиналось строительство суперсовременных медицинских учреждений союзного значения – Онкологического и Кардиологического центров. Шла подготовка к строительству объектов для проведения Летних Олимпийских игр 1980 года.

Как следствие бурного развития строительной отрасли в Москве, появилась острая необходимость в объектах производственного назначения. Как воздух нужны были заводы по выпуску оконных и дверных блоков, облицовочной плитки, линолеума, сантехнических, электротехнических и пластмассовых изделий, различных металлоконструкций, строительных кранов, лифтов, мебели и пр. Новшеством стали мощные домостроительные комбинаты (ДСК).

Для координации работы всех этих комбинатов, заводов и фабрик при Моссовете было создано специальное Управление. В его состав входило свыше ста предприятий, которые обеспечивали потребности в оборудовании и материалах сотен строительных организаций Главмосстроя. Всё недостающее этот монстр получал напрямую по фондам Госплана СССР, проходя там отдельной строкой. Москва была государством в государстве.

Однажды, находясь в Госплане СССР, я случайно узнал, какой колоссальный объём строительного-монтажных работ ежегодно выполняет Главмосстрой. Этот показатель превышал наш, турцентростровский, в несколько

Памятник Юрию Долгорукому у Моссовета

В советское время многое делалось не благодаря, а вопреки создавшимся условиям. И понятие «взаимовыручка» часто оказывалось оборотной стороной, прямо скажем, бардака.

тысяч раз! Это навело меня на мысль, что было бы неплохо, если б Москва с её колоссальными возможностями взяла опеку над суздальским турцентром. Ведь для них это капля в море...

Скоро появился подходящий повод. На одном из совещаний в облисполкоме управляющий трестом № 94 Артюшенко с горечью рассказал о том, что в Москве отказали в просьбе поставить три блока комплектных трансформаторных подстанций КТП-2×400 в бетонной оболочке, необходимых для обеспечения электропитанием котельной, жилого посёлка и наших мотелей. А согласно проекту электроснабжения турцентра таких подстанций было пятнадцать.

Как оказалось, это была новая инженерная разработка, внедрённая для нужд Москвы. Отсутствие этих блоков означало, что нас ожидает неизбежный переход на традиционные подстанции с кирпичными стенами, а значит, будут дополнительные трудности с монтажом оборудования...

«Наверное, Артюшенко обращался не туда, – подумал я. – Да и возможности его по сравнению с моими довольно ограничены». И решил я заняться этим важным вопросом сам. К тому же, это был хороший повод познакомиться с руководством Моссовета.

При подготовке письма на имя председателя Моссовета с просьбой выделить необходимые блоки, кроме традиционных слов, связанных с Постановлением Совмина СССР № 735 «О строительстве турцентра в Суздале», я напомнил московскому градоначальнику о том, что основателем Москвы был первый ростово-суздальский (!) князь Юрий Долгорукий... Бегло прочтя письмо, председатель облисполкома Сушков хитро ухмыльнулся (видно, идея понравилась) и поставил свою размашистую подпись.

Через три дня я был в Москве. Первым делом направился в Моссовет, расположенный на улице Горького. Перед этим постоял у памятника Юрию Долгорукому – на счастье.

И вот я переступил порог этого исторического здания*. В приёмной представился секретарше и сказал, что к Промыслову с письмом от председателя Владимирского облисполкома.

– У Владимира Фёдоровича сегодня плановый объезд города, он будет не раньше восьми вечера.

Ну, что ж, я подъехал к концу рабочего дня. В приёмной председателя Моссовета было человек двадцать посетителей. Весьма солидные люди, но чем-то чересчур озабоченные. Наверное, их пригласили «на разборку»...

* Кстати, в 1939 году в ходе реконструкции улицы Горького этот немаленький дом (тогда в нём было три этажа) был передвинут вглубь квартала на 13,6 метров.

Владимир Фёдорович принял меня вне очереди. Он коротко расспросил о строительстве турцентра и о наших сложностях. Пробежав глазами текст письма, поставил свою визу.

– Конечно, поможем, – сказал он, не скрывая улыбки. – А насчёт Юрия Долгорукого – это вы здорово придумали. Наш общий герой.

Прощаясь, вскользь заметил:

– Мы ведь с вами коллеги. Я четыре года возглавлял Главмосстрой и знаю, что такое стройка. Будут ещё просьбы, приезжайте. В беде не оставим.

Я был вне себя от счастья: очередное препятствие, связанное с трансформаторными подстанциями, было преодолено. Да будет свет!

Вот так, начиная с 1971 года, я повадился ездить в этот самый крупный в стране горсовет. И для меня было неважно, чей вопрос я должен решать, свой или подрядчика, дело-то общее!

Второй визит к Промыслову тоже был успешным. Он познакомил меня со своим заместителем Николаем Евгеньевичем Пащенко, ведавшим вопросами строительства Москвы. Оказалось, в недавнем прошлом тот тоже был начальником Главмосстроя. «Хорошую они школу прошли», – подумал я тогда.

Николай Евгеньевич оказался таким же приветливым человеком, как и его шеф. Когда я наведлся к нему в третий раз, Пащенко вдруг спросил:

– А почему ты не приглашаешь в Суздаль?

– Как не приглашаю, я же звал вас!

– Ну, в таком случае в субботу встречай нас вместе с Канахистовым, я вас заодно и познакомлю. Владимир Иванович мой друг, он возглавляет УПП* Моссовета – все заводы в его подчинении. Думаю, он тебе пригодится. Мы приедем большой компанией, с жёнами и родственниками. Организуешь экскурсию и обед?

– Конечно, Николай Евгеньевич.

– Тогда жди нас ровно в десять утра. Мы подъедем к горисполкому...

Мне часто приходилось в выходные встречать особых гостей. Это были люди из московских министерств и ведомств или творческая интеллигенция – архитекторы, художники, артисты, кинематографисты. С ними

* Управление промышленных предприятий.

Владимир Фёдорович Промыслов, председатель исполкома Моссовета

Для меня было неважно, чей вопрос я должен решать, свой или подрядчика, дело-то общее!

Группа сотрудников Моссовета – на экскурсии в Суздале. В центре – зампред. Моссовета Н. Е. Пащенко, третий справа – начальник Управления промышленных предприятий В. И. Канахистов. Фото В. Брунцева. 1972

было интересно. Но вот приезд в Суздаль Пащенко с Канахистовым, в руках которых сосредоточены все предприятия Моссовета, был для меня важным событием.

Составляя программу приёма этих высоких гостей, я решил устроить торжественный обед в банкетном зале трапезной Архиерейских палат, который считался самым престижным в городе. Прекрасные интерьеры, великолепная кухня, достойное обслуживание. Но вот проблема: за время обеда в этом зале поочерёдно могли побывать только две-три группы посетителей, причём каждой из них отводился час. Особенно сложно было в выходные дни. Поток желающих попасть в зал трапезной регулировал сам председатель горисполкома А. М. Думов. К нему-то я и направился. Услышав фамилию Пащенко, Анатолий Максимович тут же распорядился выделить моим гостям банкетный зал, передвинув кого-то на более позднее время.

В десять часов к зданию горисполкома подкатили две чёрных машины с номерами «МОС» – «Чайка», а следом за ней «Волга». Николай Евгеньевич познакомил меня с Канахистовым и со всеми домочадцами.

После осмотра главной площади и галереи торговых рядов, которые как раз реставрировали, мы расселись по машинам. Нас с экскурсоводом пригласили в многоместную «Чайку».

Народу в этот час на улицах было немного. Свернув налево с улицы Ленина, мы медленно поехали по Кремлёвской. Остановились у Собор-

Кидекша. Церковь Бориса и Глеба (1152) и шатровая колокольня (XVIII век)

ной колокольни и вошли на территорию Кремля. Поочерёдно осмотрели Рождественский Собор и Архиерейские палаты, прошлись по музею деревянного зодчества, полюбовались панорамами города. Я сделал групповой снимок на память.

До обеда оставалось ещё два часа, и мы решили за это время осмотреть Спасо-Евфимиев и Покровский монастыри. По моему плану, после обеда гостей ждала поездка в Кидекшу, а «на десерт» я мечтал показать им нашу главную стройку – мотели и ГТК. Втайне я надеялся, что, увидев их, Пащенко проникнется важностью наших проблем, однако в тот момент, когда мы отъезжали от Кремля, Николай Евгеньевич неожиданно спросил:

– А когда же ты покажешь нам резиденцию Юрия Долгорукого?

Не терпелось главному строителю Москвы посмотреть, где восемьсот лет назад жил основатель столицы. Оно и понятно: из окна своего кабинета он каждый день видит памятник Долгорукому. Оказывается, поездка в Кидекшу, где когда-то обитал суздальский князь, была для наших гостей не менее значимой, чем сам приезд в Суздаль. Чувствовалось, с каким нетерпением все ждали встречи с далёким прошлым.

Проехав метров двести мимо княжеской крепости, мы остановились перед мостом через Нерль. Налюбовавшись окрестными видами,

двинулись пешком внутрь резиденции. Чуть отстав от группы, я шёл вместе с Канахистовым, который признался, что впервые так близко столкнулся с древней красотой...

Гости прошли через ворота на территорию и остановились, словно заколдованные. С каким-то благоговением рассматривали они церковь Бориса и Глеба, самую древнюю из всех сохранившихся до наших дней белокаменных строений Руси.

После осмотра Стефаниевской церкви и изящных Святых ворот Пашенко медленно прошёл вдоль всей каменной ограды, разглядывая древние строения с других точек. Опытный строитель, он заметил, что колокольня, как Пизанская башня, имеет довольно приличный уклон (на самом деле он составляет всего шесть процентов. – В. Б.).

Ровно к двум часам мы прибыли в банкетный зал трапезной. Перед рестораном толпились группы приезжих, желающих попробовать суздальскую кухню. Но не тут-то было, мест хватало далеко не всем.

Наш стол был накрыт по высшему разряду. Гости некоторое время ходили вокруг, молча любуясь сервировкой и блюдами, приготовленными по древнерусским рецептам.

Сначала подали всевозможные разносолы. Восторг! Принесли уху по-архиерейски в деревянных расписных мисках – опять восторг! Через некоторое время отведали судака по-купечески. Пальчики оближешь! А под конец – ещё и блины с красной икрой! Если учесть, что на столе была холодненькая русская водка и фирменная суздальская

медовуха, это был уже не восторг, а восторжище. К тому же, всех очаровала официантка в древнерусском наряде с кокошником на голове – ничего подобного в Москве не увидишь...

После угощения гости находились в весьма благодушном настроении. Мы подъехали к Спасо-Евфимиеву монастырю. В сквере Николай Евгеньевич заметил памятник Дмитрию Пожарскому. Я рассказал, что настоящий памятник, как и весь семейный склеп Пожарских, был разобран ещё в тридцатые годы, когда Москве позарез понадобился белый каррарский мрамор.

Гости были в восторге от посещения Золотой кладовой. Они с удивлением узнали, что в Братском корпусе после войны содержали пленных немецких офицеров во главе с фельдмаршалом фон Паулюсом. Полюбовавшись с видовой площадки Покровским монастырём и панорамой города, мы наконец-то двинулись в сторону ГТК. Мне не терпелось поскорее показать нашу будущую достопримечательность!

С высокого берега Каменки мы оглядели всю панораму строительства.

Я рассказал о наших планах, о международном уровне качества, к которому стремимся. Всем сразу захотелось посетить наш комплекс, когда он откроется. Я вошёл в раж и предложил подъехать поближе, чтобы осмотреть помещения изнутри. Но Николай Евгеньевич вежливо отказался:

– Спасибо, дорогой! Строек я и в Москве насмотрелся вдоволь. Мы их на три миллиарда в год перелопачиваем! Приедем смотреть, когда всё будет готово...

Около шести часов вечера, распрощавшись, наши гости уехали.

Вечером позвонил Канахистов, поблагодарил и сказал, что поездка произвела на него неизгладимое впечатление. Через несколько минут последовал второй звонок – от Пашенко:

– Ты устроил нам замечательный праздник. Это незабываемо!

И добавил:

– А что нужно будет, приезжай, всегда поможем.

Куча дел и море единомышленников

Практически два-три раза в неделю мне приходилось бывать во Владимире. В первую очередь я заезжал в облисполком к Зенковичу, который был на рабочем месте с семи утра. В это время никто нам не мешал, и мы успевали основательно обсудить наши проблемы. Потом я шёл в соседнее здание облплана к начальникам секторов Р. А. Сидорову (капстроительство), Г. Ф. Елисееву (просвещения, культура и здравоохранение), А. И. Рыжову (территориальное планирование) и В. И. Дмитриеву (городское хозяйство, транспорт и связь).

Всегда находились дела в областном финансовом отделе (начальник Н. Г. Кравцов), в областной конторе Стройбанка (управляющий В. А. Соловьёв), областном отделе по делам архитектуры (заведующий А. П. Акимов) и тем более, в управлении снабжения и сбыта нашего облисполкома. Со всеми руководителями этих управлений, отделов и секторов мне приходилось оперативно решать самые разные вопросы. С большинством из них у меня сложились деловые, а порой и просто дружеские отношения. Я умел находить общий язык и постоянно поддерживать контакты. Известно, что большего успеха всегда достигают люди общительные и бескорыстные.

Довольно часто заходил я и в строительный трест № 94 с вопросами к производственно-техническому и сметно-договорному отделам. Несмотря на

Воскресенская церковь из села Патакино. Музей деревянного зодчества в Суздале

частые осложнения с проектно-сметной документацией, начальники этих отделов Григорий Евсеевич Гурарий и Юрий Сергеевич Бывшев были всегда доброжелательны. Любил заглянуть я на минутку и к главному инженеру треста Николаю Михайловичу Татарнову, приятному и вежливому человеку. А вот управляющего Артюшенко старался обходить стороной...

Куча дел была в проектно-изыскательских институтах: «Владимир-гражданпроект» (директор А. Г. Апреликов) разрабатывал для нас проект жилого посёлка, «Гипросельхозпром» (директор Н. С. Журихин) – картофелехранилище, а Владимирский ТИСИЗ* Госстроя РСФСР (начальник А. П. Архипов) по всем нашим объектам вёл инженерно-строительные изыскания.

Нужно было поддерживать контакты и с пусконаладочными управлениями Минмонтажспецстроя СССР, от которых во многом зависели наши дела, особенно при пуске таких объектов, как котельная, очистные или водозаборные сооружения. И лишь в самых редких случаях мне приходилось заезжать в обком партии.

Что же касается дел в самой суздальской дирекции, то их всегда было море. Нужно было сходу решать текущие проблемы, не терпящие отлагательства, заниматься обработкой проектно-сметной документации, получением оборудования и выдачей его подрядчику, обеспечением финансирования проектных и подрядных работ, составлением титульных списков, всевозможных графи-

ков и оформлением всевозможных актов. Ведь каждый день в дирекцию поступали десятки деловых писем и документов от вышестоящих инстанций, подрядчиков, проектных институтов и заводов-поставщиков оборудования. А ещё приходилось десятками, сотнями писать деловые письма-обращения в самые разные организации. Без такого письма не решался ни один вопрос. Каждый день приходилось сочинять и подписывать двадцать, а то и больше писем, за год это получалось – шесть-семь тысяч! Довольно часто мне приходилось участвовать в разных комиссиях и совещаниях в СМУ «Суздальстрой», в горисполкоме или райкоме партии.

Время от времени нужно было посещать наши стройки, чтобы проверять качество работ и решать назревшие вопросы на месте. Когда же

* Владимирское отделение Верхне-Волжского треста инженерно-строительных изысканий «ВерхневолжТИСИЗ».

Юрий Сергеевич Бывшев, начальник сметно-договорного отдела треста №94

объекты сдавались в эксплуатацию, надо было ездить на них каждый день, как это было на завершающем этапе строительства центральной котельной.

Кроме нас с Рыжовым, доставалось и главному бухгалтеру Бордовской, и экономисту Бушневой – ей, горемычной, приходилось каждый день часами находиться в стройбанке, меняя по ходу дела титульные списки строящихся объектов и решая разные финансовые вопросы. Но, наверно, самая тяжкая доля выпала начальнику отдела комплектации Сахарову, нашему экспедитору, и часто сменяющимся инженерам по снабжению, им по двадцать дней в месяц приходилось мотаться по стране. Несладко было и нашим инженерам по технадзору Зинякову, Коровиной, Гридину, они едва успевали разбираться с проектной документацией, оформлением актов приёмки работ, одновременно проверяя их качество, составляя акты недоделок и подписывая ежемесячные процентовки.

Иногда после работы сотрудники дирекции собирались, чтобы пообщаться и снять напряжение. На наши дружеские посиделки любил приходить некоторые руководители подрядных организаций. Оно и понятно: с заказчиком нужно дружить! В комнате техотдела накрывался незатейливый стол, я приносил с собой домру или мандолину... Душой нашего коллектива был начальник дирекции Владимир Иванович Рыжов, в минуты отдыха он любил шутить и рассказывать анекдоты...

«Никаких отпусков!»

В январе 1971 года в первом же сданном во Владимире жилом доме, расположенном в микрорайоне Доброе, мне выделили трёхкомнатную квартиру. До этого больше месяца я жил в единственной в Суздале гостинице «Сокол». Зенкович решил вопрос с работой моей жены Галины. Правда, ей предложили работать не в областной прокуратуре, а в только что созданном отделе юстиции облисполкома.

Дело было за переездом семьи из Кокчетавы во Владимир. Но из-за срочного формирования плана текущего года и кучи других неотложных дел я не мог покинуть Суздаль. Чтобы поехать в Казахстан и заниматься там оформлением документов на сдачу квартиры, упаковкой вещей, отправкой контейнера, нужно было потратить вместе с дорогой не меньше двух недель. Такой роскоши я себе позволить не мог. Выручили друзья и бывшие сослуживцы. Когда семья собралась во Владимире, времени, чтобы заниматься обустройством квартиры, опять не было. Это,

Зинаида Николаевна Бушневая, экономист дирекции ГТК

*Духовой оркестр
Кокчетавского дворца
железнодорожников
в день 7 ноября
1965 года. В центре –
Валерий Брунцев*

конечно, не нравилось моей жене. Я её хорошо понимал, но на первом месте была работа. К тому же, два года, проведённые врозь (включая мою воинскую службу в Муроме), не могли не сказаться на наших отношениях. С детьми я виделся мало: в семь утра, когда я уезжал на работу, они ещё спали, а вечером, когда возвращался домой, уже спали. Побывать с ними удавалось только в воскресенье после восьми вечера, когда все мои гости – «нужные люди» – разъезжались по домам.

Через некоторое время мне всё же пришлось выехать в Кокчетав. Нужно было сдать квартиру.

Зная, что работать я вышел, не отгуляв положенного после армии двухмесячного отпуска, Зенкович моё заявление подписал, но с одним условием: отдыхать не больше месяца.

В Кокчетаве, разделившись с делами, я побывал в дистанции пути, где начался мой трудовой путь, встретился с друзьями, с руководством и рабочими своего СМП-296.

Потом направился в Барнаул, заехав по пути в Новосибирск. Очень уж хотелось побывать в родном институте, где я так удачно совмещал учёбу со спортом и художественной самодеятельностью (играл на домре в оркестре народных инструментов, на гобое – в духовом, на мандолине – в созданном мною неаполитанском квартете).

Кроме моих любимых преподавателей, профессоров А. А. Савёлова, К. К. Якобсона, А. Я. Александрова, доцента Е. В. Поваляева и подполковника Н. П. Зиновьева, мне удалось встретиться со своими однокашниками и приятелями. Среди них были известные в стране люди – олимпийский чемпион по биатлону Виктор Мамагов, судья международного класса по хоккею Юрий Карандин, первый институтский мастер спорта по конькам Сергей Васильев. Особую радость принесла мне встреча с близким человеком, руководителем нашей художественной самодеятельности и дирижёром духового оркестра – 70-летним Владимиром Кузьмичом Фугенфировым, мы даже сфотографировались на память.

В Новосибирске я встретился со своей первой любовью – Ирой Нагорной, мы с ней дружили на первом и втором курсах института. Она училась на факультете промышленного и гражданского строительства, а я – «на мостах». Не в пример мне, она уже тогда была высоко эрудированной, знала наизусть много стихов, запоем читала, чудесно пела, любила музыку и искусство. А я был воспитан улицей. Ира ходила на все концерты, в которых я принимал участие. Была она моим первым и единственным учителем по фотографии. Все говорили, что мы созданы друг для друга. К тому же меня очень любила её мама Анна Борисовна.

Правда, на мой взгляд, был у Иры большой недостаток – очень уж она строга и горделива. Любила идеальный порядок, чистоту, особенно в человеческих отношениях. Терпеть не могла враньё и наше мальчишечье разгильдяйство. В общем, я, наверно, струхнул тогда. Мне хотелось иметь девушку попроще, вроде моей мамы. По моей молодости и глупости мы и расстались. От Ириных подруг я знал, что для неё это была большая трагедия.

Пробыв в городе своей молодости шесть дней, я поехал в Барнаул. Не терпелось повидаться с мамой и бабушкой Федорой Лаврентьевной, которой в то время как раз исполнялось 95 лет. Мой дед Аким Васильевич к тому времени уже умер. Начиная с июля 1941 года, мы больше восьми

*Владимир Кузьмич
Фугенфиров –
руководитель
художественной
самодеятельности
и дирижёр духового
оркестра*

лет прожили вчетвером в их 11-метровой комнатёнке старого саманного дома с печным отоплением. В военное время и после войны моя мама днями и ночам работала в женсовете при Октябрьском военкомате, помогая семьям погибших, а я был предоставлен улице.

В первый же день повстречался я со своим любимым дядей Мишей, столяром-краснодеревщиком, который-то и направил меня на учёбу в Новосибирск вместо Сталинска*, где я собирался поступать в металлургический институт – на факультет обработки металлов давлением.

За две недели в родном городе я собирался сходить в свою школу, в детскую библиотеку имени Крупской, повидаться с родственниками, одноклассниками и, конечно же, с моим первым учителем музыки – руководителем оркестра народных инструментов Павлом Григорьевичем Вертковым.

Но, к сожалению, на третий же день я получил от Зенковича телеграмму: «Срочно вылетайте в Суздаль». Оказалось, что в это время должен был приехать с инспекцией наш куратор, зампред Совмина РСФСР В. М. Кочемасов. Рыжов заболел, так что, кроме меня, было некому рассказать во всей полноте о состоянии дел на стройке, включая важные подробности финансирования и поставок. Но тут в ситуацию вмешалась непогода: рейс задержали, и на эту встречу я опоздал!

Ну, и председатель облисполкома Сушков категорически заявил:

– Пока не сдадите турцентр, никаких отпусков!

«Невидаль какая!» – подумал я, явно переоценивая свои силы (в следующий раз мне удастся вырваться в полноценный отпуск только через три с половиной года. Это при моей-то нагрузке и работе без выходных...).

Однако по прошествии двух недель Зенкович неожиданно сказал мне:

– Валерий Александрович, мы перед вами виноваты, не дали как следует отдохнуть – ни после армии, ни в этом году. Я знаю, Сушков не хочет давать вам отпуск, пока идёт строительство, но вы работаете на износ, и это может плохо кончиться. Сейчас Тихон Степанович в отъезде, и пока его нет, я готов вам подписать отпуск на оставшиеся дни, хотите?

Я согласился не раздумывая. Как раз накануне позвонила из Норильска моя двоюродная сестра Шура Хоменко и пригласила на свой юбилей. Наши мамы были сёстрами. Шура рано осиротела и несколько лет жила у нас в Барнауле, она была мне как родная сестра. Муж её Николай Чистиков работал бригадиром в никелевом цехе, хорошо зарабатывал, и они решили за свой счёт пригласить меня на недельку в свой заполярный город, который с юности был моей мечтой.

* В 1961 году город Сталинск вновь переименован в Новокузнецк.

Времени у меня было в обрез, дней двенадцать, поэтому на следующий же день я был в Домодедово. Мне крупно повезло – самолёт отправлялся через два часа. Расстояние до норильского аэропорта Алыкель – три тысячи километров – мы преодолели за пять часов. «За час проеду автобусом какие-то там полсотни километров и буду у родных», – думал я. Но ошибся. Самый северный город мира принял нас негостеприимно. Накануне случился сильнейший снегопад, дорогу замело двухметровыми сугробами, связь с Норильском прервалась. Для норильчан это было обычным делом. Посадку нашего самолёта каким-то чудом сумели обеспечить мощные снегоуборочные машины.

В аэропорту пришлось просидеть двое суток. Народу была тьма, очередь к телефонному автомату – многометровая. После расчистки дороги нас поочередно доставляли автобусами в город...

Норильск произвёл на меня неизгладимое впечатление. Это современный социалистический город с красивыми, раскрашенными в разные цвета домами, с драматическим театром, музыкальной школой, индустриальным институтом и музеем. Это город металлургов с населением 170 тысяч человек. Его отличительной особенностью были тепловые сети, проложенные из-за вечной мерзлоты сверху – весь город в теплотрассах...

На второй день во дворце культуры Норильского металлургического комбината проходило какое-то юбилейное мероприятие, на котором мой родственник Николай Чистиков получил орден «Знак Почёта». Вручал награду лично генеральный директор градообразующего предприятия Н. П. Машьянов...

Через неделю пора было вылетать домой. Ожидался повторный снегопад. Билетов на Москву не было, пришлось делать пересадку в Новосибирске, куда самолёт прибывал около четырёх утра. Перед вылетом я сообщил Ире телеграммой, что ночью в течение часа буду находиться в аэропорту Толмачёво, и пожелал ей спокойной ночи. Каково же было моё удивление, когда увидел её, счастливую, с большим букетом цветов, в здании аэропорта! С тех пор и завязалась наша переписка...

Новые приоритеты

Все годы строительства турцентра, кроме заказчика, авторского надзора и вышестоящих инстанций, за ходом дел следили местные партийные и советские органы. Не оставалась в стороне и пресса. По заданию райкома газеты предоставляли слово и строителям.

Самый северный город мира принял нас негостеприимно – накануне случился сильнейший снегопад, дорогу замело двухметровыми сугробами, связь с Норильском прервалась.

15 января 1971 года состоялась сессия Суздальского горсовета, на которой начальнику дирекции по строительству турцентра депутату В. И. Рыжову было поручено доложить о ходе дел на нашей стройке, а шли они тогда не самым лучшим образом. По мнению Рыжова, основной причиной невыполнения плана строительно-монтажных работ за 1970 год было слабое руководство со стороны треста № 94.

– Субподрядчики опаздывают с подготовкой фронта работ, – заявил он, – в СМУ «Суздальстрой» плохо организован труд строителей, штурмовщина... Чтобы освоить выделенные в текущем году средства и своевременно ввести в действие запланированные объекты, необходимо коренным образом улучшить работу СМУ и его субподрядных организаций...

Досталось тогда и нам с Рыжовым, оно и понятно – критиковать руководство дирекции было за что.

4 марта 1971 года начальник ССМУ-6 А. Д. Денисенко в статье «Строить больше и лучше», опубликованной в газете «Сельская новь», писал:

«Задача перед нами на этот год стоит большая и сложная, но выполнимая, при условии, что не будет никаких неувязок и задержек. А они, к сожалению, есть. Поэтому мне и хотелось бы высказать ряд претензий к генеральному подрядчику – СМУ и заказчику – дирекции турцентра. Возьмём, к примеру, строительство очистных сооружений. Фронт работ генподрядчик нам предоставляет несвоевременно, а заказчик не поставляет оборудование. А как вести без этого работы? Вот и перебрасываем рабочих с одного объекта на другой. Второй факт. Мы ведём строительство дороги, а финансирование заказчиком до сих пор открыто не полностью».

29 июня 1971 года заведующий промышленно-транспортным отделом райкома партии В. М. Киселёв в местной газете информировал горожан:

«Коллектив „Мосгазпровода“ заканчивает прокладку газопровода. Сейчас ведутся работы по его испытанию. К отопительному сезону на новый вид топлива перейдёт районная котельная. Тепло от неё получат жители Советской улицы, детский комбинат, средняя школа, ГТК. За последние два года рабочие, ИТР и служащие строительных организаций получили более трёхсот квартир...»

16 декабря 1971 года в статье «Повышать темпы и качество строительства», опубликованной в газете «Сельская новь», Владимир Михайлович Киселёв с беспокойством писал о проблемах нашей стройки, в том числе и о качестве работ:

«В текущем году тресту № 94 предстоит освоить 8 млн. руб. В настоящее время строители туристского центра принимают меры для завершения пусконаладочных работ на очистных сооружениях и район-

ной котельной. Технология их строительства сложна. Достаточно сказать, что для их нормальной работы проложены десятки километров подземных коммуникаций – водопроводных, газовых и тепловых трасс, электрических и телефонных кабелей.

На протяжении ряда лет в Суздале возводятся жилые дома, а вот хорошего современного магазина в этом районе нет. И нет полной уверенности, что строительство его начнётся в этом году. Дело в том, что руководители дирекции по строительству турцентра В. И. Рыжов и В. А. Брунцев до сих пор не обеспечили строителей проектно-сметной документацией и финансированием.

Одной из важнейших задач остаётся улучшение качества строительных работ. Всегда ли у нас строят добротно? К сожалению, далеко не всегда.

Вот свежий пример. Напорный канализационный коллектор очистных сооружений, проложенный ССМУ-6, при испытании дал течь. К чему это привело? Большую часть его пришлось откапывать, вновь чеканить трубы, производить повторные испытания. Но этого могло не произойти, если бы бывший главный инженер ССМУ-6 Ю. А. Сафаев, мастера, технический надзор, который осуществлял Е. И. Жильцов от дирекции турцентра, добросовестно отнеслись к своим служебным обязанностям».

В конце 1971 года все силы строителей были брошены на завершение строительства школы на 1174 учащихся. Почти каждую неделю приезжали на эту стройку проектировщики из ЦНИИЭП учебных зданий – главный архитектор проекта А. Ф. Кутырева и главный конструктор Л. И. Сельянова. Практически ежедневно здесь бывали председатель горисполкома А. М. Думов и директор школы Иван Алексеевич Клевцов (душа-человек!). Благодаря труду строителей, проектировщиков и заказчика, эта школа получалась образцовой – с актовым и спортивным залами и столовой.

Нелегко пришлось тогда и сотрудникам нашей дирекции, особенно начальнику отдела комплектации В. А. Сахарову. Школу нужно было обеспечить не только материалами – вентиляторами, калориферами, проводами, светильниками и даже лампочками, оборудованием столовой и актового зала, но и самой разнообразной мебелью, в том числе лабораторной. Из-за передачи школы на баланс города много хлопот было у нашего главного бухгалтера Бордовской и экономиста Бушневой.

Конечно, вводу школы без недоделок способствовала тёплая зима – до самого нового года не было морозов. Строители успели сделать даже благоустройство и озеленение, что случается крайне редко.

После приёмки был устроен дружеский ужин, сделали памятный снимок, на нём: учителя, строители, представители проектного института

Вводу школы без недоделок способствовала тёплая зима – до самого нового года не было морозов. Строители успели сделать даже благоустройство и озеленение, что случается крайне редко.

Все годы строительства турцентра, кроме заказчика, авторского надзора и вышестоящих инстанций, за ходом дел следили местные партийные и советские органы. Не оставалась в стороне и пресса.

и заказчика – инженер по технадзору Лидия Георгиевна Коровина и главный инженер дирекции...

1971 год был довольно напряжённым. Было сдано в эксплуатацию больше двух десятков объектов, входящих в программу турцентра. Большим достижением было то, что наладились испорченные отношения между основными участниками нашего строительства – подрядчиком, проектной организацией и заказчиком. Наконец-то между нами возникло взаимопонимание. Худой мир лучше хорошей войны.

В планах на следующий, 1972 год, хоть и со скрипом, но был-таки взят крен в сторону объектов туризма. Правда, – не всех. Местную власть, прежде всего, интересовали жильё, коммунальная и произ-

Монтаж каркаса ресторана ГТК

водственная база, инфраструктура города*. Большинство объектов, входящих в этот список, являлись титульными объектами турцентра. Для их строительства от дирекции требовалась поставка дефицитных материалов, технологического и нестандартизированного оборудования, отсутствие которого часто было причиной затора. Волей-неволей мне приходилось брать на себя решение самых сложных вопросов,

* 20 января 1972 года на сессии исполкома Суздальского Совета были приняты «Социалистические обязательства трудящихся города Суздаля на 1972 год». Этот документ наглядно показывал, какие из объектов турцентра в первую очередь интересовали местную власть.

сдерживающих ход их строительства. Благодаря инициативе дирекции и указаниям руководства облисполкома в планах 1972 года предусматривался небывалый до того времени объём работ по главному туркомплексу – 2 млн. рублей!

В начале 1972 года вместо С. Н. Сулова начальником СМУ «Суздальстрой» был назначен «прожжённый» строитель, 56-летний Игнат Степанович Войцеховский.

Когда мы познакомились, Игнат Степанович рассказал о своей непростой жизни. Родился он в 1916 году на Украине в бедной крестьянской семье. После окончания строительного техникума по комсомольской путёвке поехал в Комсомольск-на-Амуре. Там работал на строительстве оборонных

Строители и учителя в новой школе. Сидят: третья слева – инженер по технадзору Л. Г. Коровина, далее гл. конструктор проекта Л. И. Сельянова и архитектор А. Ф. Кутырева, в центре – директор школы И. А. Клевцов. Стоят в верхнем ряду: третий слева начальник СМУ «Суздальстрой» С. Н. Сулов, далее – начальник ССМУ-6 А. Д. Денисенко, гл. инженер дирекции ГТК В. А. Брунцев

предприятий и объектов жилищно-гражданского назначения. С его участием строились такие известные в стране предприятия, как судостроительный и авиационный заводы. В последние годы работы на Дальнем Востоке он находился на должности начальника строительства Амурска – города-спутника Комсомольска-на-Амуре. В 1961 году вместе с семьёй переехал во Владимир, где десять лет работал на руководящих должностях. Так что, опыта работы в строительной отрасли ему было не занимать.

К тому времени из мастеров на должность прораба промышленной зоны был переведён молодой инженер-строитель Ю. В. Бурлаков, прибывший из Орска Оренбургской области (позже, в 1975 году, он стал главным инженером этой организации). Юрий Викторович,

как сейчас говорят, был социально активным человеком – выступал на партсобраниях, публиковал статьи в газетах. Эти два кадровых назначения заметно сказались на улучшении работы нашей генподрядной организации.

В семидесятые годы многие газеты и журналы страны публиковали свои статьи о главном бриллианте «Золотого кольца» России – городе Суздале и о развитии туризма в стране. Свою скромную лепту внёс в это дело и я. 20 мая 1972 года газета «Вечерний Новосибирск» опубликовала мою развёрнутую статью «Древний Суздаль», в которой я познакомил своих земляков с нашим славным городом и с перспективами его развития.

Тайное оружие социализма

Каждый раз, бывая на строительстве главного туркомплекса, я наблюдал за монтажом конструкций металлического каркаса ресторана, имеющего форму огромного шалаша длиной 66 и высотой 16 метров. В его основе лежала так называемая двухшарнирная фальная система, с жёстким узлом крепления в коньке. По тем временам это решение было довольно оригинальным и ставило перед монтажниками непростую задачу. Меня это всё интересовало ещё и в профессиональном плане – как инженера-мостовика.

Вместе с разработчиками проекта, инженерами Б. Волынским и А. Пригожим, ведущим автором этого довольно сложного сооружения был В. И. Лепский. А работы по изготовлению всех металлоконструкций и их монтаж вёл у нас специализированный трест «Стальмонтаж», который, ко всему прочему, занимался и монтажом железобетонных изделий по всем объектам ГТК. Казалось бы, тут всё просто – производи и монтируй, но без проблем не обходилось.

Бригадир монтажников треста «Стальмонтаж» С. Морковкин писал 16 июня 1972 года во владимирской областной газете «Призыв»:

«... Уже несколько лет строится в Суздале главный туристский комплекс. Вот уже второй год работает там и наша бригада. При плане 20 тысяч рублей в месяц осваивается значительно меньше. Напрашивается вопрос: в чём же дело?»

Специфика работы треста „Стальмонтаж“ – сборка железобетонных и стальных конструкций. А их-то как раз и не хватает. Совершенно отсутствуют плиты межпотолочных перекрытий,

а на такие объекты, как гостиница, киноконцертный зал – железобетонные конструкции. Для главного туристского комплекса нашей организацией заготовлено и завезено 600 тонн металлических конструкций, из них смонтировано около 70 тонн. Остальные лежат и ржавеют. Причина всё та же: нет железобетонных конструкций. Завод железобетонных изделий Владимира их не делает.

Но даже если конструкции изготовят, доставить их на объект невозможно. Дело в том, что полностью отсутствуют подъездные пути. Изредка доставляемые конструкции приходится разгружать за 200–300 метров от объекта, а потом транспортировать бульдозером, что, конечно, не улучшает их вида. Сложилась такая ситуация, что присутствие „Стальмонтажа“ на этом объекте совершенно нецелесообразно. А так ли?»

К сожалению, такое состояние дел на нашей стройке продолжалось и в последующие годы. Постоянный дефицит строительных материалов приводил к простоям рабочих, что, в свою очередь, вело к срыву выполнения планов. К этой беде прибавлялось и то, что советская стройиндустрия давала продукцию не лучшего качества. Это относилось не только к кирпичу, железобетону и столярке, но и к отделочным материалам. Зачастую хромала и организация производства. В результате всего этого заработка строителей падали.

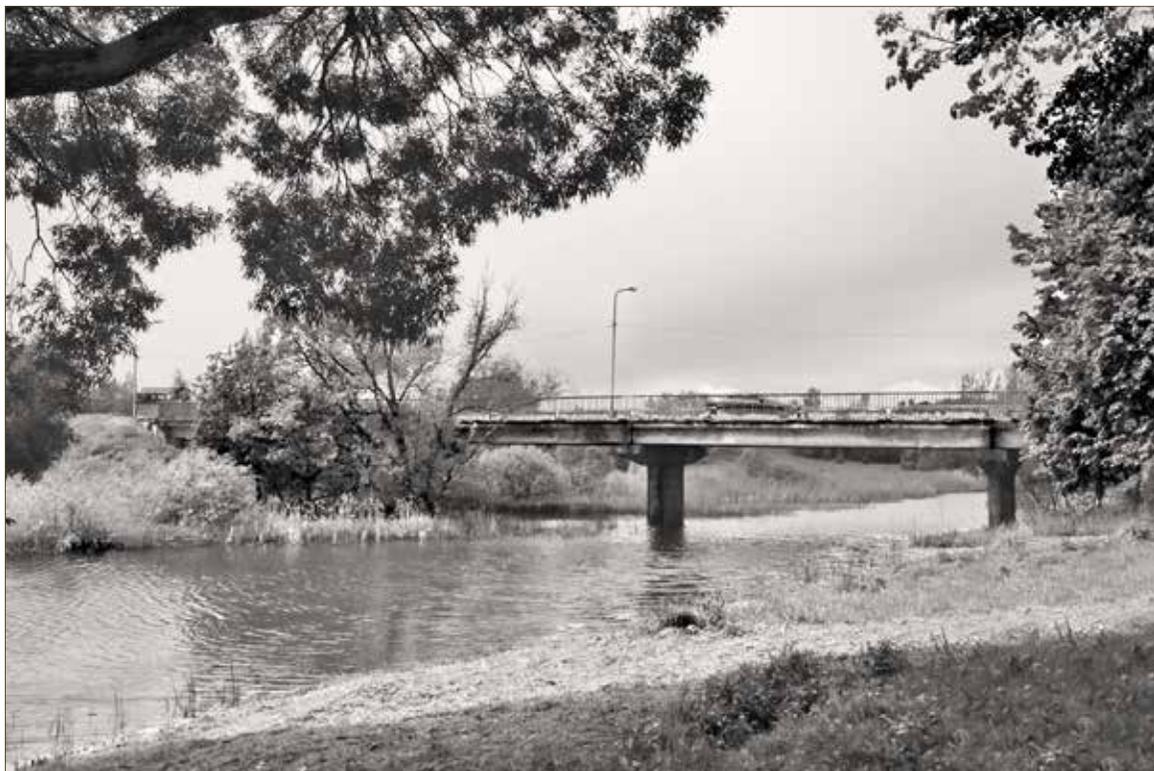
Однако в ход вступало тайное оружие социализма, которое привилось только у нас в стране: борьба за переходящее Красное знамя, за звание «Победитель социалистического соревнования», «Ударник коммунистического труда», «Передовик производства», за место на доске почёта. Были и другие поощрения: звания «Лучшая бригада», «Лучший участок», «Лучшее звено»... И несмотря на все трудности и недостатки, работы в общем-то велись широким фронтом, строители турцентра были полны энтузиазма.

Но какой в этом прок, если стройматериалы неважного качества? «Надо что-то предпринять!» – думал я.

В июле 1972 года было закончен мост через реку Каменку в районе ГТК – строили его всего около года. Как мостовик по образованию, я был назначен председателем не только рабочей комиссии, что мне полагалось по должности, но и государственной. Весь процесс строительства моста отслеживал лично, был в постоянном контакте и с руководством мостопоезда, и с линейным персоналом. Неудивительно, что государственная комиссия приняла этот мост с единодушной оценкой «отлично». Он, и правда, был сделан на совесть.

Игнат Степанович
Войтсовский,
начальник СМУ
«Суздальстрой»

Мост через
реку Каменку.
Построен в 1972 г.

Любопытно, что на следующий день после приёмки моста на строительство ГТК приехала комиссия Госстроя РСФСР. Состоянием дел она осталась весьма и весьма довольна. Понравился им и наш новый мост.

18 сентября 1972 года в Покровском монастыре Суздаля собралась большая комиссия по вскрытию могилы пятой жены Ивана Грозного – Анны Васильчиковой, сосланной сюда в ссылку мужем.

Я присутствовал на этой процедуре и своими глазами видел останки скелета опальной царицы. Удивительно, но несмотря на четырёхвековой срок, сохранились чепчик и слегка подгнившие коричневые доски шёлкового платья. Авторитетная комиссия всё это тщательно осмотрела и зафиксировала на фотоплёнку. Один небольшой кусочек платья размером в четыре сантиметра я выпросил для себя. Этот раритет до сих пор хранится в моём домашнем архиве.

Рабочая неделя в Суздале у меня, как правило, заканчивалась в воскресенье в пять-шесть вечера. В это время все мои гости, довольные и отдохнувшие, разъезжались по домам. Одни – в Москву, другие – в Иваново, третьи – в Горький или Ярославль. И я наконец-то появлялся дома. Благо, ехать было всего полчаса...

В 1972 году в Москве произошло одно важное для всех нас событие. Решением Госстроя СССР проектный институт был переименован в Центральный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования торгово-бытовых зданий и туристских комплексов (ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и туристских комплексов). Добавка к прежнему названию – «туристских комплексов» – придавала институту особо важный статус, поднимая ещё выше его престиж. В то время институт активно занимался разработкой проектов туристских центров в Новгороде и Пскове, а также крупных маршрутов по Узбекистану, Армении, Байкалу. С тех пор он официально стал флагманом развития теории туризма в СССР.

1972 год заканчивался для нас довольно успешно. Совместными усилиями дирекции, СМУ «Суздальстрой», ВМУ Цэнтроэлектромонтаж, ВМУ Севсантехмонтаж и домостроительного комбината было построено и сдано в эксплуатацию рекордное количество двух- и трёхэтажных панельных жилых домов. Они были необходимы городу не только для обслуживающего персонала объектов турцентра, но и для экскурсоводов, учителей, врачей, кулинаров, инженеров, специалистов эксплуатационных организаций, переселенцев из Покровского монастыря...

Было сдано и несколько объектов промышленной зоны – картофелехранилище, складские помещения, масса инженерных сетей и коммуникаций. Но самое главное, закачивалось строительство первых двух корпусов мотелей на 150 мест.

Дело было за малым – нужны были тепло и горячая вода, которые скоро даст наша квартальная котельная. Весь год мы напряжённо трудились над этим сложнейшим объектом. В моём рабочем графике вопросы по её комплектации технологическим оборудованием и материалами, а также руководство рабочей комиссии занимали сорок процентов времени. Не менее напряжённо работали и строители, особенно субподрядчики.

Итогом этой совместной работы стал подписанный 30 декабря 1972 года Акт государственной комиссии по приёмке в эксплуатацию котельной мощностью 60 Г/кал. в час. Нерешённым оставался лишь один вопрос – пуск тепла и горячей воды.

Дело было за малым – нужны были тепло и горячая вода, которые скоро даст наша квартальная котельная. Весь год мы напряжённо трудились над этим сложнейшим объектом.

Вид на Покровский монастырь. Суздаль. Фото В. Брунцева. 1975

САМЫЙ ДОРОГОЙ В ЖИЗНИ ОГОНЬ

Любому несведущему человеку слово «котельная» почти ни о чём не говорит, кроме того, что она даёт тепло, горячую воду и пар. Само это слово какое-то несолидное, потому что является производным от простого слова «котёл».

В. А. Брунцев у крепостной стены Спасо-Евфимиева монастыря. Начало 70-х годов

В ожидании тепла

Иногда котельная и правда состоит из одного небольшого теплового «котелка», установленного где-нибудь в подвале жилого дома. Монтаж и запуск его занимает всего два-три дня, да и управляет таким агрегатом обычно дежурный кочегар.

Другое дело наша центральная котельная. Она была предназначена для отопления и подачи горячей воды во все строящиеся объекты турцентра, включая главный туристский комплекс (ГТК), мотели, ямской двор, Спасо-Евфимиев, Покровский, Ризоположенский монастыри. Крупными потребителями были также жилой посёлок и объекты промышленной зоны. Словно паутина разбежались по городу ответвления теплотрассы, самой длинной была теплосеть к мотелям и ГТК протяжённостью в два с половиной километра.

Что касается комплектации котельной оборудованием, то в нашем проекте чего только не было: и технологическое (котлы, экономайзеры, бойлеры, обвязочная арматура), и силовое

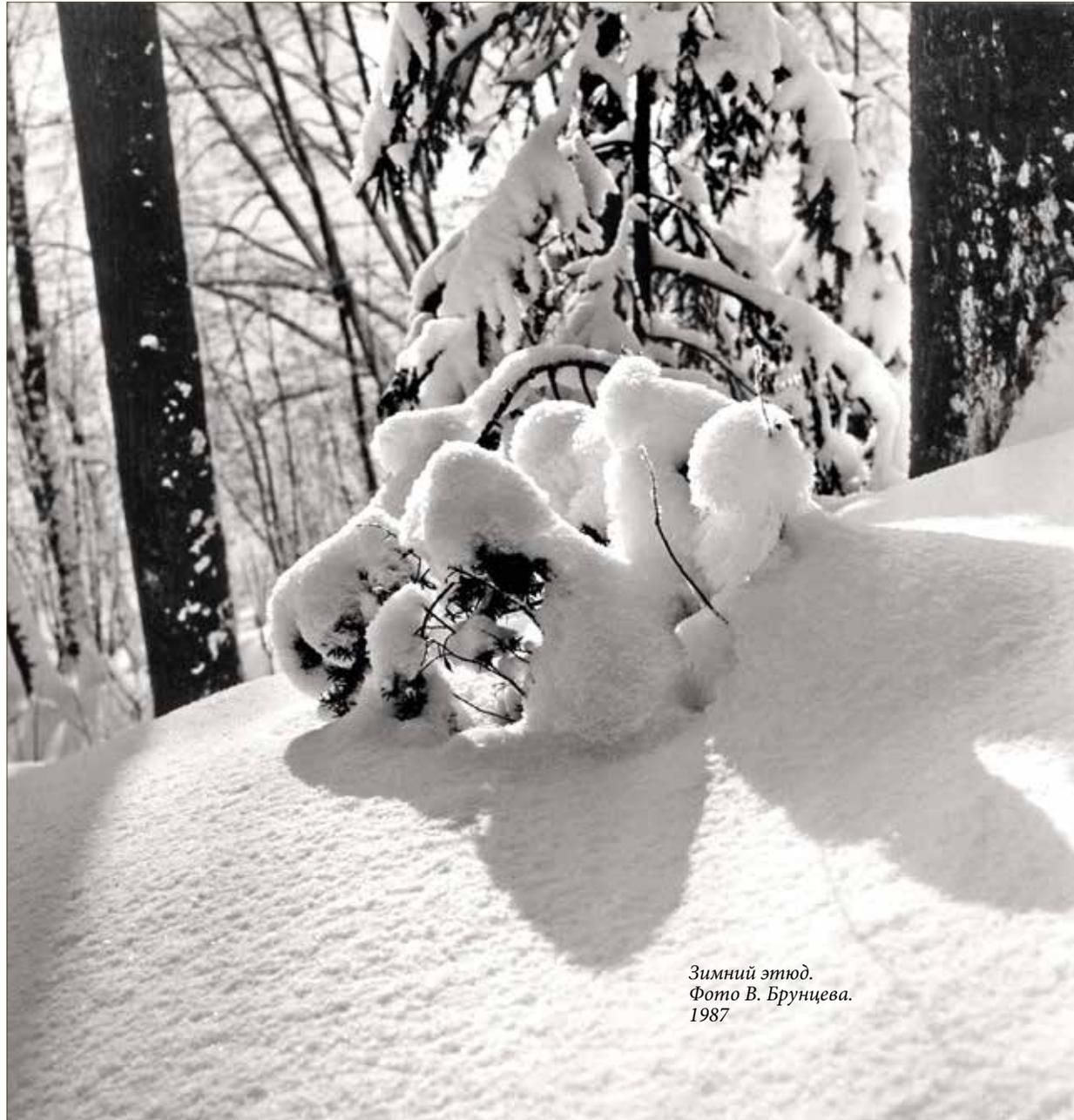
(электромоторы, щиты), и общезаводское (насосы, компрессоры), и электрическое (кабели, провода, пускатели, выключатели, светильники), и газовое (горелки, клапаны), и слаботочное (контрольно-измерительные приборы и автоматика), и вентиляционное (вентиляторы, калориферы), и сантехническое, и подъёмно-транспортное, и лабораторное...

Ну, а кроме того, – разные агрегаты, шкафы управления, трубопроводы и многое, многое другое.

Особенно сложной по комплектации была система водоподготовки с химводоочисткой. Большую проблему представляло получение нестандартизированного оборудования – всевозможных обечаек, крупноразмерных фланцев – всё это нужно было изготавливать на крупных заводах по специально разработанным чертежам.

Да что говорить, общее количество единиц оборудования и материалов, необходимых для котельной, составляло почти пять тысяч наименований! Одних только задвижек, клапанов и разного рода вентилях нужно было установить больше тысячи. И всё это вместе взятое было головной болью заказчика.

Общее количество единиц оборудования и материалов, необходимых для котельной, составляло почти пять тысяч наименований!

*Зимний этюд.
Фото В. Брунцева.
1987*

Именно из-за сложности комплектации оборудованием, часто дефицитным, а также из-за отсутствия у заказчиков специалистов-теплотехников, строительство таких котельных в стране длилось по шесть-семь, а то и десять лет.

К моменту моего появления в Суздале (а это ноябрь 1970-го) котельная строилась уже почти год. Заканчивались общестроительные работы на основном здании, шла заливка фундаментов под котлы ДКВР-20 и бетонирование железобетонных лотков для прокладки подземных коммуникаций. А склад дирекции был почти пуст...

С первых же дней мне стало ясно, что создание туристского центра напрямую зависит от скорейшего пуска котельной – без неё не введёшь ни один объект. Конечно, в оборудовании так же остро нуждались строящиеся очистные и водозаборные сооружения, станция обезжелезивания воды, три насосных станции, несколько трансформаторных подстанций, и всё же главной была именно котельная. Кроме проблем с комплектацией, надо было корректировать проектные решения (из-за замены оборудования и материалов). Что уж

С первых же дней мне стало ясно, что создание туристского центра напрямую зависит от скорейшего пуска котельной – без неё не введёшь ни один объект.

говорить о бесконечном изменении сметной стоимости – в сторону увеличения, конечно!

Кроме забот с котельной, на мою голову свалились обязанности по десяткам других – текущих и перспективных – объектов. Надо было вести проектно-сметные и договорные дела, заниматься отводом земли под строительство наших объектов с городской архитектурой, согласовывать техзадания на проектирование новых объектов с городскими службами, а потом повторно согласовывать проектные решения, полученные из институтов... Руководить отделом по ведению технической документации, оформлять заявки вместе с отделом комплектации, участвовать в разных комиссиях, совещаниях и планёрках, вести переговоры во Владимире с работниками облсполкома и облплана, стройбанка и отдела архитектуры, а в Москве – со специалистами Госплана и Главснаббыва РСФСР, министерства культуры и министерства торговли РСФСР, с проектными организациями, ну, и вдобавок решать вопросы с бесчисленными ведомствами и промышленными предприятиями страны, вести непрерывную деловую переписку, не вылезать из командировок... И всё это – не считая дружеских встреч по выходным с «нужными» людьми из Москвы, Иваново, Владимира!

Надо отдать должное, наш директор, Владимир Иванович Рыжов, совершал тогда невозможное. Используя деловые поездки в Москву, где он «выколачивал» деньги из ВЦСПС, «Интуриста», молодёжного бюро «Спутник», республиканских министерств и ведомств, Владимир Иванович попутно умудрялся распутывать и наши накопившиеся за неделю клубки проблем. Будучи своим человеком в высоких кабинетах области, он увязывал, утрясал, улаживал, сводил концы с концами – в общем, разруливал все вопросы, даже технические, освобождая от них меня.

С теплотой вспоминаю и других сотрудников дирекции, особенно – главного бухгалтера В. А. Бордовскую, экономиста З. Н. Бушневу, начальника отдела комплектации В. А. Сахарова. Время было очень горячее и сполна доставалось всем – инженерам по комплектации и техническому надзору, экспедитору и кладовщику, бухгалтерам и водителям. Не перестаю удивляться, как могли эти люди справляться с таким потоком дел! Ведь почти ежегодно мы получали тысячи единиц оборудования, материалов, мебели и инвентаря, которые нужно было принять на складе и тут же выдать подрядчикам и эксплуатационникам. Разбираться с проектом нам помогали прежде всего проектировщики московского института «Гипрокоммунстрой», довольно часто навещавшие Суздаль.

Многие полезные уточнения и корректировки делали наши монтажники – котельщики, газовики, энергетики, сантехники, электрики, слабوتочники, вентиляционщики, изолировщики и киповцы*, а также – наладчики оборудования и эксплуатационники.

Надо сказать, в дирекции не было специалиста-технолога по котельному оборудованию, так что и мы, и инженерный персонал СМУ «Суздальстрой» с такими проблемами столкнулись впервые. Поэтому все тонкости приходилось осваивать на ходу. И как подарок судьбы восприняли мы появление в дирекции в конце 1971 года инженера по теплотехнике и тепловым установкам Н. А. Гридина – выпускника московского университета имени Патриса Лумумбы. Его участие в решении технических проблем по котельной переоценить просто невозможно.

Первую заявку на поставку оборудования и материалов по котельной, предусматривающую полную её комплектацию для окончания всех монтажных работ в 1970 году, дирекция подала в Главснабсбыт РСФСР ещё летом 1969 года. Но в стране был дефицит всего, и мы получили лишь половину того, что просили. В цифровом выражении недопоставка составляла около двух с половиной тысяч наименований оборудования и материалов! Из трёх мощных котлов нам выделили два, а из трёх дефицитнейших щитов автоматики горения «Кристалл» – ни одного. Ввод нашей котельной отодвигался на неопределённое время.

Я уже писал, что до моего появления дирекция полгода жила без главного инженера, а директору приходилось заниматься исключительно вопросами финансирования стройки. Так что обстановка была крайне критической. Скопилась масса проблем по всем строящимся объектам турцентра (а их было более сорока). Нерешённых вопросов по котельной была тьма тьмущая, в первую очередь, – по проектно-сметной документации, они обычно решались проектировщиками вместе с заказчиком и подрядчиками прямо на объекте. Причём уровень инженеров по техническому надзору (техников по образованию) не позволял им находить грамотные решения. Впрочем, и полномочий таких у них не было.

При такой недопоставке оборудования и материалов не могло быть и разговора о полноценной работе владимирских строителей. Их то и дело вынуждены были перебрасывать на промзону, где создавались производства полуфабрикатов, безалкогольных и медовых напитков, сооружались склады. Городские и районные власти тоже старались использовать наших

* Специалисты по контрольно-измерительным приборам (КИП).

строителей – они возводили большое здание администрации в центре города, лепили коровники и склады в сёлах.

Положение осложняло то, что в посёлке, несмотря на отсутствие тепла и горячей воды, всюду строились крупнопанельные дома. Куда-то ведь нужно было заселять семьи приезжих строителей, переселять жителей из районов, предназначенных для туристских объектов. Нужно было давать квартиры приглашённым на работу музейным работникам, учителям, врачам, эксплуатационникам, улучшать жилищные условия специалистам-суздальцам...

Увеличение тепловой мощности временной котельной положения не спасало. Зимой температура в квартирах не поднималась выше 10–12 градусов. Доходило до того, что молодые матери приносили грудных детей в горисполком, оставляли их там и шли на работу.

Вот почему наша дирекция прежде всего должна была обеспечить строящуюся котельную недостающим оборудованием и дефицитными материалами – без них монтажные работы были парализованы.

– Самое главное, нужно всеми правдами и неправдами приблизить пуск тепла! – с первых же дней твердил мне зампред облисполкома Зенкович. Но для этого надо было срочно добыть третий котёл ДКВР-20 – такие выпускались только на двух заводах страны, в Таганроге и Бийске. Причём резервные фонды на них распределял Госплан РСФСР.

В Госплане РСФСР

В начале 1971 года мой шеф Зенкович собирался в командировку в Москву – в Совет Министров и Госплан РСФСР. Я напросился с ним, хотел познакомиться с руководителями управлений и отделов этого мощного ведомства, чтоб потом самостоятельно решать наши вопросы. Честно говоря, втайне я надеялся привлечь Зенковича к проблеме с недостающим котлом.

В отделе оборудования, куда мы зашли, чтобы «провентилировать» ситуацию, нас сразу предупредили: вопрос настолько сложный, что решать его нужно на самом верху.

И вот мы в приёмной председателя Госплана РСФСР К. М. Герасимова (он являлся также заместителем председателя Совета Министров РСФСР). У нас письмо на его имя, подписанное председателем Владимирского облисполкома Т. С. Сушковым: «В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 735 в городе Суздале ведётся строительство

Константин Михайлович Герасимов, председатель Госплана РСФСР

Зимой температура в квартирах не поднималась выше 10-12 градусов. Доходило до того, что молодые матери приносили грудных детей в горисполком, оставляли их там и шли на работу.

Михаил Александрович
Пономарёв –
первый секретарь
Владивостокского обкома
КПСС

первого в нашей стране крупного туристского центра <...> Ввод основных объектов этого комплекса был намечен на 1972 год. Однако из-за отсутствия технологического оборудования, в том числе третьего котла ДКВР-20, задерживается как минимум на год пуск центральной котельной, что соответственно приводит к срыву плана по вводу в действие основных объектов туристского комплекса...».

Дальше следовала «убедительная просьба» решить вопрос в духе того времени, то есть – «в порядке исключения». Это была обычная схема построения делового письма, при которой отрицательный ответ практически исключался.

Первоначальный текст готовил я сам, но после существенной правки Зенковича документ вышел куда более обоснованным – для меня это был наглядный урок.

В кабинете председателя Госплана нас ждал весьма тёплый приём. Чувствовалось, что Герасимов давно знаком с моим шефом и весьма к нему расположен.

Наше «трогательное» письмо возымело действие: Константин Михайлович тут же переговорил с кем-то из руководителей Госснаба СССР о необходимости выделить нам в этом году сверхплановый котёл. Появился шанс на успех нашего безнадежного дела, как шутили в таких случаях.

Прощаясь, Зенкович пригласил Герасимова приезжать в Суздаль, не дожидаясь открытия турцентра.

Через пару часов в отделе оборудования мне на руки было выдано фондовое извещение на поставку в четвёртом квартале текущего года крайне необходимого нам котла производства Бийского котельного завода – из резерва Госснаба СССР. И неважно, что к котлу нужны были ещё многочисленные комплектующие. Это была победа.

Во всех управлениях и отделах Госплана мы встречали неравнодушных людей, которые, едва услышав слова «Суздаль» и «турцентр», теплели на глазах. Это вселяло надежду, и я с радостью приглашал всех в гости.

Поездка на Алтай

Теперь важно было во что бы то ни стало перенести срок получения котла с четвёртого квартала на второй, а ещё лучше – на первый. Задача не из простых. Поразмыслив, я решил отправиться в родной Барнаул, где прожил пятнадцать лет, с тайной надеждой на помощь высоких партийных начальников. Заручившись письмом первого секретаря Владимирского обкома партии М. А. Пономарёва на имя первого секретаря Алтайского крайкома партии А. В. Георгиева, я вылетел на Алтай.

Александр Васильевич принял меня довольно радушно, с большим интересом выслушал рассказ о будущем суздальском турцентре, о Золотом кольце России. С Пономарёвым он был знаком лично и просил передать ему сердечный привет. Мне кажется, я расположил к себе первого секретаря своей непосредственностью:

– Знаете, Александр Васильевич, в юности я часто ходил мимо крайкома и просто любовался этим зданием. Мог ли я думать, что удастся когда-нибудь здесь побывать!

Я рассказал Георгиеву, что хорошо знаком с его дочкой Неллей – мы оба учились в 1-й средней школе. И о том, что отец моего друга Коли – Николай Ефимович Кузьмин – в пятидесятые годы был личным водителем первого секретаря Алтайского крайкома Беляева, а потом заведовал здешним гаражом. И о том, что отец моего одноклассника Гены Калачёва был тут зав каким-то отделом... Оказалось, всех этих людей Георгиев хорошо знал.

– Но это ещё не всё, – продолжал я. – Несколько лет мы с вами жили на одной улице, вы, Александр Васильевич – на Пролетарской, 46, в деревянном доме зелёного цвета, а мы – в доме номер 32. А моя мама была председателем уличного комитета и часто заходила к вам по вопросам подписки на газеты и на очередной Государственный заём.

Видно, мои нехитрые воспоминания растрогали секретаря крайкома, он превратился в обычного человека и тоже стал рассказывать о себе. Я узнал, что на Алтае он появился в тридцать втором году после окончания сельхозинститута. Несколько лет поработал на селе – агрономом, инструктором райкома, потом в исполнительной власти. Именно Н. И. Беляев обратил внимание на его организаторские способности и перевёл молодого председателя Ключевского райисполкома из глубинки в Барнаул.

Александр Васильевич
Георгиев – первый
секретарь Алтайского
крайкома КПСС

После обеда в уютной крайкомовской столовой мы вернулись в кабинет Георгиева. Мне не терпелось, чтоб он скорей занялся нашим вопросом.

– Т-а-а-к! – протяжно произнёс Александр Васильевич, – получается, что известной в стране стройкой руководит наш земляк. Это замечательно, завтра на заседании крайкома расскажу об этом всем членам бюро.

Он тут же связался с директором Бийского котельного завода и, объяснив суть проблемы, попросил во что бы то ни стало решить наш вопрос не позднее второго квартала этого года. А мне посоветовал отправляться в Бийск, чтобы лично познакомиться с директором завода и довести дело до конца.

– На обратном пути прошу проинформировать о результатах поездки, – сказал Георгиев на прощание.

«А ведь другой на его месте поручил бы заняться этим делом помощника или зав промышленным отделом, – подумал я. – Как же замечательно, что мы земляки!»

Я понял тогда очень важную вещь: мало грамотно и убедительно обозначить проблему, нужно уметь расположить к себе человека, к которому ты пришёл просителем, сделать его участником процесса. Ведь когда ставят вопрос в лоб: «Нам нужно то-то и то-то...», можно ответить: «Всем нужно...», а на просьбу: «Не могли бы вы нам помочь?», легко отказать.

В хорошем настроении сел я на поезд. Я уже был в Бийске после окончания института, когда участвовал в двадцатидневном походе по Горному Алтаю.

После знакомства и «душещипательного» разговора с директором котельного завода Геннадием Анатольевичем Вилковым у меня не осталось сомнений: во втором квартале котёл мы получим. Конечно, не последнюю роль тут сыграло моё обещание сделать предоплату. Это известный в снабжении тактический ход. В конце квартала у любого промышленного предприятия были большие финансовые проблемы (по существующему в то время положению, выполнение плана отгрузки оборудования или товара шло в зачёт только после оплаты).

В общем, долгожданный котёл мы получили уже через месяц – в первых числах марта! Наши специалисты довольно быстро произвели его монтаж, «обвязку» и подключили в общую сеть с двумя уже установленными котлами. Вот ведь как: чтобы получить один сверхплановый котёл, потребовалось участие нескольких высокопоставленных лиц из Владимирского обкома и облисполкома, Госплана РСФСР, Госнаба СССР, а также из Алтайского крайкома партии!

Вопреки обстоятельствам

Летом семьдесят первого при составлении плана работ на будущий год мы наконец-то решились поставить нашу котельную «на ввод». Дело в том, что так называемые вводные объекты – в отличие от переходящих – имели преимущества: стопроцентное финансирование и обеспечение основным оборудованием и материалами. Хотя даже в этом случае дефицитной могла остаться, например, электротехническая продукция – её приходилось добывать буквально из-под земли.

В это время как нельзя кстати произошло одно примечательное событие. Совет Министров РСФСР принял решение о создании при Главснаббюте РСФСР новой структуры с многообещающим названием – «Роскомплект». В отличие от всех других сбытовых организаций она должна была комплексно призвана обеспечивать всем необходимым объекты, имеющие наиболее важное народно-хозяйственное значение. Каким-то чудом удалось попасть в их число и ГТК.

Больше не нужно было бегать по разным управлениям и отделам Главснаббюта, чтобы решать разные, порой не такие уж и сложные вопросы. Этим теперь занимались работники Роскомплекта, общаясь между собой на своём профессиональном языке. А нам, заказчикам, нужно было контактировать лишь с одним человеком.

Особенно повезло тем, кто имел дело с заместителем начальника Роскомплекта Т. С. Кюрановой. В отличие от многих сбытовиков, Тамара Семёновна не считала свою работу каким-то одолжением по отношению к нам, заказчикам. Она всячески старалась помочь, добиваясь конечного результата.

Благодаря Тамаре Семёновне в 1972 году была скомплектована довольно значительная часть оборудования для нашей котельной. Более простые вопросы мы решали на месте.

Неоценимую помощь эти дни оказал нам зам. начальника Ивановского территориального управления Госнаба СССР Б. В. Григорьев – чрезвычайно отзывчивый к нашим проблемам человек. Ему под стать были и ближайшие помощники – начальники отделов Л. И. Дынин, Ю. Г. Новожилов и А. А. Рясин, всегда находившие способ выделить нужные нам изделия. Мы в долгу не остались и в один из выходных

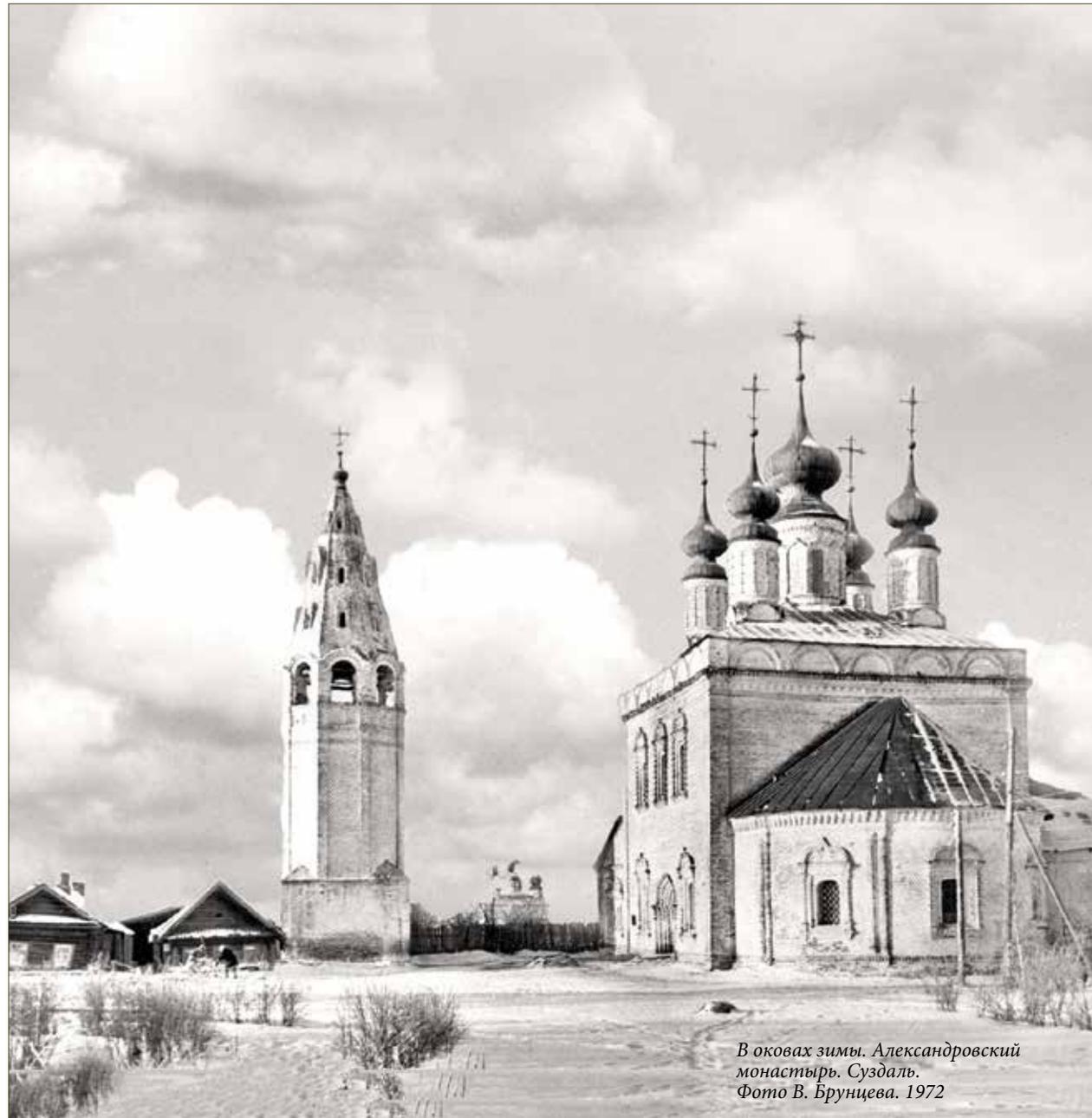
Тамара Семёновна Кюранова, заместитель начальника Роскомплекта

пригласили на экскурсию в Суздаль большую группу сотрудников этого мощного ведомства.

Решать вопросы по комплектации котельной нам особенно помогали начальник управления снабжения и сбыта Владимирского облисполкома М. Я. Крушин, его заместители Ю. П. Грибанов и Я. И. Каркач. Добрым словом вспоминаю директоров и главных инженеров промышленных предприятий области, у которых на складе нам в помощь нередко находились какие-то материалы и детали оборудования.

Может, вам покажется странным, однако в то время приходилось прежде всего рассчитывать на личные связи. Именно благодаря им каждый день удавалось решать десятки сложных вопросов.

А главное было впереди. Тогда, в семьдесят первом-семьдесят втором годах, невозможно было даже представить себе, какие трудности ждут нас на завершающем этапе строительства мотелей, гостиничного комплекса в Покровском монастыре, и особенно – ГТК. И уж тем более – при поставках дефицитного оборудования,

*В окопах зимы. Александровский монастырь. Суздаль.
Фото В. Брунцева. 1972*

материалов, дубовой столлярки, мебели и всевозможного инвентаря...

Занимаясь комплектацией нашей котельной, я приобрёл бесценный опыт и деловые связи, без чего практически невозможно было оперативно снимать возникающие проблемы.

При сооружении котельной одной из самых тяжёлых задач, которые легли на мои плечи, оказалась поставка нестандартизированного оборудования – его нужно было изготавливать по специальным чертежам, разработанным проектным институтом. Загвоздка была в том, как разместить на предприятиях области заказы на производство.

Тут, пожалуй, самый яркий пример – изготовление так называемых обечаек. Монтировались эти крупногабаритные изделия в верхней части котлов для их окончательной обвязки с помощью мощных фланцев и болтов, после чего к ним присоединялся коллектор газоотведения, подающий отработанный газ по специальным каналам в высокую кирпичную дымовую трубу.

Занимаясь комплектацией нашей котельной, я приобрёл бесценный опыт.

В то время приходилось прежде всего рассчитывать на личные связи. Именно благодаря им каждый день удавалось решать десятки сложных вопросов.

Юрий Павлович Грибанов, заместитель начальника управления снабжения и сбыта Владимирского облисполкома

Пытаясь разместить этот заказ, я побывал на нескольких заводах нашей области, но везде разводили руками: «Ничем помочь не можем!». У одних не было карусельного станка, у других – дефицитных комплектующих. С большим трудом удалось уговорить главного конструктора НПО «Техника» В. И. Аксёнова, с которым я был знаком уже около года. Для изготовления обечаек нужно было предоставить заводу бесшовную трубу (определённой марки стали, диаметром 120 см!), которой на заводе за ненадобностью никогда не было. Примечательно, что при высоте каждого изделия в 15 см, на весь заказ требовалось всего-то полметра этой трубы, но взять её в нашей округе было негде. Пришлось обращаться в Минхимнефтемаш СССР, где у меня завязались хорошие отношения с руководителем Главка снабжения. Дней через двадцать из какого-то отдалённого города мы получили этот кусок трубы и доставили на завод. Но как нарезать трубу, как обрабатывать, как соорудить фланцы диаметром в 120 см из листовой стали толщиной 20 мм? Оба изделия можно было изготовить в механическом цехе на карусельном станке, единственном на заводе. Но начальник цеха отмахнулся от нас:

– Приходите через месяц, не раньше, станок занят! Важный оборонный заказ – я отвечаю за него головой...

Конечно, это нас не устраивало. Улучив подходящий момент, я договорился с одним «сознательным» слесарем-карусельщиком за 15 рублей. Всю ночь с субботы на воскресенье он с подсобником изготавливал для нас долгожданные обечайки и фланцы. К утру всё было готово. Оплатил я эту работу, конечно, из своего кармана, иных способов расчёта у нас в то время не было. В другом цехе сварили изделия между собой, за что уже можно было рассчитывать по безналу. Я был вне себя от счастья: наконец-то удалось резко продвинуть проведение монтажных работ.

Друзья и коллеги спрашивали:

– Что вы так долго возитесь со своей котельной? И почему ты сам занимаешься комплектацией, мотаешься в Москву и по стране? У тебя же есть начальник отдела снабжения, пусть он и ездит!

Ответ отчасти заключался в непростой ситуации, которая сложилась в стране ко времени описываемых событий. На любом производстве самыми основными были тогда два понятия: план и дефицит. При огромном дефиците на всё и вся план нужно было выполнять любой ценой. Именно этому было посвящено почти всё рабочее время первых руководителей предприятий. Так что, заниматься выполнением посторонних заказов было весьма и весьма накладно – реализация их

на плановых показателях никак не отражалась. И если бы к руководству с такой просьбой попытался обратиться какой-то приезжий снабженец, пусть даже и начальник отдела комплектации, – с ним попросту не стали бы разговаривать. Другое дело, если это руководитель известной в стране стройки, ведущейся по распоряжению правительства. Моя солидная должность главного инженера и красное служебное удостоверение облисполкома позволяли открывать любые двери – вплоть до союзных министерств и ведомств. Не говоря уж о кабинетах директоров или главных инженеров заводов, особенно – во Владимирской области.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Одним из самых больших затруднений стало получение трёх шкафов автоматики горения «Кристалл» (они регулировали все процессы сгорания газа в котлах). В Советском Союзе это было, пожалуй, дефицитнейшим оборудованием подобного рода. Все наши обращения в Главснабсбыт и даже в Госплан в течение двух лет были безуспешны – фондов на него практически не было. Из-за отсутствия шкафов автоматики горения задержался, к слову, даже пуск второй очереди Костромской ГРЭС. Однако, как ни покажется странным, именно эта ГРЭС стала нашей палочкой-выручалочкой. В своё время мне удалось завязать прочные связи с руководством этого строящегося гиганта, комплектация которого шла по линии Госснаба СССР (фондовые извещения на дефицитное оборудование выдавались им с красной полосой, то есть поставка шла под литером: «вне очереди!»).

Познакомившись в 1971 году с директором строительства ГРЭС, я пригласил его со всеми сотрудниками и их семьями к нам в Суздаль – на экскурсию. От этой двухдневной поездки костромичи были в таком восторге, что в течение нескольких последующих лет огромные склады этой костромской стройки были нам доступны.

Так вот, когда все наши надежды на получение в текущем году необходимой нам автоматики рухнули, мне неожиданно-негаданно позвонил директор этого строительства. Был поздний вечер.

– Что-то случилось? – удивился я.

– У нас ничего не случилось, – весело ответил он. – А вот тебе, кажется, сказочно повезло. На этой неделе мы получили два полных комплекта автоматики «Кристалл», один – по линии Госснаба СССР, а другой – по линии «Союззагранпоставки» – туда мы тоже на всякий случай

делали заявку. Каким-то непонятным образом это сработало. Завтра же приезжай в Кострому и забирай свои три щита, пока я не передумал, а москвичи не спохватились. Кстати, с тебя причитается!

Невзирая на позднее время, я тут же сообщил эту благую весть всем, включая председателя горисполкома А. М. Думова:

– Теперь наконец-то мы запустим свою котельную!

На следующее утро кортеж из трёх грузовиков в сопровождении моего «Москвича-412» двинулся в Кострому. Пройдя двести километров по ухабистой дороге, к обеду мы были на месте. Ожидавший меня благодетель подписал нужные документы. Убедившись, что бесценное (и довольно габаритное) оборудование погружено и надёжно закреплено, я дал команду отправляться в обратный путь, но уже по хорошей дороге – через Ярославль. Будто предчувствуя неладное, несколько раз предупредил водителей, чтоб не торопились и двигались крайне осторожно, на что все трое дружно кивали головами. Через пару часов я вырвался вперёд – надо было успеть подготовить автокран для разгрузки...

В пятидесятых годах шёл фильм «Плата за страх». Там такой сюжет: чтобы потушить пожар на нефтяных скважинах, нужно как можно скорее доставить туда две цистерны с нитроглицерином. За это взялись четверо смельчаков-водителей, желающих хорошо заработать. Но вот беда, со средней скоростью двигаться нельзя: на трассе щебень, грузовики начнёт трясти, нитроглицерин нагреется – малейший толчок, и всё взлетит на воздух... Быстро ехать тоже опасно – на дороге интенсивное движение. А медленная езда вообще никому не нужна – скважины сгорят дотла...

Так вот, в нашем случае всё было наоборот: водители должны были двигаться только со средней скоростью. Однако через три часа, когда я был уже на месте, мне сообщили: две первых машины подъехали к котельной и начали разгрузку, а третьей машины нет. Оказывается, на крутом повороте с горьковской трассы на Суздаль её занесло, и пару раз перевернувшись, машина улетела за обочину дороги. Я срочно выехал на место аварии и увидел печальную картину. Лежащую на боку машину какой-то автокран ставил на колёса, а искореженный до неузнаваемости дефицитный щит «Кристалл» валялся далеко в стороне. На нём, как насмешка, красовалась яркая табличка Московского завода тепловой автоматики. Десятки разбитых приборов были разбросаны по полю. Винаватый водитель стоял, хмуρο опустив голову. Находясь в состоянии неопишемого стресса,

я, как сейчас помню, почему-то сказал сам себе вслух: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

До поздней ночи под светом фар собирали мы эти приборы в ящики, которые мой водитель достал в местном магазине. Разбитый щит тем же краном погрузили на попутку и вместе с ящиками отправили в Суздаль. Эту ночь я провёл без сна – всё рухнуло!

Однако горюй не горюй, а надо что-то делать. На следующий день я пригласил специалистов «Спецмонтажавтоматики» и Владимирского пусконаладочного управления, чтоб оценить техническое состояние разбитого щита и понять, можно ли его восстановить. Оказалось, что тридцать дефицитных приборов полностью непригодны.

Тут же на месте провёл «деловые» переговоры. Часть приборов согласился отремонтировать или достать заново бригадир наладчиков. Сговорились на приличные деньги – 500 рублей, в то время как зарплата квалифицированного рабочего была не выше 180–200.

Руководитель монтажной организации взялся восстановить коробку щита... Из-за нерадивости лихача-водителя нужно было как-то оплачивать недостающие реле, пускатели, прерыватели. Но где взять такие деньги?

С финансами выручил зампред облисполкома Зенкович. Понимая важность дела, он уговорил начальника областного территориального управления строительства Минстроя СССР В. Н. Маркина, «изыскать возможность выделения необходимых средств». Было решено выписать премии мне и новому начальнику отдела комплектации дирекции Г. П. Боровкову – по 250 рублей «за помощь строителям в поставке дубовых изделий из Белоруссии для туристского центра в Суздале».

В тот же день деньги легли в карман мастеру-ремонтнику. Чтобы получить другую часть недостающих приборов, дирекция заплатила монтажной организации «за дополнительные работы по монтажу шкафа». Как потом оказалось, монтажники довольно часто использовали для пусковых объектов приборы, полученные от других заказчиков, срок монтажа которых ещё не наступил.

Три недели ушло на полное восстановление золотого для нас щита автоматики, после чего он наконец-то был доставлен на место, установлен и подключён к сети.

Владимир Иванович Аксёнов, главный конструктор НПО «Техника»

Анатолий Максимович Думов – председатель Суздальского горисполкома

Облака. Суздаль.
Фото В. Брунцева.
1977

На волоске от трагедии

30 декабря 1972 года – решающий момент в строительстве нашей котельной. В этот день наконец-то был подписан акт рабочей комиссии по приёмке её в эксплуатацию. Это означало, что закончены все основные строительные-монтажные работы и можно приступать к пусконаладке (по традиции, к акту прилагался перечень недоделок со сроками их устранения).

Этот важный документ подводил итог огромной работы, проведённой заказчиком, коллективом СМУ «Суздальстрой» и его субподрядными

организациями. Среди подписавших акт, кроме нас, строителей, стояли фамилии проектировщиков, представителей горисполкома, эксплуатационных организаций, санэпидстанции, пожарного надзора и даже представителя местных профсоюзов. Моя фамилия, как председателя рабочей комиссии, стояла первой.

Но для приёмки котельной Государственной комиссией нужно было выполнить все пусконаладочные работы и обеспечить устойчивую подачу тепла и горячей воды на подготовленные объекты, включая жилые дома посёлка. Мы были уверены, что это время не за горами, и по согласованию с руководством Владимирского облисполкома, облплана и Суздальского горисполкома отчитались перед вышестоящими органами за ввод котельной в эксплуатацию. Эта информация из Владимира ушла в Москву.

Но стояли такие холода, что о запуске котельной нельзя было и думать. Да и подготовленность эксплуатационников смущала. В общем, пуск отложили. Прошёл морозный январь, заканчивался вьюжный февраль. И вот строители устранили все недоделки, и рабочая комиссия дала согласие на запуск. Ожидалось потепление до минус восьми. По счастливому совпадению, это был День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

К пусковым работам приступили рано утром. В котельной собрались руководители всех подрядчиков, принимавших участие в строительстве этого многотрудного объекта, эксплуатационники, работники пусконаладочных управлений, бригадиры монтажников и, конечно, представители службы заказчика – всего человек шестьдесят.

В последний раз проверили газовое хозяйство котельной, автоматику и другие системы. Всё было точь-в-точь как на космодроме перед запуском ракеты. То одно, то другое задерживало пуск газа на горелку первого котла и его воспламенение. Наконец, ближе к вечеру все причастные к пуску по очереди доложили членам комиссии о полной готовности оборудования.

Я как председатель рабочей комиссии дал команду: «Пуск разрешаю!» Тут же открыли все задвижки на подачу воды – её требовалось не меньше 300 кубометров! Надо было ждать три часа. Всё это время мы находились в благодушном настроении, шутили, с нетерпением дожидаясь момента завершения самого приятного цикла подготовительных работ.

Но когда в заполненной водой системе котельной начали увеличивать давление, чтобы довести до необходимых параметров, из всех

*Из всех 144 боковых
отверстий трёх
огромных котлов
в разные стороны
мощными струями
хлынула вода!
На дворе крепчал
мороз, ночью
обещали минус
пятнадцать.
По законам физики
вся система
технологического
оснащения
котельной
должна к утру
разорваться!*

144 боковых отверстий трёх огромных котлов в разные стороны мощными струями хлынула вода! Подачу её тут же прекратили.

– В чём дело? Что случилось? – наперебой кричали все, кто был в этом огромном зале.

Выяснилось, что ещё летом прошлого года после сборки и полной обвязки котлов, монтажники котельного оборудования выполняли так называемую «шарошку» – чистку труб котлов от грязи и окалины. После этого надо было установить заглушки (по 48 штук на каждый котёл). Но в тот момент под рукой не оказалось поролоновых прокладок, необходимых для установки этих заглушек. Может, их не было на складе подрядчика, а может, просто не успели подвезти. Так или иначе, чтобы заглушки не потерялись, их временно установили на все котлы без прокладок, надеясь в скором времени вернуться и сделать всё по правилам. А потом этих монтажников командировали на три месяца на БАМ, и про отсутствующие прокладки они просто забыли. Да и в курсе-то были два-три человека. Неудивительно, что заглушки без прокладок выдержать давление не могли, и вода хлынула наружу.

Что было делать? На дворе крепчал мороз, ночью обещали минус пятнадцать. По законам физики это должно привести к печальным последствиям: вся система технологического оснащения котельной (котлы, бойлеры, многочисленные насосы и трубопроводы, находящиеся «под водой») должна к утру разорваться!

Это была бы настоящая трагедия. Как потом заново получать такое дефицитное оборудование? Огромные финансовые потери (ведь общая стоимость котельной – полтора миллиона рублей!)... Нет, это крах, полный крах! Про строительство турцентра можно вообще забыть... Судебные разбирательства... А спрос прежде всего с кого? С председателя рабочей комиссии – то есть с меня. Но главное, жители, мечтающие через считанные часы получить тепло и горячую воду, ещё целую вечность жили бы в холодных квартирах...

Я почувствовал, что все взоры обращены ко мне: «Ты председатель комиссии, тебе и решать». Лихорадочно думал: «Так... Чтобы избежать разрыва оборудования и труб, нужно добиться хотя бы нулевой температуры в помещении котельной».

Не теряя времени, распорядился, чтобы со всех прорабских контор и бытовок привезли электронагреватели и мангалы. На свободных площадях котельной разожгли небольшие костры. Состояние было, словно на фронте во время отступления: все бегали, сутились, что-то кричали друг другу...

Предвидя, что нам придётся провести бессонную ночь в холодном помещении, я послал водителя к знакомому продавцу купить в долг ящик водки, два десятка буханок хлеба и несколько шматков сала. Увидев всё это на столе, наша команда немного оживилась.

Ближе к полночи температура опустилась до десяти градусов мороза. Считая, что проблема с теплом в котельной решена, я занялся поиском листового поролон для вырубki прокладок. Оказалось, никто, включая монтажников, не знает, где его взять, особенно ночью.

Я помчался в облисполком, к дежурному. Выслушав меня, он тут же позвонил начальнику областного управления по снабжению и сбыту Михаилу Яковлевичу Крушину. Тот подтвердил: «Поролон на складе есть, но кто знает, где живёт кладовщик...» Тогда я попросил разрешения... взломать склад. Крушин без колебаний согласился: «Что же делать, ломайте замок, охрану я предупрежу!».

Провернув операцию со взломом, мы закрутили проволокой складскую дверь и выехали обратно с несколькими листами поролон. Под утро все сорок восемь прокладок, необходимых для первого котла, были вырублены, заглушки установлены и прочно затянуты. Теперь на котёл можно было смело подавать давление. Через некоторое время всё было готово.

И вот пуск! Ровно в шесть утра в первом котле вспыхнул огонь. Это был самый дорогой в жизни огонь, который я когда-либо видел.

Первый агрегат был запущен и дал долгожданное тепло! К полудню уже без проблем запустили второй, а в шесть вечера – третий котёл! Это была не просто победа. Это был трудовой подвиг всех участников героического штурма.

С этого момента котельная наконец-то перешла от строителей и заказчика в руки эксплуатационной службы, о чём был составлен соответствующий акт. Подписав документ, все дружно допили остатки водки и разом разъехались по домам – бессонная и тревожная ночь давала о себе знать.

Для пуска горячей воды нужно было выполнить ещё кое-какие работы, связанные с довольно сложной наладкой системы химводоочистки. Одновременно нужно было решать вопросы наладки тепловых сетей и тепловых узлов в домах. Лишь 30 июля 1973 года был окончательно подписан, а потом утверждён облисполкомом акт Государственной комиссии по приёмке в эксплуатацию котельной Суздаля, вернее сказать, «комбината по выработке тепловой энергии, горячей воды и пара». Так закончилась эта эпопея, каким-то чудом не ставшая трагической.

*И вот пуск!
Ровно в шесть
утра в первом
котле вспыхнул
огонь. Это был
самый дорогой
в жизни огонь,
который я когда-
либо видел.*

*Состояние было,
словно на фронте
во время отступле-
ния: все бегали,
сутились, что-то
кричали друг другу...*

*Вечерет. Суздаль.
Фото В. Брунцева. 1975*

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ

Эта драматическая история зародилась самым неожиданным образом. Ведь ни в постановлении правительства, ни в проекте турцентра о Белоруссии не было и речи. И тем не менее...

Интервью. Справа автор проекта турцентра М. А. Орлов, в центре – В. А. Брунцев. Фото Ю. Белова

«Дубовый» вопрос

Весь 1971 год строители СМУ «Суздальстрой» вели кладку стен четырёх корпусов мотелей. Когда закончили на первых двух, рабочие УНР-672 взялись устраивать мягкую кровлю, а следом генподрядчик начал устанавливать оконную столярку. Те же работы шли на административном здании мотелей и на гараже со станцией техобслуживания автомобилей. Все эти объекты нужно было сдать в первую очередь.

Конечно, кипела работа и на строительстве объекта номер один – главном туристском комплексе. Там не покладая рук трудились бригады каменщиков и монтажников. Уже в следующем году должны были стоять коробки зданий. Значит, не за горами была и установка окон.

Познакомившись с проектом, я увидел, что на ГТК и мотелях предусмотрены обычные сосновые окна. И это – на таком высококлассном объекте! Сосновые окна, окрашенные по слою шпаклёвки белилами, потянут за собой установку таких же подоконников, и всё это через какое-то время примет весьма неприглядный вид – шпаклёвка отстанет вместе с краской.

А всё потому, что древесина для оконных блоков плохо просушена – на владимирском комбинате «Стройдеталь» не было хороших сушилок.

Обработка дерева тоже оставляла желать лучшего – отечественные станки давно уже морально устарели. Конечно, сказывалась на качестве изделий комбината и постоянная гонка за планом. Я был уверен – если на ГТК установят обычные сосновые окна, жди потом окрашенных белыми дверей с такими же наличниками, а на полах – окрашенных плитусов. О каком «объекте особой архитектурной значимости» может тогда идти речь? Получится просто безразмерная гостиница с рестораном, концертным залом и бассейном!

И зачем тогда здесь я? Не лучше ли уехать обратно в Казахстан, где меня ждёт самостоятельная должность главного инженера СМП-296 Минтрансстроя СССР? Ведь подъёму целины всё ещё придавалось огромное значение, чему в большой степени содействовал Брежнев, бывший первый секретарь ЦК Казахстана. Вот где можно развернуться в полную силу! Работая там прорабом, я создавал интересные объекты: в областном центре – Кокчетаве – построил здание обкома партии и больницу, а в совхозе «Красноярский» – торговый центр и Дом культуры, бассейн и роскошный детский комбинат. А пятиэтажные дома для сельчан мы раскрашивали, как игрушки, в разные цвета.

Но я понимал, что мой отъезд будет предательством по отношению к руководителям облисполкома Сушкову и Зенковичу, поверившим в меня, к авторам проекта турцентра Орлову и Лепскому, ко всем работникам дирекции и, наконец, к самому Суздалью... Нет, надо доводить дело до конца.

Но как же быть с некачественной столяркой?

Я высказал свои сомнения М. А. Орлову и узнал, что их институт задумывал именно дубовые переплёты, но когда проект согласовывали с генподрядчиком, начальник производственно-технического отдела Григорий Евсеевич Гурарий, человек исключительно грамотный и опытный, заявил: «Даже не мечтайте!».

Оказывается, в номенклатуре изделий Минстроя СССР, в ведении которого находился 94-й трест, ничего подобного не значилось. «В противном случае ваш проект мы попросту не примем», – таков был окончательный вердикт Гурария. Институту ничего не оставалось, как согласиться на основную столярку.

Выслушав мою взволнованную речь, Марк Артурович даже как-то приободрился, и это придало мне сил для дальнейших действий. Я решил поговорить с управляющим трестом Г. П. Артюшенко.

– Та вези хоть дубовые окна, хоть золотые! – с ярко выраженным украинским акцентом воскликнул он. – Мы их поставим, только плати. Нам это даже выгодно!

Разговор с моим шефом, зампредом облисполкома Зенковичем, тоже был кратким. Александр Андреевич помнил, как сложно оказалось изготовить на музыкальной фабрике всего сорок дверей, покрытых дубовым шпоном, для строящегося драмтеатра. Этим почти год занимался лично секретарь Владимирского обкома КПСС В. И. Лапшин, ведающий вопросами промышленности и строительства. Узнав, что у нас в проекте 440 окон, Александр Андреевич невозмутимо сказал:

– Давайте попробуем, но я не вижу никакой перспективы.

Поделится я своими соображениями и с Рыжовым. При всём уважении ко мне наш директор сразу заявил:

– Брось ты это, пусть столяркой занимаются строители, это их вопрос! У нас своих дел по горло, одна котельная чего стоит...

И всё-таки я взялся за «дубовый» вопрос, о чём и заявил на очередном совещании облисполкома. С этого момента оснащение главного туркомплекса дубовыми окнами официально стало моей обязанностью. Нашему генподрядчику это было даже на руку: баба с возу, кобыле легче.

Я рассуждал так: установлены же дубовые окна и двери на Казанском, Ленинградском, Ярославском вокзалах... И на высотном здании МГУ – опять же качественная дубовая столярка. Да и во всех вагонах метро... Значит, где-то изготавливают дубовые изделия. Вопрос в том, где...

Прошло некоторое время и на совещании в облисполкоме с меня спросили самым жёстким образом. Появился первый срок решения вопроса – три месяца!

Довольно прилично зная к тому времени все ходы-выходы в системе снабжения страны, я начал действовать. Первое письмо за подписью председателя облисполкома Т. С. Сушкова о поставке оконных дубовых блоков для ГТК со ссылкой на Постановление Совета Министров СССР № 735 отправил руководству Главснаббыта РСФСР. Но в номенклатуре этого главка дубовых столярных изделий не значилось.

Второе письмо облисполкома пошло в Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности РСФСР. Ответ лесного ведомства гласил: «Данный вид изделий предприятиями нашей отрасли не выпускается».

Следующее обращение, написанное на общем бланке обкома и облисполкома, я лично доставил замминистра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР В. М. Венцлавскому, с которым как-то уже

И всё-таки я взялся за дубовый» вопрос, о чём и заявил на очередном совещании облисполкома. Нашему генподрядчику это было даже на руку: баба с возу, кобыле легче.

Довольно прилично зная к тому времени все ходы-выходы в системе снабжения страны, я начал действовать.

встречался, занимаясь вопросами изготовления мебели для мотелей. Владимир Митрофанович дал поручение начальнику управления лесных материалов Лескову изучить положение дел по дубовой столярке. Но ответ был тот же, что и прежде...

Время неумолимо шло вперёд. Вопрос поставки оконных блоков поднимали теперь на каждом совещании, и наш подрядчик мог спокойно списывать своё отставание от графика на отсутствие окон.

В очередной раз оказавшись в Москве, я отправился на разведку на Мытищинский вагоностроительный завод. Именно там выпускали вагоны метро, в которых были дубовые окна. Чем чёрт не шутит?

Старый Суздаль.
Фото начала
70-х годов

Генеральный директор А. А. Мощевитин отнёсся к нашей проблеме с пониманием, но разъяснил, что установленная на заводе технологическая линия позволяет делать окна размером не больше метра.

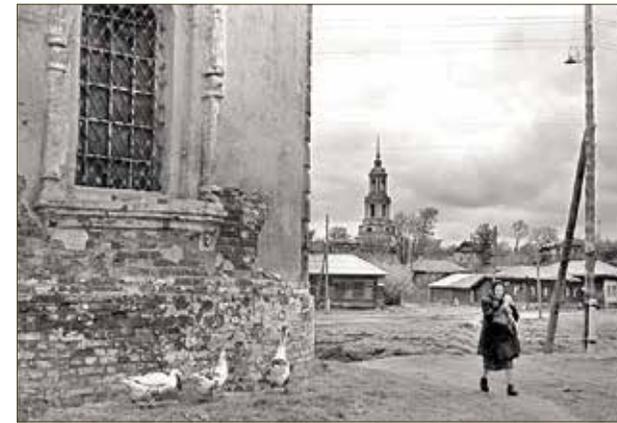
Замечу в скобках, что вообще-то эта поездка была небесполезной. Я, как водится, пригласил директора посетить Суздаль, и он побывал у нас, а позже познакомил меня с директорами нескольких Мытищинских предприятий, среди которых были комбинат «Стройпластмасс» и крупный электромеханический завод, оказавшие нам потом немало добрых услуг. Как, впрочем, и сам вагоностроительный завод.

«Надо подниматься выше», – решил я. И обратился с письмом облисполкома в Госснаб СССР. Ответ не замедлил себя ждать: «Данный вид продукции в нашей стране не фондируется».

Наступило лето семьдесят второго года, пора было думать об установке окон к наступающей зиме, а воз и ныне был там! И хотя кладка

стен и кровельные работы на гостинице и ресторане ещё не закончились, на совещаниях в облисполкоме «оконный» вопрос поднимался каждую неделю.

Очередное, пятое по счёту, письмо было отправлено в Госплан СССР, где, как я думал, решаются любые вопросы. Неужели в нашей богатой лесом стране, которая каждый год почти за бесценок отправляет за границу тысячи железнодорожных составов круглого леса, не могут изготавливать эти изделия?! – недоумевал я. В министерстве внешней торговли СССР есть даже специальный главк – «Экспортлес», занимающийся торговлей изделий из дерева. Обидно, что в бывшей окраине цар-

ской России – Финляндии – из нашего леса делают прекрасную мебель и столярку, а мы не можем. У нас нет современного специального технологического оборудования – его не выпускают и не покупают за рубежом. Ракеты делаем, а дубовые окна не можем! – возмущался я.

Последний отрицательный ответ из всемогущего ведомства – Госплана СССР – поверг меня в абсолютное уныние. Что делать теперь? Потерян уже почти год...

Задержки с внутренней отделкой из-за отсутствия окон пока ещё не было, но страсти уже накалялись. В конце концов, оконные проёмы можно на зиму закрыть плёнкой или утеплёнными материалами, а помещения освещать искусственным светом. Значит, в запасе есть ещё какое-то время.

Но куда теперь обращаться? Все административные ресурсы были исчерпаны. Валюты для закупки столярки за границей у нас нет. Видимо, придётся соглашаться на сосну...

С лета 1972 года, после крупного совещания в облисполкоме работы пошли быстрее – уже было сдано много жилых домов, школа, детский сад, инженерные объекты, масса инженерных коммуникаций и дорог, и освободившиеся строительные силы направили на объекты туризма. В первую очередь, на ГТК.

Пришла пора готовить площадку под создание гостинично-музейного комплекса на территории Покровского монастыря, а значит – выселять десятки семей из старых деревянных изб, где веками жили их предки, предлагая взамен двух- и трёхэтажные дома на окраине. Жители были ужасно недовольны. Нелегко покидать семейные гнёзда с ухоженными огородами и садами, переезжая к чёрту на кулички, где ни тепла, ни горячей воды ещё и в помине нет. Эту крайне неблагоприятную работу по переселению выполняли горисполком и наша дирекция. Мало того, нужно было решать вопросы с денежной компенсацией за снос старых домов и вырубленные фруктово-ягодные насаждения.

Тем временем один за другим поднимались объекты промзоны: склад гражданской обороны и продовольственных товаров, цех полуфабрикатов и квасильно-маринадный, началось строительство цеха по производству медовухи и безалкогольных напитков. Для пуска в эксплуатацию этого необычного цеха, проект которого был разработан у нас стране впервые, дирекция турцентра должна была обеспечить поставку самого разнообразного оборудования. Технологическое, электротехническое, сантехническое и вентиляционное нам удалось добыть, а вот какие-то позиции нестандартизированного оборудования нужно было изготавливать по чертежам, разработанным нашим институтом. Некоторые заказы мне удалось разместить на Владимирском НПО «Техника», где у меня были деловые и дружеские отношения с главным конструктором Владимиром Ивановичем Аксёновым. Почти неразрешимой проблемой оказалась попытка найти исполнителей на изготовление трёх ёмкостей из нержавеющей стали, в которых должен происходить процесс брожения медовухи. Каждая имела объём 60 кубометров и была напичкана всевозможными деталями из гнутых труб – змеевиками, барботёрами и так далее. Проблема состояла в том, что готовые детали надо было «под флюсом» приваривать изнутри к телу баков нержавеющей стали электродами, а делать это в закрытой ёмкости категорически запрещено правилами техники безопасности. Ни один завод не брался за эту работу, хотя мы два года подряд подавали заявки в Главснабсбыт РСФСР. Это грозило сорвать сроки сдачи цеха медовых напитков, да что там – ставило под угрозу само появление этого цеха на свет. А ведь медовуха когда-то была и могла снова стать визитной карточкой нашего древнего города...

Пришла пора готовить площадку под создание комплекса на территории Покровского монастыря, а значит – выселять десятки семей из старых деревянных изб, где веками жили их предки.

Судьбоносная встреча

В середине июня 1972 года мне позвонил из Москвы наш недавний суздальский гость – начальник одного из управлений Миннефтехиммаша СССР Владимир Александрович Фомин. Он знал о трудностях с изготовлением нержавеющей ёмкостей для цеха медовых напитков и поспешил обрадовать меня: в украинском городе Бахмач построен цех по производству нержавеющей металлоизделий для предприятий нефтехимической промышленности, а генеральным директором там – его старый друг. И Фомин уже договорился с ним, что я подъеду:

– Попытайся разместить там свой заказ. Да поторопись, пока их цех не загружен!

Я тут же выехал в этот городок, расположенный в Черниговской области. Завод стоял на окраине – только что построенный, он выглядел свежим и опрятным. Появление его было связано с созданием в Бахмаче новых рабочих мест – здешние жители давно сидели без работы. А директора и других ведущих специалистов прислали из Киева, Чернигова и других больших городов.

Наши чертежи заставили заводчан поломать голову. С такими ёмкостями, разработанными по индивидуальному заказу, эти опытные профессионалы столкнулись впервые – им были привычнее типовые или серийные изделия.

Когда мы с главным инженером пошли познакомиться с производством, я обратил внимание, что в цехе нержавеющей изделий никто не работал: кто-то играл в шахматы или в домино, кто-то читал газету или болтал. Прозвенел звонок, и все дружно двинулись обедать. Оказалось, что после открытия цех ещё не получил ни одного заказа по нержавеющей, мой был первым. Рабочие бездействовали уже второй месяц, хотя зарплату получали.

После детального изучения чертежей начальник цеха напрочь отказался делать ёмкости такой сложной конструкции и уж тем более – монтировать начинку:

– Я своих людей на смерть посылать не буду! – категорически заявил он.

Речь шла о приварке деталей внутри корпуса ёмкостей, что правилами было запрещено.

Мне предложили два варианта замены ёмкостей на другие, близкие к типовым, работающим под таким же давлением. Чертежи пришлось

значительно изменить: толщину стенок сделать 10-миллиметровыми вместо 12-миллиметровых, индивидуальные люки заменить на стандартные – имеющиеся в номенклатуре Главка. Места врезки люков решили сместить, исходя из цеховой технологии и длины их стального листа. Все эти нововведения я с большим трудом согласовал по телефону с автором проекта Г. Бескурниковой.

«Придётся всё остальное дорабатывать на владимирских заводах, – решил я. – Там ребята толковые, что-нибудь придумают. В конце концов, есть обком и облисполком».

Забегая вперёд, скажу, что в скором времени так и вышло. По заданию секретаря обкома партии Лапшина, владимирский завод «Точмаш» специально для нас разработал безопасный метод ведения работ в закрытых сосудах: применили дополнительную подачу свежего воздуха, одновременно мощными вентиляторами отсасывая загрязнённый. Мне нужно было лишь согласиться на дополнительные затраты «за выполнение сложных и опасных работ», в том числе – на премии рабочим. Так я справился с этой труднейшей в техническом отношении проблемой.

...После успешного завершения дел я зашёл к директору бахмачского завода и доложил о результатах. Выслушав меня, он достал бутылку коньяка, и мы выпили по рюмке за успех общего дела, а также за дружбу между нашими народами.

На вокзале я с нетерпением ждал поезда, и оказалось, предчувствие меня не обмануло. В купе сидел с газетой интеллигентный мужчина лет шестидесяти. Седеющая голова его была коротко подстрижена. Сосед первым приветствовал меня:

– Будем знакомы, меня зовут Владимир Иосифович. Хотите чаю? А может, по рюмочке коньячку?

Я согласился. Вид этого человека вызывал к себе доброе расположение. Таких людей встречаешь нечасто. Разговорились. Владимир Иосифович как-то по-простецки спросил:

– Что вас занесло в Бахмач?

Узнав, чем я занимаюсь, с интересом стал расспрашивать о Суздале, о нашей стройке. Вопросы задавал с большим тактом и, к моему удивлению, с большим знанием строительного дела.

Когда я коснулся проблемы дубовых окон, мой случайный попутчик спросил:

– А в Бобруйске вы были?

– Нет, – ответил я удивлённо, – а что?

– В Бобруйске есть предприятие под названием «ФанДОК». Там в небольшом цехе по спецзаказам делают дубовые окна и двери. Генеральный директор комбината – мой старинный друг Александр Александрович Санчуковский, а его министром в Минске является Алексей Яковлевич Кийков. Оба фронтовики, орденосцы и замечательные люди. Поезжайте туда, может, как-то договоритесь.

Я догадался, что и сам он участник войны, но спрашивать не стал.

– А откуда вы их знаете?

Слегка задумавшись, как бы вспоминая что-то далёкое, Владимир Иосифович ответил:

– Я в течение шестнадцати лет получал из Бобруйска дубовую столярку для своих объектов. На «ФанДОКе» есть цех, в котором работает всего человек сорок вместе с подсобниками, но они делают прекрасные окна, двери, дубовый погонаж и паркет.

– Владимир Иосифович, а если не секрет, где вы работаете?

– Я заместитель начальника Центраокадемстроя СССР, моя фамилия Танклевский.

Владимир Иосифович рассказал мне, что такие известные объекты, как Московский университет, который я недавно осматривал, восхищаясь строительными работами, варшавский Дворец культуры, многие здания Академии наук и даже Дом дружбы на Новом Арбате оснащены не только бобруйской дубовой столяркой, но даже их мебелью.

Я узнал, что в последние годы потребность в дубовых изделиях на стройках Академии наук настолько выросла, что в «Белцехе» с ней справиться не могли – мощности у них небольшие, а заказов от важных объектов Белоруссии множество. Вот почему Академия наук в последние годы вынуждена была закупать столярку и мебель в Финляндии, за валюту.

Удивительно! Так долго вести переписку с самыми высокими инстанциями, вплоть до Госплана СССР, и всё безуспешно. Но вдруг в пассажирском поезде Киев-Москва случайный попутчик направляет тебя по верному следу...

До утра я не мог заснуть. Неужели это тот самый шанс, который выпадает раз в жизни? Значит, всё-таки делают у нас в стране дубовую столярку, я всегда верил в это. Теперь дело за мной!

В Москве, сердечно попрощавшись с новым знакомым и поблагодарив его за бесценную информацию, я решил сходу ехать в Бобруйск. Упускать такой случай нельзя. Целый год бесплодных попыток и вдруг такая удача! В который уж раз я убеждался: неразрешимых проблем нет!

Наши чертежи заставили заводчан поломать голову. С такими ёмкостями, разработанными по индивидуальному заказу, эти опытные профессионалы столкнулись впервые...

Удивительно! Так долго вести переписку с самыми высокими инстанциями – и всё безуспешно. Но вдруг в поезде Киев-Москва случайный попутчик направляет тебя по верному следу...

Вокзал на
станции Минск-
Пассажирский

В Бобруйск!

Вечерним поездом выехал в Минск. Спалось плохо, всё время мерещились дубовые окна, дубовые окна, дубовые окна, в которые кто-то заглядывал через стекло...

В столицу Белоруссии поезд прибыл в 5.40 утра. Оказалось, рейсовый автобус уходит буквально через десять минут, а следующий будет только после полудня. Терять время было нельзя, и я решил ехать немедленно. Но на этот рейс билетов уже не было. Вынув «красную корочку» облисполкома, которая часто меня выручала, я зашёл к дежурной по вокзалу. Строгая дама лет пятидесяти, взглянув на моё удостоверение, сказала уважительно:

– Не волнуйтесь! Сейчас что-нибудь придумаем. Пойдёмте в кассу, оформим билет без места. По дороге, может, кто-то выйдет, и вы сможете присесть.

Подойдя к автобусу, она заглянула в окошко водителя и распорядилась:

– Откройте дверь!

Автобус был заполнен до предела. В салон мне пришлось буквально втискиваться – дверь за моей спиной закрылась с большим трудом. Так, стоя на нижней ступеньке и прижатый к двери, ехал я в тесноте, но счастливый, в неизвестный мне ранее Бобруйск, до которого было

ни много ни мало – 135 километров! По пути несколько раз останавливались для перекуров. Первые пассажиры вышли из автобуса лишь через два с половиной часа – в Осиповичах, но я по-прежнему ехал стоя – освободившиеся места заняли женщины. И только за пятнадцать минут до прибытия мне удалось сесть и немного отдохнуть.

В Бобруйске мы оказались около девяти часов утра. Было раннее тёплое утро, природа благоухала. Как я успел заметить, многие ходили в лёгкой хлопчатобумажной одежде светло-серого цвета. «Скорее всего, белорусская продукция», – подумал я и оказался прав.

28 июня 1972 года стало первым днём этой непростой белорусской истории.

Что я раньше знал о Бобруйске? Что летом сорок четвёртого года здесь была проведена успешная операция войск Красной армии по окружению сорокатысячной немецкой группировки войск. А теперь я знал, что где-то здесь есть заветный цех, в котором делают-таки дубовую оконную столярку! Интересно, что уготовил мне этот приезд... Скорее всего, ехать мне обратно не солоно хлебавши. Ведь что такое маленький цех, в котором работает всего сорок человек? Так себе.

Я не мог, конечно, даже предположить тогда, что через три года получу на стройке почётное прозвище – Бобрунцев.

Моя козырная карта

Случилось так, что какой-то человек на автовокзале ошибочно направил меня вместо «ФанДОКа» на мебельную фабрику имени Степана Халтурина, родственное предприятие объединения «Бобруйскдрев».

Едва я вошёл на территорию этой фабрики, как сразу заметил строящуюся огромную котельную, точную копию нашей в Суздале – один и тот же типовой проект. Внутри с десятков рабочих ковырялись в котельном оборудовании. Прораб монтажников на мой вопрос, как идут дела, ответил, что эта котельная стала уже стройкой века, хотя нужна предприятию, как воздух. Я подумал: «Слава богу, у вас хотя бы есть дефицитнейшие котлы, экономайзеры, бойлеры, всё остальное – дело разрешимое».

Если вспомнить только основные позиции из нескольких тысяч наименований оборудования и материалов, которые нам пришлось комплектовать для своей котельной – электромоторы и насосы, вентиляторы и калориферы, всевозможное силовое и низковольтное электрооборудование,

Вид на «ФанДОК»
с моста над
рекой Березиной

кабельная и проводниковая продукция, светильники, приборы автоматики – схватишься за голову... Сейчас, зная все ходы-выходы, я вполне мог бы помочь бобруйскому комбинату тепла и пара. К тому же, у меня есть то, что называется личными связями – постоянная поддержка руководства обкома и облисполкома, друзья в Госплане и Главснабсбыте РСФСР, масса знакомых директоров промышленных предприятий нашей области. Может, это моя козырная карта? Если мы поможем Бобруйску в пуске котельной, братья-славяне тоже выручат нас...

Надо сказать, что и в моих жилах течёт славянская – украинская и белорусская – кровь. Предки моего отца в середине девятнадцатого века в числе ста пятидесяти тысяч бедных крестьян переселились с Западной Украины в Россию, спасаясь от ига австро-венгерских помещиков. Моя бабушка по линии мамы была украинкой, с Полтавщины. Звали её Федора Лаврентьевна Завгородняя (урождённая Кибрик). Нам, своим внукам, она рассказывала любопытную семейную историю. Во времена крепостного права служили в армии офицерами два помещика, два друга, один был украинец, другой белорус. После окончания службы разъехались они по своим родным местам. И вот однажды белорус навестил украинца. Всё понравилось ему у друга – и семья, и дом, и угожья, но особенно... собака.

– Продай мне твою собаку, любые деньги дам! – просил он друга. Но тот не хотел расставаться со своей любимицей. Как ни просил белорус, украинец был непреклонен.

– Ну, хочешь, я тебе взамен доброго работника пришлю? Высокого, сильного, тебе понравится. Давай меняться в знак нашей дружбы!

Уступил-таки пан:

– Ладно, вези своего хлопча...

Этот белорусский хлопец и был одним из моих предков...

...По дороге на «ФанДОК» я всё думал о своей котельной, сколько пришлось вложить труда, чтобы завершить комплектацию её оборудованием, начиная с дефицитных котлов и автоматики горения «Кристалл» и заканчивая импульсными трубами и приборами учёта тепловой энергии. Ведь это тысячи наименований изделий... И хотя у нас на руках было Постановление

Совета Министров СССР, по фондам нам выделяли не больше шестидесяти процентов необходимой продукции. Остальное приходилось добывать окольными путями в Москве, Владимире, Иванове, Горьком, Костроме, Ярославле. Нередко нам помогали руководители промышленных предприятий всей нашей округи, вплоть до Костромской ГРЭС.

Так что, возможности наши и бобруйской мебельной фабрики нельзя даже сравнивать. На какое Постановление Совмина СССР они могут ссылаться? Кто поможет Бобруйску в поставках дефицитного оборудования и материалов, когда все получают его исключительно по фондам, поштучно? Мне захотелось просто помочь белорусам в комплектации котельной, даже если ничего не получится с нашими дубовыми окнами.

Итак, я подъезжаю к «ФанДОКу». Сосед по автобусу прошептал мне, что это довоенное название предприятия, которое к нему крепко присохло. А полное наименование – «Бобруйский фанеро-деревообрабатывающий комбинат» – существовало с 1919 до января прошлого года. Теперь же на двухэтажном здании конторы красовалась свежая вывеска: «Бобруйское производственное деревообрабатывающее объединение Минлеспрома БССР», сокращённо – «Бобруйскдрев».

В приёмной директора сидели несколько человек. Узнав, что я прибыл из России, секретарша сказала: «Генеральный директор будет только в пятницу, обратитесь к главному инженеру, Леониду Ивановичу Рыщуку».

И вот я у Рыщука. Невысокий человек, с виду лет на десять старше меня. По его усталому лицу было понятно, что он весь поглощён делами.

Я побывал не на одной сотне заводов и везде встречался с главными инженерами. Скажу прямо, хлеб их очень и очень труден. Во-первых, в их ведении находится всё производство, а это – всевозможные станки и механизмы, блоки и агрегаты, конвейеры и установки, моторы и насосы, вентиляторы и калориферы, не считая инженерных сетей. Во-вторых, – вся энергетика, включая тепло, пар, горячую и холодную воду, электроэнергию с её трансформаторными подстанциями, кабельными линиями, проводами и светильниками, автоматикой и слабыми токами. А в-третьих, самая сложная составляющая – человеческий арсенал. Среди подчинённых главного инженера – и директора, и главные инженеры фабрик, и начальники цехов с мастерами, а ещё – механики, электрики, сантехники, наладчики, слаботочники, механизаторы, пресовщики, слесари, токари, водители...

Валерий Брунцев.
Кокчетав, 1964

А теперь представьте, что ему приходится иметь дело с устаревшим оборудованием! Таких предприятий пруд пруди. Да, главный инженер отвечает ещё за охрану труда и технику безопасности.

...Молча и, как мне показалось, без особого интереса выслушал Рыщук мой рассказ о суздальском турцентре, время от времени мельком взглядывая на часы. Потом прямо спросил о цели моего приезда в Бобруйск. Узнав, что речь идёт о дубовых оконных блоках, с видимым облегчением сказал:

– Это не мой вопрос, лучше переговорить с начальником производственного отдела Караном.

Известный приём, когда нужно кого-то отфутболить.

Производственный отдел любого промышленного предприятия – это своеобразный штаб, откуда исходят все плановые задания и куда стекается вся информация с производства: всевозможные договоры, планы, графики, чертежи, сметы, калькуляции и расчёты. Сотрудники производственных отделов отвечают за выполнение плановых показателей и оперативно решают возникающие технологические и производственные проблемы.

Исаак Лазаревич Каран сидел в небольшом кабинете в окружении группы бурно обсуждающих что-то людей. Увидев меня, он вежливо извинился и попросил «минутку» подождать. Мне подумалось, что с таким приятным человеком можно будет договориться. Но не тут-то было. Через полчаса, выслушав мою просьбу, Каран прямо спросил, каков объём заказа. Услышав цифру, изменился в лице и категорическим тоном заявил:

– Не советую терять время на разговоры, у Белцеха огромная загруженность. А такие большие заказы мы выполняем только по распоряжению Москвы или нашего республиканского министерства.

Но, видно почувствовав моё внутреннее смятение, немного смягчился:

– Заказ на 15–20 оконных блоков мы могли бы ещё как-то рассмотреть, но не более того... Если вас это не устраивает, ради бога, извините. Мы сейчас работаем над срочным заказом ЦК Белоруссии, и я очень занят.

Из своего опыта я знал, что на производстве иногда бывают вынужденные простои из-за неувязок с чертежами или отсутствия каких-то комплектующих. Их называют «форточками». Чтобы занять рабочих и хоть что-то заработать, предприятия берутся во время таких простоев за побочные заказы. Вот и мне предложили сделать два десятка оконных блоков...

Ну, что ж, пора отправляться восвояси. Но мне не хотелось терять последней надежды, и я решил сделать повторный заход к своему коллеге, главному инженеру.

Леонид Иванович, увидев меня в приёмной, был слегка удивлён. Он почему-то переспросил, кто я по должности, и лишь потом поинтересовался

результатом переговоров с Караном. Когда я всё рассказал, Рыщук развёл руками, мол, в таком случае и я бессилен чем-то помочь. Разговор был окончен. Но что-то мешало мне уйти.

...В конце октября семидесятого года, в последний день моей воинской службы в Муроме, я устроил прощальный ужин с друзьями-офицерами. Тогда замначальника Управления по тылу нашего соединения, подполковник Ефим Яковлевич Рубинштейн, сказал мне замечательные слова:

– Я давно наблюдаю за тобой и вижу, с вопросами снабжения у тебя всё получается. И хоть я старше по возрасту и по званию, мне учить тебя нечему. Хочу дать только один совет, который я получил давным-давно от своего учителя: если куда-то приходишь просить, никогда не начинай с этого разговор. Сначала поинтересуйся, как идут их дела, какие есть проблемы, и тут же спроси, не можешь ли ты быть чем-то полезен. А уж после этого обращайся с просьбой... И если что-то пообещал, выполни обязательно, иначе в следующий раз с тобой не станут разговаривать.

...Так вот, как только стало ясно, что дело моё швах, я решил достать из рукава свою козырную карту. И рассказал Рыщuku, что случайно заглянул к ним на стройку котельной, что мы недавно закончили комплектацию такой же в Суздале и готовим её к пуску. При этом, дал ему понять, что у меня серьёзные деловые связи в органах снабжения Москвы, в других промышленных центрах и на многих предприятиях страны, что я мог бы оказаться для Бобруйска весьма полезным человеком.

– Но у нас с котельной такая масса проблем, что одному человеку физически невозможно с ними справиться, – ответил Рыщук. – Мы уже обращались не только в своё министерство, но и в Главснабсбыт – толку мало. И от наших заказчиков каких только обещаний не слышали... Так что вряд ли вы сможете решить наши задачи, это нереально...

Тут в кабинет вбежал какой-то человек и взволнованно сообщил:

– Леонид Иванович, на лесопилке крупная авария!

Рыщук сорвался с места и стремительно исчез.

«Видно здесь, в Бобруйске, у меня полный провал», – подумал я, выходя из кабинета. Отметил командировку у секретаря, выяснил, что через два часа самолёт в Минск и собрался уже уходить, но тут в приёмную вдруг забежал Рыщук и, обращаясь ко мне, торопливо бросил:

– Вам надо обязательно встретиться с генеральным, я позвоню, когда он будет. Приезжайте и не забудьте захватить с собой чертежи.

По всей вероятности, Рыщук уже успел позвонить директору и рассказать о странном посетителе из Суздаля. Это значит, моё предложение помочь с котельной всё-таки сработало.

*Я побывал
не на одной сотне
заводов и везде
встречался
с главными
инженерами.
Скажу прямо,
хлеб их очень
и очень труден.*

*Если куда-то
приходишь
просить, никогда
не начинай
с этого разговор.
Сначала
поинтересуйся,
как идут их дела,
какие проблемы,
и тут же спроси,
не можешь
ли ты быть
чем-то полезен.*

Через несколько минут я уже ехал в местный аэропорт, довольный тем, что с этим рейсом на Минск мне повезло: завтра в 15 ноль-ноль мне непременно нужно быть на еженедельном совещании у Зенковича. И хотя там соберётся человек сорок из разных организаций, связанных со стройкой турцентра, главная лавина вопросов будет к нашей дирекции, к заказчику. Это самые разнообразные вопросы, начиная с оплаты выполненных работ, замечаний по проектно-сметной документации, по замене оборудования, но главное – по комплектации оборудованием и материалами сорока строящихся объектов. За неделю таких вопросов накапливалось у подрядчиков около сотни, а то и больше.

Однако сейчас я должен поскорей добраться до Минска, чтобы к утру быть в Москве, где нужно посетить головной проектный институт, Госплан и Главснаббыт РСФСР, после чего уже ехать во Владимир. Всего за сутки нужно было пролететь, проехать на поезде и на машине больше 1100 километров.

В Минске самолёт приземлился около 16 часов. Настроение моё было не лучшим, радужные надежды на бобруйскую столярку почти рухнули, остался один маленький шанс. Такой неудачи у меня ещё не было. В добавление ко всему, я промок до нитки, когда под проливным дождём бежал от самолёта к зданию аэропорта...

В Минске начались новые мытарства. В кассе была огромная толпа. Выстояв девять часов в очереди, я с трудом взял билет на брестский поезд, который уходил лишь в четыре утра, да и то на верхнюю боковую полку плацкартного вагона. Ночь прошла без сна. Прибыли в полдень. Водителю, встречавшему меня на Белорусском вокзале, пришлось ждать в машине больше пяти часов. Посещать проектные институты и прочие учреждения времени не было, поэтому десятки вопросов, которые я планировал решить в этот день, зависли до следующей поездки в столицу. С трудом удалось поспать пару часов на заднем сидении служебного «Москвича». На совещание я прибыл за десять минут до начала.

Во Владимирском облисполкоме

Как я и думал, на совещании у Зенковича по строительству турцентра подрядчики засыпали меня десятками новых вопросов, которые, как всегда, нужно было решать в сжатые сроки. Известно, что каждый нерешённый вопрос тащит за собой десятки других. Получается цепная реакция. После совещания в узком кругу я рассказал о поездке в Бобруйск.

Александр Андреевич одобрил мои действия, а вот наш директор снова меня укорил:

– Ну, и зачем ты взял на себя эту обузу? Пусть подрядчики решают вопрос по столярке, это их проблема! Каждый должен заниматься своим делом! У нас с тобой своих вопросов по горло. Непонятно, как нам быть с финансированием объектов, всё остановилось, а с твоей котельной и станцией обезжелезивания вообще полный завал...

Опять мне твердят: каждый должен заниматься своим делом. Может, исходя из официального разделения обязанностей между заказчиком и подрядчиком, оно и так. Но ведь подрядчику главное – сдать объект, а уж такие высокие материи, как эстетика здания, его не волнуют. А я думаю, заказчик никоим образом не должен устраняться от решения любых проблем, возникающих на стройке, и в случае чего брать их на себя. Класс архитектуры и качество работ на объекте уж точно являются его прямым делом. Вспоминаю моего заказчика на строительстве совхоза «Красноярский» в Казахстане – директора Фёдора Ивановича Цоя. Он, крайне заинтересованный в создании хороших условий для своих рабочих, уж точно занимался не своим делом: каждое утро приходил к нам на планёрку и спрашивал меня: «Чем вам помочь?». И помогал – машинами, механизмами, автокранами и даже рабочей силой.

Две недели ушло на решение острых проблем, появившихся за последнее время, и мне, естественно, было не до столярки.

Александр Александрович Санчуковский

В середине июля главный инженер объединения «Бобруйскдрев» Рыщук позвонил мне и сообщил, что генеральный директор Санчуковский готов со мной встретиться.

Почти полмесяца я с нетерпением ждал этого звонка, и вот наконец-то! Бросив все дела, я срочно отправился в командировку по маршруту Москва-Бобруйск-Москва. Выехал в шесть утра, чтобы к началу рабочего дня быть уже в Госплане. Поезд в Минск отправлялся вечером, так что весь день я плотно занимался решением своих производственных вопросов.

Как и в прошлый раз, в кассе минского автовокзала билетов на Бобруйск не было, поэтому мне опять пришлось ехать на подножке автобуса. На этот раз я вёз с собой солидную пачку чертежей оконных блоков. Предчувствие успеха не покидало меня.

Леонид Иванович Рыщук на этот раз принял меня радушно и сходу сказал:

– Александр Александрович вас ждёт. А у меня для вас список недостающего оборудования и материалов по котельной...

Пока я бегло просматривал документ, состоящий из четырёх с половиной страниц, где было перечислено свыше 200 наименований, Рыщук признался, что в Минлеспроме БССР помочь им даже не обещают. Фонды на многие промышленные особо дефицитные изделия до них просто не доходят, несмотря на то, что эта котельная нужна Бобруйску как воздух!

Крепость в Бобруйске – самая совершенная цитадель России своего времени. Заложена в 1810 году, сыграла существенную роль в Отечественной войне 1812 года

Памятник в честь воинов, погибших при освобождении Бобруйска от фашистов

Тут явно действовал остаточный принцип распределения промышленной продукции между республиками. Госнаб СССР выделял её в первую очередь самым важным в государственном отношении стройкам. То же делал и Главснаббыт БССР. Дефицитные товары, попадавшие по распределению в Белоруссию, Минлеспрому не доставались. А уж фабрика имени Халтурина стояла в самом конце иерархической лестницы. Будь это котельная здания Министерства обороны или, скажем, Всесоюзного кардиологического центра, строительство которого курировал лично Косыгин, тогда другое дело, на такие объекты фондовые извещения всегда выдавались с красной полосой...

Внимательно изучив пространный список дефицита, я сделал вывод: задача непростая, но посильная. Почти всё в этом перечне мне было знакомо и по каждому виду продукции ясно, к кому обращаться за помощью.

Я твёрдо сказал Рыщuku, что готов помочь.

– Сколько же времени вам понадобится? – спросил он, видно, не веря своим ушам.

– Два-три месяца, не больше, – ответил я, чувствуя, что рыба сама идёт в сеть.

– Вы шутите? – спросил он с некоторым недоверием.

– Нет, я говорю вполне серьёзно.

Узнав, что генеральный директор будет только через два часа, Рыщук предложил мне прокатиться по городу. Во время нашей поездки я узнал много интересного. Город Бобруйск известен с первой половины четыр-

надцатого века, около 140 лет находился он в составе великого княжества Литовского и Польши, а в 1792 году был присоединён к России. В начале девятнадцатого века в городе построили мощную крепость, уникальное сооружение оборонительной архитектуры, выдержавшее даже осаду наполеоновских войск.

Расположен Бобруйск в живописном месте на реке Березине. Как и во многих старинных российских городах, большую часть его составляла частная застройка, встречались довольно интересные образцы деревянного зодчества.

Полюбовался я и на старинные памятники культуры, прежде всего, на Свято-Никольский кафедральный собор и костёл Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, настоящий образец неоготики. Среди особняков бросилось в глаза деревянное здание в стиле модерн на улице

Свято-Никольский кафедральный собор в Бобруйске

Здание бобруйской библиотеки

Бои на улицах
Бобруйска. 28 июня
1944.
Автор неизвестен

Интернациональной – с двумя шатровыми башнями и круглой мансардой посередине. Тут размещалась библиотека.

Поразил меня мемориальный памятник в честь воинов, погибших при освобождении Бобруйска от немецко-фашистских захватчиков. Верхняя часть его была выполнена в виде пантеона с установленной на двадцатиметровых колоннах конной бронзовой фигурой Георгия Победоносца. Он был одет в форму советского солдата и попирал сапогом германского орла...

Леонид Иванович рассказал, что в Бобруйске, кроме мощных деревообрабатывающих предприятий, есть ещё несколько крупных заводов – машиностроительный, химический, тракторных деталей и агрегатов, сельхозмашин, резинотехнических изделий, а в последние годы построен крупный шинный комбинат всесоюзного значения – «Бобруйкшина».

Когда мы вернулись в заводоуправление, директор Санчуковский был уже на месте.

Навстречу мне вышел коренастый, довольно грузный мужчина, по виду лет шестидесяти. Я обратил внимание на пронизательный взгляд его умных глаз и крепкое рукопожатие. На лице были видны следы глубокого шрама, полученного, скорее всего, от ранения в челюсть. Седеющую голову украшала крепкая ещё шевелюра. На широкой его груди красовались наградные планки,

среди которых было несколько орденов. Заметил я и значок депутата Верховного Совета Белоруссии.

Окинув беглым взглядом просторный кабинет, я обратил внимание на великолепный набор мебели под орех. К полированному рабочему столу руководителя примыкал посередине большой приставной стол. Слева от рабочего места был столик с телефонными аппаратами, справа – комбинированный шкаф с книжным сервантом. Украшением этого гарнитура служили необычные, с гнутыми спинками стулья и высокое кожаное кресло.

Профессиональным взглядом я отметил – столешницы в два раза толще, чем на привычной кабинетной мебели того времени, а торцы и кромки выполнены из зелёной кожи, что придавало мебели необычайную солидность. Такого рода мебельные наборы, закупленные по импорту, я видел только в высоких московских кабинетах.

Заметив моё любопытство, Александр Александрович пояснил, что их предприятие в прошлом году освоило выпуск таких мебельных гарнитуров, назвав их «министерскими».

– Зачем нашей стране тратить валюту на то, что мы можем сделать сами? – сказал он. – Валюта пригодится на другие, более важные цели.

Это, безусловно, был государственный подход к делу.

По дружескому взгляду и располагающей улыбке Санчуковского я понял, что пришёлся ко двору. Значит, скорее всего, мы сумеем обо всем договориться, а может, и подружимся.

Александр Александрович сразу перешёл к делу. Проницательно глядя мне прямо в глаза, он спросил:

– Это правда, что вы берётесь за три месяца помочь нам с комплектацией котельной?

Получив утвердительный ответ, он нажал кнопку внутреннего телефона и приказал секретарю:

– Ни с кем не соединять, кроме министра.

Нажав другую кнопку, распорядился:

– Приготовьте двухкомнатный люкс на фамилию Брунцев. Он сейчас у меня. Заедет к вам в профилакторий поздно вечером. Проследите лично.

Александр Александрович Санчуковский, генеральный директор объединения «Бобруйскдрев»

Когда я сказал, что с помощью ГТК наша страна будет «качать валюту», Александр Александрович невероятно оживился.

Потом набрал номер городского телефона:
– Сонечка, готовь ужин, у меня гость из России. Будем после работы. После этого директор расположился прямо напротив меня.
– А теперь расскажите, пожалуйста, что вы там строите. Ну, конечно же, и о самом Суздале. К сожалению, я там ни разу не был, всё некогда. Надеюсь, теперь...

Тут наш разговор прервал звонок из Минска от министра Кийкова, о чём сообщила по громкой связи секретарша. По озабоченному тону Санчуковского я понял: речь шла о каком-то важном заказе на оконные блоки.

Оказалось, что Минлеспром СССР просил белорусское министерство проработать вопрос о возможности изготовления в Бобруйске большой партии сложных оконных блоков для элитного дома в Москве. Хотели разместить заказ в Финляндии, но финны запросили невероятно высокую цену... Как объяснил Санчуковский, сложность заказа была в том, что в каждом из 384 отдельных блоков должно быть врезано по шесть форточек, расположенных по бокам, – три слева и три справа. В каждом оконном блоке – по двенадцать штук.

Александр Александрович доверительно сообщил, что в этом доме Управления делами ЦК КПСС собирается жить сам Леонид Ильич. Чувствовалось, что особой радости выполнение такого заказа ни предприятию, ни генеральному директору, ни самому министру не приносило. Это была головная боль. Такой заказ не мог порадовать и меня, питавшего надежду на изготовление 440 окон...

Я охотно рассказал Санчуковскому о Золотом кольце России, о решении правительства создать первый в стране турцентр и о наших многочисленных объектах. Особенно он расспрашивал о главном туркомплексе. А уж когда я сказал, что с помощью ГТК наша страна будет «качать валюту», Александр Александрович невероятно оживился. Оказалось, вопрос с валютой для их предприятия был большим. Большая проблема «Бобруйскдрева» заключалась в том, что закупленная для фабрики имени Халтурина мебельная линия немецкой фирмы «Хильдебрандт» не могла качественно работать на отечественных лаках, нужны были импортные. И для однопролётных прессов, на которых фанеровалась шпоном плита ДСП, требовалась импортная термостойкая плёнка. Для закупки этих товаров за границей валюту выделяли с большим трудом и в ограниченном количестве. В таких условиях немецкая линия часто давала продукцию не самого лучшего качества, да и вообще в любой момент могла просто остановиться.

– Надеюсь, когда у вас будет валюта, вы нам немножко поможете? – шутливым тоном спросил Александр Александрович. – В этом случае мы вам будем оказывать всемерную поддержку. Поговорите об этом с руководством Владимирского облисполкома. Идёт?

– Конечно! Обязательно постараемся помочь.

И опять у меня ёкнуло сердце: неужели что-то получится?

От директора я узнал, что нынешнее производственное деревообрабатывающее объединение «Бобруйскдрев» было создано на базе Бобруйского «ФанДОКа» всего год назад. Кроме лесопильного и белодеревяного цехов, фанерного завода и цеха столярных плит, в его состав вошли пять мебельных фабрик – две в Бобруйске и по одной в Могилёве, Жлобине и Рогачёве. На этом крупном предприятии трудилось 12 тысяч человек! Сам же Санчуковский на «ФанДОКе» работал уже двадцать лет.

Рассказал мне директор и о том, что «Бобруйскдрев» – одно из ведущих предприятий в стране, план выполняет по всем показателям. По основным видам продукции объединение добилось такого высокого качества, что многие из них шли на экспорт.

Оказалось, кроме дубовых окон и дверей, здесь выпускают крупные партии различных пиломатериалов, строганого шпона, фанеры, столярной и древесноволокнистой плиты и дубового паркета. Особой же гордостью директора была высококачественная мебель фабрики Халтурина. Я слушал и всё мотал на ус.

Что касается строящейся котельной, то проблема её была вот в чём. Перегретый пар, который предприятие получало с соседней ТЭЦ, снижал водостойкость и прочность деревоплиты. Такая продукция не могла идти на экспорт – в Канаду, США и Австралию, как предусматривал план. Поэтому пришлось строить собственную котельную с нормальными параметрами пара. Но из-за острого дефицита с оборудованием строительство её длилось уже семь лет! И это притом, что на складе вот уже два года лежало закупленное в Польше новое оборудование для крайне необходимого стране завода по выпуску качественной 3-миллиметровой древесно-волокнистой плиты – ДВП и 19-миллиметровой древесно-стружечной мебельной плиты – ДСП (общий объём каждой по 15 млн. квадратных метров в год!).

По всему чувствовалось, что передо мной – по-настоящему рачительный хозяин, думающий о своём предприятии и его перспективах. Например, рассказывая о трудностях с плановым получением пиломатериалов для переработки, Санчуковский поделился со мной заветной

По всему чувствовалось, что передо мной – по-настоящему рачительный хозяин, думающий о своём предприятии и его перспективах.

мечтой – включить в состав объединения два соседних леспромхоза, Бобруйский и Осиповичский.

Не знал я тогда, что в течение ближайших лет окажусь не только свидетелем, но в какой-то степени и участником бурного роста объединения «Бобруйскдрев».

Но вот Александр Александрович взглянул на часы:

– Ну что, пора и поужинать!

Когда мы шли по коридору, на двери отдела кадров я прочёл изречение: «Руководитель первого сорта подбирает себе заместителей первого сорта, а руководитель второго сорта подбирает заместителей... третьего сорта!»

Лучше не скажешь.

У входа в заводоуправление стояла блестящая чистотой белая «Волга». Через десять минут мы подъехали к кирпичной пятиэтажке.

– Заходите, гости дорогие, давно вас жду! – тепло встретила нас жена Санчуковского, Софья Кузьминична.

Александр Александрович нежно поцеловал её в лоб. В чертах этой маленькой приятной женщины я уловил что-то от моей мамы...

Стол был накрыт по высшему разряду. Мельком оглядев довольно скромный интерьер, я обратил внимание на крупную фотографию.

– Это мы с нашими детками, – заметив мой интерес, сказал хозяин дома. И с гордостью добавил:

– Старший сын, Виктор – секретарь Осиповичского горкома, младший, Александр – замначальника цеха минского радиозавода, а наша любимая доченька Лиля сейчас учится в аспирантуре, пошла по моим стопам – занялась лесным делом.

Почти до полуночи провели мы за интересными разговорами. Александр Александрович много рассказывал о своей жизни, о войне, о любимой работе.

Весьма интересен жизненный путь этого уважаемого в Белоруссии человека. Родился Александр Александрович Санчуковский 23 февраля 1918 года, в день зарождения нашей Красной Армии. Его отец был крестьянином-бедняком, жил в Полесской (теперь Гомельской) области. Пятнадцатилетним пареньком, окончив Мозырский учительский техникум, Александр отправился по комсомольской путёвке на Дальний Восток. Он был в числе первостроителей Комсомольска-на-Амуре.

В июне сорок первого ушёл на войну. Был политруком стрелковой роты, секретарём партбюро батальона. Его стрелковая рота с боями оставляла Можайск, Клин, Калинин, а потом освобождала эти же города. Участвовал в боях на Северном Кавказе, где получил ранение в челюсть, лишившись

почти на год речи. После лечения продолжал служить в действующей армии. В сорок пятом году воевал на Дальнем Востоке до полной победы над Японией*. Награждён несколькими боевыми наградами, в том числе орденом «Красной Звезды», медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

После войны работал в организациях лесной промышленности Белоруссии, заочно окончил лесной техникум. Был заместителем, потом начальником областного управления Главлесоснабсбыта, директором леспромхоза, а в 1953 году назначен директором Бобруйского лесокombината. С тех пор предприятие стало бурно развиваться, на его базе даже создали Всесоюзную отраслевую школу передового опыта.

В 1971 году здесь было открыто первое в стране крупное деревообрабатывающее объединение, ставшее одним из лучших в стране, и Санчуковский стал его генеральным директором. В то время особенно ярко проявились его организаторские способности. 18 раз его предприятие, продукция которого стала известна во всём мире, выходило победителем Всесоюзного социалистического соревнования. Многие уникальные здания Москвы, Варшавы, Минска и других городов страны были оснащены изделиями объединения «Бобруйскдрев». За свои трудовые заслуги А. А. Санчуковский награждён орденами Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени и медалями.

7 января 1971 года «за успешное выполнение коллективом комбината заданий пятилетнего плана, совершенствование производства и достижение высоких показателей в комплексном использовании древесного сырья» объединение «Бобруйскдрев» было награждено орденом «Октябрьской революции». Нет сомнений, что главная заслуга в этом принадлежала руководителю.

Я тоже рассказал Александру Александровичу о себе. По опыту я знал, что такое общение сближает людей и помогает делу.

Интересную мысль высказал в нашем разговоре мой собеседник: «Весь вопрос в пределах самостоятельности в работе». И добавил:

– У вас, я вижу, с этим делом всё нормально!

Так оно и было. Подчиняясь непосредственно зампреду Владимирского облисполкома Зенковичу, я имел полную свободу действий. Делал то, что считал в данный момент самым важным, ехал туда, куда нужно ехать, обращался в те организации, к которым считал нужным обращаться.

* Его армия проходила как раз в тех местах, где в 1939 году родился я – в районе села Троицкое у озера Ханка.

Я имел полную свободу действий. Делал то, что считал в данный момент самым важным, ехал туда, куда нужно ехать, обращался в те организации, к которым считал нужным обращаться.

Почти до полуночи провели мы за интересными разговорами. Александр Александрович много рассказывал о своей жизни, о войне, о любимой работе.

Около полуночи я распрощался с хозяйкой дома, и мы с Сан Санычем (как я про себя стал его называть) вышли на улицу. У входа стояла дежурная машина.

– Завтра соберу совещание руководителей объединения и всех начальников цехов. Вам придётся снова рассказать про Суздаль и ваш комплекс. Ну, и я кое-что добавлю от себя. Потом вместе с руководителями подразделений мы подумаем, как вам помочь, – сказал Александр Александрович на прощание, делая акцент на последней фразе.

Когда я уже сел в машину, он вдогонку бросил:

– Утром в кабинет ко мне входите без стука!

Взять быка за рога!

То, что я увидел, переступив порог фандоковского профилактория, меня поразило. Окна, двери, подоконные доски, наличники, плинтуса, кровати, тумбочки, платяные шкафы, серванты, стулья, кресла, банкетки, подчемоdannицы, экраны радиаторов и карнизные доски были сделаны из дуба или покрыты дубовым шпоном. Всё в одном стиле, покрыто одним лаком. Стулья, кресла и банкетки обиты одинаковой тканью. Всё сделано идеально. Такого единообразия материалов в сочетании с хорошим вкусом я не видел даже в фешенебельных столичных гостиницах, где при импортных поставках мебели что-то вечно меняли, добавляя новое, но уже в другом стиле.

В тот вечер я попал в какой-то мебельный рай. Да, с этим предприятием надо крепко дружить.

От внезапно свалившегося на меня счастья я не мог заснуть, хотя прошлой ночью проводник московского поезда разбудил всех чуть свет. «Как будет рад теперь автор проекта, Марк Артурович Орлов!» – думал я. Но тут полезла в голову всякая всячина: «Интересно, каким транспортом лучше доставлять из Бобруйска дубовые окна – вагонами или машинами, это же огромный объём? Какие теперь ставить подоконники, неужели крашенные сосновые? А если дубовые, то как, ведь ширина их почти метр? Фанерованные делать нельзя, отстанет шпон... Может быть, из массива? А как теперь быть с утверждённой сметой по ГТК, придётся её увеличивать из-за высокой стоимости дубовой столярки...»

И вдруг пришла совершенно шальная мысль: а что если нам поставить такие же дубовые двери? Из настоящего дуба, а не фанерованные полотна,

как это делала Владимирская мебельная фабрика для наших мотелей. Кромки там были окрашены светло-коричневой краской. А здесь торцы и кромки обложены дубовой рейкой! Да и лак здесь матовый, совсем не блестит. Точно такие же двери я видел недавно в финском посольстве в Москве. А какие тут на стенах фанерованные панели, какая встроенная мебель – любо-дорого смотреть, всё сделано по высшему классу!

До утра я так и не уснул, представляя светлое будущее нашего туркомплекса. Мне уже грезлись установленные окна и двери из дуба, что неизменно преобразило его. Но о дверях я решил пока Санчуковскому даже не заикаться. Буду теперь действовать по принципу *step by step*.

К моему удивлению, утром я поднялся в боевом настроении и был весьма бодрым. В кабинете Санчуковского собралось около тридцати человек. Александр Александрович, взяв меня под руку, усадил поближе к себе. Скорее всего, информация о долгожданной помощи с котельной уже всем была известна... Мне показалось, что присутствующие смотрели на меня с недоверием: «Уж больно молод, чтоб давать такие серьёзные обещания...»*

Не успел Санчуковский начать собрание, как раздался телефонный звонок. Глядя на озабоченный вид директора, я понял, что речь шла о том самом заказе для ЦК.

– Я вчера уже сказал Кийкову, что после получения чертежей мы изучим вопрос... Понимаю, отделаться от этого задания мы в любом случае не сможем... – закончил он свой разговор.

Положив трубку и немного помолчав, обращаясь ко всем, спокойным тоном сказал:

* Мне было чуть больше 33 лет.

Профилакторий
объединения
«БобруйскДрев»

– Звонил секретарь ЦК Белоруссии, окна для Москвы всё же придётся делать.

– Исаак Лазаревич, – обратился он к Карану, – вам нужно выехать в Москву и разведать обстановку. Заодно познакомитесь с разработчиками и привезёте их чертежи, чтоб не получилось, как прошлый раз, когда нас гнали-гнали, а столярка почти год пролежала на объекте. В ЦК за наш план отвечать никто не будет...

Этот разговор не на шутку встревожил меня. Если по времени наши заказы совпадут, конкуренция будет не на равных, и тогда уж нам точно несдобровать...

После короткого вступления Санчуковский предоставил слово мне. Я начал издали – о развитии туризма в мире, о нашем древнем городе и только потом – о строящемся туристском центре.

Глядя в лица сидящих, я вдруг понял: одно дело рассказывать кому-то с глаза на глаз и совсем другое – выступать перед аудиторией. Я чувствовал, что не так выразителен, как хотелось бы. Наверно, так и было, потому что через пару минут Александр Александрович деликатно прервал меня:

– Валерий Александрович, можно теперь я продолжу?

С мастерством настоящего оратора он стал пересказывать всё, о чём узнал от меня накануне. Слушая Санчуковского, я видел, с каким вниманием воспринимают люди рассказ о Суздале, о значимости нашего объекта для страны и, конечно, о валюте, которую в скором времени мы будем «качать». Мне казалось, что он выступал не на совещании мебельщиков, а на каком-то крупном форуме. Директор сумел придать выполнению нашего заказа значимость крупного государственного дела. А ведь это был человек всего лишь с заочным средним образованием!

Уважительно слушая Александра Александровича и тайком снова разглядывая кабинетный гарнитур, я заметил на стене текст в рамочке: «В руководстве – главное не констатировать, а предвидеть! Видеть перспективу – значит мыслить широко, по-государственному, не замыкаясь в кругу местнических интересов!» Вот она, суть профессиональной деятельности этого человека, вот почему он обладает таким авторитетом в коллективе, – подумалось мне.

В тот день я узнал, что Санчуковского часто упрекали за то, что он никак не может построить вместо двухэтажного деревянного новое солидное здание заводоуправления с достойным директорским кабинетом. Говорили: «Как же так? У вас такие большие возможности...» На что он отвечал: «Какой же я руководитель, если стану строить себе кабинет,

Александр Александрович Санчуковский в своём кабинете

а уж потом начну, например, беспокоиться о детском саде? Гоните тогда меня с этой должности к чёртовой бабушке...»

Мне стало понятно, почему Александр Александрович решил сам продолжать моё выступление. Он хотел подвести под это дело государственный базис, понимая, что тогда сила его слов будет больше. В заключение он сказал:

– Ну, вот, мы с вами обсудили проблему суздальцев и, как бы нам самим тяжело не было, будем помогать нашей сестре России!

От этих слов я чуть не прослезился.

Впрочем, директор как деловой человек не упустил случая добавить:

– Как я вам уже говорил, наш гость приехал не с пустыми руками. Он обещает оказать нам практическую помощь в комплектации оборудованием нашей котельной. Я правильно говорю, Валерий Александрович?

Мне пришлось встать и принародно подтвердить данное накануне обещание. По всему было видно, что моим заверением генеральный директор был весьма доволен. Это называется – взять быка за рога!

В конце совещания Санчуковский объявил:

– После обеда будьте на местах, у меня очередной объезд. Заодно возьму с собой и гостя, пусть посмотрит наше хозяйство...

Глядя в лица сидящих, я вдруг понял: одно дело рассказывать кому-то с глаза на глаз и совсем другое – выступать перед аудиторией.

«У этого человека есть чему поучиться, – решил я тогда. – С его подходом к делу наш успех уж точно обеспечен!»

К счастью, в первой части моего умозаключения я не ошибся – весь дальнейший ход наших взаимоотношений подтвердил это. Что же касается скорого успеха по изготовлению оконной столярки, радоваться было очень рано. Всё оказалось намного сложнее, чем можно было себе представить.

В цехах «ФанДОКа»

Обедали мы в столовой объединения, в уютном зале, отделанном панелями красного дерева, где, как я заметил, руководители подразделений были больше заняты делами, чем едой. Скорее, это было место для ежедневных планёрок и выяснения производственных отношений.

Сразу после обеда мы поехали по всем цехам «ФанДОКа», который в прошлом был одним из крупнейших деревообрабатывающих предприятий страны. Первым делом осмотрели огромный склад леса, рядом с которым работала мощная лесопилка. Горы круглого леса поражали своими объёмами. На солидной территории цеха стояло сразу несколько железнодорожных вагонов. Одни загружались, в другие высокие козловые краны грузили кипы свежего пиломатериала. Рабочие вагонетками увозили куда-то опилки. Эту панораму украшали несколько мощных лесопильных агрегатов с ритмично работающими вертикальными пилами.

Подобные склады и лесопилки, правда, несколько меньшего размера, приходилось мне видеть во многих местах, но такой чёткой работы и порядка я раньше нигде не наблюдал.

Не терпелось скорей попасть в «Белцех», где делали дубовую столярку. С трепетом в душе переступил я порог этого небольшого, заветного для меня здания. Начальник цеха повёл нас вдоль столов и верстаков, где изготавливались отдельные детали, из которых потом собирались готовые окна и двери.

Я сразу заметил, что некоторые виды работ, например, тщательную шлифовку дерева наждачкой, делали вручную, и в воздухе летала древесная пыль. Опилки и стружку рабочие тут же относили в фанерные ящики, которые время от времени вывозили наружу. Это было старое производство. «Было бы хорошо установить здесь импортную линию», – подумал я.

Сразу бросалось в глаза, с каким почтением рабочие приветствуют своего генерального директора, уважительно называя его по имени-отчеству. Со всеми бригадирами и рабочими Александр Александрович здоровался за руку, тоже называя их по именам. Делая кому-то замечания, он не ругался, не давал разгон, как это часто бывает, а спокойно говорил: «Это надо исправить»... «Решайте сами»... «Хорошо, подумайте»...

К моему удивлению, элементы дубовых окон изготавливались не из массива чистого дуба. Основа их была сделана из склеенных между собой 4-сантиметровых реек сосны, «обложенных» по контуру тонкими пластинами дуба. Это было для меня открытием. Я поинтересовался возможностями цеха. Александр Александрович, немного подумав, сказал:

– При изготовлении простых фанерованных дверей мы можем довести объём до тысячи квадратных метров в месяц, по дубовым окнам – не более трёх-четырёх сотен метров. А если пойдёт заказ ЦК, где в каждом окне двенадцать форточек, то и сотни метров можем не выдать.

Я тут же мысленно прикинул, что для выполнения нашего заказа по окнам и дверям потребуется год. А если выполнять работы во внеурочное время, – не менее двух лет. Я понял, что рассчитывать на быстрое решение проблемы не приходится. И не дай бог, если в это время появится заказ ЦК КПСС!

Мне стало понятно, почему в прошлом году в Москве ни заместитель Министра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Венцлавский, ни его начальник отдела Лесков ничего не сказали мне о бобруйском «ФанДОКе» – в масштабах страны этот цех столярки был слишком мал. Здесь могли выполняться только небольшие по объёму «спецаказы».

Зашли мы и в цех паркета. Качество этой продукции оказалось на таком высоком уровне, что вполне могло конкурировать с лучшим в стране паркетом, который выпускался в западно-украинском городе Киверцы. Естественно, что на паркет я тоже положил глаз.

На мебельной фабрике имени Халтурина нас встретил директор Бочкарёв. Не торопясь, обошли мы все цеха. В одних делались сосновые заготовки, в других нарезали древоплиты под нужный размер, в третьих кроили и шивали шпон, который потом уже под прессом наклеивали на плиту.

Александр Николаевич Куличков, начальник химической лаборатории объединения «Бобруйскдрев»

Моё внимание привлекли импортные сушильные камеры, установленные на дворе. Я узнал от Санчуковского, что срок сушки дуба составляет сутки на каждый миллиметр его толщины. Это значит, что дубовая доска толщиной 25 миллиметров будет в сушильной камере около месяца! С сосной этот процесс происходил гораздо быстрее.

В цехе сборки корпусной мебели директор обратил моё внимание на закрутку шурупов при установке рояльных петель. Было видно, насколько тяжким был этот труд, несмотря на то, что 2,5-килограммовые отвёртки (скорее, «завёртки») типа небольших отбойных молотков были подвешены на пружинах.

Совсем другая картина была в маленьком цехе, где собирали мебель по спецзаказу. Лёгкими, изящными движениями мебельщики как бы играючи закручивали шурупы с помощью каких-то небольших отвёрток, легко держа их одной рукой. При этом шурупы подавались воздухом по тонкому шлангу. И лишь ежесекундные пневматические звуки «пиф, пиф, пиф» подтверждали, что очередной шуруп завёрнут.

Мне показалось, что Александр Александрович, наблюдая за мной, хотел, чтобы я увидел разницу между этими двумя инструментами...

На всех мебельных предприятиях, которые мне раньше доводилось посещать, тяжёлое впечатление вызывала обстановка в отделочных цехах, где на панели наносят пахучие лаки, где их вручную полируют. По правилам техники безопасности в таких цехах нужна надёжная вентиляция, отделочники должны работать в масках и всем положено выдавать бесплатное молоко. Но всё это выполнялось редко – вентиляция не работала, маски рабочие снимали, потому что их неудобно носить, а молочные продукты они сами просили заменять деньгами. Причём эту работу, как правило, выполняли женщины. Так вот, в здешнем покрасочном цехе я наконец-то увидел мощную вытяжную систему вентиляции.

Зашли мы и на склад мебели, где ровными рядами стояли готовые к отгрузке шкафы, кровати, серванты, тумбочки, столы, покрытые матовым лаком. В основном они были фанерованы шпоном красного дерева, но попадались и дубовые.

Конечно, я не мог не обратить внимания на исключительно высокое качество этой мебели. Она свободно могла бы конкурировать с импортной. Эта мысль засела у меня в голове, рождая далеко идущие

В объединении «Бобруйск-древ». 70-е годы

щие планы. Но сначала нужно было выполнить свои обещания, потом получить оконную и дверную столлярку, а там видно будет...

В любом случае эта мебельная фабрика была во многих отношениях лучше всех, на которых мне доводилось бывать, – в Шатуре, Краснодаре, Егорьевске и уж тем более, во Владимире или Иваново.

В конце экскурсии Александр Александрович пригласил меня заглянуть в химическую лабораторию неподалёку от заводоуправления.

– Это наша гордость, – сказал он.

И действительно, новое лабораторное оборудование, светлая мебель в сочетании со стенами, облицованными белой плиткой, а также идеальная чистота говорили о том, что здесь идёт серьёзная работа. Начальник лаборатории Александр Николаевич Куличков показал мне, чем они занимаются, а потом рассказал директору о каких-то успешных испытаниях.

В производственном отделе предприятия выяснилось неожиданное обстоятельство: по нашей документации предусматривались оконные блоки из сосны, что никак не соответствовало технологии их изготовления из дуба. Мне предложили прислать в Бобруйск специалиста московского института для корректировки чертежей. Второй неожиданностью стало то, что после примерного расчёта потребности дуба, необходимого для наших окон, объём его составил ... 480 кубометров!* Эта грандиозная цифра на какой-то миг охладила мой пыл. Где взять столько дуба? Это же несколько вагонов! Однако расчёт уже был утверждён генеральным директором и заверен гербовой печатью. Теперь он являлся для меня единственным обоснованием потребности в дубе.

Что касается матового лака, то несмотря на объём в 7,5 тонн, получение его не вызывало у меня ни каких сомнений – в «Союзглавхиме» Госснаба СССР у меня были свои люди. В крайнем случае, мог выручить

* Согласно «коэффициенту выхода продукции» потребность дуба составляла 0,24 кубометра на квадратный метр окна.

Музей ФандОКа

директор «Мосхимснабсбыта» Н. И. Беспалов, через которого проходили большие объёмы лакокрасочных материалов.

Условием выполнения заказа оказалась и поставка скобяных изделий – оконных петель и хромированных приборов для открывания створок и фрамуг, специально разработанных институтом. На комбинате их, естественно, быть не могло. Как сообщил мне Каран, оконные петли для спаренной столярки делает единственный в стране завод – в Вильнюсе, но получить их можно только по фондам «Литхозторга» через «Росхозторг». Я понял, что тут проблем не будет – этим ведомством Минторга РСФСР руководил мой новый приятель Козельков. Что касается приборов для открывания окон, я надеялся изготовить их без особых проблем на одном из заводов нашей области.

Это называлось в то время «выполнением заказа из давальческих материалов». Все необходимые материалы нужно было предоставить в натуре или обеспечить их поставку в виде фондовых извещений. При этом, сосну, клей, шурупы и гвозди «Бобруйскдрев» выделял свои.

По рукам!

Я понимал, что в середине года решить проблему с получением фондов на дуб и лак будет почти невозможно, потому что вот-вот началась заявочная компания на будущий год. Проработав эти вопросы в производственном отделе, я ещё раз зашёл к своему «благодетелю» – Санчуковскому.

– Насчёт такого количества дуба я вам не завидую, – сказал он. – Очень трудная задача! С остальным, думаю, вы легко справитесь... Что ж, действуйте, а мы будем помогать.

Посчитав момент подходящим, я рискнул деликатно намекнуть Александру Александровичу о фанерованных дверях, которых нам нужно 1300. К моему удивлению, он воспринял это довольно спокойно, – оказывается, с дверями дело обстояло лучше, чем с окнами. Правда, немного подумав, Санчуковский сказал:

– Если речь пошла ещё и о дверях, то у меня к вам, кроме оборудования котельной, будут ещё две серьёзные просьбы. Готовы выслушать?

Я кивнул.

– У нас есть огромнейшая проблема – шурупы. Обыкновенные 16-миллиметровые шурупы, которые идут для установки рояльных петель в шкафах, сервантах, комодах. Их делают только в России. На год

нам надо порядка 76–78 тонн, а по фондам нашего Министерства дают всего 14–15. Вот как хочешь, так план и выполняй! Достаём, где можем, по крохам, – вздохнул он сокрушённо. – На каждой планёрке все разговоры начинаются с шурупов и заканчиваются шурупами, будь они неладны! Это же никуда не годится!

Я тут же предложил вписать этот вопрос в протокол сотрудничества, о котором мы только что договорились. «В крайнем случае, пойду в Госснаб или Министерство чёрной металлургии, там помогут», – подумал я. Мне было ясно, что недостающие 60 тонн, конечно, достать нам вряд ли удастся, но реальную помощь оказать сможем, это точно.

– Мы были бы крайне благодарны, если б до конца года можно было получить хотя бы тонн двадцать, – поняв, что я берусь за это дело, сказал Александр Александрович.

– Вторая моя просьба будет значительно труднее, – глядя мне в прямо глаза, предупредил он. – Вы, наверно, заметили, что для закрутки шурупов на мебельной фабрике мы пользуемся довольно большими пневмоотвёртками. Они весят по два с половиной килограмма, поэтому так набивают руки рабочим, что делают их инвалидами. А вручную закрутить тысячи шурупов в смену никто не в состоянии. Поэтому рабочие наполовину просто забивают их молотками, а потом докручивают на один-два оборота. Это резко снижает качество продукции, и такую мебель на экспорт не берут. А у нас горит план по этому показателю. Получается замкнутый круг.

Он продолжал:

– Нас очень интересуют пневмоотвёртки РПВ-80, которые применяются в авиационной промышленности. С их помощью закручивают шурупы вместо морально устаревших заклёпок. Выпуск этих изделий наша отечественная промышленность недавно освоила. Вес их всего 800 граммов, то есть в три раза меньше, чем у наших. Изготавливает их единственный завод в Москве. Вся авиационная промышленность набросилась на эти отвёртки. Они нужны для изготовления новых и для ремонта старых самолётов – на каждый требуется завернуть не меньше миллиона шурупов! Вот почему это такой острый дефицит. У нас есть такие, всего три штуки. Кроме значительного облегчения в работе, производительность труда с ними возрастает в девять с половиной раз! Вот если бы вы смогли достать для нас штук пятнадцать, мы были бы вам бесконечно обязаны...

– Александр Александрович, почему только пятнадцать, давайте мы достанем для вас штук сто! – воскликнул я, заранее радуясь возможности помочь.

Я понимал, что в середине года решить проблему с получением фондов на дуб и лак будет почти невозможно...

– Э-э-э! Я бы вам не советовал давать таких обещаний. Извините, я это говорю потому, что вы не первый, кто так легко к этому относится. Из всех проблем, эта является сложнейшей. Вот послушайте. У меня есть большой друг, генерал-лейтенант, командующий воздушной армией в Бобруйске. Он тоже имел неосторожность пообещать два-три десятка, но за два года смог привезти лишь три штуки! Если вы сможете достать для нас пятнадцать, это будет прекрасно. Чтобы вы лучше поняли, я обещаю: когда мы потом вместе пойдём по нашим цехам, я буду идти впереди и открывать вам двери, да так, чтобы все видели, вплоть до рабочих!

Вот тут-то мне стало ясно, что насчёт сотни пневмоотвёрток я погорячился. Тем не менее твёрдо пообещал достать не меньше пятнадцати.

Мы подписали «Протокол о взаимной технической помощи», где были прописаны все условия наших дальнейших взаимоотношений. Мне этот документ нужен был, чтобы подтвердить облисполкому и нашим строителям реальность получения дубовой столярки, ну, и для решения вопросов поставки дубовых материалов на окна, а также оборудования и материалов для бобруйской котельной. А объединению наш протокол поможет, если что, объяснить выполнение большого заказа «на сторону» или срыв годовых плановых показателей.

Санчуковскому явно нравились обязательства нашей стороны, но он был озадачен большим объёмом заказа:

– Это осложняет дело, но что-нибудь придумаем. Будем работать сверхурочно, в выходные и праздники. Такие крупные заказы были у нас только на МГУ в начале пятидесятых и на Дворце культуры в Варшаве. Но это были официальные правительственные заказы...

В итоге появился вот такой документ:

«Бобруйское Производственное деревообрабатывающее объединение Минлеспрома БССР, именуемое в дальнейшем „Изготовитель“, в лице генерального директора А. А. Санчуковского, принимает на себя изготовление для Главного туристского комплекса в Суздале следующих изделий:

- дубовые спаренные оконные блоки в количестве 1200 кв. м;
- дверные фанерованные дубом блоки в количестве 3000 кв. м;
- обеспечивает их отгрузку автомобильным транспортом.

„Заказчик“, в лице главного инженера дирекции по строительству туристского центра в Суздале В. А. Брунцева, для выполнения этого заказа поставляет необходимое количество дуба и лака, а также комплект скобяных изделий (петли для окон и дверей) в указанные последующими договорами сроки.

Кроме того, „Заказчик“ принимает на себя следующие обязательства:

– обеспечить в трёхмесячный срок поставку недостающего оборудования и материалов для строящейся котельной (список прилагается);

– оказать помощь в получении 16-мм шурупов в количестве не менее 20 тонн;

– оказать помощь в приобретении авиационных пневмоотвёрток РПВ-80 в количестве до 100 штук.*

Далее шли, как и положено в таких случаях, условия взаиморасчётов, включая сроки оплаты, особые условия, штрафные санкции и т. п. Примечательно вот что. Когда я предложил Санчуковскому вывозить готовую продукцию (окна и двери) железнодорожными вагонами, он, хитро сощурившись, лукаво сказал:

– Валерий Александрович! Зачем мы будем отгружать товар вагонами? Давайте лучше автомашинами. Мы вам столярку и другую продукцию, а вы нам обратным рейсом – оборудование и материалы. Так будет дешевле и выгоднее!

Прощаясь, я искренне поблагодарил Александра Александровича, ну и конечно, пригласил его вместе с женой в Суздаль.

Всю дорогу до Минска я прокручивал в голове этот день, наверно, самый счастливый день моей жизни. И было неважно, что занимаюсь я вроде бы «не своим» делом, как говорил Рыжов. Я никогда не хотел понимать, что есть дела свои, а есть не свои – любые дела на нашем объекте должны быть своим!»! Иначе какой успех?

С минского вокзала я позвонил в Суздаль своему водителю, чтобы тот «прискакал» за мной в Москву к шести утра с тем, чтобы к девяти успеть во Владимирский облисполком.

Настроение было превосходное. Самые приятные воспоминания оставили люди, с которыми я встретился в Бобруйске, от генерального директора до рабочих.

В очереди за билетом опять пришлось простоять с девяти вечера до трёх утра. С большим трудом удалось взять его в воинской кассе – на проходящий поезд Берлин-Москва. Такая ситуация была для меня привычной, жаль только, что потерял рабочее время.

Засыпая, успел подумать: «Надо же, всего две недели тому назад я жаловался в поезде случайному попутчику, словно манна небесная свалившемуся с неба, на невозможность найти дубовую столярку. Как бедный родственник ездил в июне в Бобруйск, а сейчас уже везу с собой важный

* Я намеренно вписал их поставку в таком количестве, исходя из известного снабженцам правила: проси больше, дадут меньше.

Санчуковскому явно нравились обязательства нашей стороны, но он был озадачен большим объёмом заказа.

Всю дорогу до Минска я прокручивал в голове этот день, наверно, самый счастливый день моей жизни.

Тихон Степанович Сушков, председатель Владимирского облисполкома

документ, подтверждающий изготовление для нас 4200 кв. метров дубовых окон и дверей, к тому же самого высокого качества!

Чудеса, да и только.

Давать больше, чем брать!

После моего трёхдневного отсутствия на работе скопилась масса новых проблем. Во-первых, распоряжением облисполкома меня как заказчика назначили председателем рабочей комиссии по приёмке в эксплуатацию нашей котельной. Это накладывало на меня огромную ответственность (а я ведь не был специалистом по энергетике). Первое же заседание этой комиссии обнаружало около четырёхсот узких мест, львиная доля которых была связана с комплектацией оборудованием и материалами. Остальные вопросы касались технической документации, смет, согласований, и все они тоже относились к заказчику.

Во-вторых, в дирекции остро встала кадровая проблема. При зарплате в 120 рублей среди опытных строителей не находилось желающих работать у нас – ни на должности инженера по технадзору, ни в снабжении. Тем более что работать нужно было в полную силу, не считаясь со временем.

В-третьих, на совещании в облисполкоме, проходившем под председательством Т. С. Сушкова, которое пропустил из-за поездки в Бобруйск, управляющий 94-м трестом выкатил много вопросов, связанных с недостающей проектно-сметной документацией по плану будущего года. Оказалось предостаточно проблем с поставками оборудования и материалов со стороны субподрядчиков. Всё это было отражено в протоколе.

На этом совещании опять подняли вопрос об алюминиевых, анодированных в чёрный цвет витражах, за изготовление которых я добровольно взялся. Управляющий Артюшенко прямо заявил:

– Проблема эта настолько сложная, что товарищ Брунцев вряд ли с ней справится. Мы только потеряем время. Надо подумать об упрощении конструкции...

Очередное совещание вёл первый зампреда Александра Григорьевича Аникина. В отличие от Зенковича (который был в отпуске), он не вникал в суть проблем. У него было другое правило: распоряжаться

и требовать. Ещё он имел обыкновение повышать голос, к чему мы не привыкли.

Я с гордостью зачитал протокол из Бобруйска. К моему удивлению, Аникин отнёсся к этой информации довольно равнодушно, а Артюшенко скептически заметил:

– Мы ещё посмотрим, как там пойдёт дело. Всё не так-то просто...

Будущее покажет, что этот «прожжённый» строитель оказался прав. Жизненный опыт – великое дело.

После этого совещания я поехал к секретарю обкома В. И. Лапшину, с которым был в хороших отношениях, но он, как и Зенкович, был в отпуске. А мне не хотелось терять темп с выполнением обещаний Санчуковскому. Нужна была помощь сверху, но пришлось пока действовать самостоятельно.

Через десять дней после приезда из Бобруйска, 19 июля 1972 года, я писал в Новосибирск своей будущей жене Ирине:

«... Сегодня у меня был день приёма делегации специалистов котельной из Бобруйска. У них там много серьёзных проблем по комплектации, и я обещал максимально помочь в этом. Вот, видно, они и приехали по заданию Санчуковского на разведку, посмотреть, как я буду выполнять свои обещания, не болтуном ли окажусь на самом деле.

Выделил им всё до мелочей, что они просили в первую очередь: 10 крупных калориферов, шесть вентиляторов, два из которых – во взрывоопасном исполнении, 12 больших задвижек с электроприводами, целую кучу всяких вентилей, клапанов и электроприборов. В общем, полную машину. Конечно, с последующей оплатой. Это всё срочно нужно в Бобруйске для загрузки бригады монтажников, прибывшей на месяц. Конечно, это большой дефицит, и теперь для себя многое придётся доставать заново. Но, так или иначе, мой девиз: „Давать больше, чем брать!“. Хотя, наверно, в данном случае лучше подходит известное изречение Суворова: сам погибай, а товарища выручай. Думаю, Санчуковский будет рад.

То, что Бобруйск будет делать для нас дубовые окна, просто здорово! Так что, если наша дружеская помощь ускорит пуск их котельной, это поможет найти общий язык в решении наших вопросов по изготовлению не только окон и дверей, но, может быть, и мебели. Для нашего комплекса это было бы просто бесценно. Ты бы видела, какую мебель делают на фабрике Халтурина!

Сегодня, кроме Бобруйска, я ничем другим не занимался. Закончили уже в шесть вечера. Через несколько дней приедут с машиной в очередной раз... И так будет продолжаться два-три месяца, пока я пол-

В дирекции остро встала кадровая проблема. При зарплате в 120 рублей среди опытных строителей не находилось желающих работать у нас.

Здание Совета
экономической
взаимопомощи

ностью не выполню обещание. Что ж, как говорят: рука дающего да не оскудеет...»

В сопроводительной записке Рыщука содержалась дополнительная просьба: срочно прислать мощные электромоторы – 18 штук, медный силовой кабель – 1800 метров (!) и другой дефицит, в том числе какие-то неизвестные мне редукторы. Несмотря на свою занятость, пришлось, отложив все дела, срочно заняться этим. Выручать своих новых друзей нужно было во что бы то ни стало. Часть этих изделий нашлась у нас на складе, другую удалось получить во Владимире, на базе областного Упрснабсбыта, остальное в течение нескольких дней я собирал на заводах области

и в Верхне-Волжском управлении Госснаба СССР в Иваново. Самым простым оказался вопрос с моторами, которые выпускались Владимирским электромоторным заводом – достаточно было звонка из обкома.

...После отгрузки в Бобруйск второй машины с оборудованием я был в Москве, на заводе пневмоинструмента. После нашего знакомства директор, к которому мне удалось пробиться с большим трудом, посетовал, что вокруг его дефицитной продукции образовался настоящий ажиотаж – от неё во многом зависят сроки ремонта старых и сборки новых военных самолётов.

Послушав мой рассказ о Суздале, а также о Бобруйске, где нам собираются делать дубовую столярку, он, немного поразмыслив, сказал:

– Насчёт пневмоотвёрток позвоните мне в самом начале августа. По итогам выпуска этой продукции за июль пару штук, может быть, и выделим ради нашего древнего Суздаля.

Тут я воочию убедился, что этот инструмент действительно является сверхдефицитом! Оказалось, что фонды на него распределяет лично

начальник Главного технического управления министерства авиационной промышленности СССР Георгий Михайлович Кошелев.

Через несколько дней пришло сообщение с завода пневмоинструмента: нам выделены две отвёртки РПВ-80, которые можно получить по доверенности прямо со склада. Вечером я позвонил Санчуковскому домой и сообщил об этом.

– С вами приятно работать, вы человек слова, – обрадовался он. – А отвёртки срочно высылайте авиапосылкой или отправляйте нарочным – мы всё оплатим. Они нужны нам, как воздух!

На следующий день я направил своего экспедитора в Москву. Получив на заводе эти отвёртки, наутро он был уже в Бобруйске.

Так было положено начало решению важнейшей для наших белорусских партнёров проблемы. Сами подумайте: производительность труда в цехе сборки мебели с отвёртками РПВ-80 возрастала почти в десять раз!

СЭВ нам в помощь!

А вот ситуация с поставками основных «давальческих» материалов для изготовления дубовых окон оказалась далеко не однозначной, её решение растянулось почти на год. На этом сложном пути нас ожидали и неожиданные трудности, и лёгкие решения, и невероятные успехи.

Как только я обратился в «Росхозторг», нам выделили на первый квартал 1973 года лимиты на скобяные изделия из Вильнюса. Тем не менее, начальник ведомства Козельков предупредил меня, что этот вопрос нужно будет продвигать самому – вплоть до момента отгрузки продукции Бобруйску.

– Это Прибалтика! – добавил он, многозначительно глядя мне в глаза, – Завод выпускает эти изделия минимальными партиями и в основном для нужд своей республики. В Союзе они почти не применяются.

Вопрос с поставкой лака, несмотря на довольно большое его количество, был решён в «Союзглавхиме» Госснаба СССР в течение двух-трёх часов. Фонды на него были выделены и на первый квартал 1973 года – с условием самовывоза с Загорского лакокрасочного завода.

Что касается изготовления хромированных приборов для открывания окон, это дело сначала вообще зашло в тупик. В нашей области мы не смогли найти завод, имеющий ванны для хромирования металлических изделий длиной больше метра. Как ни странно, такая ванна нашлась через три месяца в Лечебно-трудовом профилактории города Ликино,

где работали алкоголики, находившиеся на излечении. Оказалось, что среди них были неплохие специалисты по металлу. Директор этого «модного» в то время заведения И. С. Назаров с пониманием отнёсся к нашей проблеме, но у него на производстве не было необходимого металла для изготовления наших приборов. Пришлось срочно искать металл в Москве. Одной только трубы подходящего диаметра, с учётом отходов, понадобилось полтора километра. Нужен был ещё и металлический лист...

Во время изготовления этих приборов неожиданно возникли проблемы, связанные с их конструкцией. Опытный образец, изготовленный по чертежам института, неважно показал себя в работе. После того, как московские проектировщики откорректировали чертежи и нашлись все необходимые материалы, ЛТП взялся за полгода всё изготовить. Срок немалый, но он нас вполне устраивал, поскольку эти приборы устанавливались только после монтажа окон.

В итоге, в первом полугодии 1973 года все необходимые комплектующие и материалы были доставлены в Бобруйск. А вот с получением фондов на дуб пока ничего не выходило, что ставило под удар выполнение всего заказа на окна.

Наша потребность в дубе – в объёме 480 кубометров – оказалась не по зубам ни Главснабсбыту, ни Госплану РСФСР, где весь дуб был уже распределён. Правда, нам пообещали выдавать его по частям в течение ближайших трёх лет...

Не знаю, как сложилась бы судьба нашего заказа, если б не один совет начальника «Росхозторга» Козелькова:

– Попробуйте обратиться в СЭВ. Вдруг что-нибудь получится. Попытка не пытка, а спрос не беда.

Владимир Георгиевич по долгу службы знал, что Совет экономической взаимопомощи производит крупные закупки товаров в соцстранах.

С этого момента началась ещё одна удивительная, почти сказочная история.

Я решил, не откладывая дела в долгий ящик, познакомиться с генеральным секретарём СЭВ Фаддеевым, которого видел в юности. Было это так. В конце ноября 1962 года в актовом зале Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта проходил юбилейный вечер. Среди выдающихся выпускников, приехавших поздравить свою альма-матер с тридцатилетием, был и выпускник сороковых годов Николай Васильевич Фаддеев. Я слушал его выступление с первого ряда, где находился среди других музыкантов духового оркестра...

В шестидесятые-семидесятые годы аббревиатура «СЭВ» часто мелькала в информационных подборках. Это была межгосударственная экономическая организация содружества социалистических стран. На бытовом уровне я знал, что по линии этой организации построен крупнейший в мире нефтепровод «Дружба» для транспортировки нефти в Венгрию, Чехословакию, Польшу и ГДР и что благодаря этому содружеству наша страна получала венгерские автобусы «Икарус», чешские электровозы «Шкода» и грузовики «Татра».

Заручившись письмом председателя облисполкома Т. С. Сушкова, я поехал в Москву. Грандиозное современное здание СЭВ, похожее на раскрытую книгу*, находилось в самом конце Нового Арбата, справа, если ехать от Кремля.

Несмотря на строгую пропускную систему, удостоверение Владимирского облисполкома позволило мне беспрепятственно пройти внутрь здания. В приёмной я обратился к миловидной секретарше:

– Хотелось бы попасть на приём к Николаю Васильевичу.

– По какому вопросу?

– По вопросу... получения дуба.

– Извините, он этим не занимается, обратитесь в отдел лесных товаров.

Понимая, что это обращение ни к чему не приведёт, я попросил передать Фаддееву свою визитку с запиской, мол, в приёмной находится ваш однокашник по институту с просьбой от Владимирского облисполкома.

Через несколько минут Николай Васильевич выглянул из кабинета. Мне сначала показалось, что это Брежнев, так они были похожи. Он пожал мне руку и, сославшись на ужасную занятость, попросил подойти вечером, «часикам к восьми».

Принял он меня с нескрываемой радостью, пригласил в комнату отдыха, где уже был накрыт стол – коньяк и закуска, всё, как положено.

Ну, я, конечно, рассказал про строительство нашего туристского центра, про главный комплекс и всю бобруйскую историю. Николай Васильевич с неподдельным интересом слушал. Оказалось, он давно знаком с деревообрабатывающими предприятиями Бобруйска, которые в начале пятидесятых, во время строительства здания СЭВ, много сделали для оснащения его столяркой и мебелью.

Мы вспомнили Новосибирск и наш родной институт, который Николай Васильевич окончил лет на двадцать раньше меня. Долго говорили

* Построено в 1969 году, архитекторы – М. В. Посохин, А. А. Мндоянц, В. А. Свирский и др.

Николай Васильевич Фаддеев, генеральный секретарь СЭВ

С этого момента началась ещё одна удивительная, почти сказочная история...

о наших любимых преподавателях. Оказалось, что среди моих учителей были его однокурсники.

Много нового узнал я в тот вечер.

СЭВ образовался в сорок девятом году. Кроме соцстран, включая Кубу, Монголию и Вьетнам, общее население которых свыше миллиарда человек, Совет объединял экономику и других стран, в числе которых были Югославия, Финляндия, Ирак, Мексика. Эта интеграция помогала быстрее развивать их национальную экономику.

С помощью Международного инвестиционного банка, созданного в 1971 году, была реализована комплексная программа СЭВ, в первую очередь, развитие топливно-энергетического комплекса, атомной промышленности, научно-технического сотрудничества.

О высоком уровне Совета можно было судить по тому, что в работе его сессий принимали участие все генеральные секретари компартий соцстран или первые руководители государств-участников Содружества.

Николай Васильевич рассказал о самых важных проблемах, над которыми они работали. Одна из них – строительство в Сибири крупнейшего в мире Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, в составе которого будет нескольких мощных предприятий. В строительстве принимала участие даже Франция. Ещё готовилась перспективная программа развития торгово-экономического сотрудничества, производственной кооперации и специализации. Решался вопрос о полномочном представительстве СЭВ в ООН...

«Хорошо бы создать подобную организацию, объединяющую все наши славянские государства», – подумал я, слушая Фаддеева. Ведь только за семьдесят первый год, по словам генсека, объём товарооборота стран-участников СЭВ составил около пяти миллиардов рублей*. И всей этой широко-масштабной деятельностью руководил мой однокашник-сибиряк! Когда я предложил выпить за это, Николай Васильевич скромно сказал:

– Давайте лучше – за родной институт!

Удивительно всё-таки, насколько замечательные люди – сибиряки. Ни повышение по службе, ни достижение больших высот их не портит. Они остаются такими же простыми и доступными, как Фаддеев.

* Видимо, при таких грандиозных объёмах межгосударственных экономических отношений, как в любой большой семье, не обходилось и без трений. В 1990 году я получил подтверждение этой мысли от председателя Совета Министров Венгрии Петера Медьешши, отдыхавшего в ленинградском санатории «Белые ночи». В доверительной беседе он сетовал на то, что Россия крупно задолжала за поставку автобусов «Икарус»...

В тот вечер мы вспомнили многих наших «нивитовцев»*, работающих в Москве, с некоторыми Николаю Васильевичу приходилось сотрудничать: с первым замминистра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцевым, замминистра транспортного строительства СССР, начальником ГлавБАМСтроя К. В. Мохортовым, первыми руководителями министерства путей сообщения СССР – Ф. И. Шулешко, В. Н. Гинько и В. П. Калининцевым, замминистра культуры РСФСР В. М. Стригановым...

Я предложил в ближайшее время организовать в Суздале дружескую встречу наших однокашников, и Николай Васильевич этой идее искренне обрадовался.

Ну, а что касается нашей неразрешимой проблемы с дубом, она показала генсеку СЭВ какой-то мизерной просьбой.

– Сколько дуба нужно для изготовления ваших окон? – спросил он.

Я ответил.

– Если лучший в Европе югославский дуб вас устроит, то считайте, что он у вас в кармане! Давайте мне ваше письмо.

От радости у меня не было слов.

Около полуночи мы попрощались. Фаддеев вздохнул:

– Завтра у меня трудный день. Правда, за последние годы лёгких я что-то не припомню...

В семь утра из гостиницы «Москва», не сумев сдержать своё нетерпение, я позвонил Санчуковскому и сообщил, что вопрос с дубом решён. Александр Александрович был в немалой степени поражён. Он сказал, что ждёт меня в начале октября.

28 сентября 1972 года в письме своей будущей жене Ирине я писал:

«У меня сегодня отличное настроение. Это вызвано успехами по работе. За неделю мне удалось много сделать хорошего. Надеюсь, что в ближайшей перспективе успехов будет ещё больше. Благодаря нашему Фаддееву получил фонды Внешторга СССР на 500 кубометров югославского дуба! Это вообще-то здорово, теперь у нас на ГТК точно будут дубовые окна. В понедельник еду в трёхдневную командировку по маршруту: Суздаль – Москва – Минск – Бобруйск – Минск – Вильнюс – Москва – Суздаль.

В целях экономии времени все переезды между городами постараюсь совершать только ночью...»

* НИИЖТ с 1934 по 1953 годы именовался Новосибирским институтом военных инженеров транспорта (НИВИТ).

О высоком уровне Совета можно было судить по тому, что в работе его принимали участие все генеральные секретари компартий соцстран или первые руководители государств-участников Содружества.

В семь утра из гостиницы «Москва», не сумев сдержать своё нетерпение, я позвонил Санчуковскому и сообщил, что вопрос с дубом решён. Александр Александрович был в немалой степени поражён.

В. А. Брунцев.
70-е годы

Я перестал быть просителем

Несмотря на свою занятость, обещание, данное Санчуковскому по авиационным пневмоотвёрткам, я держал на особом счету. В моём портфеле лежало заготовленное на имя начальника Главного технического управления Минавиапрома СССР Г. М. Кошелева письмо нашего облизполкома с просьбой выделить нам 15 этих пневмоотвёрток.

Однажды, приехав в очередной раз в столицу, я отправился в Министерство авиационной промышленности СССР, которое располагалось в Уланском переулке, в районе метро «Кировская». Убедившись, что Георгий Михайлович Кошелев «у себя», я поднял-

ся на третий этаж и зашёл в его приёмную. Девушка-секретарь доложила шефу, что к нему просится посетитель из Суздаля. Все сидящие в приёмной с удивлением повернулись в мою сторону. Никто из них не слышал, чтобы в этом старинном городе были какие-то авиационные предприятия. Не меньше, наверно, был удивлён и сам Кошелев. Видимо, поэтому меня пригласили первым.

Георгий Михайлович с интересом выслушал мой рассказ о будущем турцентре, но всё же спросил:

– А причём здесь авиация?

– Ваше министерство может нам оказать большую помощь! – с жаром воскликнул я.

И рассказал ему всё о технологии сборки мебели на фабрике имени Халтурина и нашем крупном заказе по дубовой столярке... Он взглянул на меня исподлобья:

– У нас тут море проблем со сборкой самолётов, а вы о какой-то мебели...

Но вдруг сменил гнев на милость и спросил, усмехнувшись:

– А что, в Суздале все такие шустрые, как вы?

Он попросил секретаршу соединить его с директором «пневмозавода». Выяснив ситуацию с отвёртками, сказал мне:

– Вам повезло, выполнение плана на заводе идёт с опережением. К тому же, кто-то из моих предков жил в ваших местах. Пять штук даю, больше не могу. Иначе, с меня снимут голову!

Выйдя на улицу, я сел в машину и долго не мог прийти в себя. Семь отвёрток есть, но где брать остальные восемь? Весь свой ресурс я исчерпал... И как я мог так легкомысленно обещать Санчуковскому достать сто штук? Вот уж верно говорят: не зная броду, не лезь в воду!

Впрочем, в запасе был ещё мощный административный ресурс – обком партии в лице второго секретаря Лапшина. Очень уж мне хотелось выполнить своё обещание!

Накануне выезда из Москвы в Бобруйск я позвонил на завод пневмоинструмента заместителю директора по сбыту, чтобы «согласно распоряжению Кошелева» получить пять отвёрток. Услышав фамилию Кошелева, замдиректора в самой любезной форме сообщил, что при наличии доверенности я могу хоть сегодня подъехать на завод и получить инструмент. Мне понадобился час, и долгожданные для Бобруйска отвёртки общим весом около четырёх килограмм лежали в моей машине!

За июль, август и сентябрь 1972 года нам удалось отгрузить в Белоруссию больше десяти автомашин с остродефицитными товарами и практически закрыть основную потребность по комплектации котельной. Конечно, чтобы сделать это, мне и моим снабженцам куда только ни пришлось обращаться!

Среди наших надёжных благодетелей в самом Госнабе СССР были главный инженер «Союзглавпарата» Е. В. Копылов, начальник отдела «Союзглавкомплектавтоматике» Г. А. Назарбеков, мой близкий друг – замначальника УМТС Верхне-Волжского района в Иваново Б. В. Григорьев.

Помогали нам и заводчане – директор Московского опытного завода средств автоматики С. И. Чужой, директор Мытищинского электромеханического завода М. Д. Сметанин, главный инженер Ярославского электромашиностроительного завода Л. Н. Макаров, директор Щёкинского завода котельно-вспомогательного оборудования в Советске Тульской области В. В. Бобровский. На протяжении многих лет эти люди были достойными и незаменимыми нашими помощниками в строительстве объектов турцентра.

Выйдя на улицу, я сел в машину и долго не мог прийти в себя. И как я мог так легкомысленно обещать Санчуковскому достать сто пневмоотвёрток? Вот уж верно говорят: не зная броду, не лезь в воду!

Ещё до подписания договора на изготовление дубовых окон нашему проектному институту предстояло полностью переделать все рабочие чертежи и заказные спецификации на эти изделия с учётом технологических возможностей производителя. Для этого главный архитектор проекта Ю. В. Ранинский вместе со мной съездил в Бобруйск, где детально ознакомился с производством столярных изделий.

За довольно короткий срок Юлий Владимирович выпустил большую партию необходимой документации по окнам и дверям, учитывающей специфику предприятия. Кроме конструктивных решений, изменениям подверглись даже названия изделий. Двери теперь назывались у нас не только по маркам, но также и по их заводским наименованиям – входные, тамбурные, глухие, светлые, полусветлые и т. п. Так стало удобнее и нам, и предприятию-изготовителю.

5 октября я приехал в Бобруйск в третий раз. Привёз откорректированные чертежи окон и фондовое извещение на пятьсот кубометров югославского дуба, который будет доставлен уже в начале следующего года. Что касается оконных петель, приборов открывания окон и лака – всё это обещали в первом-втором кварталах.

Встреча с Санчуковским была короткой, но более чем дружеской. На этот раз я приехал не с пустыми руками. Для начала выложил на стол большой пакет с пятью пневмоотвёртками. Александр Александрович был потрясён:

– Как вам это удалось?! Да вы в этом деле уже обогнали нашего бобруйского генерал-лейтенанта, командующего воздушной армией, который достал всего три штуки! – сказал он, обнимая меня.

От Санчуковского я узнал, что полученное от нас оборудование сдвинуло наконец дело с мёртвой точки, и на котельной завершаются монтажные работы.

На этот раз я чувствовал себя не просителем, а солидным партнёром.

В тот день Санчуковский был очень занят, готовился к какому-то серьёзному мероприятию. Так что, все дальнейшие переговоры я вёл с начальником производственного отдела Караном.

К сожалению, оказалось, что за это время объединение получило срочный заказ для важного объекта, строящегося в Минске, и на его выполнение уйдёт три-четыре месяца. На очереди стоял заказ на окна для республиканской библиотеки. Но всё же мы с Исааком Лазаревичем подготовили договор на изготовление партии наших окон, причём без указания сроков выполнения работ, заказ был внеплановым.

Внимательно просмотрев чертежи и заказные спецификации на дверные блоки, Каран обратил моё внимание на то, что из 1300 дверей в заказе значится много остеклённых, в том числе, двухпольных. Это вызвало у него озабоченность: каждая такая дверь по трудозатратам приравнивалась к окну.

Кроме того, для изготовления всех дверных блоков нужно было поставить 260 кубометров дуба, около 10 тысяч квадратных метров дубового шпона, 4 тонны лака и 2600 дверных петель, желательных латунных. Оказалось, что дуб нужен для обкладки сосновых дверных коробок, для торцов и кромок полотен.

Также нужно было заранее обеспечить поставку скобяных изделий – латунных петель, ручек, замков и завёрток, чтобы установить их на место. Общее количество этой «скобянки» составляло ни много ни мало – 1800 штук.

Всё это стало для меня очередной головной болью. Сразу же из Бобруйска я выехал в Вильнюс, чтобы на месте разобраться с изготовлением скобяных изделий для окон.

Не имей сто рублей...

Вернувшись из поездки, я первым делом решил направиться к Зенковичу и Лапшину, которые к тому времени вышли из отпуска. Александр Андреевич, искренне радуясь моим успехам, сразу выразил готовность помогать бобруйскому производству всем, чем сможет. А Виктор Иванович Лапшин, увидев протокол, в котором «Бобруйскдрев» давал предварительное согласие на изготовление дубовой столярки для ГТК, пришёл в неопишуемый восторг:

– Как вам это удалось? По своему печальному опыту я знаю, что такое изготовить даже четыре десятка фанерованных дверей для нашего драмтеатра. А у вас столярки больше двух тысяч изделий, к тому же дубовых! Искренне поздравляю!

Второй секретарь Владимирского обкома партии В. И. Лапшин ведал в области вопросами промышленности и строительства. Это был обаятельный человек с приятной внешностью и широкой натурой. К тому же, он отличался от многих других умением сходу решать возникающие проблемы. Лапшин просмотрел список дефицита для Бобруйской котельной, изучил просьбу Санчуковского по электродвигателям и электрокабелю и, связавшись по прямому телефону

На этот раз я чувствовал себя не просителем, а солидным партнёром.

с директором Владимирского электромоторного завода Г. М. Князевым, договорился о поставке в Бобруйск восемнадцати сверхплановых двигателей. Тут же решил вопрос и с директором завода «Электрокабель».

Просматривая ещё раз протокол «О взаимной технической помощи», подписанный в Бобруйске, Лапшин очень серьёзно отнёсся к обязанностям нашей стороны.

Что же касается решения вопроса с отвёртками, это было похоже на детектив...

– А что это за пневмоотвёртки РПВ-80? Для чего они нужны и кто их выпускает? – спросил Виктор Иванович с недоумением.

Я всё детально рассказал.

– А кто распределяет?

Я ответил, что распределяет их лично начальник Главного технического управления министерства авиационной промышленности СССР Кошелев.

– Георгий Михайлович? – переспросил он с неподдельной радостью.

– А что, вы его знаете?

– Знаю довольно хорошо. И это в корне меняет дело, – энергично ответил Лапшин, тут же по памяти набирая московский телефон Кошелева.

Через несколько секунд я стал свидетелем любопытного разговора.

– Георгий Михайлович, дорогой, привет тебе из славного города Владимира. Давненько ты у меня не был, надо бы повидаться! В баньку сходим... Не забыл?... Ну, само собой... Как твои дела? Как здоровье?... Дома всё нормально?... Ну, и слава богу!.. Слушай, я тут решил вплотную заняться твоим заводом. Дел там много, но думаю, справимся... Я понимаю... Да!.. Поможем, конечно, поможем, теперь с железобетоном у нас всё нормально... С этим тоже неплохо... И эти вопросы решим, что-нибудь придумаем...

Я следил за разговором, поражаясь тому, с каким мастерством Виктор Иванович подбирался к нашей теме. Несмотря на личную дружбу, он начал разговор издали – как дела, как семья, как дети... Лапшин знал, что просьба, с которой ему предстоит обращаться, непростая. Здесь нужен был особый подход.

Для начала он завёл разговор о том, что у Кошелева болело – о стройке завода на территории нашей области, которая шла, скорее всего, не так быстро, как хотелось. И лишь потом перешёл к делу:

– Слушай, Георгий Михайлович! Мы тут в Суздале грандиозное дело затеяли... Да, туристский центр. Откуда знаешь? Сорока на хвосте принесла? Читал, наверно, в газете? Ну, и молодец! У меня к тебе большая просьба...

Ты выпускаешь авиационные пневмоотвёртки РПВ-80. Нам надо немного... поделись с другом... сто штук!.. Он уже был у тебя?.. Всего пять? Ну, и за это, конечно, спасибо... Нет, я серьёзно говорю... Передо мной вот очень важный протокол. Бобруйск нам закрывает все проблемы с дубовой столяркой. Четыре тысячи квадратов... Да, почти что полстадиона... Я серьёзно... Понимаю... Что, такая сложная позиция?.. Но ты же мне друг?.. Тогда что-нибудь придумай, а мы в долгу не останемся! Да!.. Твой завод возьму на личный контроль... Обещаю. Конечно!.. Да!.. Да!.. Подожди, я запишу...

И Лапшин стал что-то быстро записывать.

– Так... так... Понял! Хорошо. Он тебе позвонит... Он сейчас у меня и слышит весь наш разговор... Ну, спасибо, уважил старого друга! Привет семье! Пока! Обнимаю!

Слушая этот разговор, я не верил своим ушам. Неужели будет сто штук? Мистика какая-то!

Положив телефонную трубку, Виктор Иванович потёр руки:

– Пиши! Значит, так. Получать будешь с четырёх заводов по двадцать пять штук. Первый – Чкаловский завод в Новосибирске. Записал?

– Я его и так знаю.

– Откуда?

– Наш железнодорожный институт был недалеко, километрах в трёх. Мы часто видели над городом их новенькие МиГи.

– Второй – Куйбышевский завод «Прогресс». Пиши.

– Его я тоже знаю.

– А этот откуда?

Я рассказал, что до войны на месте этого знаменитого завода были бараки, в одном из которых жили мои дедушка с бабушкой по отцовской линии, в сороковом году меня, годовалого, родители возили к ним в гости. Осенью сорок первого года бараки снесли, и на этом месте разместился эвакуированный из Москвы авиационный завод № 1, который выпускал для фронта штурмовики Ил-2. После войны завод освоил производство первых в стране реактивных самолётов, а с пятидесят девятого года начал выпускать королёвские ракеты Р-7 и другие космические аппараты*.

– Там и сейчас ракеты делают, – поделился я своим секретом.

* Директором этого завода долгие годы работал легендарный человек, дважды Герой Социалистического труда – Виктор Яковлевич Литвинов. Его дочь Людмила, профессиональный художник, работала в 1980-х годах над оформлением интерьеров санатория «Решма» 4-го Главного управления при Минздраве СССР, где по приглашению академика Е. И. Чазова с 1979 по 1987 год я был директором по строительству.

Я следил за разговором Лапшина с Кошелевым, поражаясь тому, с каким мастерством Виктор Иванович подбирался к нашей теме. Просьба непростая, здесь нужен был особый подход...

Процесс получения этих отвёрток с четырёх авиационных заводов, расположенных в разных концах России, длился почти полгода. Не очень-то хотели «крутые» директора авиационных предприятий расставаться с тем, что самим позарез нужно!

– Ну, ты, брат, даёшь! – удивился Лапшин. – Может, ты и Омске бывал?
– Конечно, бывал, Виктор Иванович, я там провёл целый месяц на военных сборах, у нас в институте была военная кафедра.

– Ладно, пиши дальше – Омский вертолётный завод.
Я записал.

– Ну, и последнее – Иркутск.

– Иркутск я проезжал трижды: два раза в сороковом году, когда родители ездили в отпуск, и в сорок первом – нас с мамой эвакуировали с Дальнего Востока в Барнаул, мне было два года...

– Ты прямо путешественник какой-то, а не главный инженер строительства туристского центра! Хотя турист и путешественник – это одно и то же, – засмеялся он.

– Не совсем так, – возразил я. – Оказывается, это два разных понятия. Я специально изучал этот вопрос. В энциклопедии сказано буквально так: «Путешествие – это передвижение по какой-либо территории с познавательными целями», а «туризм – это прогулка или поездка в свободное время». Я-то большой разницы не вижу. Турист тоже много чего познаёт.

– Я тоже не вижу, – кивнул Лапшин и взглянул на часы. – Но вернёмся к нашим баранам. Итак, по отвёрткам я с тобой рассчитался. В течение месяца получишь все сто. Георгий Михайлович сказал, что напрямую столько дать не может, его с работы снимут за это, сам понимаешь. Он выделит этим заводам по 25 штук дополнительно – в счёт перевыполнения плана, а потом даст устную команду – отпустить Брунцеву для Бобруйска. Но он просил тебя проехать по всем этим заводам самому, там очень крутые директора и кого попало к ним не пустят. И ещё просил на эту тему особо не распространяться... Договорились?

– Конечно.

– Ну, давай, будь здоров! Подходи, если что, поможем. Желаю успеха!
Вот так, играючи, была решена труднейшая проблема с целой сотней дефицитнейших изделий.

Процесс получения этих отвёрток с четырёх авиационных заводов, расположенных в разных концах России, длился почти полгода. Не очень-то хотели «крутые» директора авиационных предприятий расставаться с тем, что самим позарез нужно! Отдавали с наугой, небольшими партиями. Так что, в итоге достались они нам не очень-то и легко...

В четвёртом квартале семьдесят второго года мы готовили к пуску массу объектов, среди которых самой важной была котельная, и я, как уже говорил, был назначен председателем рабочей комиссии. Теперь из-за дефицита времени было невозможно вырваться в Москву, где решался

вопрос с алюминиевыми витражами, и уж подавно – в Белоруссию. Тем более что как раз тогда из-за неимоверной загрузки уволился опытный снабженец, начальник отдела комплектации В. А. Сахаров, а следом готовился сдавать дела начальник дирекции Рыжов. Довольно большой период мне пришлось работать за троих.

Лишь в самом конце октября удалось-таки выбраться в столицу, где всего за день я сумел решить вопросы по дубу, лаку, скобянке для наших дверей и даже скорректировать рабочие чертежи. После этого сам бог велел проскочить в Бобруйск.

Оказалось, что договор на окна готов к подписанию, причём с условием начать их изготовление уже в четвёртом квартале. Это было связано с тем, что в Белцехе намечался недельный простой, та самая «форточка». И хотя в работе были другие важные заказы, бобруйчане в знак благодарности решили использовать это время для изготовления первой партии суздальских окон, причём из своего дуба, в долг.

Подписание этого договора с генеральным директором было намечено на послеобеденное время. Но именно в этот момент из министерства поступила информация о срочном изготовлении столярных изделий для минского аэропорта, строительство которого контролировал ЦК Белоруссии. Так что, и подписание нашего договора, и начало работ временно отложили.

На этот раз я возвращался домой с плохим предчувствием, ведь не за горами был и заказ Управления делами ЦК КПСС...

Конец семьдесят второго и январь семьдесят третьего года пролетели незаметно. Мне, вплотную занятому вводными объектами, было не до столярки. Несмотря на подписание акта рабочей комиссии о приёме котельной в эксплуатацию, она всё ещё отнимала массу времени. Впереди был пуск, а проблем оставалось хоть отбавляй: то с котлами, то с бойлерами, то с водоподготовкой, то с автоматикой, то со сметами...

Мал золотник, да дорог

Во время нашей последней встречи с Санчуковским в конце октября семьдесят второго года он как бы между прочим спросил:

– А как идут дела с мебельными шурупами? Мне помнится, этот вопрос мы даже записали в протокол...

Честно говоря, ответить мне было нечего, все мои попытки хоть в какой-то степени решить этот вопрос в Главснабсбыте РСФСР и даже в Госплане СССР были тщетны. Кажется, обещание помочь Бобруйску

с шурупами, да ещё в количестве двадцати тонн, было опрометчивым. Не срабатывали даже письма облисполкома с просьбой «оказать содействие в получении шурупов, необходимых для выполнения на предприятиях Белоруссии корпусной мебели для вводных объектов туристского центра в Суздале».

Нужно было искать нестандартные подходы.

В Госнабе СССР я узнал, что самым мощным предприятием, выпускающим эти злосчастные шурупы, был завод с лирическим названием «Красная Этна» в Горьком.

Не могу себе отказать в удовольствии сделать здесь лирическое отступление. В первые годы после революции у нас в стране многое стало именоваться «красным». Скорее всего, это было связано с красным цветом знамени (даже: «красные революционные шаровары»). В 1918 году вместо царской появилась могучая Красная армия, и это название существовало до 1946 года. Красными были и наш славный флот, и наша гвардия. Рядовые солдаты стали именоваться красноармейцами. А уж «красных» жилых поселений было не счесть! Посёлки: «Красное эхо» – во Владимирской области, «Красные ткачи» – в Ярославской, «Красный стекловар» – в Мордовии. Мои бабушка с бабушкой по отцовской линии жили в совхозе «Красный пахарь» в пригороде Куйбышева. В Горьком, кроме «Красной Этны», был ещё известный на всю страну завод «Красное Сормово». Завод резинотехнических изделий в Петербурге, основанный в 1860 году, носил странное название «Красный треугольник». Несколько заводов в стране именовались «Красная Пресня». В Новосибирске действует известный драмтеатр «Красный факел».

Что касается названий газет и журналов, то «красных» тут было целое созвездие. Журналы «Красная Нива» и «Красная новь», «Красный архив» и «Красный пограничник», газеты «Красный геодезист» и «Красный пожарник», «Красный циркач» и многие другие. Как-то, работая с картошкой в Российской национальной библиотеке, я обнаружил около 40 (!) наименований журналов и газет прошлых лет с этим окрасом.

Итак, я отправился в Горький, расположенный от Суздаля в 260 километрах. Попутно мне предстояло решить вопрос с получением крупной партии дефицитных реагентов для заполнения фильтров наших очистных сооружений. Завод «Красная Этна» был крупнейшим в стране предприятием, выпускающим крепёжные изделия для сборки автомобилей – болты, гайки, винты, заклёпки, шурупы...

Директора не было, и я направился к главному инженеру завода. А. Т. Быкадоров оказался человеком на редкость доброжелательным. Во время разговора выяснилось, что они с женой давно собираются побывать в Суздале.

Когда я объяснил причину своего появления, Быкадоров как-то по-человечески проникся моей просьбой и пообещал за счёт сверхплановой продукции выделить Бобруйску нужные десять тонн шурупов. Это можно было считать большим успехом.

В ближайший выходной я уже встречал гостей из Горького, рассчитывая провести с ними весь день. Во время экскурсии по городу мне вдруг подумалось: «До каких пор Бобруйску, выпускающему огромное количество лесотехнической продукции и мебели, ходить с протянутой рукой: подайте, Христа ради, шурупчик? Хорошо бы ему иметь не шурупы, а станок для их производства, образно говоря, не рыбу, а удочку!»

Весь день вынашивал я эту мысль. И вот вечером у меня дома «за чашкой чая» я осторожно намекнул Быкадорову на такой вариант решения вопроса. К моему удивлению, Александр Тимофеевич довольно спокойно сказал:

– А что, это хорошая идея, надо подумать! В конце концов, один станок из старых мы могли бы привести в порядок и продать Бобруйску за то, что они не оставили вас в беде. На первом этапе поможем и проволокой. А на следующий год закажем себе новый станок, заодно и парк обновим!

Оказалось, что при двухсменной работе один такой станок может выпускать не менее ста тонн шурупов в год! Так в Бобруйске смогут закрыть всю свою годовую потребность, да ещё и соседям помочь.

И тут меня осенило: «А не отдать ли «Красной Этне» роскошный «министерский» набор кабинетной мебели, который обещал мне выделить Санчуковский? Я без него обойдусь, а для горьковчан это будет прекрасным знаком благодарности».

Через некоторое время моя идея была воплощена в жизнь. Так в объединении «Бобруйскдрев» навсегда забыли про острейшую проблему с 16-миллиметровыми шурупами, которая выматывала душу гендиректору, снабженцам и производственникам. Как вы понимаете, после этого мои возможности по изготовлению дефицитной продукции в Бобруйске возросли в разы!

В очередной раз я приехал в Белоруссию лишь в марте 1973 года, сразу после пуска котельной. Первый квартал сложился для «Бобруйскдрева» крайне неудачно, хотя Белцех полным ходом работал над заказами

Кажется, обещание помочь Бобруйску с шурупами, да ещё в количестве двадцати тонн, было опрометчивым. Нужно было искать нестандартные подходы...

Теперь в объединении «Бобруйскдрев» навсегда забыли про острейшую проблему с шурупами, которая всем выматывала душу.

по столярке для Минска. Со дня на день ожидалось поступление заказа из ЦК КПСС. К этому времени с нашей помощью была практически закрыта потребность в оборудовании для котельной. Было отгружено много электромоторов, около двух километров медного электрокабеля, десять тонн шурупов, но, главное, приобретён станок, обеспечивающий изготовление шурупов своими силами. Исключительно важно было и то, что Бобруйск уже получил полсотни пневмоотвёрток вместо пятнадцати, о которых просил директор.

Учитывая эту грандиозную помощь объединению и даже несмотря на приближающийся неимоверно сложный заказ ЦК, Санчуковский рискнул подписать наш договор на окна, обязавшись изготовить их до конца семьдесят третьего года.

– Мы у вас в долгу, будем работать во вторую и третью смены, а если надо, и в выходные, – заявил он.

На словах мы договорились, что если эти сроки почему-то сорвутся, никаких финансовых санкций к Бобруйску мы применять не будем.

Как и в прошлый раз, из Минска я направился в Вильнюс, чтобы окончательно добить вопрос с петлями, которые были на выходе. К этому времени решился вопрос с получением югославского дуба, а в самое ближайшее время из Загорска должны были отгрузить и лак. Так что, к изготовлению окон можно было приступать смело. По опыту мне было известно, что на производстве в первую очередь запускают крупносерийные партии товара. У нас это были 250 окон «О-1» для гостиницы.

Не успел я вернуться в Суздаль, как получил из Бобруйска неприятное известие: поступило официальное задание республиканского министерства о выполнении срочного заказа для Управления делами ЦК. Для нашей стройки это была просто трагедия, ведь на выполнение нашего сложнейшего по технологии заказа нужен был год работы всего Белцеха... Что делать?

Я помчался в Бобруйск. После обсуждения создавшейся критической ситуации Санчуковский выпустил распоряжение о создании специальной бригады, работающей над изготовлением заказа для Суздаля во вторую смену и выходные. Только так первую партию окон – 250 штук – можно было изготовить за ближайшие три-четыре месяца.

Производственные осложнения не помешали нашим партнёрам отгрузить в течение четвёртого квартала семьдесят третьего года всю обещанную оконную столярку!

Надёжно упакованная столярка отправлялась в основном машинами, использование железной дороги оказалось более затратным, потому что пришлось бы выполнять двойную работу: довольно тяжёлые блоки, выгруженные из вагонов в каком-нибудь далёком тупике на станции «Владимир-грузовой», нужно ещё раз грузить в машины и везти в Суздаль, всего за 35 километров.

На стройке полученные окна сразу стеклили, а затем, бережно укрыв полиэтиленовой плёнкой, устанавливали в проёмы. В таком виде они должны были находиться до окончания штукатурных работ. Замечу: с таким высоким качеством столярных изделий наши строители столкнулись впервые, и у нас не было ни одного случая небрежного обращения с этими окнами.

Как только к нам пришла первая партия столярки, я получил с лёгкой руки нашего прораба Е. А. Черкашина дружеское прозвище – Бобрунцев, что, не скрою, было мне очень приятно.

Весь семьдесят третий год для объединения «Бобруйскдрев» был исключительно напряжённым. Шёл третий, «решающий» год пятилетки, и от его завершения зависела судьба выполнения плана. Являясь форвардом деревообрабатывающей отрасли в стране, бобруйчане не хотели ударить в грязь лицом.

В декабре я стал свидетелем подписания телеграммы, отправленной в адрес Минлеспрома СССР, Минлеспрома БССР и в ЦК профсоюза отрасли:

«Выполняя директивы XXIV съезда партии по десятому пятилетнему плану и социалистические обязательства, коллектив рабочих, ИТР и служащих Бобруйского производственного деревообрабатывающего объединения 13 декабря 1973 года завершил выполнение трёх лет пятилетки. До конца года будет выпущено продукции сверх плана на сумму 2,7 миллиона рублей при обязательстве 1,6 миллиона. Коллектив объединения полон решимости претворить в жизнь решения декабрьского (1973) Пленума ЦК КПСС по досрочному выполнению плана четвёртого года десятой пятилетки».

Текст телеграммы подписали генеральный директор объединения Санчуковский, секретарь парткома Казаков, председатель профкома Соркин и секретарь комитета комсомола Гайдучик.

Я радовался так, словно сам был членом этого огромного двенадцатитысячного коллектива. «Теперь-то уж точно всё должно пойти полным ходом!» – решил я, со спокойной душой отправляясь домой.

Учитывая эту грандиозную помощь объединению и даже несмотря на приближающийся неимоверно сложный заказ ЦК, Санчуковский рискнул подписать наш договор на окна.

Как только к нам пришла первая партия столярки, с лёгкой руки нашего прораба Е. А. Черкашина я получил дружеское прозвище – Бобрунцев, что, не скрою, было мне очень приятно.

Пейзаж. Суздаль. Фото В. Брунцева. 1985

письма ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Хочу привести здесь избранные места из писем 1972–1973 годов, посланных в Новосибирск моей будущей жене Ирине. В этих коротких цитатах отразились не только события моей жизни, но и горячее дыхание суздальской стройки и многое, что происходило в те годы в стране.

В. А. Брунцев в Суздале. 1970

28 июня 1972 года из Бобруйска:

«... Окрылённый радужной надеждой на получение дубовых окон для нашего главного комплекса, я приехал из Минска самым ранним автобусом. Добирался с большими приключениями. Из-за отсутствия мест больше трёх часов в битком набитом автобусе ехал стоя на подножке автобуса (135 км). Оказалось, что генеральный директор деревообрабатывающего объединения в больнице, а главный инженер наши вопросы не решает. Начальник производственного отдела Каран, узнав об огромном количестве окон, даже не стал со мной разговаривать. Так я и уехал несолоно хлебавши.

Если с Бобруйском ничего не получится, придётся ставить обычные, окрашенные белыми сосновые окна и подоконники. Они потянут за собой такие же двери, наличники и плинтуса. И это в туристском комплексе, претендующем называться „объектом особой архитектурной значимости“!

Когда поправится директор, попробую сделать сюда ещё один заход. Надеюсь на единственный шанс.

Сижу на вокзале, жду поезда на Минск, чтобы утром быть в Москве...»

29 июня из Минска. 2 часа ночи:

«... Только что достал билет в воинской кассе на 3.15 утра. Ноги гудят – с 9 вечера стоял в очереди... Да, время для командировок сейчас далеко не самое лучшее. Что-то я начал уставать...»

15 сентября из Москвы:

«... Два дня пробыл в Москве, где дел всегда невпроворот, особенно проектных... Вчера заходил по делам к замминистра культуры РСФСР, нашему однокашнику В. М. Стриганову, вспоминали институт. Потом на минутку заскочил к приятелю – начальнику Главснаба Н. Б. Агранатову, который не раз бывал у меня в Суздале. К нему часто приходят с просьбами известные певцы, артисты, музыканты. Как раз вчера был Иосиф Кобзон, принёс бутылку коньяка и конфеты. Отметили его 35-летие. Очень живой и весёлый. У Агранатова – масса друзей, в министерстве культуры он самый могущественный человек! Несколько раз встречал у него Аллу Пугачёву, Махмуда Эсамбаева. Любое оборудование для сцены, музыкальные инструменты, аппаратура, машины и даже квартиры – всё в его власти. Вальяжный человек...»

28 сентября из Суздаля:

«... Наконец-то близится сдача нашей котельной с её долгожданным теплом и горячей водой. Как жалко людей, живущих в панельных домах при температуре 10–15 градусов!

Параллельно готовим к сдаче два корпуса мотелей, административное здание, кафе, гараж и станцию техобслуживания автомобилей, хотя здесь тоже всё зависит от котельной. На выходе – несколько коммунальных объектов, и везде масса проблем.

Идёт задержка на год с пуском нового завода алюминиевых конструкций в подмосковном городе Видное, а я на него рассчитывал. Поэтому с алюминиевыми витражами, поставку которых я с такой лёгкостью взял на себя, мы, кажется, пролетели, даже несмотря на поддержку руководства Моссовета.

Подготовил новое письмо – теперь уже в московский горком партии (Гришину) и Моссовет (Промыслову) за подписями первых руководителей обкома и облисполкома. Надеюсь, это сработает... Всё же, Пономарёв – член ЦК.

Наконец-то по заданию облисполкома в одном леспромхозе начали собирать первый пробный сруб для гостиницы Покровского монастыря. Эта канитель длится уже больше года. И строители, и реставраторы от этого дела категорически отказались, мол, не их профиль работы. Приходится заниматься самому.

Теперь насчёт собора Покровского монастыря, имеющего прекраснейшую акустику. По проекту там планируется концертный зал, и у меня на этот счёт большие планы относительно пропаганды русской духовной и камерной хоровой музыки. Как участник художественной самодеятельности, я решил взять это дело под своё крыло. Хочу для периодических концертов задействовать в будущем Капеллу Юрлова и хор Свешиникова. Представляю, как будут здесь звучать произведения Бортнянского, Гречанинова, Чеснокова, Чайковского, Рахманинова! Ещё буду пробивать в этом монастыре европейское новшество – подсветку фасадов.

Если б ты только знала, как мне дорога эта моя работа! Её трудно даже сравнить с какой-то другой... Теперь особенно хочу, чтобы кроме ГТК, удался ещё комплекс в Покровском монастыре. Ведь наши подрядчики – классные владимирские реставраторы!

С дубовыми окнами вроде бы дело пошло на лад, но об этом напишу в следующий раз...»

2 октября из Суздаля:

«... На работе всё также напряжённо. Но самое печальное, что увольняется наш директор Рыжов, говорит, очень устал. Меня все считают его преемником, хотя я уже дал в облисполкоме отказ. Это директорство мне вовсе не нужно, оно бы значительно осложнило наши дела на стройке...»

5 октября из Бобруйска:

«Сегодня был очень трудный день. Не считая директора Санчуковского, я обрёл здесь ещё несколько хороших людей на производстве, от каждого из них многое зависит. В течение дня постепенно, шаг за шагом, решал разные вопросы с изготовлением дубовых окон. В итоге, договорились, что если ничто не помешает, то 2200 кв. м. будут сделаны в конце этого и начале следующего года, частями. Если всё получится, следом пойдут и дубовые двери, их у нас около 3000 кв. м. Будет замечательно, если всё это мне удастся довести до конца. В своё время Бобруйск делал столярку и мебель для Москвы, Варшавы, а теперь и я подвизался со своим Суздалем! Правда, строители настроены скептически...»

15 октября из Москвы:

«... Сегодня продвинул довольно много дел. Был в Моссовете. Рассчитываю, что завтра там наконец-то будет решён вопрос с изготовлением для нас анодированных алюминиевых витражей в объёме 44 тонн! Наверное, в этом и будет моё маленькое счастье!»

17 октября из Суздаля:

«... В понедельник снова совершу вояж в Москву на два-три дня. Там опять масса дел, в том числе по проектным вопросам. У нас в дирекции намечается большая реорганизация, но об этом в другой раз. Сегодня некогда...»

18 октября из Суздаля:

«... В связи с предстоящей сдачей мотелей решением облисполкома у нас образована генеральная дирекция турцентра. Появился генеральный директор, который будет заниматься эксплуатацией этих мотелей. Звать его Бирюков Евгений Сергеевич, он с 1938 года. Хороший парень – весёлый, остряк и, по-моему, деловой. Здорово поёт. Задумали мы с ним большие изменения в дирекции и назвали это „оздоровлением обстановки”...»

Меня сватают на место Рыжова, но я не хочу. Значит, ожидается новый инженер-строитель, владеющий вопросами финансирования. Хотелось бы, чтоб человек был хороший.

Начальник снабжения Сахаров, к сожалению, тоже собирается увольняться – не выдержал нашего накала. Придётся искать нового. Недавно появился на горизонте кандидат, на днях приехал в Суздаль из Якутии. Мне он показался деловым и разворотливым. Решил уволить двух инженеров по технадзору, которые сами работают плохо и других портят. Нашёл им удачную замену. Пытаюсь ввести должность начальника техотдела. Надеюсь, после этих перемен коллектив будет здоровый, отличный и трудоспособный...»

27 октября из Суздаля:

«... Приближается конец года, а мы из-за отсутствия тепла почти ничего ещё не сдали, не считая инженерных сетей. Очень много всяких дыр. Рыжов практически уже не работает, проводит инвентаризацию оборудования, ищет себе замену. На днях придут два новых инженера по технадзору, надо будет учить их уму-разуму, хотя и некогда. Ситуация, я бы сказал, не из лёгких...»

1 ноября из Суздаля:

«... Завтра в райкоме партии выступаю перед агитаторами с лекцией по экономической учёбе – попросил лично первый секретарь Ковалёв. Смех, да и только. Новое амплуа!.. »

10 ноября из Москвы:

«... Четыре дня я проболел, лежал с температурой 39. К тому же, сильный кашель. Два дня не мог попасть на рентген, но в итоге всё обошлось катаром верхних дыхательных путей... Сегодня я уже в Москве. Приехал срочно на один день, на такси. Дело в том, что Моссовет снова отказал нам в изготовлении витражей. Говорят, что со своими заказами не справляются. Вот я и приехал с ними воевать!»

11 ноября из Суздаля:

«... Сегодня суббота, собирались пускать теплотрассу на ГТК, а на трассе серьёзная авария...»

14 ноября из Суздаля:

«... Спешу в горисполком по вопросу ввода котельной и теплосетей... Люди мёрзнут в квартирах, но спрос не только со строителей, но и с меня – как заказчика и председателя рабочей комиссии...»

29 ноября из Бобруйска:

«... Нахожусь в стадии заключения договора на 1200 кв. м дубовых окон. Завтра к обеду всё будет готово, а в ноябре-декабре, может быть, пойдут и сами окна. В цехе образовалась „форточка”, как говорят у них на производстве, когда по каким-то причинам нет работы, вот мне и подфартило! Я очень этому рад! Так трудно всё это было пробивать!..»

30 ноября из Суздаля, 7 утра:

«... В понедельник в Москву не поеду, так как 3 декабря к нам приезжают американские архитекторы вместе с директором нашего института Орловым, буду их встречать. А Марк Артурович мне нужен по важным вопросам именно в Москве, поэтому поеду в среду. Дел-то и здесь хватает!.. Скоро подъедет водитель, и опять меня на целый день затянет работа...»

8 декабря из Суздаля:

«... В пятницу срочно выезжал в Москву, набралось 22 вопроса. В субботу была снова рабочая комиссия по котельной. Добавилось ещё 42 недоделки. Целый день пахали!»

В понедельник в обкоме прошло совещание по турцентру. Собралось много всякого начальства, приезжали проектировщики из Москвы.

У меня снова проблемы. Конец года, а тут два инженера по технадзору нехотят заболели. До Нового года надо оформлять сдачу 20 разных объектов... А в самом конце месяца строители понесут свои процентовки – 2–3 дня работы. Как справиться с этим наплывом дел? В общем, достаётся мне! Но ничего, справимся! Нас мало, но мы в тельняшках!»

13 декабря из Суздаля:

«... Несмотря на трудности, мои дела понемногу пошли на лад... Мотаюсь, киплю и урабатываюсь... По-видимому, сдадим всё, что от нас требуется. Настроение бодрое...»

16 декабря из Суздаля:

«... Заканчивается очень трудный 1972 год... Главное, скоро сдадим котельную. Нет ничего важнее!..»

20 декабря из Суздаля:

«... Работы по горло, даже выше! Как бы мне хотелось сейчас быть рядом с тобой. Здесь же – только напряжённая работа, ответственность и долг. Хотя, по-моему, так и должно быть у каждого человека. Может, всё это звучит громко, не знаю...»

22 декабря из Суздаля:

«... Занимаюсь сдачей котельной. Теперь это уже реально, все вопросы по недоделкам решатся где-то к 5–10 января. Осталось всего около 40 проблемных вопросов из тех сотен, что были раньше... Все работают с напряжением, я тоже!

Сегодня бросил все дела, кроме котельной... На рабочей комиссии (мы собираемся каждый день) я душу мотал своим подрядчикам как председатель, но и мне помогли...

А всего силами дирекции мы до Нового года принимаем в эксплуатацию объектов на сумму 4 млн. руб. В то же время нужно передать на баланс города на сумму 6 млн. – с учётом ранее принятых строек! Ох, и достанется же нашей бухгалтерии и экономисту! Вплоть до 31 декабря буду, как белка в колесе. В понедельник еду в Москву, там много дел, возможно, останусь на второй день, хотя позарез нужно быть в Суздале...»

26 декабря из Москвы:

«... Пришлось остаться на второй день – масса нерешённых вопросов, в основном по котельной. Вместе с институтом „Гипрокоммунпроект“ надо все их снять до комиссии...»

С 27 по 30 декабря буду в Суздале заниматься вопросами сдачи котельной и процентовками...»

9 января 1973 года из Суздаля:

«... Котельную будем сдавать госкомиссии, начиная с 16 января».

12 января из Суздаля:

«... С котельной дело дошло. На госкомиссии выявилась масса новых проблем... Кроме того, по своей неопытности эксплуатационники запороли все бойлеры. По просьбе председателя горисполкома, выезжал в Кольчугино. Надо было добыть на заводе цветных металлов 6 тысяч метров 10-миллиметровой медной трубки. Благо, директор завода Тёмкин – мой приятель, выручил. Теперь появляются проблемы из-за слабых кадров в эксплуатации. Наверное, дело со сдачей затянется до конца января...»

13 января из Суздаля:

«... Никак не можем закончить и сдать центральную котельную мощностью 60 г/кал в час. Это целая махина с трёхэтажный дом. Ещё в прошлом году я как заказчик и глав-

ный инженер дирекции был назначен облисполкомом ответственным за её пуск (хотя сначала мало что в этом смыслил). Надеюсь, 25 января выдадим первое тепло...»

14 января из Муром:

«... Рыжов уволился 3 января... Нового директора пока нет...»

27 января из Суздаля:

«... Мороз до 30 градусов... Наконец-то наладили один бойлер и устранили 22 недоделки из 32 новых. Во вторник, 30 января – госкомиссия...»

8 февраля из Владимира:

«... Работы – море! Котельную ещё не сдали. Ввели ставку начальника ОКСа, но никого ещё нет. Не знаю, где искать. Директор Бирюков уже большие недели болеет. Опять всё хозяйство свалилось на меня...»

Несколько дней составляем перспективный титульный список... на пятилетку. Муть голубая...»

10 февраля из Суздаля:

«... На работе всё по-прежнему. Бирюков болен уже 10 дней. Начальника ОКСа нет. Приходится работать и за директора, и „за того парня“...»

15 февраля из Суздаля:

«... Да, оказывается, наша мощная котельная – это вовсе не самовар какой-нибудь и не примус, где нужны уголь или керосин да спички. Топливом у нас является природный газ – 1 млн. куб. м. в год! Для этого мы провели из Владимира газопровод диаметром 300 мм с устройством газораспределительной станции. Очень трудная задача, но она была решена ещё в 1971 году. Для хранения резервного топлива, каким являлся мазут, были установлены четыре огромных металлических хранилища с мощной наружной изоляцией...»

18 февраля из Суздаля:

«... Работы много... Нашему директору Бирюкову во вторник что-то будут решать, так что ещё неделю его не будет. Начальника ОКСа нет. Начальника ПТО тоже положили на два месяца в больницу...»

19 февраля из Суздаля:

«... Давно обещал директору Владимиро-Суздальского музея Аксёновой провести лекцию о строительстве турцентра для научных работников и экскурсоводов музея. Пришлось-таки сдержать своё слово. В четверг в Крестовой палате Кремля я прочёл её. Оказалось, эти люди ничего не знают о нашей огромной стройке. Пришлось

почти два часа рассказывать, ведь в этом году у нас свыше 30 объектов, включая ГТК, мотели (2 очередь), жилые дома, всевозможные производственные цеха...

Аудитория весьма любопытная. Лекцию я постарался сделать глубокой по содержанию, чтоб экскурсоводам можно было ориентироваться на любого туриста. Потом я вызвал из нашего гаража автобус и устроил экскурсию – на ГТК, в Покровский монастырь, на очистные и водозаборные сооружения, на котельную. Закончили в семь часов вечера.

Как мне показалось, удивлению моих экскурсантов не было предела: «Вы открыли нам глаза! Теперь мы всем будем рассказывать о том, что строится в Суздале». Как-то странно получается: мы, строители, живём своей жизнью, а музей и город – своей. Теперь, надеюсь, будет по-другому.

8 марта из Москвы:

«...6–7 марта приезжала большая группа проектировщиков по Покровскому монастырю. Рассматривали проект гостинично-музейного комплекса на 135 мест. Проблемой будет изготовление срубов гостиницы, где каждое бревно должно быть выточено „под карандаш“ и иметь диаметр ровно 30 см. Но для этого надо, чтобы на комле оно имело диаметр 45–50 см! Трест от этого категорически отказался – не их профиль, реставраторы тоже. Леспромхозы области с их топорным качеством нас не устраивают. Не знаю, что и делать. Скорее всего, эту задачу тоже придётся брать на себя. Где-то под Москвой работают знаменитые „коробовские“ плотники, надо поискать, вдруг что и получится. Как говорила Жанна д'Арк: „Если не я, то кто?“ 12 марта нужно быть снова в Москве по ряду неотложных дел...»

14 марта из Суздаля:

«...12 марта, находясь по делам в Москве, был вечером на концерте знаменитой аргентинской гитаристки Марии Луизы Анидо. Конечно, играет она с блеском! Исполняла много незнакомых мне вещей. А вот на „бис“ играла тремоло-этюд „Воспоминания об Альгамбре“ Франсиско Тарреги. Это чудная вещь! Я ведь её тоже пробовал играть. Всё уже получалось довольно прилично, но нужна очень большая практика... Главное, я слышал великую гитаристку современности и видел её своими глазами, сидя в середине первого ряда...»

Вчера приехал во Владимир, а там – концерт симфонического оркестра Московской филармонии. Вместо объявленной Вероники Дударовой дирижировал Фуат Мансуров. Когда-то он руководил оркестром казахских народных инструментов имени Курмангазы, и я несколько раз бывал на его концертах в Алма-Ате и в Кокчетаве. Теперь он дирижирует в Большом театре. Талант!

В нашей филармонии исполнялась Четвёртая симфония-фантазия „Франческа да Римини“ и вариации на тему рококо Чайковского. Партию виолончели исполнял

Мстислав Растропович! Ты представляешь?! Я ещё ни разу в жизни не слушал такого оркестра и такого солиста! А что Мансуров делает с оркестром, это надо видеть и слышать!

После концерта я не выдержал и пошёл за кулисы, чтобы поблагодарить Мансурова. Сделал я это хоть и на ломаном, но казахском языке, на что он воскликнул: „О, земляк!“ Тут к нам подошёл Растропович, и мы долго жали друг другу руки. Конечно, его игра – это что-то невообразимое, как у Паганини! К тому же, он необычайно прост и весел. Теперь я три дня не буду мыть свою правую руку...»

18 марта из Суздаля:

«... Вчера ездил в научно-реставрационную мастерскую Министерства культуры СССР, где работает Егоров, лучший в стране специалист по изготовлению цветных керамических изразцов. Есть договорённость с руководством, что он изготовит для гостиницы Покровского монастыря 60 кв. м изразцов. Остальные 60 метров сделают сами владимирицы. Московские реставраторы меня очень хорошо приняли.

Ещё я познакомился в Москве с заместителем директора Музея архитектуры имени Щусева Виктором Ивановичем Балдиным, который собрал самую крупную в стране коллекцию изразцов – 520 штук, начиная с XV века! Собирает около двадцати лет, делая при этом чудные эскизы и зарисовки. К сожалению, он не может издать альбом, нет денег. Ну, и дела!..»

19 марта из Бобруйска:

«... Дела мои резко поправились. Вчера я опять думал, что с моей дубовой столяркой дело – швах! Но сегодня наконец-то полностью договорился об изготовлении её во втором квартале этого года. Здорово, что хоть и с таким трудом, но добиться удалось!

Завтра днём еду в Минск, затем в Вильнюс, там по спецзаказу делают хромированные скобяные приборы (петли) для спаренной столярки. Да и вообще, хочется провести хоть пару часов в этом прекрасном городе. Изготовление хромированных ручек длиной больше метра – для открывания окон – с большим трудом удалось пробить в нашей области. Проблема оказалась совсем не простой.

Пользуясь случаем (коли дела со столяркой так хороши!), хочу на денёк заехать в Брест. Это всего четыре часа от Минска. Там у меня есть два-три дела, которые надо решить мне самому, снабженцы не потянут. Так что, всю неделю буду гастролировать по Европе!»

20 марта, из Бобруйска. Утро.

«... Вчера была масса всяких дел, с которыми я не справился. К сожалению, пришлось тут заночевать. Вечером был на концерте русского романса. Всё было весьма прилично, но не вызвало тех чувств, которые я испытывал при исполнении романсов Рубиной

Калантарян или Аркадием Талмазовым. Кстати, на концертах Калантарян я был много раз, если помнишь, первый раз – у нас, в НИИЖТе, а Талмазова слушал в театре имени Станиславского, он пел в „Пиковой даме” партию Елецкого...»

22 марта из Бреста:

«... Сбылась моя давняя мечта. Сегодня я в Бресте! После окончания своих дел посетил Брестскую крепость, о чём давно мечтал. Впечатление оставляет глубокое. И старые постройки XIX века, и восстановление их, выполненное ещё в 1914–1918 годах инженер-капитаном Карбышевым, и новый комплекс-мемориал! Везде торжественно звучит траурная музыка. Интересно, что вход бесплатный, так как всё построено за счёт сборов. Мне тем более интересно, что о генерале Карбышеве я читал в книге Голубова „Когда крепости не сдаются”».

23 марта из Вильнюса:

«... Напишу коротко о сегодняшнем дне. В город из аэропорта приехал в 12.30. Два часа искал Литснабсбыт, который оказался почти рядом с аэропортом! Пришлось снова ехать за город. С литовцами более-менее сговорился насчёт нашей скобянки для окон и приехал на вокзал уже в 4 часа. На поезд мест нет, на самолёт мест нет, в гостинице мест – нет! И всё везде – нет, нет, нет!»

Денег осталось всего 22 рубля, хотя кроме книг, пластинок и проездных билетов я ничего не покупал. Из Суздаля выехал, имея 130 руб. Билет из Вильнюса до Москвы стоит 17 руб. Слишком много было и ещё будет передвижений: Суздаль – Ярославль – Москва (на машине) – Минск – Бобруйск – Минск – Брест – Вильнюс (самолётом) – Москва – Владимир – Суздаль (из Москвы на машине). И это всё за неделю! Зато будут решены десятки вопросов.

С трудом взял билет на самолёт и ещё успел сходить в Русский драматический театр на спектакль „Валентин и Валентина”. Здорово играют! В кармане осталось 2 руб. А здесь сувениров, янтаря и всяких импортных вещей – тьма... Выйдя из театра, увидел русскую церковь, там шла служба. У входа двое русских нищих просили милостыню. Пришлось сделать вид, что я богат... Уплыло ещё 60 коп. Осталось 1,40 руб. на два обеда и автобус до аэропорта. Помнишь песню, которую пел Рашид Бейбутов: „Всё отдал – богатым стал, что сберёг, то потерял!” Это про меня».

12 апреля из Москвы:

«... По телевидению передали, что вчера в Минске прямо на сцене во время репетиции умер заслуженный артист РСФСР и страстный поборник шестиструнной гитары Александр Михайлович Иванов-Крамской. Очень жаль! Мы с ним подружились, когда он был на гастролях в Кокчетаве в 1963 году. 22 октября он был у меня в гостях, много играл

на моей гитаре, просидели до трёх утра, потом проводил его в гостиницу. До чего же интересно было с ним разговаривать!..»

20 мая из Суздаля:

«... Председатель облисполкома Сушков скоро едет в Совмин РСФСР решать вопросы по нашему турицентру. Ему нужен альбом фотографий для отчёта по строительству в Суздале. Так вот, зная о моём увлечении фотографией, он поручил это мне. Нужно показать, как и что было сделано за последние год-два. Вчера с главным архитектором Суздаля, нашим земляком из Новосибирска Карелиным, снимали, а потом всю ночь печатали. 400 фотографий! Из них нужно было отобрать по 50–60 лучших снимков для двух альбомов...

Поздравь меня! Пришло письмо из Моссовета – приняли наш заказ на изготовление алюминиевых витражей на первое полугодие 74 года! Ура-а-а!»

21 мая из Москвы:

«... Моё главное дело сейчас – открытие финансирования, так как заканчивается май, а наши подрядчики, в том числе проектные институты, до сих пор сидят без денег. Вот к чему привёл скандал между ВЦСПС и Совмином РСФСР...»

29 мая из Суздаля:

«... Сделали с Карелиным два классных альбома. Сушков увёз их в Москву в Совмин РСФСР. Теперь он просит меня сделать ещё 5 альбомов – для ЦК КПСС, для Совмина СССР, а также для областного начальства – ему самому, Пономарёву и председателю Суздальского горисполкома Думову. Печатаю по ночам и в воскресенье.

На днях к нам приезжает секретарь ЦК Кириленко. Ажиотаж кругом! Оказалось, что нашим делом по турицентру опять заинтересовался секретарь ЦК по идеологии Сулов. Вот всё и закрутилось!»

6 июня из Владимира:

«... Вчера у нас в Суздале были два секретаря ЦК КПСС – Кириленко и Капитонов с жёнами. Приехали неожиданно, поэтому принимал их я один. Благо, что был дежурным по турицентру и находился на месте. Заходили в мотели, вроде бы всё понравилось. Впервые сидел в „Чайке”. Поговорили о том о сём. Снимать мне охранники не разрешили – визит был неофициальный. Сразу же после их отъезда приехала группа из 25 англичан. Все такие чопорные...

За последнее время сделали многое по благоустройству зоны мотелей... Хорошо смотрятся наши самодельные парковые светильники, которые мне изготовили в Иваново из белого молочного оргстекла (его пришлось добывать в Дзержинске), а начинку взяли от московских светильников „Александровский сад”. Верно говорят: голь на выдумки хитра!

В конце июня будем сдавать ещё два корпуса... Большие работы предстоят по благоустройству жилого посёлка...»

7 июня из Суздаля:

«... После приезда Сушкова из ЦК и Совмина у нас прошло четыре совещания в присутствии зампреда Совмина РСФСР Кочемасова, первого секретаря обкома Пономарёва, председателя облисполкома Сушкова, директора института Орлова и гл. инженера Лепского. На мотелях решили кое-что переделать, чтобы добиться уровня класса люкс...»

10 июня из Суздаля, воскресенье:

«... Сегодня я снова дежурил по мотелю... Ждём два заезда – группы из ФРГ и Бельгии. Пожелай удачи!»

17 июня из Суздаля:

«... Сегодня по просьбе руководства нашего КГБ водил по Суздалью группу „туристов“ из ФРГ (это люди из школы разведки). Мне был дан ряд заданий, вплоть до конкретных вопросов их руководителю. Ответы записывал спецприборами. Это была трудная работа, так как связана с политикой. Но я вроде бы справился и всё сделал, как надо...»

17 июля из Суздаля:

«... Одно заглушает боль – это моя работа, в ней я, словно сумасшедший. Сам весь в мыле и своих подчинённых держу в том же состоянии. А уж последний месяц и подавно. Все силы брошены на прорыв в финансировании. Заканчиваем согласование сводных смет – около 33 млн. руб., составление титульного списка – около 4 млн. руб. и ещё и на следующий год – 5–6 млн. Всё это очень сложно и запутано. Не я же раньше занимался финансированием, а Рыжов. К тому же, у нас в дирекции несколько человек уволились, и теперь появились новенькие. Такую нагрузку не каждый выдержит...»

4 сентября из Суздаля:

«... На работе много новостей. Уволился инженер по технадзору ГТК – пошёл в институт на очное отделение. Снова этот объект придётся брать на себя. Сделал ряд перестановок сотрудников...»

Сегодня принимали эталонный сруб для гостиницы Покровского монастыря. Приезжали московские архитекторы и владимирские реставраторы, которым предстоит выполнять все плотничные и столярные работы, декоративные светильники, скобяные изделия и дубовую мебель. Все были довольны, а я – так больше всех. Такого высокого класса обработки брёвен, наверно, ещё никто не видел. Как я и думал, единственный путь для качественного выполнения работ плотниками леспромхоза – оплата их

труда по утверждённой мной калькуляции. Иначе по расценкам они получали копейки. Выстрогать брёвна „под струнку“ – рабский труд, и это надо понимать!»

9 сентября из Суздаля:

«... Дело идёт к сдаче второй очереди мотелей. Здесь, на объекте, над нашими строителями постоянно надзирают второй секретарь обкома Лапишин и зампред облисполкома Зенкович.

Много проблем и у нас в дирекции – с проектно-сметной документацией, с поставками оборудования, мебели, инвентаря, вплоть до постельного белья и посуды. Сложная всё же у нас система в строительстве, поди-ка, разберись! Но ничего, как-нибудь справимся, не впервой...»

17 сентября из Суздаля:

«... Несмотря на нашу огромную занятость, решением обкома всех строителей отправляют на село. Завтра уже в третий раз поедем убирать свёклу в колхоз. На нашу дирекцию дали три гектара... Мне удалось увильнуть, зато поработал с проектировщиками...»

26 сентября из Суздаля:

«... У нас по третьему кварталу идёт большая сдача объектов, и везде я – председатель рабочих комиссий. Много проблем с комплектацией и с качеством работ...»

10 октября из Суздаля:

«... На работе такой же аврал, как и осенью 71 года. Сегодня весь день занят пуском первой очереди цеха медовых и безалкогольных напитков, хотя там остались проблемы с нержавеющей сталью, насчёт изготовления которого я договорился в прошлом году в Бахмаче, на Украине. Потом всё это надо будет как-то перевезти во Владимир, в объединение „Техника“, на доработку по внутренней начинке...»

На своей стройке я обо всём забываю. Только работа, работа, работа...»

23 октября из Киева:

«... Здесь я нахожусь по срочным делам. Устроился в гостиницу „Золотой колос“. С трудом получил место в холле, на раскладушке. Вся публика (10 человек) спит, а я пишу тебе письмо. Только что посмотрел по телевизору фильм „Земля Санникова“. Понравился. Киев – прелесть, пожалуй, лучший из виденных мною городов! Не считая, конечно, Ленинграда...»

26 октября из Бахмача:

«... Сiju на вокзале в Бахмаче (около 100 км от Киева). На местном заводе Минхимнефтемаша СССР весь день занимался продвижением вопроса по изготовлению

оборудования для нашего цеха медовых и безалкогольных напитков. Только что взял билет на Бобруйск на 2.30 ночи. К утру буду там...»

27 октября из Бобруйска:

«... В Бобруйске пробыл до часу дня и уехал в Минск, так как всё начальство там – на коллегии Министерства. Договорился, что приеду к ним в понедельник...

В Бобруйске наш договор по дубовым окнам наконец-то находится на стадии подписания, хотя с момента моего первого здесь появления прошло уже полтора года! Завтра, наверное, всё будет готово, а в ноябре-декабре наконец-то приступят к изготовлению.

Я очень рад!»

30 октября из Минска:

«... Только что приехал поездом из Бобруйска. В Москву решил лететь самолётом в 22 часа, потому что билетов на поезд нет.

Рад тебе сообщить, что дела мои по этой командировке очень приличные, особенно в Бобруйске, где ещё совсем недавно был почти полный срыв всего заказа...»

12 ноября из Суздаля:

«... С 9 утра шло совещание по Суздалю, на которое явилось всё областное начальство.

Затем до 22 часов занимались планированием объектов на 1974 год по отраслям...»

15 ноября из Суздаля:

«... Вчера был в Иваново, сегодня я в Суздале, а завтра буду в Муроме на радиозаводе по заказу пультов дежурных по этажам для нашей гостиницы... Да, забыл сказать самое главное! Скоро получу для нас новую квартиру на втором этаже с лоджией на запад...»

22 ноября из Мурома:

«... В среду был в Муроме, там всё непросто. Вчера снова приехал сюда в 2 часа дня. Ехал на автобусе шесть часов – автобус постоянно ломался (мой водитель в отпуске). Замёрз, как цуцик.

У меня здесь командировка на три предприятия – на Муромскую мебельную фабрику (дополнительная мебель для мотелей), радиозавод (мощная радиостанция и наши пульта) и Вербовский почтовый ящик, куда меня когда-то звали на работу после армии. Там будут нам кое-что делать из нержавеющей стали оборудования...»

26 ноября, из Владимира:

«... Сегодня утром приехал сюда с московскими проектировщиками и весь день до пяти вечера провёл на двух военных заводах – „Точмаше” и в объединении „Техника”. Занимались проблемами изготовления нестандартных изделий для наших объектов... На самой стройке теперь бываю редко – от моих поездок по стране и совещаний остаётся совсем мало времени. Но мои дела важнее, без них сдвигов не будет. На стройке пока худо-бедно справляются наши инженеры по технадзору...»

28 ноября, из Суздаля:

«... К нам приезжали американские и наши космонавты. Меня приглашали на встречу, но к большому сожалению, я там быть не смог, не было времени. Теперь срочно появилась новая проблема – к 950-летию нашего города, который будет отмечаться в августе 1974 года, в жилом посёлке нужно срочно построить торговый центр...»

К сожалению, часть моих последних писем «из Советского Союза» при переездах с места на место была потеряна.

Главы Ризоположенского
монастыря. Суздаль.
Фото В. Брунцева. 1971

АЛЮМИНИЕВАЯ ЭПОПЕЯ

*Эта почти
детективная история
началась в 1971 году.
Близилась к завершению
кладка стен главного
туристского комплекса,
пора было думать
о витражных окнах,
общая площадь которых
составляла около двух
тысяч квадратных
метров.*

В. А. Брунцев в рабочем кабинете

Пойди туда, не знаю куда...

Для обрамления фасадов ГТК в проекте предусматривалось использование сосновых окон и алюминиевых витражей. Под понятием «витраж» в гражданском строительстве подразумевается светопрозрачная конструкция фасада. «Алюминиевый» витраж – значит рамная конструкция (стойки, ограждающие стёкла) выполнена из алюминиевых сплавов с профилем специального сечения.

Алюминиевые витражи, анодированные в чёрный цвет, тогда входили в моду. Их можно было увидеть на здании московской гостиницы «Националь» – они смотрелись очень современно. В проекте указывался изготовитель наших витражей – Карачаровский механический завод в Москве. Такие же витражи в главном туристском центре должны были украсить фасад вестибюля гостиницы, две стены бассейна, треугольные торцы ресторана и внутренний дворик. Их общий вес составлял ни много ни мало – 44 тонны.

Тихон Степанович Суиков, председатель Владимирского облисполкома

Я утвердил проект, отправил чертежи в технический отдел 94-го треста и успокоился – казалось, проблем с изготовлением этих конструкций быть не должно.

Но всё оказалось не так-то просто. На одном из совещаний в облисполкоме управляющий трестом Г. П. Артюшенко сообщил, что Карачаровский завод категорически отказывается делать наши витражи, ссылаясь на слабые мощности и загруженность заказами на несколько лет вперёд. Он предложил мне съездить в подмосковный трест «Спецустановок» министерства авиационной промышленности:

– У них есть небольшой цех по изготовлению алюминиевых витражей из авиационных профилей – а вдруг подойдут для вашего комплекса?

Для надёжности я взял с собой в эту поездку двух специалистов из нашего проектного института – архитектора Л. Зелкина и конструктора Б. Волынского. Едва увидев здание администрации треста, мы поняли, что худшие наши опасения, похоже, подтверждаются: витражные окна, не говоря уж о «парадных» дверях, не выдерживали никакой критики – попросту говоря, это была топорная работа! Казалось, всё это делали не на заводе, а в какой-то сельской кустарной мастерской, «на коленке». К тому же, все их бесцветные конструкции были изъедены ржавчиной...

Скрепя сердце зашли к директору завода. Он оказался приветливым и даже весёлым человеком:

– Рад видеть дорогих гостей из Владимира, располагайтесь! Люблю ваши края и готов помочь, чем смогу. Хотя по качеству, как видите, мы не тянем, – и он показал на проржавевшие окна своего кабинета. – Цеха анодировки у нас вообще нет... Лучше бы вам обратиться на Карачаровский завод.

Так, несолоно хлебавши мы вернулись восвояси.

Вопрос с изготовлением витражей на какое-то время повис в воздухе – ну, не было в стране других предприятий, способных выполнить этот заказ! Впрочем, мы всё равно отставали от графика по кладке стен, по монтажу перекрытий, не говоря уж об устройстве кровли. И всё из-за нехватки строительных материалов – кирпича, железобетона, металла. Организация труда на стройке тоже не блистала, не хватало и квалифицированных рабочих...

Наступил июнь 1972 года. На одном из совещаний Артюшенко предложил новый выход из положения: сваривать витражи из металлических

уголков, а потом красить их в чёрный цвет. Присутствовавший при этом разговоре председатель облисполкома Т. С. Сушков ждал, что скажут проектировщики и заказчик.

Мы посоветовались с главным инженером проектного института В. И. Лепским и категорически отказались. Виталий Иосифович был твёрд:

– Для такого объекта, как ГТК, подобные решения просто недопустимы.

А на складе в УПТК 94-го треста уже год пылились 50 тонн алюминиевых профилей...

К тому времени я успел понять: спасение утопающих – дело рук самих утопающих, так что все «неразрешимые» проблемы надо брать на себя. К тому же, возможности заказчика всегда шире, чем у подрядчика. Дирекция по строительству турцентра находилась в прямом подчинении Владимирскому облисполкому, а значит, могла использовать административный ресурс.

«Да положите что-нибудь и на умение», – говаривал Суворов, когда в генштабе тыловые генералы утверждали, что ему всё время везёт.

Другое дело, если у заказчика такого желания нет – бог ему судья! В таком случае можно варить витражи хоть из металлического уголка, хоть из чугуна и красить их чёрной сажей. Что из этого получалось, можно судить, например, по торговым палаткам. Как любил повторять генеральный директор объединения «Бобруйскдрев» А. А. Санчуковский: «Кто хочет что-нибудь сделать – ищет средства, кто ничего делать не хочет – ищет причину».

Тут показателен пример строительства Дворца культуры Первого шарикоподшипникового завода в Москве. Это конец шестидесятых – начало семидесятых годов. Главным архитектором объекта – как и нашего ГТК – был Ю. В. Ранинский.

Юлий Владимирович рассказывал мне, что заказчику, начальнику управления капитального строительства завода, было совершенно наплевать на качество работ, ему нужно было одно – поскорее от этого дворца отделаться. За всё время строительства он не решил ни одного вопроса, выходящего за пределы его компетенции. На всё имел один ответ: «Это ваши проблемы!». В итоге, дворец был сдан в таком примитивном виде, что Ранинский просил меня никогда и ни при каких обстоятельствах не ходить туда...

Как вы поняли, я сам должен был искать выход из этой сложной ситуации. Расчёт был на «своих» людей в руководстве Москвы – на Промылова, Пашенко и Канахистова.

«Да положите что-нибудь и на умение», – говаривал Суворов, когда в генштабе тыловые генералы утверждали, что ему всё время везёт.

По совету Н. Е. Пащенко, я подписал у председателя Владимирского облисполкома письмо на имя председателя Моссовета В. Ф. Промыслова с просьбой об изготовлении алюминиевых витражей для нашего турцентра на Карачаровском заводе.

Владимир Фёдорович, сам в прошлом крупный строитель, бывший начальник «Главмосстроя», сразу же предупредил, что шансов практически нет. Причина была объективной: цех анодировки мог выпускать всего 92 тонны такой продукции в год, а нам надо было 44 тонны, то есть чуть ли не половину годовой мощности завода. И это – при огромной потребности московских строек в анодированных витражах.

Но как бы между делом Промыслов сообщил, что через год Моссовет планирует пустить завод алюминиевых конструкций в городе Видное.

– Если годик подождёте, – сказал он, – мы, пожалуй, вам поможем.

Увидев мой нескрываемый интерес, Владимир Фёдорович вызвал к себе Пащенко, который курировал Управление промышленных предприятий Моссовета, а значит, и строящийся завод в Видном. Мне посоветовали срочно привезти новую заявку об изготовлении витражей в следующем году, но с гарантией передачи фондов на алюминиевую чушку, необходимую для изготовления профилей. С этого момента Моссовет стал той соломинкой, за которую я ухватился мёртвой хваткой.

Спустя какое-то время на имя Т. С. Сушкова пришло письмо: «В соответствии с планом Моссовета изготовление витражей для турцентра в Суздале предусмотрено в третьем квартале 1973 года». По срокам это устраивало и наших строителей. Радости моей не было предела...

Но вот через пару месяцев получаю другое сообщение: «В связи с невыполнением плана по строительству объектов Москвы, в том числе из-за отсутствия алюминиевых витражей, Московский горком КПСС категорически запретил Моссовету принимать заявки на выполнение подобных заказов от сторонних организаций». В чёрном списке оказались и Суздаль.

Николай Евгеньевич Пащенко, чувствуя себя в какой-то степени виновным в этой ситуации, посоветовал направить письмо Владимирского обкома первому секретарю Московского горкома партии В. В. Гришину:

– Не думаю, что Гришин откажет Пономарёву, тем более что Виктор Васильевич – член Политбюро ЦК КПСС, а ваш секретарь – член ЦК.

Но мы опять получили отказ! Причина на этот раз была связана с тем, что на год задерживался пуск цеха цветной анодировки. В порядке

исключения нам предлагалось рассмотреть вопрос об изготовлении витражей с бесцветной анодировкой (этот цех должны были ввести в первую очередь). Тут уж восстал автор проекта М. А. Орлов: «Ни в коем случае! Только чёрный цвет. Это цвет русской поковки! Белый известняк и чёрный металл – исконно русские материалы».

Весной 1973 года запустили первую очередь завода с участком бесцветной анодировки. И вот я приехал туда вместе с В. И. Канахистовым, бывшим директором знаменитого Карачаровского механического завода. Очень хотелось познакомиться с технологией зарубежного производства, ну, и, конечно, завязать знакомство с руководством, в первую очередь, с производственниками.

Владимир Иванович познакомил меня со своим ставленником, замдиректора по производству – Владимиром Александровичем Кутырёвым, они раньше работали вместе на Карачаровском заводе.

– Прошу любить и жаловать, – представил он меня Кутырёву.

Владимир Александрович проникся нашей проблемой и обещал помогать всем, чем сможет.

Посмотрели цеха с новым японским оборудованием. На прощанье Канахистов посоветовал:

– Не забудь и его пригласить в Суздаль. Володя у нас любитель старины.

Забегая вперёд, скажу, что с удовольствием сделал это, и скоро Владимир Александрович стал нашим добрым помощником в довольно сложном продвижении суздальского заказа.

Канахистов рассказал мне, что Пащенко вместе со знаменитым московским строителем В. Н. Галицким был инициатором создания в Москве домостроительного комбината, который первым в стране освоил строительство под ключ: от изготовления панелей на заводе до монтажа и отделки домов. Это новшество коренным образом изменило схему сооружения крупнопанельного жилья. И Галицкий, и Пащенко были в начале шестидесятых годов легендой московского строительства.

Сам же Владимир Иванович Канахистов с 1950 года, то есть с момента основания, руководил, как я уже упоминал, Карачаровским заводом. В те годы его завод принимал активнейшее участие в создании таких крупных объектов, как высотное здание МГУ (а это – сотни тонн

Владимир Фёдорович Промыслов, председатель исполкома Моссовета

С этого момента Моссовет стал той соломинкой, за которую я ухватился мёртвой хваткой

различных металлоконструкций, оконных рам, оборудования для сантехнических кабин и художественного литья, там же были изготовлены пятиметровая люстра для актового зала университета и чугунная ограда протяжённостью тринадцать километров). В 1952 году в цехах Карачаровского завода отливали монументальные скульптуры, орнаменты и барельефы для строящегося Волго-Донского канала. И это ещё не всё – там производили утеплённые алюминиевые домики для освоения крайнего Севера. Наконец, это было крупнейшее в стране предприятие по выпуску пассажирских лифтов и башенных кранов для высотных зданий страны.

Спасительная авантюра

В мае 1973 года мы наконец-то получили официальный ответ Моссовета, в котором сообщалось о размещении нашего заказа по алюминиевым витражам на вторую половину следующего года.

Хотя и со скрипом, но это пока вписывалось в ход строительных работ, потому что к этому времени ещё не пришло ни одного дубового оконного блока из Бобруйска, а на их изготовление и установку требуется год, как-никак – 400 окон! «К тому времени как раз всё и сойдётся, – думал я. – После установки дубовых окон и алюминиевых витражей будет закрыт по периметру весь контур здания, пустим тепло в зиму и займёмся внутренней отделкой».

В это время энергично шла работа на сорока других объектах турцентра. В первую очередь – на вводных, среди которых главными были третий и четвёртый корпуса мотелей. Там, кроме контроля за строительством и приёмки работ, надо было обустраивать жилые номера – мебелью, светильниками, ковриками, занавесками, – в общем, всем, вплоть до эстонских, лучших по тем временам, розеток и выключателей.

Далеко не простым оказался вопрос с изготовлением наружных парковых светильников. Заново пришлось принимать решение по модным моющимся обоям.

Были большие сложности на очистных сооружениях по изготовлению «нестандартки». Пристального внимания требовали бурно строящиеся объекты электроснабжения – нужно было обеспечить поставку десятков километров всевозможных электрокабелей, мощных трансформаторов, не говоря уж о поставке из Москвы бетонных трансформаторных блоков КТП.

Бескрайнее море работы ждало меня и в самой дирекции. Требовала изучения, обработки и корректировки проектно-сметная документация, нужны были согласования инженерных сетей и коммуникаций с городскими службами. Инженеры по технадзору не справлялись с текучкой, им требовалась моя помощь. Наш новый начальник отдела комплектации Г. Н. Боровков, деловой, но пока ещё неопытный, тоже нуждался в поддержке. Экономист З. Н. Бушнева не вылезала из Стройбанка, она должна была почти ежедневно менять титульные списки в зависимости от меняющихся источников финансирования. О бухгалтерии и говорить не приходится, каждый день – сотни банковских документов и проводок, масса всевозможных накладных, приходных и расходных ордеров...

Но главное, в это время я уже был плотно занят вопросами поставки дубовых оконных блоков, хромированных скобяных изделий, лака, не говоря уж о согласованиях технических решений.

Добавлю к этому, что как раз уволился начальник дирекции Рыжов, оставив меня один на один со всеми проблемами. Что по пятницам мне нужно было ездить на совещания в облисполком (в адрес дирекции там записывалось не менее сотни вопросов). Что все без исключения выходные я принимал «нужных» людей из Москвы. Что мои командировки по стране никто не отменял. Можете себе представить, какое приходилось выдерживать напряжение.

Только я уверился, что вопрос с нашими витражами решён (осталось лишь сдать заводу чертежи и передать фонды на 60 тонн алюминиевой чушки), словно гром среди ясного неба прозвучали слова начальника производственного отдела видновского завода: «Ваши чертежи, разработанные на основе авиационных профилей, не годятся. Мы работаем на профилях собственного производства». Ничего себе!

Однако в запасе у меня было два-три месяца, надо действовать. Проработав со специалистами нашего института и с заводчанами возникшие вопросы, я выдал институту срочное техническое задание: разработать новые чертежи.

Без лимитов на проектные работы, без их финансирования приём институтом такого заказа был нарушением всех существующих правил. Но я как заказчик и институт, заинтересованный в изготовлении витражей не меньше, другого выхода не видели.

– Ты нас часто выручаешь, и мы тебя выручим, – ободряюще сказал главный инженер института В. И. Лепский. – Через два-три месяца чертежи будут готовы, а с лимитами и оплатой работ разберёмся потом.

Довольно прилично зная к тому времени все ходы-выходы в системе снабжения страны, я начал действовать.

Это был деловой подход. Получить лимиты проектных работ, подтверждённые финансированием, тем более в середине года, в то время было не так-то просто. Однако не зря говорят, мир не без добрых людей. В отделе культуры Госплана РСФСР, которым командовал замечательный человек Александр Васильевич Рыжов, были такие же, как и он, чуткие сотрудники – А. И. Мелех, С. Ф. Безбородкин и Л. М. Куницына. Они помогли мне за час оформить необходимые документы в финансовом отделе и отделе проектных работ Госплана. Столько же времени ушло на подготовку бумаг по фондам на алюминиевую чушку.

Через два месяца специалисты института вместе с заводскими технологами выполнили разработку новых чертежей – больше сотни рабочих листов. И всю эту документацию выдали нам без предварительной оплаты.

Но оказалось, что переработка чертежей была далеко не последней неприятностью, с которой мне пришлось столкнуться на этом заводе. Институт разработал чертежи, на которых были общие схемы витражей с указанием их размеров, а заводские специалисты из отдела подготовки производства требовали детальной разработки отдельных профилей и узлов. В Москве такую работу выполняли всего несколько специалистов в «Мосспецмонтажпроекте». Я обратился к их директору.

– Мы сможем выполнить вашу работу не раньше, чем через пять лет. Огромное количество срочных заказов...

Это пускало под откос все наши планы. Пришлось снова обращаться за помощью к председателю Моссовета В. Ф. Промыслову. Получив из моих рук очередное послание председателя нашего облисполкома Сушкова, Владимир Фёдорович, видимо, считая вопрос пустяковым, тут же позвонил директору проектного института. Но итог разговора был неутешительным:

– При всём уважении к вам, срок выполнения этой работы мы сможем сократить только на год. Задыхаемся от важных заказов, специалистов не хватает – дело-то новое!

И директор института перечислил объекты, которые курировали Косыгин, Кириленко и ещё кто-то из самого верхнего эшелона власти...

С этого момента важнейшую роль в нашем деле начал играть фактор времени – дальнейшая задержка с получением витражей могла привести к изготовлению их на стройке сварным способом.

Наступила весна 1974 года. Уже были повторно переданы нашему заводу фонды на алюминиевую чушку в объёме 60 тонн, выделенные Госпланом РСФСР. А вот вопрос с чертежами попал в заколдованный круг. Наш институт не мог их выполнить за неимением специалистов,

а специализированный институт не брался из-за огромной перегрузки ответственными московскими заказами. Что же предпринять?

На нашей стройке шло отставание. На ресторане только-только завершали последние работы по монтажу металлоконструкций и укладке теплозащитных панелей, на гостинице, бассейне и концертном зале остановилось устройство кровли – шли бесконечные проливные дожди, утеплитель (пенобетон) намок...

Вопрос с разработкой чертежей висел на моей шее тяжёлым камнем. Но я помнил: неразрешимых проблем нет. Опять нужно искать нестандартное решение.

И вот – эврика! Если на самом заводе алюминиевых конструкций есть специалисты, которые принимают выполненные «Мосспецмонтажпроектом» чертежи КМД*, значит, они в этом деле прекрасно разбираются и при необходимости сами могут их разработать! Понимаете? Исполнителей наших чертежей надо искать не в Москве, а в Видном!

На другой день я помчался на завод, где поделился своей дерзкой мыслью с замдиректора по производству Кутырёвым. Владимир Александрович был удивлён таким простым решением проблемы. Он направил меня к руководителю отдела подготовки производства Юрию Зайцеву, но при этом просил на него ни в коем случае не ссылаться.

Разговор с Зайцевым и тремя его коллегами, проходивший, конечно, за закрытыми дверями, оказался весьма плодотворным.

Бегло просмотрев исходные чертежи, заводчане сообщили мне неожиданно приятную новость: в связи с применением профилей собственного производства, объём алюминия на наш заказ против проектного (авиационные профили) уменьшается в два с половиной – три раза! А главное, они готовы взяться за выполнение чертежей КМД, причём на весьма скромных условиях. По предварительным расчётам, нужно было разработать около 200 полноформатных листов чертежей на стадии КМД вместе с заказными спецификациями. Исходя из цены 15 рублей за лист, общая оплата составила три тысячи рублей. Единственным моим условием был срок выполнения заказа – три месяца. Решили, что каждый из этих специалистов последовательно, друг за другом будет брать очередной отпуск.

Я не раздумывал ни минуты – это был наш последний шанс. Да, сделка была неофициальной, но другого выбора нет.

* КМД – конструкции металлические деталировочные. Заключительный этап детализации общего чертежа металлоконструкции.

Александр Васильевич Рыжов, начальник отдела просвещения и культуры Госплана РСФСР

Любовь Михайловна Куницына, сотрудник отдела культуры Госплана РСФСР

На ловца и зверь бежит

Во Владимире я сразу же поехал в облизполком к Зенковичу – проблема с витражами была и его головной болью. Когда рассказал ему о договоренности с заводскими инженерами, он с каким-то лукавством спросил:

– Т-а-а-к! Значит, если всё делать законно, то понадобится четыре года, а если незаконно, три месяца? Каким методом будем действовать?

Ответ был ясен. Но где взять такие деньги?

Первым делом Александр Андреевич подумал, не пройтись ли с шапкой по нашим строителям. Нужно договориться с управляющими трестами и начальниками подрядных организаций, участвующих в нашей стройке, чтобы выделили небольшие суммы – по 200–300 рублей. Получалось не меньше десяти организаций.

Но этот вариант я сразу отклонил – главные бухгалтеры ни за что не позволят. Да и как мне продолжать переговоры со специалистами в Видном, не имея гарантий оплаты? А просто так выдать деньги из кассы, тем более посторонним лицам, пусть даже под расписку, невозможно – очередная ревизия сразу это засечёт.

*Использование
витражей на объектах
ГТК – фасаде ресторана
и зимнем саде*

Словно на крыльях летел я в Суздаль. Неужели наконец-то злополучный вопрос с чертежами будет решён?

И вот удача! Во время нашего разговора в кабинет Зенковича довольно робко заглянул Новосёлов, заместитель директора полузакрытого учреждения – Центрального проектно-конструкторского технологического бюро (ЦПКТБ). Пришёл он со слёзной просьбой выделить институту одну квартиру для какого-то уж очень ценного специалиста, иначе тот уедет в другой город.

Это был тот самый случай, когда говорят: на ловца и зверь бежит. Я быстро написал и незаметно передал Зенковичу записку: «Спросите, не сможет ли институт оплатить три тысячи рублей...»

Внимательно дослушав Новосёлова, Зенкович задал ему вопрос:

– Геннадий Фёдорович, а вы смогли бы оплатить нам три тысячи рублей за разработку двухсот листов чертежей? Нужно изготовить алюминиевые витражи для Суздаля.

– Конечно, сможем, Александр Андреевич! Какой разговор! У нас сейчас выполняются художественные работы по интерьерам, и мы вполне могли бы эти деньги провести там.

– Хорошо, в таком случае мы выделим для вашей организации не одну, а две квартиры. С председателем исполкома я договорюсь.

Словно на крыльях летел я в Суздаль. Неужели наконец-то злополучный вопрос с чертежами будет решён?

*Витражный фасад ресторана ГТК.
Фото В. Радзиевского.
2017*

Хотя вариант оплаты не очень меня устраивал. Будет плановая проверка использования средств, выделенных на художественные работы, и переплата в три тысячи рублей вылезет наружу. Это сулит большие неприятности, в том числе и Зенковичу. Хорошо бы придумать более законную форму расчёта за наши работы. И тут в голову пришла простая мысль: «Ведь ЦПКТБ – это проектная организация.

А раз так, пусть они официально и разрабатывают наши чертежи по поручению облисполкома. За неимением своих специалистов, они могут нанять их со стороны. Почему бы нет?»

Ранним утром я поехал в облисполком к Зенковичу. Александр Андреевич моей идее обрадовался, по телефону узнал у Новосёлова сумму лимита проектных работ, которая покрыла бы необходимые расходы на зарплату наших разработчиков.

Оказалось, нужно всего-то девять тысяч рублей, из которых три тысячи составляла зарплата.

Через час Зенкович подписал подготовленное мной распоряжение облисполкома, которое обязывало Владимирское ЦПКТБ в течение трёх месяцев выполнить для туристского центра в Суздале разработку чертежей алюминиевых витражей на стадии КМД. Одновременно с этим облплану было предписано выделить необходимые лимиты проектных работ.

Довольно прилично зная к тому времени все ходы-выходы в системе снабжения страны, я начал действовать.

Через два дня я получил на руки заявления всех четырёх участников разработки чертежей о приёме их на временную работу в ЦПКТБ. Это были Ю. И. Зайцев, В. А. Бизин, В. А. Павленко и Л. Н. Савелов.

Теперь я был спокоен – всё законно! Ждать оставалось всего три месяца.

Магия бронзы

Как-то, в очередной раз попав на завод алюминиевых конструкций, я застал в кабинете Кутырева японских наладчиков оборудования цеха цветной анодировки. Они как раз выложили на стол два красивых, обитых кожей кофра, в которых оказались эталонные образцы – алюминиевые профили девяти цветов, от бесцветного до чёрного. По внешнему виду это были идеальные изделия. Мне особенно приглянулись профили цвета старой бронзы и золота. Таких я раньше не видел и сразу же подумал: «Эти бы нам гораздо больше подошли, чем чёрные».

Я выпросил у японцев один из чемоданчиков, пообещав вернуть на следующий день, и отправился в наш институт. Мне хотелось поскорей показать эти образцы Марку Артуровичу Орлову, автору нашего проекта.

Когда я положил перед ним два понравившихся мне образца, он бережно взял в руки бронзовый и с восторгом воскликнул:

– Старик, где ты это взял? Это же то, что нам нужно!

И тут же дал команду секретарше:

– Всех архитекторов срочно ко мне!

Так мы заработали ещё одну, как оказалось, труднопреодолимую проблему – изготовление витражей под цвет старой бронзы. Про чёрный цвет решили забыть вовсе.

Через несколько дней я положил перед зампредом Моссовета Пашенко новое письмо из Владимирского облисполкома с убедительной просьбой об изготовлении наших витражей, но на этот раз уже под бронзу.

Вот так – когда появились все шансы на изготовление витражей с чёрной анодировкой, нам они уже были не нужны!

Во втором полугодии 1974 года, после пуска на видновском заводе цеха цветной анодировки, в Москве развернулась настоящая битва за бронзовые алюминиевые витражи.

Первоочередными заказчиками были два всесоюзных центра: кардиологический и онкологический, которые курировали члены правитель-

ства. Следующими по дефициту были золотистые витражи. Большинство московских архитекторов мечтали теперь видеть именно эти два цвета на своих объектах.

Затруднение было и в технологии анодировки под бронзу: она позволяла выпускать такой продукции не более 100 тонн в год, а наш заказ тянул почти на 15–20 процентов мощности завода. Казалось, вопрос с бронзой неразрешим. Но Орлов не тот человек, чтобы сдаваться без боя. Дело дошло до руководства республики, и по распоряжению зампреда Совета Министров РСФСР А. М. Калашникова была создана авторитетная комиссия «с целью определения целесообразности применения в Суздале бронзы». Нашу позицию поддерживали куратор турцентра, зампред Совмина РСФСР В. И. Кочемасов и его референт Анна Петровна Гарашенко, большая поклонница нашего города.

По итогам работы комиссии должно было состояться совещание в Совмине РСФСР с приглашением представителей московского горкома и Моссовета.

В состав выездной комиссии включили светил советской архитектуры: народного архитектора СССР, секретаря Союза архитекторов СССР Г. М. Орлова, главного архитектора Москвы, народного архитектора СССР М. В. Посохина и лауреата Ленинской и Государственной премий в области архитектуры Д. И. Бурдина.

Среди членов комиссии были представители Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, Владимирского облисполкома и автор проекта М. А. Орлов.

Побывав на объекте и посоветовавшись, члены этой авторитетной комиссии подписали такое заключение:

«... Решение по применению алюминиевых витражей „под старую бронзу“ с архитектурной точки зрения принято грамотно и полностью соответствуют замыслу авторов проекта.

В целях сокращения объёма алюминия цвета бронзы, комиссия рекомендует заменить витражи внутреннего дворика, а также все штапики для крепления стёкол, на „золотые“».

Это предложение, безоговорочно принятое автором проекта, было не только интересным с точки зрения архитектуры, но и сократило объём «бронзы» на три с лишним тонны (что оказалось весьма важно для дальнейшего продвижения вопроса).

На совещании в Совете Министров РСФСР этот документ оказал решающее воздействие – московский горком и Моссовет дали своё согласие на вариант «бронзы».

Геннадий Фёдорович Новосёлов, зам. директора ЦПКТБ

*Зимний сад. Фото
В. Радзиевского.
2017*

К концу лета 1974 года пришло сообщение из Москвы о том, что через несколько дней Совет Министров РСФСР проводит совещание о строительстве нашего турцентра. Анна Петровна Гаращенко, референт Кочемасова, предупредила меня, что одной из главных тем будут алюминиевые витражи. В Совмине знали, что видновский завод не справляется со сроками изготовления витражей «под бронзу» для строек столицы, и суздальский заказ был у всех словно кость в горле. А то, что на заводе не было чертежей КМД, давало московскому горкому партии полное право исключить нас из плана этого года.

Я тут же позвонил начальнику отдела подготовки производства Ю. И. Зайцеву со слёзной просьбой – в самые сжатые сроки закончить

работу и доставить чертежи во Владимир. При этом я обещал полностью рассчитаться.

Накануне совещания, несмотря на воскресный день, в проектно бюро нас ждали замдиректора Г. Ф. Новосёлов и кассир с актами выполненных работ и деньгами. Как и ожидалось, заказные спецификации выявили уменьшение объёма алюминия с 44 до 15,5 тонн! Такому резкому снижению веса способствовала замена «авиационных» профилей на облегчённые заводские. Это раз.

Ещё раньше проектный институт принял моё предложение о замене массивного алюминиевого поручня, который должен идти вдоль остеклённых стен ресторана и вестибюля, на швеллер из чёрного металла и окаймляющий его тонкий алюминиевый лист. Это сокращало общий вес алюминия на 7 тонн!

На радостях я устроил нашим москвичам коллективную экскурсию в Суздаль с посещением ресторана «Погребок». Домой гости уехали только вечером.

До совещания в Москве оставалось меньше суток. За это время нужно было подготовить всю документацию для завода, доставить её в Видное, сдать в отдел подготовки производства, получить соответствующий документ и успеть в Совмин РСФСР к 15 часам.

При всех достоинствах профессионально разработанных чертежей КМД там был существенный недостаток: в штампах «разработчика», ЦПКТБ, не было ни одной подписи исполнителей. Оно и понятно – наши заводчане не могли раскрывать карты. Но без подписей эти чертежи завод не примет.

Не оставалось ничего другого, как на каждом листе ставить липовые подписи. Всего 3200 подписей!

Пришлось мне в ночь вызывать на помощь своих сотрудников. Лично я расписывался за главного инженера ЦПКТБ, инженер по технадзору А. Н. Зиняков – за начальника отдела, инженер Л. Г. Коровина – за технолога, Е. И. Жильцов – за разработчика чертежей. На это ушла вся ночь и раннее утро. Я заскочил на минутку домой, переоделся и в 8 утра выехал в Москву.

По дороге не сомкнул глаз. В голове роились вопросы: всё ли правильно оформлено, не попадём ли мы в пробку на московской кольцевой, успею ли я со своим важным документом в Совмин, не сорвётся ли вообще наш заказ...

Что тогда нам делать? Варить витражи из уголка, как предлагал управляющий 94 -м трестом Артюшенко?!

*Анна Петровна
Гаращенко, референт
зампреда Совмина
РСФСР В. И. Кочемасова*

В подобных случаях мне всегда вспоминались эпизоды из фронтовой жизни моего отца, гвардии майора А. И. Брунцева. Они известны мне по скупым строчкам его редких писем. В октябре 1943 года, когда Красная армия уже всю гнала немцев за Днепр, он писал:

«... Сентябрь был у нас месяцем большого наступления. С боями прошли почти 400 км. Было не до писем. Сутками шли мы не спавши и даже забывая, какое сегодня число. В данное время пошли дожди, а война есть война, бой есть бой! И надо выполнять все приказы и поставленные задачи, не считаясь ни с холодом, ни с дождём и даже с опасностью для самой жизни...»

В апреле 1944 года:

«... Погода, начиная с 8 февраля и до настоящего времени паршивая – то снег, то дождь, непролазная грязь. Обозы с вещами отстали от нас на 100–200 км. И вот месяц с лишним, кроме полевой сумки и носового платка, больше ничего не имею...»

В конце мая 1944 года, будучи помощником начальника Управления по разведке штаба бронетанковых войск армии:

«... Все последние дни находился в разъездах, зачастую в 600–800 метрах от вражеских окопов. Очень интересно и опасно, ибо немецкие снайперы на километр бьют без промаха. Но меня и чёрт не берёт! Вот уже два года без перерыва нахожусь под воздействием опасности...»

30 августа 1944 года из Молдавии:

«... Вот настал желанный час, и мы снова вступили в бой. С 20.08 идут ожесточённые бои с немцами и румынами. 8 дней, не раздеваясь, не умываясь, хронически недосытая и недоедая, громим врага...»

И это писал офицер штаба армии, а что же было с нашими солдатами!

Вспоминая отцовские слова, написанные в минуты жизненной опасности, я понимал, что наши проблемы и заботы, включая бессонные ночи, просто ничтожны.

Двухсоткилометровый путь от Суздаля до Москвы мы проскочили довольно быстро. Но сюрприз нас ожидал сразу же после поворота на кольцевую дорогу, в строительстве которой, кстати, я принимал участие.

Раз уж зашла об этом речь, расскажу немножко. В 1962 году я был в академическом отпуске и по направлению института работал на строительстве первого в стране арочного железобетонного предварительно напряжённого моста системы инженера Б. Д. Васильева. Сооружался

он на Москве-реке, у деревни Спас. Это в северной части города, в районе Тушино – интереснейшая стройка, где мне довелось поработать рядовым монтажником.

В будущем этот опыт поможет мне решать многие производственные задачи, связанные с высотными работами. Трудились мы попеременно в три смены, в том числе и в ночную. Жили в вагончиках.

Напряжение на строительстве этой дороги подогревалось тем, что её стремились сдать к определённой дате – к 7 ноября или к какому-то партийному мероприятию. Курировал стройку лично первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв. Он еженедельно объезжал всю трассу и кому положено давал разгон. Не раз со своей многочисленной свитой останавливался и на нашем мосту, где работы уже заканчивались. Я видел его на расстоянии не больше десяти метров...

Ну, вот! Случилось то, чего я больше всего боялся – кольцевая дорога, по которой нам нужно проехать километров тридцать до поворота на Видное, была вся забита транспортом. А опаздывать на совещание в Совмин я не имел права. Выручил водитель Валентин Белин, рискнувший пристроиться за большой кавалькадой чёрных автомобилей, которую сопровождали две машины гаишников с мигалками, одна – впереди, другая – сзади. Таким образом мы проскочили следом за ними по встречной полосе половину пути, сэкономив при этом не меньше трёх часов. Как вы узнаете чуть позже, это, возможно, и спасло нас от полного краха с витражами.

На завод мы приехали точно в обеденный перерыв. Разыскивать начальника отдела подготовки производства Юрия Зайцева пришлось в столовой. В моём распоряжении оставалось меньше двух часов.

С долгожданной накладной, подтверждающей приёмку заводом наших чертежей на стадии КМД, я помчался в Совмин. В голове крутилась навязчивая фраза: «Без бумажки ты букашка...»

«... а с бумажкой – человек!»

Совещание по Суздалью началось ровно в 15 часов в старом здании Совмина РСФСР на Божедомском переулке, дом 1. Кроме нескольких замов, в нём участвовали все заинтересованные стороны, включая представителей партийной и советской элиты Москвы. В числе прочих вопросов был в повестке и наш: об изготовлении алюминиевых витражей для туристского центра в Суздале.

Алевтина Ивановна Антонова, главный бухгалтер дирекции

Валентина Васильевна Кривенко, начальник планово-финансового отдела дирекции

Вид на старый Суздаль через стеклянный фасад современного бассейна. 2017

Я радовался, что наш заказ значительно уменьшился, составляя теперь всего 15,5 тонн (из них 3 тонны приходилось на алюминий «под золото»). Другой моей козырной картой было то, что в этом году заводу вторично передали 60 тонн сырья – алюминиевой «чушки», итого – 120 тонн.

Первым бросил камень в наш огород секретарь Московского горкома партии (по-видимому, по строительству). Он безапелляционно заявил:

– Поскольку изготовление суздальских витражей составляет почти половину годовой мощности завода по анодировке под «бронзу», а у заказчика нет даже чертежей КМД, заказ по турцентру будет исключён из плана 1974 года! Это распоряжение горкома находится на подписи у Гришина.

Наступила пауза, которой я ждал. Передав в президиум собрания накладную, подписанную начальником отдела подготовки производства Зайцевым, я до неприличия счастливым голосом протараторил, что все

чертежи КМД в полном комплекте находятся на заводе, а бронзового цвета алюминиевых витражей нам нужно не 44, а всего 12,5 тонн. Мне казалось, я сразил нашего оппонента наповал.

Затем зачитали положительное заключение выездной комиссии о необходимости использовать в Суздале витражи «под бронзу».

И тут все выступавшие, в числе которых были знаменитые архитекторы М. В. Посохин и Д. И. Бурдин, твёрдо высказались за проектное решение.

На нашей стороне были представители Моссовета Н. Е. Пашенко и В. И. Канахистов, заявившие, что план года, включая заказ Суздаля, в текущем году будет выполнен. Поддержали нас и руководители Совмина РСФСР А. М. Калашников и В. И. Кочемасов. Решение было однозначным – витражам «под бронзу» и «под золото» быть!

Но секретарь горкома всё не успокаивался, он поставил вопрос о переносе срока изготовления наших витражей на конец текущего года,

пропустив вперёд московские заказы. К сожалению, с этим все согласились. Это была та «кость», которую надо было бросить – все понимали: против партии не пойдёшь.

Забавно, не правда ли: передача чертежей КМД заводу произошла за два часа до этого заседания, её разработчики приняли документацию в обеденный перерыв не глядя и принимали они эти чертежи сами у себя?!

Тайная операция

В полном разгаре была осень 1974 года. Завод в Видном буквально задыхался от крупных заказов, среди которых был и наш, суздальский, волей партии передвинутый на конец четвёртого квартала. Мы, можно сказать, висели на волоске, ведь в январе вступит в действие план следующего года, свёрстаный и утверждённый всеми инстанциями, в котором нас нет.

Чтобы не оказаться в положении изгоев, я каждую неделю появлялся на заводе, напоминая о себе и своём комплексе.

И вот, в первых числах сентября, когда подошла пора производственникам снимать с полки наши чертежи КМД и выдавать их в литейный и сборочный цеха, произошло непредвиденное. В Подмоскovie загорелись леса и торфяники.

Но это ещё не всё: колхозники катастрофически не справлялись с уборкой урожая. Какое отношение это имеет к нам? Самое прямое. Московский горком партии и Моссовет приняли решение о полном закрытии большинства промышленных предприятий. Все – на уборку урожая и на борьбу с пожарами! В этот список попал и завод в Видном.

На третий день после этого распоряжения я оказался на заводе. Картина, которую я там застал, потрясала – гулкие коридоры заводоуправления и пустые цеха. Казалось, не хватает только объявления: «Все ушли на фронт!»

На заводе осталось всего несколько человек, среди них был и мой приятель – замдиректора по производству В. А. Кутырёв.

Я понимал: если завод простоит месяц, нам в этом году витражей не видать. Московский горком партии добьётся выполнения московских заказов, а мы останемся за бортом. И всё – finita la comedia.

В который уж раз вопрос с витражами висел на волоске.

– Владимир Александрович! – обратился я к Кутырёву. – А сколько нужно иметь на производстве людей, включая ИТР, чтобы выполнить, к примеру, наш заказ? И какой для этого нужен срок?

Подумав, Кутырёв ответил:

– Человек 25–30 за месяц-полтора, пожалуй, могли бы справиться. А что?

– Да нет, я просто так спросил.

А сам внезапно понял: вот оно, спасительное решение! Меня словно током прошибло:

– Владимир Александрович, а что если я привезу из Владимира в два-три раза больше своих людей для работы в колхозе, а ваших специалистов вернём на завод делать наши витражи? И нам хорошо, и заводу неплохо – план по витражам полностью закроете, да ещё колхозу будет помощь побольше.

Я разошёлся:

– Пусть рабочие спокойно делают наши витражи, а потом, когда все вернутся из колхоза, вы переключите их на плановые заказы, какая разница? Мы же у вас в плане года! Зато вы успеете для нас хоть что-то сделать. Ведь нам в зиму закрываться надо, в следующем году у нас ввод! Давайте запустим для начала массовые заказы, где двести или больше одинаковых конструкций...

«Этот шанс для нас может оказаться единственным, и упускать его нельзя», – вот что я думал тогда.

Немного поразмыслив, Кутырёв сказал:

– А что, давай попробуем! Вези своих орлов! А я пока подумаю, кого отозвать из колхоза. Надеюсь, в случае чего, Пашенко и Канахистов меня прикроют?

Я знал, что Владимир Иванович Канахистов человек деловой, решительный и весьма авторитетный. К тому же, личный друг самого Пашенко. Поэтому я втайне надеялся, что их недавняя совместная поездка к нам в Суздаль, а также участие Канахистова в работе комиссии Совмина России – достаточно веские аргументы, чтобы выступить на нашей стороне.

Так что я был уверен, что они в случае чего действительно прикроют Кутырёва...

Рано утром я был уже во владимирском облисполкоме. Первым делом, конечно, пошёл к шефу – Зенковичу.

Слегка поразмыслив, он сказал:

Я понимал: если завод простоит месяц, нам в этом году витражей не видать

– Мы с Сушковым одни с этим делом не справимся, нужно обращаться в обком.

И тут же позвонил секретарю обкома В. И. Лапшину, который в трудных делах всегда шёл нам навстречу.

– Езжайте к Виктору Ивановичу, он вас ждёт, а я доложу об этой ситуации Сушкову, он член обкома.

Выслушав меня внимательно, Лапшин вызвал начальника отдела промышленности и строительства Фомина и дал ему срочное задание:

– Подготовьте распоряжение обкома о направлении рабочих в количестве восемьдесят человек на завод алюминиевых конструкций в город Видное. Укажите: «с целью изготовления алюминиевых витражей для туристского центра в Суздале сроком на один месяц». Дальше должна быть расшифровка: столько-то человек – с таких-то строительных организаций, столько-то – с заводов.

Он подумал немножко и добавил:

– Назначьте надёжного человека старшим группы и дайте ему указание, чтобы вплоть до приезда на завод выполнял все распоряжения Брунцева. Он поедет на своей машине впереди колонны. Обязательно предупредите всех командированных, что на самом деле они едут убирать урожай. Пусть возьмут с собой соответствующую одежду.

Через два дня к заводууправлению Видновского алюминиевого завода подкатили три автобуса с владимирскими рабочими. И уже на следующий день на заводе появились нужные нам работники. В заводских цехах началась отливка и раскрой профилей, сборка витражей и анодировка под «бронзу».

Как же мне было радостно наблюдать весь этот «тайный» производственный процесс! На заводской проходной в это время висел огромный навесной замок, а «наши» рабочие входили в цеха через заводууправление...

Как я и предлагал, в первую очередь запустили в работу серийные витражные блоки, количество которых было – 80 и 60 штук, это давало максимальный выход продукции. Более мелкие партии – по 15–20 штук и меньше – я решил оставить на потом.

Через двадцать дней, когда было изготовлено процентов восемьдесят всего объёма наших витражей, информация об этом просочилась в Московский горком партии и Моссовет. Пошли разборки, которые предвидел Кутырёв. Партийные чиновники были в недоумении:

– Как могло случиться, что видновский завод работал, пока другие московские предприятия убирали урожай?

На выручку пришлось подключить первого секретаря Владимирского обкома М. А. Пономарёва – он позвонил руководству московского горкома партии. Не остался в стороне и Н. Е. Пащенко, который знал о нашей операции и сознательно пошёл на защиту руководства завода, объяснив горкому, как всё обстояло на самом деле. В общем, дело было спущено на тормозах.

В любом случае, разбираться поздно – дело было сделано! За двадцать дней изготовлено около полутора тысяч квадратных метров витражных блоков! Это позволило нам в зиму закрыть почти полностью вестибюль с его дворовой частью, бассейн и основную часть ресторана. Для нас это было очень радостное событие.

Остальные витражи мелкими партиями, буквально со скрипом, мы получали в течение всего следующего года, а некоторые, единичные, например, люкарны (слуховые окна) для ресторана, – вплоть до осени семьдесят шестого. Крепко выручило нас то, что при затратах сырья на изготовление витражей в объёме около 15,5 тонн, заводу были дважды переданы фонды на алюминиевую чушку общим объёмом в 120 тонн.

Так закончилась эпопея с алюминиевыми витражами.

Как же мне было радостно наблюдать весь этот «тайный» производственный процесс!

Раннее утро. Суздаль. Фото В. Брунцева. 1976

TERRA INCOGNITA

Слово «мотели» впервые в жизни я услышал, когда в конце семидесятого года приезжал в Суздаль, чтобы познакомиться со строящимися объектами турцентра. В то время строительство мотелей только начиналось – где-то заливали фундаменты, где-то вели кирпичную кладку...

С директором московской базы «Союзторгоборудование» Минторга СССР И. П. Шуваловым и его женой

Суздальские мотели

«Motel» – это гостиница для автотуристов со стоянкой для машины, и родилась она в начале двадцатых годов в Америке.

Наши, суздальские, мотели были совсем другими. Создавались они по замыслу М. А. Орлова, который был автомобилистом и хорошо знал, что владелец машины мечтает всегда иметь своего железного коня под рукой. Отличительной особенностью нашего проекта было то, что в двухэтажном блоке жилого номера автомобиль стоял в закрытом боксе на первом этаже, а гости жили в одноместной и двухместной комнатах на втором. Это делало хозяина машины счастливым – не надо волноваться за свою драгоценность, а в гараж можно было попасть прямо из спальни, всего лишь спустившись по лестнице.

Была у наших мотелей и ещё одна привлекательная особенность – на расстоянии 200 метров находилась станция техобслуживания автомобилей, что и для Москвы-то в то время было большой редкостью. Короче говоря, все тридцать три удовольствия...

*Мотели.
Фото В. Радзиевского.
2017*

Однако строительство этих, казалось бы, довольно незатейливых сооружений, на деле было не таким простым. Проблемы появились во время кирпичной кладки, а потом нарастали, как снежный ком.

Проект мотелей был индивидуальным, поэтому учесть в нём сразу все детали, особенно касающиеся смежников – сантехников, электриков и слоботочников – не получалось, притом что и руководитель мастерской Эдуард Яковлевич Биксон, и его коллеги-разработчики были отличными специалистами и не оставляли объект без внимания.

Какие-то промахи допускали и наши строители – молодой коллектив СМУ «Суздальстрой» не имел опыта работы на сложных высококлассных объектах. Конечно, авторский коллектив и заказчик в лице руководства Владимирского облисполкома и дирекции предъявляли жёсткие требования к строителям, вот почему для создания и представления авторитетной комиссии эталонного номера мотеля, полностью оснащённого мебелью, инвентарём и всеми положенными аксессуара-

ми, понадобилось целых девять месяцев. Высокий уровень качества требовал решения множества проблем. Где было взять первосортную облицовочную плитку, дубовый паркет, хорошую сантехнику, красивые дверные и оконные ручки, и уж тем более – фанерованные дубом двери и модные моющиеся обои? А комфортную мебель, современные светильники, красивые шторы, покрывала и аксессуары в ванную комнату? Это была для создателей мотелей «terra incognita» – неизвестная земля.

На счастье, в то время я как раз познакомился, а потом и крепко подружился с Владимиром Георгиевичем Козельковым – начальником «Росхозторга» Министерства торговли РСФСР. Его покорила красота древнего Суздаля, увлёк замысел строительства турцентра, и он стал для нас главной палочкой-выручалочкой. А возможности Владимира Георгиевича были почти безграничны. Мебель, ковры и ковровые дорожки, электроприборы и светильники, розетки и выключатели, облицовочная плитка и скобяные изделия, обои и занавески для ванн, фарфоровая и хрустальная посуда, хозяйственный инвентарь вплоть до пепельниц и бумажных салфеток – всё было в его ведении, причём в масштабах огромного Союза.

Исходя из этих неожиданно появившихся возможностей, я решил взять на себя поставку качественных материалов, которые нашим строителям были просто не по зубам – в «Росхозторг» подрядчика на порог не пустили бы. Все товары, как правило, шли в торговую сеть.

В итоге, исключительно благодаря Козелькову, нам было выделено всё самое лучшее, что производилось в стране. Модные светильники, современные розетки и выключатели мы получили по фондам «Росхозторга» из Эстонии, дверные и оконные скобяные изделия – из Латвии, ковровые дорожки – из подмосковной Коломны, занавески для ванн – с Мытищинского комбината «Стройпластмас», посуду – с фарфоровых фабрик Ленинграда и Вышнего Волочка, хрусталь – из Гусь-Хрустального, а столовые приборы для кафе – из города Кольчугино Владимирской области.

Не обошлось и без приятных открытий. В латвийском городе Айзпуте, где выпускались обычные подвижные дверные и оконные ручки,

*Владимир Георгиевич
Козельков, начальник
«Росхозторга»
Министерства
торговли РСФСР*

мне удалось договориться с руководством фабрики о ручной полировке этих изделий (конечно, за дополнительную плату), зато получился совершенно неожиданный эффект. На эти приборы любовались не только наши туристы, но и строители, и даже архитекторы. С тех пор латвийский завод начал производить эту продукцию на экспорт.

Большим успехом стала наша договорённость с директором Калининского комбината «Искож» об изготовлении снятых с производства обоев, которые в своё время шли на оклейку стен в знаменитой гостинице «Россия». Многие наши гости с придыханием спрашивали: «Неужели моющиеся?» Эти обои были сделаны из тонкой искусственной кожи, предназначенной для изготовления тентов, детских колясок и дамских сумок, но в отличие от бумажных, они «не дышали». С модными тканями для штор и покрывал опять-таки помог Козельков. Он свёл меня со своим коллегой, начальником «Ростекстильторга» Г. П. Диденко, и тот выделил нам фонды на искусственную кожу и лучший в стране портбёрный шёлк Краснодарского шёлкового комбината. По его же протекции в «Роскультторге» удалось достать цветные телевизоры «Рубин» и настенные телефонные аппараты. Роскошные по тем временам спальные гарнитуры «Рига» нам посчастливилось получить из Латвии, стулья – с Егорьевской мебельной фабрики, а мягкую мебель – из подмосковной Шатуры. Таким образом, всё, кроме дубового паркета, лака, красок и фанерованных дверей, было поставлено нашей дирекцией.

С дверьми для мотелей вышло большое осложнение. По распоряжению обкома партии изготовить их поручили Владимирской мебельной фабрике, для которой заказ на 480 изделий

*...И вдруг подумал:
«А чем мы хуже
финнов? Почему
бы не попробовать
сделать самим?»*

*Декоративный
фонарь на торцовой
стене мотеля.
Фото В. Брунцева*

оказался чуть ли не роковым. И хотя дубовым шпоном фанеровались только лицевые части («пласти», как говорят мебельщики), на производство дверей ушло около двух лет!

Как ни странно, строители долго мучились с изготовлением дубовых ступеней для внутренних лестниц – делали и переделывали их много раз. Основная загвоздка была в сушке и обработке дуба, опыта работы с этим материалом ни у кого не было.

Или вот ещё – парковые светильники на низких опорах. Их образцы наши архитекторы-благоустроители нашли в финском каталоге, но валюты на покупку даже пятидесяти штук не было. Что делать? Помог случай. На международной выставке в Сокольниках я увидел похожие светильники и вдруг подумал: «А чем мы хуже финнов? Почему бы не попробовать сделать самим?»

Я внимательно изучил конструкцию, всё измерил и сделал эскизы (для инженера с десятилетним стажем – дело плёвое). Легко разобравшись с металлическими конструкциями и электрической частью, я понял, что сложность будет с 5-миллиметровым оргстеклом молочного цвета, которое надо гнуть и сваривать. Однако через несколько дней, оказавшись по делам в Иваново, я случайно наткнулся на рекламно-производственную мастерскую, и оказалось, что рекламщики умеют работать с этим материалом. От них узнал, что изготавливает оргстекло (или плексиглас) стекольный завод в городе Бор Горьковской области. Через неделю сто квадратных метров оргстекла были уже в Иваново, а ещё через десять дней заказ был готов – по качеству наши стёкла ничем не уступали финским! Остальное было делом техники: наш субподрядчик, управление «Центроэлектромонтаж», в лучшем виде выполнил все работы по металлу,

*Через десять
дней заказ был
готов – по
качеству наши
стёкла ничем
не уступали
финским!*

Мотели.
Фото В. Радзиевского.
2017

сборке и установке светильников. Проблему с арматурой и лампами накаливания ДРЛ-20 решили в Москве. Получилось и дёшево, и сердито. Не зря в народе говорят: голь на выдумки хитра!

Одновременно пришлось решать проблему с изготовлением подвесных декоративных фонарей «под старину», разработанных нашими московскими архитекторами. Их любезно согласился изготовить для нас начальник Владимирских научно-производственных реставрационных мастерских Анатолий Макарович Рошин. От нас нужен был только металл и электроарматура. Подвешенные на тросах кафе и мотелей фонари вызвали неподдельный восторг у туристов, особенно иностранных.

А с каким трудом мы оснащали летнее кафе «Встреча»! Дирекция по строительству турцентра должна была обеспечить поставку 70 единиц оборудова-

ния и производственного инвентаря, а ещё – всю мебель, посуду и хозяйственный инвентарь. Тут тоже не обошлось без везения: очень помогло моё знакомство с директором московской базы «Союзторгоборудование» Минторга СССР Игорем Павловичем Шуваловым.

После первого же приезда в Суздаль он и его семья буквально влюбились в наш город. Знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Игорь Павлович был из тех людей, которые делают добрые дела, даже рискуя своей карьерой. Судите сами: всё импортное технологическое оборудование, которое закупалось за валюту в капиталистических странах и проходило через его базу, предназначалось для столовых ЦК, Совмина, СЭВ, Внешторга и других союзных министерств и ведомств нашей страны. И всё это мы получили с его базы для кухни и бара нашего кафе! Такое оснащение не снилось даже столовым обкома и облисполкома. В будущем Игорь Павлович окажет нам огромную помощь в комплектации ресторана ГТК и трапезной Покровского монастыря. Через много лет после смерти Шувалова я узнаю от его дочери

Татьяны, что отец почти всю войну прошёл в составе 4-й гвардейской армии, в штабе которой служил и мой отец. Как жаль, что нам не удалось поговорить об этом!

Бесценной была помощь Исаака Семёновича Фельдмана – директора Владимирского комбината «Росторгмонтаж». Помимо монтажа и наладки импортного оборудования, он изготовил нам производственные столы и ванны для мытья посуды из нержавеющей стали – взамен фондовых, из пищевого алюминия, некачественных и недолговечных. Наши повара утверждали, что такого оснащения кухни никогда не видели.

Современную мебель для кафе (столы, стулья, оборудование для бара) нам изготовили в эстонском городе Пярну по фондам «Росхозторга». Два больших двадцатилитровых самовара, только что освоенных нашей промышленностью и вызывающих искренний интерес всех туристов, мы получили из самоварной столицы – Тулы.

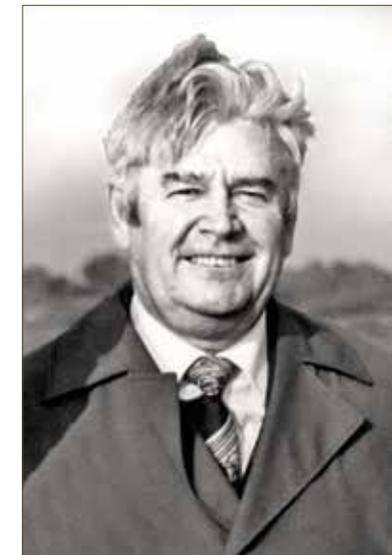
23 февраля 1973 года вступила в действие наша центральная котельная. На следующий день мотели, кафе и станция техобслуживания получили тепло и горячую воду. Теперь можно было обустроить номера, налаживать кухонное оборудование кафе и готовиться к приёму объектов.

Дело к пуску

Четырьмя месяцами ранее, в октябре семьдесят второго, в связи с предстоящим вводом в эксплуатацию первой очереди туристского центра, наша дирекция по строительству была преобразована в генеральную дирекцию туристского центра в Суздале.

Нам надо было срочно подобрать сотрудников турцентра и подготовить их к приёму туристов. Кроме того, руководству необходимо было заранее заключить договоры с «Интуристом», ВЦСПС и другими туристическими организациями на проживание, питание, культурное и экскурсионное обслуживание будущих клиентов.

Тем же приказом на должность начальника дирекции был назначен 34-летний экономист Евгений Сергеевич Бирюков, работавший до этого председателем профкома Владимирского завода «Электроприбор». Деловой человек, большой оптимист и весельчак. В первый же день работы он объявил, что в мои дела лезть не будет. Это меня вполне устраивало.

Александр Григорьевич
Аникин, первый
заместитель
председателя
облисполкома

Евгений Сергеевич Бирюков, начальник генеральной дирекции (с октября 1972 г. по конец 1973 г.)

Назначили нам и кураторов по вопросам туризма: первого зампреда облисполкома Александра Григорьевича Аникина, отвечающего во Владимирской области за культуру, образование и просвещение, а также хорошо мне знакомого Александра Ивановича Решетова – начальника отдела по организации туризма.

Суздальский горисполком распорядился выделить помещение в одном из зданий Ризоположенского монастыря для размещения нового персонала генеральной дирекции. Бирюков вместе с экономистом Бушневой взялись срочно разрабатывать штатное расписание, которое требовало согласования с облпланом, облфинотделом и областным отделом по труду, что оказалось делом непростым. Кроме конторских работников, в штат дирекции входили: директор мотелей, заведующий кафе, дежурные администраторы (владеющие иностранными языками), горничные, официанты, повара, кладовщики, дворники и грузчики. Эксплуатационный отдел состоял из дежурных электриков, сантехников, связистов, столяров, плотников, сварщиков, механиков и слесарей по ремонту и обслуживанию автомобилей. Предполагалось

набрать дополнительно больше ста человек.

Все сотрудники бывшей дирекции по строительству переходили во вновь образованный отдел капитального строительства (ОКС), а моя должность теперь называлась так: главный инженер генеральной дирекции турцентра. Кроме сотрудников ОКСа, в моём подчинении оказались все специалисты, причастные к технической эксплуатации, снабжению и транспорту.

Что касается обслуживающего персонала – администраторов, дежурных и горничных – их нужно было обучать гостиничному сервису в солидных московских и владимирских гостиницах. С этим нам помогла Лариса Михайловна Короткова, представитель Владимирского отделения «Интуриста».

Первая очередь, первые туристы

И вот наконец наступил торжественный момент – Государственная комиссия приняла в эксплуатацию первую очередь туристского центра! Все члены комиссии единодушно поставили оценку «отлично». Особенно большой радостью это было для нас, участников строительства.

После торжественного открытия первых двух корпусов мотелей, самыми почётными гостями турцентра стали наши московские проектировщики и, конечно же, Владимир Георгиевич Козельков и Игорь Павлович Шувалов.

С пуском первой очереди у Бирюкова дел заметно прибавилось. Теперь ему нужно было решать вопросы с закупками продуктов, стиркой белья, уборкой помещений. Евгений Сергеевич со всеми делами справлялся легко, работал с каким-то юношеским задором. Особой его заботой был приём интуристов, которые прибывали к нам из Германии, Англии, Франции, Японии и даже США. Приезжали, конечно, и гости из социалистических стран, в основном, из ГДР и Чехословакии.

К нашему удивлению, среди интуристов было немало пожилых – семидесяти-восемидесяти лет. Эти пенсионеры были стройны, подтянуты и ухожены, особенно немцы и англичане.

Приезжало довольно много инвалидов, которых соотечественники окружали повышенным вниманием и заботой.

Любопытно, что при всём нашем «ненавязчивом» сервисе, мелких недостатках и неурядицах, недовольных среди гостей не было. Особенно лояльны к нам были немцы и японцы. Японцы всё время улыбались и говорили на ломаном русском: «Всё холосо, всё холосо!»

Руководители турцентра – Е. С. Бирюков, его заместитель В. В. Зуев и я – часто обходили номера и расспрашивали туристов, всё ли им нравится.

Особенно много тревог было связано с работой кафе, где гости питались по сменам. Даже в выходные на мотелях дежурил кто-то из руководителей турцентра, чтобы сразу решать все возникающие проблемы. По первой просьбе любой турист мог получить книгу жалоб

Мотели принимают первых туристов

Нижнее фото: иностранные гости

и предложений – нам хотелось выглядеть как можно солиднее. Однако записи были только восторженные.

Иностранцы проявляли большой интерес к истории Суздаля и его архитектурным памятникам. Всё увиденное они без устали фиксировали на плёнку...

Вот теперь-то, радовались мы, валюта уж точно поплывёт рекой. На самом деле это были копейки – сам по себе гостиничный бизнес особой прибылью не давал, нужны были «дополнительные сервисные услуги». Места для иностранцев у нас заранее бронировал «Интурист», вкладывающий деньги в финансирование наших объектов, главным из которых был строящийся гостинично-музейный комплекс в Покровском монастыре.

Любопытно, что при цене проживания в мотеле отечественного туриста в три рубля, «Интурист» платил турцентру шесть рублей за место, получая при этом не меньше пятидесяти долларов в сутки за каждого иностранца. Но даже при таком раскладе в турцентр не поступило ни одного цента, что стало предметом специального разбирательства между облисполкомом и «Интуристом», которое, впрочем, ничем не закончилось.

Работа на первых двух корпусах мотелей показала, как много ещё предстоит сделать. Например, после ужина гости откровенно скучали. Их питание и экскурсионное обслуживание было организовано очень чётко, а вот вечерних мероприятий и развлечений, к которым они привыкли в других странах, не было совсем. На Западе, где ночная жизнь туристов буквально бурлила и кипела, кошельки раскрывались моментально.

У нас же, кроме магазина «Берёзка», где продавали хрусталь, изделия Хохломы, Палеха, Холуя и Гжели, а также оренбургские пуховые платки и меховые шапки, потратить валюту было негде. Книг и буклетов о городе почти не было, да и стоили они довольно дёшево. Иностранцы покупали два-три набора открыток, какую-нибудь брошь, матрёшку или шкатулку – вот и всё. Некоторые подходили ко мне и, показывая туго набитый бумажник, спрашивали, где можно потратить валюту. А что я мог ответить?

Конечно, было много гостей из Москвы, Ленинграда и других городов большой страны. Особенно любили Суздаль архитекторы: кроме мотелей их очень привлекал главный комплекс. Мест катастрофически не хватало, нужно было как можно скорее вводить в действие вторую очередь мотелей и главный туркомплекс.

Начальство нагрнуло

Я хорошо запомнил одно воскресенье – 3 июня 1973 года. Шёл первый месяц нашей работы с туристами, я дежурил по мотелям. Больше половины мест заняла иностранная группа, прибывшая на венгерском «Икарусе». В остальных номерах поселились мои гости из Моссовета, Госснаба, Внешторга СССР, Министерства торговли, Министерства культуры и Главснабсбыта РСФСР.

Впервые посетив наш комплекс, мои гости чувствовали себя счастливыми – у них теперь был здесь «свой человек». А для меня это были «нужные люди», без которых в Москве многие вопросы просто не решались бы.

После завтрака все разъехались на экскурсии, и я решил заняться строительными делами.

Вдруг вижу: на территорию мотелей медленно въезжает чёрная «Волга» с выключенным проблесковым маячком, а следом за ней – правительственная «Чайка»! Обе машины останавливаются возле меня, из первой выскакивают два крепких охранника, из другой медленно, как бы разминаясь, появляются две супружеские пары.

Узнать приезжих не составляло труда, их лица часто мелькали на экране телевизора, на плакатах, на трибуне мавзолея во время демонстраций. Это были секретарь ЦК КПСС, член Политбюро Андрей Павлович Кириленко и секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов.

Оба коротко представились:

– Кириленко.

– Капитонов.

Я тоже назвал свою фамилию и должность.

– Вот ты-то нам и нужен! – воскликнул Кириленко. – Несколько лет тому назад мы поддержали ваше дело, к вам ещё Суслов ездил, потом Косыгин занимался. У меня с тех времён хранится буклет по Суздалью...

Позже я узнал, что Кириленко был близким другом Брежнева. Они ровесники, 1906 года рождения. Вместе воевали в 18-й армии, потом вместе работали на Украине. В 1950 году Кириленко сменил Брежнева на посту первого секретаря Днепропетровского обкома партии. Своим продвижением он, безусловно, был обязан Брежневу. В 1973 году Кириленко в числе прочих отраслей народного хозяйства курировал и строительство.

А Капитонов в своё время был первым секретарём Московского горкома партии, в 1950–1964 годы – первым секретарём Ивановского обкома.

Иностранцы проявляли большой интерес к истории Суздаля и его архитектурным памятникам. Всё увиденное они без устали фиксировали на плёнку...

Во время приезда в Суздаль, о котором речь, он руководил кадровой политикой партийных органов, имел среди партийной элиты большой вес.

О визите Капитонова нас предупреждали, хотя было неизвестно, когда это случится. Поэтому председатель облисполкома Сушков просил меня быть начеку и незамедлительно сообщить ему о прибытии высокого гостя.

– Не надо ни о чём сообщать, пусть Тихон отдыхает, – барским тоном проговорил Кириленко, узнав об этом. – Лучше покажи, что ты тут понастроил. Вся Москва говорит про ваши мотели.

Я оказался в сложном положении. Все номера, кроме 65-го люкса, были заняты, а ключи от него – у администратора. Пришлось бежать в административное здание.

Вернувшись, я застал у машин только шофёров. Оказалось, высокие гости, заметив открытые ворота одного мотеля, решили туда заглянуть!

Следом за ними вбежал в номер и я. Картина, которая открылась мне, была более чем неприглядной! Туристы, видно, только выехали: постель смята, полотенце на полу, на стене и потолке – следы от шампанского, пепельница полна окурков, на столике – пустые бутылки и какие-то объедки... Я не знал, куда деваться от стыда.

Осмотрев всё это безобразие, высокие гости спускались вниз по дубовой лестнице медленно. Я попытался извиниться, но Кириленко остановил меня:

– Ладно, ты же не виноват, что такие люди попались. А задумка хорошая, продолжайте строить дальше.

И помедлив, добавил:

– Пойдём-ка лучше в машину и махнём по рюмочке коньячку.

В просторном салоне «Чайки» женщины быстро накрыли столик. Я предложил гостям пообедать в нашем кафе, Кириленко был не против, но тут же откликнулся охранник:

– Не положено. Андрей Павлович, нас ждут во Владимире, там и обедаете!

Я пригласил гостей осмотреть строящийся туристский комплекс, где заканчивалась кладка стен и начиналась наклейка мягкой кровли, но моё предложение опять мягко отклонили:

– Вот построишь, тогда и приедем.

Сфотографировать гостей не разрешил всё тот же охранник:

– Не положено – визит неофициальный.

Прощально помахав мне, высокие гости отбыли.

Картина, которая открылась мне, была более чем неприглядной! Я не знал, куда деваться от стыда...

По службе и по душе

В мае 1973 года, после пяти лет напряжённой работы, из дирекции уволилась главный бухгалтер Вера Андреевна Бордовская. Понять её можно: бесконечная путаница с расчётами за выполненные работы и поставленное оборудование; множество источников финансирования и масса банковских платежей; огромный складской оборот самых разных товаров; многоплановая отчётность, которую требовали десятки инстанций... И это ещё не полный перечень забот нашего главбуха при довольно скромной зарплате. За год одного только оборудования, материалов, мебели и инвентаря через дирекцию проходили десятки тысяч единиц...

Это была третья кадровая потеря за год после ухода директора Рыжова и снабженца Сахарова. Из ветеранов дирекции остались только экономист Зинаида Николаевна Бушнева и инженер по технадзору Лидия Георгиевна Коровина.

19 июня по приглашению Е. С. Бирюкова у нас появился новый главный бухгалтер – Алевтина Ивановна Антонова. Судя по всему, очень толковая и грамотная. К тому же, говорили, у неё и муха не пролетит, то есть никакие проверки и ревизии нам не страшны – руководство турцентра может спать спокойно. Это был настоящий подарок к моему дню рождения – в тот день мне исполнилось 34.

12 июня 1973 года в газете «Сельская новь» появилась заметка: «Мотели принимают туристов», в ней сообщалось:

«... На северо-западной окраине Суздаля в районе села Коровники возвышаются здания главного туристского комплекса. Большие, массивные, они как бы выстроились вдоль реки Каменки. Первых успехов в труде добились здесь строители. Их усилиями построены и сданы в эксплуатацию первые два корпуса мотелей. В них благоустроенные, комфортабельные номера с современными бытовыми удобствами. При каждом номере гараж для автомобиля. Оба мотеля сданы в распоряжение туристов, которые с удовольствием поселятся в удобных, благоустроенных комнатах...»

30 июня 1973 года после завершения комплекса наладочных работ, связанных с пуском центральной котельной, подачей тепла и горячей воды во все панельные дома жилого посёлка, объекты промышленной зоны и первой очереди турцентра, а также окончательного уточнения списка оборудования и всех затрат на её строительство,

Исаак Семёнович Фельдман, директор Владимирского комбината «Росторгмонтаж»

Игорь Павлович Шувалов, директор базы В/О «Союзторг-оборудование»

Николай
Порфирьевич
Машьянов,
заместитель
председателя
Госплана РСФСР

Владимирский облисполком утвердил Акт государственной комиссии от 30 декабря 1972 года о приёмке её в эксплуатацию. В этом труднейшем деле, на которое было потрачено много сил и здоровья сотрудников дирекции, строителей и наладчиков, была наконец-то поставлена последняя точка.

За ходом наших работ по созданию турцентра постоянно следила местная пресса. Её интересовало и благоустройство города, особенно в преддверии его 950-летнего юбилея.

Вот что писал 26 сентября 1973 года председатель застройкома СМУ «Суздальстрой» Я. Хромушин в трестовской газете «Строитель»:

«Немного времени прошло с тех пор, когда ЦК КПСС принял постановление сделать Суздаль одним из центров туризма (постановление было принято Советом Министров СССР. – В.Б.). На глазах горожан был вынут

первый ковш грунта для закладки фундамента первого трёхэтажного дома. С 1968 года строители СМУ „Суздальстрой“ сдали 2452 кв. метра жилой площади для семей, ранее проживающих в зданиях, бывших памятниках архитектуры.

В этом году в городе появилась новая улица – Советская, где сейчас проживает около четырёх тысяч человек. В новом микрорайоне ведутся большие работы по благоустройству дорог и тротуаров. Начато строительство торгового центра, в который входит продовольственный магазин на 11 рабочих мест, домовая кухня, пошивочное ателье, отдел ремонта одежды и обуви, сберкасса, детская комната, читальный зал. На кирпичной кладке этого объекта работает коллектив бригады А. И. Терехова, в котором больше половины рабочих являются ветеранами стройки. Руководит участком старший прораб Г. В. Думнов.

Наши строители сдали в эксплуатацию продовольственный склад на 2500 кв. метров, склад медицинского оборудования, поликлинику, санэпидстанцию, центральную котельную, очистные сооружения. В стадии завершения монтажных работ находится районный узел связи на три тысячи номеров, цех медовых напитков и другие объекты.

Активно ведутся работы на второй очереди мотелей, где хороших показателей добиваются коллективы бригад Ю. А. Комарова, В. Е. Маслова, Г. В. Уразова. Этот участок возглавляет старший прораб Я. М. Майоров.

Руководством треста № 94, администрацией СМУ „Суздальстрой“ была проделана огромная организационная работа по подбору кадров строителей. Вместе с новостройками росли замечательные люди – специалисты своего дела, ставшие сейчас ветеранами стройки. Это старшие прорабы коммунисты Ю. В. Бурлаков, Г. В. Думнов, Я. М. Майоров.

Третий год пятилетки близится к концу. В оставшееся время каждому рабочему, инженеру, служащему необходимо проявить творческую инициативу, настойчивость и большую волю для выполнения заданий по обеспечению ввода в Суздале пусковых объектов, то есть решить главную задачу, поставленную Коммунистической партией и Советским правительством перед работниками строительства.

27 ноября 1973 года главный инженер конторы «Горэлектросеть» М. Л. Факторович в статье «Электролиния под землей» сообщал:

«Рабочие СМУ „Суздальстрой“ и Владимирского „Центроэлектромонтажа“ совместно с коллективом электромонтеров Суздальской конторы „Горэлектросеть“ приступили к выполнению важной задачи – замене в Суздале воздушных электролиний кабельными. Недавно была завершена реконструкция электрической линии, которая пролегла по улице Васильевской до улицы Калинина. Протяжённость подземных кабелей на этом участке более четырёх километров».

Упомянутый в газете кабель поставила городу наша дирекция – «в порядке оказания технической помощи». Ну, а по сути – председатель горисполкома А. М. Думов попросил, и мы помогли. Так всё делалось в это время: из личных симпатий, но ради общественной пользы.

Машьянов из Госплана

Как я уже писал, рабочий день в Москве я начинал с Госплана РСФСР. Здесь всегда было много дел, которые я решал на уровне знакомых начальников управлений или отделов. В особых случаях приходилось заходить и к руководству этого российского монстра. Вот и сейчас мне нужно было попасть на приём к председателю Госплана К. М. Герасимову. Но Константин Михайлович был в Совмине, и я решил зайти к одному из его замов.

В приёмной я увидел на дверях листок бумаги, где от руки было написано: «Первый заместитель председателя Госплана РСФСР Николай Порфирьевич Машьянов». Неужели тот самый Машьянов, который год назад вручал в Норильске орден моему родственнику, известному бригадиру никелевого цеха Николаю Чистикову?

Через некоторое время в приёмной появился и сам Машьянов. Это был его первый рабочий день в новом качестве, и я, как оказалось, стал его первым посетителем.

Я не преминул напомнить ему о своём родственнике, которого, как оказалось, Николай Порфирьевич довольно хорошо знал. Я уже собирался рассказать о том впечатлении, которое произвёл на меня Норильск, но Николай Порфирьевич вежливо остановил меня:

– Загляните ко мне после работы, тогда и поговорим. Расскажите мне о Суздале.

Однако на бумагу из Владимирского облисполкома поставил положительную визу поставил.

Наша вечерняя встреча произошла у Николая Порфирьевича дома. Дела были решены, приятно было просто общаться. И, к слову, я узнал тогда о своём визави много интересного.

Машьянов происходил из бедной крестьянской семьи, жившей в деревеньке на Вологодчине. Работать начал с 11 лет. В 1943 году восемнадцатилетним пареньком был призван на фронт. После войны продолжал служить в армии, а в 1946 году поступил в Ленинградский горный институт. После окончания его направили на работу в Норильск. За 13 лет Николай Порфирьевич прошёл нелёгкий путь от сменного мастера и начальника цеха до главного металлурга горно-металлургического комбината имени Завенягина. Тут и проявился его большой организаторский талант. Его заметили и перевели на ответственную проектную работу – он стал начальником проектного института комбината.

Через два года Машьянов был уже главным инженером, а в 1969 году по рекомендации бывшего генерального директора горно-металлургического комбината Долгих, в то время секретаря ЦК КПСС, его выдвинули на пост директора этого комбината.

В 1971 году за большие заслуги в труде Машьянову было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1973 году, после двадцати лет работы в условиях крайнего Севера, он был переведён в Москву на должность первого заместителя председателя Госплана РСФСР.

Меня особенно покорило то, что Николай Порфирьевич хорошо знал все тонкости строительного дела и сразу проникся симпатией к нашей стройке, к Суздалю.

Его отличали такие незаменимые для руководителя качества, как простота, доступность, а главное, желание решать самые сложные вопросы. Мне не раз потом приходилось обращаться к нему за помощью – отказов не было.

Меня особенно покорило то, что Николай Порфирьевич хорошо знал все тонкости строительного дела и сразу проникся симпатией к нашей стройке, к Суздалю.

Портрет Валерия Брунцева, который пишет оставшийся за кадром художник Соколов

Между тем на личном фронте...

Читателю может показаться, что в те годы для меня ничего, кроме стройки, не существовало. На самом деле, я просто не хочу углубляться в коллизии личной жизни. В конце концов, книга не обо мне. Но чтобы не возникало ощущение бесплотности автора, кое-что расскажу.

С моей будущей женой Галей я познакомился как-то в воскресенье на пляже озера Копа в Кокчетаве. Шёл 1964 год. Молодая, красивая и весёлая девушка, выпускница юрфака Иркутского университета, сразу мне приглянулась. К тому времени Галя уже месяц работала в отделе общего надзора областной прокуратуры, снимала жильё и ждала обещанной однокомнатной квартиры.

А я был старшим мостовым мастером 2-й Кокчетавской дистанции пути, мне часто приходилось летом выезжать на перегоны, чтобы обследовать состояние мостов и водопропускных труб или руководить их ремонтом. А зимой, во время сильных снежных заносов, я сутками руководил работой железнодорожного состава со снегоочистителем. Трасса нашей дистанции составляла больше 400 километров.

«Хорошо в Суздале!»
(сын Саша).
Фото В. Брунцева.
1972

Нам с Галей казалось, что мы созданы друг для друга, и через месяц после первой встречи мы поженились, благо, квартира у меня уже была. Весной следующего года у нас родилась дочка Лена, чему мы были несказанно рады...

Но меня всё время тянуло на стройку. Отработав положенный после института срок, я перешёл работать в систему Министерства транспортного строительства СССР – на должность старшего мастера СМП-296. На новой работе не было командировок, за исключением редких случаев. Но требования нашего министерства были жёсткими: каждая строительная организация обязана выполнять план любой ценой. Ни рубля из государственных средств не должно пропадать. Никакие оправдания и отговорки в расчёт не брались. Умри, но план выполни! И мы его выполняли, не считаясь ни со временем, ни с затратами сил.

Через некоторое время я стал прорабом участка, под моим началом работало двести человек. Кроме общего руководства строительным процессом, я должен был обеспечить стройку проектной документацией, материалами, механизмами и техникой. Для улучшения показателей участка пришлось перейти на двухсменную работу: я выезжал на работу с первой сменой в 7 утра, а возвращался домой в 9 вечера, когда заканчивалась вторая смена.

До 1967 года наша страна жила с одним выходным днём, но у меня и его не было. Почему-то именно в воскресенье из Целинограда, где находились наш трест «Целинтрансстрой» и трестовский домостроительный комбинат, поставляющий панели для домов, прибывали в наш адрес десять-пятнадцать вагонов со стройматериалами. Во избежание штрафа их нужно было немедленно разгружать. Вот и собирал я с утра водителей, крановщиков и рабочих, чтобы выполнить эту работу. Там были и вагоны с сыпучими материалами – цементом, гипсом, керамзитом. Иногда приходилось выводить на работу по сорок человек. И должен сказать, что недовольных не было, все понимали: теперь наш участок целую неделю будет обеспечен основными материалами. Людям нужно было зарабатывать.

Жена была недовольна таким рабочим графиком. Не знаю, может быть, на её характер накладывала отпечаток прокурорская должность... Я видел, что у моих товарищей, тоже работающих без выходных и отдыха, в доме царил мир и покой. Их жены с пониманием относились к ситуации, жалели мужей. Честно говоря, мне было немножко завидно.

Всё резко изменилось осенью 1968 года, когда я в числе своих сверстников как офицер запаса был призван на два года на действительную военную службу. Я уже говорил, что в этот день у меня родился сын Александр. Но поблажек никому не давали: из-за необдуманных действий «дорогого Никиты Сергеевича» наша армия осталась без младшего комсостава.

Через некоторое время нашу железнодорожную бригаду перебросили из Казахстана в Муром – на строительство вторых путей Москва-Арзамас. Больше двухсот жён офицеров и сверхсрочников вместе с детьми, в том числе и грудными, покинув обжитые квартиры, отправились в неизвестность, на новое место службы мужей. В Кокчетаве остались только три жены...

В Муроме, наравне с другими офицерами, я жил на частной квартире. Служба, как и на гражданке, была напряжённой – нужно было любой ценой выполнять задание правительства по строительству важной народно-хозяйственной магистрали. Об отдыхе думать было некогда, да и возраст позволял вкалывать до упора.

Потом, как вы уже знаете, я оказался в Суздале, и работы опять было сверх головы. Приехала семья. Я, конечно, понимал, что муж я никудышный, но изменить ситуацию не мог. Положение усугублялось тем, что Гале категорически не нравилась её работа в отделе юстиции да и сам город Владимир. Музыка, театр, концерты, поездки в Суздаль её не интересовали, она была занята домом, дочкой и сыном.

Нашу железнодорожную бригаду перебросили из Казахстана в Муром – на строительство вторых путей Москва-Арзамас. Больше двухсот жён офицеров и сверхсрочников вместе с детьми, покинув обжитые квартиры, отправились в неизвестность...

Всё это я остро переживал. С детьми удавалось видаться урывками, и я чувствовал, что становлюсь жене в тягость.

В это время у меня бурно развивались события «на другом фронте» – в Новосибирске, где жила моя первая любовь Ира Нагорная. После нашей встречи в аэропорту Толмачёво мы два года переписывались, встретившись лишь дважды. Первый раз – когда я на пару дней прилетал в Новосибирск на авиационный завод (по поводу пневмоотвёрток для Бобруйска). Во второй раз – когда она была в санатории под Москвой и на день приезжала с подругой в Суздаль. В те годы, работая без отпусков и выходных, я не мог прилететь к ней даже на несколько дней. Да и финансы, честно говоря, не позволяли. Зато у нас шла активная переписка.

Иру интересовало буквально всё – моя работа, мой быт, моё здоровье, мои успехи в фотографии и музыке (я иногда выступал на сцене с мандолиной или гитарой). В своих письмах она меня искренне жалела, советовала хоть немного отдыхать.

Постепенно созрело решение. Жить в такой сложной обстановке, невозможно. Я переехал в Суздаль, на какое-то время поселился у друга Лорда Николаевича Кручинина, наладчика станков завода «Точмаш». Повидаться с детьми заезжал либо по пути, либо вечерами в воскресенье. Так продолжалось около года, пока мы с Галей ни объяснились. В ноябре 1973 года оформили развод. Должен сказать, что в этой ситуации моя жена вела себя достойно. По своей натуре она вообще была человеком порядочным и честным. Трёхкомнатная квартира осталась семье, с собой я взял только личные вещи, музыкальные инструменты, пластинки да любимый фотоаппарат «Зенит».

С Ирой мы решили пожениться и уехать в Ярославль, где мне предложили интересную работу. Но в дело вмешались главные кураторы стройки – Сушков и Зенкович, очень уж не хотелось им отпускать меня. Облисполком принял специальное решение о предоставлении мне двухкомнатной квартиры в Суздале. Детей я навещал, как и прежде – вечерами и по воскресеньям. Ира приехала со своей десятилетней дочерью, и у нас началась новая счастливая жизнь.

Моя новая жена была страстно влюблена в древний Суздаль. Опытный инженер-проектировщик, она устроилась на работу в проектный институт «Владкоммунпроект», один из филиалов которого был в нашем городе.

Теперь я часто бывал на концертах в филармонии, на вечерах хорошей музыки Эдуарда Маркина и даже время от времени – на спектаклях Владимирского драмтеатра.

Иру интересовало буквально всё – моя работа, мой быт, моё здоровье, мои успехи в фотографии и музыке

*В. А. Брунцев
с женой Ириной.
1975*

Замкнутый круг

С момента пуска первой очереди турцентра дела шли неплохо. Бирюков проявлял необычайную деловую активность, часто выезжая в облплан, облфинотдел, в отдел по труду или отдел культуры. К тому же, он оказался человеком довольно принципиальным. Ещё в ноябре 1972 года, в самом начале работы в турцентре, на одной из сессий Суздальского горсовета он подверг резкой критике святая святых – советскую власть.

В своём выступлении он заявил:

«Исполком горсовета не уделяет должного внимания строительству главного туристского комплекса. Насколько я знаю, эти вопросы никогда не ставились на его заседании... В городе сложились эксплуатационные службы с квалифицированными кадрами. Они не должны ждать, когда им дадут готовенькое. Им уже сейчас нужно включаться в непосредственную работу по приёмке в эксплуатацию инженерных сетей и отдельных объектов...»

Бирюков был прав. Ждать «готовенькое» проще всего. В таких случаях Николай Константинович Рерих любил повторять слова своего учителя Куинджи: «Объяснить-то всё можно, а вот ты пойдя да и победи!»

Владимир Васильевич Молчанов, генеральный директор турцентра (с 1974 по 1992 гг.)

Всё случилось неожиданно. Ко всеобщему удивлению, в конце 1973 года Бирюков неожиданно уволился... «в связи с переходом на другую работу». Для всех сотрудников дирекции это стало шоком – вроде бы все с ним сработались... Удивительно, но за полтора года напряжённой работы в турцентре Евгений Сергеевич каким-то непонятным образом успел ещё защитить кандидатскую диссертацию на тему об экономической целесообразности туризма в СССР на примере Суздаля.

Через день-два после увольнения Бирюкова меня пригласил на собеседование председатель облисполкома Сушков и сходу предложил освободившееся директорское кресло. На мой вопрос, кто же будет заниматься строительством, ответа не было. От директорского кресла я сразу отказался.

После некоторой паузы Тихон Степанович пообещал на место директора «найти кого-нибудь из партийно-хозяйственного резерва». Но прошёл день, другой, третий. Затем месяц, два, три... Однако на горизонте никто не появлялся. Обязанности директора турцентра мне пришлось исполнять почти четыре месяца. Несмотря на загрузку основной работой, приходилось заниматься приёмом туристов, их питанием, а также вопросами стирки постельного белья, уборки помещений, транспортными перевозками, инженерной эксплуатацией действующих объектов. Кроме того, решать проблемы с закупкой продуктов, которые нужно было хранить на складах и в холодильниках, а что-то и списывать... Волновала меня и проблема досуга наших туристов, ведь ни концертного зала, ни баров, где можно провести свободное время, тогда не было. Люди по вечерам просто болтались около мотелей, а потом шли спать. Чтобы хоть как-то убажить публику, мне приходилось организовывать культурные программы и концерты местных коллективов художественной самодеятельности прямо на улице (в этом помогала Л. М. Короткова из «Интуриста»). Особенно не хотелось ударить в грязь лицом перед зарубежными гостями. Они же платили «Интуристу» валютой!

Все мои выходные по-прежнему уходили на приём гостей из разных московских организаций. Вот почему вырваться куда-то в командировку для решения срочных вопросов даже на день мне тогда было непросто.

Время совмещения должностей было для меня сплошным кошмаром!

Работая в течение трёх лет без отпуска и выходных, я был на пределе сил. Не выдержав такого напряжения, я пошёл в облисполком и решительно заявил Сушкову, что в таких условиях работать отказываюсь, тем более что в штатном расписании есть единица директора. Я сказал, что согласен на любую кандидатуру, лишь бы директор турцентра поскорее появился.

– Хорошо, мы подумаем, – был ответ.

Наступил 1974 год. Нового директора турцентра так и не было. К моим строительным делам и заботам, связанным с приёмом туристов, добавились обязательства по поставке дубовых окон и алюминиевых витражей для объектов главного туркомплекса. Из-за этого я должен был периодически на день-два выезжать в Москву и Бобруйск, что не лучшим образом сказывалось на основной работе. Получался замкнутый круг...

В кинограде на берегах Каменки

10 января 1974 года в газете «Сельская новь» появилось интервью «Новостройки 1974-го», которое собкор Я. Вахтанов взял у главного инженера СМУ «Суздальстрой» Ю. П. Матвеева. Отвечая на вопросы корреспондента, Юрий Павлович сообщил:

«Во-первых, стоит задача повысить темпы строительства объектов ГТК. Во втором квартале мы должны ввести в строй третий и четвёртый мотели. Сдерживают нас работники Владимирской мебельной фабрики. Они должны поставить для мотелей 240 дверей и экраны ограждения радиаторов центрального отопления, которых ни много ни мало – 240 штук. В мае-июне мотели примут туристов. По качеству отделки они обещают быть значительно лучше первых, комфортабельнее.

Задачей строителей является также подготовка к отделочным работам в гостинице, ресторане, киноконцертном зале, плавательном бассейне. Размеры объекта внушительные, объём работ большой. Другой важный объект – торговый центр на улице Советской. Он включает в себя магазин, кафе, различные службы быта. В августе, к празднованию 950-летия Суздаля, торговый центр должны сдать в эксплуатацию.

Будем продолжать и жилищное строительство.

Выполнены основные работы на строительстве цеха медовых напитков. Другой объект производственного назначения – цех полуфабрикатов. Ввод его в эксплуатацию – IV квартал. Стены и кровля готовы, дело

Съёмки фильма
«Андрей Рублёв».
Суздаль. 1967

за внутренней отделкой здания... Руководство турцентра проявляет заботу о поставках технологического оборудования. Часть его уже поступила в монтаж».

22 января 1974 года на сессии горсовета были приняты обязательства суздальцев на текущий год. В них в отношении объектов ГТК кое-где звучало вполне конкретное «закончить», но было много и расплывчатых формулировок. Я никак не мог уразуметь, каким образом можно выполнить годовой план строительно-монтажных работ

к 28 декабря. Как это измерить? Ведь на стройке идёт непрерывный процесс, его невозможно зафиксировать на какую-то дату. Но такие были установки партийных органов. И когда в конце года строители отчитывались перед властью об успешном выполнении своего обещания, наверху все были довольны. Хотя точно знали, что всё это липа...

14 февраля 1974 г. в газете «Сельская новь» была помещена статья председателя постройкома СМУ «Суздальстрой» А. Хромушина «Строители трудились лучше», в которой говорилось:

«В СМУ состоялось собрание партийно-хозяйственного актива. Строители подвели итоги 1973 и наметили рубежи на 1974 год. Начальник СМУ И. С. Войцеховский доложил собравшимся о том, что строители успешно справились с поставленными задачами. Лучших показателей добился коллектив участка, который возглавляет коммунист Ю. В. Бурлаков. Неплохо завершили год бригады Протурнова, Кострова, Маслова, Комарова и Журавлёва.

Лучшим производственникам присвоено звание ударников коммунистического труда. 23 передовикам вручены нагрудные знаки „Отличник социалистического соревнования“»...

В марте 1974 года наконец-то появился претендент на должность генерального директора турцентра. Это был Владимир Васильевич Молчанов, работавший в течение нескольких последних месяцев заместителем председателя горисполкома небольшого городка Гусь-

Хрустальный Владимирской области. На смотрины его привёз зампред облисполкома А. Г. Аникин.

Я был рад этому больше всех, особенно когда узнал, что Владимир Васильевич был, как и я, выходцем из Сибири. Рекомендовал Молчанова И. Я. Хоменко, возглавлявший раньше Гусевской горисполком. Незадолго до появления Молчанова в Суздале Иван Яковлевич позвонил мне и со-

общил, что кандидат на пост директора турцентра – его приятель, по образованию учитель физкультуры, который в течение многих лет работал директором юношеской спортивной школы. Закончил он своё представление словами:

– Мужик он неплохой, правда, грамотёшки не хватает, помоги ему!

«Ничего страшного, – думал я. – Ведь наш председатель горисполкома Думов в прошлом тоже спортсмен, но оказался не только грамотным и деловым человеком, но и отличным хозяином города. Может, и нам повезёт...»

Прощаясь, Аникин произнёс доверительно:

– Молчанова назначили временно. Пусть поработает, а там посмотрим.

В курс дела Владимир Васильевич входил с большим трудом. Для человека, который не прошёл школу производства, почти не касался деловых бумаг, не знал, что такое гостиничный и ресторанный сервис, экскурсионное обслуживание и уж тем более – экономика и финансы, это было непросто. Главный бухгалтер А. И. Антонова вспоминала, как ей было трудно объяснить новому директору элементарные вещи. Ну, что ж, через это проходили все руководители и я в том числе. Курс бухгалтерии, которому нас обучали в институте, особых знаний не давал, да мы особо и не вникали. Зачем нам бухгалтерское дело, если мы учимся на инженеров?

Кадры из фильма
«Андрей Рублёв».
Режиссёр-постановщик –
Андрей Тарковский.
Главный оператор –
Вадим Юсов.
Суздаль. 1967

Виктор Федорович Шишилов, председатель Суздальского совета по туризму и экскурсиям

Вместе с тем, Молчанов старательно выполнял все распоряжения вышестоящего начальства, душой болел за порученное дело. На первых порах я старался помочь ему – давал советы, писал за него деловые письма, знакомил с нужными людьми. Между нами не возникало проблем. Мало того, мы дружили семьями, бывали друг у друга в гостях. Его жена Валентина Васильевна, миловидная женщина, начальник суздальского горно, учила Иру варить из карпа уху по-венгерски...

В мае 1974 года начальником планово-финансового отдела дирекции стала Валентина Васильевна Кривенко. Для нашей бурно развивающейся организации это была очень важная и ответственная должность.

На долю директора турцентра и начальника ПФО выпала тогда трудная задача составления и утверждения в областных структурах штатно-

го расписания по такому многоотраслевому объекту, как главный туристский комплекс. В него входили разные по набору услуг заведения – гостиница, ресторан, бассейн, концертный зал, бары, сауны, поэтому приходилось пользоваться разными ведомственными инструкциями.

Проблема была ещё в том, что это штатное расписание должно быть увязано не только с зарплатами сотрудников, но и с выделенным фондом зарплат. Сложными были вопросы применения расценок по новым видам услуг, таким как использование концертного зала под концерты, спектакли, совещания, съезды, почасовая аренда зала переговоров и каминного зала, пользование сауной, бильярдом, спортивным инвентарём, не говоря уж о транспортных услугах и техническом обслуживании автомашин. Учитывая обслуживание интуристов, нужно было решать вопросы с обучением сотрудников турцентра в гостиницах и ресторанах «Интуриста» и ВЦСПС. На разрешение всех этих вопросов требовалась масса рабочего времени. В то же время по несколько раз в неделю приходилось выезжать в облисполком, облплан, облфинотдел и отдел цен...

В июне 1974 года, уже при Молчанове, были открыты третий и четвёртый корпуса мотелей. Теперь мы могли принимать до 300 туристов в день. Работы руководству турцентра значительно прибавилось, в том числе и мне как главному инженеру, отвечающему за эксплуатацию инженерных систем.

«Новая глава в истории Суздаля» – так называлась статья заместителя директора турцентра Валерия Васильевича Зуева, опубликованная тогда в нашей местной газете, где он писал:

«На территории ГТК построены и успешно используются четыре корпуса комфортабельного мотеля, кафе-столовая, станция техобслуживания автомобилей, административное здание. Удобен в использовании мотель. Каждый номер в нём спланирован на двух уровнях. На первом этаже – гараж для автомобиля, на втором – комнаты для жилья: одноместная и двухместная. При номере души, а также отдельный санузел. В комнатах современная мебель, ковры. Стены, оклеенные моющимися обоями приятных тонов, придают уют, способствуют хорошему настроению. Балконы номеров выходят на южную сторону. С них открывается неповторимая по своей красоте панорама Суздаля.

Создание туристского комплекса служит мощным стимулом для развития таких отраслей экономики города, как строительство, торговля, связь, транспорт, способствует занятости населения.

С вводом в строй мотелей Суздаль стал принимать большое количество иностранных туристов. Они едут к нам из Австрии, Англии, Италии, Франции. Приняты первые группы туристов из США.

Не так давно услугами мотелей воспользовались участники международного конгресса луговодов, которые представляли 57 стран...»

В июле 1974 года произошло важное для турцентра событие – директором Суздальского совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС стал молодой, энергичный и перспективный руководитель Виктор Фёдорович Шишилов. В то время он уже имел звание мастера спорта по горному туризму. В 1972 году под его руководством было совершено восхождение на безымянную вершину (4077 м), которой дали название «Пик Суздаль». Заботливый и ответственный организатор туризма, он сам сопровождал все прибывающие к нам группы вплоть до их отъезда.

С тех пор вот уже больше сорока лет В. Ф. Шишилов возглавляет туристическое агентство, с которым сотрудничает туристский центр.

Юрий Васильевич Белов – суздальский журналист, фотограф, краевед

В это время я познакомился ещё с одним увлечённым человеком – экскурсоводом музея-заповедника Юрием Васильевичем Беловым, основной специальностью которого был английский язык. Мне часто попадались на глаза его содержательные очерки о новостях культуры, о выдающихся земляках, репортажи о киносъёмках в Суздале, опубликованные в областной газете «Призыв». Таких людей называют неординарными.

Встреча наша произошла в 1974 году у мотелей, где Юрий Васильевич брал интервью у известного кинорежиссёра Владимира Басова, снимавшего в Суздале лет за десять до этого фильм «Метель» по одноименной повести Пушкина. Рядом была его жена актриса Валентина Титова, снявшаяся в этом фильме в главной роли. Мне было интересно наблюдать, с каким юмором и актёрским мастерством отвечал Владимир Басов на вопросы суздальского корреспондента.

Свою первую экскурсию Юрий Белов провёл за год до нашего знакомства. И для кого! Для известной певицы, народной артистки СССР Клавдии Шульженко. Кстати, это была моя самая любимая певица. Именно та встреча подала Юрию Васильевичу мысль фотографировать знаменитых суздальских гостей, стать летописцем новейшей истории города.

Юрий Васильевич никогда не ограничивался сообщением лежащих на поверхности исторических фактов. Он работал в архиве Владимирской области и в библиотеках, где разыскал массу интереснейших сведений об истории Суздаля и о жизни нашего земляка, выдающегося полководца Суворова.

Эти многолетние настойчивые поиски привели к тому, что Ю. В. Белов стал известным в стране историком-краеведом, автором книги-путеводителя «Суздаль», изданной рекордным для нашего времени тиражом в 100 тысяч экземпляров. Следом вышли ещё две его книги о том, как в Суздале, – этом «кинограде на берегах Каменки» или, как его ещё называют, «русском Голливуде», – снимали кино.

Посмотрел – не понравилось

К лету 1974 года были полностью закончены работы по монтажу металлических конструкций двухскатной кровли нашего ресторана. Следом началась укладка сплошного настила кровли из деревянных сэндвич-панелей, предназначенных для утепления помещения в зимнее время. Эти панели изобрёл инженер-конструктор нашего проектного института А. Н. Юдицкий.

Изготавливались они на Владимирском химзаводе довольно простым способом: в деревянный ящик нужного размера заливался горячий вспененный пенопласт. После остывания и выравнивания он покрывался плёнкой, а потом укрывался деревянным щитом. В таком виде эти изделия доставлялись на стройку. Уложенные на место панели сверху покрывались рубероидом. После этого монтажники приступали к укладке входящих в моду трёхметровых листов оцинкованного профилированного настила, общая площадь которого составляла свыше двух тысяч квадратных метров.

Казалось, всё идёт нормально. Но вдруг я заметил, что издали это покрытие напоминает обычное шиферное. Было бы куда лучше, если бы кровлю по всей длине расчленили какие-то высокие элементы. Я остановил укладку профнастила и сообщил об этом руководству проектного института.

*Кровля ресторана после переделки – с вертикально-наклонными рёбрами, названными в проекте «ножами».
Фото В. Радзиевского*

Петр Иванович Гришин, генеральный директор Владимирского тракторного завода.

Через пару дней на стройку прибыли авторы проекта Орлов, Лепский и Ранинский. Убедившись в верности моих опасений, они с благодарностью приняли моё предложение, пообещав в скором времени выдать новое проектное решение.

Через неделю мы получили откорректированные чертежи кровли, которая через определённые промежутки была разделена довольно высокими вертикально-наклонными рёбрами, названными в проекте «ножами». Кроме того, архитектор Ю. В. Ранинский принял любопытное решение, благодаря которому получалась как продольная, так и поперечная разрезка кровли. Это было очень красиво.

Но возникла проблема: как изготовить эти нестандартные изделия, имеющие сложное фигурное сечение? Их нужно было гнуть из трёхметровых оцинкованных листов. Трудность состояла в переменной высоте «ножа» – с одного конца она была равна 30 см, а с другого – 35. Требовалась специальная оснастка.

Начальник техотдела 94-го треста Г. Е. Гурарий, едва завидя чертежи «ножей», наотрез отказался от их изготовления: «Кто придумал, тот пусть и делает!». За неимением желающих, решением этой проблемы пришлось заняться мне самому. Заказ на изготовление этих изделий удалось разместить на Владимирском тракторном заводе имени Жданова.

– Берусь за это дело только из уважения к Суздалью, – сказал генеральный директор завода Пётр Иванович Гришин.

Сложная в техническом отношении задача изготовления оснастки была решена силами умельцев завода во главе с начальником одного из цехов. Все затраты дирекция компенсировала по заводской калькуляции.

Через три недели наш заказ был выполнен. Драгоценные изделия аккуратно упаковали и грузовой машиной отправили в Суздаль, где они сходу пошли в монтаж. Через месяц кровля ресторана была готова.

С точки зрения архитектуры решение было оригинальным: кровля выглядела не унылой и монотонной, а рельефной и пластичной.

Интересно, что накануне описываемых событий нашу стройку посетил секретарь Союза архитекторов СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Яков Борисович Белопольский. Находясь под впечатлением от увиденного, он писал в «Литературной газете»:

«... Об интерьерах говорить пока рано. Но и здесь заложена основа для интересных решений. Есть простор для полёта фантазии архитекторов и художников, поскольку общественные помещения и впрямь широки, свободны: тут и многоярусный шатровый ресторан, и высокий приёмный зал с открытым двориком...

Попутно одно частное замечание: мне показалось, что плоскости покрытия шатра ресторана недостаточно расчленены. Если авторы не найдут средств сделать это покрытие пластичным, то масса шатра может оказаться слишком тяжёлой»...

Было приятно сознавать, что воплощение в жизнь нашего совместного с институтом решения полностью отвечало пожеланиям такого высокого профессионала, каким являлся народный архитектор СССР Я. Б. Белопольский.

Венгрия: неизгладимые воспоминания

Работа в течение трёх с лишним лет без отпусков и выходных, бесконечные командировки с ночными переездами, еда всухомятку, нервное напряжение и другие факторы риска – всё это не могло не отразиться на моём здоровье: появились все признаки грыжи пищевода. По словам Иры, даже в беспокойном сне я что-то решал и выбивал...

Теперь, когда были сданы четыре корпуса мотелей, а впереди стояла непомерная задача пуска в действие главного туристского комплекса, можно было немного передохнуть. На помощь пришёл Решетов – предложил мне возглавить туристическую группу Владимирской области и провести 14 дней в Венгрии на озере Балатон.

Я обрадовался: наконец-то смогу побывать на могиле отца, погибшего в январе 1945 года в районе венгерского города Секешфехервар. Ещё в 1970 году мне, лейтенанту Советской армии, с трудом удалось получить разрешение Генштаба Министерства обороны СССР на выезд в Венгрию. Но из-за назначения на работу в Суздале воспользоваться

этим разрешением я не смог. И вот – новая возможность, которую я не упустил.

Это была первая для меня поездка за рубеж, и мне не терпелось оценить европейский сервис. Важно было и то, что для руководителя группы поездки была бесплатной.

В мои обязанности входило оформление проездных документов, сбор денег для приобретения валюты, размещение в отелях, вопросы питания, экскурсионного и транспортного обслуживания, не считая других организационных дел, включая разрешение конфликтных ситуаций. Моя группа – 34 человека – была довольно разношёрстной, средний возраст туристов – лет сорок. Я знал, что с нами едет представитель КГБ, но кто это, было неизвестно. Принимала нас известная венгерская фирма «Ибус».

Венгрия – страна с развитым туризмом, где этот бизнес является одной из основных статей дохода. На 10 миллионов жителей страны в то время приходилось 15 миллионов иностранных туристов в год, то есть в полтора раза больше венгерского населения! А нашу страну с населением 240 миллионов человек в год посещало всего 4 миллиона иностранцев, то есть меньше двух процентов. Разница почти в 90 раз!

В Будапешт мы прилетели в полдень 22 июля 1974 года. В аэропорту нас встретила гид Ирма. На комфортабельном «Икарусе» за час мы добрались до отеля. Мне как руководителю был предоставлен одноместный номер, семейным парам – двухместные номера, но как быть с остальными, кого с кем селить? Я людей почти не знал, да и они между собой не были знакомы. Занимался расселением целый час, это вызвало у некоторых недовольство.

После обеда состоялась экскурсия по городу: старинные дома и замки с высокими башнями и шпилями, арочные мосты, ухоженные улицы и, конечно, голубой Дунай. Особое волнение мы испытали, когда поднялись на 200-метровую гору Геллерт и вплотную подошли к монументу Освобождения. Этот величественный сорокаметровый памятник, выполненный венгерским скульптором Жигмондом Штроблем, был установлен ещё в 1947 году в память освобождения Венгрии от фашистских оккупантов и в честь Красной Армии-освободительницы. Ведь при штурме Будапешта погибло 80 тысяч советских солдат и офицеров! Имена многих были выгравированы на цоколе. По замыслу автора, главная фигура монумента – женщина с пальмовой ветвью мира в поднятых руках. Перед ней стоит советский солдат, по бокам ещё две фигуры: одна символизирует победу над силами разрушения, другая – мирное строительство. Целый

час находились мы возле этого памятника. Нам казалось тогда, что всё это поставлено навечно, разве может быть иначе*...

Здесь же, на вершине горы, находилась огромная Цитадель, построенная Габсбургами в середине XIX века. Она была возведена как мощное воинское укрепление, чтобы держать под угрозой венгерскую столицу. Высота её стен доходила до четырёх метров, толщина – до трёх, а их протяжённость только в восточно-западном направлении – 200 метров!

Интересным было посещение знаменитого острова Маргит с его средневековыми памятниками и огромным парком. Второй высотной достопримечательностью города был Рыбацкий бастион на горе Вархедь. Это мощное воинское укрепление имело много башен и лестниц. Впечатляла своим величием находящаяся на площади церковь Матьяша. Я заметил, что многие туристы подолгу стоят напротив, любуясь её необычайной красотой. За Дунаем напротив находилось грандиозное здание венгерского Парламента, построенного на рубеже XIX и XX веков.

Вечером первого дня в огромном загородном помещении для приезжих туристов был устроен традиционный вечер дружбы, на котором присутствовало 20–25 групп из разных стран мира. Это называлось «Партия гуляш». Примечательно, что на входе, ещё у ворот, всем туристам предлагали рюмочку довольно крепкой венгерской вишнёвой водки «Палинки». Эстрадный оркестр приветствовал каждую группу родной мелодией. Когда вошла наша группа, заиграли «Катюшу». Замечательный пример создания праздничного настроения.

На столах было много вина. Удивительно ловкие и весёлые официанты без конца подносили закуски, а через некоторое время подали и знаменитый венгерский гуляш. Музыка и веселье продолжались до полуночи, в зале царил неподдельное веселье, весь вечер гости дружно пели венгерские, немецкие, испанские, итальянские, английские, французские популярные песни. Конечно, звучали и наши шлягеры: «Подмосковные вечера», «Катюша», «Калинка-малинка».

На следующее утро нам посчастливилось осмотреть здание Парламента – великолепное творение венгерских мастеров. На фасадах красовалось множество скульптур, изображающих венгерских королей,

Мой отец – гвардии майор Александр Иванович Брунцев. Апрель 1944

* В 1992 году исчезнут надписи на русском языке и символика Красной армии, а скульптуру красноармейца с автоматом перенесут в Парк скульптур на окраине Будапешта.

Это была первая для меня поездка за рубеж, и мне не терпелось оценить европейский сервис.

Местность в районе города Бичке, где во время отражения танкового удара погиб мой отец

полководцев и героев. Вход в главный портал украшали бронзовые львы. Величие Парламента подчёркивала огромная площадь со статуями вождям борьбы за независимость Ференцу II Ракоци и Лайошу Кошуту.

После этого мы возложили цветы к памятнику воинам Красной армии, погибшим при освобождении Будапешта.

Во время прогулок по городу осмотрели уникальные здания венгерской Академии наук, оперного театра, Национального банка, музея прикладных искусств, посетили один из лучших музеев Европы – Национальный музей Венгрии. И, конечно же, проплыли на катере по Дунаю вдоль всего города.

Следующим вечером мы уже были в отеле «Альба Регия», расположенном в самом центре сотысячного города Секешфехервар.

Мой отец, гвардии майор Брунцев Александр Иванович, помощник начальника штаба бронетанковых войск 4-й гвардейской армии по танковой разведке, погиб 3 января 1945 года недалеко от этого города. В похоронке, полученной через три месяца после его смерти, в графе «похоронен» стоял прочерк. Это называлось тогда: «пропал без вести». Так бы и осталось навеки в моей памяти это безликое сообщение, если бы не случай. Ещё в 1955 году моей двоюродной сестре Маше Полонской попала в руки книга Ильи Маркина «На берегах Дуная», в которой было много написано о моём отце, в том числе о его гибели. Мне не составило труда разыскать в Москве Илью Ивановича. От него я узнал бо их совместной службе, узнал подробности того боя, в котором погиб отец. Это случилось в первые дни отражения нашими войсками внезапного

танкового контрудара немцев при их попытке деблокировать свою окружённую в Будапеште группировку, во время проведения танковой разведки в районе города Бичке.

Мне не терпелось найти братскую могилу у железнодорожного вокзала, где был похоронен мой отец. Я написал на листе бумаги по-венгерски «паяудвар», что значило «вокзал» и стал показывать его редким ночным прохожим. Нашёл с трудом.

Полночь, только лунный свет да отблеск уличных фонарей освещали дорогой мне мемориал. Несколько минут стоял я перед решётчатой калиткой, глядя на десятиметровый обелиск, не решаясь войти внутрь.

Каково же было моё огорчение, когда, обойдя несколько раз все могильные плиты и обелиски, я так и не обнаружил на них фамилии своего отца... Вернувшись в отель, долго не мог заснуть. Столько лет я мечтал попасть сюда, и на тебе! А ведь в письме Генерального штаба Министерства обороны о захоронении отца называлось именно это место...

Утром, когда группа отправилась на трёхчасовую экскурсию, я пошёл в расположение находящейся недалеко воинской части Советской армии. Как оказалось, это была крупная мотострелковая дивизия. С помощью начальника политотдела мне удалось узнать, что в списках захоронений имя моего отца значилось в числе тысячи других погибших воинов, но по какой-то причине на обелиске высечено не было.

Письмо Министерства обороны СССР от 15 октября 1970 года за подписью генерала Панкина, разрешавшего мне, тогда ещё лейтенанту Советской армии, выезд в Венгрию для посещения могилы отца, погибшего в этой стране и захороненного в Секешфехерваре, возымело своё действие. Тут же было решено исправить досадную ошибку к утру следующего дня.

Командование дивизии приняло решение о проведении парада войск местного гарнизона с приглашением гражданского населения и представителей прессы. За ночь два солдата-художника на одном из бетонных обелисков высекли фамилию моего отца и даты его жизни.

Всё шло хорошо. Но не обошлось и без ложки дёгтя. В первый день пребывания в Будапеште по существующей традиции мы собрали со всех туристов деньги на цветы для возложения на могилы наших погибших

Братские могилы в Секешфехерваре. Венгрия. Фото В. Брунцева. 1974

У памятника советским воинам

Могила отца на воинском кладбище в Секешфехерваре. Венгрия. Фото В. Брунцева. 1974

воинов (на советские деньги выходило по 8–10 рублей). И вдруг в тот торжественный для меня день ко мне пришли трое наших туристов и потребовали вернуть им деньги: «Почему мы должны тратить свои средства на цветы? Погибших не вернуть, а мы лучше купим подарки или какие-то вещи!»

Для меня, сына погибшего героя войны, это было потрясением. Деньги я, конечно, тут же вернул. Через пятнадцать минут появилась новая делегация, человек тридцать, которые с извинениями возвратили деньги. Вот так моя группа раскололась на два лагеря – подавляющее большинство и человек пять оппозиции. Моё настроение на весь отпуск было испорчено. До сих пор не могу без волнения вспомнить эту историю.

Науτροвоинское кладбище в Секешфехерваре было неузнать: всё сверкало чистотой. У главного монумента были возложены красивые венки от командования дивизии, мэрии города и общества венгеро-советской

дружбы. По бокам от главного обелиска был выставлен почётный караул. Кроме представителей общественности, на это торжество пришёл и приглашённый мной бывший секретарь Секешфехерварского обкома партии Карол Денге.

На митинге выступили представители политотдела дивизии, общественности, руководства города и Карол Денге. Предоставили слово и мне. Все мы говорили о роли Красной Армии в освобождении Венгрии и о погибших героях. В заключение был дан залп из двенадцати автоматов. По улице перед мемориальным кладбищем под звуки оркестра четким строем, чеканя каждый шаг, прошла рота солдат в парадной форме.

Когда зазвучал духовой оркестр, туристы нашей группы разложили на всех плитах и обелисках красные гвоздики. Вдруг я увидел: маленькая венгерская девочка в белом платьице понесла красную розу к обелиску с высеченным в камне именем моего отца... Я сделал снимок.

Проезжая на автобусе по улицам венгерских городов, я обратил внимание на почти полное отсутствие дорожных светофоров. Оказалось, что на всех пересечениях дорог водители сами регулируют движение транспорта. Для этого на каждом перекрёстке все обязаны остановиться. Мало того, в этот момент все водители приветствуют друг друга взмахами рук. Лишь после этого начинается медленное движение. Обычно команду даёт водитель автобуса или большегрузной машины: «Проезжай!» Первыми едут легковые машины, затем автобусы, после чего, скажем, грузовой транспорт. На прощание опять все дарят друг другу приветственный жест: «Спасибо!» Мне говорили, что в Венгрии аварий на перекрёстках никогда не бывает. Это и неудивительно. Нам бы такую культуру вождения!

Для большинства туристов нашей группы основной целью поездки был отдых на озере Балатон. Любопытно, что из-за незначительной глубины это озеро в шутку называют самой крупной лужей Европы. Зато летом вода здесь всегда прогревается до 25–27 градусов.

Семиэтажный отель «Балатон», где мы проживали, располагался в небольшом курортном городке Шиофоке, население которого составляло чуть больше 20 тысяч человек. На его побережье, занимающем лучшую часть берега, в шестидесятые годы было построено несколько высотных гостиниц.

С этого момента начинался наш активный десятидневный отдых. Стояло жаркое лето. Мои обязанности теперь сводились к обеспечению группы питанием и экскурсионным обслуживанием. Казалось бы, отдыхай себе на здоровье! Однако отдыхать я не умею, плаваю плохо, часами

Вдруг я увидел: маленькая венгерская девочка в белом платьице понесла красную розу к обелиску с высеченным в камне именем моего отца...

лежать на солнышке – это не для меня. Моим интересом был уровень гостиничного, ресторанного, социально-культурного и автомобильного сервиса Венгрии.

Находясь в Шиофоке, я первым делом решил пообщаться с директором отеля, но его там и в помине не было. Не было ни бухгалтерии, ни экономистов, ни финансистов, ни плановиков, ни отдела по размещению. Все эти службы находились за сто километров – в Будапеште. Несмотря на довольно большую загрузку – 300 мест, как и в наших отелях, всем управлял дежурный администратор. Обслуживающий персонал тоже был минимальным – несколько горничных, два-три повара, две посудомойки, несколько официантов и один дежурный слесарь, он же – электрик, сантехник, связист и носильщик. Примечательно, что для гостей все они старались быть незаметными. Однако при случайных встречах были улыбчивы и доброжелательны. Дежурных по этажам, как это принято во всех наших гостиницах, особенно столичных, не было. У нас же на каждом этаже гостиницы ГТК было четыре дежурных. Я даже заказал для них в Муроме внушительных размеров пульта управления.

Кормили нас в большом ресторане вместе с другими группами туристов. Было интересно наблюдать, как зал на 500 мест обслуживают всего пять-шесть официантов. Это были мужчины крепкого телосложения. Говорили, что большинство из них приезжает в туристический сезон из деревень или небольших городков на заработки. На огромных, почти метровых, подносах тарелки с первыми блюдами были поставлены в три этажа, а со вторыми – в четыре! Группу в сорок человек такой официант обслуживал всего за пять минут. При этом работали они легко и радостно. Думаю, при такой же загрузке зала у нас работало бы двадцать официантов...

Хочу заметить, что все блюда были по-особому украшены, и еда была очень вкусной. На каждом столе была гора фруктов и овощей, стояли кувшины с чистой родниковой водой. В общем, у наших венгерских друзей было чему поучиться – и сервису, и экономике.

Забегая вперёд, скажу, что в 1989 году счастливая судьба сдружила меня в Ленинграде с заместителем председателя Совета министров (в будущем, премьер-министром) Венгрии Петером Меддьеши. В одной из частных бесед на мой вопрос, сколько заместителей у председателя Совета министров страны, был дан лаконичный ответ: «Я один». Вот так рачительно и нужно хозяйствовать, подумал я тогда. У нас же у любого директора небольшого предприятия их будет три, четыре, а то и пять!

От нашего гида мы узнали, что главная достопримечательность Шиофока – музей венгерского композитора Имре Кальмана, автора

известных оперетт «Сильва», «Баядерка», «Принцесса цирка», «Фиалка Монмартра». Многие мелодии из этих оперетт я знал наизусть, а некоторые даже играл в духовом оркестре на гобое. Поэтому я организовал экскурсию в этот музей для всей группы, она прошла с большим успехом.

Съездили мы и в молодой социалистический город Дунауйварош*, где в пятидесятые-шестидесятые годы благодаря помощи Советского Союза был построен крупнейший в Венгрии металлургический комбинат.

Во время поездок по Венгрии я заметил, что многие наши туристы на каждой остановке разбегались по магазинам, а потом опаздывали к отправлению автобуса. В Суздале с иностранцами такого не случилось никогда, все приходило вовремя, особенно немцы.

Две недели, проведённые в прекрасной стране, в сочетании с солнечной погодой оставили неизгладимые воспоминания. Я был рад, что к тому же много узнал о европейском туристическом сервисе.

В Венгрии мне нравилось всё: и природа, и люди, и архитектура, и музыка. Проблемой был лишь языковой барьер. Мне приходилось много общаться с администраторами гостиниц, водителями автобусов, метродотелями ресторанов. Русский для многих из них был проблемой, а тот английский, которому нас учили, для общения вообще не годился. К тому же, и сами мадьяры далеко не все им владели. Вся надежда была на гида, если он оказывался под рукой. Моя попытка хоть немного овладеть венгерским оказалась безуспешной – он принадлежит к финно-угорской семье языков, сложных по произношению. В сравнении с простым казахским языком, которым я довольно прилично владел, это была китайская грамота. Чтобы читателю было понятно, приведу несколько примеров. «Доброе утро» по-венгерски звучит как «ё-регелт ки: ва: нок», «спасибо» – как «кёсёнём», а «до свидания» – вообще язык сломаешь: «висонтла: та: шра». Говорят, во время войны наши солдаты шутили: «Город Секешфехервар легче у немцев взять, чем выговорить»...

Большое впечатление я получил от венгерской народной музыки, звучащей буквально повсюду – в автобусах, в ресторанах, на природе. Мне всегда нравился её стиль, отличающийся не только свободой темпов и ритма, но и блеском импровизационных украшений. Особенно нравились мне венгеро-цыганский лад и плачущая скрипка. Ещё с институтских времён я восхищался мелодией венгерского чардаша, написанного итальянским композитором Витторио Монти. А Венгерский танец № 5 Брамса я сам играл в струнном оркестре на домре.

* Несколько лет этот город назывался Сталинварош.

В общем, у наших венгерских друзей было чему поучиться – и сервису, и экономике

В Венгрии мне нравилось всё: и природа, и люди, и архитектура, и музыка

Большим счастьем было то, что в один из вечеров в Шиофоке мне удалось попасть на концерт ансамбля короля венгерской музыки скрипача Шандора Лакатоша. Народные мелодии в его исполнении трогали душу. Потрясла меня и виртуозность исполнителей на венгерском кларнете торогато и на цимбаломе – больших столообразных цымбалах. Впервые я узнал тогда, что кантиленная мелодия в пьесе испанского виртуоза-скрипача Пабло Сарасате «Цыганские напевы» – это ничто иное, как венгерская народная песня «В мире есть красавица одна», которая мне была хорошо знакома по пластинкам советской певицы Зары Долухановой.

На оставшиеся небольшие деньги в одном из музыкальных магазинов Будапешта я купил венгерскую народную флейту фурулью. Вот эта самая фурулья и положила начало моей коллекции музыкальных инструментов народов мира, ставшей впоследствии одной из крупнейших в нашей стране.

После возвращения из Венгрии я первым делом отправился к своим детям. Мне хотелось поскорее вручить им сувениры и рассказать про могилу их деда. Но квартира была пуста. Оказалось, что за несколько дней до моего возвращения Галина с детьми уехала в Алма-Ату, где ей предложили высокую должность в республиканской прокуратуре и повышение в звании. Это был полный разрыв отношений. С того времени я виделся с детьми довольно редко, чаще всего в Барнауле, у мамы, куда после сдачи ГТК в эксплуатацию время от времени ездил.

Суздаль – юбилар!

24 августа 1974 года в городском Доме культуры проходила юбилейная Сессия горсовета, посвящённая 950-летию Суздаля. В семидесятые годы приоритетной была версия о том, что первое летописное упоминание о Суздале относится к 1024 году, когда «по всей той земле» поднялось крупное крестьянское восстание. Для его подавления прибыл сам князь Ярослав Мудрый со своей дружиной. Однако были и другие версии...

В тот праздничный день фасад здания, вестибюль и концертный зал были украшены лентами, транспарантами и цветами.

Стоял погожий осенний день. К назначенному времени собрались нарядно одетые гости, многие подъезжали на машинах. В основном, это было областное, городское и районное начальство. В вестибюле играл духовой оркестр, создавая праздничное настроение.

Около Дома культуры красовалась городская Доска почёта, где были портреты передовиков производства, а среди них и мой. В тот год мне исполнилось 35 лет.

В работе сессии принимали участие гости из Москвы, Владимира, Иваново, Ярославля, Горького и других городов.

По традиции тех лет был избран Почётный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС. От имени руководства области собравшихся поздравил кандидат в члены ЦК, первый секретарь Владимирского обкома партии М. А. Пономарёв. Затем был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нём говорилось: «За большой вклад трудящихся города в пропаганду культурного наследия, сохранение и реставрацию памятников

*Пейзаж. Суздаль.
Фото В. Брунцева.
70-е годы*

Выступление
В. А. Брунцева
на праздничном
концерте в честь
950-летия Суздаля.
1974

древнерусского искусства и зодчества, развитие массового туризма и в связи с 950-летием город Суздаль награждается орденом «Знак Почёта»».

Это известие было встречено бурными аплодисментами.

С обширным докладом о юбилее города выступил председатель горисполкома А. М. Думов. После этого были зачитаны многочисленные поздравительные телеграммы, а большой группе трудящихся города были вручены Почётные грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР и другие награды.

Я знал, что к юбилею города Владимирский обком представил и меня к награждению орденом, для чего были оформлены все необходимые документы. Но вместо ордена меня наградили Почётной грамотой Владимирского обкома партии и облисполкома. Как

мне объяснила потом старшая инспекторша по наградам облисполкома А. Я. Мухина, моя кандидатура не прошла по какому-то раскладу, где на сто человек награждённых должно быть столько-то процентов коммунистов, столько-то процентов – беспартийных, столько-то – мужчин, столько-то – женщин, столько-то – рабочих, столько-то – ИТР и служащих... И так до бесконечности, включая наличие уже имеющихся наград, национальность, возрастной ценз и прочее.

На этой сессии была торжественно вручена грамота и лента Почётного гражданина Суздаля заслуженному деятелю искусств Алексею Дмитриевичу Варганову. Это был уникальный человек, поистине достойный этого звания.

Варганов был уроженцем Ярославской губернии. В 1930 году после окончания в Ленинграде высших государственных курсов искусствоведения, он был направлен в Суздаль для работы в местном музее. Через год, уже в должности директора, он стал активно заниматься исследованием памятников архитектуры города, защитой их от разрушения и комплектацией музейной коллекции.

За тридцать лет работы Алексей Дмитриевич изучил историю строительства и архитектуру Рождественского собора Суздальского кремля, сделал много ценных открытий по памятникам Суздаля. К примеру, в подклете Покровского собора Покровского женского монастыря он раскопал гробницу сына великой княгини Соломонии Сабуровой, первой жены великого князя Василия III.

Празднование
950-летия г. Суздаля.
1974

В последующие годы Варганов был инспектором памятников архитектуры Суздаля, руководителем реставрационных работ, главным архитектором Владимирской научно-реставрационной мастерской. Он оставил после себя огромное научное наследие.

Когда мы познакомились в 1971 году, у Алексея Дмитриевича не оказалось визитной карточки, свой адрес и телефон он записал в мой блокнот, который я храню как ценную реликвию.

В конце торжества участники юбилейной сессии, следуя советской традиции, направили письмо в высшие органы власти с заверениями «свято хранить и активно пропагандировать богатое наследие русской национальной культуры, уникальные памятники древнерусского искусства и зодчества».

На мой взгляд, одним из самых значимых событий этого юбилейного мероприятия было торжественное открытие памятника национальному герою России Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Его установили в сквере перед входом в Спасо-Евфимиев монастырь. Правда, художественные достоинства этого памятника вызывали у меня большие сомнения...

В честь юбилея города в числе других мероприятий был проведён общегородской фотоконкурс «Остановленные мгновения», где в числе других было предложено принять участие и мне. Имея к тому времени более чем десятилетний опыт участия в выставках, я направил в жюри несколько своих снимков. 24 августа 1974 г. В. Белоногов, фотокорреспондент газеты «Сельская новь», курирующий эту выставку, писал:

«Около 70 фотографий представлены на выставке работ участников фотоконкурса „Суздаю – 950“, организованном отделением Общества охраны памятников истории и культуры и городским отделом культуры. Выставка открылась сегодня в кинотеатре города Суздаля.»

Почти 150 работ поступило в организационный комитет выставки. Лучшие всяких слов говорят они о любви авторов к своему городу.

Интересные работы представил на конкурс главный инженер дирекции турцентра В. Брунцев. Его снимок „Вечер“ – изображение части комплекса построек музея деревянного зодчества. Это „деревянное чудо“ снимали наверняка десятки суздальцев, но В. Брунцев сумел по-своему увидеть его и показать. Автор добился этого весьма скуными средствами: отсутствие деталей подчёркивает строгую красоту древних построек. Широкая гамма полутонов отличает его другую работу „Суздаль осенний“. Иной сюжет, иные изобразительные средства, но и здесь зритель видит, что автор не только любит город, но и внимательно изучает его»...

Участие в этом фотоконкурсе было для меня приятной творческой отдушиной. Я был награждён тогда дипломом Суздальского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры за подписью его председателя И. И. Старикова.

Кроме этого конкурса, я принял участие и в праздничном концерте в честь юбилея города – исполнил на гитаре два испанских произведения: «Этюд» Маттео Каркасси и «Аделиту» Франсиско Тарреги.

Кто спас Спасский монастырь

Как известно, одна из основных достопримечательностей Суздаля – Спасо-Евфимиев монастырь, заложенный в далёком 1352 году. Первоначально он назывался Спасо-Преображенским. Своё теперешнее название монастырь получил в 1511 году после канонизации одного из его основателей – игумена Евфимия.

В центре монастыря располагается пятиглавый Спасо-Преображенский собор, имеющий два придела – Евфимиевский и Сергия Радонежского.

В этом соборе сохранились фрески, исполненные в конце XVII века. Чуть в стороне от собора находится единственная в Суздале звонница, а рядом расположена Успенская церковь – один из самых ранних памятников каменного шатрового зодчества на Руси. Из других строений нужно отметить Успенскую, Никольскую и Надвратную церкви, Трапезную, Братский и Архимандритский корпус, в которых проживали монахи. Достоинством монастыря являются также его стены и 12 башен, одна из которых называется Входной (или Проездной).

В 1766 году Екатерина II в Спасо-Евфимиевом монастыре учредила тюрьму для «безумствующих колодников» – отступников от веры, раскольников и сектантов. Это была мрачная страница его истории. Не менее печальной страницей было и устройство здесь колонии для малолетних преступниц (с 1946 по 1967 год).

Казалось бы, сам бог велел создать здесь уникальный музей русского церковного зодчества, но современная история внесла свои коррективы.

Согласно постановлению Совета Министров СССР 1967 года, на территории Спасо-Евфимиева монастыря было запланировано открыть туристскую базу ВЦСПС на 350 мест. Под музей отводились лишь собор, звонница, надвратная церковь, а также башни и стены монастыря. Финансирование всех реставрационных и подготовительных работ взял на себя будущий хозяин этой турбазы – ВЦСПС.

Проектному институту ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий было выдано задание на разработку проекта этого комплекса. Здания братского, госпитального корпусов и бывшей тюрьмы планировалось переоборудовать под гостиницы. Трапезную хотели использовать под ресторан.

По всему было видно, что само это решение было скороспелым и ошибочным. Даже сам автор проекта турцентра Орлов высказывался по этому поводу вполне однозначно. В институте хорошо понимали,

Алиса Ивановна Аксёнова – генеральный директор Владимиро-Суздальского музея

Спасо-Евфимиев
монастырь.
Фото В. Радзиевского.
2017

с какими трудностями придётся столкнуться архитекторам и инженерам-смежникам, к примеру, при разработке проекта приспособления Архимандритского корпуса, имеющего сводчатые залы и толстенные стены, под современную гостиницу с её сантехническими системами, вентиляцией, а быть может, и кондиционированием...

Но решение было принято, и его нужно было выполнять. Я хорошо помню, какие огромные суммы мы выплатили за разработку проектно-сметной документации по приспособлению монастыря под туристскую базу, какие горы бумаг получили от института...

Единственным человеком, вступившим в открытый бой за сохранение этих древних сокровищ от скоропалительного решения, была Алиса Ивановна Аксёнова, генеральный директор Владимиро-Суздальского

музея. Вот как она описывает свою победу над этой исторической несправедливостью в книге «Суздаль. XX век»:

«... В августе 1974 года состоялось очередное заседание Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В то время это была очень авторитетная и деятельная организация, которую возглавлял заместитель председателя Совета Министров РСФСР Вячеслав Иванович Кочемасов...»

Пришло в голову: а что если прилюдно, чтоб уж не отступить, изложить проблему, доказать, что надо менять проект по созданию в ансамбле монастыря турцентра? В перерыве посоветовалась с министром культуры РСФСР Ю. С. Мелентьевым, попросила слова.

И вот высокая трибуна. Убедительно, как мне показалось, доказывала нелепость размещения гостиничных и ресторанных служб в уникальных памятниках, что, по сути, вызовет обратный ход возвращения интерьеров к состоянию до реставрации.

Музей-заповедник готов приступить к освоению монастыря и созданию целого комплекса экспозиций, связанных с историей монастыря и Суздаля; это был первый в стране опыт музеефикации целого архитектурного ансамбля...

Увидела внимательный, вдумчивый взгляд Вячеслава Ивановича. После некоторого раздумья он произнёс: „Ну, что ж, подумаем...“ Было над чем думать – ведь проект утверждён на правительственном уровне!

А через день меня пригласил секретарь обкома партии С. И. Сурниченко и сходу стал отчитывать: „Как вы без согласования могли выступить на таком высоком уровне с предложениями, подрывающими ход работ в монастыре по созданию турцентра? Вы проявили нескромность в оценке возможностей музея. И вообще, кто вас уполномочил?!“

Даже умные начальники очень редко решались выступать против утверждённых „наверху“ планов, видя их несостоятельность. Такое было возможно лишь в советских кинофильмах... Мне тогда, что называется, попало, но судьба Спасо-Евфимиева монастыря была решена.

Вскоре на правительственном уровне состоялось решение о передаче всего ансамбля монастыря музею-заповеднику!..»

Но победы ради победы мало. Теперь нужно было решать непростую задачу: как приспособить здания монастыря под музейные экспозиции. По инициативе Аксёновой к этой работе привлекли лучших специалистов Государственного исторического музея. Итогом совместных усилий двух музеев стал план музеефикации Спасо-Евфимиева монастыря, как

Это был первый в стране опыт музеефикации целого архитектурного ансамбля...

одной из основных составляющих плана музеефикации всех памятников Суздаля, до сих пор не имеющего аналога.

Спустя совсем немного времени гости города смогли увидеть уникальные музейные экспозиции: в больничной Никольской церкви была открыта «Золотая кладовая», располагающая произведениями древнерусского прикладного искусства, в Архимандритских палатах – экспозиция «Книжные сокровища шести столетий», в Спасо-Преображенском соборе – выставка «Сила Савин и Гурий Никитин – выдающиеся живописцы середины XVII века», а в Благовещенской надвратной церкви – «Д. М. Пожарский – национальный герой русского народа».

Ломали голову над тем, как приспособить под музейные нужды Братский корпус Спасо-Евфимиева монастыря, в котором раньше хотели разместить гостиницу ВЦСПС. В своей книге Алиса Ивановна пишет: «... Самым трудным в те годы было идеологическое давление, требование остроклассовой оценки всех исторических событий, активная атеистическая пропаганда, показ преимуществ и достижений советской эпохи. А на чём это можно было показывать в бывшей царской тюрьме?» И продолжает: «Спасительная мысль пришла заместителю министра культуры РСФСР Василию Михайловичу Стриганову – создать в Братском корпусе первый в стране Музей самодельного творчества народов России. И музей получился яркий, неформальный, праздничный...»

Мне в очередной раз оставалось только гордиться, что я учился в одном институте с Василием Михайловичем, который считался теперь покровителем всех музеев и библиотек России, и что Василий Михайлович удостоил меня своей дружбой.

Мои московские гости

В начале семидесятых в выходные дни из Москвы по моему приглашению приезжали в Суздаль по десять-пятнадцать человек, а после открытия мотелей число гостей порой доходило до трёх-четырёх десятков! Чаще всего это были сотрудники Госплана, Главснабсбыта, Минторга и Минкультуры РСФСР. Всех их нужно было встретить, разместить, обеспечить экскурсионным обслуживанием, устроить в ресторан или кафе, не забывая при этом сфотографировать, чтобы потом в Москве вручить им памятные фотографии. Каждый человек или группа, как правило, считали себя единственными моими гостями, не зная о других. Из этой ситуации приходилось как-то выкручиваться.

Некоторых я приглашал вечером к себе в гости на сибирские пельмени. Накануне таких визитов нам с женой приходилось лепить две-три сотни пельменей, благо, в этом деле я был неплохим специалистом, получившим хорошую практику ещё в Кокчетаве, у своего друга-китайца Сун Чжи ган, который во время учёбы в токийском университете жил на квартире у шеф-повара какого-то известного ресторана. После таких дружеских визитов все наши проблемы решались автоматически, как бы сами по себе.

Решение многих вопросов порой инициировали и сами гости, осведомлённые о наших делах. Например, кто-нибудь звонил из столицы и говорил: «Будешь в Москве, не забудь заскочить ко мне, появились красивые светильники. Пару сотен могу выделить...»

Рассказываю я об этом потому, что работа заказчика, особенно в условиях централизованной плановой системы, во многом находилась в зависимости от простых человеческих контактов, от которых в итоге зависели результаты всех дел.

*Гости из Москвы.
Слева направо:
Г. А. Посохина,
М. В. Посохин,
В. И. Лепский,
жена Р. Хаупта,
сестра Р. Хаупта,
Р. Хаупт, Куликов.
1975*

С австрийским бизнесменом Рихардом Хауптом у главного входа в ГТК. 1977

Показателен в этом отношении визит в Суздаль заместителя председателя Моссовета Николая Евгеньевича Пашенко вместе с его другом, начальником Управления промышленных предприятий Москвы Владимиром Ивановичем Канахистовым, о котором я уже рассказывал. После этого визита и Моссовет, и его производственные подразделения надолго стали самым надёжным местом для решения наших проблем, начиная от поставки блочных (в то время дефицитных) трансформаторных подстанций и заканчивая строительными материалами.

Для получения различных промышленных или строительных товаров из Москвы нам не нужно было иметь ни фондов, ни разнарядок. Распоряжение Пашенко или Канахистова отпустить какой-то дефицитный товар давало возможность получать их просто по доверенности, без предварительной оплаты. С точки зрения оперативности, это было очень удобно.

С помощью этих двух замечательных людей, больших друзей Суздаля, в значительной степени решались вопросы электроснабжения города, на территории которого было смонтировано 15 трансформаторных подстанций

производства УПП Моссовета. Не только освещение зоны ГТК, но и главных улиц города было осуществлено путём установки красивых и модных в те годы светильников марки «Александровский сад» на высоких металлических опорах.

В Москве они впервые были установлены в Александровском саду у Кремлёвской стены, возле могилы Неизвестному солдату.

Но среди многочисленных гостей турцентра самым дорогим для нас был главный архитектор Москвы Михаил Васильевич Посохин, автор самой идеи создания туристского центра в Суздале. В содружестве с директором института ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и туристских комплексов Орловым он был автором разработки «Проектных предложений и технико-экономических обоснований туристского центра», которые легли в основу доклада, представленного в январе 1967 года Орловым секретарю ЦК КПСС Суслову на их встрече в Суздале.

Нам было известно, что М. В. Посохин дружил со многими высокопоставленными и влиятельными людьми страны. Это именно он в своё время познакомил меня с председателем Моссовета В. Ф. Промысловым, что в значительной степени повлияло на решение многих сложных вопросов, в том числе на изготовление анодированных алюминиевых витражей.

Приезжал Михаил Васильевич всегда с семьёй. Жена Галина Аркадьевна Попова (Посохина) была его большим другом. Служила она во МХАТе, имела звание заслуженной артистки РСФСР, была исполнительницей ведущих ролей в нескольких спектаклях и кинофильмах, в том числе – роли Глафиры в фильме-спектакле «Егор Булычёв и другие». Сын Михаил пошёл по стопам отца, к тому времени он уже окончил Московский архитектурный институт и учился в аспирантуре.

Вместе с Посохиными часто приезжал Орлов, а при возможности и главный инженер института Лепский. Во время этих дружеских встреч мы много говорили о перспективах Суздаля, советовались по вопросам, касающимся дальнейшего развития туристского центра.

Часто компанию им составлял и близкий друг Посохина из Австрии, владелец фирмы по выпуску роскошных хрустальных люстр и светильников, большой почитатель русской старины Рихард Хаупт, который с гордостью говорил, что у него в жилах течёт славянская кровь. Так же как и я, он мечтал украсить интерьеры нашего комплекса своей непревзойдённой продукцией. Достаточно сказать, что 25 тысяч светильников фирмы «Хаупт» освещают интерьеры здания Дома Советов, построенного в семидесятые годы в Москве.

К сожалению, у нас для этого не было валюты...

Даже умные начальники очень редко решались выступить против утверждённых „наверху“ планов, видя их несостоятельность

Спасо-Евфимиев монастырь. Суздаль. Фото В. Брунцева. 1975

КУЛЬМИНАЦИЯ

В конце 1974 – начале 1975 годов на главном туристском комплексе наступил мощный разворот дел. Здесь полным ходом работали бригады кровельщиков, плотников, столяров, штукатуров, сантехников, электриков, слоботочников...

Беседа с руководителями подрядных организаций Я. А. Резником (в центре) и Л. В. Пузырёвым

Это магическое слово...

Приступили к работе монтажники технологического оборудования по водоподготовке и химводоочистке бассейна, в подвале был начат монтаж огромных блоков климат контроля, предназначенных для кондиционирования ресторана и концертного зала. Шёл монтаж вентиляторов, калориферов и всевозможных насосов.

Общий фронт работ составлял больше 20 тысяч квадратных метров. На площадку завозили огромные партии оконных и дверных блоков, пиломатериалов, сборных металлических лесов, водопроводных и канализационных труб, десятки километров проводов.

Одновременно на строительной площадке работало полтысячи человек. Большинство строителей были местными жителями, получившими в Суздале новое жильё. Остальные находились в режиме ожидания: по законам того времени строительные организации получали 10 процентов от построенного ими жилья. Кроме того, сотни рабочих каждое утро приезжали из Владимира. На этом этапе строительства ГТК участвовало больше 20 строительно-монтажных организаций. Дел хватало всем.

Сотрудники
проектного
института.
Сидят слева
направо:
А. Позднев,
В. Г. Лукьянова,
Е. М. Дробинская,
И. М. Дьякова.
Слева стоит
В. И. Косаржевский

Много забот на стройке было и у наших московских проектировщиков. По вызову дирекции, по первой просьбе подрядчика приезжали они в Суздаль целыми десантами на три-четыре дня. По договору с дирекцией их работа была проведена как авторский надзор за строительством ГТК, но часто работникам института приходилось решать вопросы и по другим объектам турцентра. Самыми востребованными в то время были главный инженер проектов (ГИП) А. Дмитриев, архитектор Л. Зеликин, инженеры-конструкторы З. Куцер, А. Позднев, Б. Волынский, главные инженеры проектов электроснабжения, сантехники, вентиляции, слабых токов и других смежных разделов: А. Вепринский, Е. Дробинская, В. Лукьянова, Л. Пронштейн, Т. Сахно, Э. Столерман, Р. Соколовская, инженер-сантехник Е. Ашкенадзе, технологи Г. Бескурникова, Н. Дурченко, С. Мирская, А. Чижевский. В особом ряду стоял главный сметчик института – Л. П. Зуев. К нему вопросов было больше всего.

Конечно, бывали у нас и авторы проектов отдельных объектов ГТК – Э. Акопов (гостиница), В. Бломериус (ресторан), И. Шадрин (вестибюль

и концертный зал), Ю. Мурзин (бассейн), В. Косаржевский и В. Симакова (благоустройство территории).

Что касается объёма выпускаемой нашим головным институтом проектной документации по объектам турцентра, только к первому июля каждого года (дата её выдачи заказчику «на план будущего года») в дирекцию доставляли два доверху набитых ею грузовых микроавтобуса. Чаще всего это происходило за день-два до контрольного срока, после которого подрядчик, 94-й трест, вполне мог вернуть эту документацию обратно.

Все документы, полученные в шести экземплярах, нужно было перелопатить – просмотреть, утвердить к производству работ, а уж потом отправить в трест. Это напоминало конвейер, в котором участвовали одновременно несколько человек: один подносил и уносил пачки чертежей, другой их разворачивал, третий ставил штамп. Бегло просматривая эти чертежи, я расписывался – без подписи они были бы недействительны. Так же мы поступали и со сметной документацией. Чтобы вовремя передать тресту проектно-сметную документацию, нам приходилось работать даже по ночам.

Регулярно приезжали на стройку директор института М. А. Орлов и главный инженер В. И. Лепский. С ними решали только самые принципиальные архитектурные и конструктивные вопросы, хотя и таких накапливалось немало: одних помещений в комплексе было больше четырёхсот, и по каждому могли возникнуть проблемы.

Во Владимирской области авторитет Марка Артуровича был необычайно высок. Первые лица обкома партии и облисполкома – М. А. Пономарёв и Т. С. Сушков – принимали Орлова с большим почтением, все его предложения по турцентру обязательно исполнялись. Думаю, такое отношение к директору проектного института вряд ли можно найти где-то ещё.

«Построечный» архитектор Ранинский

Большое везение для нас, что главным архитектором проекта ГТК был такой человек, как Юлий Владимирович Ранинский, один из тех редких архитекторов, которых называли «построечными». Ведь в течение почти трёх лет он находился на нашей стройке практически безвылазно.

Юлий Владимирович родился в 1928 году в Москве. Учился он отлично, с детства имел страсть к рисованию. Школу окончил в 1946 году,

Юлий Владимирович Ранинский – главный архитектор проекта ГТК. Фото В. Брунцева. 1986

когда в стране активно восстанавливались города. Красочные макеты будущих зданий выставлялись на всеобщее обозрение, что не могло не впечатлять художественно одарённого юношу. По словам Ранинского, в десятом классе «определилось его направление на архитектуру».

В Московском архитектурном институте его педагогами были известные профессора В. Ф. Кринский и Л. М. Лисенко, а с третьего курса он попал в группу выдающегося архитектора профессора Б. С. Мезенцева. «Борис Сергеевич часто привлекал нас к доработке проектов в его мастерской, – вспоминал Ранинский. – Вместе с ним мы делали конкурсную панораму Бородинской битвы, участвовали в его проекте высотного дома у Красных ворот».

Юлий Ранинский неутомимо готовил торжественные институтские вечера, выпускал стенгазеты, писал стихи, участвовал в театральных постановках. Он был одним из организаторов знаменитого ансамбля архитекторов «Кохинор», писал для него тексты.

А главное, отлично учился и на последних курсах получал сталинскую стипендию.

После окончания института Ранинского приняли в мастерскую Мезенцева, он участвовал в нескольких конкурсах, в том числе на лучший проект памятника Победы на Ленинских горах и монумента в честь запуска первого искусственного спутника земли. В пятидесятые годы, когда волею Хрущёва архитекторов отстранили от создания монументальных сооружений, Юлий Владимирович проектировал здание пединститута в Чимкенте, жилые дома на Рязанском проспекте столицы, занимался реконструкцией главного корпуса НИИ скорой помощи имени Н. В. Склифосовского.

В 1961 году он возглавил коллектив по строительству стадиона в Джакарте для очередных Азиатских игр. Важной вехой в творческой биографии замечательного архитектора стало его участие в восстановлении Ташкента после землетрясения, за что он был удостоен

Государственной премии Узбекской ССР. Тогда же, в шестидесятые годы, он построил в Москве Дом культуры шарико-подшипникового завода, Дворец культуры АЗЛК, мотели на Минском шоссе*.

И вот 1970 год. Марк Артурович Орлов пригласил молодого кандидата архитектуры возглавить мастерскую по проектированию главного туристского комплекса в Суздале. Опыт строительства ГТК лёг в основу докторской диссертации Ранинского «Историко-теоретические основы преемственности развития архитектурного ансамбля».

Юлий Владимирович не ограничивался ролью «проектанта» или представителя «авторского надзора» на нашей стройке. Для него решение на месте возникающих в процессе строительства вопросов было делом второстепенным. Он был тем самым зодчим-строителем, который неустанно творил! За годы строительства и оснащения туркомплекса Юлий Владимирович выполнил больше 150 листов чертежей и заказных спецификаций, где кроме высококлассных архитектурных решений, были и сопутствующие им конструктивные.

В обращении с коллегами, будь то инженер, бригадир или просто рабочий, Ранинский никогда не показывал своего превосходства. С достоинством общался он и с руководителями своего института – Орловым и Лепским, называвшим его по-дружески Юликом.

В отличие от многих авторов проектов, Ранинский без обид выслушивал замечания по поводу своего решения и мог принять любое дельное предложение, от кого бы оно ни исходило. Это свойство сильного человека и настоящего профессионала, который никогда не пытается любой ценой отстоять своё мнение.

Творчески одарённый человек, Ранинский в свободное время писал акварелью и рисовал. Обладая великолепной памятью, он мог прочесть наизусть весь пушкинский роман «Евгений Онегин».

Микрорайоны Ташкента, восстановленные после землетрясения с участием Ю. В. Ранинского

* Биографические сведения взяты из статьи Я. Ш. Каждана. «Архитектура и строительство Москвы», № 1, 2008 г.

С Юлием Владимировичем нас связывала большая дружба. Я могу гордиться тем, что благодаря нашей совместной работе появились на свет уникальные решения потолков вестибюля, бассейна и ресторана, стен концертного зала и другие. Бывая в Москве, я часто оставался ночевать в доме Ранинского. Жена его, Аделаида Ивановна, приветствовала нашу дружбу, доставлявшую нам истинную радость общения. Доброй памятью об этих отношениях стал для меня кабинетный рояль фирмы «Беккер», подаренный мне четой Ранинских.

«Летающая тарелка» из Суздаля

Я уже писал, что мне часто приходилось выезжать в командировки, чтобы обеспечить нашу стройку всем необходимым. Приятели и сослуживцы удивлялись:

– Ну, что ты всё мотаешься, что-то достаёшь? У нас ведь плановое хозяйство! Твоё дело – вовремя заказать что надо, и всё. Сиди и жди, когда всё изготовят и доставят – хотя бы во Владимир. У вас же стройка союзного значения!

Как эти рассуждения были далеки от реальной жизни!

В семидесятые годы в нашей стране строились сотни тысяч самых разных объектов, для всех требовались строительные материалы и технологическое оборудование, предусмотренные проектами. И угадать, что придёт в голову архитекторам, конструкторам, инженерам-технологам или их смежникам, практически было невозможно. Одному конструктору больше нравится металл, другому – железобетон. Один архитектор любит дубовый паркет, другой предпочитает линолеум. А есть ещё заказчики, которые ставят условия в своём техническом задании. О каком реальном планировании можно говорить в этом случае? Так что, ни Госстрой, ни тем более Госплан не могли проследить за каждым объектом.

Со слов зампреда Моссовета Н. Е. Пашенко, только под его началом ежегодно велось строительство объёмом до 3 млрд. рублей (а это 5–10 тысяч объектов).

И если «наверху» принималось какое-то важное решение, скажем, о создании крупного туристского центра в Суздале, то это вовсе не значило, что вся промышленность страны, в том числе индустрия стройматериалов, в одночасье сможет перестроиться, учитывая задачи, которые появятся у заказчика и строителей этого комплекса. Ведь по первона-

чальному плану в проект турцентра входило около 300 объектов, в числе которых были и весьма сложные в инженерном отношении – котельная, станция обезжелезивания воды, очистные и водозаборные сооружения. Для строительства одной только котельной дирекция должна была поставить около 5 тысяч единиц оборудования и материалов. А как можно предугадать, какой из типовых проектов будет применён и какие при этом будут предусмотрены котлы? На каком они будут работать топливе – на мазуте или на газе? И где их взять?

Что уж говорить о таких строительных гигантах как Костромская ГРЭС, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс или Норильский горно-металлургический комбинат, которые строились одновременно с турцентром!

А ещё не надо забывать, что строительством в стране занимались Минстрой, Минтрансстрой, Минмонтажспецстрой, Минспецстрой, Миннефтегазстрой, Минсельстрой и т. п. Кому из этих министерств поручат вести стройку? У каждого из них были свои отраслевые нормы и правила. Существовало ещё министерство промышленности строительных материалов. Многие предприятия страны вели строительство так называемым «хозяйственным» способом.

Когда принимают решение о строительстве объекта, возникает целый ряд сопутствующих вопросов: какой срок отводится на него, в каких объёмах будет осуществляться финансирование, какие подрядные организации будут задействованы. Скажем, финансирование строительства нашего турцентра обеспечивалось из 16 разных источников, а для производства строительных работ пришлось создавать новую подрядную организацию – СМУ «Суздальстрой», что было предусмотрено постановлением Совета Министров СССР. В то же время, для организации этого строительного управления пришлось строить жильё и детский сад. В общем, всё далеко не так просто, как кажется.

Основной проблемой строительства было то, что его темпы и размах значительно превышали возможности наших промышленных предприятий, обеспечивающих эти стройки всем необходимым. Отсюда и массовый дефицит всего и вся.

Строительство дополнительных заводов по производству цемента, гипса, линолеума, сантехники, металлоконструкций или железобетона тоже было делом непростым. За ним тянулся тот же самый шлейф проблем. Из-за каждого отдельного объекта, даже крупного, никто их строить не станет. Коренным образом вопрос будет решаться только в случае явного дефицита на какие-то конкретные ресурсы.

Если «наверху» принималось какое-то важное решение, то это вовсе не значило, что вся промышленность страны, в том числе индустрия стройматериалов, в одночасье сможет перестроиться...

Здание Госплана СССР

В этом плане у нашей отечественной промышленности была одна отличительная особенность. Если на западных предприятиях малого и среднего бизнеса, где работает 25–30 человек, можно легко и без особых потерь перестроить любое производство – как в сторону увеличения общего объёма, так и в сторону изменения номенклатуры изделий, то наши отечественные предприятия-монстры, с их огромными коллективами и постоянной плановой нагрузкой, такой возможности были лишены. Отсюда проблемы с внедрением новых технологий и с расширением производства. Показательным примером в этом отношении является затянувшееся на два-три десятилетия освоение прогрессивных железобетонных конструкций каркаса серии

ИИ-04, разработанных нашим проектным институтом.

По всему чувствовалось, что страна давно уже нуждается в коренном улучшении не только самой плановой системы и промышленной политики, но и системы распределения ресурсов. И начинать надо было, наверное, с Госплана СССР.

Известно, что основная задача Госплана – осуществление общего планирования развития народного хозяйства, а также контроль за выполнением планов. Другая важная его функция – пропорциональное распределение материально-технических ресурсов и средств производства с учётом потребности организаций, которые выполняли свою конкретную часть этого государственного плана.

Самая дефицитная и важная продукция распределялась непосредственно Госпланом СССР. В категорию его потребителей входили также некоторые союзные министерства и ведомства, например, министерство обороны СССР. Значительная часть ресурсов, связанных с промышленным производством, направлялась в Госснаб СССР, в составе которого было больше 30 территориальных управлений – от Калининграда до Камчатки. Так, в Иваново успешно работало Верхне-Волжское территориальное управление Госснаба СССР, обеспечивающее ресурсами промышленные предприятия Ивановской, Владимирской, Ярославской и Костромской областей.

Оставшаяся часть товаров распределялась по Госпланам союзных республик, которые действовали по той же схеме, что и Госплан СССР, передавая свои ресурсы не только республиканским Главснаббывтам, министерствам и ведомствам, но также краевым и областным управлениям. Например, при Владимирском облисполкоме находилось област-

ное управление по снабжению и сбыту, обеспечивающее своей продукцией все предприятия и организации местного подчинения.

Вот такая система существовала в нашей стране.

Учитывая её многоступенчатость и многоплановость, а порой и всякого рода неожиданности при ежегодном распределении ресурсов и средств производства, все органы планирования закладывали довольно большие резервы «на чёрный день», опытные люди о них были хорошо осведомлены.

В отдельные периоды количество наименований оборудования, материалов, мебели и инвентаря, поставляемых нашей дирекцией, доходило до 10 тысяч в год, и мне приходилось крутиться, как белке в колесе. На мне был весь дефицит, а та многочисленная продукция, которая выделялась нам по фондам Главснаббывта РСФСР и часть которой ещё предстояло «выбить», являлась заботой начальника отдела комплектации Г. П. Боровкова. Его коллективу из трёх человек тоже доставалось сполна. Особенно трудно было получать промышленную продукцию с Западной Украины и из Прибалтики.

Думаю, понятно, что всякого рода задержки с поставкой оборудования и материалов, должны были приводить к остановке строительства. Но к счастью, до этого не доходило.

Моими основными «кормушками» были Госплан, Главснаббывт, Минторг и Минкультуры РСФСР, а кроме того, Росхозторг, Моссовет, Верхне-Волжское управление Госснаба СССР и Упрснаббывт нашего облисполкома. Иногда приходилось обращаться в Госплан и Госснаб СССР, а в 1985 году к этой когорте прибавилось ещё и могучее Министерство внешней торговли СССР.

Во всех этих ведомствах и на предприятиях у меня были «свои люди», которые всячески старались нам помочь. За все годы работы в Суздале я не помню ни одного случая отказа, хотя все вопросы касались поставки дефицитных товаров.

Конечно, успех дела зависел также от должности и авторитета просителя, от его взаимоотношений с вышестоящим начальником. Знакомым людям общаться между собой легче. Если в кабинет председателя Госплана зайдёт, к примеру, депутат Верховного Совета СССР, отказа в его просьбе точно не будет. Независимо от сложности вопроса, на его письменном обращении поставят резолюцию «решить», «выделить» или «надо помочь!» Но если по тому же самому вопросу обратится начальник какого-то областного ведомства, то не факт, что вопрос обязательно будет сходу решён. Просителя могут любезно направить «вниз» – к начальнику управления или даже отдела.

Количество наименований оборудования, материалов, мебели и инвентаря, поставляемых нашей дирекцией, доходило до 10 тысяч в год, и мне приходилось крутиться, как белке в колесе.

Я же находился на особом положении. Заходя в приёмную одного из своих благодетелей – будь то зампред Моссовета Пашенко, начальник Росхозторга Козельков или зампред Госплана Машьянов – я всегда был уверен, что попаду к ним на приём. Опытные секретарши не только знали всех посетителей в лицо, но и определяли, кого пропустить вперёд, а кто подождёт. Называя начальнику по внутреннему телефону мою фамилию, они всегда добавляли: «Из Суздаля». Это магическое слово на всех действовало так, будто Суздаль – что-то вроде Ватикана. Даже люди, долго ожидавшие в приёмной, мирились с тем, что меня пропускали вперёд, как это случилось однажды в министерстве авиационной промышленности СССР.

На сообщение секретарши о моём появлении реакция начальника обычно была такая: «Пусть зайдёт» или «Пусть немного подождёт».

То же самое – в управлениях и отделах.

А всего три года назад, когда знакомых в структурах власти у меня было ещё маловато, в одном из коридоров Госплана РСФСР я услышал властный женский окрик:

– Эй, вы! Как вас там... летающая тарелка из Суздаля! Вернитесь, вы забыли фондовое извещение!

Должен сказать, что кроме министерств и ведомств, в поле моего зрения был не один десяток крупных промышленных предприятий, где в наличии всегда было много так называемых «неликвидов». Речь идёт о дефиците, который иногда годами хранился «про запас». Это напоминало ситуацию с дефицитом продуктов питания, когда полки магазинов пусты, а холодильники в домах забиты продуктами...

Если нужно было решить сложный вопрос на каком-то знакомом мне заводе или комбинате, я ехал к генеральному директору или к главному инженеру. Личные связи всегда шли на пользу делу. А начальника отдела комплектации дирекции не пустили бы даже на порог директорской приёмной, в лучшем случае, направили бы к замдиректора по сбыту.

Однако бывало и так: приезжаешь в какой-то город, заходишь в приёмную директора и первым делом спрашиваешь у секретаря: «Как зовут вашего шефа?» Заходишь к нему, не зная, что это за человек, какое у него настроение, какими проблемами он сейчас занят. В подобной ситуации многое зависит от того, с чего ты начинаешь разговор. И чаще всего было так, что через некоторое время ты выходишь чуть ли не в обнимку с этим недоступным для многих человеком, и он тебе говорит на прощание:

– Не волнуйся, всё будет сделано в лучшем виде!

Что касается поездок по стране, это тот самый случай, когда говорят «волка ноги кормят» или «под лежащий камень вода не течёт». Более лёгки-

ми для решения были вопросы получения товаров и изделий с предприятий Владимирской области. Например, латунных изделий, выпускаемых Кольчугинским заводом цветных металлов, или мощных электромоторов производства Владимирского электромоторного завода. Директора этих предприятий Михаил Иосифович Тёмкин и Глеб Михайлович Князев всегда шли навстречу, понимая, что это нам нужно для дела.

Утром заказ – вечером стулья

Дефицит означает недостачу чего-то. Но дефицит дефициту рознь. Дефицит бывает финансовый, товарный и продуктовый.

Финансовый нам хорошо знаком из нашей повседневной жизни, особенно студенческой.

Продуктовый памятен по 1991 году, когда полки магазинов были пустыми, а водка продавалась по талонам. О товарном же дефиците знают все строители, об этом рассказано чуть выше.

Но, оказывается, есть и другие его виды, к примеру, искусственный дефицит. Волею судьбы я оказался к нему причастен.

Было так. В 1972 году я ездил на Бахмачский завод химического машиностроения, чтобы разместить заказ на изготовление нескольких 60-кубовых ёмкостей из нержавеющей стали для нашего цеха медовых напитков. Для предприятия заказ был не только сложен, но и невыгоден. Тем не менее, директор завода его принял. Пожалуй, единственным мотивом для этого решения послужило то, что я дал обещание помочь им в приобретении... стульев!

– Хотя бы, штук сто, – попросил меня директор завода.

К тому времени я уже был в дружеских отношениях с начальником Росхозторга В. Г. Козельковым, который выделил для наших мотелей и конторы дирекции 600 стульев производства Егорьевской мебельной фабрики, находящейся в Подмосковье. В общем, я дал своему украинскому партнёру твёрдое обещание.

Оказалось, проблема в том, что стулья, выпускаемые мебельными фабриками страны, по распоряжению Минторга поступали в торговую сеть, где оплата производилась за наличный расчёт. В магазинах они шли нарасхват. Выделение же фондов на стулья с расчётом по безналу было весьма и весьма ограничено. По линии Росхозторга они выделялись разным учреждениям и организациям: школам, институтам, дворцам культуры, театрам, больницам, поликлиникам...

Называя начальнику по внутреннему телефону мою фамилию, опытные секретарши всегда добавляли: «Из Суздаля». Это магическое слово на всех действовало так, будто Суздаль – что-то вроде Ватикана.

Как мы уже знаем, обеспечение промышленных предприятий всевозможными фондами шло по линии Госснаба, где подобной продукции практически не значилось. К тому же, в отличие от нынешнего времени, наши промышленные предприятия наличными средствами не располагали. Получался замкнутый круг. Как выход из положения, в заводских цехах, бытовках и даже в конторских помещениях чаще всего пользовались самодельными скамьями.

Заселение в одну из «хрущёвок». Фотохроника ТАСС

Зная о наших проблемах, В. Г. Козельков время от времени выделял турцентру – для «наших нужд» – большие партии стульев в счёт перевыполнения плана Егорьевской мебельной фабрикой. Имея на руках фондовое извещение на определённое количество стульев, мне достаточно было отправить директору фабрики письмо: «выделенную турцентру по фондам Росхозторга продукцию отпустите такому-то предприятию».

Я с успехом пользовался возникшими возможностями для изготовления на предприятиях нужных нам нестандартных изделий или для получения дефицитных товаров, числящихся в «неликвидах». Руководитель любого промышленного предприятия готов был принимать от нас даже экономически невыгодные заказы, лишь бы приобрести новые стулья.

За несколько лет я получил с мебельной фабрики и передал промышленным предприятиям не меньше трёх тысяч стульев!

Тогда это называлось взаимовыручкой. Теперь называется бартером.

Хрущёвская «оттепель» в архитектуре

Говоря о возможностях архитекторов в проектировании и строительстве объектов в шестидесятые-семидесятые годы, необходимо вспомнить о Постановлении Совета Министров СССР от 23 апреля 1959 года с довольно витиеватым названием: «Об устранении излишеств в отделке, оборудовании и во внутреннем убранстве общественных зданий». Главным его идеологом был первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв.

Этим постановлением категорически запрещалось применять для отделки помещений и оборудования кожу, дорогие породы дерева, бронзовые люстры, скобяные изделия из бронзы, громоздкую мебель, ковры,

плюшевые и бархатные шторы, дорогие письменные приборы и т.п. Не позволялось использовать в проектах зданий арки, карнизы, сандрики, модульоны, пилястры, колонны с капителями и ордерами. Под строгим запретом была не только декоративная штукатурка фасадов, но и простая.

Облицовочные материалы из мрамора, гранита, базальта и других видов натурального камня теперь можно было применять в строительстве в ограниченных объёмах лишь для тех зданий и сооружений, к которым предъявлялись высокие архитектурные или специальные требования. Разрешение на это мог дать Совет Министров СССР или министр отрасли (в нашем случае – Госгражданстрой СССР).

Это был конец так называемой «сталинской» архитектуры сороковых-пятидесятых годов.

Что касается интерьеров жилых и общественных зданий, Госстрой СССР рекомендовал применять сухую штукатурку, гипсолитовые перегородки, всевозможные пластиковые изделия, полиэтиленовые плёнки, стеклоблоки и другие дешёвые материалы.

К чему всё это привело, хорошо известно. В наших строительных организациях моментально выродился целый класс «рабочей интеллигенции» – высококвалифицированные каменщики, владеющие искусством лицевой кладки, мастера декоративной штукатурки, маляры-альфрейщики*, столяры-краснодеревщики и лепщики. На смену им пришли бетонщики, арматурщики, штукатуры-маляры, сварщики и плотники, главным показателем работы которых стала «выработка» квадратных метров и кубов.

С введением в нашей стране крупнопанельного домостроения самыми приоритетными специалистами в строительстве стали монтажники. В известном фильме Зархи «Высота» исполнитель главной роли Николай Рыбников пел: «Не кочегары мы, не плотники, но сожалений горьких нет...»

Такие «перемены к лучшему» не могли коренным образом не отразиться и на творчестве архитекторов, которым было запрещено практически всё. Их основной функцией стала теперь «привязка типовых проектов». Престиж архитекторов и, соответственно, их зарплата упали до невероятно низкого уровня – начинающий специалист получал 80 рублей в месяц.

* Маляр-альфрейщик занимается художественной росписью стен и потолков.

Счастливые новосёлы. Фотохроника ТАСС

Панорама
стройки.
1975

Владимир Васильевич
Долгов, зампред
Владимирского
облисполкома

Юрий Викторович
Бурлаков, главный
инженер СМУ
«Суздальстрой»

Для того чтобы «развязать руки» архитекторам, участвующим в проектировании главного туркомплекса, зампред Госгражданстроя СССР Сергей Георгиевич Змеул своим распоряжением 1968 года принял решение «Об отнесении главного туристского комплекса в Суздале к объектам, имеющим большую архитектурную значимость».

Это и позволило нашему институту применять некоторые дорогостоящие и дефицитные материалы, а также разрабатывать более сложную в архитектурном и конструктивном отношении рабочую документацию, получая за свою работу повышенный коэффициент оплаты труда.

Казалось бы, с этого момента авторскому коллективу ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий представилась возможность воплощать сложные архитектурные и конструктивные решения. Ан нет! Наш орденосный строительный трест 94 зачастую отказывался от интереснейших предложений, ссылаясь на отсутствие материалов или специалистов. Пример? Да та же ситуация с дубовыми окнами, от поставки которых генподрядчик категорически отказался форме. В таких случаях воплощение неординарных решений института зависело исключительно от возможностей и желания заказчика.

Кадры действительно решали всё

Летом 1975 года во Владимире произошло неординарное событие. Зампред нашего облисполкома, шеф нашей стройки Зенкович неожиданно для всех вышел на пенсию. Станным в этом было то, что Александр Андреевич был человеком деятельным, трудолюбивым, полным сил и здоровья.

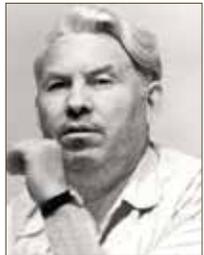
Как я узнал из верных источников, ситуация с уходом Зенковича в отставку была до предела банальной. Одновременно с ним в должности зампреда облисполкома работал некто Г. В отличие от Зенковича, человек он был болезненный, думающий о своём здоровье, и как считалось, не особо утруждающий себя служебными делами. И вот, дождавшись, когда Г. исполнилось шестьдесят, его с почётом проводили на пенсию. Но не тут-то было. Он написал жалобу в ЦК: так, мол, и так, меня отправили на пенсию, а другой наш зампред до сих пор работает, хотя ему уже шестьдесят пять. Вскоре из Москвы пришла в обком грозная бумага, и участь Зенковича была решена – стал он советником председателя облисполкома Сушкова.

Вскоре на место Зенковича пришёл первый секретарь Муромского горкома партии Владимир Васильевич Долгов, с которым я был знаком с конца 1968 года, когда мы вместе с комбригом Платоновым впервые были у него на приёме – в связи с предстоящей передислокацией нашего воинского соединения из Казахстана в Муром. В последующие годы моей службы в армии Долгов, ещё будучи председателем горисполкома, оказывал нам всяческую помощь.

У Долгова был иной стиль управления. Если Александр Андреевич Зенкович еженедельно проводил производственные совещания по строительству турцентра, на которых присутствовали первые руководители всех причастных к этому делу организаций, где «до косточек» разбирались все проблемные вопросы, то при Долгове всё стало иначе. Собравшись, как всегда, в пятницу к пятнадцати ноль-ноль, мы услышали от него: «Чего пришли? Идите, работайте, нечего здесь штаны протирать!» Скорей всего, он даже был не в курсе, с какими трудностями мы сталкивались, не знал ещё, что существуют проблемы, которые можно решить лишь на его уровне.

Александр Матвеевич
Морозов, начальник
УНР-672

Сергей Михайлович
Клюшкин, управляющий
трестом
«Севсантехмотаж»

С тех пор еженедельные планёрки прекратились. Собираться мы стали значительно реже, от случая к случаю, а все наши «разборки» переместились на стройплощадку или в 94-й трест. Благо, в это время обсуждались лишь самые важные вопросы по главному туристскому комплексу. К Долгову мы стали обращаться в исключительных случаях.

В принципе, это правильно – строители сами должны разбираться со своими проблемами. Но ведь ещё есть заказчики, проектно-изыскательские институты, пуско-наладочные управления, а также эксплуатационные организации – как быть с ними? В нашем случае проблема была в том, что большинство участников строительства турцентра друг другу взаимно не подчинялись, у всех были свои узковедомственные интересы. К примеру, если наша дирекция и институт «Ивановогражданпроект», выполняющий проект жилого посёлка, находились в подчинении облисполкома, областное управление «Главладимирстрой» и все его строительные организации входили в систему министерства строительства СССР, то все монтажные управления, вроде «Центроэлектромонтажа», были подведомственны уже министерству монтажных и специальных работ СССР. При этом некоторые монтажные участки имели свои конторы в Горьком, Иваново и даже в Минске. Вот почему нужен был нам координатор работ.

Кадровые изменения произошли и у наших строителей. 1 марта 1975 года на должность главного инженера в СМУ «Суздальстрой» был назначен бывший начальник участка строительства промышленной зоны, опытный инженер и организатор производства, а главное – неравнодушный человек Юрий Викторович Бурлаков. Его «крёстным отцом» был начальник СМУ Игнат Степанович Войцеховский.

На заключительном этапе строительства ГТК это решение было верным. Ведь с этого момента значительно укрепились деловые контакты заказчика (службы технадзора дирекции) и генподрядчика (техотдела и линейной службы СМУ «Суздальстрой»), что не могло не пойти на пользу делу. Мы с Бурлаковым постоянно встречались – то на стройке, то у меня в кабинете. Часто к нам присоединялся Яков Аркадьевич Резник, главный инженер треста «Владспецстрой», руководивший в Суздале работой своих субподрядчиков. Монтажные организации его треста прокладывали у нас подземные коммуникации, занимались устройством автодорог, тротуаров и площадок. Милейший, скажу я вам, человек, работать с ним было одно удовольствие.

Постоянная смена сотрудников происходила и в нашей дирекции. Не выдерживая колоссальной нагрузки при невысокой зарплате, люди увольнялись, а те, кто приходил на их место, тоже надолго не задерживались. Основную нагрузку у нас несли всего несколько человек – главный

Проблема была в том, что большинство участников строительства турцентра друг другу взаимно не подчинялись, у всех были свои узковедомственные интересы.

инженер, начальники технического отдела и отдела комплектации, главный бухгалтер и экономист.

Первые интуристы

Любопытно, что в связи с пуском мотелей в 1973 году, должность начальника дирекции по строительству как-то сама по себе испарилась, и с тех пор мне приходилось совмещать обе должности – и главного инженера, и директора. Поставить же вопрос перед руководством облисполкома о введении дополнительной ставки как-то не доходили руки.

Суздаль входит в моду

В 1975 году наши мотели работали в напряжённом режиме, принимая ежедневно до трёхсот человек, довольно большая часть которых приходилась на зарубежных туристов. Желающих попасть к нам в то время было не счесть – Суздаль входил в моду, и спрос превышал предложение. Особенно рвались к нам москвичи.

Игорь Леонидович Кириллов, диктор центрального телевидения с семьёй в Суздале. Фото В. Брунцева. 1977

На одном из заседаний Суздальского городского Совета народных депутатов, проходившем в ноябре 1975 года, рассматривался вопрос «О работе мотелей главного туристского комплекса». С докладом выступил директор мотелей В. Г. Васильев. Он информировал депутатов:

«... Все номера мотелей оборудованы высококлассной мебелью и мягким инвентарём, что соответствует приёму туристов по первому классу. Мотель обслуживают 72 человека (помните, я писал про отель на 300 мест в венгерском городе Шиофоке, где работали всего 20 человек? – В. Б.).

Производственный план за девять месяцев текущего года выполнен по всем показателям. С начала года число использованных койко-мест превышает установленный план на 475. За этот период обслужено 31,9 тысяч туристов, из них 12,6 тыс. – иностранных. Получена прибыль 21,2 тыс. рублей.

В целях выполнения плана и мобилизации коллектива на выполнение задач по улучшению обслуживания туристов, среди работников мотеля

развёрнуто индивидуальное и бригадное соревнование за звание «Ударник коммунистического труда», «Бригада коммунистического труда», «Лучший по профессии». Победителям присваиваются классные места с вручением переходящего Красного вымпела. Победители соревнования заносятся на Доску почёта... В коллективе уделяется должное внимание работе с кадрами: читаются лекции, проводятся доклады, политинформации, организована учёба по повышению профессионального уровня, изучению иностранного языка. Всё это способствует улучшению производственной и трудовой дисциплины...».

Рассмотрев итоги социалистического соревнования предприятий коммунального хозяйства за третий квартал 1975 года, исполком решил:

«Коллективу мотелей главного туристского комплекса (директор т. Васильев В. Г., секретарь парторганизации т. Кривенко В. В., председатель месткома т. Минеев В. М.), выполнившего план производственной программы на 112,7%, план доходов на 113,4% и обеспечившему снижение себестоимости на 16,6%, присудить второе место по городу с вручением Почётной грамоты».

А вот другая, лишённая казённого пафоса оценка – сотрудников журнала «Советский Союз» и киностудии «Центрнаучфильм»:

«Спасибо, огромное спасибо тем, кто сохранил и воссоздал этот изумительный комплекс архитектуры древних веков. Даже в туманные и холодные дни от вековых памятников исходит свет высокого искусства».

Большое спасибо и тем, кто так гостеприимно встретил нас, позаботился о сервисе туристов».

Судя по всему, эти слова благодарности относятся к реставраторам, музейщикам и сотрудникам турцентра.

2 июля 1975 года газета 94-го треста «Строитель» информировала своих читателей:

«Госстрой РСФСР с участием Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР, ВЦСПС и Союза архитекторов СССР в целях обобщения и внедрения передового опыта в жилищно-гражданском строительстве проводит смотр лучших жилых комплексов, отдельных жилых домов и гражданских зданий, построенных в городах, рабочих посёлках и сельской местности Российской Федерации».

Среди зданий, построенных коллективом СМУ «Суздальстрой», на конкурс «За хорошее качество строительства» были представлены общеобразовательная школа на 1176 учащихся и комплекс мотелей главного туркомплекса в Суздале».

«...огромное спасибо тем, кто сохранил и воссоздал этот изумительный комплекс архитектуры древних веков. Даже в туманные и холодные дни от вековых памятников исходит свет высокого искусства».

Конечно, приятно было, что наших строителей поощрили, но почему-то роль заказчика и проектировщиков в те годы странным образом замалчивалась, хотя без их участия на стройках не решался ни один вопрос. Эти организации считали как бы вспомогательными, чуть ли не прислужной строителей.

Было очень обидно, когда через много лет после пуска главного туристского комплекса, один из руководителей строительной организации заявил мне: «Мы вам ГТК построили!»

Известно, что в семидесятые годы в Суздале, как и в большинстве городов России, был сплошной дефицит не только на продукты питания, но и на бытовые товары.

Уезжая в командировку в столицу, я каждый раз получал от жены «партийное» задание. В моём блокноте сохранилась запись, сделанная её рукой: «мясо – 2 кг, курица – 1 шт., колбаса (мы знали тогда два её вида – варёная и копчёная) – 1 палка, сыр – 500 г, сосиски – 2 кг, сок апельсиновый – 2 пакета, майонез – 2 баночки, мука – 2 кг, шампунь – 1 флакон...» Это был недельный запас на семью из четырёх человек.

Поскольку я в Москве бывал страшно занят, этими закупками занимался водитель, поставлявший продукты и остальным сотрудникам дирекции.

Вот такая тогда была жизнь. Иногда мы возвращались домой с пустыми руками – отовариться не удавалось...

Особый год, особая дата

9 мая 1975 года вся наша страна отмечала 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В честь этого события на Красной площади в Москве прошёл грандиозный военный парад. В Большом Кремлёвском дворце состоялось торжественное заседание, посвящённое этой дате. Вечером в программе «Время» обо всех этих событиях сообщил диктор центрального телевидения Кириллов. Игорь Леонидович с семьёй часто приезжал к нам в Суздаль, останавливался всегда в мотеле. И он, и его жена Ирина были большими поклонниками нашего города.

В память о знаменательной дате была выпущена юбилейная медаль «30-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которая вручалась всем ветеранам войны, партизанам и труженикам тыла.

*Младший брат.
Суздаль.
Фото В. Брунцева.
1975*

Среди награждённых этой медалью была и моя мама Брунцева Мария Архиповна, всю войну проработавшая заместителем председателя женсовета при Октябрьском военкомате Барнаула. Эта общественная организация, состоящая из жён офицеров, активно занималась помощью фронту и семьям погибших фронтовиков. Во время войны дома я маму почти не видел. Их женсовет часто выезжал то на заготовку дров, то на уборку урожая, то на ловлю рыбы.

Я знал что в этот день в Москве, в парке Горького, традиционно будет проходить встреча ветеранов 4-й гвардейской армии, в которой с первых дней её основания воевал мой отец, который погиб в 1945 году в Венгрии. Там собрались все здравствующие в то время сослуживцы отца по штабу армии, в числе которых были бывший министр иностранных дел СССР генерал-майор Д. Т. Шепилов, непосредственный начальник отца генерал-полковник Г. Ф. Воронцов, его фронтовой друг писатель И. И. Маркин...

В Суздале этот день был ознаменован двумя событиями. Первое – это официальные торжества, а второе – сугубо личное. В тот день у меня родился сын, мы назвали его Алёшей – в честь солдата-освободителя, которому

Сотрудники туристического центра после торжественного собрания, посвящённого 30-летию Великой Победы. 8 мая 1975 г. Фото В. Брунцева

поставлен памятник в болгарском городе Пловдиве. Мы любили с Ириной петь: «Стоит над горою Алёша – в Болгарии русский солдат»...

На радостях я в тот же день посадил в городском парке дерево и прикрепил к нему табличку «Алёша Брунцев. Родился 9 мая 1975 года в Суздале». Жаль, что через несколько лет всё пропало – и дерево, и табличка. Осталась только вручённая в ЗАГСе памятная медаль с лаконичной надписью: «Родившемуся на земле Владимирской». Теперь это семейная реликвия.

Летом 1975 года заканчивались крупномасштабные работы по облицовке фасадов зданий ГТК традиционным для здешних мест белым известняком. Работы выполняла строительная организация УНР-672 под руководством главного инженера В. И. Зайцева. Бригады облицовщиков действовали по всему периметру здания, и машины едва успевали подвозить нужный материал. Когда пилили известняк, стояла сплошная пыль, поэтому работали в масках. После облицовки стены, чтобы защитить их от атмосферного воздействия, покрывали специальным составом – флюатом.

В гостях у Лепского

Как-то будучи в Москве, я заглянул в гости к Лепскому. Жил он в районе метро «Маяковская», на углу Садового кольца и улицы Фадеева – в пяти минутах ходьбы от моего любимого Главснабсбыта РСФСР.

У Лепских я себя всегда чувствовал как дома, общаться с ними было просто и легко.

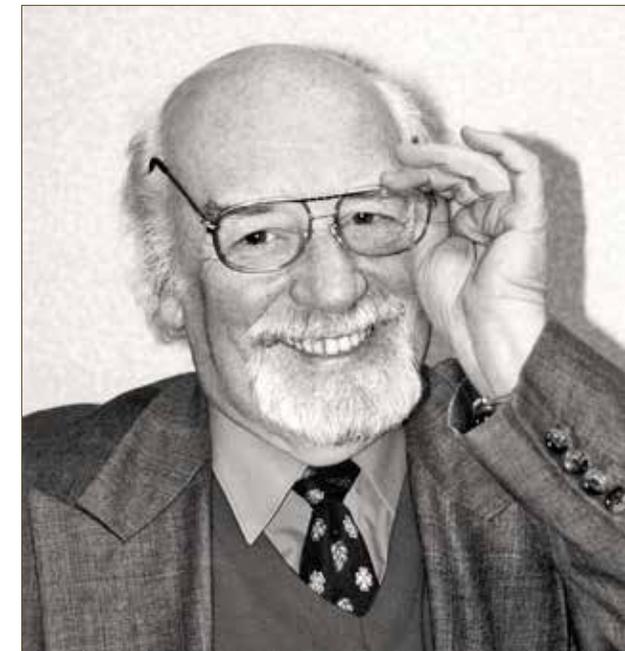
Я тогда впервые узнал, что Виталий Иосифович, окончив в 1957 году институт городского строительства при Моссовете, получил диплом гражданского инженера, такой же, как и Посохин в 1931 году в Кузнецке. Работал инженером-конструктором в проектных институтах Москвы. По его авторским проектам были построены десятки объектов гражданского строительства, даже – здание Госгражданстроя СССР.

В 1964 году при формировании ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий Орлов пригласил Лепского на должность главного инженера института.

Несмотря на свой 30-летний возраст, он многого в жизни успел добиться: стал членом Союза архитекторов СССР, получил звание «Заслуженного строителя РСФСР». Как инженер-конструктор, Лепский имел не меньше десятка авторских свидетельств на изобретения в области конструкций для строительства. Самая значимая разработка – железобетонный каркас серии ИИ-04. За эту работу он был удостоен премии Совета Министров СССР.

К тому времени были у Лепского и правительственные награды: орден «Дружбы народов» – за проектирование и строительство автограда в Тольятти и орден «Знак Почёта» – за строительство Набережных Челнов.

Одновременно с разработкой проекта туристического центра в Суздале в составе авторского коллектива он участвовал в проектировании торговых центров в Кишинёве и Донецке, универмагов в Ярославле и Минске, а также в федеральных целевых программах: «Развитие туризма в Армении» и «Развитие туризма в Узбекистане на основе сохранения его исторической среды».

Виталий Иосифович Лепский. Фото В. Брунцева. 2009

В общем, это был достойнейший человек.

Зная, что я начал собирать коллекцию музыкальных инструментов народов мира, Виталий Иосифович подарил мне красочно расписанные оркестровые кастаньеты с изображением корриды, купленные в Испании. В то время для меня это был царский подарок.

«Музыкальный» долгострой

Однажды в кабинете министра культуры РСФСР Ю. С. Мелентьева я познакомился с директором музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки, в котором имелась большая коллекция музыкальных инструментов. Для меня, начинающего коллекционера, этот факт был равносителен открытию.

Звали директора Екатериной Николаевной Алексеевой. Это была интеллигентного вида женщина, с живыми умными глазами. На вид ей было лет семьдесят. Юрий Серафимович представил меня в двух ипостасях – как строителя турцентра в Суздале и как коллекционера музыкальных инструментов (сам Мелентьев собирал керамику). Подавая мне руку, Екатерина Николаевна воскликнула: «Боже мой, как хорошо, что мы с вами познакомились! Вы-то мне и нужны!»

Оказалось, что на протяжении нескольких лет в Москве строилось новое здание музея, которое перед этим она долго «пробивала» в министерстве культуры СССР.

Екатерина Николаевна пригласила меня в свой действующий музей, который находился в самом центре города, в Троекуровых палатах, вблизи метро «Охотный ряд». Я не мог утерпеть и, конечно же, тут же согласился проехать туда. Тем более что сам министр советовал мне не упустить такого случая.

По дороге я узнал, что музей был открыт в 1912 году на базе московской консерватории и до 1954 года носил имя её основателя Николая Григорьевича Рубинштейна, а новое имя ему присвоено в честь 150-летия со дня рождения Глинки.

Троекуровы палаты представляли собой трёхэтажное компактное здание с парадными залами высотой под шесть метров, расположенными на третьем этаже. Такого обилия и разнообразия музыкальных инструментов, как в этом музее, я никогда в жизни не видел. Глядя на мои горящие глаза, Екатерина Николаевна с упоением рассказывала о самых значимых и редких инструментах – старинных гитарах, гусях, балалайках,

гармониках, цитрах, цистрах, лютнях, колёсной лире, бандонионе, концертине, окарине. Многие из этих названий я слышал впервые. Насколько помню, в фондах коллекции было свыше двух тысяч инструментов. Для меня это была какая-то умопомрачительная цифра.

От Екатерины Николаевны я узнал, что в стране есть ещё несколько крупных музеев музыкальных инструментов. Самый значимый – в Ленинграде, на Исаакиевской площади, там было свыше трёх тысяч уникальных экспонатов. Большими собраниями инструментов располагали также Кунсткамера и Этнографический музей. Кроме того, были музеи в Тбилиси и Алма-Ате, а также частные коллекции, например, собрание гармоник московского коллекционера Альфреда Мирека.

Екатерина Николаевна пригласила меня посмотреть строительство своего нового музея. Видимо, ей очень хотелось получить консультацию по некоторым вопросам.

Интересно, что стройка находилась в трёх минутах ходьбы от здания Главнабсбыта РСФСР, куда я как раз собирался ехать по своим делам, и от дома, где жил Лепский. Невдалеке был и комиссионный магазин, откуда музей пополнял свои фонды старинных музыкальных инструментов.

В семидесятые годы автомобилей в Москве было не так много, как теперь, поэтому через четверть часа мы уже были на месте. Раньше я часто проходя мимо этого долгостроя, не подозревая, что когда-нибудь здесь появится один из крупнейших в мире музеев музыки.

Обойдя всю стройку, я никак не мог понять, почему такое относительно небольшое здание строится вот уже семь лет. По общему объёму оно уступает нашему ГТК в четыре раза, а кроме самого здания, здесь ничего другого строить не нужно – ни котельной, ни подземных коммуникаций, ни насосных станций или трансформаторных подстанций. С 1968 года в маленьком Суздале нам удалось построить не один десяток зданий, мы вступили в завершающий этап строительства ГТК, а здесь, в Москве, где заказчиком было министерство культуры СССР, за то же время смогли лишь вывести кладку стен. И если у нас в Суздале каждый рабочий на счету, то в столице есть могучий Главмосстрой с его многотысячным коллективом... У меня не укладывалось в голове, как такое может быть.

Оказалось, автором этого здания был знаменитый архитектор Иосиф Игнатьевич Ловейко, в недавнем прошлом – главный архитектор Москвы, лауреат Сталинской премии, удостоенный в 1975 году звания «Народный архитектор СССР». Уж он-то мог бы повлиять на ход строительства...

В тот день на объекте работало всего человек двадцать. Кроме устройства кровли и отделки помещений, от строителей ничего здесь

Юрий Серафимович Мелентьев, министр культуры РСФСР

Наталья
Ильинична Сац.
Фото В. Брунцева.
1988

не требовалось. Всю начинку помещений – стенды, витрины, мебель, инвентарь – должен был изготовить и смонтировать сам заказчик. К сожалению, в этой ситуации я ничем помочь не мог. «Наверное, всё дело в заказчике», – подумал я тогда.

...Рабочая комиссия приняла этот объект лишь в 1980 году, после чего туда переехали музейщики. Пять лет ушло на обустройство музея и устранение всех неувязок и недоделок. Акт Государственной комиссии по приёмке объекта в эксплуатацию был подписан... в 1985 году! Итого, на строительство этого несложного объекта ушло целых 18 лет...

Народная и... пробивная

Уже полгода в Министерство культуры РСФСР лежала без движения моя заявка на поставку театральных кресел для нашего киноконцертного зала. В те годы в стране без

счёта строились театры, дворцы культуры, клубы и красные уголки, и везде нужны были кресла.

Но нам нужны были самые лучшие. Я знал, что такие делает Краснодар, однако это был величайший дефицит.

Николай Борисович Агранатов, начальник управления материальных ресурсов министерства культуры, несмотря на наши добрые отношения, только разводил руками:

– Ничем помочь пока не могу, жди!

Однажды в кабинет к нему решительно шагнула немолодая, но весьма уверенная в себе женщина.

– Николай Борисович, – воскликнула она, – не нужны мне ваши краснодарские кресла! Я уже говорила, мне нужны импортные – финские или югославские. У меня театр для детей, понимаете? Я пойду лично к Мелентьеву, если надо, доберусь до Демичева, вы меня знаете!

С этими словами посетительница так же решительно покинула кабинет.

– Она своего добьётся, у неё повышенная проходимость! – засмеялся Агранатов. – А знаешь, кто это?

Я не знал.

– Это же Наталья Ильинична Сац! Главный режиссёр и директор детского музыкального театра. Знаменитая женщина, только что получила звание народной артистки СССР. В следующий раз я вас познакомлю... В детстве меня водили на спектакли «тёти Наташи», как её называли тогда. Сейчас на Ленинских горах для неё строится новое здание театра с огромной синей птицей наверху, видел? Это будет шедевр! Так вот, она – вроде тебя, решает самые сложные вопросы, пробивает любую стену... Если она добьётся закупки импортных кресел, я тебе отдам её краснодарские. Для Суздаля не жалко!

Это была моя первая встреча с Натальей Ильиничной. Через несколько лет мне посчастливилось общаться с ней довольно долгое время и сделать её фотопортрет.

Как память о наших встречах хранится в моей библиотеке подаренная Натальей Ильиничной книга «Новеллы моей жизни» с надписью: «Уважаемый Валерий Александрович! Мне хочется поблагодарить Вас, как коллегу-строителя. Вы удостоены высокой награды за туристский центр в Суздале, строите санатории и делаете это горячо, инициативно, и я уважаю Вашу инициативу и умение „пробивать“ своей волей и верой многие трудности... Ну, а я... как Вы прочтёте в этой книжке, может быть, Вам сродни... Привет Вам сердечный! 13 августа 1988 г.»

Высокий гость и несбывшиеся надежды

Осенью 1975 года строящийся главный туркомплекс посетил член Президиума Политбюро ЦК КПСС, председатель ВЦСПС Александр Николаевич Шелепин. Одновременно с ним в Суздаль приехал и автор проекта турцентра Марк Артурович Орлов.

Во время этой встречи, проходившей в нашем кафе, между ними состоялась обстоятельная беседа по вопросам развития туризма в стране. Речь шла тогда не только о «Золотом кольце», но и о разработке проектов создания туристских центров в Новгороде, Пскове и в других старинных городах. Шелепин с интересом слушал рассказ Орлова о создании целевых федеральных программ по развитию туризма в Армении и Узбекистане, о большой заинтересованности в этом деле секретарей ЦК этих республик К. С. Демирчяна и Ш. Р. Рашидова.

Однако главной целью этой поездки Шелепина был наш туристский центр и его перспективы. Внимательно выслушав доклад Орлова, Александр Николаевич выразил готовность оказывать в этом деле

любую практическую помощь. Для оперативной связи он дал Марку Артуровичу свой прямой телефон.

Однако, к нашему всеобщему огорчению, через несколько дней после этой, как казалось нам, судьбоносной встречи, Шелепин был со своего поста снят... Через много лет выяснилось, что он стал жертвой обычной «подковёрной» борьбы за власть.

В порядке исключения

Во второй половине 1975 года всё острее давала о себе знать задержка с поставкой дубовых дверей. Из полутора тысяч таких дверей к осени было получено чуть больше половины. Даже в этот сложный для нашей дирекции период, связанный с массой проблем на ГТК и других строящихся объектах турцентра, включая гостинично-музейный комплекс на 135 мест в Покровском монастыре, мне волей-неволей приходилось хотя бы на день выскакивать в Бобруйск.

В объединении «Бобруйскдрев» при всей напряжённости собственных производственных задач с пониманием относились к нашим нуждам, руководство каким-то чудом изыскивало внутренние резервы для продвижения суздальского заказа. Так что после каждого моего возвращения из Бобруйска на стройке появлялись новые партии столярных изделий.

К тому времени на большинстве объектов строящегося турцентра дела шли полным ходом. Теперь главное внимание строителей наконец-то было направлено на ГТК. Готовясь к пуску этого объекта, я старался увеличить финансирование жилых домов, чтобы обеспечить квартирами как можно больше приглашённых в турцентр сотрудников. Жильё было необходимо и переселенцам с улицы Старой и Ризоположенского монастыря, где планировалось создать предприятия «занимательного питания» и торгово-ремесленные мастерские. Директор домостроительного комбината Н. Н. Богачёв и его главный инженер Н. С. Щербинин принимали все меры к освоению выделенных средств. Работы по монтажу и отделке домов в тот год велись ускоренными темпами.

Строители СМУ «Суздальстрой» и их субподрядчики приступили к строительству прачечной и склада продовольственных товаров, готовили к сдаче цех безалкогольных и медовых напитков. Отдел снабжения дирекции заканчивал комплектацию этих объектов технологическим оборудованием и необходимыми материалами.

Но самое главное, широким фронтом развернулись отделочные работы на всех объектах главного туркомплекса – на гостинице, ресторане, киноконцертном зале, плавательном бассейне.

Опережая отделочников, вели работу электрики, сантехники, связисты и вентиляционщики. За последний год было проложено несколько десятков километров электрических и слаботочных проводов, огромное количество вентиляционных коробов, тысячи метров отопительных, водопроводных и канализационных труб, установлено несметное количество сантехнических приборов, смонтированы все вентиляторы, калориферы и негабаритные климат-блоки кондиционеров. Без этого приступить к штукатурке многих помещений было невозможно. Особенно отличались в то время специалисты трестов «Центроэлектромонтаж» (управляющий К. В. Сайгак, начальник участка Я. Л. Шишов), «Севсантехмонтаж» (управляющий С. М. Ключкин, начальник участка С. Н. Доронин), «Промвентиляция», «Промсвязьмонтаж». Большой объём работ выполняли монтажники по пожарной и охранной сигнализации.

Большинство проблем возникали на пересечениях этих многочисленных коммуникаций. Наши проектировщики еле-еле успевали корректировать свои чертежи и вносить изменения в сметы. Ведь при разработке такого сложного объекта, как ГТК, порой трудно было даже представить себе, к чему в итоге могут привести первоначальные проектные решения.

Как видите, в ходе строительства главного туристского комплекса перед заказчиком, авторским коллективом и подрядными организациями часто возникали сложные, а порой неразрешимые проблемы. В первую очередь, это касалось получения остродефицитных материалов и технологического оборудования. Огромную поддержку в этом нам оказывали руководители местных органов власти. Но особо хочется отметить неоценимый вклад, который внесли в это дело, казалось бы, далёкие от наших проблем руководители высокого ранга: В. И. Кочемасов (зампред Совмина РСФСР), М. В. Посохин, С. Г. Змеул (руководители Госгражданстроя СССР), Н. В. Фаддеев (генеральный секретарь СЭВ), Н. С. Патоличев (министр внешней торговли СССР), В. Ф. Промыслов, Н. Е. Пашенко (председатель и зампред Моссовета), Н. П. Машьянов (зампред Госплана РСФСР), Ю. С. Мелентьев, В. М. Стриганов (министр и замминистра культуры РСФСР), К. А. Боловинов (начальник Главснаббыта РСФСР), С. Е. Саруханов (замминистр торговли РСФСР), Г. Н. Мараков (министр промстройматериалов РСФСР) и В. Г. Козельков (начальник Росхозторга).

В объединении «Бобруйскдрев» при всей напряжённости собственных производственных задач с пониманием относились к нашим нуждам, руководство каким-то чудом изыскивало внутренние резервы для продвижения суздальского заказа.

В каминном зале

Возможности заказчика, архитекторов и наших строителей по доведению класса объекта до мирового уровня, увеличились многократно с появлением тех изделий, которые нам предоставили деревообрабатывающие и мебельные предприятия Бобруйска (генеральный директор А. А. Санчуковский).

То же могу сказать о Видновском заводе алюминиевых конструкций (заместитель директора В. А. Кутырев) и Кольчугинском – по обработке цветных металлов (генеральный директор М. И. Тёмкин).

Без личного участия и поддержки этих государственных деятелей и руководителей промышленных предприятий нашему главному туристскому комплексу была бы уготована судьба обычного заштатного объекта.

Ну, и конечно (подчеркну ещё раз), нам очень помогло полученное ещё на стадии проектирования распоряжение Госгражданстроя СССР: ГТК отнесли к объектам, имеющим «особую архитектурную значимость», и это позволяло не только использовать высококлассные и дорогостоящие материалы, но и выполнять художественные работы, требующие применения редких или дефицитных материалов. Вот только

Юрий Владимирович Александров, скульптор, заслуженный художник РСФСР. Фото В. Брунцева. 1985

в этом распоряжении ни слова не было сказано о том, где эти материалы можно было взять. Валюты для закупки импортных товаров у нас не было, а высококлассные материалы, не считая мрамора и гранита, в нашей стране практически не выпускались!

Ваш выход, художники!

Поскольку ГТК был причислен к числу объектов «особой архитектурной значимости», перед авторским коллективом встала задача включения в его архитектурную композицию произведений декоративно-прикладного и монументального искусства. Нужно было определить не только тематику и характер этих произведений, но и место для их размещения. В архитектурной среде это именуется художественными работами.

Нужно было создать такой синтез этих искусств, при котором ни архитектура без этих художественных элементов, ни художественные произведения без архитектуры не могли бы существовать. Ко всему,

Скульптурная композиция «Время». Автор Ю. В. Александров. Фото В. Брунцева. 2017

художники должны были связать современную архитектуру с традициями искусства древности.

На роль главного художника нашего комплекса архитекторы пригласили заслуженного художника РСФСР скульптора Ю. В. Александрова. Его уникальными творениями были украшены многие объекты страны – театры, цирки, административные здания. Яркими примерами служат скульптурные эмблемы павильонов ВДНХ, декоративные элементы на фасаде Московского цирка, композиция «Скоморохи» на фасаде здания Владимирского драмтеатра...

Изучив проект и побывав на нашей стройплощадке, Юрий Владимирович сделал интересные эскизы: два крупных декоративных панно на фасаде здания и несколько вариантов действующего камина. Для выполнения дополнительных декоративно-художественных работ Александров подобрал достойных специалистов.

Через некоторое время эти разработки рассматривал худсовет нашего института. Главным художественно-монументальным произведением ГТК должна была стать скульптурная композиция «Время» на гладкой стене административной части здания, справа от главного входа. Основой её служили часы в каменном кружеве цифр, знаков Зодиака и времён года. Циферблат был увенчан шестью фигурками, торжественно обращёнными к зрителю: воин, кузнец, летописец, зодчий, плотник и каменщик. Усиливала декоративное звучание нижняя часть композиции, напоминающая завершение храмов в виде полукруглых кокошников. Да и вся эта многосложная работа ассоциировалась с древнерусским белокаменным узорочьем. Она связывала прошлое с настоящим, говорила о вечности, напоминала о быстротечности времени, утверждала непреходящую в веках ценность труда и искусства.

Другим художественным элементом фасада здания комплекса было мозаичное панно из смальты у входа в ресторан, оно называлось «Гостеприимство». По замыслу московского художника-керамиста А. Н. Кулиева,

Скульптурные вставки на пилонах главного входа в ГТК. Автор Ю. В. Александров. Фото В. Брунцева. 2017

Вячеслав Михайлович
Клыков, скульптор.
Фото С. Картинцева

и должен был стать главным художественным акцентом уникального каминного зала.

Скульптор предложил на рассмотрение экспертов ещё одно необычное решение. Это были миниатюрные по отношению к размеру здания декоративные вставки, служащие своего рода эпитафией ко всему архитектурному произведению. Резные камни, размещённые на закруглённых пилонах главного входа в туристский комплекс, удачно воплощали в себе образы и сюжеты владими́ро-суздальского искусства.

Как только эскизы были одобрены, началось моё активное участие в реальном воплощении в жизнь художественных замыслов, намеченных авторским коллективом.

Для начала нужно было получить распоряжение министерства культуры РСФСР на выполнение всех этих работ комбинатом «Росмонументискусство», входящим в систему министерства. Подписал его министр Юрий Серафимович Мелентьев. После заключения в 1972 году договора между комбинатом и дирекцией по строительству турцентра эта производственно-художественная организация стала очередным нашим подрядчиком.

Директором комбината «Росмонументискусство» был тогда Игорь Васильевич Мелехов, который по моему приглашению в один из выходных приезжал в Суздаль со всеми своими сотрудниками. После этой неформальной встречи общаться и с руководством комбината, и с плановиками, и с бухгалтерией было гораздо легче.

эта мозаика выполнялась в тёплой гамме, что было в традициях ростово-суздальской школы иконописи.

Художественный совет рассмотрел и одобрил эскиз декоративного занавеса концертного зала, который по рекомендации Александрова выполнила художник-декоратор С. А. Заславская – непревзойдённый мастер своего дела.

Большой интерес членов художественного совета вызвал эскиз будущего камина (скульптор Ю. В. Александров), который предполагалось выполнить из серого «рваного» гранита с чеканным колпаком из чёрной воронёной стали. Он был задуман как действующий

Мозаичное панно
«Гостеприимство».
Автор А. Н. Кулиев

Для выполнения художественных работ от дирекции требовалась поставка всех дефицитных материалов, ведь у комбината ничего, кроме мастеровых рук и светлых голов художников, не было. В решении всех проблем большую помощь нам оказал начальник управления материально-технического снабжения минкультуры РСФСР Николай Борисович Агранатов, с которым я долгие годы был в самых тёплых отношениях.

В 1975 году скульптор Александров собирался приступить к созданию панно «Время». Но тут выяснилось, что у строителей, выполняющих облицовку фасада белым известняком, нет необходимых для этого крупных блоков размером 40×40×40 см. Комбинат, находящийся во Владимирской области, поставлял отделочникам лишь плиты толщиной 40 см. На мой звонок директор комбината ответил, что производством таких блоков он не занимается. Пришлось обращаться к министру промстройматериалов РСФСР Григорию Николаевичу Маракосу, который часто выручал нас

в трудных ситуациях. Его звонка директору комбината оказалось достаточно, чтобы изготовить нам 400 необходимых блоков.

Для выполнения резных работ Александров пригласил на помощь скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова.

Не знал я тогда, что этот скромный человек скоро станет легендарной в стране личностью. Славу ему принесут десятки уникальных скульптур, среди которых – памятники маршалу Г. К. Жукову, Кириллу и Мефодию, Дмитрию Донскому в Москве, Петру I – в Липецке, Илье Муромцу – в Муроме. Событием в стране станут его военно-патриотические работы, в том числе – храм-звонница в Прохоровке, возведённый в честь героев Курской битвы.

А работа Вячеслава Клыкова по созданию художественных произведений в здании строящегося детского музыкального театра в Москве будет удостоена Государственной премии СССР.

После завершения резных работ по камню нужно было добывать башенные часы со стрелками длиной два метра, для золочения которых понадобилось закупать через министерство культуры несколько книжек сусального золота. При этом требовалось получить специальное разрешение милиции...

Не обошлось без проблем и при изготовлении мозаичного панно «Гостеприимство». Для него пришлось доставать довольно редкий материал – итальянскую смальту разных расцветок, которую с большим трудом можно было получить лишь через систему Минкультуры СССР.

Что касается поставки материалов для изготовления декоративного камня и антрактного занавеса для концертного зала – об этом расскажу особо.

Что общего между бассейном, метро и Эгейским морем

Так получилось, что первым помещением главного туристского комплекса, в котором начались внутренние отделочные работы, был ванный зал плавательного бассейна. После установки там алюминиевых витражей и пуска тепла специалисты УНР-672 собрали по всему залу металлические леса для выполнения отделки потолка.

По проекту это была традиционная штукатурка с последующей её окраской влагостойким составом. Но опыт эксплуатации бассейнов показывал, что в условиях постоянной влажности эти материалы недолговечны – покрытие шелушится, а штукатурка отсыревает и отваливается.

К сожалению, в то время других вариантов отделки потолка не было. Нужно было искать какое-то нестандартное решение.

На первом курсе института мы проходили очень важный для будущих инженеров железнодорожного транспорта предмет: «Общий курс железных дорог». И получили много важных сведений не только о самих железных дорогах, но и о локомотивном и вагонном хозяйстве, электрификации, автоматике, телемеханике и связи. С тех пор меня интересовало всё, что относится к железным дорогам, в том числе и метро.

Однажды в вагоне московского метро я обратил внимание на вентиляционные решётки, отлитые из белой пластмассы, очень качественные, даже по-своему элегантные. Решение пришло в голову моментально: а что, если эти пластмассовые решётки применить для подшивки потолка бассейна? Поделился с Ранинским, идея ему понравилась. Дело осталось за малым – нужно где-то добыть... 3 500 решёток.

Для начала я отправился на разведку на Мытищинский вагоностроительный завод. Директор А. А. Мощевитин, улыбаясь, сказал, что я ошибся адресом. Оказалось, эти литые решетки делает здешний комбинат стройпластмасс. Ничего, это было уже полдела.

Генеральный директор комбината Георгий Иосифович Зохин после моих убедительных доводов наконец-то согласился помочь, но... при условии солидной поставки дефицитного сырья, которое выпускал наш Владимирский химзавод. Через месяц, исключительно благодаря помощи второго секретаря обкома Виктора Ивановича Лапшина, шесть тонн сырья ушли в Мытищи.

Тем временем Ранинский откорректировал проект, и наши строители подшили деревянный, пропитанный битумной мастикой речной каркас, а потолочное пространство покрасили чёрной краской. Полученные с комбината вентиляционные решётки прикрепили к каркасу оцинкованными шурупами и разложили в шахматном порядке. Уникальное по тем временам решение! Я думаю, до этого у нас в стране никто не выполнял подвесные потолки в бассейне из штучных влагостойких материалов. Во всяком случае, наш опыт заинтересовал многих приезжих архитекторов. В общем, эффект превзошёл все ожидания!

Проект предусматривал установку в нашем бассейне двух металлических лестниц с поручнями. Это было делом строителей. Но когда я увидел эти изделия, изготовленные из обычной трубы и окрашенные белой краской, мне стало дурно. С внутренней стороны сгибаемых частей труб была масса складок! Вот тогда-то я и вспомнил про вагоны московского

До нас никто в стране не выполнял подвесные потолки в бассейне из штучных влагостойких материалов. Во всяком случае, наш опыт заинтересовал многих приезжих архитекторов.

Первое наполнение бассейна водой. Второй справа – генеральный директор турцентра В. В. Молчанов, третий – В. А. Брунцев. 1976

метро, где все поручни были элегантно загнуты и к тому же хромированы. Решив это дело взять на себя, я велел строителям везти эти поручни куда угодно, чтоб мои глаза их больше не видели. Я уже знал дорогу на Мытищинский вагоностроительный завод, где рассчитывал их изготовить.

Директор Мошевитин без лишних разговоров взялся за этот заказ, который для их завода был сущим пустяком. Через неделю всё было готово и доставлено в Суздаль. На установку ушло всего три часа. Эффект был налицо!

До семидесятых годов при отделке стен и дна чаш бассейнов верхом совершенства считалось применение облицовочной белой плитки, которую достать в то время было очень трудно.

Однажды, находясь в Главном управлении промышленности стройматериалов при Мосгорисполкоме, я решил на минутку заглянуть к начальнику этого управления Александру Кузьмичу Вощечкову, с которым

Плавательный бассейн

был в дружеских отношениях. Он часто помогал нам самыми разными материалами, например, облицовочной плиткой для мотелей, а я с удовольствием встречал его с семьёй у нас в Суздале.

В кабинете Александра Кузьмича я впервые увидел образец голубой плитки. Почему-то сразу вспомнилось Эгейское море, в котором купался во время круиза и даже имел неосторожность наступить на морского ежа. Вода там была прозрачной, лазурной... Оказалось, что производство этой плитки только-только осваивал Кучинский комбинат керамических изделий в Подмосковье. Это была находка, и я постарался не упустить свой шанс. Вскоре с личного разрешения зампреда Моссовета Николая Евгеньевича Пащенко нам было выделено 500 квадратных метров голубой плитки. Можно сказать, это была опытная партия.

Когда мы облицовали бассейн и заполнили его водой, все, кто был рядом, в изумлении замерли. Такой красоты никто в жизни не видел – получился эффект лазурной морской воды!

Восторгам не было предела! Мы все тут же бросились в воду. Для меня это было единственное купание в нашем бассейне, потом как-то всё было некогда...

Буржуазные удовольствия

В те годы о пользе саун у нас в стране только-только заговорили, а игра в бильярд была почти под запретом, как чуждая духу советских людей. И хотя в проект бассейна с самого начала входили две сауны – мужская и женская, этот вопрос вплоть до семьдесят пятого года висел в воздухе. В циркулярах заказчика и подрядчика такая продукция не значилась, это дело было ничейным. А коли так, это дело заказчика, решил я.

Конечно, оборудование для саун можно было закупать в той же Финляндии, но для этого нужна была валюта первой категории. В те годы такое могли позволить себе разве что «Интурист СССР» да какие-нибудь важные правительственные структуры.

За помощью я решил обратиться к своему другу, начальнику Росхозторга В. Г. Козелькову. От него-то и узнал, что в небольшом эстонском городке Пярну начался выпуск оборудования для саун по финской технологии. Мало того, буквально накануне нашей встречи в его ведение попали и сами фонды на пять-шесть комплектов таких саун.

В то время Эстония была одной из наших советских республик, поэтому валюта не требовалась. Но поскольку это был дефицит, пошли мы с Козельковым за разрешением к нашему благодетелю – заместителю министра торговли РСФСР С. Е. Саруханову.

Сурен Ефремович от многих чиновников того времени отличался тем, что все вопросы решал легко и просто, без всякой помпы. Ему это доставляло удовольствие. Было известно, что он не терпел никаких подношений, а если ему всё-таки что-то дарили, он раздавал это своим ближайшим сотрудникам.

Мы симпатизировали друг другу. Обращаясь ко мне, он всегда говорил: «Дорогой».

В итоге, для решения вопроса с получением двух комплектов саун понадобилось не более пяти минут.

Но одного фондового извещения на эти сауны было недостаточно, для их изготовления нужно было съездить на фабрику в Пярну, чтобы выдать спецзаказ с гарантией оплаты.

50-тысячный город был расположен в самой западной части Эстонии, там, где река Пярну впадает в Рижский залив. В прошлом он назывался Пернау и был основан ещё в 1251 году как поселение епископства.

В ходе Северной войны этот город был взят русскими войсками и в 1710 году присоединён к России. В своё время в Пернове (как его стали называть на русский манер) проживал Абрам Петрович Ганнибал, сподвижник Петра Великого и прадед Пушкина.

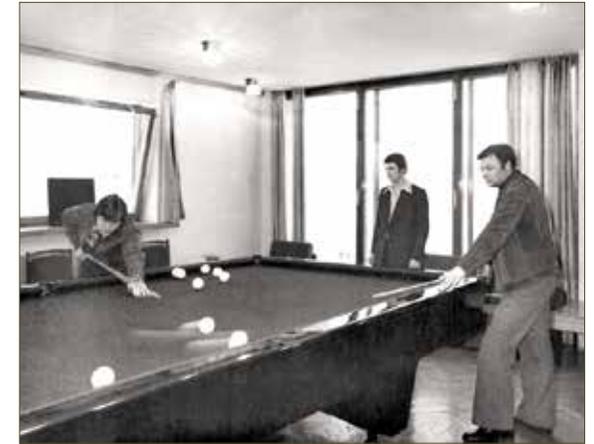
Знакомство с директором предприятия Я. Е. Виммо, довольно приятным человеком, позволило быстро решить проблему. Оказалось, что он, так же как и я, был дружен с В. Г. Козельковым. Когда есть общие друзья, шансы на успех увеличиваются.

Через некоторое время мы получили два полных комплекта оборудования саун, вплоть до специально подобранных камней для печей накаливания. Монтаж саун производили рабочие СМУ «Суздальстрой».

По заданию дирекции архитекторы предусмотрели в проекте возможность выходить из сауны через душ прямо в плавательный зал. После открытия ГТК эстонско-финские сауны стали чуть ли не главной завлекалочкой для наших туристов, особенно москвичей. Они специально приезжали к нам, чтобы «попариться» в сауне. Был среди них и космонавт Павел Романович Попович.

Что касается бильярдных столов, к тому времени их выпуск был освоен минской фабрикой «Динамо». Для получения четырёх комплектов бильярдных мне пришлось пройти немалую цепочку: Минторг РСФСР (зам. министра П. С. Лукьянов) – Роскультторг – Главкультбытторг Минторга СССР (В. С. Гудин) – Минторг БССР (зам. министра П. И. Брель) – Белкультторг – Бильярдная фабрика общества «Динамо» (директор В. П. Белько).

Конечно, попариться в сауне, поплавать в бассейне с лазурной водой, тут же выпить пивка да ещё и поиграть в бильярд для советских людей было делом не совсем обычным. Так что, желающих воспользоваться этими услугами было море...

Бильярдная

Винтовая лестница
на второй этаж
ресторана

Предмет восхищения

Необычная задача встала перед нашими строителями при изготовлении поручня для мраморной винтовой лестницы, ведущей на второй этаж ресторана. По первоначальному проекту его надо было согнуть из металлической трубы диаметром 89 мм с последующей окраской. Но при длине каждого поручня в 20 метров они должны быть качественно сварены меж собой из четырёх труб, кроме того, радиусы внутреннего и наружного поручней были разными. Все попытки строителей в своих мастерских сварить и качественно изогнуть эти трубы были безуспешны: наружные поверхности при растяжении металла лопались, а на внутренних появлялись складки. Такую работу я принять не мог. Нужна была заводская технология. Пользуясь своим знакомством с директорами крупных предприятий Владимира, я решил взяться за дело сам. Но ни один завод не владел подобной технологией.

Пришлось обращаться к секретарю обкома В. И. Лапшину, ведающему вопросами промышленности и строительства. Он вывел меня на директора Гороховецкого судостроительного завода Владимирской области Ю. А. Ульянычева. Бывая на этом заводе, Лапшин видел, как с помощью специальных приспособлений рабочие гнут латунные трубы для поручней своих судов. После его звонка директору с просьбой принять от нас этот «почётный» заказ я выехал с чертежами в Гороховец.

Юрий Александрович Ульянычев показал мне производство, на котором работало больше трёх тысяч человек. Оказалось, что для гнутья труб существуют совершенно разные технологии, зависящие как от типа металла, так и от диаметра труб. Для того чтобы гнутая труба имела идеальный вид, используют разные материалы – горячий песок, льняное масло, медно-фосфорные или висмутовые наполнители, фосфорные припой. Тут-то мне и пришла в голову идея сделать поручни из латунных труб вместо металлических окрашенных, тем более что во многих интерьерах мы с Ранинским решили применить латунь. Ульянычев дал согласие.

Задача получения латунной трубы с Кольчугинского завода цветных металлов была легко решена в телефонном разговоре с директором Тёмкиным. Через пару дней необходимое количество труб было доставлено в Гороховец.

После этого начались проблемы не столько со сваркой и сгибанием труб, сколько с их подгонкой под нашу лестницу. Бригаде умельцев во главе с директором Ульянычевым пришлось семь (!) раз приезжать в Суздаль.

Любопытно было наблюдать, как две длинные латунные «каракатицы» диаметром 80 мм привозили к нам на объект на длинномерных машинах для очередной подгонки. Опытные рабочие что-то измеряли, что-то уточняли, что-то подгоняли и снова увозили изделие обратно на завод.

И вот наконец-то до блеска отполированные, покрытые лаком и обёрнутые плотной бумагой изделия привезли и установили на место, добившись идеальной кривой и полного соответствия заранее установленным металлическим кованым стойкам ограждения. Эта работа до сих пор вызывает восхищение многих гостей нашего комплекса, особенно архитекторов.

Повод для вдохновения

Однажды при просмотре рабочих чертежей мне на глаза попался проект интерьеров парадного вестибюля нашего главного комплекса, выпущенный в 1970 году архитектором Романом Ивановичем Семерджиевым. Внимательно изучая один за другим все листы, я был несколько удивлён довольно примитивным архитектурным решением этого важного помещения.

Потолок вестибюля по проекту был собран из фанерованных панелей со встроенными в него круглыми светильниками-решётками СВП-200. В архитектуре такого рода конструкция называлась «палубой». Точно такое же решение я видел в одном из многочисленных холлов Кремлёвского Дворца съездов. Пол вестибюля предполагалось застелить белым мрамором коелга, а стены отделать такими же, как на потолке, фанерованными панелями, установленными вровень со стойками администраторов и торговыми прилавками. Наружную стену вестибюля было решено заполнить большими алюминиевыми остеклёнными витражами.

Всё это вместе взятое в сочетании с многочисленными колоннами напоминало построенный в тридцатые годы железнодорожный вокзал областного города Иваново.

Для меня, начинающего тогда заказчика, решение авторского коллектива, возглавляемого маститым архитектором Марком Артуровичем Орловым, казалось святым и незбылемым.

Известно, что первое впечатление от любого общественного здания мы получаем, увидев интерьер его вестибюля. Как говорил Станиславский: «Театр начинается с вешалки».

Бывая во многих городах страны, я всегда с любопытством рассматривал интерьеры разных зданий. Не считая уникальных станций

московского и ленинградского метро, больше всего меня интересовали вестибюли дворцов культуры, построенных в 1930–1950 годах. Моё воображение поражали огромные внутренние пространства с красивыми балконами, белоснежные колонны, мраморные или мозаичные с прожилками полы, лепные потолки со штукатурными тягами и красивыми бронзовыми люстрами. Один из самых ярких примеров – Дворец культуры имени Кирова в Куйбышеве, построенный в послевоенные пятидесятые годы (сейчас это – ДК имени В. Я. Литвинова, легендарного директора Куйбышевского авиационного завода).

Вместе с тем, я с какой-то особой теплотой вспоминал учебное здание нашего Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта, открытого в пятьдесят шестом – в год моего поступления.

Главный корпус представлял собой четырёхэтажное здание с восьмиколонным портиком коринфского ордера, к подножию которого вела парадная лестница с высоким и довольно просторным крыльцом. Войдя внутрь здания, вы попадали в довольно просторный и уютный вестибюль – с высокими потолками, украшенными лепниной, круглыми колоннами и цепочкой балконов, с балюстрадой из фигурных балясин.

В соответствии с духом того времени на любых торжественных мероприятиях с балкона вестибюля гремел духовой оркестр, в числе музыкантов которого был и я. С первых же минут появления публики сочетание прекрасной архитектуры со звуками бравурной музыки создавало приподнятое и радостное настроение.

...Еженедельно посещая строительство главного туркомплекса, я внимательно следил за постепенно меняющимися интерьерами концертного зала, бассейна, ресторана, каминного зала и, конечно же, вестибюля, который, как мне казалось, непременно должен быть торжественным и парадным. И всякий раз мечтал, чтобы наши гости, едва переступив его порог, ощущали такое же волнующее чувство радости, как это было в нашем институте.

Здание Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ). 70-е годы

Однажды весенним днём 1975 года ко мне в кабинет вошёл чем-то озабоченный главный архитектор проекта ГТК Ранинский. Он разложил на столе листы рабочих чертежей, разработанных для изготовления в Бобруйске большой партии двустворчатых глухих и полусветлых дверей. Теперь, когда назрела потребность в установке этих дверей в люксах, полулюксах и в общественных местах, мне предстояло в очередной раз ехать в Белоруссию для их заказа, получения калькуляций стоимости и расчётов потребности в дубе и лаке.

После обсуждения текущих проблем я как бы между делом признался, что некоторые проектные решения по интерьерам ГТК, выпущенные раньше, мне не нравятся. Юлий Владимирович не стал комментировать мои слова, но деликатно заметил, что, по его сведениям, на разработку проекта нашего турцентра Совмином СССР был отпущен слишком короткий срок, а потому времени на его обдумывание и проработку особо-то не было. В руководстве института посчитали, что подкорректировать некоторые решения можно будет и по ходу дела.

Для начала я предложил ему подумать над улучшением проектного решения потолка нашего вестибюля. Посоветовал вместо «палубы» разработать конструкцию кессонированного потолка с использованием дубовых панелей из Бобруйска, а если нужно, применить элементы изделий из латуни, которые я имел возможность заказать на Кольчугинском заводе цветных металлов, где был в хороших отношениях с директором М. И. Тёмкиным.

Мне показалось, что Юлий Владимирович только и ждал этого. Он признался, что проект, выполненный его предшественником Р. И. Семерджиевым, ему тоже никогда не казался интересным, но он не мог сказать об этом Орлову, утвердившему первоначальное решение. Теперь же, когда об этом говорит уже и заказчик, он готов подумать и дать свои предложения.

Я видел, как загорелись его глаза, и понял, что он и сам давно уже вынашивал какие-то идеи...

Каково же было моё удивление, когда утром Юлий Владимирович положил мне на стол потрясающей красоты цветной эскиз потолка вестибюля. Одержимый жаждой творчества, он всю ночь не сомкнул глаз в поисках лучшего варианта.

Сначала мой взгляд упал на расположенный по центру вестибюля прямоугольный плафон, состоящий из нескольких сотен латунных стаканов, где каждый пятый элемент являлся светильником с хрустальными стёклами. Вокруг плафона, по всему оставшемуся полю огромного

потолка, шли глубокие двухметровые кессоны, выполненные из облицованных дубом панелей. Все крепления их к каркасу потолка были закрыты шестигранными декоративными латунными колпачками, напоминающими головки болтов.

На втором эскизе был показан внутренний вид вестибюля. Украшением переднего плана был чёрный пол, выложенный из крупнозернистого полированного лабрадорита, расцвеченного яркими сине-зелёными блёстками, смонтированными в швы латунными прожилками. На заднем плане, на фоне стены, облицованной армянским фельзитовым туфом песочного цвета с разводами, красовалась стойка администраторов. Вертикальная стенка её была обложена серым гранитом, а верхняя часть накрыта толстой дубовой панелью. Все колонны были облицованы тем же армянским туфом, что придавало им весьма изящный вид.

От всего увиденного я был в полном восторге. Глядя на смущённого архитектора, я подумал: «И каким же нужно было обладать талантом, чтобы всего за одну ночь создать такое чудо!»

Вместе с тем, мне было лестно, что автор учёл моё предложение по устройству кессонного потолка с применением дубовых панелей, включил в проект оригинальные латунные изделия, которые в сочетании с дубом и хрусталём могут стать бесспорным украшением вестибюля.

Видя, что эскиз получил моё полное одобрение, Юлий Владимирович вдруг деловито сказал:

– Если ты берёшься достать около десяти тысяч панелей, четыре-пять тысяч латунных стаканов и около тысячи хрустальных плафонов, я возьмусь за разработку этого проекта. А если откажешься, впустую работать не стану. Ты же знаешь, кроме тебя, это дело никто не потянет.

И ещё добавил, что этот вариант проекта вестибюля ему нужно обязательно согласовать с автором проекта – Орловым.

На раздумье я взял сутки.

Инициатива наказуема

Честно говоря, такого разнообразия и количества нестандартных изделий и дефицитных материалов, необходимых для реализации нашей задумки, я не ожидал и был в некотором замешательстве.

Ещё в начале 1974 года, после увольнения начальника дирекции Рыжова, я остался один на один со всеми проблемами, и потому дел у меня

Каково же было моё удивление, когда утром Юлий Владимирович положил мне на стол потрясающей красоты цветной эскиз потолка вестибюля.

было невпроворот. В то же время надо мной тяжёлым грузом висело обязательство по поставке огромного объёма столярных изделий и алюминиевых витражей, до полной реализации которого было ещё далеко. Новый генеральный директор турцентра В. В. Молчанов от строительных дел был весьма далёк. К тому же, у него и своих забот хватало – обеспечить работу мотелей, принимающих до 300 туристов в день, в числе которых было много иностранцев. Не за горами был пуск главного туристского комплекса, пора было готовить штатное расписание и подбирать кадры...

Как быть в этой ситуации? Если браться за решение всех вопросов по вестибюлю, нужно выдать нашим проектировщикам и строителям определённые гарантии. А если сразу отказаться, зачем было огород городить?

В то же время могли бы я гарантировать, что в Бобруйске бросят все свои дела и возьмутся изготавливать для Суздаля тысячи дубовых панелей, треть которых нужно делать вручную? Кому это надо? То же самое можно было сказать и о тысячах латунных изделий. Одно дело – прут, полосу или квадратный профиль, на получение которых с Кольчугинского завода я мог рассчитывать, другое – индивидуальный заказ большого объёма. О хрустальных изделиях сказать что-то определённое тоже было трудно. Ведь в Гусь-Хрустальном, хоть он и находится на территории нашей области, заводчане могли просто отказаться от выполнения такого заказа, ссылаясь на свои проблемы, к примеру, на отсутствие оснастки. Хрустальные изделия этого завода были в таком дефиците, что шли на расхват, их даже на экспорт отправляли.

Как поступить? Вот уж действительно – и хочется, и колется...

Целые сутки мои мысли были заняты исключительно этой проблемой. Получалась дилемма: первый проект меня не устраивал, а комплектовать потолок дефицитными материалами и конструкциями никто, включая строителей, не возьмётся. Наутро я решил: была не была, возьмусь за это дело.

Через два дня мы вместе с Ранинским сидели в кабинете у директора института Орлова.

– Ну, как? – спросил меня Марк Артурович, с гордостью показывая эскизы потолка и интерьеров вестибюля. – Нравится?

И сам же, отвечая на этот вопрос, лукаво улыбнулся:

– Вижу по глазам, что нравится. Юлик у нас молодец!

Затем спросил серьёзно:

– А теперь скажи мне честно, берёшься за это дело?

– Марк Артурович, я думаю, мой ответ вы уже знаете от Юлия Владимировича.

– Да. Но хотел бы сам услышать это от тебя.

– Берусь!

– Молодец, вот это, я понимаю, настоящий заказчик! Это дело надо отметить, подвезжай к нам вечером после работы...

Обсудив ещё раз все проблемы с вестибюлем, он спросил:

– А теперь скажи, нужна тебе моя помощь, как автора проекта?

Я ответил, что надо получить разрешение Госгражданстроя СССР на применение лабрадорита. С белым мрамором коелга у меня проблем бы не было, но украинский лабрадорит вполне может оказаться в дефиците.

– Нет вопросов, – сказал Марк Артурович. – Ради такого красивого камня готов тебе помочь. Сейчас я позвоню Змеулу, и мы обо всём договоримся, ведь это с его лёгкой руки нашему комплексу присвоен статус объекта особой архитектурной значимости.

Он набрал по памяти номер телефона.

Через несколько минут мы ехали в служебном рафике в Комитет по гражданскому строительству и архитектуре СССР с письмом за двумя подписями: Орлова, автора проекта, и моей, заказчика.

Сергей Георгиевич принял нас любезно. По всему было видно, что человек он обаятельный, а с Орловым у них хорошие отношения. Марк Артурович легко сумел убедить Сергея Георгиевича, что, кроме лабрадорита, нас никакой другой камень не устраивает, других вариантов просто не существует...

Через полчаса мы вышли из высокого кабинета с положительной визой С. Г. Змеула на нашем письме, и поставленной на его подписи гербовой печатью..

– Марк Артурович, спасибо за помощь и за это знакомство, – сказал я, когда мы въехали во двор института. – А проблему с получением лабрадорита в следующем году я теперь легко решу через министра промстройматериалов РСФСР Маракова. Кстати, недавнего моего гостя в Суздале...

С того момента, как было принято решение о разработке нового проекта интерьеров вестибюля, я понял, что теперь на мои плечи ложится очередная архисложная задача по обеспечению стройки не только столярными, латунными и хрустальными изделиями, но также лабрадоритом, армянским туфом и другими дефицитными материалами.

Это был тот самый случай, когда говорят: инициатива наказуема.

Наутро я решил: была не была, возьмусь за это дело!

С того момента, как было принято решение о разработке нового проекта интерьеров вестибюля, я понял, что теперь на мои плечи ложится очередная архисложная задача...

Ризоположенский монастырь. Суздаль. Фото В. Брунцева. 1976

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ-2

За два первых года сотрудничества с белорусами мы буквально сроднились. Без преувеличения можно сказать, что наши проблемы стали их собственными, а их нужды – нашими.

Гости из Бобруйска. В центре – И. Л. Каран, начальник производственного отдела объединения «Бобруйскдрев». Суздаль. 1976

Трудная зима

Зима 1973–1974 годов на главном туристском комплексе оказалась для строителей исключительно трудной. Руководство СМУ «Суздальстрой» делало всё возможное и невозможное для ускорения работ, но проблемы сыпались одна за другой.

Так, пуск третьего и четвёртого корпусов мотелей задерживался из-за отсутствия 240 фанерованных дверей и 100 экранов ограждения радиаторов, непоставленных Владимирской мебельной фабрикой. На этом фоне мои обязательства по добыванию алюминиевых витражей и дубовой столярки для объектов ГТК вызвали лишь сочувствие.

Полученная в конце 1973 года из Бобруйска первая партия дубовых окон (250 штук), установленная в гостиничной части комплекса, была для нас довольно значимым событием, но в глобальном плане проблему не решала. Не считая 1200 кв. метров проёмов, которые предполагалось заполнить алюминиевыми анодированными витражами, на комплексе оставалось ещё 190 открытых оконных проёмов, предназначенных для установки дубовой столярки.

Было решено на зиму их закрыть утеплёнными строительными материалами.

Мне пришлось гарантировать возмещение подрядчику всех дополнительных финансовых затрат, договорившись с главным сметчиком нашего института Л. П. Зуевым и уполномоченным Суздальского отделения Стройбанка СССР А. Я. Комаровым. Других вариантов не было.

Несмотря на все эти осложнения, в конце января на стройке появилось несколько мощных бригад владимирских штукатуров из УНР-672, УНР-676 и УНР-23, только что сдавших во Владимире вводные объекты. Решено было сосредоточиться исключительно на гостинице, в которую было пущено тепло от новой котельной. Остальные части ГТК до весны оставались открытыми.

Но в это время неожиданно для всех возникла проблема с отсутствием дубовых подоконных досок, которые по технологии нужно было устанавливать до начала штукатурных работ.

Мне пришлось оставить все дела и срочно выехать в Бобруйск. Оценив ситуацию, в которой мы оказались, генеральный директор объединения А. А. Санчуковский провёл техническое совещание и, несмотря на сложнейшее положение с выполнением задания ЦК, поручил начальнику производственного отдела И. Л. Карану «принять все меры» к выполнению нашего заказа.

Изготовление дубовых подоконных досок даже для опытных специалистов Бобруйска оказалось делом непростым – эти изделия не могли быть фанерованными, как полотна дверей, в этом случае они быстро разрушатся от влаги.

Мы приняли совместное решение набирать верхнюю поверхность изделий дубовой паркетной рейкой толщиной 18 мм. Очередная трудность возникла из-за больших размеров изделия, теперь надо было изготавливать дубовые паркетные пластины длиной 90 см (вместо стандартных 45-сантиметровых). Для решения этой задачи технолог цеха С. Э. Шапиро вместе с И. Л. Караном разработали специальное приспособление для «двойной прогонки» дубовой доски. Такой продукции в этом цехе ещё не делали.

А тут появились новые препятствия с поставкой дуба – 140 кубометров! Было ясно, что даже при содействии генерального секретаря СЭВ Фаддеева, на решение этого вопроса уйдёт несколько месяцев. И тогда Санчуковский решил пойти на своеобразную хитрость. Он договорился со своим министром Кийковым о выделении для нашего заказа

соответствующих фондов на стандартный паркет, которые распределялись самим министерством.

Через несколько дней в Суздаль была отгружена первая партия подоконных досок. Так довольно быстро мне удалось выпутаться из этой сложнейшей ситуации.

За два первых года сотрудничества с белорусами мы буквально породнились. Без преувеличения можно сказать, что проблемы «Бобруйскдрева» стали нашими, а наши стали проблемами их замечательного предприятия.

Несмотря на все осложнения, к началу лета 1974 года наши белорусские партнёры изготовили и отгрузили нам ещё 120 блоков из первой партии окон. Вместе с подоконными досками было получено 370 оконных блоков, благодаря чему немалый объём работ удалось выполнить и штукатурам. Вместе с тем, оставшая часть гостиницы, концертный зал, зона бассейна и кухонной части ресторана находились в стадии ожидания...

К сожалению, из-за выполнения заказа ЦК изготовление окон для Суздаля на некоторое время приостановилось. Всех рабочих цеха, в том числе и «нашу» бригаду, переключили на этот заказ.

С момента прекращения Бобруйском поставки окон проблемы на стройке крайне обострились. Нужны были дубовые двери, серьёзно встал вопрос и об отсутствии анодированных алюминиевых витражей, поставку которых, как и столярки, я добровольно взвалил на свои плечи. Никого не интересовали мои объяснения о строительстве новых зданий аэропорта, Национальной библиотеки в Минске и даже жилого дома ЦК КПСС, где должен жить Брежнев.

К зиме 1974–1975 годов позарез нужно было закрывать контур вестибюля, бассейна и ресторана. На каждом совещании в обкоме или облесполкоме, кроме десятков других вопросов, звучали вот эти три: «Когда будут окна? Когда будут витражи? Когда будут двери?»

Больше всех подливал масла в огонь управляющий 94-м трестом Артюшенко: «Вы нам сдерживаете работы по штукатурке стен, вы срываете ввод ГТК!» Каждый раз он снова и снова выносил на обсуждение свои предложения об установке сосновой столярки и сварных витражей. «Товарищ Брунцев нас водит за нос, – не уставая повторял он. – Не будет никакой столярки, он нам сорвёт все сроки!»

Площадь оконных, дверных и витражных проёмов, требующих закрытия, была равна почти половине футбольного поля...

На каждом совещании в обкоме или облесполкоме, кроме десятков других вопросов, звучали вот эти три: «Когда будут окна? Когда будут витражи? Когда будут двери?»

Александр Якимович Комаров, управляющий Суздальским отделением Стройбанка СССР

Решительность и порядочность

Мои однодневные выезды в Бобруйск теперь были направлены только на решение этой проблемы. Я видел, что «Белцех» буквально задыхался от сложнейшего столичного заказа, там часто бывали не только представители Совмина и Минлеспрома Белоруссии, курирующие правительственный заказ, но и сотрудники Управления делами ЦК КПСС.

В этой ситуации вся надежда была только на Санчуковского, на его решительность и порядочность. После очередного его распоряжения наш заказ был снова запущен в производство, для чего были созданы два специальных участка с лучшими специалистами. В состав бригады станочников и столяров-сборщиков вошли передовые рабочие, которые трудились и во вторую смену, и в выходные дни, и при всяком удобном случае пользовались «форточками». Действовала повременно-премиальная система оплаты труда. Ответственными за выполнение заказа были назначены начальник цеха деревообработки Александр Константинович Савицкий, технолог Семён Эльевич Шапиро и мастер Роза Израилевна Окунь. Я поимённо знал всех, кто занимался нашим «невыполнимым» заказом. Исаак Лазаревич Каран был обязан ежедневно докладывать генеральному директору о состоянии наших дел.

Рабочие трудились с настоящей самоотдачей. Так, столяр И. Голуб, имеющий восемнадцатилетний стаж работы, выполнял план на 140–150 процентов, за что был награждён крупной премией и ведомственным знаком «Отличник социалистического соревнования 1974 года», газета «Рабочы», выходящая на русском и белорусском языках, поместила его портрет.

С лёгкой руки Санчуковского заказ для суздальского туристского центра в объединении «Бобруйскдрев» стал почётным.

В общем, после выхода этого исторического распоряжения сначала окна, а потом и двери, хоть и со скрипом, хоть и небольшими партиями, но всё же регулярно стали поступать на нашу стройку.

Два километра бесшумных цепей

Последнюю партию оконных блоков мы получили из Бобруйска лишь в конце 1974 года. Несмотря на всяческую поддержку Александра Александровича Санчуковского, на выполнение нашего заказа ушло 15 ме-

сяцев. Это лишний раз подтверждает, в каком сложнейшем положении было в то время белорусское объединение.

Оконные блоки поступали в Суздаль с неостеклёнными переплётами. Дефицитное полированное стекло для окон (а потом и для алюминиевых витражей) подрядчик получал по фондам министерства строительства СССР из Саратова, где в начале семидесятых годов было построено современное предприятие – завод технического стекла. Общий объём двухслойного остекления составлял больше 15 тысяч квадратных метров! А дальность автомобильной перевозки была около 1500 километров.

Проблемой стекла занимался непосредственно замначальника Владимирского областного территориального управления строительства В. Н. Грамотов. Если было нужно, к этому вопросу подключался Владимирский облисполком и даже обком партии.

Осенью 1974 года в «Белцехе» началось изготовление 1100 фанерованных входных дверей ДИ-1. Остальные – светлые, полусветлые, глухие – ждали своего часа. Количество их типоразмеров достигало двадцати наименований, хотя некоторых и нужно-то было всего пять, три, или даже одну. Правда, отсутствие на стройке этих дверей погоды не делало.

Мои поездки в Бобруйск стали регулярными – раз в два-три месяца. Кроме решения возникающих по ходу дела технических вопросов, продвижения старых заказов и размещения новых, много времени отнимали и проблемы, связанные, к примеру, с финансовыми расчётами. Все калькуляции необходимо было отправлять главному сметчику проектного института Л. П. Зуеву для проверки и включения в рабочие сметы. Решения требовали проблемы транспортировки готовой продукции в Суздаль и расчётов за неё. Когда в начале года у подрядчика не было средств, по договорённости со стройбанком столярку приходилось оплачивать дирекции, конечно, с последующим возмещением этих затрат.

Почти при каждом моём посещении Бобруйска у руководства объединения находился повод для того, чтобы обратиться ко мне помощью. Делалось это по-дружески и просто: помоги! Но однажды Санчуковский затеял разговор издали:

– Валера, спасибо тебе большое за всё, ты нам здорово помогаешь! Мы это ценим и тоже стараемся тебя не обижать... Но понимаешь... Недавно перед нами появилась одна очень большая задача... Не мог бы ты и тут помочь?..

Оказывается, для изготовления древесноволокнистой плиты нужно было круглосуточно подвозить сырьё с лесопилки к месту переработки, которое находилось примерно в километре. Часто случались какие-то

Почти при каждом моём посещении Бобруйска у руководства объединения находился повод для того, чтобы обратиться ко мне помощью.

срывы: то погрузчик сломается, то одна из машин выйдет из строя, то солярка кончится, а производство не остановишь – непрерывный цикл!

– Вот и придумали наши рационализаторы такое устройство, которое будет непрерывным способом подавать сырьё прямо в цех. Это заменит нам несколько самосвалов, избавит от других проблем и даст хороший экономический эффект, – продолжал Санчуковский. – Но для этого нужно поменять роликовый транспортёр на цепной... Так вот, если бы ты смог достать для нас два километра бесшумных цепей, это помогло бы нам решить проблему. Такие цепи, кажется, идут на эскалаторы метрополитенов...

Мне показалось, что директор, обращаясь ко мне с этой просьбой, на успех не особенно рассчитывает, так, на всякий случай закидывает удочку. Для приличия я записал название товара и марку, обещая, конечно, попробовать помочь, но без гарантий.

– Александр Александрович, это довольно трудно. Никто меня ни в Госснабе, ни в Госплане СССР не поймёт – строительство туристского центра и... какие-то там бесшумные цепи!

– А ты постарайся, прошу тебя, нам самим этот вопрос не потянуть, – настаивал он. – Для нас это крайне важно.

И что вы думаете? Через три месяца, хотя и с большими усилиями, в Госснабе СССР мне удалось-таки решить эту необычную проблему. От имени Санчуковского, который был в отпуске, мне позвонил тогда главный инженер объединения Леонид Иванович Рыщук. Поблагодарил.

Спустя много лет, листая подаренную в Бобруйске книгу «Первенец белорусской деревообработки», я узнал, что благодаря пуску цепного транспортёра в 1974 году было внедрено в производство крупное рационализаторское предложение, которое дало огромный экономический эффект.

Я был этому искренне рад.

«Поможем сестре-России»

На детальную разработку нового проекта подвесного потолка вестибюля Ранинскому понадобился месяц кропотливой работы. В Суздале Юлий Владимирович показал мне свои чертежи и большой лист сводной спецификации, где были подробно расписаны все нужные материалы. Он сразу признался, что в общий объём решил дополнительно включить большое количество дубовых панелей, латунных изделий и хрустальных

светильников, чтобы потом использовать всё это и в других помещениях комплекса – в ресторане, каминном зале, холлах, барах. Тогда все наши интерьеры будут выполнены в едином стиле.

А я как раз собирался в Бобруйск, предстоял пробный заход к руководству предприятия по поводу изготовления фанерованных панелей. Несмотря на наши прекрасные отношения с Александром Александровичем, в успехе я не был уверен.

Во-первых, общий объём заказа огромный – 12 тысяч панелей разных типов. Во-вторых, я знал: панели толщиной 40 мм нельзя фанеровать машинным способом, только ручным. А это четыре тысячи штук – значит, объём ручной фанеровки торцов и кромок с помощью горячих утюгов составит 12 километров!

Я вёз в Бобруйск письмо дирекции с просьбой выполнить наш заказ всего по четырём типам панелей. Этого нужно было добиться во что бы то ни стало. Никакого другого потолка я не хотел видеть, тем более, что по латунным изделиям и хрустальным плафонам светильников уже начал подготовительную работу

Конечно, для белорусов такой заказ был не только сложным, но и крайне невыгодным с точки зрения трудозатрат. Но другого предприятия, способного выполнить его, в нашей стране не было. Вот с такими противоречивыми мыслями я и ехал в Бобруйск.

...Войдя в приёмную Санчуковского, я сразу почувствовал что-то неладное – все, кого я встретил по дороге, были чем-то расстроены.

– Заходите, – дрожащим голосом сказала незнакомая мне секретарша, видно, принявшая меня за какого-то местного начальника, – там уже все в сборе.

Открыв дверь в кабинет, я увидел за директорским столом республиканского министра Алексея Яковлевича Кийкова, с которым как-то уже встречался. Справа от него сидел Санчуковский. Народу было битком. «Может быть, кто-то умер», – подумал я.

– Входите, Валерий Александрович, – пригласил Санчуковский, увидев меня в дверях, – у нас большое горе!

– Что случилось? – спросил я, приветствуя всех лёгким кивком головы.

– Сгорела мебельная фабрика в Жлобине, пятьсот человек остались без работы, – ответил он удручённо. – Садитесь. – Он показал на стул рядом с Кийковым.

– Чем я могу помочь?

Никакого другого потолка я не хотел видеть, тем более что латунные изделия и хрустальные плафоны светильников уже находились в работе.

*Алексей Яковлевич
Кийков, министр
лесной и деревообра-
батывающей
промышленности
БССР*

Санчуковский молча протянул мне список оборудования и материалов на двух с половиной страницах. Там были всё те же до боли знакомые электромоторы, вентиляторы, calorиферы, электрические пускатели, провода, кабели, светильники...

– Я готов решить эту проблему.

– За какой срок? – сразу откликнулся Кийков.

– Думаю, за месяц...

Видимо, такого ответа никто не ждал. Оправившись от удивления, все облегчённо вздохнули.

– Я знал, что у вас большая дружба, но не думал, что такая! – воскликнул Кийков. Потом спросил меня:

– А к нам есть у вас какие-то просьбы?

Я достал из портфеля письмо и протянул министру. И вот чудо! Даже не взглянув на объём заказа, Кийков сказал:

– Ну, что, Александр Александрович, поможем нашей сестре-России?

Он повторил фразу, сказанную мне Санчуковским года три назад. Видно, и вправду наш Суздаль был для них воплощением России. Если бы речь шла, ну, скажем, о Москве, думаю, он просто сказал бы: «поможем нашей столице»...

На письме Кийков размашистым почерком поставил резолюцию: «Санчуковскому! Разрешаю!» Директор тоже, не вникая в содержание, быстро начертал: «И. Л. Карану! Срочно в производство!»

Вот так неожиданно решилась судьба великолепного потолка. Не было бы счастья, да несчастье помогло...

Через некоторое время министр, ссылаясь на дела, уехал. Мы с Санчуковским остались вдвоём, но наше уединение прервал начальник производственного отдела. Каран был крайне взволнован.

– Сан Саныч! Вы знаете, что приняли огромный заказ на панели, где почти половина – сороковка? Это же ручная работа!

– Ну, и что? – спокойно спросил Санчуковский.

– Это невозможно!

– А ему – возможно? Вы же знаете, такой помощи нам ещё никто не оказывал, даже Танклевский!

– Сан Саныч, это очень трудно! – не унимался Каран.

– А ему не трудно?

– С таким сложным заказом мы сорвём план по всем показателям!

– А надо и план выполнить, и обеспечить выполнение этого заказа! Если вы не можете этого сделать, так прямо и скажите! Мы придумаем сами, как это сделать!

– Я вас понял.

– Ну, и хорошо, идите, – уже теплее сказал Александр Александрович, хитро взглянув на меня. Мол, знай наших!

Любопытно, что в это время мне в голову пришло неожиданное решение – составить эти панели-сороковки из двух 20-миллиметровых. Конечно, в этом случае количество изделий удваивалось...

Как в Кольчугине плавил кольчугу

После принципиального решения вопроса с изготовлением панелей потолка я срочно занялся латунными изделиями. Заручившись письмом облисполкома за подписью зампреда Зенковича, я отправился в город Кольчугино Владимирской области. Последний раз я был там в январе 1973 года – ездил на завод по обработке цветных металлов имени Серго Орджоникидзе, решал вопрос о бесфондовом получении большого количества тонких медных трубок для бойлеров – наши при пуске котельной неожиданно вышли из строя. Бывал как-то и на их знаменитом «Электрокабеле», отпочковавшемся в 1939 году от завода цветных металлов, оформлял получение десятков километров дефицитного электрокабеля для Суздаля и Бобруйска.

Директор завода Орджоникидзе Михаил Иосифович Тёмкин, несмотря на занятость, принял меня, как всегда, уважительно. Заметив на письме подпись Зенковича, первым делом справился: «Ну, как там Александр Андреевич, жив-здоров?»

Зенкович пользовался в области огромным авторитетом. В его руках были многие направления хозяйственной деятельности, в том числе жилищное строительство. В отличие от своих коллег, он обладал спокойным, выдержанным характером, никогда не повышал голос. Несмотря на свою высокую должность, был со всеми тактичен и обходителен. Мог, конечно, кого-то пожуричь, но никогда не ругался и не выходил из себя. Отличительной чертой Зенковича-руководителя было то, что он сходу принимал необходимые (но не спонтанные) решения. За это его очень ценил председатель облисполкома Тихон Степанович Сушков. Александра Андреевича Зенковича почитали не только сослуживцы, но и руководители областных, городских и районных организаций, директора промышленных

предприятий, строители и проектировщики. У таких людей, как Зенкович, не было врагов или недоброжелателей. Его все уважали.

Внимательно ознакомившись с чертежами, Тёмкин вдруг изменился в лице: он увидел объём заказа – 5 тысяч стаканов диаметром 200 мм и 35 тысяч декоративных колпачков. На это требовалось больше семи тонн миллиметрового латунного листа, а с учётом отходов производства, наверное, все десять. Такое количество латуни завод выделить на сторону – без фондов – не мог, будь это даже просьба обкома.

Я обещал решить вопрос с получением этих фондов на следующий год через Госплан РСФСР.

В это время в кабинет заглянул главный технолог. Опытным взглядом он сразу оценил, что в случае применения листовой латуни проявится серьёзная технологическая проблема: заводу придётся изготавливать несколько видов специальной оснастки для выполнения ручной пайки швов, общая длина которых составит больше двух километров! Для экспериментального цеха, которому обычно поручают такие заказы, это будет непосильный труд.

После такого заключения вариант с листовой латунью сам по себе отпал. Нужно было думать о замене материала.

Через пару дней Тёмкин позвонил мне и попросил подъехать. На заседании техсовета при главном инженере завода присутствовали несколько специалистов, главный технолог и сам директор. Из предложенных трёх вариантов я выбрал самый простой – изготовление изделий из легкосплавных материалов методом литья с последующим их оксидированием под латунь. Небольшой образец пластины с этим покрытием практически ничем не отличался от латунного листа.

Спустя два часа технологи и экономисты составили калькуляцию на четыре изделия, которую я безоговорочно принял и произвёл расчёт.

Но появилась новая загвоздка: для отливки наших изделий по чертежам, разработанным специалистами Кольчугинского завода, нужно изготовить четыре разных прессформы. Мне посоветовали обратиться с этим на Ставровский завод автотракторного оборудования, находящийся в сорока километрах от Владимира.

Я вспомнил, как три года тому назад оказался на совещании директоров промышленных предприятий области и стал его фигурантом. Вёл совещание председатель облисполкома Сушков, хорошо осведомлённый о моих постоянных заботах по изготовлению разного рода нестандартных деталей, конструкций и оборудования для турцентра. И вот он своим твёрдым голосом обратился к залу: «Вы все хорошо знаете,

что по распоряжению Совета Министров СССР в нашей области строится первый в стране туристский центр в Суздале. Заказчиком этого строительства официально выступает облисполком, при котором создана дирекция по строительству турцентра. Так вот, главный инженер дирекции товарищ Брунцев, присутствующий здесь, часто обращается ко мне и Зенковичу за помощью в выполнении нестандартных заказов. Но поймите, у нас нет времени заниматься подобными проблемами. Исходя из важности этого общего государственного дела, прошу всех директоров безукоснительно принимать к выполнению любые заказы по турцентру, независимо от их сложности. Те, кто отважится отказать, будут иметь дело со мной».

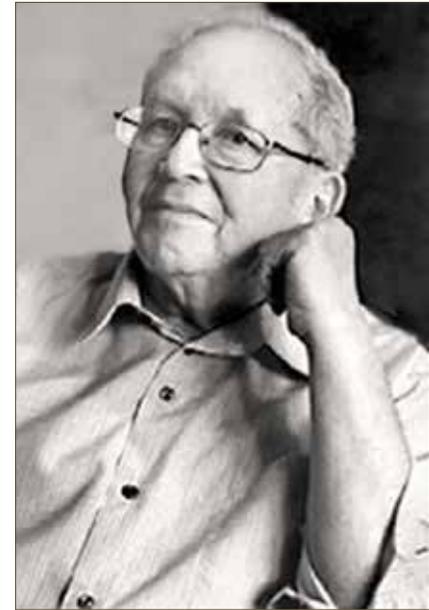
Вот это был деловой подход к решению проблем. За все последующие годы строительства турцентра ни на одном заводе области отказов мне не было.

Вскоре после описанных событий я выехал в Ставрово. Директор завода сразу же дал согласие на изготовление оснасток. Единственная проблема: на предприятии не было литейного производства, необходимого для отливки чугунных заготовок – их нужно было готовить в другом месте. Чертежи на них мне выдали в течение получаса.

Как только эти заготовки были отлиты на Владимирском тракторном заводе и доставлены в Ставрово, там за неделю сделали необходимую оснастку, и Кольчугинский завод незамедлительно приступил к выполнению нашего заказа.

Прошло две недели, и мы с главным архитектором проекта Ранинским уже принимали в Кольчугино пробные варианты наших изделий. Качеством работы мы остались довольны.

На изготовление всей продукции ушло не меньше полугода, после чего встал вопрос оплаты и доставки в Суздаль. Из-за финансовых проблем у наших строителей работу (по договорённости со Стройбанком) оплатила наша дирекция. Готовую продукцию вывезли автофургонами за несколько рейсов. Чтобы сохранить изделия при транспортировке, их аккуратно упаковали в толстую крафт-бумагу и уложили в большую картонную коробку кубового объёма – туда помещалось 125 штук. Всего мы получили сорок таких коробок, каждая весом около 25 кг. Судя по калькуляции, на упаковку было потрачено полтонны бумаги.

Михаил Иосифович Тёмкин, генеральный директор Кольчугинского завода цветных металлов им. С. Орджоникидзе

За все последующие годы строительства турцентра ни на одном заводе области отказов мне не было.

Латунные колпачки были отгружены в небольших ящиках навалом.

На память об этом событии руководство завода вручило мне книгу «Плавят радугу в Кольчугине», вышедшую в свет к 100-летию предприятия в 1972 году. Дарственная надпись гласила: «Валерию Александровичу Брунцеву на память о кольчугинских металлургах».

Хрустальная мечта

Изготовление 1200 хрустальных плафонов, необходимых для светильников в вестибюле, ресторане и других помещениях ГТК, оказалось делом не менее хлопотным, чем производство латунных изделий.

Гусевский хрустальный завод был по горло занят выпуском своей серийной продукции, которая шла нарасхват. Таких заказов, как наш, они никогда не выполняли, поэтому опять пришлось подключить руководство облисполкома.

Техническое совещание по вопросу изготовления хрустальных плафонов проходило на заводе. Я заболел, и вместо меня поехал генеральный директор турцентра Молчанов, который раньше был зампредом Гусевского горисполкома. Это, пожалуй, единственный случай его участия в решении строительных проблем ГТК. Вместе с ним на совещании был и главный архитектор проекта ГТК Ранинский.

Когда принципиальное решение об отливке хрустальных плафонов было принято, нам пришлось повторить ту же самую процедуру, что и с латунными изделиями: изготовить на Ковровском экскаваторном заводе чугунную отливку, а потом на Владимирском объединении «Техника» – оснастку.

В общем, на изготовление и получение всех латунных и хрустальных изделий ушло больше полугода. Причём их качество было превосходным. В отличие от лёгких латунных колпаков, вес каждого хрустального изделия составлял почти килограмм, а общий вес продукции – больше тонны.

Теперь нужно было разработать крепление хрустального плафона к латунному колпаку, чтоб удобно было менять лампочки. Помогли связи бывшего директора турцентра Е. С. Бирюкова, который раньше был председателем месткома на заводе «Электроприбор». Он быстро договорился с директором Д. Б. Рапопортом, и заводские специалисты придумали уникальную конструкцию штекерного крепления. На то, чтобы снять плафон, заменить лампочку и установить его на место требовалось 20–30 секунд...

В итоге, наши «самодельные» светильники, ставшие прекрасным украшением потолков парадного вестибюля и ресторана, были изготовлены на семи заводах Владимирской области!

Крепким орешком оказался и монтаж нашей «кольчуги». Архитектор Ранинский с прорабом Черкашиным долго раздумывали и что-то прикидывали. В результате, генподрядчику нужно было изготовить значительное количество металлических комплектующих изделий, а заказчику, то есть дирекции, обеспечить получение непредусмотренного раньше латунного прута весом около полутонны.

Правило Санчуковского

Через пару недель мы получили первую партию фанерованных панелей, затем вторую, за ней – третью. Это была довольно значительная часть заказа. Но вот 40-миллиметровых панелей, без которых невозможно было начать комплексную сборку потолка, к нам так и не поступило. На мой звонок Каран ответил коротко:

– Мы же вам отдали почти половину, остальное ждите, у нас горит план!

Пришлось снова мчаться в Белоруссию – другого выхода не было. Я по опыту знал, что ни один телефонный звонок, а тем более письмо, отправленное почтой, пусть даже со слёзной просьбой, не сможет заменить личного контакта между руководителями. Мои однодневные поездки в Бобруйск были тому подтверждением. Я ни разу не возвращался домой с пустыми руками.

Моему визиту Санчуковский несколько удивился:

– Что случилось? Ты же только от нас, мы отгрузили в Суздаль большую партию панелей. Тебе что, делать нечего?

Я рассказал о своей проблеме.

Вызвав к себе Карана, директор сурово спросил:

– В чём дело, Исаак Лазаревич? Почему вы не отдаёте Суздалью 40-миллиметровые панели?

– Сан Саныч, я же вам говорил, это ручная работа! У нас нет пока такой возможности!

– А разве мы в прошлый раз не договорились?

– Договорились, но я не могу срывать план! Вы же с меня голову снимете!

– И за это тоже сниму!

Немного помолчал и дав Карану успокоиться, он тихим голосом продолжал:

– Исаак Лазаревич, вы же знаете моё правило: нужно не только себя любить, но и других уважать. Давайте вместе подумаем, как сделать эти панели без ущерба для производства. Помните, несколько лет назад у нас был такой же большой и срочный заказ для Нового Арбата? Так вот! Дайте задание рабочим, чтобы вечером, уходя домой, они закладывали эти изделия в ваймы*. К утру, смотришь, пласти** и готовы! Пошли на обед – запустили торцы, вечером – кромки. Вот так и будем работать. Срок – три месяца! Вам всё ясно?

– Так точно!

– Тогда вы свободны.

Я в очередной раз поражаюсь мастерству, с которым уважаемый генеральный директор расправлялся с самыми трудными проблемами.

Обедали у Санчуковского дома. «Сонечка» приготовила вкусный борщ и моё любимое белорусское блюдо – драники. Были, конечно, и «фронтные» 100 грамм. «За успех вашего безнадежного предприятия!» – пошутил Александр Александрович.

Кирилл Прокофьевич Орловский

После короткого отдыха он ни с того ни с сего спросил, не хочу ли я посетить колхоз-миллионер «Рассвет». Это был знаменитый на всю страну колхоз, который с сорок пятого года возглавлял один из руководителей партизанского движения Белоруссии, Герой Советского Союза, Герой Социалистического труда Кирилл Прокофьевич Орловский.

– Он был моим старинным другом и товарищем, – задумчиво сказал Александр Александрович. – К сожалению, в шестьдесят восьмом схоронили его... Хороший был человек. Мы всегда помогали «Рассвету» и мебелью, и столяркой, а они наших рабочих не забывали, подкармливали. Я покажу вам их Дворец культуры, вам будет интересно, я уверен.

– А как же вы оставите свою работу?

– Какой же я директор, если не могу встать и уехать, куда мне надо? Без меня все вопросы будут решать мои заместители, а утром доложат об исполнении. Вот и посмотрю, кто на что способен. Такой у меня порядок!

* Ваймы – зажимное приспособление для склейки деревянных щитов.

** Пласти – самые большие по площади стороны мебельного щита.

Как раз в это время в «Бобруйскдрев» приехал по каким-то своим областным делам замначальника Владимирского территориального управления строительства В. Н. Грамотов. Было решено взять его с собой.

Настроение у нас было хорошее, всю дорогу до колхоза мы шутили и рассказывали всякие истории. Оказалось, что Санчуковский очень любил слушать анекдоты, да и сам оказался мастером их рассказывать.

Обращала на себя внимание идеальная чистота дороги – ни соринки, ни пылинки, даже на обочинах росла зелёная, словно под гребёнку стриженная трава.

Таковую же картину наблюдал я в зоне отвода железной дороги, когда впервые ехал из Бобруйска в Минск. «Ну, это же Европа!» – пытался я оправдать наш российский беспорядок. У нас-то на дорогах, даже на республиканских, грязь и мусор – явление обычное. Да, есть чему учиться у братьев-славян!

Сначала мы заехали в правление, перед зданием которого стоял бюст Орловского. Встретил нас новый директор. Чувствовалось, насколько даже здесь высок авторитет Санчуковского. Встречные называли его уважительно по имени-отчеству.

Мы положили цветы к памятнику Кирилла Прокофьевича Орловского. Несколько минут постояли молча. В глазах Санчуковского блеснули слёзы...

Кирилл Прокофьевич Орловский стал прототипом Егора Трубникова, главного героя фильма «Председатель», так проникновенно сыгранного Михаилом Ульяновым. В сорок третьем после тяжёлого ранения Орловскому ампутировали правую руку по плечо и четыре пальца левой руки. Утратив способность проходить военную службу в органах госбезопасности, Орловский обратился с личным письмом к Сталину, просил разрешить ему возглавить один из самых разрушенных колхозов Могилёвской области, обещал возродить его. Ему пошли навстречу.

В январе сорок пятого Орловский был избран председателем колхоза «Рассвет», который под его руководством стал первым колхозом-миллионером в послевоенном Союзе.

Кадр из фильма «Председатель». В главных ролях – Иван Лапиков и Михаил Ульянов. Режиссёр – Алексей Салтыков. Оператор – Владимир Николаев

Памятник
К. П. Орловскому
у Дворца культуры
колхоза «Рассвет»

Большое впечатление на меня произвёл колхозный Дворец культуры – там все столярные и мебельные изделия, в том числе и красивые кресла, были сделаны в Бобруйске.

– Ну, и как вам наш очаг деревенской культуры? – спросил меня директор дворца.

И тут я допустил непростительную бестактность.

– Неплохо. Но некоторые вещи можно было бы сделать гораздо интереснее.

Наступила неловкая пауза, и Санчуковский резко сменил тему.

Позже он отвёл меня в сторону:

– Зачем же вы так? В гостях нужно всё хвалить...

Это было мне хорошим уроком на будущее.

Владимир Николаевич Грамотов решил на пару часов остаться в колхозе, чтобы обсудить с руководством взаимовыгодное сотрудничество – колхозу наверняка нужны были строительные материалы, а у нас, на Владимирщине, были большие проблемы с продуктами...

В фойе Дворца
культуры колхоза
«Рассвет».
Слева направо:
В. Н. Грамотов,
А. А. Санчуковский
и директор Дворца
культуры

Деликатная просьба

На обратном пути Санчуковский как бы между делом завёл разговор о своей довольно поношенной «Волге»:

– Понимаешь, Валера, в чём дело... Я ведь уже почти четыре года – депутат Верховного Совета Белоруссии. Приходится часто подъезжать к ЦК, Совмину и разным министерствам. Иногда просто стыдно за свою машину, приходится ставить её за углом. А Москва выделяет новые автомобили разве что нашим министрам. Вот и подумай, как мне быть...

Я его хорошо понимал, у нас ведь и правда встречают по одежке.

Вспомнилось, как в первый день работы мне прямо с базы облисполкома выдали новенький «Москвич». А Санчуковский – заслуженный человек, фронтовик, орденосец, руководитель одного из лучших в стране деревообрабатывающих предприятий, у него работает двенадцать тысяч человек! И государство не может выделить ему приличную машину! Чуть ли не какая-то!

– Может, попробуешь решить этот вопрос в своём облисполкоме? – прямо спросил Александр Александрович. – Вы ведь там поближе к Москве и к Горькому.

– Сан Саныч, я постараюсь.

– Нет, ты мне прямо скажи, сможешь или нет, – настаивал он.

– Я же говорю – постараюсь.

– Понимаешь, это меня не устраивает. Ты потом скажешь, что старался-старался, но не вышло. Ты прямо скажи, будет машина или нет. А я обещаю помогать вашей стройке всем, чем только смогу.

– Будет! – ответил я решительно и подумал про себя: «Костью лягу, но этот вопрос пробую!»

Я даже предположить не мог, что взял на себя почти невыполнимое обязательство.

– Вот теперь верю, что машина будет! По рукам?

– По рукам!

Творческий тандем

О своей успешной поездке в Бобруйск я в первую очередь рассказал Ранинскому, который нетерпеливо ждал моего возвращения. Теперь, после получения гарантии на изготовление 40-миллиметровых панелей, он готов был вместе с подрядчиком приступить к монтажу сложнейшей конструкции подвесного потолка.

Рассказал я Ранинскому и о том, что теперь у меня появилась возможность беспрепятственно заказывать в Бобруйске любые объёмы фанерованных панелей, чем дал ему карт-бланш на применение столлярных изделий.

Буквально со следующего дня Юлий Владимирович стал выдавать всё новые и новые чертежи. Стены и подвесные потолки, экраны радиаторов, перегородки и встроенные шкафы в жилых номерах, гостиных, залах, служебных помещениях, стойки администраторов, панели ограждения лестниц, колонн и барьеров, вытяжные вентиляционные решётки в вестибюле и так далее... А у меня на столе появлялись всё новые и новые заказные спецификации.

В скором времени нам доставили первую партию долгожданных 40-миллиметровых панелей. Сборка их началась с окаймления поля латунной «кольчуги» по готовому каркасу, который подрядчик выполнил из сотен металлических и сосновых элементов.

«Кольчугой» архитектор Ранинский назвал центральный плафон потолка вестибюля, собранный из латунных колпаков.

Незаменимым помощником Ранинского стал тихий, спокойный на вид Евгений Андреевич Черкашин, прораб «Суздальстрой». Оказалось, у этого человека божий дар решать любые, даже самые сложные проблемы, касающиеся не только конструктивной, но и архитектурной части проекта. Изучая чертежи, разработанные опытным архитектором, Черкашин часто предлагал новые интересные решения, а иногда находил неожиданный выход из тупиковой ситуации.

В общем, творческий тандем Ранинский-Черкашин работал на «отлично». Свидетельство этому – выполненные с блестящим качеством потолки парадного вестибюля и ресторана.

Евгений Андреевич Черкашин, старший прораб СМУ «Суздальстрой», рационализатор

Юлий Владимирович Ранинский, главный архитектор ЦНИИЭП

Обложки книг Ю. Ранинского

В восторге от способностей Черкашина был и главный инженер института Лепский, которому тоже приходилось соприкасаться с редким талантом «суздальского Кулибина».

Новая «Волга»

При всём желании удружить Санчуковскому с новой «Волгой» руководство нашей области столкнулось с неимоверно трудной проблемой. Согласно существующему порядку, облисполком не имел права продавать на сторону новую машину, полученную по фондам Совмина. Ревизия эти дела строго отслеживала.

Нельзя, потому что нельзя!

Председатель облисполкома Сушков понимал важность задачи – долг платежом красен!

Однажды он предложил передать Бобруйску машину «с капиталки». От этого варианта я сразу отказался – по отношению к Санчуковскому, так много сделавшему для турцентра, это было бы весьма несолидно. С таким предложением я не смог бы даже появиться в Бобруйске – совесть замучает.

В течение нескольких месяцев вопрос с машиной висел на мне тяжёлым камнем, в то время как я всё подбрасывал нашим белорусским благодетелям новые объёмы заказов – счёт фанерованных панелей для наших интерьеров шёл уже на десятки тысяч.

Архитектор, почувствовав мои неограниченные возможности, разошёлся не на шутку. От первоначального проекта интерьеров не осталось и следа, а он всё творил и творил, почти ежедневно представляя мне на подпись новые чертежи. Мои заказы в Бобруйск нарастали как снежный ком.

Вместе с тем, стремительно приближалось время заказывать весьма сложное мебельное изделие – дубовый гонт для подшивки подвесного потолка ресторана, без которого здесь невозможно было завершить работы, а значит, и по всему комплексу.

Моё обещание Санчуковскому оказалось ничем не обоснованным, даже легкомысленным. Меня приводила в ярость моя несостоятельность. А что делать, я не знал.

Но однажды Зенкович пригласил меня к себе и спросил:

– Валерий Александрович, не устроит ли Санчуковского кузов первой комплектации?

– А что это такое?

– Это вся машина в сборе, кроме шасси, зато по бухгалтерии она проходит как запчасти. Этот путь мне подсказали в Москве. Если директора такой вариант устроит, поезжайте на горьковский автозавод с письмом облисполкома. Замдиректора там наш, владимирский. Передайте ему привет и попросите подобрать что-нибудь получше. Это выход из положения.

Поездка в Горький сложилась удачно. Благодаря письму Зенковича и помощи земляка мне подобрали полностью укомплектованный кузов белой «Волги», к тому же в экспортном исполнении. В ней не хватало только шасси да колёс. Новые шасси было не проблемой, а что касается колёс, они выпускались одним из крупнейших в Европе шинным заводом... в Бобруйске!

Ну, а дальше – белый, сверкающий, с иголочки кузов «Волги» погрузили в машину и отправили в Белоруссию...

В погоне за красотой

Осенью 1975 года я в очередной раз выехал в Белоруссию. Главной целью поездки было размещение нового большого заказа – на изготовление дубовых панелей для интерьеров ГТК.

Мы обсудили с Санчуковским наши прежние дела, после чего я вручил ему заявку на панели. Несмотря на внушительные цифры, Александр Александрович без всяких оговорок принял её. Он, не медля ни минуты, позвонил только что назначенному директору мебельной фабрики имени Халтурина Александру Николаевичу Куличкову и попросил его проследить за выполнением нашего заказа.

Я уже знал тогда, что бобруйской мебельной фабрике, имеющей современную немецкую линию фирмы «Хильдебрандт», по силам дополнительные объёмы фанеровки панелей, тем более что эта работа включалась в план.

А потом Санчуковский рассказал мне о довольно-таки необычном кадровом решении, которое он принял накануне нашей встречи. Речь шла как раз о новом директоре мебельной фабрики:

– Дело было так. На прошлой неделе выхожу я с работы в десятом часу вечера – готовился к поездке в министерство. Вдруг вижу, из проходной выходит начальник лаборатории Куличков. «А вы почему так поздно?» – спрашиваю. – «Александр Александрович, работы много! – отвечает. – Нам часто приходится задерживаться. Мои люди и сейчас ещё в лаборатории». – «У вас там ничего не случилось?» – «Да нет, всё нормально. Но вы же знаете, от нас зависит качество». Мы постояли, поговорили о делах объединения. И ты знаешь, чем он мне понравился?

– Чем?

– Своим отношением к делу, за которое он отвечает, вот чем! Таких людей не так-то много! По образованию Куличков химик-технолог, но я сразу понял, что он основательно изучил наше производство

Александр Николаевич Куличков, в начале 70-х годов – начальник химической лаборатории объединения «Бобруйскдрев»

Моё обещание Санчуковскому оказалось ничем не обоснованным, даже легкомысленным. Меня приводила в ярость моя несостоятельность.

и хорошо во всём ориентируется. А тут случай подвернулся, вот и решил я назначить его директором мебельной фабрики. Наш министр сразу же согласился, мы с ним друг друга понимаем с полуслова. С этого парня толк будет, я уверен! Пусть растёт! – заключил он, словно отрезал.

Жизнь показала, насколько прозорлив был директор Санчуковский, принимая это необычное кадровое решение. Не директора мебельной фабрики увидел он в молодом деятельном Куличкове. Он увидел ответственного руководителя и хорошего организатора производства, болеющего за дело.

А может, угадал даже задатки крупного руководителя государственного масштаба.

Трудовая биография Александра Николаевича Куличкова сложилась так:

С 1975 года – директор мебельной фабрики имени Халтурина, филиала производственного деревообрабатывающего объединения «Бобруйскдрев».

С 1981 года (после смерти А. А. Санчуковского) – генеральный директор производственного объединения «Бобруйскдрев».

В 1985–1990 годах – первый заместитель председателя Могилёвского облисполкома.

В 1990–1994 годах – председатель постоянной комиссии Верховного Совета БССР по промышленности и услугам населению.

С 1999 года – председатель Могилёвского облисполкома.

С 2000 года – помощник Президента Республики Беларусь.

24 сентября 2001 года – министр торговли Республики Беларусь.

В 2005–2007 годах – управляющий делами Президента Республики Беларусь.

На следующий день, когда мы шли с Куличковым по цехам фабрики, я обратил внимание на театральные кресла, обитые красной шерстяной тканью крупного плетения – их как раз отправляли в Минск. «А что, если и нам заказать такие? – подумал я. – Сочетание ярко-красных кресел с глухим красным на панелях, рассечённых золотыми прожилками... Красота!»

Санчуковский мой выбор одобрил, мало того, решил оказать мне практическую помощь:

– Фонды на кресла я помогу получить через наше министерство. Там сейчас за министра Владимир Иванович Лежень, бывший главный

инженер нашего комбината. С Минторгом Белоруссии он договорится, но ткань вези свою, у нас нет. Если ты готов, поехали в Минск, там все вопросы и решим. Я выезжаю через час.

В Министерстве лесной и деревообрабатывающей промышленности БССР я познакомился с заместителем министра В. И. Лежнем, который искренне обрадовался появлению Санчуковского. После короткого обсуждения вопрос с изготовлением 520 кресел для нашего киноконцертного зала был решён. Дело оставалось за тканью.

В Москве я зашёл в наш проектный институт, чтобы показать образец ткани Орлову.

«Ну, что, Юлик, годится? – спросил он Ранинского. – По-моему, будет неплохо!»

Юлий Владимирович согласился.

Но получить в Москве фонды на шерстяную ткань «Москвичка» оказалось не так-то просто – она в основном шла в торговую сеть. Пришлось обращаться за помощью к начальнику «Росхозторга» Козелькову. Буквально за руку отвёл он меня к своему приятелю – начальнику «Ростекстильторга» Г. П. Диденко и дружески попросил того:

– Помогите, пожалуйста. Они там, в Суздале, большое дело делают. И между прочим, турцентр строится по Постановлению Совмина СССР. Это возымело своё действие.

Мне пришлось в который раз рассказывать о древнем Суздале и будущем туристском центре. Но я делал это с радостью, считая, что наши высокие покровители должны чувствовать себя активными участниками дела.

Диденко договорился по телефону с директором фабрики «Шерсть-Сукно», чтоб нам отпустили ткань в счёт сверхплановой продукции, и тут же дал команду отделу сбыта – выдать наряд на её получение.

Через месяц красная ткань «Москвичка» была уже в Бобруйске.

А в это время на стройке...

В конце 1975 года из Бобруйска поступила последняя партия дубовых панелей для потолка нашего вестибюля. Теперь, когда все 12 тысяч изделий были на месте, можно было вести работы широким фронтом.

К тому времени вся огромная площадь вестибюля была заставлена сплошными лесами, с которых специалисты СМУ «Суздальстрой» во главе с прорабом Н. А. Черкашиным вели сборку многодельного кессонного потолка. Одновременно с ними трудилась электрики прораба

Жизнь показала, насколько прозорлив был директор Санчуковский, принимая это необычное кадровое решение.

Н. Л. Шишова, которые занимались разводкой проводов и подготовкой к монтажу латунной «кольчуги» плафона. На этих лесах ежедневно бывал автор проекта архитектор Ранинский, помогая Черкашину разбираться в довольно сложных чертежах. Черкашин в долгу не оставался, вносил множество разнообразных и неожиданных предложений, улучшавших проект – это был его звёздный час.

Здесь часто появлялись начальник СМУ «Суздальстрой» И. С. Войцеховский, главный инженер того же управления Ю. В. Бурлаков и руководитель Владимирского управления «Центроэлектромонтаж» К. Н. Сайгак, которые обеспечивали своих подопечных тысячами различных комплектующих – сосновыми брусками, металлическими подвесками, шайбами, гайками и другими крепёжными элементами.

Иногда сюда наведывались вышестоящие начальники – управляющий 94-м трестом Г. П. Артюшенко и руководители областного управления строительства В. Маркин и В. Н. Грамотов. Они искренне радовались ощутимым результатам дела.

Невыгодный заказ

Решив задачу с получением последней партии панелей для потолка вестибюля, я снова поехал в Бобруйск. Речь шла о размещении самого трудного, пожалуй, заказа на изготовление дубового гонта для подвешенного потолка ресторана. Конструктивные чертежи Ранинский разработал больше года тому назад.

Гонт – весьма сложное изделие размером 1525×425 мм, представлявшее собой имитацию старинного лемеха, которым в старину крыли кровли домов и маковки церквей. К тому времени я уже разбирался в тонкостях мебельного производства и хорошо представлял себе, с какими проблемами столкнутся в Бобруйске. С одной стороны, это многодельная ручная работа из-за сложной конфигурации гонта, а с другой, огромный объём заказа – 4500 штук!

Кроме того, по существующему в то время положению, подобные изделия, несмотря на их огромную трудоёмкость, значились как «прочая продукция» и на выполнение плановых показателей не влияли. Как шутили потом сами мебельщики: «Нам всё равно – что гонт изготовить, что дров напилить».

На что я рассчитывал? На наши с Санчуковским неформальные отношения, в которых, конечно же, имели значение и наша оперативная

помощь в восстановлении сгоревшего цеха в Жлобине, и то, что ехал я в этот раз в Бобруйск не с пустыми руками – белый кузов «Волги» был хорошим подарком (хотя и не бесплатным, но речь не о деньгах) не только самому Санчуковскому, но и его предприятию.

Тем не менее, я чувствовал себя довольно неловко. В моей голове крутилась известная поговорка: дай ему палец, он и руку отхватит. Не так ли поступал я?

По пути в Белоруссию я заехал в подмосковный город Видное на завод алюминиевых конструкций. Там с огромным трудом удалось решить проблему с профилем, анодированным под золото – для украшения стен концертного зала. Выручило то, что в начале года для изготовления последней партии анодированных алюминиевых витражей мы передали заводу фонды на 60 тонн алюминиевой чушки, что значительно превышало потребность. В счёт остатка я и сумел договориться с директором. Не обошлось, конечно, без вмешательства В. И. Канахистова – начальника УПП Моссовета. Из Видного отправился в наш проектный институт, в Минторг РСФСР – уладил там кой-какие дела. Вечером того же дня выехал в Минск.

На этот раз до Бобруйска пришлось ехать на такси, что, конечно, было очень накладно (такую поездку бухгалтерия оплачивала, исходя из стоимости проезда на автобусе), но ничего не поделаешь, надо было спешить. Санчуковский ждал меня в восемь утра, а к десяти он должен был быть на сессии горсовета.

Всё-таки успел! Мы встретились у входа в заводоуправление и вместе поднялись в директорский кабинет. Конечно, первым делом Александр Александрович поблагодарил меня за большую помощь по восстановлению сгоревшего цеха мебельной фабрики (мне пришлось тогда в срочном порядке добыть больше сотни наименований различных материалов и оборудования).

– Мы у тебя в долгу, – сердечно сказал Санчуковский. И тут же с улыбкой спросил: – Ну, какой заказ ты нам привёз на этот раз, выкладывай?

Я не торопился. Через несколько минут к заводоуправлению должна была подъехать наша машина с кузовом «Волги».

Валентин Никитич Маркин, начальник областного Управления территориального строительства «Главладмирстрой» и его заместитель Владимир Николаевич Грамотов

– Александр Александрович, если б не ваши дубовые окна с подоконниками да двери, у нас не на что было бы смотреть, а сейчас – любо-дорого, все удивляются, откуда такая красота. А теперь ещё и потолок вестибюля монтируем из ваших панелей. Уникальный будет потолок – с латунными изделиями и хрусталём, никто ничего подобного не видел. Так что, кто у кого в долгу, это ещё вопрос.

Подойдя к окну и увидев, что нашей машины ещё нет, я продолжал:

– Недавно я смотрел в Москве пьесу Островского: «Свои люди – сочтёмся» Хорошее название. Думаю, что и мы сочтёмся.

– А мне нравятся твои рассуждения, у меня впервые такой заказчик, – сказал Александр Александрович. – А то ведь всякие бывали. Вот совсем недавно московский представитель из Управделами уехал, он занимался окнами для ЦК... Так еле-еле от него отделались...

Поговорив ещё пару минут о том о сём, я сделал вид, что хочу открыть форточку. На самом деле мне нужно было, чтобы директор подошёл поближе к окну: с минуты на минуту – ровно в 9.30 – из-за угла должна была появиться наша машина, и я очень хотел, чтобы это было для моего друга сюрпризом.

– Что-то не получается, – пробормотал я, дёргая старую завёртку.

– Ну и какой же ты после этого строитель – даже форточку не можешь открыть, – с ехидцей сказал Сан Саныч, ничего не подозревая. – Смотри, как это делается!

Легко открыв форточку, он вдруг спросил:

– Валера, а где же твоя обещанная машина?

– Я же сказал, что постараюсь достать! – ответил я, пристально глядя в окно.

– Нет, мы не так договаривались. Ты мне твёрдо обещал. Или не так?

– Вообще-то так...

И в это время из-за поворота, омытая утренним дождём и сверкающая на ярком солнце, в кузове грузовика появилась беленькая долгожданная «Волга»...

– О! Что это такое? – воскликнул Санчуковский.

– Именно то, что я вам обещал!

Он обнял меня и, прослезившись, сказал:

– Ну, молодец, ублажил старика! За это я тебя ещё больше уважаю. Пойдём смотреть!..

За несколько минут вокруг машины столпился народ. Как мы и договаривались с водителем, все борта машины сразу же были открыты. Сотрудники управления любовались новым кузовом, а механики

и слесари прикидывали, что к чему. На самом деле, зрелище было довольно необычное: в кузове грузовика – кузов новенькой «Волги»! Но без колёс. Но в экспортном исполнении...

Глядя на радостное лицо Санчуковского, я понимал, что теперь мои шансы на успешное размещение заказа на гонт значительно выросли.

Отказ или отсрочка?

Бегло взглянув на чертёж гонта, Санчуковский помрачнел. Для начала он пригласил к себе Карана и попросил его прокомментировать этот заказ. Как я и предвидел, ответ был не в нашу пользу:

– Сан Саныч, это нам не потянуть! Здесь полностью ручная работа, от заготовки до лака. Это же сороковка. Надо делать ложное утолщение по контуру, с прирезкой на ус, к тому же, под разными углами. Я уже не говорю о фанеровке, которую придётся делать утюгами. Посмотрите, на этом изделии, кроме фигурных пластей, четыре кромки, из них две идут под углом, да ещё вдобавок четыре торцевых элемента! Итого, десять! Восемь закладок в ваймы вместо обычных трёх! Кто же это может сделать? Я не берусь!

Всё шло, как я и предвидел. Чтобы избежать этого заказа, Каран даже подсчитал количество отдельных элементов на одно изделие.

Всё это время Санчуковский внимательно слушал начальника производственного отдела, не перебивая.

Видно, он и сам хорошо осознал, что это очень и очень сложная работа.

– А какое количество нужно изготовить? – спросил меня Исаак Лазаревич, украдкой поглядывая на озабоченное лицо своего директора.

– Четыре с половиной тысячи, – ответил я с некоторой дрожью в голосе.

– Что?! – Я думал сто–двести, не больше... Это же побочная продукция, в план не идёт. Кому это надо? Сан Саныч, отпадает! Это моё личное мнение!

– Хорошо, идите, мы тут ещё подумаем, – сказал Санчуковский потухшим голосом.

– Валерий Александрович, – он впервые за последнее время перешёл на «вы», – а нельзя ли эту конструкцию упростить? Может быть, эти косые кромки сделать под прямым углом? Всё будет легче. Думаю, что Каран прав, он ведь опытный мебельщик.

*...Зрелище было довольно необычное: в кузове грузовика – кузов новенькой «Волги»!
Но без колёс.
Но в экспортном исполнении...*

– Как упростить? – не понял я. – Это же русский лемех! Если будет другая форма, это уже не то! Именно такими лемехами на Руси крыли церкви и шатры. А у нас в ресторане шатровый потолок. Вот мы и хотим его снизу подшить лемехом. Представляете, как будет здорово!

В это время я вспомнил, что часто видел лемех на маковках церквей с прямоугольными оперениями, но отступать мне уже не хотелось. Этот вариант я решил оставить на чёрный день.

– Может быть, это и так, – сказал в задумчивости Санчуковский. – Но кто знает, как это сделать? Я вот пока не знаю. Лемех делали из небольшой дощечки, её не надо было фанеровать... Вы же слышали, что говорил Каран. Подумайте, посоветуйтесь с архитекторами, как упростить, иначе мы не справимся... Конечно, я понимаю, мы перед вами в долгу, но... Давайте взамен гонта мы вам панели дубовые сделаем, хоть 20, хоть 30 тысяч! Если надо, можем и больше...

Услышав цифру 30 тысяч, я чуть было не обмер: «Неужели это реально!?» Ведь Ранинский уже приготовил для меня различные заказные спецификации не меньше, чем на 15–20 тысяч панелей.

Я уже писал, что после получения первой партии изделий для потолка вестибюля его словно прорвало, один за другим появлялись на моём столе чертежи: на облицовку стоек администратора и торговые прилавки, на барьеры и ограждения, на стены магазина «Берёзка»... А теперь он готовит спецификацию на экраны радиаторов, которых будет больше тысячи.

На этот раз мне совесть не позволила мне взять с собой готовые спецификации Ранинского – надо же и честь знать. Главным для меня теперь было добиться изготовления гонта, ведь в этом вопросе, кроме Санчуковского, мне надеяться не на кого. Ни Шатура, ни Краснодар за это не возьмутся. К тому же, я по опыту знал, что если в обращении к кому-то содержатся одновременно две или три просьбы, то твой благодетель в лучшем случае возьмётся за одну из них, причём – за более лёгкую.

Пока я размышлял о сложившейся ситуации, Санчуковский продолжал:

– Насчёт фондов на фанерованные панели я решу через Кийкова, не волнуйтесь. А вы поищите – может, этот гонт вам кто другой сделает. Шатура у вас рядом. Да и во Владимире, я слышал, есть мебельная фабрика...

Я понимал, что это была деликатная форма отказа.

Взглянув мельком на часы, Санчуковский сказал:

– Мне пора ехать в горисполком, а тебя я могу забросить на фабрику Халтурина, там заканчивают делать твои панели красного дерева – хочешь посмотреть?

Я, конечно, согласился.

– Через пару часов я заеду за тобой, и мы продолжим наши дела, – сказал он, высаживая меня у входа в контору фабрики.

...Новый директор фабрики имени Халтурина Александр Николаевич Куличков и на этот раз принял меня радушно. Первым делом мы отправились в отделочный цех. Увидеть наши изделия на стадии сушки и упаковки мне было невероятно приятно. Затем мы прошли по столярному цеху, где совсем недавно вручную делали панели 40-миллиметровой толщины для потолка вестибюля.

В очередной раз полюбовался работой мебельной линии «Хилдебрандт», на которой, как я рассчитывал, нам будут изготовлены несколько десятков тысяч высококлассных изделий.

На складе я сразу обратил внимание на штабеля готовых к отправке изделий с надписью «Суздаль». Это были панели для киноконцертного зала. Кроме всевозможных шкафов, сервантов, горок, банкетов и стульев, моё внимание привлёк красивый набор дубовой мебели для спальни с названием «Березина». «Не пора ли решать вопрос с мебелью для нашей гостиницы?» – подумалось мне.

После обеда Санчуковский пригласил меня в свой кабинет и сбивчиво, полным озабоченности голосом произнёс:

– Валера, мы благодарны тебе за помощь и поэтому не можем тебе отказать. Но на этот раз ты задал нам очень сложную задачу. Такого заказа у нас ещё не было. Мы даже не знаем, как с ним справиться. Ты же слышал, что говорил Каран: для фанеровки каждого изделия надо делать по 8 ручных закладок в ваймы. Теперь умножь всё это на четыре с половиной тысячи, – взяв ручку, он подсчитал, – получается 36 тысяч закладок! В то время как на сороковки для твоего потолка их было 12 тысяч. Но мы и с ними намучились. А теперь нам нужно будет снять с основного производства несколько десятков специалистов, но это же совершенно нереально, сам понимаешь. Так что, дай нам время подумать...

Домой я ехал с тяжёлым сердцем. Меня уже не радовали ни дубовые двухпольные двери, которые в будничном режиме шли на нашу стройку, ни панели концертного зала, ни те новые дубовые панели, которые будут украшением наших интерьеров.

Мне нужен был гонт...

В очередной раз полюбовался работой мебельной линии «Хилдебрандт», на которой, как я рассчитывал, нам будут изготовлены несколько десятков тысяч высококлассных изделий.

По опыту знал, что если в обращении к кому-то содержатся одновременно две или три просьбы, то твой благодетель в лучшем случае возьмётся за одну из них, причём – за более лёгкую.

Что было делать, я не знал. Повторялась та же история, что с дубовыми окнами и с алюминиевыми витражами. Было ясно только, что этот вопрос надолго повис в воздухе...

«Историческое» решение!

В октябре 1975 года по настоянию управляющего 94-м трестом Артюшенко в нашем облисполкоме состоялось расширенное совещание по вопросу строительства главного туристского комплекса в Суздале.

Как и ожидалось, среди множества проблем главными были вопросы поставки алюминиевых анодированных витражей, дубовых дверных блоков, наличников, плинтусов, фанерованных панелей и других столярных изделий. Артюшенко считал, что темп поставки их был недостаточным.

Когда в очередной раз дело дошло до дубового гонта для потолка ресторана, зампред облисполкома В. В. Долгов, заведомо зная от меня состояние дел по этому вопросу, всё же спросил:

– Валерий Александрович, когда мы получим из Бобруйска этот проклятый гонт, который уже навяз у всех на зубах? Ведь до сдачи ГТК остаётся ровно год...

Понятно, что никаких гарантий я дать не мог, а все мои попытки объяснить задержку с поставкой гонта сложностью его изготовления или напряжённым положением дел в Бобруйске, никого не интересовали. Вопрос стоял ребром:

– Когда будет гонт?

– Давайте сделаем вот что! – сказал Долгов, обращаясь ко мне. – Подготовьте 100–120 экземпляров чертежа гонта к следующей субботе. Я буду проводить совещание с руководителями всех предприятий области по вопросу жилищного строительства. Вы тоже подъезжайте. Мы раздадим всем по чертежу этого гонта, и пусть они нам привезут изделия, которые смогут изготовить по этим чертежам. Вдруг что-нибудь получится?

Однако через неделю после получения от меня чертежей в облисполкоме приехали представители только 10–15 предприятий области, они привезли Долгову то, что смогли сделать из подручных материалов. Увидев всё это, я пришёл в полнейший ужас.

Муромский фанерный завод предоставил два изделия из своей 12-миллиметровой фанеры. Одно было покрыто блестящим лаком, другое окрашено серой краской.

Владимирский химзавод привёз образец из белого листового пенопласта толщиной в пять сантиметров.

Объединение «Владимирстройматериалы» продемонстрировало два варианта гонта.

Первый был сделан из звукопоглощающей плиты силакпор, предназначенной для специальных помещений, а другой – из листового 8-миллиметрового шифера, так называемого АЦЭИДа.

Кольчугинский завод цветных металлов изготовил гонт из фанеры с ложным утолщением до 40 мм, обив его листом латуни толщиной в миллиметр.

Киржачский шёлковый комбинат предоставил обитое однотонной шёлковой тканью изделие из дерева.

Владимирская музыкальная фабрика изготовила тонкую 16-миллиметровую плиту ДСП, фанерованную дубовым шпоном. Торцы были окрашены светло-коричневой краской.

Из всех этих доморощенных поделок лучшим было признано изделие Владимирской мебельной фабрики из сосновых 40-миллиметровых досок с сучками, покрытое блестящим лаком.

Тогда же Долгов принял «историческое» решение:

– Если в течение ближайшего времени Брунцев не сможет получить дубовый гонт из Бобруйска, сделаем его из сосны. Поручим это дело Владимирской мебельной фабрике.

Меня же Долгов попросил после поездки в Бобруйск незамедлительно доложить о результатах.

К сожалению, все мои попытки договориться с Санчуковским о нашей встрече в ноябре или декабре 1975 года были безуспешны из-за колоссальной напряжённости на их производстве.

Твёрдое обещание

Руководство облисполкома поставило перед нами задачу – в наступившем 1976 году запустить главный туристский комплекс. На объекте уже работали сотни штукатуров, маляров, столяров, электриков, сантехников... Но чем ближе мы были к конечной дате, тем острее стояла проблема с отсутствием гонта для подшивки шатрового потолка ресторана, площадь которого составляла больше трёх тысяч квадратных метров! В последнее время на всех совещаниях, на всех производственных планёрках главным был вопрос: «Когда будет гонт?»

А в Бобруйске, где этот заказ уже несколько месяцев лежал без движения, попросту не знали, как быть. На все мои попытки приехать на переговоры Санчуковский говорил: «Валера, я рад тебя видеть, но дай мне возможность закончить пятилетку – мы задыхаемся! Приезжай после Нового года, тогда всё и обсудим».

Объединение «Бобруйскдрев», в состав которого, кроме крупнейшего в стране фанерно-деревообрабатывающего комбината, входило пять мебельных фабрик в Бобруйске, Могилёве, Жлобине, Рогачёве, крупнейший в Европе завод ДВП и два леспромхоза, из года в год занимало первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий деревообрабатывающей отрасли страны. Пиломатериалы, строганный шпон, фанера, древесно-стружечная плита, изделия деревообработки (дубовые окна, двери, паркет), а также лучшая в стране мебель. Объединение давало продукции на семьдесят с лишним миллионов рублей в год (в сегодняшнем исчислении это – 15–20 миллиардов рублей. – В. Б.) При этом, свыше половины продукции завода ДВП шло на экспорт – в ГДР, США, Канаду и Сингапур.

Понятно, что неутомимый директор объединения «Бобруйскдрев», душой болеющий за порученное ему дело, и на этот раз не хотел ударить лицом в грязь. Его предприятие должно было войти в число первых. Я его хорошо понимал.

Понимал и он меня, я это нутром чувствовал. Однако взяться за такой технически сложный и объёмный заказ, выходящий за рамки плановых показателей, не решался. Это было равноценно самоубийству.

Так что, я приехал в Бобруйск только в начале 1976 года. Наши заказы по дверной столярке, погонажным изделиям и фанерованным панелям шли полным ходом. Почти каждую неделю в Суздаль отгружали готовую продукцию. Но нам нужен был гонт.

Встреча с Санчуковским была, как всегда, дружеской, но он старался как-то оттянуть главный разговор. Для начала предложил мне пройтись с ним по «Белцеху», где собирались отправлять в Суздаль большую партию дверных блоков, наличников и плинтусов.

– Видите, сколько мы для вашего комплекса делаем? – осторожно начал он, заглядывая мне в глаза. – Нам ведь это непросто достаётся, у нас свой, министерский, план есть, с которым мы с трудом справляемся.

Проходя по складу готовой продукции, я случайно заметил в углу небольшой деревянный ящик. У него был какой-то необычный цвет, напоминающий янтарь.

– Александр Александрович, что это за дерево?

– Какой же ты сибиряк, если не знаешь, что это? Это же сибирская лиственница, из Красноярска.

– Да? Я двадцать лет прожил в Западной Сибири – в Барнауле и Новосибирске, но там лиственницы нет. А до Красноярска от нас тысячи две километров на восток... Но какой уникальный цвет! – сказал я с восхищением. – Разве сравнишь с дубом?..

– Чтобы получился такой цвет, доска лиственницы должна полежать какое-то время на свету... А к чему ты клонишь? – спросил Санчуковский.

– Александр Александрович, а что если мы наш гонт будем делать не из дуба, а из лиственницы? – предложил я неуверенно.

– Какая мне разница, из чего делать? Вези лиственницу, настрогаем шпон и облицуем твой гонт, если ещё придумаем, как его делать. Только сначала реши вопрос с лаком, наш не подойдёт.

– Почему?

– Ты же видишь, сколько в этой лиственнице смолы, – объяснил он, подняв с пола ящик. – Для этого дерева нужно разработать специальный лак. Поезжай в Загорск на лакокрасочный завод, там работают хорошие специалисты, они что-нибудь придумают.

– А для чего, интересно знать, был сделан этот ящик?

– Мы когда-то выполняли большой заказ для нашей армии. В таких ящиках из лиственницы хорошо хранятся боеприпасы... Но только учти, что хорошую лиственницу достать непросто. Её рубят весной и большими партиями отправляют на экспорт, в основном, в Японию.

Положив на место чудом сохранившийся старый ящик, Санчуковский предложил:

– Давай после обеда вызовем Карана и для начала решим, сможем ли мы вообще справиться с твоим гонтом. Ты же знаешь, сколько с ним проблем... Я уже говорил, взамен гонта мы готовы сделать тебе дополнительно 30–40 тысяч панелей. Ты подумай. А сейчас пошли обедать.

Потом, как бы извиняясь, добавил:

– Я бы пригласил тебя домой, у Сони к обеду всё готово, но сегодня у меня совсем нет времени, придётся со своей язвой обедать в заводской столовой.

После обеда Санчуковский вызвал к себе в кабинет начальника производственного отдела.

– Исаак Лазаревич, что будем делать с гонтом? Нельзя же Брунцева целый год водить за нос, у него срывается ввод комплекса, а кроме нас, никто за это дело не возьмётся.

«Хорошую лиственницу достать непросто. Её рубят весной и большими партиями отправляют на экспорт, в основном, в Японию».

На все мои попытки приехать на переговоры Санчуковский говорил: «Валера, я рад тебя видеть, но дай мне возможность закончить пятилетку – мы задыхаемся!»

– Сан Саныч, я уже высказывал своё мнение, мы сорвём все свои планы. Не можем мы...

Не дав договорить, директор с несвойственным ему раздражением спросил:

– Вам опять напомнить, что Брунцев для нас сделал?

– Не нужно, я и так всё помню, но вы же лучше меня знаете, чего это нам будет стоить...

– Знаю. И что из этого? Я всё же хочу напомнить вам про котельную для завода ДВП и про станок для шурупов, про пневмоотвёртки, которыми мы обеспечили больше десяти фабрик, и про фабрику в Жлобине... Вы представьте, чего это ему стоило. Нам наше министерство столько не помогало... А ещё, Исаак Лазаревич, не забывайте, какой объект он строит.

И вдруг его словно прорвало:

– Слышали такую поговорку: долг платежом красен? Если мы сегодня откажемся от этого заказа, как я ему завтра в глаза смотреть буду? Я ведь после этого себя уважать перестану.

Видно, приняв окончательное решение, Санчуковский уже тихим голосом спросил:

– А вы помните, что в таких случаях говорил Суворов? Сам погибай, а товарища выручай! – вот что он говорил.

И стукнув кулаком по столу, решительным тоном заявил:

– Будем делать! Через полгода заказ должен быть готов.

Словно на крыльях летел я домой. Если бы Санчуковский не взялся за изготовление нашего дубового гонта, то зампред облисполкома Долгов обязал бы Владимирскую мебельную фабрику делать его из сосновых досок.

Не дуб, а лиственница!

Наутро я был уже в Москве. Очень уж мне хотелось, чтобы наш гонт был сделан из лиственницы... Её тёплый цвет нельзя было даже поставить рядом с однотонностью дуба, который у нас и так встречался на каждом шагу. Тем более, и Санчуковский не против её использовать...

Первым делом я решил согласовать своё предложение с автором проекта Орловым и главным архитектором Ранинским. К сожалению, директор уехал в одну из южных республик, а вот Ранинский оказался на месте, в своей седьмой мастерской. Моя идея настолько ему понравилась,

что он обещал через пару дней привезти в Суздаль цветной эскиз потолка. В согласии Орлова он был уверен.

Учитывая критическую ситуацию с поставкой гонта, я решил, не откладывая дела в долгий ящик, отправиться в Госплан РСФСР, где можно было решить любые вопросы. Благо, все расчёты на потребность лиственницы и лака Каран для меня подготовил.

«Если удастся быстро получить фонды на эту сибирскую древесину, – решил я, – буду заниматься их реализацией, а если нет, придётся о лиственнице забыть – времени-то в обрез».

Вопрос о получении трёхсот кубометров лиственного леса-кругляка из Красноярска решился в одночасье. И помог мне в этом деле наш покровитель – первый зампреда Госплана РСФСР Н. П. Машьянов, с которым я подружился ещё в 1973 году, оказавшись его первым посетителем в этой должности. К тому же, он сам ещё недавно работал в Красноярском крае – в Норильске. Последние три года Николай Порфирьевич безотказно помогал нам в самых трудных вопросах, касающихся создания комплекса. Машьянов хорошо разбирался во всех тонкостях строительства и сразу же проникся симпатией к нашей стройке и к самому Суздалью, где позже побывал у меня в гостях. Он был прост, доступен, а главное, готов решать самые сложные вопросы.

В тот же день я весьма удачно съездил на Загорский лакокрасочный завод: покрытие лиственницы качественным лаком было гарантировано. Надо только получить фонды на четыре тонны лака, но это для меня не составляло труда.

Что касается лиственницы, начальник отдела лесных материалов Госплана рекомендовал мне лично выехать в Красноярск, чтобы для ускорить процесс.

Удачная сделка

Осенью 1975 года пришла пора составлять заявки в Главснабсбыт, Минторг, Минкультуры РСФСР на поставку оборудования, материалов и мебели на следующий, вводный для главного туркомплекса год. А я в это время был в Бобруйске и, пользуясь случаем, решил посоветоваться с Санчуковским о комплектации мебели для нашей гостиницы, где нужно было установить порядка четырёх тысяч предметов. Я не мог забыть то неизгладимое впечатление, которое произвёл на меня три года назад интерьер номера «люкс» в профилактории их объединения.

Я не мог забыть то неизгладимое впечатление, которое произвёл на меня три года назад интерьер номера «люкс» в профилактории их объединения.

Напомню читателю: там все элементы интерьера – кровати, прикроватные тумбочки, платяной и книжный шкафы, сервант, письменный стол, встроенная мебель, подчემоданница, экраны ограждения радиаторов и даже карнизные доски для штор были сделаны в одном стиле, из одних и тех же материалов и покрыты одним и тем же лаком, а стулья, кресла и банкетки были обиты одинаковой тканью. До этого я ни разу не видел с таким вкусом подобранного комплекта мебели и тканей – даже в знаменитых московских гостиницах «Россия» и «Москва».

В восьмидесятых годах традиционная мебель станет постепенно разбавляться новинками: то появятся изделия на металлических ножках, то – покрытые слоистым пластиком. Длившаяся долгие годы унылость отечественной мебели объяснялась довольно просто – узкой специализацией мебельных предприятий страны. Одни выпускали спальные гарнитуры, другие – корпусную мебель, третьи – мягкую, четвертые – исключительно стулья (например, Егорьевская мебельная фабрика в Подмосковье). Вот так и получались разрозненные мебельные наборы в номерах. Что уж говорить о подборе тканей...

Так что, интерьер гостиницы бобруйского профилактория был для меня эталоном. Вот об этом я и заговорил с Санчуковским, рассчитывая получить его совет: как мне быть в этой ситуации? Я рассказал ему, что мой приятель, начальник Росхозторга Козельков, обещал по дружбе выделить для нас спальные гарнитуры производства ГДР. А где брать, скажем, подчემоданницу или карнизную доску?

– А ты возьми всё у нас, в Белоруссии, и будешь доволен, – сразу нашёлся Санчуковский. – А гэдээровскую мебель отдай в нашу торговлю, они с удовольствием возьмут. Импорт, сам понимаешь. Хотя наша спальня «Павлинка» ничем не хуже! Мы в этот гарнитур недавно даже трельяж включили... Я могу хоть сейчас поговорить с замминистра торговли Брелем, мы хорошо знакомы. Ну что, идёт?

– Идёт! – обрадовался я.

Видно, Санчуковскому так понравилась его идея, что он сам ею загорелся.

– Мы тебе выполним под заказ всё, что захочешь, даже подчემоданницы, карнизные доски и встроенную мебель, которой у тебя должно быть много. Фонды на неё выдадут в нашем министерстве – Кийков тебе не откажет. Но имей в виду, что со встроенной мебелью мороки много – почти каждый шкаф индивидуальный. Вот только кресла придётся брать в Витебске, там делают роскошные кресла «Двина» – с широкими подлокотниками, как раз для гостиницы. Можно поставить на подлокотник

бокал, положить книгу. Очередь за этими креслами – на год вперёд. А диваны и банкетки сделают в Минске на фабрике мягкой мебели, какие только захочешь. Так что, подумай хорошо.

– Александр Александрович, а что мне думать? Я согласен!

– Только ткань на мягкую мебель придётся привозить свою, ни у нас, ни в Минске лишней нет... Какой у тебя общий объём заказа?

Я сказал, что наша гостиница рассчитана на 430 мест и на выходе другая – в бывшем Инвалидном доме Покровского монастыря – на 30 мест, всего получается 460.

– Мой тебе совет, бери фонды на импортную мебель на 500 мест, лишним не будет. Проси с запасом, мало ли где ещё потребуется!

После обеда Санчуковский позвонил министру торговли Белоруссии. Поняв явную выгоду сделки, Пётр Иванович Брель сразу же согласился. Итак, мы отдаём Минторгу Белоруссии нашу импортную мебель, а они нам взамен – фонды на мебель из Бобруйска, Минска и Витебска, причём в двойном объёме!

Теперь у меня отлегло от сердца.

Десять тысяч километров – за трое суток

К весне 1976 года у меня скопилось несколько важных проблем, требующих срочных командировок.

Главное, нужно было обеспечить отгрузку из Красноярска в Бобруйск 300 кубометров лиственницы, крайне необходимой для изготовления гонта для подшивки потолка в ресторане. Фондовое извещение Госплана РСФСР на эту древесину уже несколько дней лежало в моём портфеле.

Там же, в Красноярске, нужно было получить дефицитнейшие шёлковые набивные ткани для штор и покрывал, причём подобрать их по рисункам и расцветкам, соответствующим образцам финского коврового покрытия «Манестра».

Кроме того, подошло время оформлять в Ленинграде документы на получение из Эстонии лучших в стране светильников, розеток и выключателей для помещений ГТК. Ну, и ещё получить в Росхозторге фонды на 250 комплектов спальных гарнитуров производства ГДР, чтобы обменять их на заказную мебель белорусских предприятий.

Чтобы сэкономить время, я решил все эти дела включить в одну командировку.

Итак, мы отдаём Минторгу Белоруссии нашу импортную мебель, а они нам взамен – фонды на мебель из Бобруйска, Минска и Витебска, причём в двойном объёме! У меня отлегло от сердца.

Украшение Красноярска – Коммунальный мост длиной более двух километров, построенный в 1961 г.

Начал со столицы. В первый же день перелопатил десяток насущных дел в двух проектных институтах и Госплане РСФСР, после чего проскочил в Видное, где успешно решил вопрос с изготовлением последней партии алюминиевых витражей. К концу рабочего дня я появился в Росхозторге, получил фондовое извещение на импортную мебель из ГДР и распоряжение на выделение эстонских светильников.

Наутро был уже в Ленинграде. Часа за три удалось оформить по разрядке Росхозторга фонды на 2500 светильников и 3000 ро-

зеток и выключателей производства таллинского завода «Эстопласт» и отправился в аэропорт.

В 14 часов мне удалось улететь в Минск, чтобы оформить передачу Минторгу фондов Росхозторга на немецкую мебель на сумму 350 тысяч рублей – для реализации в торговой сети. Взамен я получил фонды на белорусскую мебель в объёме 700 тысяч рублей. После этого – по согласованию с министром лесной и деревообрабатывающей промышленности БССР Кийковым – довольно оперативно получил фонды на встроенную мебель для жилых номеров нашей гостиницы.

Уставший, но довольный, вечером я вылетел в Красноярск, разница по времени с которым в Минске составляла 5 часов. Поспать в самолёте почти не удалось...

В Красноярске я уже был – в 1963 году, сразу же после окончания института. Самое сильное впечатление – панорама строительства крупнейшей тогда в стране Красноярской ГЭС. И вот – я опять здесь...

Сначала отправился в краевое управление лесного хозяйства, где нужно было оформить получение лиственницы для гонта с отгрузкой его в Бобруйск.

Но на моём пути неожиданно возникли две проблемы. Оказалось, что в это время шла массовая погрузка нескольких железнодорожных составов лиственницы во Владивосток, где её перегрузят на морской лесовоз и отправят в Японию. Так что, на ближайшее время все козловые краны

были заняты. К тому же, не было свободных полувагонов для погрузки леса...

Я хорошо знал все тонкости железнодорожных перевозок и потому, не откладывая дела в долгий ящик, отправился в лесной отдел крайкома партии.

Завотделом В. К. Кубрак проникся нашей проблемой и пообещал помочь. Его впечатлил не только мой рассказ о строящемся турцентре, но и то, что я – сибиряк, к тому же, выпускник известного Новосибирского железнодорожного института. Василий Кузьмич тут же дал команду срочно переадресовать в Бобруйск шесть уже загруженных лиственницей вагонов.

В управлении Восточно-Сибирской железной дороги, куда мы приехали вместе с Кубраком для решения вопроса о возмещении управлению лесного хозяйства перенаправленных в Бобруйск вагонов в счёт резерва Красноярского отделения железной дороги, мне встретился знакомый однокашник, который ускорил дело. Через некоторое время наши вагоны прицепили к составу, идущему в сторону Москвы.

– Через недельку будут в Бобруйске, – пообещал диспетчер отдела грузовых перевозок.

Одно важное дело было сделано.

После обеда я отправился на знаменитый Красноярский шёлковый комбинат, где нужно было подобрать портьерные ткани, оплатить их и отгрузить во Владимир. С собой у меня был наряд Ростекстильторга на три тысячи метров ткани, к которому было приложено письмо министра торговли РСФСР С. Е. Саруханова (в нём «предписывалось произвести отпуск ткани для турцентра в Суздале в счёт перевыполнения плана»).

Зайдя в приёмную, я увидел на директорской двери табличку: «Озерова Нина Даниловна, депутат Верховного Совета СССР».

«Солидно», – подумал я.

Нина Даниловна приняла меня по-сибирски приветливо, но прочтя письмо министра, крайне удивилась:

На строительстве Красноярской ГЭС. Енисей перекрыт. 25 марта 1963 года

Красноярский шёлковый комбинат имени 50-летия СССР (1957—1992 гг.)

– Ну, вы даёте в Москве! Какое перевыполнение? Мы несколько месяцев были на ремонте, на модернизации, только что открыли основной цех... Мы на 30 процентов завалили план первого квартала, теперь второй горит... Ну, при встрече я всё выскажу Сурену Ефремовичу, он меня знает!

Немного поостыв, она продолжала:

– К сожалению, пока я ничем помочь вам не могу. Будем заканчивать год, тогда и посмотрим, что с планом, будет ли у нас в этом году перевыполнение...

В это время по внутреннему телефону секретарша попросила её взять трубку:

– Звонят из Барнаула.

Я прислушался, ведь Барнаул – город моего детства.

Оказалось, что Озерова училась в Барнаульском текстильном техникуме, который с отличием окончила.

Звонил директор техникума и приглашал её на юбилей.

– А я знаю ваш техникум, я же барнаульский, окончил в 1956 году первую среднюю школу, ту, что рядом с кинотеатром «Победа». Мы не раз выступали с оркестром в вашем техникуме, – не утерпел я.

– Я знаю первую школу, у нас ребята оттуда учились. Значит, земляк ко мне пожаловал? Да, мир тесен...

И мы пустились в воспоминания, ведь мы жили в Барнауле в одно и то же время после войны. Потом Нина Даниловна попросила:

– А ну-ка, подробней расскажите о том, что за туристский центр вы там строите. Мне ведь тоже приходится заниматься строительством. О людях заботимся – строим жильё, построили детский сад, дворец культуры, стадион и даже собственную турбазу.

Когда я закончил своё привычное повествование, она вдруг спросила:

– А как, интересно, вам удалось получить этот наряд, ведь наша ткань идёт исключительно за рубеж и только самая малость – в торговлю, в магазин ЦК?

Пришлось рассказать.

– Ну, ладно, что с вами делать, пойдёмте, отведу вас в отдел сбыта. Цвета подбирать будете?

– А как же! Мне через Внешторг удалось получить финский ковролин шести разных цветов, хотелось бы подобрать портьеры к каждому из них! Думаю, надо и покрывала из той же ткани сшить. Нельзя ли с художником поработать?

– Можно, но давайте сначала решим с отпуском ткани и с оплатой, – ответила Нина Даниловна. – К сожалению, сейчас нам нужно прощаться, но в Суздаль к вам я обязательно приеду, хочется посмотреть и город, и ваш комплекс, – и она пожала мне руку. – А завтра заходите с утра, мы вам покажем Красноярск.

– Спасибо, Нина Даниловна, но времени на это нет, еле-еле к вам-то выбрался. Ночью хочу улететь в Москву.

Она посмотрела на меня понимающе.

После оформления документов в отделе сбыта меня отвели к главному бухгалтеру, где я дал письменную гарантию оплаты товара телеграфом.

Лишь вечером попал я к главному художнику комбината И. Ф. Васильевой. Мой рассказ о Суздале и турцентре был ей так интересен, что Ирина Филипповна согласилась работать со мной до упора. Нам нужно было подобрать портьерные ткани, чтобы они сочетались с ковролином и тканями для обивки кресел, стульев и банкетов. Это оказалось довольно кропотливым делом.

Ирина Филипповна рассказала мне немножко об Озеровой. Что Нина Даниловна родом из бедной семьи, что в Красноярске она прошла большой путь от помощника мастера до директора предприятия.

По своему трудолюбию, стремлению ко всему новому в сочетании с государственным подходом к делу она напомнила мне Санчуковского. Даже образование у обоих – среднетехническое. Они оба проявляли заботу о людях, оба были награждены орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, оба были депутатами Верховного Совета и заслуженными работниками – каждый в своей отрасли...

Нина Даниловна Озерова, генеральный директор Красноярского шёлкового комбината

Почти в полночь закончили мы подбор тканей. Нина Даниловна прислала дежурную машину, и меня доставили в аэропорт. Через час-полтора я вылетел в Москву.

Лететь с востока на запад, «по солнышку», выгодно – в какое время вылетаешь, в такое же и прилетишь, ведь скорость самолёта почти совпадает со скоростью смены временных поясов. Спать не хотелось. В голове крутились мысли о потолке ресторана, подшитом гонтом янтарного цвета, о прекрасном наборе дубовой мебели, о красивых портьерах и покрывалах...

В пять утра я уже ехал в Суздаль на своём служебном автомобиле.

За трое суток мне пришлось проехать на машине, на поезде и пролететь самолётом около 10 тысяч километров, провести одну ночь в поезде и две в самолёте, но главное, удалось решить массу важных вопросов.

Две премии

Вернувшись домой рано утром, я узнал от жены, что накануне звонил председатель облисполкома Сушков и просил, как вернусь, срочно ему перезвонить. Для поездки к руководству Совмина РСФСР ему нужна была информация о состоянии дел по турцентру и особенно – по Бобруйску.

Сушков попросил незамедлительно подъехать к нему. Через два часа он выезжал в Москву.

Едва войдя в кабинет, я услышал:

– Тут, понимаете, пока вы ездили, приезжал Предсовмина Соломенцев, интересовался строительством ГТК. А ваш Молчанов ничего толком не знает и твердит одно и то же: «Брунцев опять укатил в Бобруйск». Михаил Сергеевич уехал недовольный, просил меня разобраться и доложить обо всём... Ну, и где вы были?

Я перечислил: был в Москве, Ленинграде, Минске и Красноярске.

– Сколько же дней вы ездили?

– Три дня.

– Как – три? Вы ничего не пугаете?

– Нет, Тихон Степанович! Мне некогда раскатываться подолгу, дел много. Вот командировка, здесь девять печатей, везде отметил, кроме Суздаля.

– Что же вы сделали за это время? – уже помягче спросил он, по-видимому, все ещё не доверяя мне до конца.

Я достал свой план на три дня поездки и стал рассказывать, как и что.

Тихон Степанович слушал внимательно. Вдруг прервал меня:

– А в Сибирь-то вас зачем занесло?

Я рассказал ему про лиственницу для гонта и про шёлковые портьерные ткани, которые мы должны были получить «в счёт перевыполнения плана», который на тот момент не выполнялся.

Потом я доложил о состоянии наших дел и о той трудной ситуации, в которой находится Бобруйск с выполнением наших заказов.

– Сколько лет вы у нас работаете? – неожиданно спросил Сушков.

– Уже больше пяти, – ответил я, недоумевая, к чему это.

– А премии получаете?

– Да нет, Тихон Степанович, – ответил я, смутившись, будто это была моя вина.

– А какая у вас зарплата?

– Двести тридцать рублей с персоналкой.

Сделав пометки в своём блокноте, он кому-то позвонил:

– Александр Григорьевич, здравствуйте!

Это был зампред облисполкома А. Г. Аникин, куратор нашего турцентра.

– Понимаете, людей своих совсем не знаем... Вы давали Брунцеву хоть одну премию?

Услышав короткий ответ, он приказал:

– Премиируйте сегодня же его из моего резерва в размере 100 рублей!

Потом, что-то ещё вспомнив, позвонил начальнику областного управления строительства В. Н. Маркину:

– Валентин Никитич, Брунцев тебе помогает с дубовой столяркой из Бобруйска?

И видно, услышав утвердительный ответ, пожурил:

– А что же в таком случае ты ни разу не дал ему ни одной премии? Прошу тебя, сегодня же выдай ему 250 рублей, хотя он заслужил и больше.

После этого, пожав мне руку, он вышел из своего кабинета.

Это были единственные две премии, полученные мной за всё время работы в Суздале.

Штраф за чужие просчёты

По непонятным причинам получение шести вагонов с лиственницей, отгруженных из далёкого Красноярска, затянулось. Около трёх месяцев не было никаких известий, где они находятся. И это – в то время, когда каждый день был на счету! Шансы на получение гонта с каждым днём таяли. Подрядчик и облисполком все острее ставили передо мной эту

проблему. Однако мне оставалось только разводить руками: лиственницу Бобруйск ещё не получил... «Видно, придётся всё-таки отделять шпоном дуба, – решил я. – Жаль, что потеряно столько времени...»

Только подумал так, а тут звонок от Карана: лиственница наконец-то получена! Оказалось, что всё это время вагоны катались по нашей железной дороге. При этом, по непонятным причинам её дважды ошибочно разгружали. Первый раз – в Новосибирске, второй – в Муроме. Потом, разобравшись что к чему, снова грузили в вагоны и опять отправляли в путь. Но самое странное: за все эти манипуляции объединению «Бобруйскдрев», как получателю груза, железная дорога выставила штраф в сумме 13,5 тысяч рублей!

– Не в деньгах дело, мы бы их заплатили, – говорил мне Каран, – но этот штраф ставит нас в положение отстающих предприятий по одному из главных показателей. Не говоря уж о лишении всех видов премий по итогам года. Санчуковский просит срочно приехать! Придётся вашей дирекции взять этот штраф на себя. А если подать в суд на железную дорогу, это затянется надолго.

Наутро я был уже в Бобруйске. Всю дорогу думал, как поступить в такой ситуации. Никакой вины наших партнёров в этом деле нет, а вся ответственность ложится на них – вот ведь какая несправедливость!

Что делать, я понял в тот момент, когда входил в приёмную генерального директора. Я предложил Санчуковскому включить сумму выставленного иска в калькуляцию на изготовление гонта – как затраты по доставке сырья из Красноярска. Немного поразмыслив, он дал согласие: «Это разумный ход». Через час соответствующее письмо нашей дирекции лежало у него на столе. Наступило облегчение.

В тот же день Санчуковский дал команду срочно приступить к распиловке и сушке лиственницы с последующей заготовкой шпона.

– Через три недели первая партия шпона должна быть готова! – приказал он начальнику цеха.

А я тем временем оформил большой заказ на изготовление полного комплекта мебели и столярных изделий для нашей гостиницы – по фондам Минторга Белоруссии. Кроме спального гарнитура «Павлинка», отмеченного к тому времени государственным знаком качества, туда входили письменные столы, стулья, журнальные столики, банкетки, подчеходанницы, серванты, экраны радиаторов и карнизные доски – всё то, чем я когда-то восхищался в профилактории ФанДОКа. Ткани для стульев и банкетов были за мной.

Теперь за мебель гостиницы я был спокоен.

В уникальном училище Бобруйска

После обеда Александр Александрович неожиданно предложил мне посетить знаменитое Бобруйское художественное профессионально-техническое училище № 15, куда он собирался ехать по делам.

– Поехали, не пожалеешь, – сказал он, – в «Белцехе» твои двери, наличники и плинтуса идут своим ходом, на фабрике Халтурина большая партия панелей готова к отправке, я проверял. Тебе там нечего делать.

Я согласился.

В вестибюле нас встретил бессменный директор училища Аркадий Егорович Ларин, старинный друг Санчуковского. Они обнялись и расцеловались. Александр Александрович представил Ларину меня как своего друга из Суздаля. Этого оказалось достаточно, чтобы заслуженный и занятой человек взялся лично провести для меня экскурсию.

Я узнал, что это училище было открыто в 1958 году на базе бывшего лесотехнического техникума, основанного в 1930 году при «ФанДОКе».

Аркадий Егорович рассказал, что в недалёком прошлом училище готовило выпускников всего по трём специальностям: столяров-мебельщиков, краснодеревщиков и маляров-альфрейщиков. Сейчас к этим профессиям добавились резчики-инкрустаторы, художники росписи по дереву, чеканщики, художники-декораторы, облицовщики по терраццо-мозаичным и плиточным работам, мастера художественной керамики и резчики по камню. Обучение здесь велось по двадцати двум специальностям! Выпускники являлись специалистами художественного промысла под стать питомцам московского Строгановского училища или ленинградской «Мухи».

В вестибюле училища красовалась скульптура «Ленин-вождь» – дань времени. А на втором этаже нас встречали уже копии античных статуй – «Венера Милосская», «Гермес с младенцем Дионисом», «Апоксиомен».

То, что я увидел в интерьерах училища, где буквально всё было сделано силами учащихся, не поддаётся описанию. Кабинеты композиции, рисования, лепки, резьбы по дереву, керамики, альфрейных работ были просто образцовыми! Кабинет эстетического воспитания поражал настенной росписью на тему истории искусства – от первобытного строя до наших дней. Были здесь и панно с портретами Бетховена, Леонардо да Винчи, Шекспира, Толстого, и лаковая живопись по мотивам сказок Бажова, и образцы чеканки, инкрустации соломкой, керамики, гипсовых и металлических художественных изделий...

Теперь за мебель гостиницы я был спокоен...

В музее
Бобруйского
художественного
профессионально-
технического
училища №15

Поразил меня также интерьер столовой, где всё было выполнено из сибирской лиственницы. Резные панели стен и потолков, тонированные в тёплые янтарные тона, добротные столы с деревянными резными лавками и стульями, наборный художественный паркет, зеркала, врезанные в узорчатые панели колонн. В сочетании с декоративными витражами на окнах и светильниками-фонарями всё это поражало красотой и самобытностью. Общий колорит помещения напоминал знаменитую Янтарную комнату. Прекрасен был и Музей народного творчества.

В этом «среднем» учебном заведении обращала на себя внимание общая высокая культура. Все учащиеся выглядели аккуратными, подтянутыми и были необычайно вежливы. «Дай бог, чтобы так было в наших институтах и университетах, в том числе в столичных!» – подумал я.

Как рассказал мне Аркадий Егорович, по инициативе заведующей библиотекой С. А. Калмыковой в училище работает клуб книголюбов «Эрудит», где молодых людей знакомят даже с основами библиотечно-библиографических знаний. Особое внимание директор уделяет подбору преподавателей и мастеров производственного обучения.

С 1962 года училище – постоянный участник ВДНХ. На различных конкурсах и выставках учащиеся заработали более 300 золотых, серебряных и бронзовых медалей! Лучшие их работы демонстрировались на международных выставках в социалистических странах, в Финляндии, Японии, США, ФРГ и Канаде.

Смотрел я на это, смотрел и вдруг меня осенило: а ведь это училище может стать отличной кузницей кадров для суздальских кустарно-ремесленных мастерских, которые мы думали в ближайшие годы создать на территории Ризоположенского монастыря...

Согласно проекту, наши народные умельцы должны будут изготавливать сувенирную продукцию из металла, гутного стекла*, глины, керамики, соломки, заниматься вышивкой, резьбой по дереву, плетением

* Гутное стекло – изделия, изготовленные из стекла возле стекловарной печи мастером вручную, в горячем состоянии посредством свободного дутья (без применения форм).

из бересты и лыка, делать сувенирные копии с архитектурных деталей. Они смогут демонстрировать своё мастерство прямо на глазах туристов. Но мы не знали, где взять такое количество мастеров. И вот оказалось, что ларчик просто открывался.

Аркадий Егорович этой идее искренне обрадовался. Мы договорились о том, что вернёмся к этой затее, когда директор приедет к нам в гости. Когда я посвятил потом в свои планы председателя горисполкома А. М. Думова, он обещал даже выделять квартиры для молодых специалистов из Бобруйска в панельных домах.

Забегая вперёд, скажу, что, к сожалению, этой идее не суждено было осуществиться. После моего отъезда из Суздаля решать кардинальные вопросы по линии заказчика в Москве, Владимире и даже в Суздале было просто некому...

Однако всё, о чём мы тогда мечтали, я смогу увидеть в 2008 году во время путешествия на Валаам и в Кижии. Там, на реке Свири, в заново отстроенной современным предпринимателем С. Э. Гутцайтом деревне Верхние Мандроги, работало не меньше ста высококвалифицированных художников и ремесленников разных специальностей. Какие только виды сувенирной продукции ни украшали витрины и прилавки сувенирных домов-лавочек этой деревни!

За два часа в уникальном училище Бобруйска я словно бы получил какую-то особую душевную благодать.

Потом уж я узнал от Санчуковского, что училище много лет выпускает высококвалифицированные кадры для лесоперерабатывающей и мебельной промышленности Белоруссии. Большинство руководителей объединения «Бобруйскдрев» – его выпускники. Это заместители генерального директора А. И. Камай, Н. Н. Юшкевич и В. К. Сакович, производственники И. Л. Каран, И. А. Шут и Г. А. Махтук, директор завода ДВП Н. К. Барковский, председатель профкома З. Б. Соркин. Я всех их знал, со всеми общался, решая какие-то конкретные вопросы, и всегда отдавал дань уважения их компетентности и профессионализму.

После Бобруйска я на пару часов заглянул в минский Минлеспром, а потом поездом отправился в Витебск, где должен был проработать вопросы по изготовлению кресел «Двина» для жилых номеров нашей гостиницы.

Аркадий Егорович
Ларин, директор
Бобруйского
художественного
профессионально-
технического
училища №15

Генеральный директор Витебской мебельной фабрики В. И. Веселов принял меня крайне любезно. Уезжая в очередной отпуск, он поручил заниматься нашим заказом главному инженеру фабрики А. С. Лопатентову. Мы быстро нашли общий язык.

На следующий день вместе с Лопатентовым и начальником производственно-технического отдела Я. Г. Несневичем мы обошли все цеха, согласовали материалы и подготовили договор на изготовление и поставку 250 кресел. За нами оставалась только поставка шести видов обивочной ткани.

«Можем, когда захотим!»

Как я уже рассказывал, в конце лета 1976 года, когда в дирекции и у наших строителей были решены все самые принципиальные вопросы и уже просматривалось полное завершение работ, в Бобруйске на нашу беду завис вопрос с изготовлением гонта. Дело дошло до того, что зампред Владимирского облисполкома Долгов готов был согласиться на изготовление гонта из обычной сосны силами местных мебельщиков.

– Не срывать же нам из-за вашего гонта ввод объекта! – говорил он мне с раздражением. – Если получим его потом из Белоруссии, заменим.

Несмотря на это заверение, я понимал, что в действующем ресторане на 500 человек заменить четыре с лишним тысячи элементов гонта высоченного потолка нереально. Говорят же: нет ничего более постоянного, чем временное.

Так что, владимирские изделия с тёмно-коричневыми сучками и блестящим лаком, эдакая сосновая пародия на бобруйские, грозили стать той самой ложкой дёгтя, которая портит бочку мёда. Ведь благодаря совместной работе авторского коллектива проекта, строителей и заказчика, высококачественным дубовым столярным изделиям и анодированным алюминиевым витражам, латунным изделиям, хрустальным светильникам, современному технологическому оборудованию, набору высококлассной мебели, а также прекрасным художественным работам, наш главный комплекс на виду у всех зарождался как невиданный ранее, уникальный объект.

Но я не терял веру в моих белорусских друзей. Едва получив известие о готовности шпона лиственницы, срочно выехал в Бобруйск – на этот раз на машине.

Санчуковский вызвал на ковёр начальника производственного отдела Карана. Я предвидел, что разговор будет трудный. Вряд ли можно было ожидать, что человек, отвечающий за выполнение напряжённого производственного плана, всё бросит и с готовностью станет заниматься сверхтрудным, к тому же сторонним заказом.

Через несколько минут он зашёл в кабинет директора с чертежом гонта и, как мне показалось, с решимостью любой ценой отбиться от нашего заказа.

– Исаак Лазаревич, как идут дела с разработкой гонта? – спросил Санчуковский спокойным, однако не предвещающим ничего хорошего тоном.

– А никак! Мы не можем придумать конструкцию, не получается. Там же каркас нужно делать из восьми элементов, а всего получается 36 тысяч! – ответил Каран. – Я говорил вам – не потянем мы этот заказ!

– Почему же вы ни разу не зашли ко мне и не объяснились? Я бы подумал вместе с вами, мы тоже кое-что понимаем в этом деле. Других специалистов подключили бы, в Минское КБ обратились...

– Сан Саныч, даю слово, мы всё перепробовали – не получается! – отвечал Каран.

– А можете показать, что именно у вас получалось? – наседал на него Санчуковский.

– А мы всё выбросили.

– Ну, а кто в этом участвовал? – не унимался Санчуковский.

Прижатый к стенке Исаак Лазаревич взмолился:

– Сан Саныч, давайте мы ещё разок попробуем, может, что-то и получится...

– Попробуйте. Даю вам два дня. Можете всю работу бросить, но принесите мне готовое изделие, я буду ждать. Куличкова и Канторовича подключите, если надо будет! И если вы уважаете себя, как известного в республике мебельщика, то придумаете, как это сделать! Если нет, тогда уже я буду думать, мне за это деньги платят.

И обратившись ко мне, спросил:

– Валерий Александрович! Не могли бы вы задержаться у нас на два дня? Поработайте вместе с нашими специалистами, может быть, и вам в голову придёт хорошая мысль. Вы задали нам сложнейшую задачу. Если бы это было одно изделие, другое дело, но их больше четырёх тысяч. Нам же ставить его на поток...

– Можно идти? – тихим голосом спросил Каран, видно, хорошо понимая, что будет в случае провала.

На мебельной фабрике всем было интересно, как идут дела с нашими сложными изделиями, которые здесь почему-то окрестили «латами».

– Конечно, идите. Желая успеха!

Я появился в цехе одним из первых. Когда пришёл Каран, приступили к делу. Для начала на раскроечном станке решили нарезать из листа плиты ДСП три образца по контуру нашего многогранного изделия основным размером 1525 × 425 мм. Вся эта работа заняла не более получаса. Однако так случилось, что один из трёх образцов был ошибочно сделан шириной в 525 мм. Я тут же обратил внимание, что это изделие имеет более правильное соотношение сторон, чем проектное. В новом варианте оно приближалось к классическому – 1:3. Все со мной согласились, поэтому образец решили сохранить, как запасной вариант.

После этого все нарезанные листы обложили по контуру с обратной стороны прямоугольными брусками – с креплением по типу «клей-шпур». Здесь-то и начались первые проблемы. Для качественной наклейки шпона по кромкам и торцам всего периметра необходимо было начисто отделать их спаренные поверхности, вплоть до шлифовки. Однако наши поверхности – хорошо простроганные рейки и резаные пилой по плите – после сборки не совпадали, расхождение доходило до 1–2 мм, что было недопустимо. Шлифовку длинных сторон изделия и торцов на строгальном и шлифовальном станках сделать было нетрудно. Но как быть с наклонными кромками и плечиками? Ведь к ним подобраться было нечем. Тупой угол, о котором накануне говорил Каран, действительно не давал возможности прострожки и шлифовки сочленённых поверхностей механизированным способом. Пришлось это делать вручную, рашпилями, а потом наждачкой доводить до кондиции. Дело затянулось надолго.

После обеда к нам то и дело кто-то подходил: инженеры, мастера, бригадиры и даже директор фабрики Куличков. Всем было интересно, как идут дела с этими сложными изделиями, которые здесь почему-то окрестили «латами».

Когда шлифовка по всему периметру была закончена, зафанеровали шпоном длинные кромки, на горячую – утюгами. После часовой выдержки в ваймах аналогично выполнили фанеровку торцов. Время было уже позднее... Для продолжения работы оставили в ночную смену бригаду из двух человек, которой к утру предстояло выполнить самую трудную работу по фанеровке наклонных кромок и заплечников.

Первый день пролетел незаметно.

После работы Исаак Лазаревич пригласил меня в гости. Его жена Раиса Абрамовна была очень приветлива и сразу же усадила за стол, уставленный яствами. На нём я заметил коробку бобруйского зефира, который считался

лучшим в стране. Вторую она приготовила мне в подарок. При всеобщем дефиците у людей каким-то образом всё было...

Хозяева, перелистывая страницы семейного фотоальбома, рассказали мне о себе и своих детях. Поговорили, конечно, и о работе. Зная крутой нрав Санчуковского, Исаак Лазаревич сказал мне доверительно:

– Знаете, что будет, если я не выполню задание?

Он показал жестом петлю на шее, добавив при этом:

– Крутой, он у нас, но справедливый!

Потом, глядя мне в глаза, сказал:

– Я смотрю, он и вас к своим рукам прибрал – сколько вы для него делаете!

– Да нет же, Исаак Лазаревич! Я делаю не для него, а для производства, к тому же, только пытаюсь рассчитаться за всё хорошее, что вы для нас делаете. Впрочем, это у меня в крови!

Спать мы легли далеко за полночь. К восьми утра надо быть в цехе, где нас будет ждать полуфабрикат долгожданного гонта.

На второй день пребывания в Бобруйске я получил телеграмму от жены Ирины: «Бобрунцев ты мой милый! Как там дела с гонтом? Как Санчуковский? Передай ему от меня большой привет».

К утру задание Карана было выполнено. Теперь предстояло зафанеровать пласти, затем обработать их шкуркой и вручную зачистить углы, после чего можно пускать изделие в отделку с покрытием матовым лаком.

«Латы» были готовы лишь к самому концу рабочего дня. При этом все, включая Куличкова, отметили, что по своим пропорциям новый образец выгодно отличался от двух остальных. Но самое главное, оказалось, что при этой ширине количество изделий значительно уменьшается. Теперь вместо 4500 изделий нужно было делать на 800 меньше, то есть 3700 штук. Для производства это оказалось значительным облегчением.

Образец гонта, на изготовление которого пришлось затратить три рабочих смены, имел безукоризненный вид. Расчёт показал, что на выполнение всего заказа потребуется 13,5 тысяч смен! Это означало, что одна бригада будет делать его 520 дней, другими словами, полтора года! Для выполнения нашего заказа за три месяца, как распорядился Санчуковский, необходимо было сформировать восемь бригад по два человека...

...В кабинете Санчуковского этим вечером был праздник.

– Исаак Лазаревич, значит, можем, если захотим! – повторял директор, потирая руки. – Какое красивое изделие, молодцы, ребята! Оставьте у меня в кабинете одну штуковину, пусть все видят, на что мы способны.

Образец гонта, на изготовление которого пришлось затратить три рабочих смены, имел безукоризненный вид.

Владимирские изделия с тёмно-коричневыми сучками и блестящим лаком, эдакая сосновая пародия на бобруйские, грозили стать той самой ложкой дёгтя, которая портит бочку мёда.

И повернувшись ко мне, сказал весёлым голосом:
– Теперь слово за вами – решайте вопрос с лаком, а мы, белорусы, не подведём!

– Александр Александрович, лак доставим машиной через два-три дня, он уже готов, – ответил я, зная состояние дела в Загорске.

Уезжая домой, я был счастлив: наконец-то мне удалось сдвинуть с мёртвой точки вопрос с гонтом и определиться со сроками отгрузки мебели для нашей гостиницы. Теперь можно было составлять график, завозить её на объект, чтобы прямо с колёс заносить в жилые номера, минуя склад.

Мне как-то рассказали о печальном опыте 60-х годов. Было это на строительстве гостиницы «Россия» на 6000 мест, что почти в 13 раз больше нашей. В установленный графиком срок пуска гостиницы, финны, как было принято на западе, доставили в Москву полный комплект мебели. Но по разным причинам ввод надолго задержался. Вот и гоняли по всем грузовым станциям Москвы несколько железнодорожных составов с этой мебелью почти год! Говорили даже, что один состав полностью сгорел! Пришлось заказывать и оплачивать часть мебели повторно. Правда, в то время такие промахи держались в секрете...

Произведение искусства

Путь от Бобруйска до Москвы составлял больше 900 километров. Как дорогое дитя, я всю дорогу гладил образец гонта...

Трасса Минск-Москва – одна из лучших в стране. Всю дорогу мы ехали в левой, скоростной полосе, обгоняя многочисленные машины. Мне поскорее хотелось показать образец автору нашего проекта.

– Молодец, старик, это же чудо какое-то! – воскликнул Марк Артурович радостно, глядя на этот роскошный образец горящими глазами.

И добавил:

– Как здорово, что ты придумал замену дуба на лиственницу. У этого дерева и текстура, и цвет гораздо интереснее. Передай твоему Санчуковскому от меня привет. Пусть приезжает в Суздаль, я хочу с ним познакомиться... Этим гонтом мы теперь всех убьём наповал!

Ещё более бурная реакция была в облисполкоме, куда мы приехали на второй день вместе с Ранинским. Тихон Степанович Сушков, увидев гонт, назвал его подлинным произведением искусства.

– Поехали все к Пономарёву, пусть тоже посмотрит! – воскликнул он. – Владимир Васильевич, – обратился он к Долгову, – давайте с нами!

Через десять минут две чёрные «Волги» подъехали к зданию Владимирского обкома КПСС. У меня в руках было «произведение искусства» под неизвестным мне ранее названием – «гонт».

В приёмной первого секретаря обкома я поставил образец на пол, дожидаясь, когда выйдет Пономарёв.

– Что это такое?! – воскликнул Михаил Александрович, едва завидев белорусское изделие.

– Михаил Александрович, это и есть тот самый гонт, который будет на потолке ресторана ГТК, – с неподдельной гордостью сказал Сушков.

– И где же смогли сделать такую красоту?

– В Бобруйске, в Белоруссии. Это образец, а через три месяца будет готова вся партия. Теперь мы уже точно сдадим ГТК к Новому году...

Случайная находка

Ещё осенью 1975 года я пытался выбрать достойную мебель для нашего просторного и довольно оригинального парадного вестибюля. Те варианты, которые мне предлагали специалисты отдела мебели Госплана РСФСР и Росхозторга, меня не устраивали. Это были небольшие диваны и узенькие кресла отечественного производства, в придачу к которым шли примитивные, на жиденьких ножках, журнальные столики.

Большие сомнения вызывала и обивка: либо дешёвые, монотонных расцветок ткани, либо аляповатые, с крупными цветами. Других, более подходящих вариантов офисной мебели, наша промышленность в то время не выпускала.

– Берите то, что есть, а то и этого не получите! – говорили мне сотрудники этих ведомств. Но я никак не мог примириться с тем, что в нашем парадном вестибюле – с его роскошным лабрадоритовым полом, фельзитовыми стенами и дубово-латунно-хрустальным потолком – могут появиться вот эти бытовые диванчики и креслица, обитые неизвестно чем.

Как часто бывает, в дело вмешался Его величество случай.

Однажды в Москве начальник управления снабжения и сбыта Министерства культуры РСФСР Николай Борисович Агранатов пригласил меня в финское посольство на какой-то юбилей. Вечер у меня был свободный и я, не колеблясь, согласился.

Едва зайдя в небольшой вестибюль, я сходу положил глаз на три комплекта современной кожаной мебели на металлических прямоугольных основаниях, окрашенных в благородный чёрно-матовый цвет. По бокам каждого просторного дивана в виде буквы «п» стояли такого же типа кресла. Внутри получившейся зоны был полированный журнальный столик, фанерованный шпоном дуба. По бокам к каждому креслу примыкали подцветочницы с чёрными литыми поддонами, заполненными яркой зеленью.

Один из гарнитуров имел бордовую кожаную обивку, второй – светло-коричневую, третий – чёрную. Я долго не мог оторвать от этих диванов взгляд. «Умеют же капиталисты делать! Вот что нам нужно для нашего вестибюля», – решил я.

Эта случайная находка была для меня невероятным везением.

Пока гости раздевались, я незаметно замерил рулеткой все размеры. Для меня этого было достаточно, чтобы наутро превратить наброски в эскизы.

Показал их Орлову и Ранинскому.

– Вполне подходит, правда, Юлик? – обратился к Ранинскому Марк Артурович.

И повернувшись ко мне, по-деловому спросил:

– А где ты возьмёшь эту мебель? Валюты-то у тебя нет!

Это было большим вопросом. Однако в последнее время я стал замечать, что каждая новая проблема становится хорошим поводом для творчества. Основой моих действий по-прежнему был девиз: неразрешимых проблем нет!

Для начала решил по старой дружбе обратиться к своим белорусским друзьям. Других вариантов не предвиделось.

После расстановки мебели на планах вестибюля, бассейна, гостиницы и ресторана выяснилось, что общая потребность составляла 75 комплектов: 75 диванов, 75 журнальных столиков, 150 кресел и столько же подцветочниц. Всего нужно было изготовить 450 единиц мебели.

Через несколько дней, прибыв в Минск, я сразу же направился к министру лесной и деревообрабатывающей промышленности Белоруссии Кийкову.

Показав свои эскизы, я довольно робко спросил его о возможности изготовления таких мебельных комплектов. К моей радости, ответ был однозначным:

– Такую мебель мы никогда раньше не делали, но для вас, пожалуй, смогли бы её изготовить, были бы материалы!

Алексей Яковлевич позвонил генеральному директору Минского научно-производственного мебельного объединения К. М. Дорожку, в подчинении которого находилась фабрика мягкой мебели, и поручил ему «внимательно изучить предоставленные эскизы и доложить о своих возможностях».

Судя по его серьёзному тону, это был приказ.

После нашего знакомства Дорожик представил мне своего заместителя по производству В. Е. Долинского. Просмотрев эскизы, Виталий Ефимович заинтересовался общим объёмом заказа и обещал после разработки конструктивных чертежей пригласить меня в Минск для дальнейших переговоров.

Вот как выглядит гонт в ресторане ГТК

В последнее время я стал замечать, что каждая новая проблема становится хорошим поводом для творчества.

«Даже к дверной ручке нужно относиться с трепетом!»

После разработки комплекта чертежей директор МППО* Дорожик позвонил мне и предложил срочно подъехать в Минск, чтобы решить вопрос по изготовлению моего заказа.

Через некоторое время, с трудом освободившись от бесконечных дел, связанных со стройкой, я выехал в Белоруссию. Пользуясь случаем, задумал попутно решить несколько принципиально важных дел и в Прибалтике.

Благодаря начальнику Росхозторга Минторга РСФСР В. Г. Козелькову я имел возможность получить лучшие, а порой – единственные в стране изделия, которые должны стать украшением нашего комплекса. Однако получение этих дефицитных товаров, особенно в Прибалтике, всегда влекло за собой целый шлейф проблем, и решать их мне приходилось самому.

В один из воскресных дней я на машине выехал в Москву. Прибыв туда к вечеру, сел на скорый поезд и к утру уже был в Таллине. Там, на заводе «Эстопласт», мне нужно было отобрать свыше трёх тысяч потолочных светильников для помещений ГТК и решить вопросы с их оплатой и отгрузкой. После этого я должен был заняться проблемой изготовления по заданным размерам двух финских саун, выпуск которых предприятие освоило всего пару месяцев назад.

Справившись с этими делами, я выехал вечерним поездом в Ригу. Кое-как разместившись в привокзальной гостинице, рано утром я прибыл на единственный в стране комбинат, изготавливающий барные стойки и комплекты мебели, в том числе круглые вращающиеся стулья. На оформление этой продукции для двух наших баров – в подвальной части вестибюля и на третьем этаже ресторана – ушло не больше трёх часов, после чего я вылетел самолётом в Каунас.

На первый взгляд, вопрос, который я хотел там решить, был пустяковым: найти красивые ручки для входных дверей киноконцертного зала и некоторых других помещений комплекса. Казалось бы, мелочь, а нет! Помню, как в первое время посетители наших мотелей любовались полированными дверными ручками и оконными завёртками. Они их рассматривали, гладили и фотографировали. «Откуда эта красота?», – спрашивали меня. А всё дело в том, что при оформлении договора на их изготовление в небольшом латвийском городке Вентспилсе, мне пришла

* Минское проектно-производственное мебельное объединение.

в голову мысль заказать дополнительную ручную полировку этих изделий, что и сделало их такими неотразимыми.

В архитектуре не бывает мелочей. Подтверждая эту мысль, современный белорусский архитектор О. А. Воробьёв добавил любопытную фразу: «Даже к дверной ручке нужно относиться с трепетом!»

Однажды, находясь в Кремлёвском Дворце съездов, я обратил внимание на роскошные парадные ручки входных дверей большого зала. Это изделие было в высоту не меньше 40 см, а явным его украшением были хромированные кронштейны и чёрный полированный остов. Как мне удалось выяснить, они были изготовлены по спецзаказу на художественно-производственном комбинате «Дайле» в литовском городе Каунасе. Вот я и загорелся: хочу такие же! А тут как раз подвернулся случай попутно решить эту задачу.

Директора комбината не было, и я зашёл к его заместителю. Это был очень приятный и обходительный человек. Звали его Сиштас Йонович Шяудинис. Я напомнил ему о заказе для Дворца съездов, и он, несмотря на какие-то производственные сложности, согласился изготовить нам 10 комплектов таких ручек. Распрощавшись с моим новым литовским знакомым, я поехал в аэропорт. К ночи был уже в Минске. Зная о нехватке мест в гостиницах, я поехал к своему другу Геннадию Фролову, солисту республиканского хора, обладающему самым низким басом-профундо. Несмотря на позднее время, моему появлению он был очень рад.

Утром первым делом я направился в Белкультторг, где, согласно распоряжению заместителя министра торговли РСФСР С. Е. Саруханова и по разнарядке Роскультторга, мне нужно было оформить спецзаказ на изготовление четырёх бильярдных столов производства минской фабрики «Динамо», имеющих славу лучших в стране.

Довольно быстро управившись с делами, я с радостью поехал в Минское научно-производственное мебельное объединение, где, как я был уверен, можно считать решённым вопрос с изготовлением «финской» мебели для нашего вестибюля.

Самая длинная моя командировка

Однако то, что меня ожидало, трудно себе представить даже в самом страшном сне.

Директор объединения Дорожик подтвердил, что готов выполнить указание Кийкова и принять заказ при условии поставки «давальческих материалов» и тех изделий, которые его предприятие не производит.

Получалось, что наша дирекция должна предоставить им отлитые по нужным размерам поролоновые подушки для сидений, спинок и подлокотников диванов и кресел – 1200 штук; искусственную кожу на трикотажной основе – 2800 кв. м.; металлические основания для всех изделий – 450 штук и пластмассовые поддоны для цветов – 150 штук.

– Что касается столярных изделий – каркасов диванов, кресел и крышек журнальных столиков, – их поручено изготовить бобруйской фабрике имени Халтурина, – сообщил мне Дорожик. От него я впервые услышал, что с «давальческими материалами» нас ждут большие проблемы, поскольку искусственная кожа – это огромный дефицит, а для отливки поролоновых подушек в Москве надо поставить сырьё. Где можно заказать металлические основания и пластмассовые поддоны, он не знал.

Оказалось, что минская фабрика мягкой мебели в состоянии только обтянуть искусственной кожей готовые поролоновые изделия, ничего другого там сделать не смогут.

– Если вы принимаете наши условия, мы готовы в следующем году выполнить ваш заказ, – заключил директор.

Я ответил, что подумаю и позвоню.

«Видно, об этой «финской» мебели придётся забыть! – думал я, качаясь на вагонной полке. – Кто же нам сделает металлические основания и поддоны? Кто изготовит поролоновые подушки и где взять для этого сырьё? Как добыть дефицитную искусственную кожу? И кто всем этим будет заниматься, Пушкин?»

Мне-то дай бог справиться с уже взятыми на себя обязательствами по алюминиевым витражам, дубовым дверям, столярным и мебельным изделиям, уникальному гонту для потолка ресторана, срубам для гостиниц Покровского монастыря... Не говоря уж о выполнении своих прямых обязанностей по ведению строительных, проектных и художественных работ, финансированию стройки, руководству техническим надзором и отделом комплектации, поставкам технологического оборудования, материалов, инвентаря, несметного количества мебели, светильников и других товаров, да ещё совмещая всё это с многочисленными командировками по стране и участием в различных совещаниях и комиссиях! А если ещё взвалить на себя эту ношу с «финской» мебелью, выдержу ли я? Ведь за пять лет работы у меня были сплошь ненормированные рабочие дни, всего два отпуска, а из-за массовых наездов «нужных людей» из Москвы практически – ни одного выходного дня...

Не проще ли вернуться к обычным наборам бытовой мебели, с которой не будет никаких проблем?

За все годы работы в дирекции я впервые ехал домой с такими печальными мыслями.

...Завершался 1975 год. Всё ярче вырисовывались контуры нашего главного комплекса, но вместе с тем, возникали всё новые и новые проблемы, требующие практического решения. Самой трудной из них оказалась задача с изготовлением гонта для ресторанного потолка. А как быть с мебелью вестибюля? Неужели соглашаться на обычную, которую нам предлагают в Росхозторге?

«До сдачи ГТК остаётся ещё больше года, – думал я. – А что если рискнуть? Где наша не пропадала! Ведь решился же Санчуковский в невероятно сложных условиях взять на себя дополнительную обузу по изготовлению для нас сложных панелей потолка. Возьмусь и я за эту «финскую» мебель! В противном случае никогда себе этого не прощу!»

Для начала я решил проработать вопрос с изготовлением 720 металлических каркасов. Главный расчёт, конечно, был на помощь Козелькова. К счастью, оказалось, что в Москве уже выпускалась офисная мебель на металлическом основании, и Владимир Георгиевич лично распределял её фонды. Он позвонил директору Московского завода металлической мебели и быстро договорился с ним о выполнении нашего заказа по прямому договору с дирекцией турцентра. Но из-за полной загрузки предприятия, срок на изготовление наших изделий был не меньше полугода. Единственным условием сделки была поставка заводу необходимого количества квадратной трубы. О краске речи не было. В завершение разговора, как было принято в таких случаях, Козельков сказал: «Я у тебя в долгу».

В следующий приезд в Москву мне удалось заключить договор на выполнение нашего заказа. После этого с письмом облисполкома я направился в Госплан РСФСР, чтобы решить вопрос о выделении нам квадратной трубы в количестве 7500 погонных метров.

Протянул нам руку помощи и первый заместитель председателя Госплана Н. П. Машьянов.

– Для твоего турцентра мы ничего не пожалеем, – сказал он с доброй улыбкой.

По его распоряжению наряд на получение трубы из города Бор Горьковской области на первый квартал следующего года был оформлен за два часа. Мне казалось, что теперь дело за нашими снабженцами. Но на деле всё получилось иначе.

Одновременно с этим я взялся решать вопрос изготовления поролоновых подушек для сидений, спинок и боковин диванов и кресел,

Всё ярче вырисовывались контуры нашего главного комплекса, но вместе с тем, возникали всё новые и новые проблемы...

«Видно, об этой «финской» мебели придётся забыть! – думал я, качаясь на вагонной полке.

всего – около 2 тысяч штук. Разместить этот заказ на Московском порононовом заводе из-за его полной загрузки удалось только благодаря содействию секретаря Владимирского обкома партии Лапшина, сумевшего уговорить директора здешнего химзавода Р. Б. Цоколаева выделить порононовому заводу несколько тонн дополнительного дефицитного сырья. Но по ряду обстоятельств запустить в производство наш заказ удалось лишь через несколько месяцев.

На очереди была проблема с получением искусственной кожи, выпуск которой в то время освоил башкирский завод «Искож» в Нефтекамске. Как мне рассказали в Госснабе СССР, занимающемся распределением этой продукции, искусственная кожа шла на отделку салонов автомашин «Жигули» и «Волга» и была острым дефицитом. А наша потребность в этой коже составляла 2800 квадратных метров...

Нефтекамский аэропорт

Когда я получал в Госснабе СССР фондовое извещение на искусственную кожу, мне посоветовали лично встретиться с директором завода Рифом Шайхутдиновичем Багаутдиновым.

Вот как я описывал этот эпизод своей жизни жене Ирине в письме из Нефтекамска от 27 ноября 1975 года:

«... Я забрался в такую глухомань, что и сам диву даюсь! И теперь вот, сидя в междугородном переговорном пункте, я думаю о том, как хорошо быть дома со своей семьёй. Особенно в те редкие

воскресные вечера, когда ни работа, ни гости не отвлекают от домашнего очага...

Мой маршрут в этот башкирский город оказался весьма сложным. Сначала я приехал в Чебоксары, где у меня были срочные дела, связанные с помощью Бобруйску. Оттуда поздно вечером выехал в Казань с новым татарским другом, начальником отдела снабжения завода электрооборудования. Он советовал утренним рейсом вылететь в Нефтекамск, но из-за поломки его служебной машины в аэропорт прибыли с опозданием, и самолёт улетел из-под носа. А следующий рейс только через сутки.

До Уфы билетов не было. Пришлось лететь ближайшим рейсом в Октябрьск, откуда через час намеревался вылететь в Нефтекамск. Но билетов на этот рейс тоже не было. Попался в ловушку. Чтобы добраться до города, два часа проторчал с каким-то милиционером на шоссе, ловил попутную машину, однако ни одна не остановилась, или пешком больше десяти километров...

От Октябрьска до Нефтекамска около 300 км. Автомобильной дороги туда нет. В час ночи я выехал автобусным рейсом на Уфу, добрался туда в 5.30 утра. Рейсы самолётов на Нефтекамск – только в 7.20 утра и в 16 часов дня, но билетов в кассе опять не было! Автобус же идёт долго, около десяти часов – с пересадкой в каком-то Дюль-Сюне. Однако мне повезло – в который раз выручило удостоверение облисполкома. „Товарищи, это депутат,“ – предупредила народ дежурная, и мне сразу выдали билет. Кое-как втиснулся в самолёт на дополнительное приставное место, и вот на третий день моих мытарств, 26 ноября, я наконец-то в Нефтекамске!

Пока ждал автобус из аэропорта в город, съел в маленьком буфетике кусок свиной печёнки и выпил два стакана компота (кроме кильки в стеклянных банках и ржаного хлеба, там ничего больше не было).

Приехал на комбинат „Искож“, оформил пропуск, а потом больше километра шёл по грязи до заводоуправления.

В приёмной директора мне вручили переданную по телетайпу телеграмму от водителя нашей грузовой машины Мартьянова, который застрял в Вятских Полянах, не доехав до места 500 км. Он ждал моих указаний. Ознакомившись с картой региона, я ответил ему, чтобы ехал в обратном направлении, крюком на Казань – Ульяновск – Куйбышев – Уфу, а затем уже в Нефтекамск. Всего набегало пути около 1500 км.

Теперь о главном. Искусственную кожу комбинат делает на японском оборудовании фирмы „ТАМАКО“. Её товарный вид достоин не только нашего знака качества, но и значительно высшего – знака „люкс“! Опять нас выручают японцы, ведь алюминиевые витражи в Видном тоже делают на японском оборудовании. Прав был Остап Бендер, когда говорил: „Заграница нам поможет“...

Первое, что сказал мне генеральный директор, убило меня наповал:

– У меня горит план по „Автопрому“, так что ничем помочь не могу. Но видя мой жалкий вид (о какой „финской“ мебели теперь можно говорить вообще?), сжалился: „Ладно, решайте этот вопрос с начальником отдела сбыта. Если она найдёт возможность помочь вам, возражать не буду, я ей полностью доверяю“. Кстати, когда-то я вычитал у Хемингуэя такие слова: „Людам, с которыми работаешь вместе, нужно доверять до конца или не доверять совсем“. Я, хоть и не Хемингуэй,

Риф Шайхутдинович Багаутдинов, директор Нефтекамского завода «Искож»

но соблюдаю тот же принцип. Как я могу не доверять своим инженерам по технадзору, которые с утра до вечера сидят на своих объектах?

На этот раз мне крупно повезло. „Она” оказалась человеком эрудированным и равнодушным к старине, ей, к тому же, доверяет директор. После нашего разговора она страшно захотела побывать в Суздале (по-больше бы таких людей!)

Через 30–40 минут мы уже шли к директору. Риф Шайхутдинович перечить начальнице отдела сбыта не стал: „Раз вы за него просите, я не возражаю, – сказал он. – Давайте бумаги, я подпишу».

Вот так был решён вопрос с дефицитной кожей. Я решил выбрать три цвета, какие видел в финском посольстве – чёрный, бордовый и светло-коричневый. После этого послал в Суздаль телеграмму о срочной оплате товара телеграфом. Теперь надо получить кожу и отправить её на нашей машине в Минск. С этим водитель отлично справится и без меня.

Вечером с большим трудом пробился в гостиницу. Съел кусок колбасы с батоном, выпил чая.

Сейчас заказал с тобой переговоры, после чего моментально лягу спать. Устал, как собака!»

На тот момент в кармане у меня оставалось 2 рубля 48 копеек. Полученные «под командировку» деньги в сумме 100 рублей я истратил на железнодорожные, автобусные и авиационные билеты, телеграммы, телефонные переговоры и еду. Вечером послал телеграмму Антоновой, главному бухгалтеру дирекции, с просьбой дополнительно прислать к утру 25 рублей.

Но на этом моя эпопея не закончилась.

В Уфе из-за нелётной погоды просидел в аэропорту... трое суток! За всё это время нас несколько раз приглашали в самолёт, но потом по какой-то причине высаживали. Ехать поездом двое суток не хотелось, а зря – приехал бы домой быстрее.

Это была моя самая длинная командировка в жизни. Из-за дефицита времени больше одного дня я старался нигде не задерживаться.

Во время перелёта из Уфы в Иваново я вспомнил эпизод, который произошёл в 1962 году, на 30-летнем юбилее нашего Новосибирского железнодорожного института.

Во время торжественного заседания весь зал ждал появления на сцене выпускника прошлых лет, замминистра культуры РСФСР Василия Михайловича Стриганова, который, чтоб сэкономить время, решил лететь из Москвы самолётом. Появился он перед нами только в самые последние

минуты торжества, объяснив своё опоздание задержкой рейса. В завершение своей речи он воскликнул:

– Да здравствует наш родной, самый надёжный в мире железнодорожный транспорт!

Парадный вестибюль: пазлы сложились!

За шесть суток моего отсутствия в Суздале на моём рабочем столе накопились горы всевозможных чертежей, смет, циркуляров, входящих документов, актов сдачи оборудования в монтаж, бухгалтерских счетов. В первый же день ко мне выстроилась целая очередь из прорабов и начальников участков подрядных организаций с «процентовками» выполненных в ноябре работ (срок их подписания прошёл накануне, а печать ставили только на мою подпись).

Как на грех, в этот день из Москвы приехала большая группа специалистов проектного института во главе с директором Орловым и главным инженером Лепским, которые мне самому нужны были как воздух.

Вся эта неделя у меня была «домашней». Редкий случай.

После принципиального решения вопросов с изготовлением металлических оснований и поролоновых подушек для «финской» мебели парадного вестибюля, необходимо было определиться с литьём пластмассовых поддонов для наших цветочниц. Не зная, с чего начать, я обратился за советом к специалистам отдела химической промышленности Госплана РСФСР, они порекомендовали обратиться на Ленинградский завод пластмассовых изделий.

Так совпало, что к этому времени Министерство промышленности средств связи СССР выдало задание ленинградскому заводу радиоприборов изготовить первую в стране отечественную систему синхронного перевода на пять языков с установкой её в нашем киноконцертном зале. Так что, мне предстояло выехать на это предприятие для решения принципиальных вопросов и подписания договора.

Совместив оба вопроса, я направился в Ленинград. Закончив дела на одном заводе, поспешил на другой – «пластмассовый».

При рассмотрении моего заказа оказалось, что разработка одной только пресс-формы для отливки нашего изделия займёт гораздо больше времени, чем сам процесс её изготовления. Из-за такого мизерного заказа – всего-то 150 штук – директор завода вначале даже не захотел со мной разговаривать.

Это была моя самая длинная командировка в жизни. Из-за дефицита времени больше одного дня я старался нигде не задерживаться.

*Вход в главное здание
ГТК. 2017*

– Делать пресс-форму ради 150 штук, отвлекая на это своих модельщиков, мне невыгодно, – сказал он.

Пришлось согласиться на составление калькуляции, покрывающей дополнительные расходы предприятия. Других вариантов не было.

Вопрос с изготовлением поддонов был решён.

В начале 1976 года во время поездки в Бобруйск по поводу изготовления гонта мне удалось проработать и вопросы по производству на фабрике имени Халтурина деревянных элементов «финской мебели», включая каркасы диванов, кресел и лицевые части журнальных столиков. Директор фабрики Куличков, взглянув на наши чертежи, спокойно сказал:

– Не волнуйтесь, сделаем в срок и без проблем! От вас ничего не требуется. Кстати, Санчуковскому по этому вопросу уже звонил наш министр.

Итак, многосложный процесс изготовления нашей мебели для парадного вестибюля был запущен.

Сразу же после получения из города Бора семи с половиной тысяч метров квадратной трубы Московский завод металлической мебели приступил к изготовлению металлических оснований. Получив сырьё

*Рабочее совещание
в фойе ГТК.
Слева направо:
В. А. Брунцев,
В. В. Молчанов
и работники дирекции.
1977*

с Владимирского химзавода, к литью поролоновых подушек в количестве 1200 штук приступил Московский поролоновый завод. После получения подушек на Минской фабрике мягкой мебели начали их обтяжку искусственной кожей, полученной из Нефтекамска. В Ленинграде тем временем отливали пластмассовые поддоны для цветов, а в Бобруйске приступили к изготовлению деревянных элементов каркасов и крышек журнальных столиков...

Теперь дело оставалось за фито дизайном. Надо было подумать об озеленении открытого внутреннего дворика, расположенного рядом с вестибюлем, а также о том, чем заполнить наши подцветочницы. Нужны были живые растения, способные выжить в закрытых помещениях при искусственном свете. Кроме парадного вестибюля, они должны были украшать холлы гостиницы, помещения бассейна, ресторана и администрации турцентра.

По совету руководства нашего проектного института, я привлек к этой работе московский специализированный институт «Росгипрозем», с которым заключил долгосрочный договор подряда. Решение всех вопросов было поручено ведущим специалистам института – кандидату наук

Парадный
вестибюль

Галине Николаевне Шапенковой и Галине Марковне Изаксон. В течение нескольких месяцев в условиях лаборатории и полигона института они вырастили сотни растений и цветов, которые потом стали изюминкой наших интерьеров. А во внутреннем дворике посадили дикорастущий виноград. Эта работа московских специалистов в будущем получит довольно высокую оценку членов Государственной комиссии, а многие туристы с удовольствием будут рассматривать наши живописные растения.

Изготовление комплектующих изделий для мебели вестибюля в Москве, Ленинграде, Минске и Бобруйске заняло около года, после чего все готовые элементы были доставлены в Суздаль. Следом за этим в нашем просторном вестибюле начали собирать эту невиданную доселе мебель. Руководил процессом опытный специалист по шеф-монтажу из Бобруйска, которого командировал к нам Куличков.

Теперь, когда в нашем парадном вестибюле был собран великолепный дубовый кессонный потолок с латунной «кольчугой», хрустальными плафонами и латунными декоративными изделиями, когда пол настлан чёрным украинским лабрадоритом, стены и колонны облицованы тёплым армянским фельзитом, трёхцветная российско-белорусско-финская мебель пришлось как нельзя кстати! Интерьер вестибюля потом долгие годы вызывал неподдельный восторг наших многочисленных туристов.

Просьба министра

Однажды поздней осенью 1976 года мне позвонил министр лесной и деревообрабатывающей промышленности Белоруссии Кийков.

У нас давно уже были тёплые отношения, особенно после пожара на мебельной фабрике в Жлобине, когда я добровольно взялся помочь объединению восстановить цех.

– Валерий Александрович, – начал Кийков своим приятным голосом, – Извините, что отнимаю время, но у нас к вам есть большая просьба.

– Рад буду вам помочь, Алексей Яковлевич.

– У вас во Владимире какой-то завод приступает к выпуску термостойкой плёнки, которая позарез нужна нашим мебельщикам для фанеровки панелей. Дело в том, что в этом году из-за отсутствия валюты мы не можем закупить её в Германии, а отечественная, что у нас есть, имеет низкую термостойкость, шпон горит. Вот такая беда! На следующий год мы, конечно, постараемся получить на неё фонды, но она крайне нужна нам именно сейчас.

– Алексей Яковлевич, я думаю, что делать её может только Владимирский химзавод, директора я хорошо знаю. А сколько нужно этой плёнки?

– Нужно-то много, я бы и вагон взял, и два. Но сейчас такая ситуация, что надо хотя бы четыре-пять тонн, если можно. Буду вам очень признателен, если выручите!

Я, конечно же, пообещал Кийкову всё немедленно узнать и дать ответ...

Наутро приехал во Владимир к директору химзавода Руслану Борисовичу Цоколаеву. Войдя в кабинет, я прежде всего ещё раз поблагодарил его за помощь, которую завод оказал нам, выделив Мытищинскому комбинату «Стройпластмасс» четыре тонны исходных материалов для изготовления вентиляционных решёток для потолка бассейна.

Потом я спросил о новой термостойкой плёнке. Оказалось, со следующей недели начинается плановый выпуск этой продукции. Рассказав Цоколаеву о той грандиозной помощи, которую нам оказали белорусы в поставках столярных и мебельных изделий, я попросил помочь им в этом вопросе:

– Нужно хотя бы тонн пять.

– Где ты был два дня назад? Я бы тебе мог её накатать хоть целый вагон. А теперь это будет большой проблемой. Испытания образцов практически закончились, и все документы Госкомиссии уже подготовлены. С понедельника я перехожу на поставки по фондам Госнаба СССР, в том числе на экспорт. Все договора до конца года уже оформлены.

– А какие есть шансы? – спросил я, понимая, что не всё ещё потеряно, раз он сказал, что это будет проблемой.

– Иди срочно к Лапшину. Пусть он договаривается с нашим министерством. Без его команды я ничего сделать не смогу, – посоветовал Руслан Борисович (настоящее его имя было – Росланбек).

Секретарь обкома Виктор Иванович Лапшин был человеком деловым и решительным. Я рассказал ему о просьбе министра Кийкова и о проблеме белорусских мебельщиков. Хорошо зная о той значимой помощи, которую оказывали нам белорусы, он позвонил Р. Б. Цоколаеву:

– Руслан, что там у тебя с термостойкой плёнкой? – начал он строгим тоном. – Так!.. Так!.. Так!.. Мне нужно 40–50 тонн для Бобруйска... Я знаю, что он был у тебя... А ты сделай вот что: дай телеграмму в Госнаб, чтоб на пару дней отложили отгрузку... Ну, не получается у тебя качество! Ты понял?.. А в твоё министерство я сейчас позвоню и тебя прикрою. Поработай эти выходные и отправь в Белоруссию пару вагонов плёнки. Они сразу же всё оплатят – деньги у них есть! А я у тебя буду в долгу. Ну, и молодец! Пока!

Повернувшись ко мне, весьма довольный тем, что удалось решить такую неординарную проблему, Лапшин сказал:

– Передай твоему белорусскому министру наше владимирское спасибо за столярку... Ну, давай, будь здоров!

К моему сожалению, в скором времени Виктор Иванович Лапшин был переведён в Москву на должность секретаря ЦК профсоюза работников оборонной промышленности СССР. Для меня это было большой потерей.

Через неделю раздался звонок из Минска от министра Кийкова:

– Большое спасибо! Вы нас здорово выручили! Я, право же, не ожидал, что у вас это так быстро получится. Теперь нам этой плёнки хватит

надолго. За продукцию с заводом мы уже рассчитались, так что, всё в порядке.

И следом добавил:

– А ваш гонт мы скоро сделаем, не волнуйтесь.

Затем, немного помедлив, сказал:

– Валерий Александрович! У нас с Санчуковским есть желание представить вас к награде правительства Белоруссии. Будете в Минске, зайдите в наше министерство, чтобы заполнить анкету, или пришлите свои данные почтой, мы сами оформим.

Однако в тот период, связанный с подготовкой к сдаче главного туристского комплекса, впрочем, как и после, времени у меня на это не нашлось.

В конце января 2009 года, находясь с дружеским визитом в Бобруйске, я к своему удовольствию узнал: вот уже 33 года фабрика имени Халтурина закупает на Владимирском химзаводе ту термостойкую плёнку. Теперь уже по прямым договорам поставок... Без обкома и без проблем!

Руслан Борисович Цоколаев, директор Владимирского химзавода

За чем и зачем я ездил в Белоруссию?

Читателю, возможно, показалось, что при своей весьма плотной загруженности текущими и перспективными делами в дирекции, на стройке, в проектных институтах, министерствах и ведомствах я слишком много времени уделял поездкам в Бобруйск. Наверное, такое же мнение сложилось и у некоторых моих коллег-строителей. На самом деле не так уж и много.

А вот чего мне стоили эти командировки, можно понять по описанию любой из них.

Сначала нужно было выбрать подходящий момент для поездки, ведь каждую пятницу в облисполкоме проводилось совещания по строительству турцентра, в котором я должен был участвовать.

Чтобы попасть в Бобруйск, сначала нужно было доехать до Москвы, где дел всегда был непочатый край.

Во время каждой такой поездки нужно было иметь при себе больше двух десятков деловых писем, отпечатанных на бланках дирекции

Чего мне стоили эти командировки, можно понять по описанию любой из них...

и адресованных в самые разные инстанции (иногда это были письма облисполкома за подписью председателя Сушкова или его заместителя – Зенковича). Без этих документов в командировках делать было нечего. Из-за дефицита времени я готовил их накануне своих поездок, работая до полуночи. Досыпал в пути, на заднем сидении служебного «Москвича», переодевшись в спортивный костюм.

По заведённому мной правилу, из Суздаля мы выезжали в 6 утра, когда трасса была ещё мало загружена, благодаря чему удавалось избегать пробок, особенно перед Москвой. Это было связано с экономией рабочего времени.

Как всегда, сначала я заходил в Госплан РСФСР, поскольку там рабочий день начинался в 8.30. Пользуясь своими деловыми связями, я мог решать там многие вопросы, связанные с финансовыми проблемами, получением фондов на дефицитные материалы и оборудование, а также с лимитами проектных работ. Справившись с этими проблемами, я шёл пешком в своё родное Министерство культуры РСФСР, находящееся поблизости, в 200–300 метрах от Госплана. Оно не только финансировало строительство нашего киноконцертного зала, но и решало вопросы с получением сценического оборудования, киноаппаратуры, «одежды» сцены, а также материалов для художественных работ, в том числе – для декоративного занавеса.

Пользуясь своим служебным положением, я мог свободно попасть на приём к министру Ю. С. Мелентьеву, к его заместителю, моему однокашнику по институту В. М. Стриганову и уж тем более – к начальнику Главснаба министерства Н. Б. Агранатову, с которым мы были в самых дружеских отношениях.

Дальше мой путь лежал в наш головной проектный институт, ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и туристских комплексов, где я всегда был желанным гостем директора Орлова и главного инженера Лепского.

Ждали меня и руководители мастерских, архитекторы, инженеры, конструкторы, разрабатывающие десятки наших проектов. В особом ряду стоял сметный отдел, где накапливалась масса вопросов по замечаниям строителей.

Следом я переходил в ЦНИИЭП инженерного оборудования, благо, он был во дворе нашего генподрядного института, тут каждый раз находились дела, особенно связанные с электрикой. Часто приходилось заглядывать в Гипрокоммунстрой (котельная и другие объекты) и в Гипроречтранс (плотины и расчистка реки Каменки).

Закончив с проектно-сметными вопросами, я, как правило, ехал в район главпочтамта, на Кирова, 47, в министерство торговли РСФСР, которое финансировало строительство ресторана. Там решались вопросы с обеспечением технологическим оборудованием, инвентарём и другими товарами.

Больше всего дел было в «Росхозторге», где выдавались фонды на светильники, розетки и выключатели, скобяные приборы, ковровые дорожки, занавески, обои, мебель. Там незаменимым человеком для меня был начальник управления В. Г. Козельков.

После Минторга, в зависимости от плана на текущий день, я посещал разные учреждения или промышленные предприятия Москвы или Подмосковья (к примеру, завод алюминиевых конструкций в городе Видное, где за три года мне довелось побывать не менее тридцати раз).

И наконец, под вечер я появлялся в Главснабсбыте РСФСР, на Маяковке, где рабочий день заканчивался в 19.30*. Благодаря этому обстоятельству мой рабочий день в Москве длился до 10 часов. В Главснабсбыте выдавали фонды на технологическое оборудование для котельной, очистных и водозаборных сооружений, насосных станций, трансформаторных подстанций, на электротехническое и насосное оборудование, кабельную и проводниковую продукцию, электромоторы, промышленные светильники и многое другое. Проблем с этим всегда было в избытке.

За день в столице удавалось проработать не меньше семидесяти самых разных вопросов. Даже на обед времени не оставалось, в лучшем случае, во время переезда с места на место съедал кусок варёной колбасы с батоном, купленные водителем.

На Белорусском вокзале, отстояв большую очередь, покупал билет в Минск. Ужинать было негде, разве что в станционном буфете, где кусочек холодной курицы стоил больше, чем дневные командировочные.

В Минск поезд прибывал в 5.20, а через двадцать минут отправлялся рейсовый автобус на Бобруйск. Билеты были раскуплены. Приходилось, как я уже рассказывал, обращаться к дежурной, «трясти» своей красной корочкой – удостоверением Владимирского облисполкома. Это всегда срабатывало безотказно. Вручив билет, дежурная сопровождала меня на посадку. Дав команду водителю открыть заднюю дверь, она

* Такой режим работы Госплана (с 8.30) и Главснаба (до 19.30) был введён из-за проблем с 8-часовым временным поясом на территории РСФСР.

За день в столице удавалось проработать не меньше семидесяти самых разных вопросов. Даже на обед времени не оставалось...

Во время каждой такой поездки нужно было иметь при себе больше двух десятков деловых писем, отпечатанных на бланках дирекции и адресованных в самые разные инстанции. Без них в командировках делать было нечего.

буквально впахивала меня в битком набитый автобус. Три с лишним часа до Бобруйска я ехал, стоя на подножке.

До конторы «Бобруйскдрева» можно было добраться городским автобусом за полчаса. В кабинете директора я появлялся около 10 утра. Едва завидев меня, Санчуковский откладывал все дела и начинал заниматься моими проблемами.

До 19 часов, когда уходил поезд на Минск, мне нужно было решить все вопросы с начальниками производственного, сметно-договорного и экономического отделов, с технологом «Белцеха», а начиная с 1975 года – с руководством и специалистами мебельной фабрики имени Халтурина. Ну, и наконец, чтобы подвести итоги, я снова встречался с Санчуковским. За два с лишним часа добравшись на электричке до Минска, я сразу спешил в кассу. Но на поезд Минск-Москва билетов никогда не было. Приходилось выстаивать длинную очередь в надежде сесть на проходящий поезд. Иногда это длилось до трёх утра.

После такого напряжения в поезде спалось плохо. Если не успевал в буфет, ложился голодный, и это была уже вторая ночь в поезде без ужина. А в это время мои коллеги по стройке приходили домой, ужинали в тёплой семейной обстановке, смотрели телевизор и спокойно ложились спать в мягкую постельку...

В 1975–1976 годах мне постоянно приходилось заниматься проблемами и в самом Минске. К примеру, в Министерстве лесной и деревообрабатывающей промышленности БССР я получал фонды на паркет, встроенную мебель, театральные кресла, фанерованные панели, а на фабрике мягкой мебели по моему заказу разрабатывали и изготавливали комплекты мебели для парадного вестибюля и холлов гостиницы. Приходилось бывать также в Витебске, где я заказывал удобные и практичные кресла «Двина» для гостиницы ГТК и гостиничного комплекса в Покровском монастыре.

Утром в Москве меня встречал водитель. Кое-как перекусив, мы ехали в Суздаль, заглянув по пути во Владимир. Едва появившись дома, я спешил на работу, где меня ждали очередные дела, накопившиеся за два дня моего отсутствия и, конечно, сотрудники дирекции.

За четыре с половиной года, с июня 1972 по ноябрь 1976 года мне пришлось выезжать в Белоруссию 29 раз, в среднем за два месяца – один раз. Не считая пребывания в Москве и Минске, на эти поездки было затрачено около сорока рабочих дней.

За время поездок в Бобруйск мне пришлось провести 56 ночей в поездах и десять раз ночевать в гостиницах, в общей сложности несколько

суток простоять в очередях за билетами, трое суток ехать от Минска до Бобруйска, стоя на подножке автобуса; постоянно ложиться спать без ужина, а утро встречать без завтрака.

За всё это время я получил от облисполкома в порядке поощрения одну премию в размере 100 рублей. Что касается командировочных (из расчёта 2 руб. 60 копеек в сутки), то за все дни пребывания в Бобруйске я получил не больше 90 рублей.

После этой информации так и хочется обратиться к читателю с вопросом: «Желающие есть?»

Но несмотря на огромные затраты физических и душевных сил, каждая такая поездка приносила мне удовлетворение от сознания выполненной работы и продвижения нашего дела к успешному финалу. Как ни покажется странным, но обо всех перенесённых тогда трудностях я впервые задумался только сейчас, когда писал эти строки.

Подводя итоги, скажу, что в результате моих поездок в Белоруссию мы получили с её предприятий:

1700 дубовых окон и дверей; около 40 тысяч фанерованных панелей, в том числе четыре тысячи – ручной работы для подвесного потолка вестибюля, и около четырёх тысяч уникального гонта из лиственницы для ресторана; свыше 40 километров дубовых и сосновых погонажных изделий; полный комплект корпусной, встроенной и мягкой мебели для гостиниц и общественных помещений ГТК и Покровского монастыря; 75 комплектов индивидуальной мебели на металлическом основании для вестибюля и холлов ГТК; 500 кресел для киноконцертного зала; около 120 кв. метров художественного паркета для каминного зала.

Общий объём этой продукции составил свыше 100 автофургонов.

Мне и сейчас трудно себе представить, каким бы стал наш комплекс, не будь там всех высококлассных изделий, которые мы получили из Белоруссии.

Было крайне неприятно, когда на вопрос руководства облисполкома: «А где Брунцев?» иные «благожелатели» отвечали: «Опять в свой Бобруйск укатил!»

На самом деле все эти многочисленные поездки в Белоруссию по нашим заказам и для оказания технической помощи бобруйским предприятиям составили не более шести процентов моего рабочего времени. Однако по результатам этих поездок видно, что они всегда окупались с лихвой.

Мне и сейчас трудно себе представить, каким бы стал наш комплекс, не будь там всех высококлассных изделий, которые мы получили из Белоруссии.

За четыре с половиной года мне пришлось выезжать в Белоруссию 29 раз.

Собор Покровского монастыря. Суздаль. Фото В. Брунцева. 70-е

АРХИТЕКТУРНОЕ ОЗАРЕНИЕ

При всём моём трепетном отношении к парадному вестибюлю главного туристского комплекса, когда дело пошло там полным ходом, я решил переключить внимание на наш киноконцертный зал.

С пианистом Святославом Теофиловичем Рихтером.
Фото Ю. Белова. 1978

Ясень не хуже ганского дерева

К слову, с подобного объекта – клуба на небольшой станции Тайнча Казахской железной дороги, где мне пришлось совмещать роли архитектора, инженера-конструктора и подрядчика, – начался мой путь в строителя гражданских сооружений. Вне стройки меня тоже всегда интересовало всё, что связано со сценой, отсюда – моё двадцатилетнее участие в художественной самодеятельности. Даже после окончания института как музыкант-любитель я постоянно выступал на праздниках во дворцах культуры и клубах Кокчетова, Муромы и Суздаля.

Летом 1975 года началась отливка гипсовых панелей подвесного потолка киноконцертного зала. Чтобы получить на них рельефную поверхность, плиты изготавливались в специальной заводской опалубке. Поскольку вес каждой был больше десяти килограммов, во все арматурные каркасы закладывались металлические крючья – за них плиты подвешивали к балкам потолка.

Стеновые панели и потолок киноконцертного зала ГТК. Конец 70-х

Чтобы обеспечить безопасность при использовании, каждое изделие испытывали на прочность крепления с семикратной нагрузкой. Для монтажа потолка в киноконцертном зале рабочие СМУ «Суздальстрой» установили сплошные леса.

После окончания монтажных работ и окраски панелей электрики Владимирского СМУ треста «Центроэлектромонтаж» во главе с прорабом Н. Л. Шишовым занялись разводкой медных проводов в потолочном пространстве.

Когда потолочные панели смонтировали и подвесили светильники, я занялся стенами. По проекту на их отделку шла вертикальная дубовая рейка, как в большом зале Кремлёвского Дворца съездов. Такие же стены я видел в середине шестидесятых во Дворце культуры Целинограда. Дубовую рейку, насколько мне было известно, закупают в Финляндии, чего на ГТК позволить себе не могли из-за отсутствия валюты.

И всё же мы с Ранинским решили попробовать облицевать стену дубовой рейкой, которую с большими потугами удалось заказать

на Владимирской музыкальной фабрике. Рейка оказалась просто ужасной, плохо обработанной. Когда её покрыли лаком, она ещё и оцетинилась – у неё поднялся ворс. Перед нами была не стена концертного зала, а захудалый забор!

Из книги Ю. В. Ранинского «Суздаль – туристский центр»:

«... Кривизна акустических боковых стен предопределила их облицовку вертикальной дубовой рейкой сложного профиля шириной 80 мм. Однако пробная облицовка нескольких метров стены показала, что принятое решение не обеспечивает необходимого архитектурного качества интерьера: рейка была неровной, из плохого материала, поэтому способ отделки был пересмотрен, и рейка заменена панелями...»

Я тайно стал вынашивать мысль: а не использовать ли для отделки стен зала возможности бобруйской мебельной фабрики? Белорусскими панелями, облицованными шпоном дуба, ясеня, красного дерева и даже карельской берёзы, можно было по-настоящему любоваться.

Однажды в отделочном цехе этого предприятия я увидел панели красновато-тёплого тона, оказалось, их необычный облицовочный материал был закуплен в далёкой Гане. Заказ предназначался для какого-то важного правительственного объекта.

Санчуковский, которого я посвятил в свои планы, не раздумывая согласился изготовить панели для нашего зала и предложил отделать их тонированным в красный цвет шпоном ясеня.

– Никто его не отличит от ганского дерева, – сказал он. – Колоды ясеня у нас есть, а заготовка шпона – дело обычное, мы его строгаем и лущим в огромных количествах.

Я позвонил Ранинскому, всё объяснил и попросил срочно приехать в Бобруйск.

И вот мы в отделочном цехе фабрики. Увидев панели, Юлий Владимирович откровенно обрадовался. Он тут же сделал расчёт: оказалось, для нашего зала нужно 800 панелей размером 60×150 см. Заказ был принят.

Домой мы возвращались в приподнятом настроении.

Стеновые панели и потолок киноконцертного зала ГТК. Конец 70-х

Киноконцертный зал ГТК. Современная фотография

В Суздале Ранинский подготовил для меня необходимые чертежи развёрток стен и, как всегда, выполнил акварельный эскиз. Наши прямоугольные панели отделялись теперь друг от друга сосновыми рустами светлого тона сантиметровой толщины. Красота!

Первую партию этих панелей мы получили уже через две недели и тут же опробовали их в деле. Конечно, ни в какое сравнение с дубовой рейкой они не шли. Но всё же нам показалось, что стена выглядит несколько монотонно – тонкие сосновые русты светлого тона не давали необходимой пластики. Нужно было искать какое-то дополнительное решение.

Как раз в это время была получена очередная партия алюминиевых витражей. Мы распаковали их и увидели витражные окна золотистого тона, предназначенные для стен внутреннего двора. Как же они были хороши!

Потолок киноконцертного зала ГТК

И вот тут мне пришла в голову идея: а что если наши панели отделить друг от друга золотистыми алюминиевыми профилями? Сочетание деревянных панелей насыщенного тёмно-красного тона с золотом представлялось идеальным.

Услышав об этом, Юлий Владимирович пришёл в полный восторг. И он решил не откладывать дела в долгий ящик – тут же взялся за проработку идеи.

К счастью, оказалось, что в спецификации алюминиевых конструкций, выпускаемых Видновским заводом, был подходящий профиль марки СПА-2169, выполненный в виде прямоугольной трубы. Его-то мы и выбрали вместо деревянного руста. Через час я держал в руках новый эскиз стены, сделанный Ранинским. Это было что-то потрясающее.

Теперь нужно было найти около тонны золотистого алюминиевого профиля.

«В маленьком Суздале – и вдруг синхронный перевод!»

Эта история коренным образом отличается от всех других, связанных с созданием главного туристского комплекса. Удалось сделать то, что даже не снилось авторам нашего проекта.

Как-то дома я смотрел по телевизору трансляцию одного международного мероприятия, проходившего в Кремлёвском Дворце съездов. Моё внимание привлекли наушники на головах людей. Благодаря им все понимали всех, на каком бы языке ни говорили выступавшие. От наушников тянулись провода к подлокотникам кресел, где находились какие-то чёрные коробочки. Так я впервые увидел устройство для синхронного перевода.

Тогда и возникла у меня дерзкая мысль: «А что, если и у нас в концертном зале установить такую штуковину? Благодаря этому устройству, мы сможем проводить у себя любые международные мероприятия! Это даст хорошую загрузку нашего комплекса даже в низкий туристский сезон».

Почему-то я решил, что в этой системе ничего особенного нет, её вполне можно будет изготовить на каком-нибудь военном радиозаводе – Муромском, например.

Для начала я обратился с этим предложением к Орлову – нужен ведь проект. Марк Артурович сначала возмутился: «О чём ты говоришь, мы никогда этим не занимались!» Но немного

подумав, изменил своё мнение: «Ты знаешь, а было бы совсем неплохо иметь в нашем зале такое оборудование. Это же мировая сенсация: в маленьком Суздале – и вдруг синхронный перевод!»

Получив принципиальное добро на воплощение этой идеи, я решил действовать. Первым делом хотелось понять, в чём суть этой системы. Надо во что бы то ни стало попасть в Кремлёвский Дворец съездов, но как? Помог Михаил Васильевич Посохин. Моя идея ему настолько понравилась, что он тут же позвонил директору Дворца и попросил познакомить меня с системой синхронного перевода.

Но оказалось, что никакой системы нет. Есть провода, кабели, наушники, микрофон и пластмассовые коробочки, посредством которых переключаются каналы языков и громкость звука. Дело оставалось за малым: выполнить проект, раздобыть необходимые материалы и всё смонтировать.

Валентин Александрович Крипайтис, заместитель министра промышленности средств связи СССР

Так сошлось, что в тот же день на одном из зданий я увидел вывеску, на которой значилось: «Министерство промышленности средств связи СССР». «Сюда-то мне и надо», – решил я.

В приёмной министра Первышина секретарь сказала, что Эрлен Кирикович в отпуске, и посоветовала обратиться к его заму Валентину Александровичу Крипайтису, курирующему работу всех военных радиозаводов страны.

Моему визиту Крипайтис был крайне удивлён. «Такую продукцию наше министерство не выпускает», – сказал он. Тогда я попросил его выделить мне инженера-радиота из министерства для изучения си-

стемы перевода в Кремлёвском Дворце съездов, где установлено венгерское оборудование. Через полтора часа мы уже вернулись обратно. Выслушав своего специалиста, Валентин Александрович сказал: «Хорошо, давайте попробуем, везите ваше письмо».

В следующий приезд в Москву я вручил Крипайтису бумагу за подписью председателя Владимирского облисполкома с просьбой изготовить для туристского центра систему синхронного перевода на пять языков. Для пущей важности вписал в текст, как мне казалось, весьма важную фразу: «В целях обеспечения возможности проведения в Суздале всевозможных международных мероприятий – съездов, конгрессов и совещаний...» Крипайтису это показалось более чем убедительным.

В тот же день вышло распоряжение министерства промышленности средств связи СССР, в котором ленинградскому заводу радиоприборов

Синхронный перевод

Участники Пятой генеральной Ассамблеи Международного Совета по вопросам памятников и достопримечательных мест. 1978

поручалось изготовление комплекта системы синхронного перевода для нашего турцентра.

В Ленинграде я заключил договор «на разработку проекта, изготовление необходимых приборов, заготовку кабельно-проводниковой и иной продукции, монтаж и наладку системы». Срок выполнения работ составлял полгода, а стоимость – 240 тысяч рублей. К тому же, удалось обойтись без валюты.

За это время наш институт составил проект пяти кабин для синхронных переводчиков, а строители выполнили все необходимые подготовительные работы.

Ещё через полгода установка синхронного перевода на пять языков, состоящая из пяти микрофонов, пятисот комплектов наушников и распределительных коробок, а также нескольких километров специального телефонного кабеля и проводов, была установлена и налажена.

Забегая вперёд, скажу: в первые же годы после открытия ГТК в нашем комплексе было проведено несколько грандиозных мероприятий, в числе которых были XI Генеральная конференция Международного Совета музеев, международная конференция министров культуры социалисти-

Участники XI Генеральной конференции Международного Совета музеев. 1977

ческих стран, Пятая генеральная Ассамблея Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) и многие другие.

Несколько штрихов

Газета «Суздальская новь» за 10 января в статье «Расти новостройкам в Суздале», опубликовала «Социалистические обязательства работников СМУ «Суздальстрой» на 1976 год», в которых говорилось:

«Коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих СМУ «Суздальстрой», идя навстречу XXV съезду КПСС, принимают на себя следующие социалистические обязательства.

1. Годовой план строительно-монтажных работ выполнить к 25 декабря 1976 года.
2. Вести производственные объекты: плавательный бассейн на 5 дорожек, ресторан на 514 мест, гостиницу на 430 мест, киноконцертный зал на 500 мест.

3. Повысить производительность труда к плану 1976 года на 0,5%.
4. Снизить себестоимость строительно-монтажных работ к плану на 5%.
5. Сэкономить строительные материалы и конструкции: металла – 10 тонн, древесины – 50 куб. м.
6. Сдать в эксплуатацию жилую площадь – 1100 кв. м.
7. Ввести детский комбинат на 140 мест.
8. Добиться снижения травматизма.
9. Добиться экономического эффекта от внедрения рацпредложений – 25 тыс. руб.
10. Для достижения более высокой организации труда внедрить бригадный подряд».

Как бывший прораб я не понимал, как может строительная организация обещать выполнить план к 25 декабря, снизить себестоимость работ на пять процентов и т. д., но такова была идеология того времени.

Всё это, конечно, хорошо. Но я как бывший прораб не понимал, как может строительная организация обещать выполнить план к 25 декабря, снизить себестоимость работ на пять процентов, сэкономить за год десять тонн металла и пятьдесят кубометров древесины, добиться снижения травматизма и запланировать экономический эффект от рационализаторских предложений, которые ещё даже не поступили на рассмотрение.

Но такова была идеология того времени.

Через три дня, 13 января, под шапкой «Обсуждаем проект ЦК КПСС к XXV съезду партии» в этой же газете была помещена развёрнутая статья главного инженера СМУ «Суздальстрой» Ю. В. Бурлакова «Каждая строка – в цель», в которой автор писал:

«Мы, строители, близко к сердцу приняли раздел проекта «Капитальное строительство». Из него видно, какие важные вопросы стоят перед страной в деле создания материально-технической базы коммунизма. Если учесть, что капитальные вложения в народное хозяйство за пятилетку вырастут на 24–26%, можно с уверенностью сказать: много новостроек появится и у нас в Суздале.

Ставится задача: «Продолжить техническое перевооружение строительных организаций, прежде всего, путём обеспечения их мощными высокопроизводительными строительными машинами и автотранспортом, повысить вооружённость рабочих механизированным инструментом и средствами малой механизации, значительно поднять уровень механизации основных видов работ в строительстве, особенно отделочных».

Приятно сознавать, что на помощь строителям придут средства малой механизации. Её эффективность рабочие познают на деле. Приведу пример. Чтобы отделать здание Главного туристского комплекса в Суздале требуется навесить 1500 дверей. Особенно трудоёмко крепить навески. Выход нашли благодаря применению электроотвёрток, которыми столяры ввёртывали шурупы. По сравнению с работой ручным инструментом сэкономлена масса времени, а производительность труда увеличилась в несколько раз.

По инициативе рационализатора Е. А. Черкашина механизирована врезка замков в двери. Он предложил способ, позволяющий повысить производительность труда вдвое. Если вручную столяр врезал за смену 4 замка, теперь врезают 8.

Внедряя научную организацию труда в строительстве, мы применили подачу раствора по шлангу. Только на цементной стяжке полов это сэкономило нам 150 человеко-дней, или 618 рублей затрат.

Проект к XXV съезду партии нацеливает нас шире внедрять новую форму хозрасчёта в строительстве – бригадный подряд.

Действительно, форма работы новая, перспективная, заслуживающая полного одобрения. В этом году по плану научной организации труда мы впервые решили применить и, конечно, внедрить в производство поточный бригадный подряд. От этого метода выигрывают и рабочие, и государство. Прогрессивная форма способствует, прежде всего, улучшению качества строительства, сокращению сроков сдачи объектов, повышает материальную заинтересованность рабочих. Договор, заключённый с бригадой строителей на поточный бригадный подряд, мобилизует людей трудиться с полной отдачей сил. Администрация стройки берёт на себя обязательство своевременно создавать фронт работ – проявлять заботу о материалах. В случае срыва – возмещает неустойку, т. е. ущерб за простой.

В разделе „Капитальное строительство“ намечается улучшить качество проектов и смет. Необходимость в этом огромна.

Дело в том, что проектно-сметная документация на тот или иной объект часто поступает недоброкачественной: многие виды работ оказываются непредусмотренными. В результате снижается качество строительства, сроки ввода объектов в строй затягиваются.

Много подобных примеров наблюдается при сооружении ГТК. По вине проектной организации в проектах зданий допускалось немало брака. Чтобы устранить его, приходилось вызывать

Я прочитал: в югославском городе Сплит на берегу Адриатического моря начато строительство туристского центра на 15 тысяч мест, и на первый заезд, – а это уже через полтора года, – все путёвки распроданы!

Владимир Иванович
Зайцев, главный
инженер УНР-672

авторов проекта или их представителей, вносить необходимые дополнения и поправки. На это уходило лишнее время, повышалась стоимость строительства. На этот счёт хотелось бы высказать такое предложение: повысить ответственность проектировщиков за качество проектно-сметной документации, виновных в недоделках строго наказывать. Дела в капитальном строительстве пойдут тогда лучше, а главное, повысится качество, уменьшатся затраты».

20 января 1976 года заведующий промышленно-транспортным отделом райкома КПСС В. М. Киселёв под рубрикой «Партийная жизнь» выступил со статьёй «Повышать эффективность», в которой писал:

«Коммунисты СМУ „Суздальстрой“ обсудили проект ЦК КПСС к XXV съезду партии на открытом партийном собрании. В обсуждении основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг. приняли участие инженерно-технические работники, прорабы, мастера, бригадиры.

Выступая на собрании, главный инженер Ю. В. Бурлаков отметил, что масштабы и темпы экономического развития во многом определяются темпами и качеством капитального строительства, эффективностью капитальных вложений.

Коллективу СМУ „Суздальстрой“ определён план строительно-монтажных работ на 1976 год в сумме 5 млн. руб. Главной задачей партийной организации является мобилизация строителей на завершение ввода ГТК, детского комбината на 140 мест и торгового центра на ул. Советской.

Участники собрания единодушно одобрили проект ЦК КПСС к XXV съезду партии, восприняли его как боевую программу на X пятилетку в развитии народного хозяйства».

Перечитал я эти публикации и невольно вспомнил небольшую заметку, опубликованную в одном из номеров журнала «Турист». В ней сообщалось, что в югославском городе Сплит на берегу Адриатического моря было начато строительство туристского центра на 15 тысяч (!) мест. Особенно поразила меня концовка: «... Через полтора года стро-

ительство комплекса будет закончено. Все путёвки на первый заезд туристским фирмам проданы».

Комментарии, как говорится, излишни.

23 января 1976 года состоялось очередное заседание исполкома Суздальского горсовета депутатов трудящихся, на котором был рассмотрен вопрос «О работе дирекции турцентра по подбору и подготовке кадров для объектов ГТК». С отчётом выступил начальник дирекции турцентра В. В. Молчанов.

После довольно бурного обсуждения этого вопроса, было принято соответствующее решение*, из которого следовало, что не только дирекции, а по сути, десяткам городских организаций следует немедленно взяться за подготовку самых разнообразных кадров – от администраторов гостиницы до поваров.

К лету 1976 года Житомирский камнеобрабатывающий комбинат по фондам дирекции отгрузил в адрес наших строителей больше полутора тысяч квадратных метров долгожданного лабрадорита. Прекрасный украинский камень предназначался для пола в вестибюле.

Чтобы декорировать это большое пространство, Ю. В. Ранинский решил применить латунные полосы толщиной 5 мм, которые укладывались между каменными плитами.

Укладку пола производили отделочники УНР-672, руководимые главным инженером Владимиром Ивановичем Зайцевым. Этот человек внёс большой вклад в наше общее дело: все штукатурные, малярные, кровельные и гранитные работы, включая облицовку стен вестибюля фельзитом и отделку фасада белым известняком, выполнялись под его руководством.

Что касается армянского фельзита вулканического происхождения, тут не требовалось никаких разрешений. Его через Министерство строительства СССР доставал в Армении заместитель начальника областного территориального управления строительства В. Н. Грамотов. Это камень мягких тонов с красивыми светло-коричневыми разводами. Единственный его недостаток – небольшая прочность. Мы получали ящики с фельзитом, а в них – половина боя. Так что, вместо 1100 квадратных метров, необходимых для облицовки стен вестибюля, нашим строителям пришлось дважды добиваться дополнительной поставки. На все запросы строителей комбинат отвечал: «Виновата железная дорога!»

* См. документ в главе «ГТК – АРХИВ», с. 524.

...Было ясно, что не только дирекции, а по сути, десяткам городских организаций следует немедленно взяться за подготовку самых разнообразных кадров – от администраторов гостиницы до поваров.

Город вышел на стройку

К середине 1976 года на всём пространстве ГТК работало не меньше тысячи человек. И не только строителей – руководство области привлекло к нашим работам многие промышленные предприятия, где были толковые специалисты: столяры, плотники, отделочники, электрики, сантехники, монтажники, наладчики. Многие рабочие собирали встроенные шкафы.

Теперь на нашем объекте часто появлялось областное начальство, например, зампред облисполкома Долгов.

Огромный объём работы предстояло выполнить в это время и сотрудникам турцентра. Только для оборудования жилых номеров нужно было разгрузить, распаковать, занести, собрать и расставить десять тысяч предметов мебели, сотни телевизоров, развесить портьеры и эстампы, прикрепить крючки для полотенец и всевозможные аксессуары. А сколько дел было в кухонных помещениях ресторана, в киноконцертном зале, в бассейне, где монтировалось и запускалось технологическое оборудование, в холлах, административных помещениях... Одних только штор на окна и занавесок в ванных нужно было повесить полторы тысячи! И во всём этом мне приходилось непосредственно участвовать...

Много времени уходило также на дела, связанные с проектно-сметной документацией, решением архитектурных и технических вопросов, поставками недостающего оборудования и материалов, заключением договоров на выполнение монтажа технологического оборудования и его наладки, участием в выполнении художественно-декоративных работ, не считая заседаний во всевозможных комиссиях и совещаниях.

К концу осени 1976 года все работы по ГТК заканчивались. Огромными партиями шли из Бобруйска последние панели для стен, потолков, лестниц, стоек администраторов, торговых прилавков, а также мебель для гостиничных номеров.

Наконец-то стал поступать лиственничный гонт, и началась сборка потолка в ресторане. Это было решение последней и самой трудной проблемы.

Уникальная конструкция крепления гонта была разработана Ю. В. Ранинским и Е. А. Черкашиным таким образом: для навески одного изделия двум рабочим требовалось затратить не более трёх минут. В результате, весь потолок, состоящий из пяти тысяч элементов и вклю-

чающий в себя монтаж самого гонта и обшивку наклонных балок панелями лиственницы, был собран довольно быстро. Для этого по инициативе Долгова на помощь строителям была направлена бригада квалифицированных рабочих Муромского завода имени С. Орджоникидзе, которые за короткий срок выполнили эту важную работу.

28 октября 1976 года прошла IX сессия исполкома Суздальского городского Совета депутатов трудящихся 15 созыва. Одним из основных вопросов повестки дня был отчёт о работе дирекции турцентра по подбору и подготовке кадров ГТК накануне ввода в эксплуатацию. С докладом по данному вопросу выступил депутат 28 избирательного округа, генеральный директор турцентра В. В. Молчанов*.

*Избы-гостиницы
Покровского
монастыря*

Что такое рубить «под струнку»?

Как уже говорилось, кроме главного туристского комплекса и туристской базы ВЦСПС в Спасо-Евфимиевом монастыре, планировалось создать гостинично-музейный комплекс в Покровском монастыре на 150 мест. Сюда входили: гостиница в бывшем Инвалидном доме, гостиницы в рубленых домах, ресторан в здании трапезной и концертный зал в помещении Собора. Финансирование этого объекта шло за счёт средств «Интуриста».

В семидесятых годах на территории Покровского монастыря располагалось около пятнадцати старых домов, в которых некоторые семьи жили на протяжении нескольких веков. При всех домах были

* Стенограмму его выступления см. в главе «ГТК – АРХИВ», с. 528.

Покровский
монастырь. Суздаль.
Фото В. Брунцева.
1976

огороды, садики с фруктовыми деревьями и ягодными кустарниками.

К работам по этому комплексу мы приступили ещё в 1972 году. Для начала нужно было решить две сложных проблемы. Первая: люди, проживающие на территории монастыря, отказывались покидать свои обжитые дома и переезжать в посёлок, как они говорили, «на панельные». С этим можно было справиться, только приняв специальное решение горисполкома – сопротивляться советской власти было бесполезно.

Вторая проблема заключалась в том, что и строители, и реставраторы напрочь отказались заниматься изготовлением рубленых домов-гости-

ниц (15 одиночных и сблокированных в группы срубов). Говорили, мол, это не наш профиль. Тем более что по проекту брёвна должны быть чётко откалиброваны под диаметр 30 сантиметров и иметь самую высокую степень качества.

Пришлось взять решение этой задачи на себя. Первым делом я обратился к Зенковичу, и Владимирский облисполком обязал три леспромхоза изготовить по одному пробному срубу. И что же получилось? Обычные срубы из едва ошкуренных, разных по диаметру брёвен! Ничего другого тамошние плотники, видно, делать не умели.

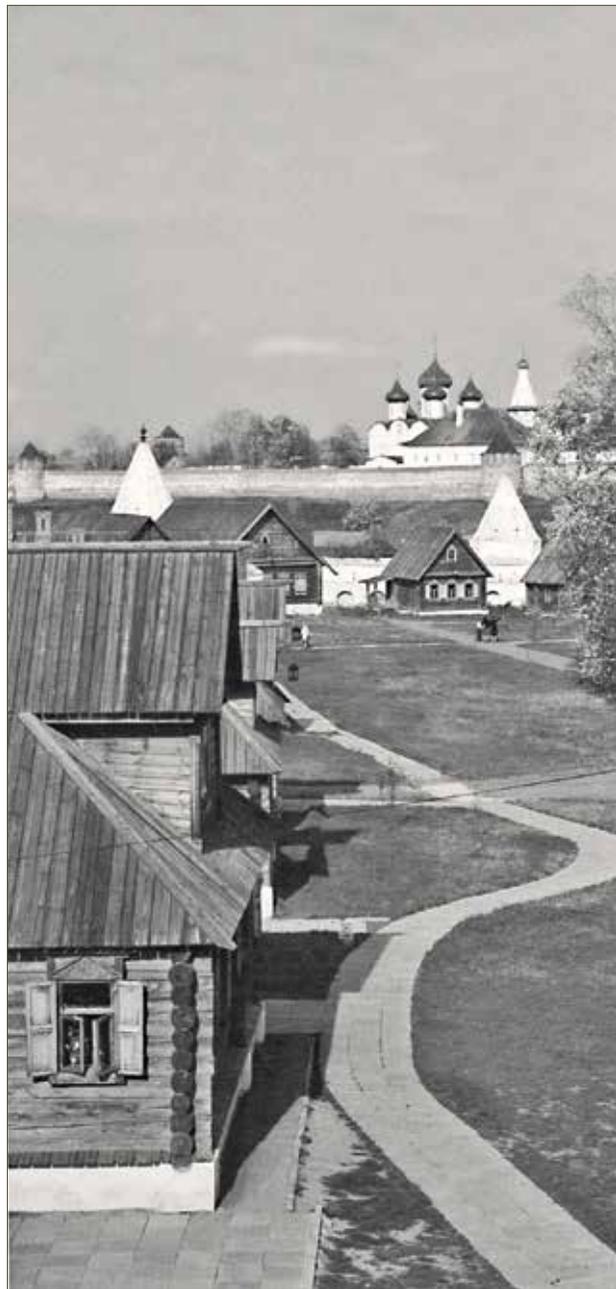
По слухам, в Шатурском районе Московской области жили целые династии знаменитых коробовских плотников. Я поехал туда. Мастера там действительно оказались классные. Но первые же вопросы прораба Б. А. Архарова меня озадачили. «Где мы будем жить?.. Где будем питаться?.. Кто нам будет платить и сколько?.. Кто станет выбирать в лесу и подтаскивать нам деревья?.. Вы знаете, что такое рубить «под струнку»?» Конечно, я не знал. Оказалось, это значило доводить бревно с помощью рубанков и тонкой проволоки до состояния, напоминающего круглый карандаш... От коробовских плотников пришлось отказаться. Было ясно, рубить «под струнку» – дело непростое. Кто же станет делать такую работу по обычным расценкам? Это стоит других денег. Пришлось вернуться к варианту с леспромхозами Владимирской области.

Решил поехать в Меленковский леспромхоз, где работал, как мне показалось, наиболее продвинутый директор. Дал задание – изготовить одиночный сруб с высоким качеством, гарантировал оплату по составленной леспромхозом и утверждённой мной калькуляции. Через месяц-полтора сруб был готов, я поехал на его приёмку, для пущей важности пригласив из Москвы автора проекта гостиниц Покровского монастыря Д. С. Витухина. Впечатление от работы меленковских плотников превзошло все наши ожидания. Качество было идеальным. Правда, оказалось, что зарплата четверых плотников превышала расценочную в три раза, хотя на душу выходило не так уж много – по 200–250 рублей в месяц. Калькуляцию я подписал незамедлительно, работа того стоила.

На следующей неделе этот сруб как образец был представлен директорам семи леспромхозов области, которые «за такие деньги» гарантировали выполнить работу ничуть не хуже.

На выселение жителей из монастыря ушло больше года. Больно уж не хотелось им покидать свои насиженные места и расставаться с огородами, где росли знаменитые суздальские огурцы. Помню случай, когда один человек лёг под бульдозер, не давая сносить свой ветхий дом.

*По слухам,
в Шатурском
районе Московской
области жили
целые династии
знаменитых
коробовских
плотников.
Я поехал туда.*

462

Тем временем все 15 срубов были изготовлены и установлены на фундаменты, залитые рабочими СМУ «Суздальстрой».

Оплату леспромхозам произвели по сметам института с учётом оплаты труда плотников по утверждённой мной калькуляции.

Вслед за этим приступили к работам суздальские реставраторы, которые должны были собирать перекрытия, устраивать двухскатные кровли с дымоходами, стелить полы, изготавливать оконные и дверные блоки, а также резные наличники. При этом развёрнутая площадь всех дымоходов составляла 120, а объём резьбы по дереву – 280 квадратных метров. На выполнение всех этих работ, руководил которыми начальник участка Михаил Михайлович Шаронов, потребовалось больше двух лет.

А в это же время в столярном и кузнечном цехах Владимирских научно-производственных реставрационных мастерских делали дубовые кровати, прикроватные тумбочки, столы, стулья, табуретки, широкие лавки, различные полочки и шкафчики, шторные карнизы – всё «под старину», изготавливали из воронёной стали декоративные светильники, дверные и оконные ручки.

Все возникающие по ходу дела вопросы обычно решали с директором мастерских А. М. Роциным и главным архитектором И. А. Столетовым, а иногда приходилось обращаться

к опытным московским проектировщикам – архитектору Д. С. Витухину и конструктору мебели Е. С. Бочаровой.

Опять мне пришлось заниматься проблемой поставки дуба и опять – через СЭВ. Не считая медных проводов, розеток, выключателей, электросчётчиков, вентиляторов, сантехнических приборов и облицовочной плитки для санузлов, за дирекцией значилась даже поставка металла и комплектующих изделий для изготовления декоративных светильников и фонарей.

Мягкие элементы роскошных дубовых кресел «Двина» надо было закупать в Витебске.

Непростым оказалось и оснащение жилых номеров. Пришлось искать мастериц, умеющих ткать коврики и половики. Даже найти ткани для покрывал и занавесок, соответствующих нашим интерьерам, было не так-то просто. По совету известного московского специалиста по декоративно-прикладному искусству профессора Сергея Митрофановича Темерина, чтобы заказать их, мне пришлось выехать в город Елань-Колено Воронежской области.

К концу 1978 года были закончены реставрационные работы в гостинице бывшего Инвалидного дома. Мебель для неё произвели Бобруйск и Витебск, керамические изразцы для бара, расположенного в подвале,

На фотографиях:

Деревянные
избы-гостиницы
Покровского
монастыря

Трапезная палата
с Зачатьевской
церковью (1551 г.)

Ресторан в бывшей
монастырской
трапезной

463

изготовили известный московский художник Юрий Николаевич Капустин. Посетители потом с интересом разглядывали длинную кованую люстру, свисающую над узкой лестничной клеткой.

Закончилась реставрация интерьеров бывшей трапезной, приспособленной под ресторан на 60 мест. Там, как и в кафе мотелей, было установлено импортное кухонное оборудование. Украшением обеденного зала стали огромные кованые люстры и специально сработанная мебель – дубовые столы и скамьи.

И хотя я был занят на главном туристском комплексе и других объектах турцентра, все работы по Покровскому монастырю вёл сам – доверить такое многосложное дело в дирекции было некому. Должен сознаться, всё это доставляло мне настоящее удовольствие.

Открытие гостиничного комплекса в Покровском монастыре состоялось лишь в 1979 году. Туристы, особенно иностранцы, были в полном восторге.

Сейчас этот объект передан в распоряжение Русской православной церкви. К моему великому сожалению, до сих пор так и не выполнены работы по устройству в Соборе концертного зала, предназначенного для исполнения духовной хоровой музыки. А я так об этом мечтал...

*Приёмка готовых срубов.
Второй справа –
В. А. Брунцев. 1974*

Как Герасимов решил снимать «Юность Петра»

А теперь мне хочется рассказать одну любопытную историю, связанную с Покровским монастырём. В 1977 году коллектив авторов и строителей Главного туристского комплекса был выдвинут на соискание Государственной премии СССР. В центральной и местной прессе об этом много писали, и все до одного авторы были единодушны: поддержать!

Для рассмотрения этого вопроса 2 февраля 1978 года в Суздаль – на выездное заседание комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР – прибыла представительная делегация, в составе которой было много известных деятелей культуры. Среди них – известный кинорежиссёр С. А. Герасимов с женой, народной артисткой СССР и тоже членом этого комитета Т. Ф. Макаровой. После официальной части все разъехались на экскурсии. В нашей компании, кроме Герасимова и Макаровой, были учёный секретарь комитета И. И. Васильев, секретарь В. В. Побуковская, главный архитектор ГТК Ю. В. Ранинский, трое членов творческой группы Герасимова и вездесущий журналист,

Гости Суздаля.
Справа налево:
кинорежиссер
С. А. Герасимов,
учёный секретарь
Комитета по Ленин-
ским и Государственным
премиям СССР
И. И. Васильев,
актриса Т. Ф. Макарова,
В. А. Брунцев
и секретарь Комитета
В. В. Побуковская.
Фото Ю. Белова. 1978

летописец Суздаля Ю. В. Белов. Мы много ездили по городу, фотографировались.

Вечером Сергей Апполинарьевич и Тамара Фёдоровна засобирались домой, но мне удалось уговорить их остаться.

Почему-то хотелось показать им Покровский монастырь, где реставраторы уже приступили к отделочным работам. Когда мы подъехали к входу, Сергей Апполинарьевич первым вышел из машины и быстрым шагом направился вперёд.

Вдруг он просвистел какую-то весёлую мелодию.

– Что-то придумал, – улыбнулась Тамара Фёдоровна. – Серёжа, что опять придумал? – спросила она мужа.

– Петра будем снимать здесь! – заявил, словно отрезал, режиссёр.

Шедший сзади художник заметил:

– Сергей Апполинарьевич, окна-то для того периода великоваты...

– Ничего, «намордники» наденем, – ответил Герасимов.

Приятно было осознавать, что я оказался причастным к нахождению режиссёром С. Герасимовым ещё одной видовой площадки для съёмки известной его киноленты «Юность Петра».

«Занимательные» объекты

В 1975 году мы начали подготовку к строительству довольно сложных и необычных для нашей страны объектов – предприятий «занимательного питания» на улице Старой и кустарно-ремесленных мастерских в Ризоположенском монастыре.

Уже была готова необходимая проектно-сметная документация, авторами этих проектов были В. И. Косаржевский и К. П. Вишницкий.

Под объектами «занимательного питания» подразумевалось создание мелких, на десять-пятнадцать мест, трактиров, чайных, квасных, медовушных, бубличных, рыбных и колбасных заведений. В конце Старой улицы, на которой они все должны были размещаться, планировалось устроить ещё и опохмелочную. Все эти трактиры и лавки нужно было оснастить кухонным оборудованием и соответствующей мебелью.

В планах было и создание торгово-ремесленного комплекса, где чуть ли не на глазах у туристов должны были делать сувениры с изображением Владимиро-Суздальских памятников.

Декорации,
построенные
для съёмок фильма
«Юность Петра»

Тут тебековка, чеканка, травление, гальванопластика, плетение из соломки, бересты, прута и лыка, выдувание стекла, изготовление гончарных изделий, резьба по дереву, вышивание, создание народных костюмов...

В Суздале было несколько уникальных личностей, готовых не только принимать участие в создании этих лавок-мастерских, но и работать там. Например, мастер кузнечного дела Вячеслав Басов, возродивший процесс изготовления булатной и дамасской стали и братья гончары Зинины.

Была надежда и на выпускников художественных училищ, своего и бобруйского.

На очереди находился ещё один интересный объект – Ямской двор с рестораном и каретным сараем. Проектно-сметная документация по нему давно уже пылилась в дирекции. Автором проекта этого интересного комплекса был архитектор Эдуард Яковлевич Биксон, уже знакомый нам по мотелям.

И это ещё не всё. Старинное развлечение – катание на русских тройках – должно было стать хорошим подспорьем для туристского бизнеса.

Однако жизнь рассудила по-своему. Как и в Покровском монастыре, большой проблемой здесь стало переселение жителей с насиженных мест.

Так что, многие наши «занимательные» объекты остались только на красивых эскизах и чертежах.

А жаль...

Невоплощённая идея

Когда я был в Венгрии, то обратил внимание на множество подсвеченных ночью памятников архитектуры, скульптур и целых архитектурных ансамблей. С тех пор эта тема не давала мне покоя: «Хорошо бы сделать подсветку всех памятников Суздаля...» М. А. Орлов и председатель горисполкома А. М. Думов эту идею одобрили.

Предварительные расчёты показали, что для разработки такого проекта требовались лимиты проектных работ в объёме не менее 35 тысяч рублей (по сегодняшним меркам – 15–20 млн. руб.) Как быть? Заказать эти лимиты на наш институт обычным порядком не получится – нет такого объекта в титульном списке по турцентру.

Я решил действовать по принципу: главное, ввязаться в бой. Обратился в Госплан РСФСР, но, несмотря на хорошие деловые отношения с руководством отдела культуры, сразу решить эту проблему не получилось – объём лимитов был довольно велик. Правда, начинание моё получило поддержку, дело, мол, хорошее.

Через год необходимые лимиты нам выделили, и эта работа была включена в план института на 1975 год. Но всё оказалось не так-то просто. Для института это дело новое, нужно было досконально изучить все соборы, монастыри и церкви города, всё заснять на камеру, сделать множество эскизов, а по многим объектам даже подготовить макеты.

Кузнец Вячеслав Басов. Суздаль.
Фото В. Брунцева.
1979

Трудность была и в выборе схем прокладки кабельных трасс, ведь в исторической части древнего города при разработке траншей под укладку кабелей требовалось участие археологов, работу которых кто-то должен оплачивать.

Наконец проект был получен и согласован со всеми коммунальными службами города.

Тут новое осложнение – нужно где-то добыть 110 километров тонкого электрического кабеля и 1100 специальных прожекторов. Эту задачу удалось решить благодаря дружеским связям на Кольчугинском кабельном заводе и в Госнабсбюро СССР.

Монтажное управление наотрез отказалось выполнять копеечную работу по ручной разработке ста километров траншей, где каждый сантиметр трассы должен «прощупываться» археологами. Одновременно появилась ещё одна проблема: кто будет платить за свет? Ведь за год натечёт кругленькая сумма...

Помните мой девиз? Неразрешимых проблем нет. Вопрос оплаты решился в облисполкоме: деньги можно будет

выделять городу – это их объекты. Оставалась проблема с траншеями. Но и на этот раз мне повезло. Я вообще везунчик...

Как-то я познакомился в Коврове с командиром дивизии генералом С. Арутюновым и пригласил его с женой в Суздаль. Им понравилось. Тогда я предложил генералу посылать к нам на экскурсию солдатиков, например, целым взводом по – по 25–30 человек. Но не задаром, сначала пусть выкопают 250–300 метров траншеи (из расчёта 10 метров на человека). А уж потом могут пообедать в столовой за счёт наших строителей и экскурсию посетить. Попробовали. Получилось.

Вот так за месяц и прокопали траншею к Покровскому монастырю, а это больше километра. Наши электрики, как и положено, засыпали дно песком,

потом уложили кабель, сверху застлали красным кирпичом, а потом заровняли траншею бульдозером.

Кабель подвели к собору Покровского монастыря, где установили металлические конструкции для прожекторов. Оставалось только подключить его к трансформаторной подстанции да установить прожекторы. К сожалению, в это время меня перевели на другую работу, и вопрос с подсветкой памятников архитектуры Суздаля «приказал долго жить».

Дорогой Сурен Ефремович

Среди наших доброхотов я хочу выделить ещё и заместителя министра торговли РСФСР (а с 1978 года – замминистра торговли СССР) Сурена Ефремовича Саруханова. С ним ещё в первый год моей работы в Суздале познакомил меня начальник «Росхозторга» В. Г. Козельков. Мы как-то сразу приглянулись друг другу. Каждое моё появление в его кабинете начинались кавказским приветствием: «Заходи, дорогой! Какие проблемы? Сейчас всё решим!»

И правда, в этом кабинете были решены многие проблемы. Но об одном случае хочу рассказать особо. Речь пойдёт о ткани для портьер и покрывал.

Заявка дирекции на этот материал была подана в Главснабсбыт РСФСР заранее – ещё осенью 1975 года, ведь получив ткани, нужно было успеть сшить 600 портьер и 430 покрывал для кроватей. Через пару месяцев из Ростекстильторга сообщили, что нам «по-дружески» выделены фонды на пять тысяч метров лучших в стране шёлковых тканей производства Черкасского шёлкового комбината.

Будучи в Москве, я забежал в Минторг РСФСР, где находилось это министерское ведомство. Судя по образцам, выделенный нам шёлк был довольно красивым, но тонковатым. Мне же всегда нравились тяжёлые портьеры. Оказалось, такой материал выпускал единственный в нашей стране Красноярский шёлковый комбинат. Когда я увидел их образцы, то просто заболел этим шёлком. Красноярские набивные ткани отличались невероятной красотой и солидностью. Однако они шли только на экспорт, в правительственные учреждения да в какой-то цеховский магазин. Случайно я узнал, что их распределением занимается лично Саруханов. Это меня обрадовало.

Но не тут-то было. «Дорогой, об этом не может быть и речи, – сердечно сказал Сурен Ефремович. – Мы еле-еле справляемся с экспортом, к тому же, этот комбинат несколько месяцев был на реконструкции, у них

Сурен Ефремович Саруханов, замминистра торговли РСФСР

проблемы с выполнением годового плана. Давай, мы тебе любой другой шёлк дадим...» Но никакой другой мне не был нужен, только красноярский.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Через месяц-другой сдался мой Сурен Ефремович, очень уж хотелось ему помочь Суздаляю. «Давай попробуем, дорогой, – сказал он. – Дам тебе фонды на эту ткань и письмо Минторга об отгрузке её за счёт выпуска комбинатом сверхплановой продукции. По-другому никак. Хотя всем известно, что план их под угрозой срыва. Остальное зависит от тебя... Там всем заправляет Нина Даниловна Озерова, депутат Верховного Совета. Передай ей большой привет».

С этими документами, невероятно счастливым, я покинул здание Минторга. Теперь мне предстояла дальняя поездка в Красноярск.

Во многих делах помогал нам Сурен Ефремович, всего и не упомнишь. Каким-то чудом у меня сохранилось его письмо, адресованное мне. Текст этого небольшого доку-

мента красноречиво говорит о тех колоссальных возможностях, которыми мы располагали в то время*.

Не могу не сказать о том, насколько скромным был этот человек. Я много раз наблюдал, когда принесённые ему подарки он тут же отдавал секретарше. «Нам тут кое-что подарили, – говорил он смущённо, – раздайте по отделам».

Довелось мне побывать и в его довольно скромной квартире. Первый раз мы заезжали «перекусить». Кроме гипсовых карнизов на потолке, я там ничего «криминального» не увидел. Второй раз я был в этом доме два года назад, когда брал фотографию Сурена Ефремовича у его вдовы. Жила она в бедности, на маленькую пенсию, выходила из положения только за счёт помощи внучки, работающей в какой-то солидной фирме.

Несмотря на своё высокое положение и многолетнюю работу в торговле, капиталов Сурен Ефремович не нажил, зато прожил честную жизнь. Светлая ему память.

* См. письмо в главе «ГТК – АРХИВ» на с. 527.

Готов открыть тайну

Теперь расскажу одну уникальную историю из жизни Суздаля, которая не только для его жителей, но и для местного начальства прошла как-то тихо и незаметно.

По работе мне часто приходилось общаться с нашими реставраторами. Я был хорошо знаком с директором Владимирских научно-производственных реставрационных мастерских Анатолием Макаровичем Роциным, главным архитектором Игорем Александровичем Столетовым и местным прорабом Михаилом Михайловичем Шароновым. Достоянные были люди. Ещё в 1972 году мы начали многолетнее сотрудничество по созданию гостинично-музейного комплекса на территории Покровского монастыря. Я знал, что главной проблемой реставраторов того времени был дефицит у города финансовых средств.

В начале 1975 года это подтвердил в нашем разговоре и председатель Суздальского горисполкома Анатолий Максимович Думов. Он посетовал, что на реставрацию торговых рядов*, состояние которых было тогда просто удручающим, выделяется крайне мало денег. Это полуразрушенное здание в самом центре города было для всех, словно бельмо на глазу.

Хозяину города хотелось, чтобы торговые ряды были готовы как можно скорее, ведь их рабочие площади составляли больше пяти тысяч квадратных метров. Они нужны были для торговли, для ресторанов и кафе, да мало ли ещё для чего!

К тому же, не за горами был запуск главного туристского комплекса, а значит, резкое увеличение потоков иностранных и отечественных туристов, приезжающих не на день, как раньше, а как минимум на два-три дня, чтобы спокойно посетить выставки, побродить по магазинам в поисках сувениров, посидеть в ресторане.

Оказалось, что для завершения всех работ по реставрации торговых рядов по смете требовалось не менее двух миллионов рублей, а фактически на это выделялось всего по 240 тысяч рублей в год. Было ясно, что при таком финансировании работы затягиваются на десять лет! Я считал, что это позор не только для нашего города, но и для страны. И захотелось мне каким-то образом помочь решить эту проблему. Ведь я понимал, что турцентр, как градообразующее предприятие, от города неотделим. Как

* Торговые ряды – первое городское сооружение в стиле ампира, построенное в начале девятнадцатого века по проекту губернского архитектора Алексея Вершинского.

Игорь Александрович Столетов и Михаил Михайлович Шаронов

и Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В Суздале и сам город, и музей, и турцентр – это единый организм, в котором всё должно быть взаимосвязано.

И вы знаете, что я придумал? Профинансировать реставрацию торговых рядов за счёт дирекции турцентра, ведь нас-то в деньгах не ограничивали. Ежегодное освоение средств по ГТК составляло в те годы солидную сумму – по 6–7 миллионов рублей, но из-за невыполнения плана нашими строителями часть денег возвращалась в бюджет.

Мой план был предельно прост: наши специалисты в течение года ведут полным ходом работы по реставрации гостиного двора. Благо, что расходными материалами служат кирпич, металл, пиломатериалы, штукатурный раствор и окрасочные составы, с которыми проблем нет. Что касается окон и дверей, то их реставраторы изготавливают в собственных мастерских. Основной затратной составляющей у них является зарплата.

В последние дни года мы включаем реставрацию этого объекта в титульный список турцентра, через местную контору Стройбанка оплачиваем реставраторам все выполненные

за год работы, после чего этот объект из нашего титула исключается! Как говорят: и концы в воду! Выражаясь современным языком, это объект-однодневка. На следующий год повторяем то же самое. Таким образом, с этой задачей можно было справиться всего за два года вместо десяти! Хотя это было бы крупным нарушением финансовой дисциплины, если не махинацией...

Чтобы решить эту задачу на официальном уровне, я обратился к своему шефу Зенковичу. Александр Андреевич как человек деловой мою идею сразу одобрил. По его распоряжению было созвано совещание, на которое пригласили председателя горисполкома А. М. Думова, управляющего Владимирской областной конторой Стройбанка В. А. Соловьёва, директора Владимирских научно-производственных реставрационных мастерских, подрядчика этих работ А. М. Рощина и уполномоченного Суздальского

пункта Стройбанка СССР А. Я. Комарова. С моим предложением все согласились.

Таким образом за два года были выполнены и оплачены все реставрационные работы, а в скором времени в торговых рядах открылось несколько магазинов, в том числе «Берёзка». Вот так удалось решить одну из важнейших проблем города.

Теперь эту тайну можно и открыть.

Должен сказать, что городские руководители нередко обращались к нам в дирекцию с просьбой помочь с технологическим оборудованием, мебелью и некоторыми материалами, в основном, электротехнического назначения. Например, к 950-летию Суздаля мы выделили городу несколько километров электрокабеля и 300 светильников марки «Александровский сад», полученных с предприятий Моссовета.

Торговая площадь в начале XX века. Почтовая открытка

От Закарпатья до Восточной Сибири

В 1976 году на плечи наших субподрядных специализированных организаций лёг огромный объём работ по монтажу всевозможного технологического оборудования.

В плавательном бассейне предстояло провести монтаж и наладку десятков единиц различных насосов, вентиляторов, калориферов, электроприборов, оборудования химводоочистки, хлорирования, обеззараживания и подогрева воды. Там нужно было оборудовать и небольшую химическую лабораторию. Эти работы выполняли «Севсантехмонтаж», «Центроэлектромонтаж» и «Промвентиляция».

В киноконцертном зале все работы вели монтажники областного управления кинофикации, они должны были смонтировать и наладить сценическое и звукозаписывающее оборудование, киноустановку, механизмы подъёма антрактного занавеса и такой части театральной декорации, как задник.

Но больше всего работы было в ресторане, кафе и барах, там нужно было смонтировать и установить не одну сотню единиц кухонного, холодильного и барного оборудования. Это были варочные котлы, жарочные плиты, сушильные шкафы, морозильные камеры, вентиляционные отсосы, оборудование барных стоек и многое, многое другое. Нужно было установить и лифты-патерностеры*. Всем этим занимались тресты «Росторгмонтаж» и «Союзлифтмонтаж».

Кроме технологического оборудования, здесь требовались мебель и кухонный инвентарь. Только в ресторане числилось больше 700 единиц оборудования и хозяйственного инвентаря. Всё это наша дирекция получала из десятков разных городов страны – от её западных границ до Красноярска. Возьмём поставку технологического оборудования для пункта комбината бытового обслуживания – швейных машин, гладильных прессов, парогенераторов, машин для отделки и ремонта обуви, специальных столов и стульев. Оно было получено из пятнадцати городов Советского Союза, в том числе таких отдалённых, как Первоуральск, Иссык-Куль, Махачкала...

Двенадцать кресел

Осенью 1976 года мне позвонил мой друг Игорь Павлович Шувалов, начальник базы «Росторгоборудование», и сообщил, что получил довольно большую партию вращающихся финских кресел «Аполло».

– Я здесь работаю уже много лет, но такой красоты в жизни не видал, – сказал он. – Тебе эти кресла как раз подойдут в каминный зал. Срочно иди к Ампилогову.

Ампилогов был начальником главка. Правда, Шувалов посоветовал сначала зайти к начальнику мебельного отдела Надежде Александровне Кущевой, начальнику мебельного отдела: «Она тебе всё покажет, а там уж действуйте вместе. Предупреждаю, Ампилогов – очень сложный человек, этакий барин».

Через пару дней я был в Москве. На этот раз вместо того, чтобы начать с Госплана, я решил заняться финскими креслами. Оказалось, на эту мебель много желающих, особенно в правительственных санаториях.

Мой визит в Союзторгоборудование – длинная история, длиной в целый день. Когда я увидел вращающиеся да ещё откидывающиеся кресла

* Непрерывно движущийся лифт с кабинами без дверей.

С Игорем Павловичем Шуваловым – начальником базы «Росторгоборудование» (в центре) и Михаилом Григорьевичем Графским – директором совхоза «Племзавод „17 МЮД”»

из чёрной кожи, то забыл про всё – про Госплан, Минторг и Минкультуры, даже про свой проектный институт. Короче говоря, Ампилогов дал мне сначала два кресла, потом ещё два, а к обеду – ещё два. Итого – шесть. Но мне этого было мало, нужно двенадцать.

И решил я подключить тяжёлую артиллерию. Сначала Ампилогову позвонил Шувалов, потом замминистра торговли РСФСР Саруханов. Бесплезно. Оказывается, всё уже заранее расписано. А помогла мне Надежда Александровна Кущева, старейшая сотрудница главка – всё-таки «добили» мы с ней Ампилогова! «Ну, если такая женщина, как Надежда Александровна просит, я не могу отказать», – вздохнул начальник главка, подписывая распоряжение.

К вечеру у меня были документы на двенадцать кресел, которые на следующий же день отправились в Суздаль. Ампилогов так и сказал: «Забирай скорее, пока я не передумал!»

Прошло много лет, но я до сих пор вспоминаю: не было ни одного гостя, даже самого высокого, включая министров, который не повращался бы в этом кресле. И все испытывали при этом просто райское

Валентин Никитич Маркин, начальник областного управления территориального строительства «ГлавВладимирстрой»

наслаждение. Но особенно полюбились эти кресла нашему знаменитому композитору Никите Владимировичу Богословскому.

Все нити сходились к заказчику

1976 год был самым напряжённым этапом строительства ГТК. На этом пусковом объекте работали больше тысячи человек из десятков строительно-монтажных организаций и пусконаладочных управлений Владимира и Суздаля. Силами специалистов 94-го треста, в том числе СМУ «Суздальстрой», широким фронтом велись общестроительные, штукатурные, малярные и столярные работы.

Параллельно с ними делали своё дело электрики, сантехники, слаботочники и вентиляционщики «Владспецстроя», специализированные организации монтировали тех-

нологическое оборудование в ресторане, бассейне и комбинате бытового обслуживания. Как всегда, суетились бригады, мастера и прорабы...

Из руководителей строительных организаций часто можно было видеть здесь начальника СМУ «Суздальстрой» И. С. Войцеховского и его главного инженера Ю. В. Бурлакова, главного инженера УНР-672 В. И. Зайцева, начальника ВМУ «Центроэлектромонтаж» К. Н. Сайгака, начальника ВМУ «Сантехмонтаж» С. М. Ключкина и, конечно же, деятельного и вездесущего управляющего 94-м трестом Г. П. Артюшенко.

В порядке авторского надзора почти ежедневно бывали на объекте десятки проектировщиков из Москвы. Архитекторы, специалисты по инженерным системам и сценическому оборудованию киноконцертного зала, инженеры-технологи. Ну, а самыми востребованными, конечно, были сметчики во главе с начальником отдела Л. П. Зуевым.

Практически безвылазно на стройке находились главный архитектор проекта Ю. В. Ранинский, куратор объекта архитектор В. М. Зеликин и постоянный представитель института в Суздале, главный инженер проектов турцентра А. В. Дмитриев.

Ежемесячно приезжали руководители института – автор проекта М. А. Орлов и главный инженер В. И. Лепский, по ходу решая сложные вопросы. Время от времени на стройке появлялись председатель облисполкома Т. С. Сушков, его заместитель В. В. Долгов, начальник областного управления строительства В. Н. Маркин и его заместитель В. Н. Грамотов.

С началом весны, когда строители ССМУ-6 во главе с его начальником А. Д. Денисенко приступили к благоустройству, на стройке стал появляться В. И. Косаржевский, автор проекта благоустройства и озеленения ГТК.

Все совместные действия сопровождались совещаниями и ежедневными планёрками, на которых рассматривались сотни вопросов. Работы хватало всем. В этот пусковой период все нити, связывающие воедино организации, принимающие участие в строительстве ГТК, сходились к заказчику – дирекции по строительству турцентра. На стройке её представляли всего два человека – главный инженер дирекции и инженер по техническому надзору А. Г. Зиняков, непосредственно следивший за качеством всех выполняемых работ.

Первый фильм о ГТК

11 августа 1976 года сотрудник газеты «Строитель» Л. Пугачёва в корреспонденции «Фильм о Суздале» сообщила читателям:

«По заданию Министерства строительства СССР в Суздале начались съёмки цветного документального фильма, рабочее название которого – „Золотое кольцо России“. Основой фильма будет рассказ о строительстве Главного туристского комплекса в Суздале, о владимирских строителях, чьими руками создаётся уникальное сооружение. Подобные объекты будут построены в Переславле-Залесском, Угличе и Ярославле. Снимает фильм киностудия Министерства строительства СССР.»

В киноконцертном зале шли к концу работы по монтажу киноаппаратуры, звукорежиссёрской техники и механических приспособлений для подъёма занавеса и сценических задников. На выходе была и аппаратура синхронного перевода, оборудование для которой изготавливали по моему заказу в Ленинграде.

На всех парах шли пусконаладочные работы по десяткам единиц технологического оборудования ресторана, по системам вентиляции и кондиционирования воздуха. Велась наладка всех систем бассейна, начиная от водоподготовки и кончая регулировкой хлорирования.

Эти объёмные работы выполнялись по прямым договорам с нашей дирекцией, так что, находясь на стройке, я по несколько раз в день обходил все объекты.

19 декабря 1976 года исполнялось 70 лет со дня рождения генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. По существующему тогда негласному правилу все учреждения и предприятия страны посылали генсеку свои поздравления (говорят, то же самое было и при царе). Не остались в стороне от этого события и наши строители.

«Дорогой Леонид Ильич!

Коллектив ордена Октябрьской Революции строительно-монтажного треста № 94 г. Владимира горячо и сердечно поздравляет Вас с 70-летием со дня рождения. Нам известна огромная работа, которую Вы неустанно и целеустремлённо проводите во имя роста всестороннего могущества нашей Родины, сплочения социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, во имя социализма и коммунизма.

Рады доложить Вам, что коллектив строителей нашего треста, претворяя в жизнь решения XXV съезда КПСС, взял на себя повышенные социалистические обязательства по выполнению плана десятой пятилетки. Народнохозяйственный план 1976 года по генподряду коллектив треста выполнит досрочно 30 декабря.

Подготовлен к сдаче в эксплуатацию Главный туристический комплекс в г. Суздале и ряд культурно-бытовых объектов в г. Владимире. Желаем Вам, дорогой Леонид Ильич, долгого здоровья, долгих лет жизни, новых успехов в борьбе за мир во всем мире!»

Думаю, этот оригинальный документ» должен занять своё место в музее истории создания главного туристского комплекса. Ведь благодаря ему о нашем ГТК узнал сам Леонид Ильич!

Нескончаемый конвейер

Весь последний год администрация турцентра вела огромную подготовку к пуску главного туристского комплекса. Пожалуй, больше всех доставалось генеральному директору В. В. Молчанову, заместителю директора В. В. Зуеву, начальнику планово-финансового отдела В. В. Кривенко и начальнику отдела кадров В. И. Безрукову. На их плечах лежали все вопросы, связанные с подбором, приёмом на работу и обучением кадров для всех объектов ГТК.

Много времени уходило на бесконечную корректировку проекта штатного расписания в облфинотделе и облплане. Ведь полный штат сотрудников турцентра должен был составлять 500–600 человек. Многим нужно было давать квартиры, а это тоже требовало времени на оформление документов.

Администраторы гостиницы и мотелей, а также все, кому предстоит заниматься приёмом зарубежных гостей, должны были знать иностранные языки. Хотя бы элементарный уровень владения английским нужно было иметь и среднему персоналу, например, дежурным по этажам и горничным.

Подбор руководителей гостиницы, ресторана, бассейна и концертного зала был непростым делом, требовались опытные специалисты.

На особом счету стояли проблемы ресторана. Необходим был поиск и дополнительное обучение поваров, метрдотелей, официантов и барменов. К первому заезду туристов нужно было иметь фонды на 1977 год на основные виды продуктов, начиная от крупы, макарон, муки и заканчивая мясом, рыбой, колбасой и вино-водочными изделиями.

Доставалось в то время всем: и начальнику отдела комплектации Г. П. Боровкову, и главному бухгалтеру А. И. Антоновой, и экономисту З. Н. Бушневой. Ведь в турцентр сплошным потоком шла масса всевозможных товаров. Это и бельё, и посуда, и телевизоры, и холодильники, и всевозможные предметы инвентаря, вплоть до вёдер и сапожных щёток.

В то же время нужно было выдавать подрядчикам хранившееся на складе многочисленное технологическое оборудование для ресторана, бассейна и концертного зала, а своим инженерным и хозяйственным службам – всё, что требовалось для надёжной эксплуатации. Это был сплошной нескончаемый конвейер, называемый товарооборотом.

Тем временем отдел по организации туризма вёл обширную кампанию по заключению договоров с различными туристскими фирмами на групповые заезды туристов. Много заявок поступало на проведение международных и всероссийских мероприятий, на что требовалась многомесячная подготовка. Здесь отличались новые сотрудники: В. Яловкин, В. Пророков, В. Мысова и В. Захаров.

Бесконечный поток дел был и в нашем строительном подразделении. Инженеры по техническому надзору А. Г. Зиняков, А. Г. Матвеев и Л. Г. Коровина не успевали принимать разные этапы работ и оформлять документы. Много хлопот у них было и с постоянно приезжающими архитекторами, инженерами и конструкторами нашего проектного института.

Владимир Николаевич Грамотов, заместитель начальника Владимирского областного территориального управления строительства

Обретение образа

С появлением на объектах ГТК анодированных алюминиевых витражей, прекрасных дубовых окон и дверей наши шансы на достижение высокого уровня отделочных работ многократно увеличились. Но этого было мало. Для завершения работ требовались мрамор, гранит, известняк, туф, лабрадорит, дубовый паркет, лак, облицовочная плитка, мебельные панели, элементы подвесных потолков типа акмигран^{*}, всевозможные светильники, розетки, выключатели, ванны, унитазы, биде, умывальники, душевые сетки и ещё много всего...

Что касается оснащения номеров гостиницы, это ещё и мебель, портьеры, покрывала, постельное бельё, посуда, телевизоры, эстампы, зеркала, занавески и аксессуары для ванных комнат. Проблема была не только в дефиците каких-то материалов, но и в их колоссальных объёмах. И хотя значительная часть этой продукции являлась поставкой подрядчика, для меня это не имело никакого значения – объект-то строился для турцентра, а значит, и заботы должны быть общие.

Первым делом я взялся за фонды на каменные материалы. Получил на их применение разрешение Госгражданстроя, после этого не составило труда оформить наряды в министерстве промышленности строительных материалов РСФСР, где министром работал «наш человек» – Г. Н. Мараков. Теперь вся надежда была на В. Н. Грамотова, заместителя начальника областного управления строительства. Вот кто мастерски умел выбивать любой дефицит! Про таких снабженцев говорили: этот из-под земли достанет... Каким-то образом ему удалось получить через своё министерство качественную сантехнику и потолочный, хотя и не очень-то качественный, акмигран (но другого-то не было), а вот с дубовым паркетом – из-за его колоссального объёма – что-то заклинило.

Проблему с эстонскими светильниками, розетками и выключателями мне удалось решить в «Росхозторге». Через начальника этого главка Козелькова мы получали и фонды на мебель, посуду, зеркала. А вот с оснащением ванных комнат произошло чудо. В это время Мытищинский завод «Стройпластмасс» на новом оборудовании выпустил партию занавесок неимоверной красоты, назывались они «Рыбки». На фоне монотонных занавесок, к которым мы все привыкли, это было нечто! Шли

^{*} Акмигран – линия облицовочных материалов, относящаяся к подвесным потолкам и стенам. Имела особую популярность в СССР.

они по разнарядкам «Росхозторга» только в торговую сеть, да и то – по благу. Однако не такой человек Козельков, чтобы оставить в стороне интересы турцентра. Пошли мы с ним к нашему благодетелю, замминистра торговли РСФСР Саруханову со слёзной просьбой: «Сурен Ефремович, помогите украсить гостиницу турцентра этими занавесками! Ведь там будет много иностранцев, пусть знают наших! Дайте разрешение на оплату по безналу». И Саруханов сжалился над нами.

А дальше началось самое сложное. Получили мы эти занавески, и появилось столько желающих завладеть этими, по сути-то, копеечными изделиями, просто не было отбоя. Оборону держали долго. По начальству разошлось лишь несколько штук, остальное удержали. Несмотря на разрешение «сверху», мне, конечно, занавесочки не досталось.

В те годы одной из самых трудных на стройке считалась проблема чистового покрытия пола. Выбор был невелик: мрамор, паркет, крашенные доски или линолеум. По проекту у нас был предусмотрен дубовый паркет. Но практика строительства мотелей, где количество паркета составляло всего 3 тысячи кв. метров, показала, насколько непросто для наших строителей получать его, настилать и лакировать. Оказалось, что за год лаковое покрытие изнашивается, а восстанавливать его, особенно в условиях бесконечного потока туристов, нелегко. К тому же, отечественный лак отличался стойким запахом, что раздражало постояльцев соседних номеров. И хотя бытовало мнение, что лучше дубового паркета ничего нет, трудности с его использованием не давали мне покоя. Тем более что такое же проектное решение ожидало нас в гостинице, ресторане, офисах, концертном и каминном залах. Общий объём дубового паркета составлял около 20 тысяч кв. метров, что делало и его получение, и настилку почти нереальными. Ведь в 94-м тресте работало не так много специалистов-паркетчиков.

Как это часто бывает, выручил случай. В конце 1974 года на одной из международных выставок строительных материалов в Сокольниках я увидел уникальное напольное покрытие финского производства – пяти-миллиметровый ковролин марки «манестра» десяти цветовых оттенков. Как выяснилось, в то время в мировой практике строительства гостиниц это был самый модный и практичный материал. Нужно только менять периодически изношенный ковролин на новый, вот и всё. Два часа на комнату.

Я попросил Ранинского оценить новый материал. Он был в восторге, и мы присмотрели ковролин восьми расцветок. О своей находке

В Сокольниках я увидел уникальное напольное покрытие финского производства – ковролин марки «манестра» десяти цветовых оттенков, в то время – самый модный и практичный материал.

Со Святославом
Николаевичем
Рерихом. Суздаль.
Фото Ю. Белова.
1978

рассказали Орлову. Марк Артурович, оказывается, видел такое покрытие в какой-то заграничной гостинице, поэтому охотно дал согласие на его применение. Посчитали и выяснили, что нам нужно ни много ни мало – 12 тысяч кв. метров ковροлина!

Как действовать дальше, я знал. Конечно, идти к генеральному секретарю СЭВ Фаддееву! Он же сам на последней встрече предложил обращаться к нему «запросто». Фаддеев сходу переговорил на эту тему с министром внешней торговли СССР Патоличевым, попросил его помочь с закупкой ковροлина в Финляндии, которая к тому времени была активным партнёром стран-участников СЭВ.

Из разговора с министром я извлёк довольно любопытную информацию. Оказывается, в конце каждого года у Внешторга СССР по разным причинам образовывались значительные остатки нереализованной валюты, которая с наступлением нового года «уходила в бюджет».

– Вот в это время и подбьезжай ко мне, чего надо, мы тебе купим, – пообещал министр.

Когда я появился во Внешторге, Патоличев, ни минуты не медля, вызвал директора объединения «Разноэкспорт» и дал ему команду закупить

для нас необходимое количество ковροлина нужных расцветок. При этом все финансовые расчёты мы должны были производить в рублях.

Мало того, Патоличев посоветовал мне зайти в минерально-силикатную контору «Разноэкспорта» и посмотреть образцы потолочных плит марки «травертон». Это был аналог нашему акмиграну производства Павшинского комбината сухой штукатурки, к монтажу которого в коридорах и холлах ГТК наши строители как раз приступали. Конечно, мой выбор был в пользу импорта. Внешторг в это время готовился закупать в Германии большую партию травертона для какого-то важного объекта. В тот же день «сверху» поступила команда на закупку этих потолочных плит в комплекте с каркасом и обрамлением для ГТК. Объём закупки составлял 6 тысяч кв. метров.

Через две недели пришло сообщение: ковροлин поступил на железнодорожную станцию Юрьевец. Теперь дело было за подготовкой пола под настилку. В жилых номерах её выполняли из 20-миллиметровой бобруйской фанеры по деревянному основанию, пропитанному антипиренами, а в коридорах – по цементной стяжке. Ковролин настелили, и это практичное тёплое покрытие долгое время радовало наших гостей.

Через некоторое время мы получили и травертон, по тем временам весьма достойный и редкий материал.

А я с того времени стал частым гостем Внешторга. По моему приглашению в Суздале перебивали десятки сотрудников этого министерства. Я близко познакомился с заместителями Патоличева – В. Н. Сушковым и Б. С. Гордеевым, заместителем начальника Главного управления по импорту промышленных товаров А. В. Крицким, заместителем директора фирмы «Мебельимпекс» О. С. Андреевым, сотрудниками отдела мебели А. Кавериним, С. Левковской и многими другими. Все считали меня «человеком Патоличева».

Благодаря этим связям мне удалось приобрести для нашего комплекса немало уникальных импортных изделий. Так, в декабре 1975 года для наших двух- и трёхкомнатных «люксов», расположенных в ризалитах гостиницы, мне посчастливилось купить несколько комплектов венгерской инкрустированной мебели «Балатон» и «Веленце». Эта роскошная мебель вызывала у посетителей фурор. Когда наш комплекс открылся, в номерах с такой мебелью жили многие известные люди – художник Святослав Николаевич Рерих с женой Девикой Рани, всемирно известной актрисой и продюсером, выдающийся пианист Святослав Рихтер, председатель Моссовета Владимир Фёдорович Промыслов, знаменитый дирижёр Евгений Светланов... Бывал там и сам Патоличев.

*Я стал частым
гостем Внешторга.
Все считали
меня «человеком
Патоличева».*

Примерно в это же время по моей просьбе было закуплено два вагона (8 тысяч кв. метров) финских декоративных панелей «инсулак-рустика» размером 2×3 метра. Изготовленные специальным способом прессования, они имитировали разные породы дерева – морёный дуб, орех, ясень, берёзу. Вот это была красота! Однако случилось так, что монтировать панели мы смогли только спустя несколько месяцев. Причина была банальной. Наши местные пожарники запретили применять этот материал из-за отсутствия сертификата о пожарной безопасности (финский документ не засчитывался). Областные и республиканские пожарные начальники были солидарны с суздальскими: нельзя!

Но вот пути-дорожки привели меня во Всесоюзный научно-исследовательский институт противопожарной обороны (ВНИИПО) МВД СССР, разместившийся в подмосковной Балашихе. Там я и познакомился с его директором, генерал-лейтенантом внутренней службы Г. П. Тесленко. Геннадий Петрович оказался родом из Сибири. Мало того, в годы моей учёбы в институте, он возглавлял службу противопожарной безопасности в Новосибирске. Конечно, мы подружились, но, как говорят, дружба дружбой, а служба службой. Чтобы решить мою проблему и при этом спать спокойно, Тесленко предложил мне доставить в институт 25 листов наших панелей, чтобы исследовать их на скорость горения. Все плиты разрезали пополам, из этих половинок соорудили своеобразный шалаш 50-метровой длины, напоминающий наш ресторан. После этого его подожгли с одного конца. Для установления официальных результатов исследования даже создали комиссию из пяти человек (включая меня). Через час я держал в руках сертификат, разрешающий применять «инсулак-рустику» во всех интерьерах нашего комплекса! Я попросил, чтобы такой же документ отправили во Внешторг СССР.

Через полмесяца бригада из четырёх рабочих начисто отделала стены всех коридоров и холлов нашей гостиницы, а также некоторых помещений ресторана и бассейна. Финские калёные гвозди входили в слой штукатурки, словно в масло. Эти стены тоже стали потом предметом любования гостей.

К слову, наша дружба с генералом Тесленко оказалась полезной и при строительстве следующего моего объекта – санатория «Решма» под Кинешмой, где я был директором строительства. Исходя из важности объекта и его конструктивных особенностей, по предписанию пожарного надзора там построили специальное пожарное депо, имеющее в своём арсенале две мощные пожарные машины. Последние тридцать лет, кроме самого санатория, оно обслуживает весь Кинешемский район. Плохо ли?

Геннадий Петрович Тесленко, генерал-лейтенант внутренней службы, начальник Всесоюзного НИИ противопожарной обороны

Бесценной для нас оказалась помощь Внешторга и при покупке полного комплекта финской мебели, состоящей из раздвижных столов, кресел и сервантов для нашего ресторана на 500 мест. А шесть настенных телефонных раковин из Австрии стали настоящим украшением вестибюля. Получили мы и другой импорт, например, аксессуары для ванных комнат, роскошные тележки для официантов и горничных. Всё это вместе взятое создавало в нашем туристском комплексе невиданный до того антураж. И в результате всех этих тяжелейших забот происходил завораживающий процесс проявления... появления чудо-комплекса.

Через два года после открытия ГТК в его стенах проводилось трёхдневное совещание Советско-Финляндской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству, председателем которой был Николай Семёнович Патоличев, а сопредседателем – вице-премьер-министр и министр финансов Финляндии Ахти Карьялайнен. Патоличев был страстным приверженцем «образцово-показательных» отношений между нашими странами, к тому же, он дружил с президентом Финляндии Урхо Калева Кекконеном.

С нашей стороны на совещании также присутствовал замминистра Внешней торговли СССР Ю. Л. Брежнев, сын Леонида Ильича, а общей организацией мероприятия занимался помощник Патоличева А. В. Смоляков. Со стороны турцентра все дела вёл начальник отдела по организации туризма В. И. Яловкин, блестяще владеющий английским. Совещание прошло, как принято говорить, на самом высоком международном уровне. Его результатами были довольны обе стороны, особенно Н. С. Патоличев. По его приглашению мне довелось присутствовать на прощальном банкете, проходившем в нашем каминном зале, украшением которого были финские кресла «Аполло». От имени хозяев комплекса я произнёс тогда короткий тост: «За советско-финскую дружбу!»

Перед отъездом Николай Семёнович оставил запись в книге почётных посетителей турцентра: «Знали бы вы, дорогие мои земляки, как я тронут вашим сердечным гостеприимством!»

Как это ни покажется странным, ещё при нашей первой встрече выяснилось, что у нас с Патоличевым много общего. Он родился в Гороховецком районе Владимирской области (от села Золино, его родины, до Суздаля меньше 200 км), мне тоже владимирская земля стала уже родной. Узнав, что мой отец погиб на фронте в сорок пятом, когда мне было всего пять лет, Николай Семёнович, опустив голову, долго молчал. Оказалось, что его отец тоже героически погиб в бою, только в 1920 году,

В. И. Яловкин, начальник отдела по организации туризма ГТК

Николай Семенович Патоличев, министр внешней торговли СССР

когда Николаю было немногим больше десяти. Это нас сразу сблизило.

В год нашего знакомства мне было 34 года. Именно в таком возрасте Николай Семёнович был назначен на должность первого секретаря Челябинского обкома партии, где проработал всю войну. Главным его делом был тогда массовый выпуск танков, моторы для которых выпускал 77-й завод города Барнаула (где я в то время жил в эвакуации). К тому же, мой отец по военному образованию был танкистом, а Патоличев не только руководил всей танковой промышленностью Урала, он создал ещё известный во время войны Челябинский танковый корпус. Наконец, нас породнил ещё и Бобруйск. Будучи в послевоенные годы первым секретарём ЦК Белоруссии, Николай Семёнович большое внимание уделял восстановлению этого разрушенного войной города.

Конечно, знал он и о «ФанДОКе», на котором изготавливались наши дубовые окна и двери. Именно по его команде Внешторг закупал для нас югославский дуб. Оказалось, что Николай Семёнович был заядлым кол-

лекционером, как и я, только он собирал монеты, а я – музыкальные инструменты.

Теперь хочу подробнее рассказать биографию этого удивительного человека, оказавшего неоценимую помощь в строительстве и оснащении нашего комплекса.

Николай Семёнович Патоличев родился в 1908 году в бедной семье. Его отец, герой первой мировой и гражданской войн, полный кавалер Георгиевских крестов, командир 2-й кавалерийской бригады Первой Конной армии Семён Михайлович Патоличев, как уже было сказано, погиб в 1920 году. Через два года умерла и мать. Рано осиротевший мальчик рос в семье своего дяди. С тринадцати до семнадцати лет он был сезонным работником в поле, потом устроился рабочим на завод имени Свердлова, выпускающий взрывчатые вещества. В восемнадцать Николай окончил ФЗУ и начал работать аппаратчиком.

Толкового юношу сразу заметили, направили на комсомольскую работу, где проявились его организаторские способности. В 1932 году Патоличев едет в Москву учиться в Военной академии химической защиты, а после её окончания попадает в армию, где становится помощником начальника химической службы 1-й Московской пролетарской стрелковой дивизии.

С 1938 года Н. С. Патоличев на партийной работе – на Ярославском шинном комбинате, потом – в должности секретаря райкома. В 1940 году его назначают первым секретарём Ярославского обкома и горкома партии. С началом войны Патоличеву пришлось перестраивать на военный лад всё хозяйство области. Под его непосредственным руководством на Рыбинском машиностроительном заводе был налажен серийный выпуск мотора М-105, крайне необходимого нашей авиации. В это время он попадает в круг общения Сталина.

Самый трудный для Патоличева час наступил в 1942 году, когда он вступил в должность первого секретаря Челябинского обкома и горкома партии. За годы войны в этом регионе было введено в строй шесть доменных печей, пять коксовых батарей, 28 мартеновских и сталеплавильных печей, восемь прокатных и трубопрокатных станов, Чебаркульский крановый завод, Челябинская ТЭЦ, Челябинский металлургический комбинат, Уральский автозавод в Миассе и заводы по производству боеприпасов. На нужды войны Челябинский тракторный завод выпустил 18 тысяч танков и «Катюш»!

В послевоенные годы Николай Семёнович находился на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС. С 1947 по 1950 год – в должности первого секретаря Ростовского обкома партии, где руководил восстановлением разрушенного войной народного хозяйства. В 1950 году его назначают первым секретарём ЦК партии Белоруссии. Теперь на его плечи ложатся заботы по восстановлению республики, почти полностью разрушенной в войну.

С 1956 по 1958 год Н. С. Патоличев – первый заместитель министра иностранных дел СССР. Неожиданно его назначают министром внешней торговли СССР, и вся предыдущая работа становится для него большим подспорьем. В этой должности Николай Семёнович проработал 27 лет! За эти годы Минторг СССР был превращён в мощную структуру мирового масштаба. При Патоличеве в шестидесятые-восьмидесятые годы были введены в действие Волжский и Камский автозаводы, Западно-Сибирский комплекс по переработке попутного газа, Томский нефтехимический комплекс, семь шинных заводов, Норильский горно-металлургический комбинат, Светлогорский ЦБК, Саянский алюминиевый комплекс, Новолипецкий металлургический комбинат...

Как дорогую память об удивительном человеке и настоящем патриоте, каким был Патоличев, храню в своём архиве две его визитные карточки с домашним телефоном.

Николай Семёнович был дважды удостоен звания Героя Социалистического труда. Он один из двух кавалеров* одиннадцати (!) орденов Ленина, высшей награды СССР.

Думаю, что со строительством и оснащением нашего ГТК Николай Семёнович помогал, исходя из государственных соображений: он понимал, что стране как воздух необходим такой высококлассный объект.

Как дорогую память о выдающемся деятеле нашей страны, удивительном человеке и настоящем патриоте, каким был Николай Семёнович Патоличев, храню в своём архиве две его визитные карточки с домашним телефоном.

Автор проекта
турцентра
Марк Артурович
Орлов

Цвет и линия

Я уже говорил, что подрядчиком по изготовлению антрактного занавеса для нашего концертного зала был московский комбинат «Росмонументискусство». А исполнителем – мастер художественного текстиля Суламифь Александровна Заславская.

Авторский коллектив нашего института поставил перед ней задачу: создать комбинацию ярких красочных пятен, которые вызывали бы «мажорные и оптимистические настроения». Цветовое решение занавеса предлагалось найти самой художнице.

Заславская представила на архитектурно-художественную комиссию, которой руководил Орлов, три эскиза. Основными вариантами её цветовых решений были голубой и серый. Но, как вы уже знаете, интерьер концертного зала был нами неожиданно изменён: и облицовка стен, и кресла, и пол, на котором вместо дубового паркета появился финский бордовый ковролин... Встал вопрос о пересмотре авторского решения по цвету занавеса.

* Второй кавалер одиннадцати орденов Ленина – Дмитрий Фёдорович Устинов.

Здесь придётся сделать небольшое отступление, связанное с моим «вторжением» в архитектурно-планировочные решения нашего комплекса. Все мои предложения, будь то оконные и витражные заполнения, потолки бассейна и вестибюля, кровля и подвесной потолок ресторана, стены концертного зала, полы гостиницы, авторы проекта приняли и вместе со строителями воплотили в жизнь. Друзья и знакомые спрашивали: «Откуда у тебя, инженера-строителя, да к тому же мостовика, такое пристрастие к архитектуре?»

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться в моё послевоенное детство.

С июля 1941 года мы с мамой жили в Барнауле у её родителей. Мама работала в женсовете, а вечерами подрабатывала вышивками крестиком, выполняя заказы жён высокопоставленных офицеров и больших начальников из «генеральского» дома. В третьем классе я тоже пристрастился к этому ремеслу. Мне нравился сам процесс вышивки, когда с каждым крестиком добавлялся ещё один важный элемент в картине. Но ещё больше привлекал меня подбор ниток мулине, дефицитных в те годы. Это был процесс поиска лучших вариантов, и у меня это неплохо получалось. Одну и ту же картину мы с мамой вышивали по очереди, и их было не отличить.

Я стал принимать участие в ежегодных школьных выставках декоративно-прикладного искусства. Однажды вышел портрет Маяковского, и он занял первое место на городской выставке. Любопытно ведь, когда мальчик вышивает...

В восьмом классе пришло другое увлечение – выпиливание лобзиком по тонкой авиационной фанере, которую сосед приносил с барнаульского аэродрома. Моим наставником был самобытный художник – одноклассник Руслан Асанов. Он мог мастерски придумывать самые причудливые рисунки. Все сложные работы мы делали вместе, участвовали в школьных и городских выставках.

В 1955 году в Барнаул должен был приехать премьер-министр Китая Чжоу Эньлай, и директор школы поручил нам сделать для высокого гостя подарок. Нас даже освободили на десять дней от занятий. Руслан придумал шкатулку в китайском стиле – «Фанза». Получилось достойно. Хотя высокого гостя в Барнауле, скорее всего, и не было, через какое-то время нам сообщили, что наша шкатулка находится в Пекине, в музее подарков Советского Союза. В том же году другая наша работа, шкатулка «Мир», заняла второе место на Всесоюзной выставке детского творчества в Москве, и с нашего согласия её отправили в подарок венгерским пионерам.

Друзья и знакомые спрашивали: «Откуда у тебя, инженера-строителя, да к тому же мостовика, такое пристрастие к архитектуре?»

Выпиливать лобзиком я продолжал и в институте, и позже – в Кокчетаве, Муроме и Суздале, участвовал в выставках самодеятельного творчества (в моём архиве до сих хранится несколько Почётных грамот).

На первом курсе института я серьёзно занялся художественной фотографией, был участником всех ежегодных институтских выставок, получал дипломы. Наибольшего успеха в фотографии мне удалось достичь в 1970 году, когда журнал «Советское фото» отдал моему снимку «Девочка из Египта» целую страницу.

В общем, я считаю, что на моё архитектурное творчество оказали влияние три увлечения. Вышивка вызвала стремление к идеальному ка-

Валерий Брунцев со своей икатулкой «Мир». 1957

Вышивка. 1955

Девочка из Египта. Каир. Фото В. Брунцева. 1967

честву и развила чувства цвета, а выпиливание подарило чувство линии. Прямая – так уж прямая, а коли круг, эллипс или волюта – изображение должно быть только идеальным. Что касается художественной фотографии, это – композиция, ракурс, определённый ритм...

Не могу умолчать ещё об одном деле. Когда я работал в Кокчетаве, меня на месяц направили в Днепропетровск, на курсы повышения квалификации. И вот тут меня настигло настоящее архитектурное озарение: я увидел, как из примитивных строительных материалов можно создавать практически шедевры. В интерьерах общественных зданий – кафе, магазинов, Домов культуры – были стены и колонны, декорированные нарезанными и наколотыми стёклами, со вкусом раскрашенными с обратной стороны. Обмотанные проводом, шлангом или толстым шнуром, покрытые сверху слоем краски, круглые

и прямоугольные колонны создавали иллюзию резных. В полуосвещённом кафе необычными цветными блёстками смотрелись куски литого стекла, утопленные в «шубу» (тогда эта штукатурка ещё была мало известна).

Вернувшись домой, я получил задание начальника Кокчетавского отделения дороги М. Н. Исмаилова переделать старый двухэтажный дом на станции Тайнча в клуб железнодорожников на 300 мест. Моей фантазии не было предела!

Многие приезжали тогда на эту станцию, только чтобы посмотреть интерьеры этого Дома культуры.

Чуть позже, работая прорабом в строительной организации Минтрансстроя СССР, я внедрил цветную раскраску пятиэтажных панельных домов, включая стены, балконные ограждения и кровли, а внутри жилых квартир раскрашивал полы в разные цвета – серый, зелёный и золотистый. Конечно, мне самому приходилось добывать разные материалы, но всё это доставляло мне истинное удовольствие.

Однако вернёмся к занавесу Заславской. Когда принимали окончательное решение, я предложил сделать его красным, из той же шерсти, что и ткань кресел, и в очередной раз продемонстрировал всем образец ткани «москвичка», привезённый из Бобруйска.

– Ну, что ты! – возразил Орлов. – У нас и так красноты много.

– Постойте, постойте, Марк Артурович! – возбуждённо воскликнула Заславская. – А мне нравится эта идея: завести цвет кресел в занавес! Я, пожалуй, сделаю эскиз...

– Суламифь Александровна, делайте, конечно, но я думаю, что из этого ничего путного не выйдет.

Наутро Заславская представила свежий вариант эскиза: на фоне необычайно праздничного красного цвета золотились колосья и сверкали лучи солнца, а в нижней части занавеса, как бы утяжеляя его, красовались аппликации в виде огромных букетов, расцвеченных яркими красками – с включением золота и серебра.

Этот вариант настолько понравился всем членам творческой комиссии, и в первую очередь Орлову, что он тут же решил ехать в обком партии к первому секретарю, чтобы получить и его одобрение. Ранинского, меня и Заславскую Марк Артурович взял с собой. Всю дорогу мы пребывали в каком-то праздничном настроении, шутили.

В приёмной первого секретаря выставили на полу все три эскиза. Ждали появления высокого партийного начальника: что он скажет?

На моё архитектурное творчество оказали влияние три увлечения: вышивка, вытилкивание лобзиком и художественная фотография.

*Суламифь
Александровна
Заславская – мастер
художественного
текстиля*

Наконец открылась дверь, и на пороге появился Пономарёв.

– Михаил Александрович, – обратился к нему Орлов. – Это варианты занавеса для киноконцертного зала ГТК. Выберите, какой вам больше нравится.

– А что здесь выбрать? – удивился Пономарёв. И указав на эскиз, выполненный в красной гамме, твёрдым тоном сказал: – Вот наш вариант!

Все облегчённо вздохнули.

Вечером, в «люксовом» номере мотеля, где жил Орлов, мы отметили этот успех дружеским застольем. На изготовление занавеса оставалось полгода.

Через некоторое время объединение «Росмонументискусство» выдало нам заказную спецификацию на поставку материалов для этого заказа: лицевая ткань красного цвета «москвичка» в объёме 300 квадратных метров, подкладочный материал из саржи, ткани для аппликаций – «флагтух» и «Максимка», всевозможные нитки, 24 кг метанита (серебряных нитей) и 75 кг люрекса (золотых нитей).

В Ростекстильторге, куда моя дорожка уже была протоптана, нашу заявку на красную ткань приняли, и мы получили её без особых проблем.

Начальник управления снабжения Министерства культуры РСФСР Николай Борисович Агранатов, понимая важность и срочность нашей задачи, помог быстро достать все остальные материалы, после чего пошла интенсивная работа по шитью и отделке занавеса...

Часто бывая у Агранатова с деловыми визитами, я познакомился там со многими директорами театров, библиотек, музеев, консерваторий, училищ, а также с известными музыкантами и артистами России. Заходили к нему и начинающие руководители зарождающихся в то время музыкальных коллективов – ансамблей и различных групп, только-только входящих в моду.

Упрснабсбыт Минкультуры РСФСР владел фондами на всё, что касалось учреждений культуры: мебелью, музыкальной аппаратурой, дефицитными музыкальными инструментами, тканями для занавесов и портьер... Здесь даже выдавали разнарядки на получение дефицитных в то время легковых автомашин.

*Антрактный
занавес в концерт-
ном зале*

Этого всемогущего человека многие считали своим другом. Николай Борисович Агранатов был человеком общительным и неравнодушным, всем старался помочь.

Если же у него что-то не получалось, он звонил или ехал в Главснабсбыт Минкультуры СССР.

Довольно часто навещаясь Москву, я непременно заглядывал в швейный цех «Росмонументискусства», находившийся в самом центре города, наблюдал все этапы изготовления нашего занавеса. Работа мастеров доставляла мне удовольствие.

Нерешённым оставался только вопрос с люрексом. Он производился во Франции, а мы валютой не располагали. Все попытки Агранатова решить вопрос через Министерство культуры СССР были безуспешны. В Госплане и министерстве торговли РСФСР нам тоже ничем помочь не смогли. Как быть? Уж очень хотелось, чтобы наш красный прекрасный занавес отливал золотом!

Мои мытарства по различным учреждениям и ведомствам ни к чему не привели – нужна была валюта.

Фасад ГТК

Однажды зампред Госплана Н. П. Машьянов, тоже озабоченный нашей проблемой, заметил, что люрекс применяется в текстильной промышленности для изготовления некоторых видов тканей. Получив эту неожиданную для себя информацию, я направился к министру легкой промышленности СССР Н. Н. Тарасову. Николай Никифорович, внимательно выслушав меня, сказал:

– Ты правильно сделал, что пришёл ко мне. С Владимирской землёй я связан корнями. К тому же, лет двадцать пять назад, когда я командовал хлопчатобумажной промышленностью Ивановской области, частенько по пути в Москву проезжал по главной улице Суздаля и пил вашу медовуху. Это хорошо, что вы строите туристский центр – в Суздале есть, что показать.

Тарасов вызвал начальника управления импортных закупок и поручил ему срочно заказать для нас во Франции люрекс – при условии, что я завтра же доставлю ему письмо Владимирского облисполкома с соответствующим обоснованием.

«Через два дня уже будет поздно, я уеду в отпуск», – предупредил он. На следующий день письмо за подписью Сушкова было у министра. До конца года оставалось чуть больше двух недель. Вскоре мне сообщили: французский люрекс уже в Москве, и его можно получить по доверенности без предварительной оплаты.

Рано утром я был в столице. Получив семьдесят пять килограмм драгоценной золотой нити, тут же направился к директору объединения

Фонтан у входа в ресторан ГТК со стороны р. Каменки

«Росмонументискусство». Нужно было уговорить его закончить все работы за пять дней. Два дня я оставлял на монтаж занавеса. Всё остальное в наших интерьерах к приёму членов Государственной комиссии было уже готово.

К моему удивлению, цена люрекса составляла всего 13500 рублей (180 рублей за килограмм). В полученной партии товара было 185 катушек с лёгкой, как пух, тончайшей плёнкой, покрытой блестящей золотой фольгой.

Каждый день я звонил на комбинат, справлялся о ходе дел. Бригада художниц по текстилю работала буквально день и ночь, ведь нужно было правильно разложить и пришить несколько километров (!) золотых ниток. Больше всего доставалось Заславской.

И вот 29 декабря директор комбината Игорь Васильевич Мелехов сообщил, что завтра к вечеру занавес будет готов.

Я решил никому об этом не говорить, а поехать и получить занавес, и наутро отправился в Москву. Следом шла грузовая машина.

В Суздаль мы вернулись около полуночи. Вшестером всю ночь подвешивали наше 300-килограммовое сокровище. Тут же специалисты областного управления кинофикации, изготовившие у себя в мастерских механизм раздвижного занавеса, отлаживали его работу. Всё было закончено к девяти утра...

Выступление
В. А. Брунцева
в новом кино-
концертном зале.
1977

Через час начинала работать Государственная комиссия по приёмке в эксплуатацию главного туристского комплекса. На душ, завтрак и переодевание у меня было полчаса. В назначенное время я «как огурчик» был среди членов комиссии.

Вот что пишет Ю. В. Ранинский в своей книге «Суздаль – туристский центр» об уникальном интерьере киноконцертного зала:

«Широко известное свойство архитектуры эмоционально насыщенного интерьера не только создавать, но и концентрировать идентичность настроения у основного контингента посетителей – использовано при создании облика зрительного зала комплекса.

Для обеспечения связи архитектуры этого пространства с остальными помещениями здесь применены в основном те же материалы: белый цвет потолков – гипсового рельефного в основном объёме и травертина в лоджии под кинобудкой, деревянные панели (морёный ясень) с золотистыми струнами из анодированного алюминия на стенах, латунные светильники

с хрустальными плафонами, латунные вентиляционные решётки.

Для связи с обликом вестибюля стена над входными дверями изнутри зала выполнена в белом камне. Но для придания залу своего, более нарядного и яркого облика в колористическую гамму зала введён интенсивный красный цвет. Тканью этого цвета обиты и кресла зала. Эта же ткань послужила основой художественного антрактного занавеса. Колористическая гамма зала дополнена тёмно-красным ковром на полу...

Сочетания красного, золотистого, светло-палевого и коричневого тонов антрактного занавеса соответствуют архитектурному колориту зала – красным креслам, тёмному дереву на стенах, золотым прожилкам алюминия, белому потолку с золотыми светильниками.

Условность занавеса легко включает его в программы праздников, международных конференций, симпозиумов, ярких и динамичных концертов народного искусства...»

По этой выразительной цитате можно проследить за тем, как шаг за шагом формировался интерьер нашего зрительного зала. Мне, не-

посредственному участнику этого творческого процесса, читать такие строки было очень приятно.

Концертный зал ГТК имеет богатую историю. Система синхронного перевода на пять языков позволила провести здесь целый ряд крупных международных мероприятий. К примеру, в мае 1977 года в его стенах была проведена XI Генеральная конференция Международного Совета музеев (ИКОМ), в которой приняли участие представители 74 стран мира.

В 1978 году с таким же успехом прошёл V Конгресс ИКОМОС – организации при ЮНЕСКО по охране памятников и достопримечательных мест. В том же году состоялся III Всероссийский съезд Общества охраны памятников истории и культуры.

В 1979 году в нашем зале было проведено расширенное совещание министров культуры социалистических стран, на котором присутствовали министры культуры всех союзных и автономных республик СССР, начальники краевых и областных управлений культуры, а также министры культуры многих стран мира, ориентированных на социализм.

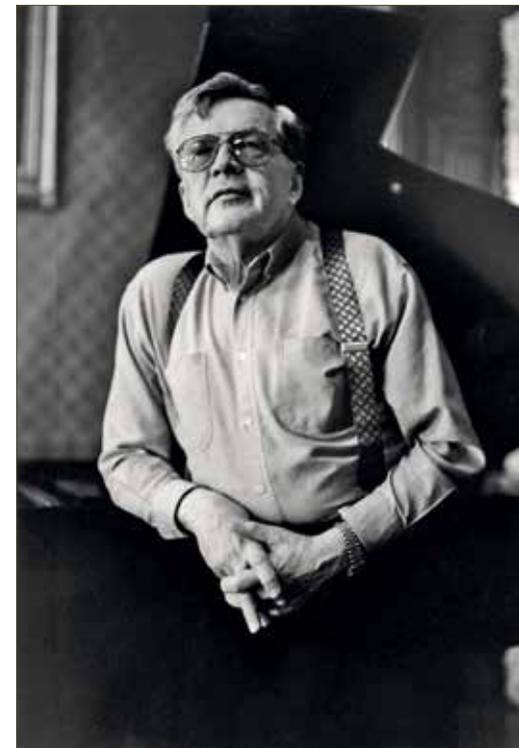
На сцене концертного зала ГТК выступали многие известные коллективы – ансамбль Союза архитекторов СССР «Кохинор», Владимирский камерный хор под управлением Эдуарда Маркина, ансамбль Дмитрия Покровского и ансамбль «Русь»...

Здесь проводился выездной Пленум Союза композиторов РСФСР, на котором присутствовали замечательные композиторы – Родион Щедрин, Андрей Петров, Оскар Фельцман, Марк Фрадкин, Ян Френкель.

В этом зале выступали многие популярные в стране исполнители – композитор Никита Богословский, Эдуард Хиль, Людмила Сенчина, Николай Жемчужный.

Посещали зал Святослав Рихтер, Майя Плисецкая, Гергий Свиридов, Владислав Казенин и многие другие.

Однако, если мысленно вернуться в этот зал в день его торжественного открытия в январе 1977 года, можно вспомнить, что первым в концерте художественной самодеятельности, посвящённом этому событию, здесь выступил автор этих строк, исполнивший на домре Полонез Огинского.

Композитор Андрей
Павлович Петров.
Суздаль.
Фото В. Брунцева.
1999

Награждение города Суздаля «Золотым яблоком» – призом Всемирной федерации журналистов, пишущих о туризме. На фотографии – генеральный директор ГТК В. В. Молчанов. Фото Ю. Белова. 1982

Справедливость существует!

В середине декабря 1976 года распоряжением Владимирского облисполкома была создана рабочая комиссия по приёмке в эксплуатацию нашего главного туристского комплекса. Её председателем был назначен зампред облисполкома Владимир Васильевич Долгов. «Рабочими лошадками» этой комиссии были главные инженеры проектного института и 94-го треста В. И. Лепский и Н. М. Татарнов, начальник производственно-технических отдела СМУ «Суздальстрой» В. А. Семёнов и я как главный инженер дирекции. На наши плечи легла подготовка полного пакета всей необходимой для комиссии документации – проектно-сметной, разрешительной и согласовательной. На всё нам было отведено десять дней.

После выполнения этой кропотливой работы и подписания всеми членами комиссии соответствующего акта он был отправлен в Совмин РСФСР. Там предстояло в сжатые сроки провести большую работу по подбору состава Государственной комиссии и подготовке необходимых

документов. И тут неоценимую помощь оказала А. П. Горашенко, референт зампреда Совмина РСФСР Кочемасова. На протяжении всех лет строительства турцентра Анна Петровна была нашей надёжной опорой. Помню, какого труда ей стоило собрать десять виз и подписать у председателя Совета Министров РСФСР М. А. Соломенцева необычное ходатайство об изготовлении для туристского центра системы синхронного перевода.

Стараниями Анны Петровны в короткий срок были оформлены все документы. Распоряжением Совета Министров РСФСР, подписанным В. И. Кочемасовым, Государственная комиссия по приёмке ГТК в эксплуатацию была назначена на 27 декабря 1976 года. В состав её было включено семь заместителей министров Российской Федерации, в числе которых были наши активные помощники – замминистра культуры РСФСР Василий Михайлович Стриганов и замминистра торговли РСФСР Суурен Ефремович Саруханов.

Членами комиссии были также зампред облисполкома В. В. Долгов, автор проекта турцентра М. А. Орлов, главный архитектор проекта ГТК Ю. В. Ранинский, главный инженер проектного института В. И. Лепский, управляющий 94-м строительством Г. П. Артюшенко, начальник УНР-672 А. М. Морозов, начальник ВМУ «Центроэлектромонтаж» К. В. Сайгак, председатель горисполкома А. М. Думов, главный архитектор Суздаля И. Т. Карелин, представители пожарного надзора, санэпидемстанции, эксплуатационных служб города и профсоюзов. Заказчика представляли генеральный директор турцентра В. В. Молчанов и главный инженер дирекции В. А. Брунцев. Возглавлял комиссию председатель облисполкома Т. С. Сушков.

27 декабря ровно в 10 часов утра члены Государственной комиссии собрались в конференц-зале. После вступительного слова Т. С. Сушкова и доклада председателя Рабочей комиссии В. В. Долгова гости пошли осматривать помещения ГТК.

Высокие московские начальники и члены комиссии, впервые увидевшие комплекс, были поражены нашими интерьерами. В обычной практике советского строительства сдавали голые стены, пол и потолок, у нас же все помещения были не только полностью отделаны, но и оснащены мебелью. Мало того, во многих номерах уже проживали туристы. Заезд первой группы из подмосковного Зеленограда состоялся ещё 2 декабря.

Что же увидели члены Государственной комиссии?

В парадном, необыкновенно красочном вестибюле, на фоне латунной «кольчуги» ярко сияли хрустальные плафоны латунных светильников.

В парадном, необыкновенно красочном вестибюле, на фоне латунной «кольчуги» ярко сияли хрустальные плафоны латунных светильников...

*Вестибюль
ГТК*

На чёрном лабрадоритовом полу были расставлены разноцветные комплекты финской мебели, радовали глаз цветы, за стойками приветливо улыбались администраторы.

Привлекали внимание алюминиевые анодированные витражи, в оконных проёмах – под цвет старой бронзы, а на прозрачных стенах внутреннего дворика – с отделкой под золото.

В жилых номерах удивляла роскошная мебель, изготовленная в одном стиле, из одного материала – дуба, покрытая одним и тем же лаком. Стулья, банкетки и кресла были обиты тканью, как нельзя лучше подходящей по цвету к ковровому покрытию. На окнах висели портьеры из невиданных доселе набивных шёлковых тканей, из них же были и покрывала со сборками. И всё это – на фоне идеально отштукатуренных и окрашенных стен, дубовых дверей, таких же плинтусов, дубовых окон

Ресторан ГТК

и широких дубовых подоконников! Дополняли эту красоту элегантные эстонские светильники.

В ваннных комнатах сверкала чистотой новая сантехника, стены и полы были облицованы разноцветной глазурованной плиткой, а над ваннами висели такие занавески с подводным пейзажем – глаз не отведёшь. Честно скажу, обстановка наших номеров была лучше, чем в главной гостинице страны – «России».

В концертном зале сразу привлекал внимание великолепный ярко-красный занавес с роскошными цветами понизу и колосьями пшеницы в сверкающих лучах солнца. На фоне белого декоративного потолка с латунными корпусами хрустальных светильников, на фоне стен, отделанных панелями красного дерева с вертикальными росчерками золотых профилей, и тёмно-бордового коврового покрытия по-особому

Каминный зал ГТК

торжественно смотрелись красные кресла. Кроме того, это был второй в стране зал (после Кремлёвского Дворца съездов), оснащённый системой синхронного перевода.

Войдя в плавательный бассейн, все члены комиссии замерли. Лазурного цвета вода в 25-метровой чаше, идеально загнутые хромированные поручни, беломраморные стены и, наконец, алюминиевые витражи с видом на Спасо-Евфимиев монастырь! А тут ещё эстонско-финские сауны и бильярдная комната с четырьмя роскошными столами, на которых разложены готовые к бою треугольные пирамиды...

Ресторан привлекал внимание своим необычным шатром, подшитым снизу внахлест листовенничным гонтом. Те же самые хрустальные в латунном обрамлении светильники украшали потолок вестибюля. Невиданным было и само пространство ресторана – огромное,

воздушное, с элегантной финской мебелью. На втором этаже тоже новшество – латвийская барная стойка с высокими стульями...

Во время обхода комплекса я по-свойски признавался некоторым членам комиссии, что у нас есть ещё недоделки, связанные с сантехникой, вентиляцией и технологическим оборудованием, но в ответ видел лукавую улыбку: какие ещё недоделки, если всё так здорово?! Вопрос ко мне был только такой: «Скажи лучше, где акт, в котором надо расписаться?»

Членам комиссии оставалось осмотреть лишь каминный зал. Он был оставлен «на закуску» – и в прямом, и в переносном смысле слова.

Интересно, что члены комиссии задавали авторам проекта – Орлову, Ранинскому и Лепскому – одни и те же вопросы: «Где вы взяли столько дубовой столярки?», «Откуда у вас столько лагуни?», «Как это вам удалось достать?», «Кто вам изготовил такие классные анодированные витражи?», «Откуда у вас этот импорт?»

Вот что пишет о наших интерьерах создатель и бессменный директор Владимиро-Суздальского объединённого музея-заповедника Алиса Ивановна Аксёнова в своей книге «Суздаль. XX век»:

«... Впечатление от ГТК было сильным: нарядные фасады главного корпуса, облицованные белым известняком с резными белокаменными украшениями (перекличка с древними памятниками), внушительный козырёк над главным входом, в стороне – череда аккуратных мотелей с лоджиями.

В просторном, как вокзал, вестибюле на минуту все замирали – сверкающий мраморный пол, сияние хрустальных светильников, выступающих из медных сот потолка. Стены длинных анфилад коридоров, ведущих в номера, облицованы панелями «под старое дерево», мягкий ковролин, картины в резных рамах на лестничных маршах. Все это и на видавших виды иностранцев производило впечатление. А о соответствиях и говорить не приходится: сплошь недоступный импорт отделочных материалов просто убивал!

Далее впечатление усиливалось: ресторан с великолепным решением объёмного пространства, галереей, украшенной фантастическими медными самоварами, и видом на панораму монастыря через огромные витражи. И окончательно «добивал» бассейн: голубизна воды – и сквозь ветви пальм (естественно, в кадушках) тот же незабываемый вид: на крутизне обрыва мощные монастырские стены и башни!

Не было ничего подобного во всём СССР! Да и за границей по тем временам очень немногие видели что-то равноценное. С какой гордостью

*Все вошли и ахнули!
В центре просторного помещения красовался уникальный камин.
Его очаг украшал фигурный пояс с четырьмя фигурами воинов в шлемах и кольчугах – символах уверенности и благополучия.*

показывали ГТК всем высоким и очень высоким гостям руководители области!»

Пожалуй, лучше не скажешь!

После обхода основных помещений ГТК все члены комиссии вновь собрались в зале переговоров. Обмен впечатлениями от увиденного и то настроение, в котором прибывали в тот момент наши гости, можно характеризовать одним словом: восторг. Наконец Тихон Степанович Сушков спросил: «Какие будут мнения?» В зале прозвучало только два предложения: «принять» и «поставить отлично», после чего все члены Государственной комиссии подписали акт.

Оставалось лишь перейти в каминный зал. Все вошли и ахнули! В центре просторного помещения красовался уникальный камин, изготовленный скульптором Юрием Александровым из воронёной стали. Его очаг, обрамлённый с двух сторон грубым рваным гранитом, украшал фигурный пояс с четырьмя фигурами воинов в шлемах и кольчугах – символах уверенности и благополучия. В дальних углах красовались вращающиеся финские кресла «Аполло». На потолке сверкали латунные светильники. Всё остальное было изготовлено в Белоруссии – мозаичный паркетный пол, дубовые панели стен и потолка, чёрные кожаные панели диванов и стен, разделённые латунными квадратными профилями.

Но для членов комиссии, пожалуй, самым главным было то, что в центре этого уютного каминного зала стоял длинный стол, накрытый на тридцать персон.

В очаге камина горел огонь...

А вот как освещала работу Государственной комиссии по приёмке ГТК газета 94-го треста «Строитель» от 12 января 1977 года:

«В канун Нового года, 27 декабря, главный туристский комплекс в Суздале встречал Государственную приёмочную комиссию во главе с председателем областного Совета депутатов трудящихся Т. С. Сушковым. Члены комиссии обошли ГТК со всех сторон, взглянули на него и со смотровой площадки.

В уютной красивой комнате отдыха рядом с ещё более прекрасной каминной собрались на совет. Тихон Степанович Сушков, председатель комиссии, объявил порядок работы. Затем предоставил слово своему заместителю В. В. Долгову – председателю рабочей комиссии, который дал полную характеристику и оценку объекта, ответил на вопросы. Членам Государственной комиссии была представлена вся документация по строительству ГТК. Чтобы иметь общее представление о комплексе и его

Совещание
в конференц-зале
ГТК. 1976

объектах, осмотрели здание внутри. Внимательно, придирчиво разглядели собравшиеся каждый интерьер, номер гостиницы, холлы, плавательный бассейн.

В киноконцертном зале убедились, что всё готово к приёму туристов, просмотрели первые кадры будущего фильма о строительстве ГТК в Суздале.

Наконец собрались в той же комнате. Началось обсуждение. Выступающие тепло отзывались о мастерстве владимирских строителей, хвалили настойчивость работников Дирекции туристского центра при решении различных вопросов строительства, обеспечения необходимыми материалами, оборудованием, их высокую квалификацию. Высоко оценила Государственная комиссия труд строителей. Решение поставить в акте оценку „отлично“ было принято единогласно. Строители заслужили её. Они построили не только прекрасный, первый в стране туристский комплекс, но и новый город с благоустроенными квартирами, гостиницами, обновлёнными памятниками древней русской архитектуры и самыми современными коммуникациями».

Обмен впечатлениями от увиденного и то настроение, в котором прибывали в тот момент наши гости, можно характеризовать одним словом: восторг.

Самовары из кованой меди на балконе ресторана. Автор композиции «Русское веселье» – Ю. В. Александров

Прочитав эту статью, я обрадовался: впервые за весь период строительства турцентра было сказано доброе слово в адрес работников нашей дирекции. А это значит, справедливость существует!

Вскоре после открытия главного туркомплекса в Суздаль приехал главный художник нашего проекта Ю. В. Александров с женой Надеждой, тоже художником. Мы вместе обошли всё здание ГТК, придирчиво оценивая художественно-декоративные работы. Когда вошли в зал ресторана, мне показалось, что огромное пространство над балконом выглядит несколько пустовато, и я сказал об этом. Опытный художник отреагировал мгновенно: «А что, если поставить наверху большие медные самовары, метра по два каждый?»

Конечно, – самовары! Это же символ русского гостеприимства!

В тот же день он набросал первые эскизы. С виду это выглядело так сказочно, что я загорелся самоварами не меньше автора. Идея пришлась

по душе и нашим корифеям – М. А. Орлову и Ю. В. Ранинскому, они считали, что эта скульптурная композиция внесёт в интерьер нотки тепла и юмора.

Через некоторое время дирекция и комбинат «Росмонумент-искусство» заключили договор на изготовление пяти композиций, объединённых одной темой, обозначенной в названии – «Русское веселье». Двухметровые самовары из кованой меди должны были стоять на парапете балкона в окружении фигур гармонистов, пляшущих девушек и любителей почаёвничать. По замыслу автора всё это должно было подсвечиваться изнутри красными стёклами.

За этим, конечно, последовала просьба к дирекции – достать полтонны листовой меди, разного металла для конструкции каркаса и некоторых элементов электрики. Красные стёкла удалось найти на комбинате, где делали фонари для железнодорожных обходчиков. Без железной дороги никуда!

P. S.

В самом начале 1977 года главный туристский комплекс в Суздале посетили члены правления Союза архитекторов СССР во главе с его секретарём, народным архитектором СССР Георгием Михайловичем Орловым. В составе группы были известные архитекторы Е. Г. Розанов, В. С. Егерев, К. С. Алабян, Н. П. Былинкин, И. В. Шишкина и другие. На этой встрече присутствовали также автор проекта турцентра М. А. Орлов, главный архитектор проекта ГТК Ю. В. Ранинский и автор этих строк.

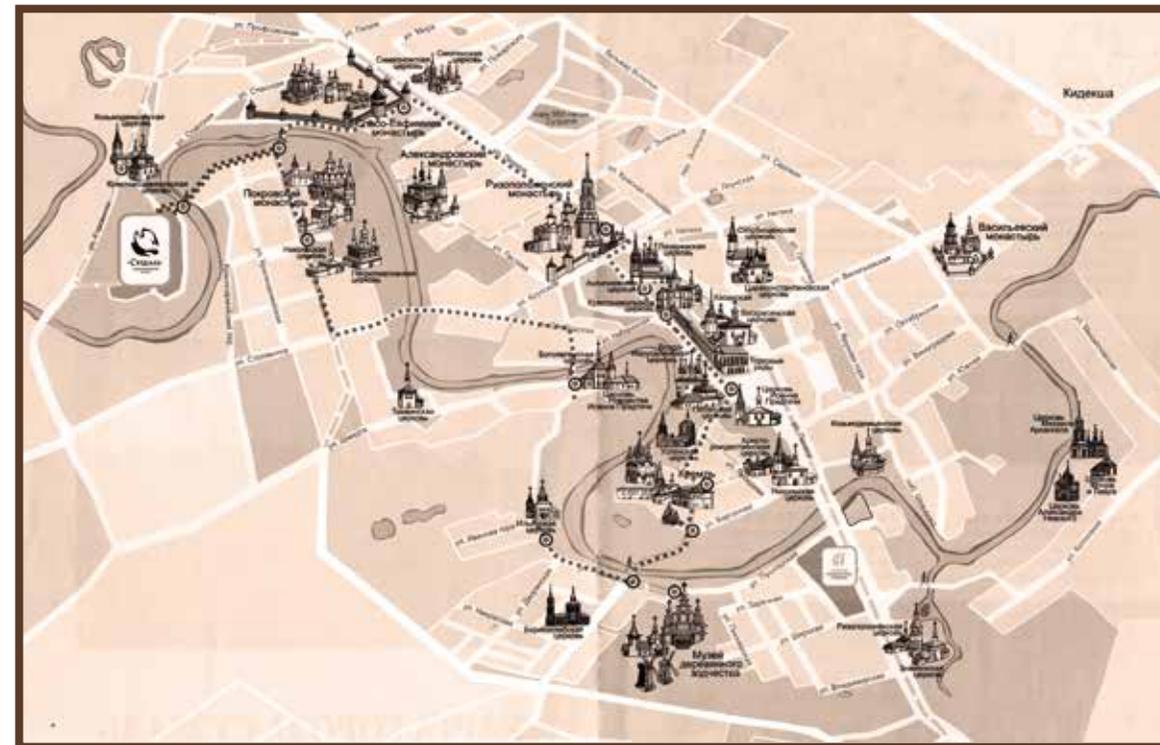
Внимательно осмотрев здание изнутри и снаружи, все члены делегации дали нашему объекту самую высокую оценку. После детального и всестороннего обсуждения они приняли решение о выдвижении главного туристского комплекса на соискание Государственной премии СССР.

Но это не всё. Г. М. Орлов внёс предложение принять меня, несмотря на моё инженерное образование, в члены Союза архитекторов СССР – «за большой вклад в создание ГТК». Все были «за».

Суздаль. Гравюра. П. Оссовский. 1952

ГТК – АРХИВ

*Совет Министров Союза СССР постановляет:
...Совету Министров РСФСР утвердить
до 1 октября 1967 г. проектное задание на
строительство комплекса объектов туристского
центра в г. Суздале...*

/Из Постановления Совмина СССР от 01.08.1967 № 735/

Постановление Совмина СССР

от 01.08.1967 № 735

О создании туристского центра в г. Суздале

В целях сохранения памятников истории и культуры в г. Суздале и дальнейшего развития отечественного и зарубежного туризма Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Принять предложение Совета Министров РСФСР, Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Владимирского обкома КПСС, Владимирского облисполкома, ВЦСПС и Управления по иностранному туризму при Совете Министров СССР, согласованное с Госпланом СССР, о создании туристского центра в г. Суздале.

2. Совету Министров РСФСР:

а) обеспечить строительство и реконструкцию в 1968–1971 годах в г. Суздале гостиниц, предприятий торговли и общественного питания, жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства, а также проведение работ по реставрации памятников истории и культуры;

б) осуществить строительство в 1969–1970 годах двух автовокзалов в гг. Суздале и Владимире;

в) предусматривать в народнохозяйственных планах республики на 1968–1971 годы выделение капитальных вложений и материальных ресурсов для строительства объектов туристского центра в г. Суздале ...;

д) рассмотреть и решить совместно с заинтересованными организациями вопрос о производстве и продаже, начиная с 1968 года, изделий кустарных художественных промыслов в г. Суздале;

е) обеспечить надлежащую организацию в г. Суздале работы и снабжения предприятий торговли и общественного питания, в том числе предприятий, специализирующихся на приготовлении старинных русских национальных блюд и напитков, а также обеспечить подготовку специалистов для работы на предприятиях торговли и общественного питания г. Суздаля.

3. Обязать Госплан СССР предусматривать в проектах народнохозяйственных планов на 1968–1971 годы выделение в распоряжение Совета Министров РСФСР капитальных вложений, необходимых для строительства объектов туристского центра в г. Суздале...

5. Обязать Управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР обеспечить строительство в 1969–1970 годах в г. Владимире гостиницы «Интурист» на 400 мест.

6. Обязать Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР обеспечить разработку в 1967–1969 годах про-

ектно-сметной документации на строительство объектов туристского центра в г. Суздале...

Совету Министров РСФСР утвердить до 1 октября 1967 г. проектное задание на строительство комплекса объектов туристского центра в г. Суздале...

Установить, что оплата проектно-изыскательских работ, выполняемых в 1967 году, производится за счет общих капитальных вложений, установленных Совету Министров РСФСР.

7. Возложить выполнение подрядных работ по строительству объектов туристского центра в г. Суздале на Министерство строительства СССР (без выполнения реставрационных работ).

8. Разрешить Министерству строительства СССР использовать для размещения рабочих-строителей на время строительства объектов туристского центра в г. Суздале 12 тыс. кв. метров жилой площади из общего количества жилой площади, вводимой в эксплуатацию в г. Суздале в 1968–1969 годах в соответствии с настоящим Постановлением.

9. Обязать Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию и Совет Министров РСФСР обеспечить перевод до 1 января 1968 г. из Спасо-Евфимиевского монастыря специального профессионально-технического училища № 20 и передать освобождающиеся помещения Министерству строительства СССР для временного размещения в них в 1968 году рабочих-строителей.

10. Обязать Министерство газовой промышленности обеспечить выполнение работ по проектированию и строительству магистрального газопровода от газораспределительного пункта в г. Владимире до г. Суздаля протяженностью 30 км с вводом его в действие в 1970 году.

11. Обязать Министерство путей сообщения обеспечить окончание в 1972 году строительства железнодорожного вокзала в г. Владимире.

12. Обязать Министерство связи СССР обеспечить в 1968–1969 годах строительство и монтаж автоматической телефонной станции на 2000 номеров в г. Суздале.

13. Открыть автомобильную дорогу Москва – Владимир (Горьковское шоссе) для транзитного проезда иностранных туристов, в том числе на собственных автомобилях...

15. Комитету по кинематографии при Совете Министров СССР обеспечить в 1969–1970 годах выпуск кинофильмов для популяризации памятников истории и культуры Владимиро-Суздальской Руси и рекламы туристского центра в г. Суздале.

Заместитель Председателя
Совета Министров Союза ССР

К. МАЗУРОВ

Заместитель Управляющего Делами
Совета Министров СССР

К. СЕЛИВАНОВ

Обязанности дирекции строящегося предприятия

(извлечение из справочного пособия Заказчика-застройщика, М., Стройиздат, 1970 г.)

Дирекция строящегося предприятия для своевременного выполнения заданий по новому строительству и вводу в действие производственных мощностей и объектов обязана.

В области планирования строительства:

- разработать, утвердить и согласовать с генеральными строительными подрядчиками и строительными организациями внутрипостроечные титульные списки;
- разработать задания и согласовать с проектными организациями графики обеспечения строительства проектно-сметной документацией;

В области обеспечения проектно-сметной документацией:

- подготовить совместно с проектной организацией задания на проектирование объектов и заключить договоры на проектно-исследовательские работы;
- контролировать своевременное и качественное выполнение проектов, смет, рабочих чертежей и выдавать их в строительное производство с разрешительными надписями о принятии к осуществлению;
- проверять комплектность и качество (перед оплатой) проектно-сметной документации с выделением объёмов и стоимости первой очереди строительства, а при необходимости и пусковых комплексов;

В области финансирования и строительства:

- обеспечить бесперебойное финансирование и кредитование строительства в соответствии с объёмами капитальных вложений, предусмотренными в титульных списках;
- проверять цены и платёжные документы подрядчиков и поставщиков и других организаций за выполненные поставки, работы и услуги для строительства;
- учитывать и контролировать расходование сметного лимита по соответствующей структуре капитальных вложений;
- контролировать правильность бухгалтерской разности по объектам строительства произведённых затрат;
- своевременно предъявлять имущественные санкции к поставщикам и подрядчикам за невыполнение договорных обязательств при поставках некомплектной и некачественной продукции;
- контролировать своевременное погашение банковских ссуд и оплату процентов за предоставленный кредит;

В области материально-технического обеспечения:

- Обеспечить строительство технологическим, энергетическим, электротехническим, общезаводским и другим оборудованием, аппаратурой, контрольно-измерительными приборами и материалами, поставка которых возложена на Заказчика-застройщика; с этой целью:
- составлять, представлять и своевременно защищать в соответствующих инстанциях заказные спецификации и заявки (из утверждённой в установленном

порядке проектно-сметной документации) на оборудование, изделия и материалы поставки Заказчика;

- заключать договоры на изготовление и поставку оборудования, изделий и материалов поставки Заказчика в пределах... предусмотренных утверждённой проектно-сметной документацией;
- реализовать выделенные фонды и наряды на оборудовании, изделия и материалы поставки Заказчика;
- принимать по количеству и качеству поставленное на стройки оборудование и другую продукцию, следить за их надлежащим хранением;
- организовать устранение дефектов оборудования;

В области освоения строительной площадки:

- передать по акту генеральной подрядной строительной организации отведённый для строительства земельный участок;
- переселить граждан, проживающих в зданиях, подлежащих сносу, переносу или реконструкции;
- возместить гражданам в случае необходимости и предусмотренном действующим законодательством стоимость изымаемых плодово-ягодных насаждений и посевов, а также подлежащих сносу жилых домов и строений, принадлежащих им на правах личной собственности;

В области организации строительства:

- контролировать организацию и качество строительства, обеспечив профессиональный технический надзор Заказчиков-застройщиков;
- проводить комплексное опробование оборудования (вхолостую и на рабочих режимах) с участием проектных, подрядных строительных и монтажных организаций, а при необходимости и заводов-изготовителей оборудования с наладкой технологических процессов;

В области приёмки и эксплуатации завершённых строек:

- Назначать рабочую комиссию для приёмки от подрядной строительной организации отдельных объектов, конструкций и узлов, зданий и сооружений, для опробования, испытания и приёмки оборудования и механизмов и следить за выполнением ею возложенных на неё функций;
- своевременно подготовить объекты к выпуску продукции, для этого укомплектовать их эксплуатационными кадрами, обеспечить энергоресурсами, сырьём и др., устранить недоделки, на установленном оборудовании начать выпуск продукции (оказание услуг), предусмотренной проектом в объёме, соответствующем нормам освоения проектных мощностей в начальный период;
- предъявлять Государственной приёмочной комиссии законченные строительством и подготовленные к эксплуатации объекты с представлением ей необходимых материалов по этим объектам и участвовать в работе этой комиссии;
- передавать в эксплуатацию законченные строительством и введённые в действие объекты тем предприятиям, которые в дальнейшем должны их эксплуатировать;
- произвести расчёты со всеми организациями (поставщиками, подрядчиками и др.) по законченному строительству;
- вести учёт и отчётность по строительству.

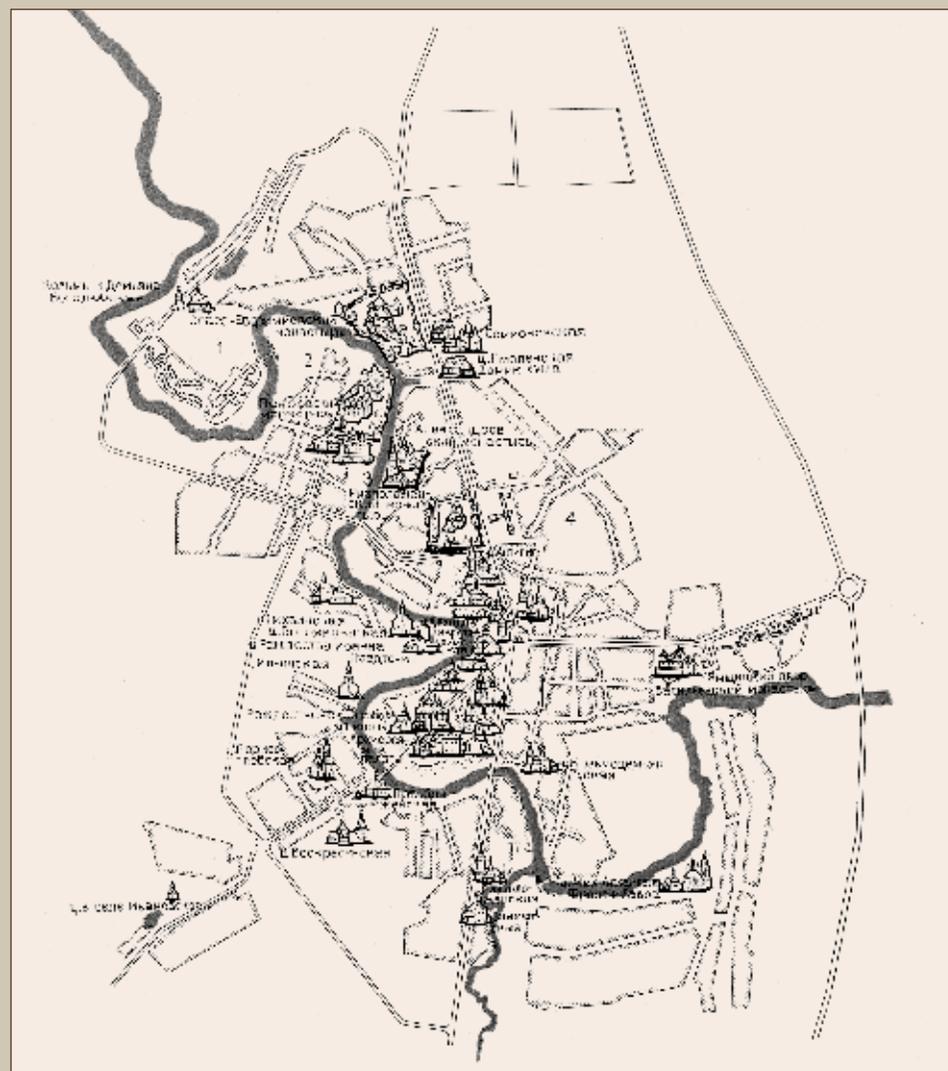
**Постановление Совета Министров СССР
от 28 сентября 1970 года**

**О разграничении обязанностей
между Заказчиком и Подрядчиком**

В обязанности Заказчика входит обеспечение строек:

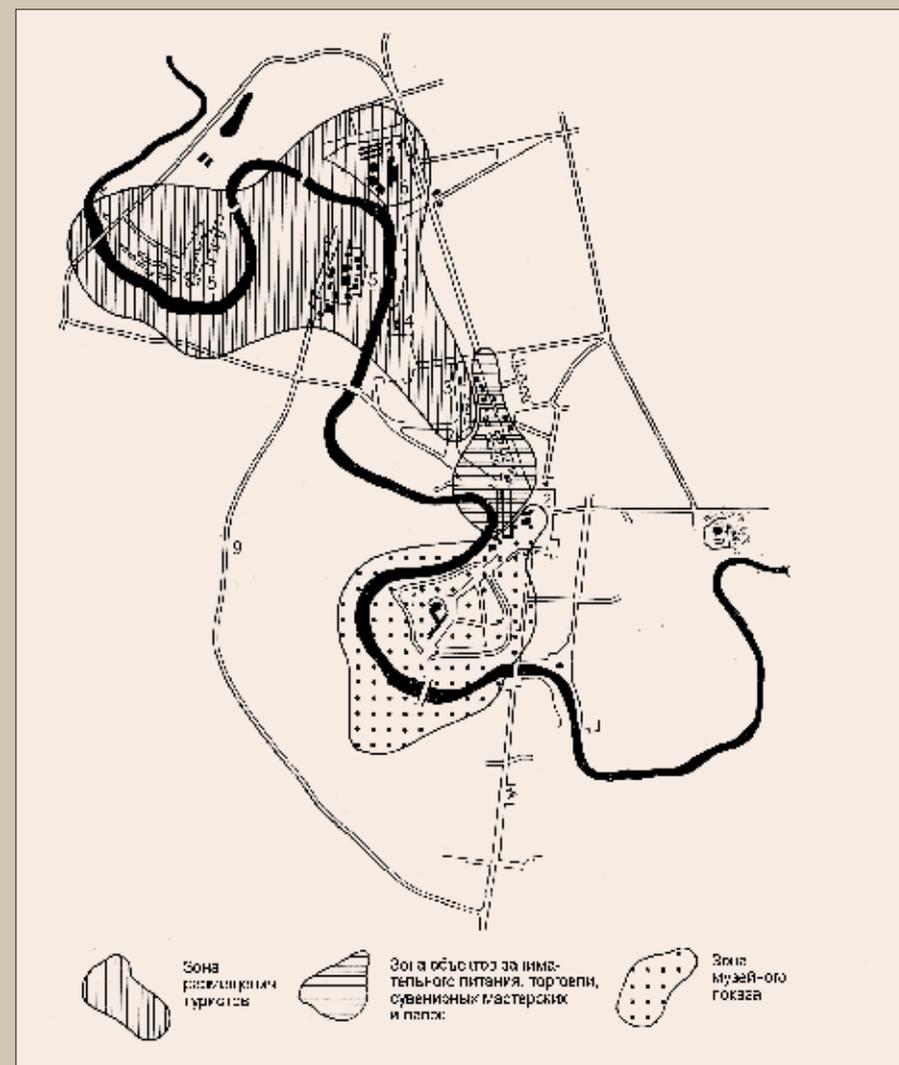
- общезаводским, подъёмно-транспортным, нестандартизированным, энергетическим, противопожарным и другим технологическим оборудованием, включающим оборудование ресторанов и кафе, бассейнов, концертных залов и др. объектов;
- электротехническим оборудованием, включая кабельную и проводниковую продукцию, электрическими бытовыми плитами, контрольно-измерительными приборами, средствами автоматизации и связи, высоковольтной, низковольтной и осветительной аппаратурой, стальным канатом для грозозащитных линий подстанций;
- оборудованием и телефонной кабельной продукцией;
- металлическими герметическими дверями с механизмами открывания для спецпомещений;
- аппаратурой (вентиляторы всех размеров и назначений, калориферы, отопительные агрегаты, водонагреватели, кондиционеры, фильтры, лифты, газовые плиты);
- нержавеющей и специальными сталями, цветными металлами, прокатом и изделиями из цветных металлов и нержавеющей сталей;
- трубами биметаллическими, футерованными, из нержавеющей сталей, цветных металлов и др. материалов;
- электродами из нержавеющей сталей и специальных сплавов для монтажа трубопроводов;
- технологическими изделиями из стального цветного и чугунолитя;
- огнеупорными изделиями;

- промышленной трубопроводной арматурой и задвижками, фланцами, компенсаторами, шпильками и гайками для монтажа оборудования;
- всеми видами эксплуатационного оборудования и материалов (включая материалы для заполнения фильтров (активированный уголь, специальные виды щебня, кварцевый песок и другие изделия);
- инвентарем, электролампами и осветительными приборами;
- электросчетчиками для производственного и жилищно-гражданского строительства;
- вентиляторами и насосами с электродвигателями для обслуживания систем отопления, вентиляции, горячего и холодного водоснабжения и канализации;
- вентиляторами с электродвигателями на общей фундаментной раме с виброизоляторами и приводом;
- трансформаторами для подстанций с комплектующими изделиями, включая штанги, коврики, масло, шины и т. д.
- холодильным оборудованием, холодильными камерами, пищевым и другим технологическим оборудованием;
- водонагревателями всех видов и назначений, бойлерами, элеваторными узлами, регуляторами давления, температуры и расхода;
- змеевиков внутренних устройств технологических резервуаров, промышленных печей и аппаратуры;
- регулирующими устройствами во взрывобезопасном и противопожарном исполнении, утеплёнными унифицированными заслонками и исполнительными механизмами к ним, специальными материалами для заполнения, шумоглушителей;
- оборудованием устройств для подогрева мазута – рабочего топлива для отопительных котельных;
- многостворчатых, герметических, огнезащитных, перекидных и воздухораспределительных клапанов;
- лабораторным оборудованием, инвентарем и материалами;
- мебелью всех видов и типов;
- инвентарем;
- другими материалами и оборудованием...

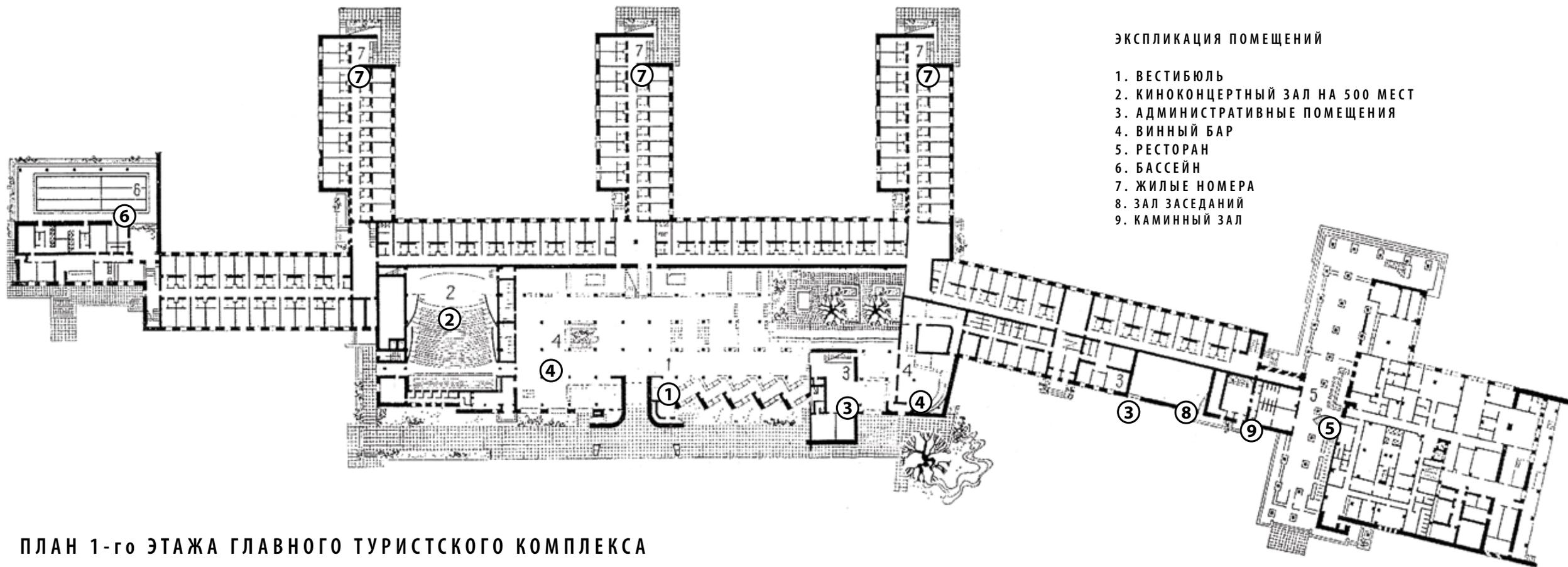
**СХЕМА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ТУРИЗМА
В СУЗДАЛЕ /из проекта 1967 г./**

1 – главный туристский комплекс (гостиница на 430 мест с рестораном на 500 мест, плавательный бассейн, комплекс мотелей на 294 места, станция технического обслуживания); 2 – Покровский монастырь (гостиница на 32 места, рубленые дома на 90 мест, трапезная, кафе, концертный зал); 3 – Ризоположенский монастырь (гостиница на 100 мест, торгово-ремесленные ряды); 4 – Советская площадь (узел связи, административное здание, поликлиника, банк)

**СХЕМА ЗОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ТУРИСТСКОГО ЦЕНТРА СУЗДАЛЯ
/из проекта 1967 г./**

1 – Кремль; 2 – торговая площадь; 3 – Ризоположенский монастырь; 4 – Александровский монастырь; 5 – Покровский монастырь; 6 – Спасо-Евфимиев монастырь; 7 – Васильевский монастырь; 8 – ГТК /главный туристский комплекс; 9 – въездная «туристская» дорога

ПЛАН 1-го ЭТАЖА ГЛАВНОГО ТУРИСТСКОГО КОМПЛЕКСА

РЕШЕНИЕ № 297

от 23 октября 1970 года

Протокол № 15

О работе дирекции по строительству туристического комплекса в г. Суздале.

Исполком городского Совета, проверив работу дирекции по строительству турцентра отмечает, что с момента создания дирекции, коллективом проделана определенная работа по созданию необходимых условий для строительства большинства объектов, предусмотренных решением Совета Министров СССР от 1 августа 1967 года. На 1 октября из 42 млн. руб. с учетом пересчета в новых ценах освоено 11721 тыс. руб. или 26,3%.

В тоже время исполком отмечает, что в работе дирекции допускается целый ряд существенных недостатков и упущений. До сих пор строящиеся объекты не полностью обеспечены проектно-сметной документацией, что вызывает бесплановость в работе строителей, просроченную задолженность и несвоевременное использование средств. По состоянию на 1 октября по 73 строящимся объектам с годовым объемом капитальных вложений 1894 тыс. руб. финансирование не открыто, просроченная задолженность генподрядчику, составила 2865 тыс. рублей и средств, выделенных на строительство объектов турцентра при плане 6416 тыс. руб. использовано 4056 тыс. руб. или 63,2%.

В указанных недостатках большая вина лежит и на генподрядчике, который несвоевременно проверяет и согласовывает сметы на строящиеся объекты, акты выполненных работ оформляются с большим опозданием.

Со стороны ЦНИИЭП торговых зданий не сделано уточнения сводного сметно-финансового расчета по всем отраслям финансирования, что сдерживает открытие финансирования по ряду строящихся и даже пусковых объектов. Дирекцией слабо организована работа по обеспечению объектов оборудованием и материалами, особенно очистных сооружений. Сложилась неправильная практика передачи эксплуатирующим организациям не законченных объектов строительства. В течение года строительная база не передана на баланс Комбинату коммунальных предприятий, база очистки, детский комбинат - горono, целый ряд инженерных сетей.

Руководством дирекции до сих пор не определен объем строительства будущего года.

Плохо организована подготовка и передача земельных участков под строительство объектов. Нет четкой системы по организации технического надзора за объектами строительства, в результате чего допускаются случаи брака, неправильное исполнение проектов исправление которых, ведет к затягиванию строительства и его удорожанию.

Указанные недостатки явились следствием отсутствия должной организаторской и воспитательной работы в коллективе.

Производственное совещание проводится от случая к случаю работа в целом не планируется, социалистические обязательства не принимались, лекции и политинформации не проводятся, отсутствуют часы приема посетителей. Чередко отдельными работниками допускаются случаи нарушения трудовой дисциплины. Со стороны начальника дирекции тов. Рыжова В. И. не проявляется должной настойчивости в подборе главного инженера. Имеются случаи нарушения финансовой дисциплины.

Турцентр не стал штабом по координации работ всех строительных подразделений. Исполком городского Совета РЕШАЕТ:

1. Предложить руководству дирекции т. Рыжову В. И.:

- а/ до с 29 ноября подробно разобраться, и навести порядок по обеспечению проектно-сметной документацией объектов строительства и в первую очередь по объектам будущего года,
 - б/ обеспечить поставку строительным организациям необходимого оборудования для пусковых объектов, в первую очередь для очистных сооружений, станций перекачки, районной котельной,
 - в/ в срок до 1 декабря 1970 года передать все законченные строительством объекты на баланс эксплуатирующим организациям,
 - г/ в ближайшее время совместно с генподрядчиком подробно разобраться и определиться с объектами строительства и объемами капитальных вложений на 1971 год,
 - д/ повысить требовательность к подчиненным за состояние технического надзора, путем более глубокого изучения проектно-сметной документации на закрепленных участках, добиваясь устранения недостатков непосредственно на объектах.
2. Обязать тов. Рыжова В. И. устранить серьезные недостатки в организационной и воспитательной работе в коллективе.
3. С целью оказания практической помощи дирекцией турцентра.
- а/ обязать начальника ЛТП т. Аверьянова Ю. А. беспрепятственно выделять автотранспорт в необходимом количестве согласно заявок дирекции,
 - б/ для организации своевременной разгрузки погрузки и поставки оборудования на объекты, обязать ККП тов. Егорова В. И. выделять автокран по заявкам дирекции.
4. Обязать тов. Рыжова В. И.:
- а/ в срок до 15 ноября 1970 года внести предложение о кандидатуре главного инженера дирекции,
 - б/ по целевому назначению использовать предусмотренные по смете расходы на содержание аппарата.

Председатель исполкома городского Совета:

/А. Думов/

Секретарь исполкома городского Совета:

/А. Трусова/

Решение исполкома Суздальского горсовета
от 23 января 1976 года

О работе дирекции турцентра по подбору и подготовке кадров для объектов ГТК

Заслушав начальника дирекции турцентра тов. Молчанова В. В. «О подборе и подготовке кадров для объектов ГТК», исполком городского Совета отмечает, что дирекцией турцентра проводится некоторая работа по подбору кадров. Периодически даются объявления по местному радио, проводятся беседы с выпускниками средней школы, дана заявка в кулинарное училище, взяты на учёт желающие работать на ГТК в количестве 305 человек, в т. ч. иногородние – 75 человек.

Однако следует отметить, что проводимая работа является недостаточной и не даёт конкретного представления о количественном и качественном составе желающих работать.

Согласно проекта штатного расписания только на объекты ГТК потребуется 531 человек, в т. ч. в ресторан – 242, гостиницу – 133, бассейн – 17, киноконцертный зал – 29, доукомплектование дирекции – 110 человек.

Анализ показывает, что из 134-х десятиклассников, оканчивающих среднюю школу, изъявили пойти на работу официантами всего лишь 12 человек, из кулинарного училища будет направлено поваров около 40 человек, заявлений от жителей города и иногородних подано 300.

Из выше указанного следует, что из требуемых 531 человека, возможность набора за счёт городских ресурсов составляет около 350 человек, причем большинство из них необходимой для предстоящей работы квалификации не имеют.

Руководство дирекции не принимает настойчивых мер по подбору руководящих работников для ресторана, гостиницы, бассейна, киноконцертного зала, инженерной службы ГТК, что отрицательно влияет на подготовку этих объектов к эксплуатации; недостаточно занимается подбором и подготовкой кадров массовых профессий.

До настоящего времени не организована плановая подготовка этих кадров, программы занятий не утверждены. Для приглашения специалистов узких профессий – шеф-поваров, кондитеров, администраторов, квалифицированных официантов не используется областное радио, центральные газеты.

Исполнительный комитет Суздальского городского Совета депутатов трудящихся решил:

Рекомендовать руководителям отделов, служб, предприятий и организаций города рассмотреть заявки и просьбы дирекции турцентра по кадровым вопросам, оказывать помощь в подборе требуемых специалистов и работников для комплектования объектов ГТК.

Рекомендовать дирекции турцентра:

– проанализировать расчёты затрат на предпусковой и пусковой периоды объектов ГТК на подготовку кадров массовых профессий, комплектование кадрами производить по мере развития мощностей предприятий, не допуская непроизводительных затрат;

– до 1 марта 1976 года провести подробный анализ потребности в жилье, установить порядок его распределения по категориям работников, учитывая первоочередное выделение специалистам;

– учитывая нехватку кадров строительных, ремонтно-реставрационных предприятиях, транспорте и общественном питании города не допускать случаев их переманивания.

– Продолжить конкретную связь с выпускниками кулинарного училища, средней школы, стоящими на учёте лицами, желающими работать в дирекции, шире использовать центральные газеты, радио для приглашения работников основных специальностей, установить связи с институтами, техникумами, училищами, выпускающими специалистов необходимых для ГТК профессий, подготовить заявки и просьбы в течение января-февраля 1976 года;

– через уличные и домовые комитеты продолжить работу по выявлению и привлечению неработающего трудоспособного населения города, определить меры подготовки через курсы и другие формы обучения;

– обеспечить подбор руководителей гостиницы, киноконцертного зала, плавательного бассейна ведущих специалистов инженерной службы ГТК до 1 марта 1976 года, направить их на стажировку в передовые предприятия Москвы, Эстонии, Ленинграда;

– до 10 февраля разработать учебные программы для подготовки работников массовых профессий, шире использовать для занятий практику привлечения специалистов из высших учебных заведений и техникумов, разработать эскизы форменной одежды для обслуживающего персонала;

3. Ввести в номенклатуру исполкома городского Совета следующие должности руководящих работников дирекции:

а) заместителей и начальника дирекции турцентра

б) директоров предприятий ГТК и Покровского монастыря.

4. Просит заведующих областными отделами облисполкома:

по туризму тов. Решетова А. И., культуры тов. Сумкина Н. И., коммунального хозяйства тов. Яшанова И. И., областного управления общественного питания тов. Куренкова Д. Е. оказать практическую помощь дирекции турцентра в подборе и расстановке кадров специалистов для киноконцертного зала, гостиницы, ресторана Главного туристского комплекса.

5. Просить облисполком ускорить рассмотрение и утверждение штатного расписания по ГТК.

Начальнику дирекции турцентра т. Молчанову В. В. к 1 апреля 1976 года доложить исполкому горсовета о ходе выполнения данного решения.

Председатель исполкома
За секретаря член исполкома

А. М. Думов
Н. И. Токарева

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Диплом

Президиум СУЗДАЛЬСКОГО
РАЙОННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Всероссийского общества охраны
памятников истории и культуры
НАГРАЖДАЕТ

БРУНЦЕВА Валерия Александровича за
активное участие в юбилейном фото-
конкурсе.

20 сентября 1974 года

Председатель Президиума

И. Смирнов

МИНИСТЕРСТВО
ТОРГОВЛИ СССР

(Минторг СССР)

103688, Москва, ул. Разина, 14

от 12.06-79 № I-71/4749

На № 5/465 от 05.06.79.

Главному инженеру
Генеральной Дирекции
Туристского центра в г.Суздале

т.Брунцеву В.А.

Министерство торговли СССР, рассмотрев просьбу Дирекции турцентра по вопросу приобретения торгового оборудования и мебели для оснащения ресторана Главного туристского комплекса, обслуживающего туристов и гостей Олимпиады-80, изыскало возможность выделить с поставкой в 1979 году:

	Единица измерения	Количество
1. Барная стойка	компл.	1
2. Холлы отечественные	компл.	25
3. Коврал для ресторана	м ²	100
4. Кофеварки в комплекте с кофемолкой (ВНР)	компл.	2
5. Эл.грилли (ВНР)	шт.	1

Заместитель Министра

С.Е. Саруханов
С.Е. Саруханов

Стенограмма

выступления генерального директора турцентра
В. В. Молчанова на IX сессии исполкома Суздальского
городского Совета депутатов трудящихся 15-го созыва

28 октября 1976 года

«Товарищи! Коллектив туристского центра ещё молодой, он только формируется, это совершенно новая отрасль, так называемая «индустрия туризма», кадры для нас пока никто не готовит. Поэтому мы поставили задачу – учить свои кадры работать. Разрабатываем программы по повышению уровня знаний по профессиям и начинаем свой третий учебный год. Это даёт свои плоды.

Наши сотрудники имеют определенные знания и навыки в вопросах приема и обслуживания туристов, теперь смелее и увереннее решают поставленные перед ними задачи. Одним из факторов, способствующих выполнению задач, стоящих перед коллективом – является социалистическое соревнование, которым охвачены все рабочие основных профессий. Более 40% работающих участвуют в соревновании за коммунистическое отношение к труду. Организовано соревнование за звание «Лучший по профессии» и 28 работников дирекции добились этого почетного звания.

Коллектив за последующие два месяца увеличился в 2 раза, а к сезону 1977 года он увеличится в 5 раз. Поэтому мы сейчас уделяем большое внимание вопросам воспитания и коммунистического отношения к труду. Лучших выдвигаем руководителями бригад и отделов. Стараемся обучать и выдвигать молодых рабочих и служащих с перспективой на будущее. Мы уделяем серьезное внимание вопросам укрепления трудовой дисциплины и воспитания людей, стремимся на всех участках создавать обстановку взаимной выскательности, принципиальной критики и самокритики. Широкая гласность, сравнимость результатов, умелое применение мер морального и материального

стимулирования помогают добиваться наивысших показателей в труде.

Большая работа проведена коллективом по строительству ГТК. Комплекс почти полностью обеспечен высококачественной мебелью, оборудованием и материалами, которого приобретено более чем на 1,8 миллиона рублей, кроме того более чем на 600 тысяч рублей приобретено, как помощь строителям, качественных столярных изделий, панелей, алюминиевых витражей.

Тот, кто из вас был на комплексе, может по достоинству оценить труд небольшого по численности коллектива дирекции турцентра и наших генподрядчиков – организаций СМУ «Суздальстрой», УНР-672, ССМУ-6 и других.

Это, действительно, уникальный комплекс и будет являться гордостью не только Суздаля, но и всей Владимирской области.

Сегодня на комплексе работает рабочая комиссия, 70% гостиницы уже меблировано, продолжается работа по установке мебели в остальной части гостиницы, заканчивается установка кресел в концертном зале.

Но вместе с тем, мы имеем ряд существенных недостатков, на которые не закрываем глаза, а принимаем необходимые меры по устранению отставаний в вопросах строительства отдельных объектов, как жилья, прачечной, водозаборных и очистных сооружений, торгового центра, цеха полуфабрикатов. Имеются недостатки в вопросах поставки оборудования и культуры обслуживания туристов, в вопросах дисциплины, подборе кадров и работе с ними и ряде других вопросов.

Товарищи депутаты, разрешите заверить городской Совет, что коллектив дирекции турцентра с трудовым подъёмом встретит 59-ю годовщину Великого Октября и будет настойчиво добиваться повышения производительности труда, эффективности производства и качества работы, укреплять дисциплину, по-хозяйски использовать резервы, успешно претворять в жизнь задачи, поставленные XXV съездом партии».

Новый туристский комплекс в Суздале

(Журнал Газета «Архитектура», приложение к «Строительной газете»

№16 от 6 августа 1978 г.)

На соискание Государственной премии СССР

«... Мне кажется, что успех авторского коллектива объясняется не только выбором участка расположения комплекса в излучине реки Каменки. В данном случае мы видим архитектуру, органичную древнему Суздалю. Авторами точно найден спокойный и вместе с тем монументальный силуэт зданий, ритм объёмов общественной зоны, удачно расчленяющих протяженный фасад...

Трудная задача: создать в одном материале – традиционном для Владимиро-Суздальской архитектуры белом камне – почти 350-метровую длины здание. Ведь как соблазнительно было ввести цветное членение, поиграть фактурой. Но авторы нашли более тонкие, нюансные средства оживления фасадов. Различия в положениях камня на стыках и парапетах, в расветах окон и на ограждениях, тонкая рустовка каменных плит, установка их на углах не «внахлест», а «на ус», с раскреповкой угла, – всё это обнаруживает глубокое понимание принципов работы с материалом, высокое мастерство в его использовании.

Особенно активно материал стен выявлен художественно-декоративными элементами фасада – большой скульптурной композицией «Время», вставками углового входа/Местоположение этих элементов, их своеобразная трактовка – всё это

проявление подлинного синтеза архитектуры и изобразительных искусств.

Весьма ценным является также колористическое единство решения переплётыв в проёмах – дуб в окнах номеров, анодированный алюминий в витражах крупных общественных помещений. Витражи, решенные в двух цветах – старой бронзы и золота, – хорошо сочетаются с тёплым тоном белокаменных стен и обеспечивают необходимый переход от сдержанного наружного облика к мажорной гамме интерьеров главных помещений...

Если снаружи архитектура здания спокойна, проста..., то в интерьерах, особенно в помещениях, не ориентированных на исторические сооружения, она раскрывается всем богатством современных форм и деталей.

Торжественно и строго решен главный приёмный зал комплекса – помещения многофункционального назначения, где сосредоточены все виды информации и обслуживания гостей.

Чёрный пол с золотой латунной прожилкой между плитами, тонкие колонны, облицованные светлым армянским фельзитом, похожим по текстуре на срезы дерева, каменные с деревянным покрытием барьеры различных служб – таковы организующие пространство элементы. Основной архитектурный компонент зала – потолок:

центральный плафон из латунных колец, окаймленный системой глубоких деревянных кессонов, расчлененных балками сплошного профиля. Очень выразительно, пластично. Между тем всё это богатство основано на трёх типах панелей и трёх видах латунных деталей (кольцо, прут и декоративный колпачок).

Принципом «единство при разнообразии» авторы руководствовались в построении всех интерьеров, применяя одни и те же материалы, но в разном сочетании с добавлением того или иного активного элемента.

В киноконцертном зале таким элементом стал красный цвет кресел и – в качестве главного художественного акцента – яркий, красный с золотом занавес сцены (художник С. Заславская), хорошо сочетающийся с деревянными панелями стен, золотом алюминиевых профилей между панелями. Хорошо решены объём и пропорции зала. Сравнительно небольшой (500 мест), он производит впечатление уютного, но в то же время просторного помещения, что достигнуто и интересной формой членения стен, и соотношением основного объёма зала с лоджией амфитеатра, и многими другими, точно найденными средствами.

Одно из наиболее интересных мест в комплексе – многоярусный ресторан под большой двускатной кровлей. Обширно треугольное и почти нерасчлененное пространство в помещениях главных залов, но трактовкой интерьеров создан масштаб, соразмерный человеку.

Интерьер решен двумя деталями: колоннами, которые превращены как бы в пучки белокаменных столбов, и покрытием – стилизованным гонтом, в размере и рисунке которого воплощены традиции русского зодчества. Цвет дерева, тип латунно-хрустального светильника, белокаменные барьеры – всё

это роднит интерьеры ресторана с другими зонами комплекса.

Несколько по-иному выполнен интерьер бассейна. Здесь спокойные белокаменные стены, белый (из пластмассовых решеток) потолок. За широкими витражами ванного зала раскрывается панорама ансамбля Спасо-Евфимиева монастыря.

В контрасте с общественными помещениями просто, спокойно и убедительно решены номера гостиницы – от однокомнатного до многокомнатных. Здесь современное оборудование, высококачественная отделка.

Следует особо отметить мастерское решение всех систем инженерного оборудования, особенно вентиляции и кондиционирования. Нигде не видно их «насильственного» (как это часто, к сожалению, бывает) присутствия.

Главную заслугу архитекторов я вижу в том, что они в этой работе были подлинными создателями – работали рука об руку со строителями, на месте решали каждую деталь здания, уточняя и совершенствуя проект...

Мне кажется, что ведущие создатели комплекса – архитекторы М. Орлов (руководитель авторского коллектива), Ю. Ранинский, В. Косаржевский, инженер-конструктор В. Лепский, инженеры-строители В. Брунцев, Е. Черкашин и др. заслуженно выдвинуты на соискание Государственной премии СССР.

Е. Розанов,
засл. архитектор РСФСР, лауреат
Государственной премии СССР и УзССР.

О присуждении государственных премий СССР 1978 года в области литературы, искусства и архитектуры

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложения Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, **п о с т а н о в л я ю т** присудить Государственные премии СССР 1978 года:

...18. **Орлову** Марку Артуровичу, заслуженному архитектору РСФСР, руководителю работы, **Ранинскому** Юлию Владимировичу, **Косаржевскому** Воле Иосифовичу – архитекторам, **Александрову** Юрию Владимировичу, заслуженному художнику РСФСР, скульптору, **Лепскому** Виталию Иосифовичу, заслуженному строителю РСФСР, инженеру-конструктору, **Артюшенко** Григорию Прокофьевичу, заслуженному строителю РСФСР, **Брунцеву** Валерию Александровичу, **Морозову** Александру Матвеевичу, **Черкашину** Евгению Андреевичу – инженерам-строителям, – за архитектуру главного туристского комплекса в Суздале...

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
Л. Брежнев

Председатель
Совета Министров СССР
А. Косыгин

Лауреаты года

«Строительная газета» № 1 за 1 января 1979 г.

– Я и мои товарищи – ведущие авторы проекта главного туристского комплекса в Суздале – архитекторы Ю. Ранинский, В. Косаржевский, инженер В. Лепский, наши коллеги-строители В. Брунцев, Е. Черкашин, Г. Артюшенко и А. Морозов счастливы тем, что наш многолетний творческий труд отмечен Государственной премией СССР. Высокая награда – не только оценка нашей работы, но и признание тех принципов, которыми мы руководствовались.

Это прежде всего принцип преемственности традиций владимиросуздальской школы зодчества, выразившийся в современной трактовке древних образов, органической связи комплекса с окружающей природой и архитектурной средой древнего города, масштабности всего ансамбля.

Успешное воплощение творческих замыслов стало возможным благодаря содружеству со строителями. И, конечно же, важнейшей основой полноценного осуществле-

ния проекта явились глубокое понимание творческих задач и большое доверие к авторскому коллективу со стороны партийных и советских руководителей Владимирской области, оказавших активное содействие в решении возникавших проблем.

Отработанные в Суздале принципиальные позиции мы используем при создании центров туризма в древних городах. Недавно институт закончил разработку проектных предложений и технико-экономических обоснований туристского комплекса в Новгороде.

М. А. Орлов,
директор ЦНИИЭП
торгово-бытовых
зданий и туристских комплексов

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ПРИЕМ: 1810
ЧАС МИН.

Бланк № 370

ПЕРЕДАЧА

Адрес: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
СУЗДАЛЬ СОВЕТСКАЯ 35
КВ-13 БРУНЦЕВУ ВАЛЕРИЮ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ

№ связи: _____
Передат: _____

Принят: _____
№: МОСКВА 707 53 7 16324

ДОРОГОЙ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОМИТЕТ ПО ИМЕНИ С.И.И.И.
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР ОБЛАСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА АРХИТЕКТУРЫ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС О
ПРИСУЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР ЗА АРХИТЕКТУРУ
ГЛАВНОГО ТУРИСТСКОГО КОМПЛЕКСА В СУЗДАЛЕ Т.Ч. ОТ ВСЕ
ДУШИ ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ
УСПЕХОВ ОТ ПРЕЗДИУМА КОМИТЕТА ТИХОНОВ ИВАНОВ ВАСИЛЬЕВ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ПРИЕМ: 1843
ЧАС МИН.

Бланк № 382

ПЕРЕДАЧА: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
СУЗДАЛЬ ВЛАДИМИРСКОЙ
ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
БРУНЦЕВУ ВАЛЕРИЮ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ

№ связи: _____
Передат: _____

Принят: _____
№: МОСКВА 113125/4 37 22 1730

ИМЕНИ КОЛЛЕКТИВА МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РСФСР СЕБЯ
ЛИЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС УДАШАЕНЫ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЗАСЛУЖЕННЫМ ПРИСУЖДЕНИЕМ ВАМ ВЫСОКОЙ НАГРАДИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ЖЕЛАЕМ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ ВАШЕЙ
БЛАГОРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ = ЗАМИНРОСКУЛЬТУРЫ СТРИГАНОВ
И ЛЧУПРСА БРОСИМИКУЛЬТУРЫ АГРАНАТОВ =

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ПРИЕМ: 1340
ЧАС МИН.

Бланк № 382

ПЕРЕДАЧА: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
СУЗДАЛЬ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ГЛАВНОМУ ИНЖЕНЕРУ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ДИРЕКЦИИ
БРУНЦЕВУ ВАЛЕРИЮ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ

№ связи: _____
Передат: _____

Принят: _____
№: МОСКВА 365/905 48 10 1205

УВАШАЕМЫЙ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ
ВЫСОКОЙ ОЦЕНКОЙ ВАШЕГО ТРУДА ПРИСУЖДЕНИЕМ ПРЕМИИ
СССР 1978 ГОДА ЗА ГЛАВНЫЙ ТУРИСТСКИЙ КОМПЛЕКС В
СУЗДАЛЕ Т.Ч. ЖЕЛАЮ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ ЗПТ НОВЫХ
ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ ЗПТ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ Т.Ч. =
НР ПР-12-3185 ЗАМПРЕДГОСГРАЖД ИСТРОЯ РОДИН =

УВАЖАЕМЫЙ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ ПРИ ГОССТРОЕ СССР СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИСУЖДЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР 1978 ГОДА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ ЗА АРХИТЕКТУРУ ГЛАВНОГО ТУРИСТСКОГО КОМПЛЕКСА В г.СУЗДАЛЕ.

ЖЕЛАЕМ ВАМ, ДОРОГОЙ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ, БОЛЬШОГО ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ, НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ В ДЕЛЕ СОЗДАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОТДЫХА, ДОСТОЙНЫХ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ГОСГРАЖДАНСТРОЯ

Г.ФОМИН

Г.Фомин

МОСКВА 25112 23 16 1845= СУЗДАЛЬ ГЛАВНЫЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС БРУНЦЕВУ Л А= СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ
ЕДИНОДУШНЫМ ПРИЗНАНИЕМ ВАШЕГО КРУПНОГО ВКЛАДА СОЗДАНИЕ ГТК
ВЫСОКОЙ ПРЕМИЕЙ ЖЕЛАЮ УСПЕХОВ=ПРОФЕССОР ШВИДКОВСКИЙ-
/// МОСКВА 25112 0900 СЕКРЕТАРЬ СОЮЗА АРХИТЕКТОРОВ СССР

МОСКВА 418/205 50 9 1635=СУЗДАЛЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ТУРЦЕНТР ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ДИРЕКЦИЯ БРУНЦЕВУ В А =УЧАСТНИКИ ДЕСЯТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ
МОЛОДЫХ ЭКОНОМИСТОВ СОЦСТРАН ИСКРЕННЕ РАДЫ ВЫСОКОМУ ПРИЗНАНИЮ
ВАШЕЙ БОЛЬШОЙ РАБОТЫ ТЧК ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРИСУЖДЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ ЭПТ ЖЕЛАЕМ БОЛЬШИХ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ ТЧК ЮДАНОВ ПРИЧИГИНА
ПСТЫГО АЛОЯН ГРИГОРЬЕВ И ВСЕ ВАШИ ДРУЗЬЯ В ИНСТИТУТЕ МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯ СССР -

БАРНАУЛ 99/204 44 14 1201= СУЗДАЛЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
БРУНЦЕВУ ВАЛЕРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ= ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС НАШЕГО
ЗЕМЛЯКА БАРНАУЛЬЦА С ПРИСУЖДЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР
1978 ГОДА ЗА АККУМУЛИРОВАННОЕ УЧАСТИЕ В СОЗДАНИИ ГЛАВНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА СУЗДАЛЕ= ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АЛТАЙСКОГО КРАЕВОГО СОВЕТА ОБЩЕСТВА
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВЛАДИМИРСКИЙ Л ДИРЕКТОР
КРАЕВОГО МУЗЕЯ ЛЕОНОВА-

БОБРУЙСК 2/022 28 10 2005= СУЗДАЛЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ТУРЦЕНТР БРУНЦЕВУ
ВАЛЕРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ= УВАЖАЕМЫЙ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РАБОТНИКИ
УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ БОБРУЙСКДРЕВ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮТ ВАС
ПРИСУЖДЕНИЕМ ВАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ЖЕЛАЕМ ВАМ ДАЛЬНЕЙШИХ
ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ ЗДОРОВЬЯ= БОБРУЙСКДРЕВ САНЧУКОВСКИЙ-

= СУЗДАЛЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
БРУНЦЕВУ ВАЛЕРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

= НОВОСИБИРЦЫ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ВСЕХ ВАШИХ КОЛЛЕГ
ПРИСУЖДЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ КОМПЛЕКСУ
СУЗДАЛЯ ЖЕЛАЕМ НОВЫХ УСПЕХОВ НА СЛАВУ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ =

= ОТ ИМЕНИ ИСТОРИКОВ АРХЕОЛОГОВ ЭТНОГРАФОВ СИБИРИ
АКАДЕМИК ОКЛАДНИКОВ

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Я, Орлов Марк Артурович, Член Союза архитекторов СССР с 1956 года, членский билет № 2053, знаю инженера Брунцева Валерия Александровича в течение восьми лет по совместной работе над созданием Главного туристского комплекса в городе Суздале.

За эти годы товарищ Брунцев В. А. проявил большую творческую активность, участвуя как в принятии проектных решений, так и в их воплощении в жизни в процессе строительства.

Товарищ Брунцев В. А. работал с большой творческой инициативой и внёс большой вклад в решение архитектуры комплекса, особенно его интерьеров.

Брунцев В. А. признан членом авторского коллектива по созданию архитектуры ГТК и отмечен Государственной премией СССР 1978 года.

Считаю, что творческое отношение инженера Брунцева В. А. и его преданность нашей профессии позволяют мне рекомендовать его к приёму в члены Союза архитекторов СССР.

Заслуженный архитектор РСФСР,
Лауреат Государственной премии СССР

М. Орлов

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Я, Ранинский Юлий Владимирович, член Союза архитекторов СССР с 1959 года, членский билет № 2495, рекомендую для принятия в СА СССР Брунцева Валерия Александровича.

В. А. Брунцев, по профессии инженер-строитель, активно участвует в создании жилых и общественных зданий и крупных комплексов, обеспечивая полноту реализации авторского замысла и высокое качество строительства.

Работая в последние 8 лет в городе Суздале, В. Брунцев принял самое активное участие в создании многочисленных сооружений Туристского центра, и в частности, — Главного туристского комплекса. Во время совместной работы с авторским коллективом **им внесено много творческих предложений, направленных на улучшение проектных решений. Практически В. А. Брунцев являлся членом авторского коллектива**, обеспечивая ответственное руководство выполнением заводских изделий для отделки и оборудования зданий, проявляя при этом высокую степень понимания специфики архитектурных задач.

Поэтому В. Брунцев вполне закономерно удостоен звания Лауреата Государственной премии СССР за 1978 г. в области архитектуры.

В настоящее время В. Брунцев ведёт большую работу по завершению комплексов Суздаля (Покровский монастырь, Старая улица и др.) В. А. Брунцев практически уже принимает участие в общественной работе Союза архитекторов СССР. Им организован и проведён ряд экскурсий для членов СА СССР и сотрудников проектных организаций, с показом объектов на высоком профессиональном уровне. В. А. Брунцев являлся также одним из организаторов международных архитектурных встреч в Суздале, конференции ИКОМОС, III съезда Общества охраны Памятников РСФСР и т. д.

Уверен, что В. Брунцев будет достойным и полезным членом Союза архитекторов СССР.

Член СА СССР, заслуженный архитектор РСФСР,
Лауреат Государственных премий СССР и Узб. ССР,
профессор

Ю. Ранинский

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Я, Столетов Игорь Александрович, член Союза Архитекторов СССР с 1962 г., членский билет № 7759, знаю инженера Брунцева Валерия Александровича по продолжительной совместной работе по созданию международного туристского центра в городе Суздале.

Работая главным инженером Дирекции по строительству туристского центра Суздаля, тов. Брунцев В. А. своей инициативой и опытом значительно содействовал не только претворению авторского замысла в жизнь, но и **часто являлся активным и творческим участником разработки отдельных проектных решений, что делало его фактически членом авторского коллектива.**

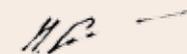
В 1978 году тов. Брунцеву вместе с рядом других товарищей была присуждена Государственная премия СССР в области архитектуры за участие в проектировании и строительстве зданий Главного туристского комплекса в Суздале.

В последние годы тов. Брунцев В. А. принимает активно участие в строительстве гостиничного комплекса в Покровском монастыре, работы по которому выполняются Владимирской специальной научно-производственной мастерской.

В решении сложной задачи создания современного гостиничного и обслуживающего комплекса в старом, очень ценном, архитектурном ансамбле, где не только уровень проектных решений, а такт и культура исполнения играют особую роль, в решении отдельных творческих вопросов также проявилось профессиональное мастерство В. А. Брунцева и его умение решать сложные организационные задачи по обеспечению строительства нестандартными, а зачастую уникальными изделиями из керамики, дерева, металла, что позволило максимально тактично и интересно выполнить эту сложную задачу.

Всё это позволяет мне рекомендовать инженера В. А. Брунцева в члены Союза архитекторов СССР.

Гл. архитектор ВСЭНРП мастерской,
Лауреат государственной премии РСФСР

И. А. Столетов

СЛОВО О "ЗОЛОТОМ ЯБЛОКЕ"

Мал золотник, да дорог! Наступила пора выводить перенца индустрии туризма в СССР, которому исполнилось уже 5 лет, на международную орбиту! Города, обладавшие грандиозными возможностями для развития туризма, нужна была известность.

Летом 1981 года в г.Суздаль прибыл международный комиссар ФИЖЕТ по присуждению "Золотого яблока" известный журналист Жорж Оор (Бельгия) чтобы лично ознакомиться с кандидатом на премию. Полный покой мужчина с седыми усами, в очках, одетый в белую рубашку навывпуск. Его сопровождала жена Юника. Дотошно смотрели гости из Бельгии памятники древнерусской культуры, музеи и выставки и недавно построенные объекты туристского центра. Ж.Оор - опытный журналист и путешественник, объехавший весь мир, - трудно было удивить. Но Суздаль, этот чудом сохранившийся осколок русской старины, поразили комиссара.

- К своему сожалению, я раньше не знал о Суздаль почти ничего, - сказал Ж.Оор нашему корреспонденту. - Теперь я знаю, что среди звезд мирового туризма Суздаль должен занять одно из самых видных мест. Поистине это жемчужина туризма с уникальными памятниками русской культуры XII - XVIII веков и замечательными сооружениями туристской индустрии XX века. Тщательно сохраняемые памятники старины, их гармония с окружающей средой составляют уникальную картину, имя которой Суздаль. Жители Суздаля любят туризм и встречают гостей радушно, тепло, с исконно русским гостеприимством.

Высокий гость оставил тогда автограф на специальной доске, установленной на территории Музея деревянного зодчества. Доска была оплотом средством защиты от современных варваров, которые ставят "автографы" на стенах подлинных памятников архитектуры и старины. Сохранился ли в фондах Музея-заповедника ав-

С 1954 года существует Международная федерация журналистов и писателей по туризму (ФИЖЕТ), занимающаяся пропагандой международного туризма. Ею с этой целью учрежден почетный приз "Золотое яблоко", который ежегодно присуждается городу, туристскому центру за выдающийся вклад в развитие туризма в интересах мира и дружбы между народами, за сохранение и использование памятников культуры в интересах туризма, за развитие туристской индустрии. К началу 1980-х годов в мире насчитывалось 14 лауреатов этой премии, когда советская секция ФИЖЕТ выдвинула кандидатом на получение "Золотого яблока" город Суздаль. Ни Москву, ни Ленинград, даже ни Великий Новгород или "матерь городов русских" Киев, а маленький Суздаль, затерявшийся, казалось бы, среди полей и снегов.

тограф комиссара ФИЖЕТ? Хотя, если и сохранилась доска, то вряд ли удастся отыскать подлин. Ж.Оор среди великого множества других... Но господин Ж.Оор, по его приглашению, ставил свой автограф с удовольствием, и вообще увез из Суздаля превосходный впечатление.

Своими впечатлениями о Суздале международный комиссар ФИЖЕТ Ж.Оор поделился в Москве с заслуженным архитектором РСФСР М.А.Орловым - директором ЦНИИЭП торгово-бытовых зданий и туристских комплексов, руководителем авторского коллектива, про-

ектировавшего туристский центр.

- В этом прекрасном городе Суздаль, где настоящее переплетается с прошлым, придавая ему прелесть и жизнь, я, странствующий журналист, с волнением спрашиваю себя, может ли жизнь не быть здесь наполненной медом счастья и мира? Почему в жизни случается так, что, совершив столь короткое путешествие в этот прекрасный город, чувствуешь себя адоволенным? Больше по-прежнему тем, кто создавал туристский центр, этот приятный современный комплекс, который совсем не портит старейший исторически сложивший ансамбль.

В конце 1982 года международное жюри, рассмотрев все кандидатуры, присудило "Золотое яблоко" г.Суздаль и его туристскому центру. Церемония вручения почетного приза состоялась 20 июня 1983 года на торговой площади города, напротив Гостиного двора, при небывалом скоплении официальных лиц и народа. Город был украшен флагами и эмблемами ФИЖЕТ. Сияло солнце, у всех было приподнятое настроение, которому способствовали и разные фольклорные коллективы своими выступлениями. Церемонии почтительным вниманием архиепископ Владимирский и Суздальский Серафимон. Все городское и областное начальство тоже присутствовало.

Среди зарубежных гостей была очень большая делегация, представляющая ФИЖЕТ. Кро-

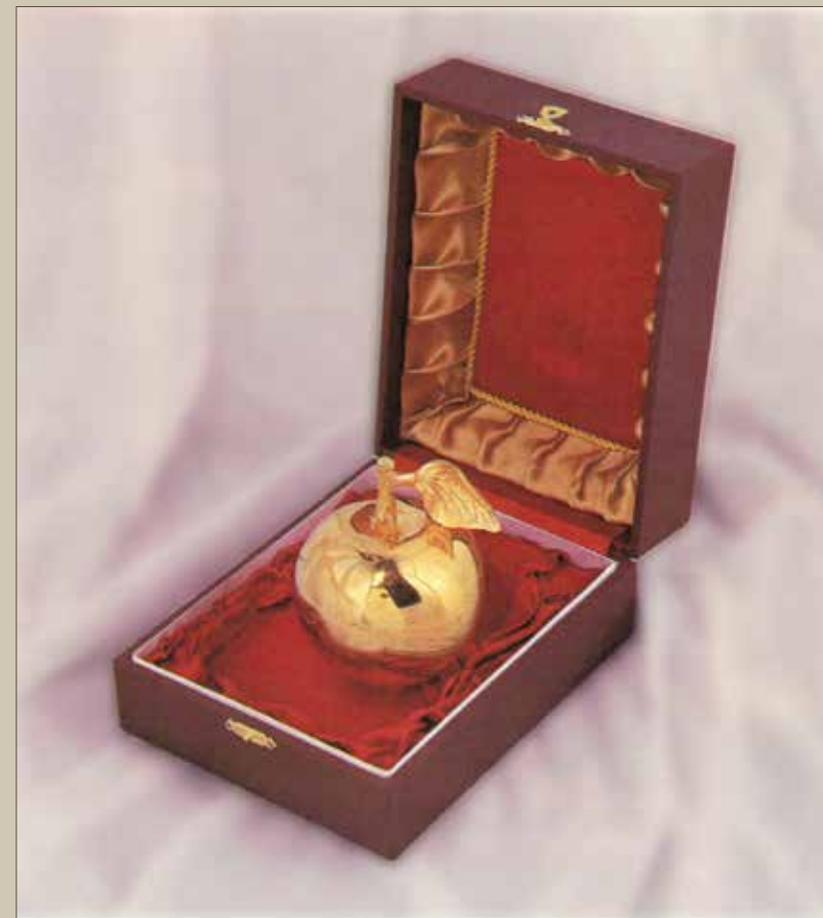
ме комиссара Ж.Оора в её состав входили президент Рема Лору, генеральный секретарь и главный редактор журнала "Une Tour du Monde" Золтан Миклоди, вице-президенты ФИЖЕТ Д.Васалло и Э.Александр, члены международного жюри А.Лаури, И.Тесар и В.Джакож, казначей ФИЖЕТ И.Даро. Приехали на торжество лидеры-руководители национальных ассоциаций журналистов по туризму из Венгрии, ГДР, Италии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Греции, Бельгии, Финляндии, Польши и большая группа советских журналистов. Было много фотокорреспондентов. Как говорится, яблоку негде было упасть. Кроме "Золотого". Оно попало в руки тогдашнего председателя Суздальского городского исполнительного комитета В.Фирсова вместе с громадных размеров дипломом. А потом было передано на хранение во Владимирско-Суздальский музей-заповедник.

- Пусть этот сверкающий и символический фрукт добавит популярности и славы Суздалью - этой жемчужине русского "Золотого кольца"! - сказал на церемонии Ж.Оор. Торжество сопровождалось обильными застольями и гостеприимством. Историческое событие было освещено во всех средствах массовой информации. С тех пор жизнь круто изменилась. Мы решили вспомнить о событиях двадцатилетней давности. Тогда Суздаль был овеян "золотой лихорадкой" - сюда стремились тысячи туристов и туризм приносил много денег, в том числе валюты, в государственную казну. Повторится ли это когда-нибудь?

Георгий БАЛАКИРЕВ.

Наконец вручение «Золотого яблока» Суздаль и туристскому центру. Слева направо: председатель горисполкома В. Фирсов, генеральный директор туристского центра В. Мичаков, главный редактор журнала «Путешествия в СССР» В. Чернов, секретарь суздальского РК КПСР И. Павлович и международный комиссар ФИЖЕТ Жорж Оор. 20 июня 1983 г. Фото Ю.Белова

«Золотое яблоко» – почётный приз Международной федерации журналистов, пишущих о туризме (ФИЖЕТ). Он присуждается городам, туристским центрам за выдающийся вклад в развитие международного туризма в духе сотрудничества и дружбы между народами, за сохранение памятников культуры, их использование в интересах туризма.

В 1982 году «Золотого яблока» удостоился Суздаль.

Достойное продолжение

Казалось бы, просто: ГТК был построен, и он должен был успешно жить в соответствии с полученными от родителей задатками. Но часто – и мы это хорошо знаем – бывает по-другому: грандиозные объекты, за которые их авторы и исполнители заплатили очень дорогую цену, вложив в дело все свои силы и талант, после торжественного пуска, речей и фанфар уходят в тень, а то и вообще оказываются забытыми.

К счастью, в Суздале этого не произошло. О том, как ГТК вышел в люди, чем стал, до какой высоты поднялся, вы узнаете из дальнейшего текста, предоставленному издательству отделом по развитию туризма ООО «Турцентр».

*Виктор РАДЗИЕВСКИЙ,
ген. директор издательства «ЛЮДОВИК»*

ГТК ПОЛУЧАЕТ НАГРАДЫ

Само появление нашего туркомплекса на свет сопровождалось наградой. Да какой! За удачное архитектурное решение Главного туристского комплекса в Суздале и бережное отношение к историческому облику города постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР команде архитекторов, художников и строителей во главе с Марком Артуровичем Орловым была присуждена Государственная премия СССР за 1978 год в области литературы, искусства и архитектуры.

Прошло пять лет. 20 июня 1983 года «за сохранение и реставрацию памятников культуры, использование их в интере-

сах туризма и за создание туристского центра» наш город стал обладателем почётного приза «Золотое яблоко» Международной федерации журналистов, пишущих о туризме (ФИЖЕТ). Лауреатами «Золотого яблока» к этому времени успели стать пятнадцать городов мира, среди них – югославский Сараево, английский Йорк, венгерский Эстергом, французский Пезенас, западногерманский Ротенбург, итальянская область Сицилия, болгарский треугольник Боровец – Рила – Мельник. Суздаль стал первым городом СССР, отмеченным такой высокой наградой.

Неслучайно президент ФИЖЕТ Реми Леру, прибывший для вручения награды, высказался так: «Большой отель в излучине реки Каменки построен таким образом, что... никак не нарушает гармонии города с окружающей средой». А международный комиссар по вручению этой награды Жорж Оор оставил памятную запись в Книге почётных посетителей:

«К своему сожалению, я раньше не знал о Суздале почти ничего. Теперь я знаю, что среди звёзд мирового туризма ваш город должен занять одно из самых видных мест. Поистине, это жемчужина... с уникальными памятниками русской культуры и замечательными сооружениями туристической индустрии XX века. Тщательно сохраняемые памятники старины, их гармония с окружающей средой составляют уникальную картину, имя которой – Суздаль.

Жители города встречают гостей радушно, тепло... А как заботятся они о туристах! Взять хотя бы эти замечательные доски для автографов. К чему портить памятники старины, если совсем рядом есть удобная доска, на которой приятно расписаться. Лично я это делаю с удовольствием. Я оставляю свой автограф...»

В 1994–1995 годах испанский клуб «Лидеры торговли» и журнал «Мировой рынок» наградили Туристический комплекс двумя «Золотыми быками» – призами «За коммерческий престиж» и «За развитие туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса».

Крупный лондонский справочник-путеводитель мирового туризма, вышедший в издательстве «Columbus-Press», посвятил суздальскому ГТК два разворота, что очень престижно.

В 1997 году Туристический центр был удостоен ежегодной всероссийской премии «Хрустальный глобус» – за достижения в области туризма. Он был награждён дипломом лауреата премии «Малые города России, успешно развивающие туристическую инфраструктуру».

В 2015 году ГТК «Суздаль» вошёл в число призёров Национальной премии «Russian Event Awards-2015», заняв первое место в номинации «Лучшая площадка для развития событийного туризма». Третье место в номинации «Лучшее событие в области популяризации событийного туризма» присуждено «Русальной неделе в Суздале», которая проводится на территории нашего ГТК.

ГТК ПРИТЯГИВАЕТ ГОСТЕЙ

Приезжая в Суздаль, многие звёзды, то есть личности известные и уважаемые, останавливались именно в Главном туристическом комплексе. Гостями ГТК были в своё время Святослав Николаевич Рерих, Сергей Герасимов и Тамара Макарова, Глеб Панфилов и Инна Чурикова, Иннокентий Смоктуновский, Раиса Максимовна Горбачёва, Владимир Басов, Юрий Богатырёв, Александр Абдулов, Лев Дуров, Сергей Гармаш, Вера Глаголева, Владислав Третьяк, сэр Питер Устинов, Александр Малинин и многие другие.

Весной 1982 года в Туристическом комплексе проходил выездной пленум Союза композиторов РСФСР, на который собрался весь цвет советской музыки: Леонид Афанасьев, Андрей Петров, Микаэл Таривердиев, Родион Щедрин, Ян Френкель, Оскар Фельцман и другие.

В этом же году здесь на корпоративной конференции выступали Иосиф Кобзон, Владимир Винокур и Лев Лещенко.

На съёмки кинокомедии «Серебряное ревю» Владимира Гориккера приезжал актёр Михаил Пуговкин.

9 мая 1983 года отмечал в ГТК свой день рождения Булат Окуджава с семьёй.

Осенью 1984 года, когда в Суздале была выбрана натура для съёмок американского фильма «Пётр Великий», гостем ГТК стал актёр Омар Шариф, пять месяцев жила в нашей гостинице съёмочная группа, в которую входили: Наталья Андрейченко, Максимилиан Шелл, Ванесса Редгрейв, Всеволод Ларионов, Борис Плотников, Роман Филиппов. Гостиница им понравилась – уникальная запись об их пребывании сохранилась в книге отзывов.

Председатель правительства В. С. Черномырдин посетил Главный туристический комплекс в июле 1997 года, а в августе останавливался с женой и детьми генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, прибывший в Суздаль с частным визитом.

В 1998 во время съёмок фильма «Классик» у нас жили актёры Александр Панкратов-Чёрный и Владимир Этуш.

В августе 1999 года Ирина Константиновна Архипова, народная артистка СССР, лучшее меццо-сопрано Большого театра, вела в киноконцертном зале ГТК показательные мастер-классы, на которые съехались молодые таланты страны.

Юрий Энтин, Евгений Крылатов, Михаил Боярский, Юрий Гальцев, Аркадий Шер стали участниками фестиваля «Русская сказка», проходившем в Суздале в 2003 году. А детский писатель Андрей Усачёв, композиторы Александр Пенегин и Теодор Ефимов, один из создателей мультсериала «Ну, погоди!» Александр Курляндский, художник-постановщик мультфильма «Винни-Пух» Эдуард Назаров и актёр «Блеф-клуба» Сергей Прохоров – в 2004. Принимал фестиваль Главный туристический комплекс.

Принц Майкл Кентский побывал у нас дважды. Первый раз, когда в октябре 2003 года в Суздаль его привёл пробег раритетных автомобилей, организатором которого он был. А через год

он приехал уже вместе с супругой – специально, чтобы познакомиться с достопримечательностями нашего города.

Итальянский сценарист, поэт и художник Тонино Гуэрра наведёлся в Суздаль 18 мая 2003 года, когда в Спасо-Евфимиевом монастыре открылась необычная выставка «Сплетение судеб», посвящённая ему и Андрею Тарковскому. Остановившись Тонино Гуэрра в ГТК.

Ежегодно на Открытом российском фестивале анимационного кино мы встречали Юрия Норштейна, Ивана Максимова, Эдуарда Назарова и Александра Петрова. В 2004 году гостем ОРФАК стал актёр Сергей Безруков, а в 2008 – Вениамин Смехов

Посещали Туристический комплекс и известные политики, государственные деятели. 1 марта 2002 года – председатель правительства РФ Михаил Касьянов со своим финским коллегой Пааво Липпоненом, 7 мая 2013 года – председатель Счётной палаты РФ Сергей Степашин, который выступил на международном семинаре Европейской организации региональных органов внешнего финансового контроля (ЕВРОРАИ), проводившемся здесь. На фестивале анимационного кино в 2014 присутствовал министр культуры РФ В. Р. Мединский.

1 января 2016 года в киноконцертном зале ГТК дал концерт всемирно известный дирижер и пианист, сын Александра Исаевича Солженицына – Игнат Солженицын.

ГТК СТАНОВИТСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПЛОЩАДКОЙ

Ещё в самом начале своей истории Главный туристический комплекс стал центром организации всевозможных встреч и конференций, любимым местом для проведения праздников и фестивалей. С 1974 года (24 декабря – 7 января) ГТК принимает фестиваль «Русская зима», на который съезжается множество иностранцев. В последние десять лет этот фестиваль проводится на территории комплекса совместно с владимирским филиалом «Интуриста».

Универсальность нашего комплекса даёт возможность нашим гостям совместить комфортный отдых с деловым общением. ГТК предоставляет им несколько конференц-залов, киноконцертный зал, необходимое оборудование и команду прекрасных организаторов.

Формат ГТК позволяет проводить здесь такие несхожие мероприятия, как чемпионат мира по рукоборью, Всероссийский съезд муниципальных образований России, Всероссийский совет ЖКХ, Съезд общества книголюбов, Съезд психиатров, конференцию «Антиспид», международный фестиваль-конкурс музыкально-художественного творчества «Золотая легенда», российский конкурс-фестиваль детского и юношеского творчества «Улыбки России», конкурсные программы «ЛАУКАРАЗ», Международный конгресс ЮНЕСКО «ICOM»...

Суздаль неслучайно называют «русским Голливудом». Колоритность древнерусского города позволяет создавать здесь исторические фильмы почти без декораций. У нас снято около восьмидесяти фильмов и среди них: «Женитьба Бальзаминова», «Метель», «Царская невеста», «Андрей Рублёв», «Чародеи», «Царь», «Братья Карамазовы», «Финист-ясный сокол», «Мой ласковый и нежный зверь», «Душечка», «Юность Петра», «Пётр Великий», «Князь Серебряный», «Классик», «Сказ про Федота-стрельца», сериалы – «Раскол», «Братья Карамазовы», «Романовы», «Отец Матвей»...

Когда в Суздале ведутся съёмки, ГТК традиционно становится «базой» кинематографистов – они тут и отдыхают, и работают, и устраивают в киноконцертном зале премьеры. Эпизоды фильмов «Чародеи» и «Классик» снимались на территории самого комплекса.

Удобная площадка ГТК привлекает организаторов самых разных фестивалей. Уже четверть века фонд «Новые имена» под патронажем народного артиста России Дениса Мацуева, поддерживающий молодых музыкантов, художников и поэтов, проводит здесь Международную летнюю творческую школу для одарённых детей. Июнь–август у нас – это сезон творческих

встреч, мастер-классов, выступлений, знакомства педагогов с юными талантами России. В 2017 году ГТК принимает двадцать пятую смену Летней школы.

В 2002 году из города Тарусы в Суздаль переехал Открытый российский фестиваль анимационного кино (ОРФАК), проходящий при поддержке Министерства культуры России. По замыслу создателей, этот фестиваль является единственным профессиональным смотром российской и белорусской анимации, созданной за год. Он пользуется необыкновенной популярностью у местных жителей. В марте 2017 года ОРФАК проводился у нас уже в двадцать второй раз.

С 2001 года в центральном холле ГТК мы принимали «Русскую Сказку». Это тоже фестиваль, фестиваль-карнавал, на который съезжались туристы с детьми и знаменитые гости. В последние зимние дни зрители наслаждались известными отечественными фильмами-сказками, спектаклями, театральными постановками. На торжественном открытии «Русской сказки» проходили благотворительные акции, встречи с артистами, писателями, звёздами эстрады и телевидения. К сожалению, об этом замечательном событии приходится писать в прошедшем времени – уже несколько лет фестиваль не проводится.

Более молодой, но не менее интересный – лоскутный – фестиваль «Душа России» проводится в Суздале с 2012 года, и ГТК – основная его площадка. В нынешнем августе Суздаль опять превратится в столицу лоскутного шитья. По всему городу пройдут выставки уникального женского рукоделия, мастер-классы, лекции, концерты и показы.

Блюз байк фестиваль «Total Flame», объединяющий поклонников мотоциклов, странствий и хорошей музыки, Суздаль встречает с 2008 года. Ежегодно в музыкальной программе фестиваля участвуют лучшие блюзмены, для гостей и участников проводятся состязания и конкурсы, кастом-шоу, файер-шоу, ралли и мотоквесты. IX ежегодный международный блюз байк фестиваль прошёл и в начале нынешнего лета.

ГТК СЕГОДНЯ

Суздаль каким-то чудом сохранил до наших дней архитектурно-ландшафтный облик средневекового города. На площади в девять квадратных километров находятся... 289 объектов (!) культурного наследия, включая Кремль, Музей деревянного зодчества, пять монастырей, тридцать посадских храмов, двадцать одну колокольню и больше двухсот старых жилых домов.

Четыре объекта Суздаля включены в список охраны ЮНЕСКО, а пятый расположился неподалёку – в селе Кидекша. Возможно, в будущем в этот список войдёт весь город целиком. С 2010 года по федеральному указу Суздаль находится в официальном перечне исторических поселений страны, в России их 41.

Что представляет из себя Главный туристический комплекс сейчас? Большой современный турцентр, крупнейший объект туристической индустрии в Центральном федеральном округе (со штатом около 500 человек и ежегодными налоговыми выплатами более 45 миллионов рублей).

Номерной фонд нашей гостиницы – 199 номеров и 97 таунхаусов, где одновременно могут разместиться 750 человек. В здании ГТК есть большой оздоровительный комплекс с бассейном, финской сауной, фито-сауной «Кедровая бочка» и тренажёрным залом. Туристам есть, чем заняться, к их услугам – боулинг, прокат велосипедов, лыж, санок, коньков, мангальная зона. Зимой заливается небольшой каток, сооружается горка и прокладывается лыжня.

Ресторанный комплекс предлагает нашим гостям семь различных зон – от уютного лобби до живописного Самоварного и элегантного Каминного залов в ресторане «Суздаль».

Киноконцертный зал ГТК, вмещающий полтысячи человек, пользуется спросом для проведения масштабных федеральных фестивалей и деловых мероприятий. Кроме него, на территории Главного туристического комплекса есть ещё восемь конференц-залов: Кремлёвский, Смоленский, Спас-

ский, Каминный, Покровский, Воскресенский, Знаменский и Тренинг-зал.

Центральный холл ГТК «Суздаль» площадью 1500 кв. метров прекрасно подходит для проведения больших фестивалей и выставок.

В юбилейном 2017 году Главный туристический комплекс готовит много торжественных, культурно-просветительских и научно-образовательных мероприятий. Назовём только главные – II Межрегиональный форум «Золотое Кольцо: стандарты обслуживания туристов», Финал национального рейтинга развития событийного туризма России, Премия «Маршруты России», Национальная премия в области событийного туризма «Russian Event Awards», Всероссийский конкурс-хакатон по трэвел-журналистике, Стратегическая сессия «Событийный календарь России-2018».

ГТК традиционного распахнёт двери для участников Открытого Российского фестиваля анимационного кино, фестиваля «Новые имена», доскутного фестиваля «Душа России», блюз байк фестиваля «Total Flame».

Но есть и кое-что новое. В июле состоится первый международный фестиваль автопутешественников и караванеров «Golden Ring Rally-2017», посвящённый 50-летию «Золотого кольца России». Для его участников и гостей готовится уникальная кемпинговая фестивальная площадка, способная с комфортом принять 250 семей – любителей путешествий. В 2017 году ГТК впервые примет Фестиваль чая и Свадебный фестиваль.

Осенью ГТК «Суздаль» встречает XI ежегодную ассамблею фонда «Русский Мир», на которую съезжаются представители семидесяти стран мира, а также Всероссийский фестиваль-конкурс «Туристический сувенир».

Администрация города, Владимиро-Суздальский музей-заповедник и краеведы откроют в холле ГТК масштабную юбилейную фотовыставку, посвящённую истории строительства и развития Главного туристического комплекса в Суздале.

Мы прилагаем все силы, чтобы реализовать новый амбициозный проект – «Международный центр развивающего досуга». Он включает в себя открытие аквапарка и спортивного комплекса, обновление номерного фонда и ресторанов, а также – открытие нынешним летом новой фестивальной площадки. Недалеко от основных зданий ГТК на территории в четыре с половиной гектара появится огромный белоснежный шатёр со сценой и открытый амфитеатр, который вместит полторы тысячи гостей. Летом здесь будут проведены первые мероприятия, посвящённые 40-летию ГТК «Суздаль» и 50-летию маршрута «Золотое кольцо России».

Ещё один смелый проект Турцентра – установка на территории комплекса памятника, посвящённого великому режиссёру Андрею Тарковскому. Съёмки его фильма «Андрей Рублёв» стали большим событием в культурной жизни Суздаля. На высоком берегу Каменки, откуда открывается величественная панорама монастырей, снималась самая драматичная, самая яркая часть картины – заключительная новелла «Колокол». Открыть памятник доверено инициатору его создания – Николаю Петровичу Бурляеву, известному актёру и режиссёру.

Создатели ГТК могли бы гордиться тем, как современный турцентр продолжает умножать их славу.

СОДЕРЖАНИЕ

Виталий Лепский

КОГДА НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО – 5

МОЯ ДОРОГА В СУЗДАЛЬ – 10

Неожиданное препятствие 11 • Стройка – любовь моя! 14 • Суздальский разворот – взгляд сверху 17 • Прощальный ужин 22 • Уроки прошлого 25 • «Сынок, придумай что-нибудь!» 28 • Необычный поезд 32 • Новоселье без грузинского тоста 35 • Грустный урок 36

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ – 42

Вместо отпуска – новая работа 43 • Мои коллеги 44 • Слёзы финансистов 47 • «С добрым утром, город величавый!» 50 • Первопроходцы 52 • Своя рубашка ближе к телу 54 • На площадке 58 • Меня ждали, на меня надеялись... 60 • В архитектурных мастерских у Марка Орлова 62 • Кто шьёт «костюм»? 72

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ СУЗДАЛЯ – 82

Впервые в СССР 83 • Обеспечить... увеличить... организовать... 87 • «Суздаль – город заповедный» 90 • «Реставрация или ресторация?» 94 • «Издержки полемики и издержки практики» 101 • Не памятники и «нарпит», а познание и отдых! 105

НОВОЕ ДЕЛО – НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ – 110

По дороге в Москву 111 • В гостях у Орлова 112 • К вопросу о советском туризме 115 • Почему – Суздаль? 117 • Ох уж этот дефицит... 122 • Спасибо Юрию Долгорукому! 125 • Куча дел и море единомышленников 131 • «Никаких отпусков!» 133 • Новые приоритеты 137 • Тайное оружие социализма 142

САМЫЙ ДОРОГОЙ В ЖИЗНИ ОГОНЬ – 146

В ожидании тепла 147 • В Госплане РСФСР 153 • Поездка на Алтай 155 • Вопреки обстоятельствам 157 • Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! 161 • На волоске от трагедии 164

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ – 168

«Дубовый» вопрос 169 • Судьбоносная встреча 175 • В Бобруйск! 178 • Моя козырная карта 179 • Во Владимирском облисполкоме 184 • Александр Александрович Санчуковский 185 • Взять быка за рога! 194 • В цехах «ФанДОКа» 198 • По рукам! 202 • Давать больше, чем брать! 206 • СЭВ нам в помощь! 209 • Я перестал быть просителем 214 • Не имей сто рублей... 217 • Мал золотник, да дорог 221

ПИСЬМА ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА – 226

АЛЮМИНИЕВАЯ ЭПОПЕЯ – 242

Пойди туда, не знаю куда... 243 • Спасительная авантюра 248 • На ловца и зверь бежит 252 • Магия бронзы 256 • «... а с бумажкой – человек!» 261 • Тайная операция 264

TERRA INCOGNITA – 268

Суздальские мотели 269 • Дело к пуску 275 • Первая очередь, первые туристы 276 • Начальство нагрянуло 279 • По службе и по душе 281 • Машьянов из Госплана 283 • Между тем на личном фронте... 285 • Замкнутый круг 289 • В кинограде на берегах Каменки 291 • Посмотрел – не понравилось 296 • Венгрия: неизгладимые воспоминания 299 • Суздаль – юбиляр! 308 • Кто спас Спасский монастырь 312 • Мои московские гости 316

КУЛЬМИНАЦИЯ – 320

Это магическое слово... 321 • «Построечный» архитектор Ранинский 323 • «Летающая тарелка» из Суздаля 326 • Утром заказ – вечером стулья 331 • Хрущёвская «оттепель» в архитектуре 332 • Кадры действительно решали всё 334 • Суздаль входит в моду 337 • Особый год, особая дата 340 • В гостях у Лепского 343 • «Музыкальный» долгострой 344 • Народная и... пробивная 346 • Высокий гость и несбывшиеся надежды 347 • В порядке исключения 348 • Ваш выход, художники! 351 • Что общего между бассейном, метро и Эгейским морем 356 • Буржуазные удовольствия 360 • Предмет восхищения 363 • Повод для вдохновения 364 • Инициатива наказуема 367

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ-2 – 370

Трудная зима 371 • Решительность и порядочность 374 • Два километра бесшумных цепей 374 • «Поможем сестре-России» 376 • Как в Кольчугине плавил кольчугу 379 • Хрустальная мечта 382 • Правило Санчуковского 383 • Кирилл Прокофьевич Орловский 384 • Деликатная просьба 387 • Творческий тандем 388 • Новая «Волга» 389 • В погоне за красотой 391 • А в это время на стройке... 393 • Невыгодный заказ 394 • Отказ или отсрочка? 397 • «Историческое» решение! 400 • Твёрдое обещание 401 • Не дуб, а лиственница! 404 • Удачная сделка 405 • Десять тысяч километров за трое суток 407 • Две премии 412 • Штраф за чужие просчёты 413 • В уникальном училище Бобруйска 415 • «Можем, когда захотим!» 418 • Произведение искусства 422 • Случайная находка 423 • «Даже к дверной ручке нужно относиться с трепетом!» 426 • Самая длинная моя командировка 427 • Парадный вестибюль: пазлы сложились! 433 • Просьба министра 437 • За чем и за чем я ездил в Белоруссию? 439

АРХИТЕКТУРНОЕ ОЗАРЕНИЕ – 444

Ясень не хуже ганского дерева 445 • «В маленьком Суздале – и вдруг синхронный перевод!» 450 • Несколько штрихов 453 • Город вышел на стройку 458 • Что такое рубить «под струнку»? 459 • Как Герасимов решил снимать «Юность Петра» 465 • «Занимательные» объекты 467 • Невоплощённая идея 469 • Дорогой Сурен Ефремович 471 • Готов открыть тайну 473 • От Закарпатья до Восточной Сибири 475 • Двенадцать кресел 476 • Все нити сходились к заказчику 478 • Первый фильм о ГТК 479 • Нескончаемый конвейер 480 • Обретение образа 482 • Цвет и линия 490 • Справедливость существует! 500 • P. S. 509

ГТК – АРХИВ – 510

Вместо послесловия

ДОСТОЙНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ – 542

Суздаль. ГТК.
Новая стройка.
Фото В. Радзиевского.
2017

Современные мемуары

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО
НА СРЕДСТВА ООО «ТУРЦЕНТР»

ВАЛЕРИЙ БРУНЦЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

КАК СОЗДАВАЛСЯ ГЛАВНЫЙ
ТУРИСТСКИЙ КОМПЛЕКС
В СУЗДАЛЕ

Санкт-Петербургское издательство
«ЛЮДОВИК»

Текст и фотографии – Валерий Брунцев

Редактор – Людмила Радзиевская

Дизайн, препресс – Виктор Радзиевский

Вёрстка – Сергей Мороз, Виктор Радзиевский

Материалы фотохроники – из архива

В. А. Брунцева

Отпечатано в типографии «Любавич»

Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9

Формат 70 x 90 1/16

Бумага мелованная матовая Люмисилк

Печать офсетная

Тираж 1000 экз.

Заказ №

ООО «ЛЮДОВИК», (812) 314 36 83

e-mail: molot62@yandex.ru

Санкт-Петербург / 2017

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРУНЦЕВ

Авторы созданного в Суздале в 1977 году Главного туристского комплекса были удостоены Государственной премии СССР. В их числе эту награду получил и автор предлагаемой читателю книги – Валерий Александрович Брунцев, представлявший на этом уникальном объекте интересы заказчика. В своих воспоминаниях он рассказывает о многих драматических ситуациях, возникших на стройке оттого, что в СССР

большим дефицитом были и материалы, и оборудование, и атрибуты интерьера, использование которых позволяло бы достигать высоких результатов. А именно такая амбициозная задача ставилась руководителями проекта: создать в Суздале современный туристический центр, не уступающий лучшим мировым образцам, что и было впоследствии осуществлено. Это потребовало нестандартного мышления и высочайшего профессионализма от участников строительства. Многие «нерешаемые» проблемы были решены благодаря помощи самых разных людей, подчас совершенно посторонних. Мы привыкли говорить о бюрократичности и неэффективности советской системы, а из описываемых событий становится ясно, что напротив во многом благодаря оперативным и неравнодушным действиям партийных, советских, хозяйственных работников, сотрудников различных ведомств и руководителей производств удалось воплотить во всей полноте этот интереснейший замысел. Заслуга автора в умении довольно органично соединить рассказ о людях, участвующих в этом деле, с рассказом о самом процессе организации большого и ответственного строительства, ставшего сегодня исторической вехой. В Суздале в 2017 году отмечается 40-летний юбилей Туристического Центра, важной частью которого стал ГТК.

Издательство «ЛЮДОВИК»
Санкт-Петербург, 2017